УЧЕБНОЕ РУКОВОДСТВО

ПО

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Составилъ

Профессоръ П. Знаменскій

Одобрено Святѣйшимъ Сѵнодомъ, по опредѣленію 19—20 мая 1895 г., къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ **учебника**

Изданіе второе, исправленное

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

сѵнодальная типографія

1904

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 3 Сентября 1904 года.

Цензоръ, Іеромонахъ *Александръ*.

Введеніе въ исторію Русской церкви: христіанство въ Россіи до образованія Русской церкви при святомъ Владимірѣ.

Христіанство въ предѣлахъ Россіи до начала Русскаго государства. Древнее преданіе, занесенное въ русскую лѣтопись, говоритъ, что начало христіанства въ Россіи положено еще во времена апостольскія святымъ апостоломъ *Андреемъ Первозваннымъ*: проходя съ проповѣдію Евангелія Ѳракію, Скиѳію и Сарматію, онъ доходилъ будто бы до Днѣпровскихъ горъ, гдѣ послѣ возникъ Кіевъ, благословилъ ихъ и предрекъ, что на нихъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти и церкви многи имать Богъ воздвигнути. Но послѣ этого еще долго мы не видимъ никакихъ признаковъ христіанства по всему пространству будущей Русской земли, за исключеніемъ только самыхъ южныхъ ея предѣловъ, гдѣ находились старинныя колоніи Грековъ и гдѣ находимъ очень древніе его слѣды, можетъ быть, дѣйствительно относящіеся ко временамъ святаго апостола Андрея. Въ III-мъ вѣкѣ на устьяхъ Дуная была епархія Скиѳская или Томитанская. Въ Крыму христіане были еще во дни святаго *Климента Римскаго*, который былъ сосланъ сюда изъ Рима въ 94 году; въ IV вѣкѣ упоминаются здѣсь епархіи Херсонская и Босфорская; въ VII и VIII вв. Сурожская и Фульская. Въ IV вѣкѣ была епархія у Готѳовъ, жившихъ между Дономъ и Днѣстромъ. Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей сѣмена христіанства, конечно, удобно могли заноситься и въ Россію, но едва ли могли здѣсь прививаться, потому что

падали, такъ сказать, при пути, на большой дорогѣ, по которой непрестанно двигались въ Европу разныя азіатскія орды.

Болѣе благопріятныя условія для успѣховъ здѣсь евангельской проповѣди настали съ неопредѣленнаго времени поселенія въ предѣлахъ Россіи осѣдлаго народонаселенія племенъ славянскихъ. Славяне были издавна близко знакомы съ Греціей, куда они ѣздили для грабежа, для торговли и для службы въ войскахъ императорскихъ. Есть кое-какія извѣстія и о результатахъ этого знакомства ихъ съ христіанской имперіей, о случаяхъ принятія ими христіанства. Таково извѣстіе житія святаго *Стефана Сурожскаго* († 787 году) о нѣкоемъ славянскомъ князѣ *Бравалинѣ*, который вскорѣ послѣ смерти святаго напалъ съ дружиной на Сурожъ, разграбилъ его, хотѣлъ ограбить и мощи Стефана, но былъ пораженъ чудесною силой и крестился. Въ житіи святаго *Георгія Амастридскаго* передается подобный же разсказъ о Россахъ, напавшихъ на Амастриду (въ Пафлагоніи) и хотѣвшихъ раскопать гробъ святаго *Георгія;* пораженный чудомъ надъ воинами, вождь ихъ просилъ молитвъ христіанъ, освободилъ плѣнныхъ и заключилъ съ жителями союзъ.—Въ половинѣ IX вѣка Болгарія, Моравія и Паннонія услышали евангельскую проповѣдь первоучителей славянскихъ *Кирилла* и *Меѳодія*, которые изобрѣли славянскія письмена и переложили на славянскую рѣчь священное писаніе и богослужебныя книги. Около того же времени призваніемъ князя *Рюрика* въ Новгородѣ было положено начало Русскаго государства, которому Провидѣніемъ суждено было воспользоваться трудами Кирилла и Меѳодія болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ странъ; княжеская власть стала соединять разрозненныя славяно-русскія племена въ одинъ народъ и такимъ образомъ пролагать путь къ будущему всенародному крещенію Руси.

Кіевскіе князья *Аскольдъ* и *Диръ* первые подпали подъ вліяніе православной Греціи и подготовили ему путь въ Россію. Въ 864 году они сдѣлали набѣгъ на Царьградъ. Послѣ усердной молитвы императоръ *Михаилъ III* и патріархъ *Фотій* съ крестнымъ ходомъ изнесли на берегъ Босфора чудотворную ризу Богоматери и погрузили ее въ воду. Поднялась буря и стала топить суда Руссовъ; только немногіе изъ варваровъ вороти-

лись домой. Пораженные чудомъ, князья просили крещенія. Посланный къ нимъ епископъ произвелъ на Кіевлянъ сильное впечатлѣніе какъ своею проповѣдью, такъ особенно чудомъ, бросивъ въ костеръ Евангеліе и потомъ вынувъ его изъ огня невредимымъ. Многіе Руссы тогда же крестились. Вѣроятно крестились и князья; по крайней мѣрѣ извѣстно, что кіевскіе христіане на могилѣ Аскольда имѣли послѣ церковь святаго Николая.

По убіеніи Аскольда и Дира княземъ въ Кіевѣ сталъ *Олегъ*, переѣхавшій сюда изъ Новгорода. Онъ тоже совершилъ походъ подъ Царьградъ, сильно стѣснилъ этотъ городъ и успѣлъ заключить съ Греками выгодный миръ (въ 911 году). Когда его послы были въ Греціи для заключенія мира, Греки, по приказанію императора, водили ихъ по церквамъ, показывали разныя святыни и давали наставленія въ вѣрѣ. Послѣ заключенія договора Русскіе еще чаще стали ходить въ Византію для торговли, жили тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ при монастырѣ святаго Маммы и ближе знакомились съ православіемъ; другіе поступали на службу къ императору. Въ 944 году преемникъ Олега *Игорь* тоже заключилъ договоръ съ Греками; въ этомъ договорѣ Русь раздѣляется уже на крещеную и некрещеную; первая клялась въ соблюденіи договора при кіевской церкви святаго Иліи.

Крещеніе великой княгини Ольги. Вдова Игоря *Ольга*, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, какъ ее называетъ лѣтопись, сама пожелала креститься. Въ 957 году, уже 67 лѣтъ отъ роду, она поѣхала въ Царьградъ, будучи по всей вѣроятности ещо раньше оглашена евангельскимъ ученіемъ отъ православныхъ пастырей Кіева; одного изъ нихъ именемъ *Григорія* мы видимъ даже въ числѣ ея спутниковъ. Крещеніе ея совершено было патріархомъ *Поліевктомъ;* воспріемникомъ былъ императоръ *Константинъ Багрянородный.* Съ княгиней въ Царьградѣ были ея племянникъ, многія знатныя женщины, служанки, послы, гости, переводчики; многіе изъ нихъ тоже крестились. По возвращеніи въ Россію Ольга,—въ крещеніи *Елена*,—до самой кончины своей сіяла благочестивою жизнію, «аки луна въ нощи», среди язычниковъ. Она уговаривала къ принятію христіанства и сына своего *Святослава,* но онъ не хотѣлъ и слышать о крещеніи. Новая вѣра была вовсе не по характеру

этого дико-воинственнаго князя и его дружины; надъ тѣми, кто принималъ крещеніе, дружина и князь смѣялись. Но за то, по всей вѣроятности, Ольга имѣла не малое вліяніе на дѣтей Святослава, при которыхъ оставалась воспитательницею во время постояннаго отсутствія его изъ Кіева. Есть извѣстія, что святая княгиня ѣздила изъ Кіева по городамъ и весямъ земли Русской для проповѣди христіанства. Она скончалась въ 969 году. Сравнивая ея значеніе съ значеніемъ святаго Владиміра, лѣтописецъ называетъ ее «зарей утренней, предваряющею солнце».

Послѣ кончины Ольги Святославъ воздвигъ на христіанъ гоненіе.—знакъ того, что новая вѣра обратила на себя серьезное вниманіе языческой партіи. При его дѣтяхъ *Ярополкѣ* и *Олегѣ*, помнившихъ наставленія своей бабки, участь христіанъ опять облегчилась; надобно замѣтить при этомъ, что у Ярополка и жена была христіанка, какая-то плѣнная Гречанка монахиня. Въ 1044 году великій князь *Ярославъ* крестилъ кости Ярополка и Олега; этотъ странный фактъ объясняютъ именно тѣмъ, что Ярославъ слышалъ о расположеніи своихъ дядей къ христіанству. Оба князя погибли въ усобицѣ. Ихъ младшій братъ *Владиміръ*, сѣвшій послѣ нихъ въ Кіевѣ, былъ еще ребенкомъ, когда умерла Ольга, и меньше другихъ братьевъ подпалъ подъ ея вліяніе; потомъ онъ, тоже еще въ дѣтствѣ, увезенъ былъ въ Новгородъ, гдѣ христіанство было менѣе извѣстно, чѣмъ въ Кіевѣ, и выросъ тамъ подъ вліяніями старой вѣры. Отъ этого занятіе имъ кіевскаго стола было вмѣстѣ торжествомъ языческой стороны въ Кіевѣ надъ христіанскою.

Обстоятельства крещенія святаго Владиміра. Новый князь съ дядей *Добрыней* на первыхъ порахъ показали большую ревность къ язычеству, стали ставить и украшать въ Кіевѣ кумиры. На холмѣ предъ своимъ дворомъ князь поставилъ Перуна деревяннаго съ серебряной головой и золотыми усами, Хорса-Дажбога, Стрибога, Волоса, Симаргла, Мокошь. По словамъ лѣтописи, никогда еще въ Русской землѣ не было такого гнуснаго идолослуженія, какъ теперь. Въ 983 году, послѣ счастливаго похода на Ятвяговъ, рѣшено было принести богамъ даже человѣческую жертву. Жребій палъ на христіанскаго юношу *Іоанна*, сына варяга *Ѳеодора*. Отецъ не хотѣлъ выдать сына и

оскорбилъ язычниковъ обличеніемъ ихъ безумія. Яростная толпа убила обоихъ. Судя по немногимъ извѣстіямъ лѣтописи, великій князь обладалъ широкою натурою, способною ко всякимъ излишествамъ. Былины народныя помнятъ о его разгульныхъ пирахъ съ дружиною. Лѣтопись говоритъ о чрезмѣрномъ его женолюбіи, сравнивая его въ этомъ отношеніи съ Соломономъ. Но эта же самая широта натуры дѣлала его способнымъ, при содѣйствіи благодати Божіей, и къ коренному нравственному перевороту.

Славяно-русское язычество, не смотря на свое торжество, не въ состояніи было бороться ни съ одной изъ окружавшихъ его религій, ни съ мухаммеданствомъ Болгаръ, ни съ іудействомъ Хазаръ, ни съ католичествомъ запада, ни тѣмъ болѣе съ православіемъ Грековъ. А всѣ эти религіи дѣлали на него сильный напоръ, какъ это ясно видно изъ преданія о приходѣ къ Владиміру изъ разныхъ странъ пословъ съ предложеніемъ разныхъ вѣръ. Самая ревность князя къ языческой вѣрѣ должна была повести только къ большему обнаруженію ея несостоятельности и ускорить переворотъ въ убѣжденіяхъ князя и лучшихъ людей. Начался выборъ новой вѣры. Этотъ выборъ, подробно изображенный въ лѣтописномъ сказаніи о бесѣдѣ Владиміра съ миссіонерами разныхъ религій, склонился на сторону греческаго православія. Греческій миссіонеръ, по этому сказанію, сильно подѣйствовалъ на Владиміра своимъ ученіемъ объ искупленіи и будущей жизни и особенно иконою страшнаго суда, которую показалъ князю. По уходѣ его князь, по совѣту дружины и градскихъ старцевъ, послалъ десять разумнѣйшихъ мужей въ разныя страны для испытанія разныхъ вѣръ на мѣстѣ. Ничья вѣра такъ не понравилась этимъ посламъ, какъ греческая. Воротясь въ Кіевъ, они разсказывали, что въ греческомъ храмѣ константинопольской Софіи они не знали, гдѣ стояли, на небѣ или на землѣ. Въ Кіевѣ нашлось и другое доказательство въ пользу православія,—примѣръ великой княгини Ольги, которая «была мудрѣе всѣхъ человѣкъ». Рѣшено было креститься, ждали только удобнаго случая къ этому: «Пожду еще немного», говорилъ князь, въ сердцѣ котораго уже начиналось дѣйствіе призывающей благодати Божіей.

Въ 988 году войско Владиміра осадило Корсунь. Подобно другимъ языческимъ вождямъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, князь далъ обѣтъ креститься въ случаѣ побѣды. Взявъ городъ, онъ потребовалъ у тогдашнихъ императоровъ *Василія* и *Константина* руки ихъ сестры *Анны* и при этомъ обѣщалъ принять ихъ вѣру. Императоры согласились, уговорили согласиться и сестру. Въ ожиданіи невѣсты князь разболѣлся глазами. Прибывшая въ Корсунь царевна убѣдила его ускорить крещеніемъ, если онъ хочетъ избавиться отъ болѣзни. И дѣйствительно, какъ только корсунскій епископъ крестилъ его, такъ онъ прозрѣлъ и, дивясь своему исцѣленію, воскликнулъ: «теперь только узрѣлъ я Бога истиннаго». Дружина его тоже крестилась. Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ его съ Анною. Въ память всего этого онъ создалъ въ Корсунѣ церковь, возвратилъ городъ Грекамъ и возвратился въ Кіевъ, взявъ съ собою поповъ корсунскихъ и царицыныхъ, мощи святаго Климента Римскаго и ученика его Ѳива, церковные сосуды, кресты, иконы и всякую церковную утварь.

Крещеніе Русскихъ въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ князь крестилъ своихъ 12 сыновей и многихъ бояръ; потомъ велѣлъ истреблять идоловъ; Перуна привязали къ конскому хвосту и потащили въ Днѣпръ, по дорогѣ били его палками. По истребленіи идоловъ духовенство и князь ходили по городу съ проповѣдью. Многіе Кіевляне крестились съ радостію; другіе не хотѣли и слушать проповѣди; третьи колебались, какъ колебался прежде и самъ князь. Тогда Владиміръ выдалъ повелѣніе, чтобы на другой же день всѣ некрещеные явились къ рѣкѣ, а кто не явится, будетъ противникомъ князю. Это рѣшило недоумѣніе тѣхъ, которые колебались. «Если бы новая вѣра была не хороша, думали они, то князь и бояре не приняли бы ее», и пошли креститься; другіе явились на рѣку изъ страха. Упорные язычники бѣжали отъ княжескаго гнѣва въ степи и лѣса. На другой день послѣ княжескаго повелѣнія на Днѣпрѣ произошло общее крещеніе народа. Тогда, по слову благочестиваго лѣтописца, земля и небо ликовали, видя множество спасаемыхъ. «Боже великій, сотворивый небо и землю, взывалъ въ радостномъ восторгѣ Владиміръ, призри на новыхъ людей Своихъ, дай имъ, Господи, увѣдать

Тебя, какъ увѣдали страны христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру правую и несовратимую».

Образованіе Русской церкви. Послѣ крещенія князя, дружины и всего стольнаго города христіанство сдѣлалось на Руси вѣрою въ собственномъ смыслѣ господствующею. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало образованіе особой помѣстной Русской церкви, для существованія которой имѣлись на лицо уже всѣ нужныя условія. Она имѣла въ Кіевѣ значительную паству, которая вскорѣ начала еще увеличиваться чрезъ распространеніе истинной вѣры и внѣ Кіева, среди разныхъ славянскихъ и инородческихъ племенъ Руси; имѣла свою іерархію, состоявшую изъ митрополита *Михаила*, епископовъ и священниковъ, прибывшихъ изъ Константинополя и Корсуня, и вѣроятно нѣсколькихъ своихъ прежнихъ, туземныхъ; непосредственно послѣ крещенія народа великій князь сталъ повсюду строить для ея богослуженія святые храмы; постепенно стали опредѣляться и отношенія новой церкви къ ея матери—церкви Греческой, а равно мѣстныя внутреннія ея отношенія государственнаго и общественнаго характера; началась ея борьба съ старыми языческими суевѣріями, и спасительное руководительство къ преуспѣянію новыхъ людей Божіихъ на пути внутренняго христіанскаго совершенства; однимъ словомъ, началась историческая жизнь Православной Русской церкви.

Понятіе о наукѣ исторіи Русской церкви. Эта историческая жизнь православной Русской церкви и составляетъ предметъ Русской Церковной Исторіи. Какъ наука, систематически изображающая ходъ постепеннаго внѣшняго и внутренняго преуспѣянія православной Церкви Христовой въ землѣ Русской, она должна разсказать въ частности: 1) какъ распространялась Церковь Христова среди русскихъ людей и инородцевъ Русской земли, побѣждая при этомъ разныя препятствія или терпя ущербы со стороны враговъ православнаго христіанства, внутреннихъ и внѣшнихъ; 2) какъ она устраивалась по своему внутреннему іерархическому строю, какъ опредѣляла свои отношенія къ Русскому государству и народу и приспособляла общіе вселенскіе законы и обычаи своего управленія, суда и экономическаго строя къ потребностямъ и складу мѣстной государственной и народной

жизни и въ свою очередь сама вліяла на измѣненіе характера послѣднихъ, преобразуя ихъ по своимъ собственнымъ началамъ; 3) чему и какъ она учила народъ, въ какой степени послѣдній усвоивалъ ея ученіе, въ какихъ особенныхъ, народныхъ формахъ это ученіе отливалось въ его сознаніи и какъ своимъ воспитательнымъ вліяніемъ она постепенно сглаживала эти особенности, приближая христіанское сознаніе своей паствы къ вселенскому типу православнаго ученія; 4) какія особенности подъ вліяніемъ народныхъ понятій и мѣстныхъ жизненныхъ условій обнаруживались въ ея православномъ богослуженіи, въ понятіяхъ народа о христіанскихъ святыняхъ, о способахъ богоугожденія, о принадлежностяхъ богослуженія, обрядахъ и проч., и какія воспитательныя средства принимала она съ своей стороны для устроенія и этой отрасли христіанской жизни въ Русской землѣ; наконецъ 5) какъ подъ ея вліяніемъ шло въ просвѣщенномъ ею народѣ преуспѣяніе христіанской нравственной жизни.

Источники, изъ которыхъ можно почерпать относящіяся сюда свѣдѣнія, двоякаго рода,—одни—общіе у исторіи Русской церкви съ русской исторіей вообще: хронографы, лѣтописи, всякаго рода оффиціальные акты и законы, записки современниковъ, письма, памятники литературные, памятники вещественные, памятники бытовые, сказанія иностранцевъ и прочее, другіе—частные, относящіеся спеціально или главнымъ образомъ къ церковной или религіозной жизни Россіи. Сюда относятся: памятники церковнаго и относящагося къ церкви законодательства, правила, граматы, посланія и всякія распоряженія русскихъ іерарховъ, постановленія русскихъ соборовъ, церковные уставы русскихъ князей и другіе законодательные памятники правительства относительно церкви; дѣла архивовъ, лѣтописи и акты церковныхъ учрежденій—церквей и монастырей, синодики, каталоги іерарховъ, исторіи частныхъ епархій по мѣстнымъ первоисточникамъ, житія святыхъ и сказанія о разныхъ святыняхъ Русской земли, жизнеописанія церковныхъ дѣятелей; поученія, проповѣди, обличительныя и назидательныя посланія и другіе памятники духовной словесности, въ которыхъ съ той или другой стороны выразилась религіозная мысль и чувство русскаго человѣка; памятники церковной жизни вещественные—храмы, иконы, пред-

меты церковной утвари, богослужебныя книги; памятники невещественные—устныя преданія, легенды, народныя вѣрованія, суевѣрія, религіозные обычаи, обряды и другіе живые остатки народной религіозной жизни прежнихъ временъ, оживляющіе и уясняющіе скудныя извѣстія объ ней другихъ источниковъ и во многихъ случаяхъ замѣняющіе даже и самыя эти извѣстія.

Раздѣленіе русской Церковной Исторіи на періоды близко соотвѣтствуетъ обычному раздѣленію на періоды русской гражданской исторіи. Въ продолженіе первыхъ вѣковъ своего существованія церковная жизнь Россіи развивается преимущественно на югѣ, около своего кіевскаго центра, среди неустойчивой удѣльной обстановки гражданскаго быта, въ борьбѣ съ сильными еще остатками старой языческой жизни и подъ непосредственнымъ руководствомъ и господственнымъ вліяніемъ Греческой церкви. Періодъ этотъ продолжался до Монгольскаго погрома, послѣ котораго гражданская жизнь Россіи съ юга отлила на сѣверъ, въ предѣлы Великороссіи, и стала развивать здѣсь болѣе устойчивый государственный строй; вмѣстѣ съ нею туда же, въ новую обстановку великорусскаго племени переносится и главный центръ жизни церковной—Русская митрополія. Русская Церковь, получивъ здѣсь тоже бо́льшую внѣшнюю устойчивость и облегчившись отъ своей первоначальной борьбы съ язычествомъ, начала яснѣе опредѣлять свои отношенія къ государству и народу, развивать въ себѣ все болѣе и болѣе національный характеръ и принимать живѣйшее участіе во всѣхъ современныхъ жизненныхъ вопросахъ,—въ облегченіи монгольскаго ига, въ объединеніи страны чрезъ ослабленіе удѣльнаго быта, въ удержаніи связи между разрывавшимися двумя половинами Руси—сѣверной и южной, въ ослабленіи своей собственной зависимости отъ Греціи. Этотъ періодъ исторіи церкви завершается политическимъ раздѣленіемъ Русской Церкви на двѣ половины, Московскую и Кіевскую-Литовскую, послѣ чего наступаетъ новый періодъ раздѣльной жизни этихъ двухъ ея половинъ,—внѣшняго и внутренняго преуспѣянія Московской церкви и бѣдствій церкви Кіевской среди иновѣрнаго государства. Для Московской церкви періодъ этотъ заканчивается достиженіемъ ею полной автономіи и возвышеніемъ ея на степень самостоя-

тельнаго патріархата, для Кіевской же—присоединеніемъ ея къ Московскому патріаршеству въ общій составъ единой Русской церкви. Съ начала XVIII вѣка настало новое время для всей русской жизни, время новаго государственнаго строя и новыхъ опредѣленій касательно государственнаго положенія и внѣшняго устройства церкви, время усвоенія Россіей плодовъ западной цивилизаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и время многихъ новыхъ явленій въ исторіи русской религіозности и новыхъ отношеній къ церкви русскаго общества,—съ этого времени можно начать новый, текущій періодъ русской церковной исторіи. Такимъ образомъ все теченіе русской церковной жизни можно раздѣлить на пять періодовъ: 1) Кіевскій—до нашествія Монголовъ; 2) отъ нашествія Монголовъ до раздѣленія Русской митрополіи; 3) періодъ раздѣленной митрополіи; 4) отъ учрежденія патріаршества до реформы Петра Великаго; 5) періодъ Синодальный, со времени Петровской реформы до настоящаго времени.

ПЕРІОДЪ I-й.

Отъ крещенія русскаго народа до нашествія монголовъ и усиленія сѣверовосточной Руси (989 — 1237).

ГЛАВА I.

Распространеніе христіанской вѣры.

Распространеніе христіанства при святомъ Владимірѣ. Послѣ крещенія Кіевлянъ христіанство стало распространяться по всей Россіи. Крестивъ народъ по городамъ и селамъ около Кіева, митрополитъ *Михаилъ* съ епископами и Добрынею въ 990 г. ходили въ Новгородъ, гдѣ произошло такое же низверженіе Перуна въ Волховъ, какъ въ Кіевѣ, и общее крещеніе народа. Изъ Новгорода проповѣдники отправились на востокъ по Волгѣ и крестили много народа въ Ростовѣ и Ростовской землѣ. Самъ Владиміръ посѣщалъ съ проповѣдью вѣры страну Волынскую, крестилъ въ Кіевѣ даже нѣсколько князей болгарскихъ и печенѣжскихъ. Дѣти великаго князя, разосланные по удѣламъ, вѣроятно тоже заботились о распространеніи вѣры между подвластнымъ народомъ. Такъ распространялось христіанство въ главныхъ удѣльныхъ городахъ, кромѣ Новгорода и Ростова, еще въ Муромѣ, Полоцкѣ, землѣ Древлянской, Владимірѣ Волынскомъ, Смоленскѣ, Псковѣ, Луцкѣ, Тмуторокани. Вообще же новая вѣра распространялась преимущественно около Кіева и по великому водному пути отъ Кіева до Новгорода; вправо и влѣво отъ этой линіи, гдѣ жили племена, мало подчиненныя кіевскому князю, она распространялась слабо: чѣмъ дальше отъ

Кіева, тѣмъ христіанство было слабѣе. Даже въ Новгородѣ язычество было все еще сильнѣе христіанства; когда въ 992 году явился туда первый новгородскій епископъ *Іоакимъ*, то былъ встрѣченъ очень опаснымъ сопротивленіемъ язычествующаго народа, которое нужно было преодолѣвать оружіемъ. Тысяцкій князя *Путята* вмѣстѣ съ Добрыней усмирили городъ послѣ злой сѣчи и пожара, вслѣдствіе чего про Новгородцевъ составилась пословица: «Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ». Въ Ростовѣ народъ выгналъ первыхъ епископовъ *Ѳеодора* и *Иларіона*. Въ Муромѣ противодѣйствіе христіанству дошло до того, что заставило удалиться изъ города самого князя *Глѣба*.

Распространеніе вѣры при преемникахъ святаго Владиміра въ XI—XII в. Послѣ Владиміра христіанская вѣра продолжала распространяться по всѣмъ мѣстамъ, которыхъ прежде не коснулась или коснулась слабо. Распространенію ея много помогало самое раздробленіе Руси на удѣлы, потому что теперь каждый князь заботился о распространеніи христіанства въ своемъ удѣлѣ и потому каждый стольный княжескій городъ становился центромъ христіанства, какимъ прежде былъ одинъ Кіевъ для цѣлой Руси.

Въ Ростовѣ все еще продолжалась борьба съ язычествомъ. Первые епископы Греки бѣжали отъ ярости язычниковъ въ Грецію. Третій епископъ, родомъ Русскій, святый *Леонтій* не бѣжалъ отъ ввѣреннаго ему стада, хотя язычники и его выгнали изъ города. Оставивъ старое поколѣніе, закоренѣвшее въ язычествѣ, онъ обратился къ молодому, — поселившись за городомъ, сталъ ласками привлекать къ себѣ дѣтей и учить ихъ. Язычники взволновались противъ него и однажды большой толпой пошли убить святаго, но, когда онъ вышелъ къ нимъ въ своемъ святительскомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, окруженный клиромъ, они не имѣли духа исполнить своего намѣренія. Сильное наставленіе святителя такъ подѣйствовало на толпу, что многіе тутъ же изъявили готовность креститься. Послѣ этого Леонтій сталъ дѣйствовать успѣшнѣе не только въ Ростовѣ, но и въ окрестностяхъ. Подвиги его однако кончились мученическою смертію (около 1070 г.). Преемникъ его (1077 г.) святый *Исаія*, кіевскій уроженецъ и постриженникъ Печерскаго монастыря, ходилъ съ проповѣдью вѣры по всей Ростовской и Суздальской землѣ, крестилъ народъ, ниспровергалъ идоловъ и строилъ церкви († 1089 г.). Въ концѣ XI же вѣка прибылъ въ Ростовъ

русскій инокъ преподобный *Аврамій* и поселился въ хижинѣ на берегу озера Неро. Въ Ростовѣ весь чудскій конецъ еще покланялся тогда идолу Волоса. Аврамій долго училъ народъ и молился объ его обращеніи. Святый Іоаннъ Богословъ, явившись ему въ видѣніи, далъ ему жезлъ на сокрушеніе идола. На мѣстѣ сверженнаго истукана Аврамій основалъ Богословскій монастырь, въ которомъ и былъ первымъ архимандритомъ. Въ XII вѣкѣ, благодаря трудамъ святыхъ Леонтія, Исаіи и Аврамія, Ростовъ былъ уже весь христіанскимъ городомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство успѣло крѣпко утвердиться по всей Ростовской землѣ и въ Суздалѣ съ его областью.

Въ Муромѣ сопротивленіе язычниковъ христіанству было еще серьезнѣе. Язычество поддерживалось здѣсь самою глушью этого края, населеннаго дикой Муромой и Мордвой. Послѣ святаго Глѣба здѣсь не было даже особаго князя до самаго конца XI в., когда на Муромско-Рязанское княжество пріѣхалъ сынъ Святослава Черниговскаго *Ярославъ-Константинъ*, родоначальникъ рязанскихъ князей и просвѣтитель этого края. Онъ прибылъ въ Муромъ съ дѣтьми *Михаиломъ* и *Ѳеодоромъ*, съ духовенствомъ и цѣлой колоніей христіанъ. Язычники встрѣтили его съ оружіемъ и убили княжича Михаила. Ярославъ занялъ городъ и велѣлъ строить въ немъ церкви. Усердіе его къ обращенію жителей въ христіанство долгое время только усиливало упорство ихъ въ язычествѣ. Однажды, раздраженная ревностью князя, толпа язычниковъ собралась ко двору его съ намѣреніемъ убить его. Святый князь неустрашимо вышелъ къ ней одинъ съ иконою въ рукахъ. Мятежники были поражены чудеснымъ ужасомъ и просили крещенія. Въ назначенный день на Окѣ произошло такое же крещеніе народа, какъ въ Кіевѣ при святомъ Владимірѣ. Послѣ этого труды Ярослава въ пользу святой вѣры сдѣлались успѣшнѣе. До самой смерти († 1129 г.) онъ занимался обращеніемъ язычниковъ и строеніемъ по своему княжеству церквей и монастырей.

Долѣе всѣхъ славянскихъ племенъ оставалось въ язычествѣ племя Вятичей. Просвѣтителемъ ихъ былъ въ XII вѣкѣ преподобный *Кукша*, печерскій инокъ, принявшій у нихъ мученическую смерть.

Христіанство у инородцевъ. Инородческія племена, жившія по сосѣдству и на окраинахъ Руси, получали христіанское просвѣщеніе уже отъ Русскихъ, съ которыми имѣли сно-

шенія. Менѣе всѣхъ славяно-русскихъ племенъ отличались вліяніемъ на инородцевъ племена южно-русскія. Среди своей воинственной жизни они мало заботились о прочномъ, нравственномъ подчиненіи себѣ чуждыхъ народностей и отличались большой терпимостью къ иновѣрію. Но святая вѣра успѣвала проникать въ степныя вежи и южныхъ инородцевъ. Есть извѣстія о крещеніи нѣкоторыхъ половецкихъ князей; крестились также половецкія княжны, на которыхъ женились русскіе князья, крестились плѣнники изъ степей и разные люди, поступавшіе къ русскимъ князьямъ на службу. Съ другой стороны просвѣтителями степняковъ были иногда ихъ русскіе плѣнники. Въ концѣ XI вѣка крестился со всѣмъ семействомъ одинъ знатный Половчинъ, пораженный чудеснымъ освобожденіемъ своего плѣнника, печерскаго инока преподобнаго *Никона Сухаго*, котораго онъ три года томилъ въ заключеніи и которому въ предупрежденіе бѣгства подрѣзалъ на ногахъ жилы. Другой печерскій инокъ преподобный *Евстратій* попалъ въ плѣнъ съ 50 другими христіанами къ крымскимъ Евреямъ. Всѣхъ его товарищей Евреи поморили голодомъ, а его самого въ день Пасхи распяли на крестѣ. Но, по его предсказанію, всѣхъ Евреевъ въ Крыму въ скоромъ времени постигла казнь отъ Грековъ. Пораженные исполненіемъ пророчества и чудесами отъ мощей преподобнаго Евстратія, многіе Евреи приняли крещеніе.

Самымъ сильнымъ вліяніемъ на инородцевъ отличались племена сѣверныя, селившіяся между финскими народами. Начало такого вліянія на инородцевъ принадлежитъ Новгороду, который раскинулъ свои колоніи по всему финскому сѣверу. Ближайшіе къ Новгороду Финны стали креститься еще со временъ святаго Владиміра, напр. Ижора и Корела. Въ 1227 году новгородскій князь *Ярославъ Всеволодовичъ* посылалъ къ Кореламъ миссію и они всѣ безпрекословно крестились. Болѣе отдаленные отъ Новгорода и менѣе воспріимчивые инородцы, какъ напр. Водь, хранили язычество даже еще въ XVI в. Просвѣтителемъ Вологодскаго края былъ преподобный *Герасимъ* изъ Кіева; въ 1147 г. онъ поселился около небольшого новгородскаго торжка Вологды, основалъ монастырь святыя Троицы и 30 лѣтъ проповѣдывалъ Евангеліе обитателямъ этой дикой страны. Среди Чуди Заволоцкой на сѣверной Двинѣ христіанство явилось еще во времена святаго Владиміра. Въ новгородскихъ колоніяхъ этого края были церкви и монастыри. При сліяніи Сухоны и Юга, уже въ пре-

дѣлахъ древней Біарміи, еще въ XII в. стоялъ старый городъ Устюгъ, выстроившійся около Троицкаго Гледенскаго монастыря. Сѣмена святой вѣры разносили по сѣверу и новгородскіе повольники, хотя вовсе не для ея интересовъ совершали свои удалые разъѣзды. Въ 1174 году двѣ партіи повольниковъ проникли въ область рѣки Камы, въ страну Черемисъ и Вотяковъ, и заняли ихъ города Болванскій, названный потомъ Никулицынымъ, и Каршаровъ, названный Котельничемъ. Нѣсколько времени спустя, построенъ былъ на рѣкѣ Вяткѣ г. Хлыновъ, нынѣшняя Вятка. Во всѣхъ этихъ городахъ явились русскіе храмы и утвердилось христіанство.

Въ Приволжскомъ краѣ изъ смѣси русскаго и инородческаго народонаселенія еще въ XII в. успѣло сформироваться крѣпкое великорусское племя, которое болѣе всѣхъ другихъ племенъ заявило себя вліяніемъ на обрусеніе инородцевъ. Въ половинѣ XIII в. мы уже вовсе не слышимъ здѣсь о существованіи стараго племени Мери; все поволжье до самыхъ селеній Мордвы было уже чисто русское и православное, кромѣ развѣ какихъ нибудь лѣсныхъ захолустьевъ. Въ 1221 г. русская колонизація по Волгѣ остановилась въ Нижнемъ. Въ предѣлахъ этого города Русскіе вступили въ долгую борьбу съ воинственной Мордвой. въ резервѣ у которой стояли сильное Черемисское племя и Болгарія. За Нижнимъ встрѣчаемъ только частные примѣры обращенія инородцевъ. Напримѣръ князь *Андрей Боголюбскій* крестилъ у себя во Владимірѣ много Болгаръ и Жидовъ. Между Болгарами встрѣчаемъ мученика *Авраамія*, богатаго купца, замученнаго въ Болгаріи за вѣру въ 1229 г. Мощи его въ 1230 году перенесены были во Владиміръ.

На западѣ русское вліяніе должно было остановиться на своемъ пути очень близко отъ своихъ исходныхъ пунктовъ— Новгорода, Пскова, Полоцка и Смоленска, потому что столкнулось съ другимъ сильнымъ вліяніемъ, которое шло съ запада отъ латинской церкви. Въ Финляндіи просвѣтительная дѣятельность Новгорода ограничилась племенами Ижоры и Корелы. Жившее далѣе на западъ племя Ямь было крещено уже латинскими миссіонерами изъ Швеціи (въ XII в.). На югъ отъ Финскаго залива русскіе князья распространяли христіанство среди Чуди. Въ 1030 г. Ярославъ построилъ здѣсь городъ Юрьевъ (Дерптъ). Преемники Ярослава посылали къ Чуди священниковъ. Но вскорѣ и здѣсь началась дѣятельность латинскихъ миссіонеровъ; въ

1070 годахъ Эстоніей завладѣли Датчане и остановили успѣхи православія, а въ Ливоніи въ концѣ XII вѣка основался орденъ Меченосцевъ. Еще далѣе по Нѣману лучи христіанства, впрочемъ весьма слабые, проникали изъ Россіи къ племенамъ Литовскимъ, находившимся тогда еще въ самомъ упорномъ язычествѣ. Въ концѣ XII столѣтія между ними извѣстны четыре православныхъ князя. Самое сильное вліяніе на Литву имѣло княжество Галицко-Волынское, особенно въ правленіе *Романа Мстиславича*, грознаго побѣдителя и цивилизатора Литовцевъ.

Обстоятельства, препятствовавшія и способствовавшія быстрому и мирному распространенію христіанства въ Россіи. Православная вѣра успѣла такимъ образомъ распространиться по всему пространству тогдашней Русской земли какъ между Русскими, такъ даже и между инородцами. Такая побѣда ея надъ язычествомъ досталась ей, конечно, не безъ борьбы; но объ этой борьбѣ, особенно о борьбѣ въ открытой формѣ, до насъ дошло очень мало извѣстій, и притомъ только относительно распространенія христіанства на сѣверѣ,—въ Новгородѣ, Ростовѣ и Муромѣ; къ сѣверному же краю главнымъ образомъ относятся извѣстія о нѣкоторыхъ попыткахъ произвести противъ новой вѣры народныя волненія со стороны главныхъ представителей язычества—волхвовъ. Волхвы эти являлись преимущественно во времена народныхъ бѣдствій, которыя суевѣрный народъ склоненъ былъ приписывать гнѣву покинутыхъ боговъ. Въ 1024 году, по случаю голода, возстали волхвы въ Суздалѣ и стали избивать старыхъ женщинъ, обвиняя ихъ въ томъ, что онѣ удерживаютъ плодородіе. Великій князь Ярославъ самъ пріѣхалъ въ Суздаль и казнилъ волхвовъ. Около 1071 года насталъ голодъ въ Ростовѣ. По этому случаю изъ Ярославля пришли два волхва и пошли по Волгѣ, тоже избивая пожилыхъ женщинъ. Жители приводили къ нимъ своихъ матерей, женъ и сестеръ; волхвы надрѣзывали у нихъ за плечами и показывали видъ, что вынимаютъ оттуда хлѣбъ, медъ или рыбу; имѣнье убитыхъ женщинъ они забирали себѣ. Когда они пришли на Бѣлоозеро, около нихъ было уже до 300 послѣдователей. Здѣсь встрѣтилъ ихъ *Янъ*, боярин кн. Святослава черниговскаго. Произошла схватка, въ которой былъ убитъ священникъ Яна. Бѣлозерцы едва согласились выдать волхвовъ. На вопросы Яна волхвы изложили ему свое ученіе о двухъ богахъ,

небесномъ и подземномъ, о созданіи тѣла дьяволомъ, а души Богомъ. Янъ велѣлъ бить ихъ и, привязавъ къ лодкѣ, поволокъ съ собой по Шекснѣ и на устьѣ этой рѣки выдалъ ихъ на месть родственникамъ убитыхъ женщинъ; оба волхва были повѣшены на дубѣ. Въ 1091 году опять было явился волхвъ въ Ростовѣ, но уже не имѣлъ успѣха и скоро погибъ. Въ Новгородѣ тоже была сильна вѣра въ волхвовъ. Новгородцы ходили гадать къ финскимъ кудесникамъ. Въ 1071 году одинъ волхвъ хулилъ христіанскую вѣру и вызывался перейти Волховъ, какъ по суху. Народъ взволновался и хотѣлъ убить епископа *Θеодора*. Епископъ явился съ крестомъ на вѣче и звалъ къ себѣ всѣхъ вѣрныхъ; на его сторону встали только кн. *Глѣбъ* съ дружиною, а весь простой народъ остался на сторонѣ волхва. Глѣбъ убилъ волхва и волненіе утихло. Въ концѣ описываемаго времени (1227 г.) уже само вѣче казнило четверыхъ волхвовъ. Въ 1071 году явился волхвъ въ самомъ Кіевѣ; онъ утверждалъ, что ему явилось пять боговъ, и что, по ихъ откровенію, черезъ 5 лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, Русская земля станетъ на мѣстѣ Греческой, а эта на мѣстѣ Русской. И въ Кіевѣ нашлись невѣгласы, которые ему вѣрили; но другіе посмѣялись надъ нимъ, говоря: «бѣсъ играетъ тобою на пагубу тебѣ». Въ одну ночь волхвъ этотъ пропалъ безъ вѣсти. Болѣе рѣшительное сопротивленіе христіанству обнаружили инородческія племена, мало или вовсе не зависѣвшія отъ вліянія княжеской власти, какъ-то нѣкоторыя племена Финновъ на сѣверѣ, Литовцевъ на западѣ и Половцевъ на югѣ. Во время войнъ съ Русскими Половцы наносили христіанству много вреда, грабя и раззоряя его святыни; въ 1095 г. ими разграблена и опустошена была главная святыня Кіева — Печерскій монастырь.

Славянскія и подчиненныя имъ инородческія племена принимали христіанство большею частію безъ сопротивленія, отчасти потому, что были уже нѣсколько съ нимъ знакомы раньше, а главнымъ образомъ изъ повиновенія власти, которая сама встала во главѣ новаго религіознаго движенія. Особенно же много помогало успѣхамъ христіанства то обстоятельство, что оно само распространялось средствами мирными, — проповѣдью, убѣжденіемъ и притомъ на родномъ славянскомъ языкѣ. Для этого новая Русская церковь воспользовалась всѣмъ, что греческая миссія успѣла выработать для просвѣщенія Славянъ еще раньше въ другихъ славянскихъ странахъ, — славянскою Библіею, славян-

скимъ богослуженіемъ и первыми славянскими пастырями и учителями, и съ самаго же начала явилась въ Россіи церковью національною. Для Россіи было великою милостію Божіею то, что она получила свое просвѣщеніе христіанствомъ не отъ церкви Римской съ ея латинской библіей и мессой и съ ея противными національной жизни насиліями, а отъ церкви православной Греческой, относившейся къ національнымъ началамъ просвѣщаемыхъ ею странъ съ бо́льшимъ уваженіемъ. Но, говоря о мирномъ и быстромъ распространеніи христіанства въ Россіи, нужно разумѣть распространеніе его только количественное, отъ котораго было еще очень далеко до истиннаго, внутренняго усвоенія Христовой вѣры всей массой крещеныхъ тогда людей. Къ такому внутреннему перевоспитанію своихъ новыхъ чадъ православная церковь въ Россіи не имѣла еще ни времени, ни силъ. Отъ того послѣ крещенія Руси въ нашей церковной исторіи тянется длинный періодъ двоевѣрія, — смѣшенія христіанства съ язычествомъ, въ которомъ язычество сначала даже преобладало надъ христіанствомъ. Двоевѣръ чтилъ и священника, и волхва, послѣдняго даже болѣе, чѣмъ перваго; отъ священника онъ явно уклонялся, какъ отъ врага своей священной старины, считая самую встрѣчу съ нимъ не доброю. Множество старыхъ вѣрованій и обрядовъ перешло въ самое христіанство народа и придало ему своеобразную народную окраску, которая замѣтна въ народной вѣрѣ до позднѣйшаго времени. Отсюда открывается важность вопроса о томъ, въ чемъ состояло наше древнее язычество, что въ немъ было слабо и легко уступало христіанству, и что особенно сильно и дольше удерживалось въ народныхъ вѣрованіяхъ.

Древне-языческая миѳологія, представленія о душѣ и загробной жизни, праздники и обряды. Въ эпоху принятія Россіей христіанства русское язычество находилось еще на низшей степени развитія, на переходѣ отъ непосредственнаго поклоненія явленіямъ и силамъ природы,—солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, зарѣ утренней, вѣтрамъ буйнымъ, морозу, царю-огню, матери сырой землѣ, живой водѣ, зеленой дубровѣ и проч., которыя доселѣ призываются въ народныхъ заговорахъ и пѣсняхъ,—къ олицетвореніямъ этихъ явленій и силъ въ личныхъ образахъ. Такія олицетворенія простерлись въ ней пока только еще на низшія, болѣе простыя и понятныя божества,—на домоваго—божество домашняго очага, на лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ,

на бабу-ягу—олицетвореніе зимы и всякихъ страховъ внѣ дома и внѣ благодѣтельнаго вліянія домашняго очага, на дѣда мороза, на кощея (костяка)—тоже зимнее божество, на божества смерти (нежить, морена), болѣзней и проч. Но божества высшія,—болѣе отвлеченнаго характера, еще не успѣли развиться въ ней до ясныхъ образовъ и извѣстны почти по однимъ только именамъ. Сюда относятся: Сварогъ-божество неба, въ родѣ Варуны Индусовъ и Урана Грековъ, котораго, вѣроятно, и имѣли въ виду Прокопій и другіе древніе писатели, свидѣтельствовавшіе, что славяне покланялись единому Богу, верховному между другими божествами, затѣмъ братья Сварожичи—огонь, высшимъ проявленіемъ котораго были молнія и громъ, олицетворенные въ образѣ громовника Перуна, и Дажъ-богъ — солнце. Идолы этихъ Сварожичей видимъ на кіевскомъ холмѣ при Владимірѣ. Вмѣстѣ съ ними тамъ же стояли идолы Хорса—божества зимняго солнца, иначе называвшагося Карачуномъ (хрс., крш., крч.), Стрибога-дѣда вѣтровъ, Волоса—скотія бога и непонятныхъ божествъ Симарглы и Мокоши, изъ которыхъ первую считаютъ богиней молніи, вторую богиней водяной, морской царевной Ладой, супругой солнца. Были у Славянъ и божества злыя, какъ напримѣръ: смерть, морозъ, карачунъ и другія. По космогоническимъ преданіямъ, въ созданіи міра участвовали и тѣ и другія, одни созидали, другія портили и разрушали созданія первыхъ. Земля возникла первоначально изъ воды въ видѣ острова, извѣстнаго въ народныхъ преданіяхъ подъ именемъ Буяна, на которомъ живутъ всѣ буйныя, вѣчно дѣятельныя силы, отцы и матери всего живущаго; поэтому къ Буяну и силамъ, находящимся на немъ, и доселѣ обращаются въ разныхъ случаяхъ за помощью народные заговоры. Живя одной жизнью съ природой, Славянинъ и душу свою роднилъ съ природой, представлялъ ее въ матеріальномъ видѣ, — въ видѣ воздуха или огня—частицы царя огня,—ставилъ въ тѣсную связь съ свѣтилами, съ звѣздой, подъ которой родился человѣкъ, и считалъ всѣ проявленія ея жизни какими-то напускными и наносными. Вся жизнь его была окружена примѣтами по разнымъ явленіямъ природы, повѣрьями, чародѣйными средствами, заговорами и таинственными, кудесническими обрядами. Была сильно развита вѣра въ судьбу, въ то, что человѣку «на роду написано»; божества судебъ или долей каждаго чело-

вѣка назывались Рожаницами и считались покровительницами женщинъ и дѣтей. Въ памятникахъ старины упоминается еще божество Родъ,—это, вѣроятно, общее божество судьбы. Будущую жизнь русскіе Славяне представляли въ формѣ настоящей, а потому погребали или сожигали покойниковъ вмѣстѣ съ разными принадлежностями ихъ обыденнаго быта. Надъ умершимъ совершалась пьяная, шумная тризна. Сохранялись слѣды поклоненія душамъ предковъ, напримѣръ въ чествованіи домового, самое названіе котораго дѣдомъ указываетъ на его родовое значеніе, въ почитаніи Чура или Щура (пращуръ, предокъ), именемъ котораго заклинались въ опасностяхъ и божились при спорахъ о собственности, въ повѣрьяхъ о кикиморахъ и русалкахъ, что онѣ суть души некрещенныхъ людей (въ старину всѣ были некрещенными).

По своему богослужебному развитію славянорусская религія стояла тоже еще на низшей, переходной степени отъ частнаго, домашняго культа къ общественному. Послѣдній былъ очень слабо развитъ, такъ какъ и самые славянскіе роды жили между собою еще разрозненно, и начиналъ устраиваться только въ городахъ, гдѣ уже завелись кумиры, но не имѣлъ еще ни храмовъ, ни жрецовъ. У Славянъ, правда, были волхвы, но они не были постоянными общественными жрецами, а только временными посредниками между людьми и богами въ особенныхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ. Совершителями постоянныхъ обрядовъ оставались въ семьяхъ—главы семей, а въ общихъ религіозныхъ собраніяхъ,—если въ ихъ обрядахъ, пѣсняхъ и жертвахъ не участвовали всѣ собравшіеся вмѣстѣ, толпой,—выборные старики или дѣвицы. Кругъ языческихъ праздниковъ опредѣлялся годовыми поворотами солнца,—главнаго божества Славянина земледѣльца. Зимній солноворотъ сопровождался праздникомъ коляды, когда праздновалось рожденіе лѣтняго солнца, царство котораго должно замѣнить царство зимняго солнца—Карачуна. Главными принадлежностями праздника были колядованіе—сборъ на общую жертву юному богу—и общія взаимныя благопожеланія и гаданія касательно обилія и счастья на будущій годъ. За нимъ слѣдовали весенніе праздники: встрѣча весны, праздникъ красной горки, которая первая показалась изъ-подъ снѣга, радуница, которая оживляетъ даже покойниковъ, и разныхъ періодовъ возрастанія и возмужанія юнаго бога. Онъ является въ обрядахъ и пѣсняхъ то въ видѣ

Яра, Юра, Юрія, слившагося потомъ съ святымъ Георгіемъ, отмыкающаго землю, выпускающаго траву для скота, то въ видѣ Власія, выгоняющаго коровъ на пастьбу, съ масляннымъ ему культомъ, то въ видѣ юнаго Лада, влюбленнаго въ прекрасную Ладу, ея жениха, воспѣваемаго особенно въ праздникъ семика. Лѣтній солноворотъ, когда вся природа приходила въ полную, чародѣйную силу, ознаменовывался торжествомъ купалы,—праздникомъ брака солнца и Лады,—съ очистительными кострами, съ собираніемъ чародѣйныхъ травъ, повѣрьями о сборищахъ вѣдуновъ и вѣдьмъ на Лысой горѣ. Послѣдній праздникъ Ярилы выражалъ уже обезсиленіе и погребеніе яраго солнца.

Понятно, что мало развитыя въ сознаніи язычниковъ высшія божества послѣ введенія христіанства должны были забыться скорѣе, чѣмъ божества низшія, болѣе ясныя и болѣе близкія къ человѣку, жившія вмѣстѣ съ нимъ въ его избѣ, въ его родной рѣкѣ, въ лѣсу и повсюду, куда онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косой и сохой. Что касается до обрядовъ языческаго культа, то для дѣйствія духовной и гражданской власти изъ нихъ, разумѣется, доступнѣе были обряды богослуженія общественнаго; проникнуть въ самое святилище русскаго язычества, бывшаго исключительно семейной религіей,—въ темные углы домашняго быта съ его тайными, частными обрядами,—ни та, ни другая власть не имѣли средствъ, и эти домашніе обряды долго сохранялись цѣликомъ. Цѣликомъ такъ же остался въ народѣ и языческій взглядъ на природу съ его примѣтами, чародѣйными средствами, суевѣріями и обрядами, которыми обставлены были каждый шагъ Славянина, каждый предметъ его домашняго обихода.

На такой же, даже еще болѣе низкой степени развитія стояли въ Россіи и религіи инородцевъ. Исключеніе составляла развѣ только болѣе другихъ развитая религія Литовцевъ, имѣвшихъ у себя уже богатые храмы и сильную греческую іерархію. Изъ особенностей финскихъ религій обращаетъ на себя вниманіе большее, чѣмъ у Славянъ, развитіе въ нихъ дуализма; свѣтлымъ богамъ разныхъ наименованій (Юма, Тора, Пасъ) съ ихъ семьями въ этихъ религіяхъ рѣзко противополагаются божества темныя, злыя (керемети, шайтаны): послѣднія чтились даже болѣе, чѣмъ первыя; финскіе волхвы занимались главнымъ образомъ умилостивленіемъ именно злыхъ боговъ, а не добрыхъ.

Попытки римскаго католичества утвердиться въ Россіи. Кромѣ язычества, православная церковь въ Россіи должна была вести борьбу еще съ латинствомъ, которое въ эпоху крещенія Руси успѣло уже совсѣмъ отдѣлиться отъ Греческой церкви и всѣми силами старалось привлечь на свою сторону, какъ можно, больше земель въ Европѣ. Вниманіе Римской церкви болѣе всего привлекали новопросвѣщаемыя славянскія страны,— Болгарія, Моравія, Богемія, Польша, наконецъ Россія. Въ Россію Римъ засылалъ миссіонеровъ еще при великой княгинѣ Ольгѣ, за тѣмъ при Владимірѣ. Поэтому и греческій миссіонеръ, проповѣдовавшій православную вѣру при дворѣ Владиміра, и греческіе пастыри, крестившіе князя въ Корсунѣ, считали нужнымъ прежде всего предостеречь его отъ ученія Римлянъ. Въ 991 г. въ Россію опять приходили послы отъ папы и патріархъ нашелъ нужнымъ послать великому князю посланіе съ увѣщаніемъ не сообщаться съ зловѣрными латинами, а русскій митрополитъ Леонтій написалъ противъ латинянъ сочиненіе объ опрѣснокахъ. По случаю брака сына Владимірова *Святополка* съ дочерью Болеслава польскаго, съ послѣдней въ Россію пріѣхалъ кольбергскій бискупъ *Рейнбернъ* и пріобрѣлъ большое вліяніе на Святополка; онъ разсчитывалъ воспользоваться этимъ княземъ, какъ орудіемъ, для отклоненія Русской церкви отъ востока къ западу и принялъ участіе въ возстаніи его противъ отца; Владиміръ заключилъ обоихъ въ тюрьму, гдѣ Рейнбернъ и умеръ. Въ 1070-хъ годахъ латинская пропаганда воспользовалась распрей между сыновьями великаго князя Ярослава. Великій князь *Изяславъ Ярославичъ*, изгнанный изъ Кіева братьями, рѣшился обратиться за помощью къ знаменитому по своему властолюбію папѣ *Григорію VII*. Папа поспѣшилъ отправить къ нему посланіе и пословъ. Но князь успѣлъ возвратить себѣ Кіевъ и безъ помощи папы. Въ 1080-хъ годахъ предложеніе о соединеніи Русской церкви съ Римомъ было сдѣлано папою *Климентомъ III* митрополиту *Іоанну II*, но послѣдствіемъ этого предложенія было только посланіе митрополита къ папѣ съ обличеніемъ заблужденій Римской церкви. Въ 1207 г. папа *Иннокентій III* прислалъ посланіе ко всѣмъ русскимъ князьямъ, духовенству и народу, въ которомъ говорилось, что, хотя они и давно уже удалены отъ сосцевъ своей матери, т. е. церкви Римской, но онъ доселѣ не можетъ подавить въ себѣ отеческихъ къ нимъ чувствъ и зоветъ ихъ къ себѣ; вся Греческая

церковь признала власть апостольскаго сѣдалища (указаніе на взятіе Константинополя крестоносцами),—ужели-же часть ея (Русская церковь) не послѣдуетъ за цѣлымъ? Въ 1227 г. такое же посланіе было прислано русскимъ князьямъ отъ папы *Гонорія III*. Но всѣ такія попытки папъ оставались безъ послѣдствій, а появившіеся около 1230 г. въ Кіевѣ доминиканцы за свою католическую пропаганду въ 1233 г. были изгнаны великимъ княземъ Владиміромъ Рюриковичемъ. Успѣхи католичества ограничивались только нѣкоторыми землями на западѣ Руси, гдѣ латинская пропаганда дѣйствовала съ помощью вооруженной силы Датчанъ, овладѣвшихъ Эстоніей, ордена Меченосцевъ въ Ливоніи и Венгровъ въ Галицкомъ княжествѣ.

Орденъ Меченосцевъ. До основанія ордена въ Ливоніи съ половины XII в. проповѣдывали латинскіе монахи, пріѣзжавшіе съ бременскими купцами; во главѣ ихъ стоялъ монахъ *Мейнгардъ*, бывшій потомъ ливонскимъ епископомъ. Латинская миссія, подкрѣпляемая военными дружинами и не гнушавшаяся насильственныхъ мѣръ, скоро произвела цѣлый рядъ возстаній со стороны Ливовъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые уже крестились, снова возвращались къ язычеству и бросались въ Двину, чтобы смыть съ себя принятое крещеніе. Тогда епископъ *Альбрехтъ*, съ согласія папы, учредилъ для распространенія между ними христіанства духовный рыцарскій орденъ Меченосцевъ, главной резиденціей котораго сталъ городъ Рига, выстроенный въ 1200 г. Возстанія туземцевъ были подавлены жестокими мѣрами. По всей странѣ Нѣмцы настроили замковъ и крѣпко утвердили свое суровое фанатическое владычество надъ Ливонцами. Вскорѣ они проникли и въ Эстонію, завоевали у Русскихъ Юрьевъ, а отъ Датчанъ получили Ревель. Въ той и другой странѣ вліяніе Русскихъ было устранено на долгое время.

Распространеніе латинства въ Галицкомъ княжествѣ. Самая западная часть южной Россіи—Галиція тоже подвергалась владычеству латинства. Въ концѣ XII в. она была покорена Венграми, которые воздвигли въ ней настоящее гоненіе на православіе. *Романъ Мстиславичъ* волынскій избавилъ ее отъ ихъ насилій и присоединилъ къ своему Волынскому княжеству. Сильный князь обратилъ на себя вниманіе папы Инокентія *III*. Это было во время самаго широкаго развитія папской власти, когда папа раздавалъ королевскія короны, когда самый Царьградъ былъ въ рукахъ крестоносцевъ. Въ 1204 г. явился къ Роману

легатъ папы, обѣщалъ ему королевскую корону, если только онъ покорится св. престолу, и увѣрялъ въ содѣйствіи папскаго меча. «А такой ли мечъ у папы?» спросилъ князь, ударяя по своему мечу. Но вскорѣ послѣ этого гордаго пріема папскаго посла при малолѣтнихъ сыновьяхъ Романа, *Даніилѣ* и *Василькѣ*, Галичъ снова сдѣлался жертвой Венгровъ, которые посадили въ немъ своего королевича *Коломана*. Явились латинскіе священники и монахи и выгнали изъ города православное духовенство, изъ православныхъ церквей подѣлали костелы, а народъ стали принуждать къ латинству. Въ 1220 г. *Мстиславъ Удалой* снова избавилъ Галичъ отъ Венгровъ, но самъ испортилъ свое благое дѣло, выдавъ свою дочь замужъ за брата Коломана и отдавъ Галицію за нею въ приданое. Послѣ его смерти (1228 г.) здѣсь опять началось усиленное распространеніе латинства, а православіе подверглось гоненію, которое облегчилось уже въ началѣ 1240-хъ годовъ, послѣ того, какъ Галицкимъ престоломъ завладѣлъ опять русскій князь, сынъ Романа—Даніилъ.

ГЛАВА II.

Устройство Русской церкви; церковное управленіе.

Начало Русской митрополіи. Русская церковь была устроена въ видѣ особой митрополіи Константинопольскаго патріархата. Первымъ ея митрополитомъ былъ пришедшій съ Владиміромъ изъ Корсуня *Михаилъ* († 992). Все время его святительства прошло только въ первоначальномъ распространеніи по Россіи христіанства, вслѣдствіе чего Русская митрополія при немъ еще не успѣла устроиться. Первое правильное устройство далъ ей преемникъ его *Леонтій* († 1008 г.), который въ 992 г. раздѣлилъ ее на епархіи и назначилъ первыхъ епархіальныхъ епископовъ. Каѳедру свою первые митрополиты до великаго князя Ярослава имѣли въ Переяславѣ, потомъ при Ярославѣ, когда былъ устроенъ кіевскій Софійскій соборъ съ митрополичьимъ домомъ, перешли на жительство въ самый Кіевъ.

Митрополиты Греки. Русскіе митрополиты и избирались и посвящались въ Греціи самимъ патріархомъ съ согласія импе-

ратора и, разумѣется, изъ Грековъ. Въ Россіи они поэтому были люди чужіе и по происхожденію, и по языку, и по національнымъ симпатіямъ, и не возбуждали къ себѣ особеннаго довѣрія ни въ князьяхъ, ни въ народѣ. Нужно при этомъ имѣть въ виду и ту дурную репутацію, какой Греки изстари пользовались на Руси и которая выразилась въ замѣткѣ лѣтописца: «суть бо Греци льстиви и до сего дне». Притомъ же на Русскую митрополію присылались даже не лучшіе люди изъ Грековъ. Изъ 25 митрополитовъ Грековъ въ первые 4 съ половиной вѣка существованія Русской Церкви не болѣе 5—6 человѣкъ заявили себя просвѣщеніемъ и благочестіемъ. Таковы были: *Георгій* (съ 1062 г.,) человѣкъ образованный, но, какъ чуждый пастырь, покинувшій свою паству во время междоусобія дѣтей Ярослава; преемникъ его *Іоаннъ II* (съ 1077 г.), по свидѣтельству лѣтописи, хитрый книгамъ, ласковый ко всѣмъ, смиренный, молчаливый и вмѣстѣ рѣчистый, когда нужно было святыми книгами утѣшать печальныхъ; *Никифоръ I*, извѣстный своими посланіями къ Мономаху. Другіе только вскользь упоминаются въ лѣтописяхъ, а объ одномъ *Іоаннѣ III* (съ 1089 г.) даже прямо замѣчено, что онъ былъ не книженъ и простъ умомъ. Между тѣмъ немногіе митрополиты изъ Русскихъ всѣ оставили послѣ себя самую хорошую память и по своему образованію, и по благочестію, и по благотворному дѣйствію на паству.*)

Попытки къ избранію митрополитовъ изъ Русскихъ. Не мудрено, что у великихъ князей рано явилась мысль объ избраніи митрополитовъ изъ Русскихъ. Послѣ смерти м. *Ѳеопемпта* Греки 3 года не присылали новаго митрополита. Въ это время только что кончилась война Ярослава съ Греками, въ которой Греки варварски ослѣпили 800 русскихъ плѣнниковъ. И вотъ въ 1051 году «Богъ князю вложи въ сердце» поставить митрополита изъ Русскихъ и соборомъ русскихъ же епископовъ,—поставленъ былъ *Иларіонъ*, священникъ княжескаго села Берестова. Новый святитель впрочемъ въ томъ же году

*) Порядокъ митрополитовъ былъ слѣдующій: 1) Михаилъ; 2) Леонтій; 3) Іоаннъ (съ 1008 г.); 4) Ѳеопемптъ (съ 1036 г.); 5) Св. Иларіонъ (съ 1051 г.); 6) Георгій (съ 1062 г.); 7) Св. Іоаннъ II (съ 1077 г.); 8) Іоаннъ III (съ 1089 г.); 9) Ефремъ (1089 г.); 10) Николай (1097 г.); 11) Никифоръ (съ 1104 г.); 12) Никита (съ 1122 г.); 13) Михаилъ (съ 1130 г.); 14) Климентъ Смолятичъ (съ 1147 г.); 15) Константинъ (1156 г.); 16) Ѳеодоръ (съ 1161 г.); 17) Іоаннъ IV (съ 1164 г.); 18) Константинъ II (съ 1167 г.); 19) Никифоръ (съ 1182 г.); 20) Матѳей (съ 1201 г.); 21) Кириллъ (съ 1224 г.); 22) Іосифъ (съ 1237 г.).

испросилъ себѣ благословеніе патріарха. Онъ былъ мужъ благочестивый, часто уединялся для молитвы въ пещеру, которую выкопалъ въ горѣ недалеко отъ своего села, и кромѣ того былъ извѣстенъ своимъ просвѣщеніемъ. Нѣсколько времени спустя, въ концѣ XI вѣка, видимъ еще митрополита изъ Русскихъ св. *Ефрема*, бывшаго прежде придворнымъ великаго князя Изяслава, потомъ епископомъ переяславскимъ. И онъ былъ извѣстенъ, какъ святой мужъ и чудотворецъ; свое управленіе и переяславской епископіей, и митрополіей онъ ознаменовалъ строеніемъ церквей, больницъ и странноприимницъ. Поставленіе на митрополію онъ впрочемъ получилъ не въ Россіи, а въ Греціи.

Послѣ Иларіона другой примѣръ независимаго поставленія митрополита изъ Русскихъ видимъ въ 1147 году при *Изяславѣ Мстиславичѣ*. Вслѣдствіе неудовольствія на митрополита *Михаила*, который покинулъ свою паству во время княжескихъ смутъ и ушелъ въ Грецію, а также вслѣдствіе смутъ изъ-за патріаршаго престола въ самой Греціи, великій князь собралъ въ Кіевѣ соборъ для поставленія митрополита изъ Русскихъ. Выборъ палъ на *Климента Смолятича*, схимника и затворника и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка книжнаго, философа, какого на Руси и не бывало. О личности его не было спора, но возникъ важный вопросъ, можно ли посвящать митрополита въ Россіи однимъ епископамъ безъ патріарха. Три епископа,—новгородскій *Нифонтъ*, смоленскій *Мануилъ* и полоцкій *Косьма*, рѣшали этотъ вопросъ въ интересахъ греческаго патріарха отрицательно. Напротивъ 6 епископовъ изъ Русскихъ доказывали, что по церковнымъ канонамъ соборъ епископовъ всегда можетъ поставить себѣ митрополита; имъ легко было бы опровергнуть крайнее мнѣніе греческой партіи, если бы они сами не впали въ крайность, настаивая на правѣ епископовъ ставить митрополита безъ благословенія патріарха. Греческая партія оперлась на эту ошибку противниковъ и заставила ихъ прибѣгать къ страннымъ уловкамъ. *Онуфрій* черниговскій предложилъ замѣнить благословеніе патріарха поставленіемъ митрополита посредствомъ главы Климента римскаго;Греки ставятъ же, утверждалъ онъ несправедливо, рукою Іоанна Предтечи. Споръ не кончился ничѣмъ опредѣленнымъ. Климентъ былъ поставленъ, но греческая партія не признала его митрополитомъ и была имъ за это преслѣдуема. Нифонтъ былъ посаженъ въ тюрьму въ Кіевѣ; Мануилъ спасся отъ тюрьмы только бѣгствомъ. Но и положеніе Климента было не прочно;

его не признавалъ соперникъ Изяслава, сильный князь *Юрій Долорукій*. Сдѣлавшись великимъ княземъ послѣ смерти Изяслава (1155), онъ изгналъ Климента и выпросилъ у патріарха другого митрополита *Константина*. Нифонтъ, уже выпущенный изъ тюрьмы, съ радостію ѣхалъ изъ Новгорода на встрѣчу новому святителю Греку, но не дождался его и умеръ въ Кіевѣ. Греческая партія торжествовала, новый митрополитъ запретилъ служеніе всѣмъ поставленикамъ Климента и даже проклялъ умершаго великаго князя Изяслава, но когда по смерти Юрія (1158 г.) Кіевомъ овладѣли дѣти Изяслава и посадили великимъ княземъ своего дядю *Ростислава* смоленскаго, и этотъ митрополитъ долженъ былъ оставить каѳедру. Послѣ этого Ростиславъ выписалъ изъ Греціи третьяго митрополита *Ѳеодора*. Константинъ скоро умеръ въ Черниговѣ, гдѣ поселился у своего земляка, епископа *Антонія*, но Климентъ еще оставался въ живыхъ и былъ устраняемъ отъ каѳедры единственно по внушеніямъ греческой партіи. Уже послѣ смерти митрополита Ѳеодора (1162 г.) Ростиславъ рѣшился возвратить Клименту митрополію, и отправилъ въ Царьградъ посла испросить ему благословеніе патріарха. Но посолъ этотъ встрѣтилъ на пути посла царскаго, шедшаго въ Россію съ новымъ митрополитомъ *Іоанномъ*, назначеннымъ изъ Царьграда безъ вѣдома великаго князя. Это такъ разсердило Ростислава, что пришедшій въ Кіевъ царскій посолъ едва уговорилъ великаго князя принять Іоанна. «Если патріархъ, сказалъ великій князь, еще поставитъ митрополита безъ нашего вѣдома, то не только не приму его, но и законъ сдѣлаемъ вѣчный избирать и ставить митрополита изъ Русскихъ, съ повелѣнія великаго князя». Съ этого времени при избраніи на Русь митрополита въ Греціи дѣйствительно стали болѣе соображаться съ волей великаго князя.

Зависимость кіевскихъ митрополитовъ отъ патріарха. Но самая возможность такихъ іерархическихъ смутъ показываетъ, что Русской церкви еще рано было помышлять о своей независимости отъ церкви Греческой. Среди своей полуязыческой паствы и при неустойчивости гражданскихъ основъ удѣльнаго времени ей еще не на что было опереться внутри самой Россіи. Митрополитъ, избранный дома и изъ своихъ людей, могъ легко подвергаться разнымъ случайностямъ княжескихъ счетовъ и усобицъ, да и самъ не могъ возвыситься надъ этими счетами и усобицами.—держаться въ

отношеніи къ нимъ безпристрастно и независимо. Легко могло случиться и то, что враждующіе между собою князья избрали бы для себя нѣсколькихъ митрополитовъ въ одно время,— тогда удѣльная рознь стала бы угрожать раздѣленіемъ самой Русской церкви. Съ этой стороны имѣть митрополитомъ человѣка посторонняго, чуждаго мѣстнымъ удѣльнымъ счетамъ и вмѣстѣ независимаго отъ мѣстной княжеской власти, было нужно пока не только для Русской церкви, но и для самого государства. Зависимость же митрополита отъ заграничной власти греческаго патріарха была не велика и не могла быть большой помѣхой ни для его собственной церковно-правительственной дѣятельности, ни для самобытнаго развитія мѣстной церковной жизни. Греческая церковь не стремилась къ порабощенію себѣ народовъ, какъ церковь Римская. Русскій митрополитъ съ самаго начала былъ поставленъ совершенно самостоятельнымъ первосвятителемъ своей помѣстной церкви; вся зависимость его отъ патріарха ограничивалась только его избраніемъ и посвященіемъ отъ послѣдняго, да еще обязанностью участвовать по возможности на патріаршихъ соборахъ и въ особенно важныхъ или сомнительныхъ случаяхъ подчиняться опредѣленіямъ этихъ соборовъ. Внутри своего вѣдомства онъ вершилъ всѣ церковныя дѣла самостоятельно, или самъ лично, или съ соборомъ мѣстныхъ епископовъ, которые часто собирались около него въ Кіевѣ. Рѣшенія его признавались окончательными и переносились на судъ патріарха чрезвычайно рѣдко, чему, кромѣ политической независимости Россіи отъ Греціи, способствовали даже самая отдаленность ихъ одной отъ другой и разныя неудобства частыхъ сношеній.

Взаимныя отношенія между властями церковной и гражданской и значеніе іерархіи въ дѣлахъ гражданскихъ. Не тяжело и на первыхъ порахъ даже полезно было имѣть среди себя чужую іерархическую власть и для самого государства. Православная церковь не соблазнялась мірскимъ владычествомъ, какъ Римская, хотя на Руси соблазнъ этотъ могъ быть особенно для нея силенъ. Церковная іерархія явилась здѣсь въ видѣ крѣпко сплоченнаго общества болѣе или менѣе образованныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ политической мудростью своей тысячелѣтней имперіи, воспитавшихся на началахъ вселенскаго римскаго права и при этомъ еще бывшихъ подданными чужаго сильнаго, по крайней мѣрѣ вполнѣ развитаго, государ-

ства; она сразу должна была пріобрѣсти здѣсь громадный авторитетъ не только духовный, но и политическій. Младенчествовавшее государство Руси само добровольно устремилось подъ опеку церкви; князья, начиная съ Владиміра, сами призывали митрополитовъ и епископовъ къ участію въ своихъ государственныхъ дѣлахъ; на княжескихъ совѣтахъ и съѣздахъ на первомъ мѣстѣ послѣ князей видимъ духовенство. Но, вѣрная своимъ православнымъ, греко-восточнымъ понятіямъ объ отношеніи духовной власти къ свѣтской, русская іерархія не воспользовалась выгодами своего положенія для того, что бы создать для себя въ юномъ государствѣ самостоятельное церковно-политическое могущество, какъ это дѣлали въ юныхъ государствахъ Европы представители іерархіи латинской, а напротивъ употребляла все свое вліяніе на устроеніе самого же государства, на воспитаніе и укрѣпленіе въ немъ слабой княжеской власти. Она принесла на Русь невѣдомыя еще здѣсь понятія о верховной власти, поставленной отъ Бога. Совѣтуя св. Владиміру казнить разбойниковъ, епископы, съ которыми онъ совѣтовался о строѣ земляномъ, говорили ему: «Князь, ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и добрымъ на помилованіе». Такъ съ самаго начала опредѣлилась важная задача духовенства въ нашей исторіи—содѣйствовать развитію верховной власти. Самое единство русской іерархіи способствовало ему къ выполненію этой задачи, стягивая всѣ удѣлы къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ общій русскій митрополитъ, и тѣмъ усиливая власть великаго князя кіевскаго. Къ той же цѣли направлялись и всѣ политическія назиданія князьямъ лучшихъ іерарховъ, всегда склонявшихъ ихъ къ миру, единенію и повиновенію великому князю. Русскіе іерархи вступались почти въ каждую усобицу князей, какъ общіе миротворцы и ходатаи за общее благо народа. М. *Николай* въ 1197 г. удержалъ князей отъ усобицы по случаю ослѣпленія Василька волынскаго: «Если станете воевать другъ съ другомъ, говорилъ онъ, то поганые возьмутъ землю Русскую, которую пріобрѣли отцы ваши; они съ великимъ трудомъ и храбростію поборали по Русской землѣ и другія земли пріискивали, а вы хотите погубить землю Русскую». М. *Никифоръ* говорилъ князю кіевскому Рюрику: «Князь! мы поставлены отъ Бога въ Русской землѣ, чтобы удерживать васъ отъ кровопролитія, да не проливается кровь христіанская въ Русской землѣ». М. *Кириллъ I*, бывшій предъ самымъ нашествіемъ Монголовъ, въ теченіе всего своего святительства

ѣздилъ по Россіи изъ конца въ конецъ и вездѣ мирилъ враждовавшихъ князей. Гдѣ не дѣйствовали увѣщанія, іерархи удерживали князей отъ усобицъ грозой святительской клятвы. Во время княжескихъ переговоровъ послами постоянно видимъ тѣхъ же всеобщихъ миротворцевъ—духовныхъ лицъ; ихъ слово было авторитетнѣе, чѣмъ слово мірскихъ пословъ; притомъ же своимъ саномъ они были ограждены отъ обидъ, отъ которыхъ тогда не спасало иногда и званіе посла.

Понятно, по какому образцу духовенство должно было воспитывать юную княжескую власть. Идеаломъ государства у него была Византійская имперія, съ которой одни іерархи, Греки, были знакомы непосредственно, а другіе, Русскіе, чрезъ Кормчую, источникъ ихъ юридической мудрости. И сами князья смотрѣли на имперію съ благоговѣніемъ. Тѣ изъ нихъ, которые были въ родствѣ съ императорами, пользовались особеннымъ почетомъ; напримѣръ Борисъ и Глѣбъ, или Владиміръ Мономахъ, потому что они «свѣтились царски». М. Никифоръ, восхваляя Мономаха, говорилъ, что его Богъ «изъ утробы помаза, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ». Въ знакъ уваженія князей часто титуловали «царями», титуломъ, который у насъ обыкновенно прилагался къ императору. О Мономахѣ составилось преданіе, по которому имперія въ лицѣ императора Алексѣя Комнена передала русскому князю знаки царскаго сана—вѣнецъ и бармы, а греческій митрополитъ *Неофитъ* совершилъ надъ нимъ обрядъ царскаго помазанія. Это преданіе имѣло потомъ большой вѣсъ на Руси, указывая на преемственность русскаго самодержавія отъ греческаго. Образецъ царской власти былъ такимъ образомъ данъ; но еще много требовалось времени, чтобы онъ нашелъ себѣ приложеніе въ самой жизни Русскаго государства. Среди удѣльныхъ порядковъ сама іерархія могла пока говорить только о единствѣ и мирѣ земли и о повиновеніи младшихъ князей старшему, какъ отцу. Съ наибольшей ясностью мысль о верховной власти усвоена была только въ сѣверной Руси, гдѣ впервые явились князья самовластцы, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ. Владимірская лѣтопись говоритъ о своихъ князьяхъ несравненно съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ новогородскія и южныя лѣтописи. Разсказавъ, напримѣръ, объ убіеніи великаго князя Андрея, она предаетъ убійцъ проклятію и долго распространяется о святости княжеской власти, сравниваетъ князя по власти съ Богомъ, доказываетъ, что противникъ власти противится Богу и проч.

Первыя епархіи въ Россіи. Церковная жизнь однако во многихъ отношеніяхъ и сама не могла не подвергаться вліянію удѣльнаго строя государства. Удѣльное дѣленіе Руси прежде всего отразилось на епархіальномъ дѣленіи. Первое раздѣленіе Русской церкви на епархіи, какъ мы видѣли, было произведено въ 992 году митрополитомъ Леонтіемъ. Всѣхъ епархій, устроенныхъ тогда, лѣтопись перечисляетъ 6: въ Кіевѣ, Новгородѣ, Черниговѣ, Ростовѣ, Владимірѣ Волынскомъ и въ Бѣлгородѣ, но прибавляетъ къ этому перечню, что тогда же поставлены были епископы и въ другіе города, можетъ быть—въ Тмуторокань, Туровъ и Полоцкъ, гдѣ сидѣли князьями дѣти Владиміра. Въ теченіе послѣдующаго времени до половины XIII в. открылось еще нѣсколько епархій, такъ что всѣхъ ихъ стало 15, сверхъ митрополичей Кіевской: Новгородская, Ростовская, Владимірская на Волыни, Бѣлогородская, Черниговская, Юрьевская, Переяславская, Холмская, Полоцкая, Туровская, Смоленская, Перемышльская, Галицкая, Рязанская и Владимірская на Клязьмѣ. Границы ихъ близко совпадали съ границами соотвѣтствующихъ имъ удѣльныхъ княжествъ. Вслѣдствіе религіознаго строя древняго общества всякій общественный союзъ сосредоточивался обыкновенно около какой нибудь святыни, храма, и являлся, смотря по величинѣ, въ формѣ или прихода, или епархіи. Новый удѣлъ, выдѣлившись изъ стараго, стремился сдѣлаться самостоятельнымъ и въ церковномъ отношеніи, завести у себя особую епархію, потому что гражданская самостоятельность безъ церковной казалась неполна. Такъ въ XII в. послѣ выдѣленія новыхъ удѣльныхъ княжествъ изъ старыхъ, изъ Переяславскаго удѣла—Смоленскаго, изъ Волыни—Галицкаго, изъ Черниговскаго—Рязанскаго, явились и новыя епархіи, Смоленская—въ 1137 году, Галицкая—въ 1157, Рязанская—въ 1198. Съ паденіемъ удѣла уничтожалась и епархія; напр. въ концѣ XI в. послѣ разоренія Половцами Тмуторокани пала и тамошняя епархія. Возвышеніе земли возвышало и ея епархію; въ 1165 г. богатый Новгородъ выхлопоталъ своему владыкѣ *Іоанну* титулъ архіепископа,—тогда еще первый и единственный на Руси. Далѣе, какъ ни крѣпко было единство Русской церкви и какъ ни заботилась она о томъ, чтобы сохранить это единство, обычное стремленіе каждаго удѣла къ самостоятельности, къ меньшей зависимости отъ Кіева и къ жизни особнякомъ не рѣдко отражалось и на церковныхъ отношеніяхъ епархіальныхъ епископовъ къ митрополиту и стѣсняло его законныя права и полномочія.

Отношенія епископовъ къ митрополиту, порядокъ ихъ избранія и отношенія ихъ къ своимъ князьямъ. Зависимость епископовъ отъ митрополита была не велика, ограничиваясь почти однимъ только ихъ поставленіемъ на епархіи. Дѣлами своей епархіи каждый изъ нихъ управлялъ вполнѣ самостоятельно, при помощи своихъ намѣстниковъ изъ почетныхъ духовныхъ лицъ, своего «клироса» или соборныхъ священниковъ, составлявшихъ при немъ постоянный каѳедральный совѣтъ, и свѣтскихъ десятильниковъ по разнымъ епархіальнымъ округамъ, завѣдовавшихъ главнымъ образомъ архіерейскими сборами съ округовъ. Митрополитъ вмѣшивался въ ихъ дѣла весьма рѣдко, только въ особыхъ случаяхъ и по какимъ нибудь жалобамъ. Но для удѣльныхъ земель тяжела казалась и такая зависимость, хоть и немного, но все-таки тянувшая ихъ къ Кіеву, въ подчиненіе не одному митрополиту, но такъ же и кіевскому великому князю, и онѣ старались по возможности ее ослаблять. Какъ в. князья стремились къ ограниченію власти патріарха въ избраніи митрополитовъ, такъ въ свою очередь удѣльные князья и жители удѣловъ стремились ограничить власть митрополита въ назначеніи своихъ епископовъ. Въ XII в. вошло уже въ общій обычай ставить епископовъ не иначе, какъ по избранію удѣльныхъ князей и народа. Въ 1183 г. Всеволодъ *III* не принялъ назначеннаго въ Ростовъ епископа *Николая* Грека, потому что м. Никифоръ при назначеніи его не испросилъ согласія князя и народа. Лѣтописецъ выразительно замѣтилъ по этому поводу: «нѣсть бо достойно наскакати на святительскій санъ, но егоже Богъ позоветъ, князь восхощетъ и людіе». Въ княжескихъ удѣлахъ главный голосъ при избраніи епископа принадлежалъ князьямъ;—въ Новгородѣ, гдѣ вѣче было сильнѣе князя, съ XII вѣка видимъ народное избраніе владыкъ. Извѣстный намъ Нифонтъ былъ послѣднимъ владыкою, присланнымъ изъ Кіева; его преемникъ *Аркадій* былъ избранъ уже на вѣчѣ. Въ этихъ выборахъ обыкновенно участвовали—князь, духовенство, Софіяне (лица принадлежавшія къ вѣдомству Софійскаго собора и владычней каѳедры) и народъ. Въ случаѣ несогласія избирателей прибѣгали къ жребію; для этого жребіи избираемыхъ клали на престолъ святой Софіи и посылали вынимать ихъ слѣпца или младенца. Избраннаго владыку посылали въ Кіевъ для посвященія. Въ исправленіе должности онъ вводился впрочемъ до посвященія и въ качествѣ на-

реченнаго владыки управлялъ всѣми дѣлами епархіи, иногда года по два и больше. Выборъ во владыки падалъ всегда на своего Новгородца, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ князья принимали къ себѣ въ епископы и чужихъ людей, которыхъ по чему нибудь успѣвали запримѣтить во время своихъ переходовъ по удѣламъ. Къ особенностямъ Новгорода относится и то, что владыкъ выбирали здѣсь не изъ однихъ иноковъ, но и изъ бѣлаго духовенства (владыки *Илія* и *Гавріилъ*).

Воля князя или народа могла быть причиною и изгнанія епископовъ, даже безъ церковнаго суда. Въ 1157 году Андрей Боголюбскій выгналъ изъ Ростова епископа *Нестора* за то, что онъ не разрѣшалъ постовъ въ господскіе праздники. Въ 1159 г. Ростовцы выгнали епископа *Леона* за то, что онъ «грабилъ (отягощалъ поборами) поповъ». Въ 1168 году Святославъ черниговскій изгналъ епископа *Антонія* Грека. Въ Новгородѣ владыкъ изгоняло вѣче. Особенно не прочно было здѣсь положеніе владыкъ, выбранныхъ по вліянію только одного князя, безъ согласія вѣча. Въ 1211 году Новгородцы свергнули владыку *Митрофана*, избраннаго княземъ Всеволодомъ владимірскимъ и его партіей, а на его мѣсто, съ согласія князя Мстислава Удалаго, выбрали хутынскаго монаха *Антонія*. Но по уходѣ Мстислава опять усилилась владимірская партія и провозгласила владыкою опять Митрофана. Антоній не уступалъ своего мѣста, и Новгородцы теперь только вспомнили о судѣ митрополита, которому и предоставили сдѣлать выборъ между двоими владыками. Митрополитъ оставилъ въ Новгородѣ перваго по времени Митрофана, а Антонію далъ другую епархію. Въ 1228 году во время святительства владыки *Арсенія*, по случаю долгой дождливой осени, вѣче рѣшило: «Это изъ-за Арсенія стоитъ у насъ такъ долго тепло», и изгнало владыку изъ города.

До чего могло дойти вліяніе удѣльной розни на іерархію, показываетъ знаменательная попытка сѣверной Руси отдѣлиться отъ церковнаго вліянія южной. Это было въ половинѣ XII вѣка при великомъ князѣ Андреѣ Боголюбскомъ, когда сѣверовосточная Русь усилилась и стала заводить у себя новые самодержавные порядки. Владимірскій князь былъ сильнѣе кіевскаго, но въ Кіевѣ былъ митрополитъ, а во Владимірскомъ княжествѣ только ростовскій епископъ. И вотъ великій князь Андрей отправилъ посла къ патріарху *Лукѣ Хрисовергу* съ просьбой поставить ему во Владиміръ особаго митро-

полита; у него былъ уже готовъ и кандидатъ на новую митрополію, его любимецъ *Ѳеодоръ*. Патріархъ отказалъ, ссылаясь на то, что разрывать единство русской митрополіи будетъ противно канонамъ, и посвятилъ Ѳеодора только въ епископа. Великій князь отказался отъ своего желанія, но гордый Ѳеодоръ, разочаровавшись въ надеждѣ сдѣлаться митрополитомъ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ освободиться отъ подчиненія кіевскому митрополиту (Константину),—ссылаясь на то, что получилъ посвященіе отъ самого патріарха, онъ не поѣхалъ въ Кіевъ за благословеніемъ митрополита. Митрополитъ послалъ во Владиміръ грамоту съ увѣщаніемъ не признавать Ѳеодора епископомъ. Многіе послушались этой граматы; тогда Ѳеодоръ пришелъ въ такое раздраженіе, что совершенно обезумѣлъ, затворилъ во Владимірѣ всѣ церкви и принялся обирать, мучить и казнить своихъ противниковъ. Князь Андрей за его жестокость наконецъ выдалъ его митрополиту, а митрополитъ Константинъ «обвинилъ его всѣми винами и велѣлъ отвезти на Песій островъ, гдѣ ему урѣзали языкъ, руку правую отсѣкли и глаза выкололи».

Такимъ образомъ церковь выдержала напоръ удѣльнаго вліянія безъ потери своего единства. Самое вліяніе общества на ея іерархію обратилось въ ея же пользу, несмотря на нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ страдалъ ея канонической порядокъ. Іерархія, вслѣдствіе своего выборнаго значенія, получила народный характеръ, сдѣлалась своею для общества и сама пріобрѣла на него сильное вліяніе. Въ предѣлахъ своей епархіи каждый епископъ былъ первымъ и самымъ вліятельнымъ человѣкомъ во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, былъ также нуженъ для удѣльной области, какъ князь. Новгородцы не могли себя и представить безъ владыки. Съ благословенія мѣстнаго святителя дѣлались всѣ дѣла, такъ что онъ невольно втягивался во всѣ мѣстные интересы. Мы видимъ его въ челѣ удѣльнаго посольства къ князю съ приглашеніемъ на княжескій столъ; онъ же принималъ вновь пріѣхавшаго князя и совершалъ обрядъ его посаженія на столъ; въ княжеской думѣ святитель былъ первымъ совѣтникомъ, внушалъ князю миролюбивыя отношенія къ родичамъ, и предстательствовалъ предъ нимъ за благо удѣльнаго народонаселенія. Особенно отличались своимъ земскимъ значеніемъ новгородскіе владыки. Городское вѣче и собиралось

большею частію около святой Софіи и владычняго двора. Даже печальная судьба нѣкоторыхъ владыкъ показываетъ, какъ тѣсно была связана жизнь новгородской іерархіи съ перемѣнами въ мѣстной гражданской жизни.

Законы церковнаго управленія. Основаніемъ для внутренняго церковнаго управленія служилъ *Номоканонъ*, несомнѣнно существовавшій у насъ въ славянскомъ переводѣ, потому что изъ него дѣлали заимствованія въ свои уставы наши князья, правила его цитовали въ своихъ сочиненіяхъ чисто русскіе авторы, напримѣръ Ѳеодосій Печерскій и Кирикъ. Инокъ XVI вѣка Зиновій Отенскій самъ видѣлъ въ свое время два списка Кормчей отъ временъ князей Ярослава и Изяслава сына Ярославова перевода «первыхъ преводникъ», по всей вѣроятности болгарскіе. Кромѣ болгарскаго перевода древнѣйшей редакціи Номоканона Іоанна Схоластика (VI вѣка), у насъ еще употреблялись списки Кормчей, содержавшіе въ себѣ Номоканонъ, извѣстный подъ именемъ Фотіева, но еще въ неполной до-Фотіевской редакціи и безъ толкованій.

Русскіе пастыри въ своихъ постановленіяхъ дѣлали примѣненія Кормчей къ потребностямъ русской жизни. Такъ явилось *церковное правило митрополита Іоанна II* въ отвѣтъ на вопросы *Іакова* черноризца, съ XIII вѣка постоянно вносившееся въ наши Кормчія. Въ немъ содержатся постановленія: а) относительно вѣры—противъ остатковъ язычества, общенія съ иновѣрцами въ пищѣ и посредствомъ браковъ, противъ продажи христіанъ въ рабство невѣрнымъ, отступленія отъ церкви; б) относительно семейной жизни — противъ сожитія съ женою безъ благословенія церкви и незаконныхъ браковъ; в) касательно церковнаго благочинія—о почитаніи святынь, соблюденіи постовъ, неяденіи удавленины и мертвечины, о бѣсовскихъ пѣсняхъ, пирахъ по монастырямъ; г) касательно іерархіи — объ отношеніи епископовъ къ митрополиту и епархіальномъ управленіи, противъ пьянства и неблагочинія іереевъ и монаховъ.—Вмѣстѣ съ правиломъ Іоанна въ русскія Кормчія съ XIII вѣка постоянно вносилось другое замѣчательное въ церковно-историческомъ отношеніи сочиненіе: *Вопросы Кирика* (новгородскаго іеродіакона) и отвѣты на нихъ разныхъ епископовъ и др. духовныхъ лицъ; они живо изображаютъ духъ своего времени, церковные обычаи, остатки язычества, характеръ современной религіозности и состояніе нравовъ въ духовенствѣ и народѣ.

Уставы русскихъ князей. Изъ русскихъ князей первый опытъ приложенія Номоканона къ русской жизни сдѣлалъ въ своемъ церковномъ уставѣ *святый Владиміръ*. Этотъ уставъ касается главнымъ образомъ судебныхъ правъ Русской церкви. Къ вѣдомству ея суда отнесены здѣсь: 1) дѣла противъ вѣры и церкви—еретичество, волшебство, уреканіе въ нихъ, совершеніе языческихъ обрядовъ (моленіе подъ овиномъ и въ лѣсу), святотатство, поврежденіе могилъ и церковныхъ стѣнъ, неуваженіе къ храмамъ; 2) дѣла семейныя: умыканіе дѣвицъ, вступленіе въ бракъ въ родствѣ и въ свойствѣ, споры между супругами объ имѣніи, блудъ и прелюбодѣяніе, разводъ, побои отъ дѣтей родителямъ, дѣла о наслѣдствѣ, словесное оскорбленіе семейной чести и проч. Въ греческомъ законодательствѣ нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ (о нарушеніи родительской власти, споры супруговъ объ имѣніи и дѣтей о наслѣдствѣ) подлежали гражданскому суду; у насъ признано за лучшее передать въ вѣдомство церкви всѣ семейныя дѣла, чтобы она тѣмъ успѣшнѣе могла содѣйствовать нравственному перерожденію общества. Расширено было сравнительно съ греческимъ законодательствомъ вѣдомство церкви и относительно подсудныхъ ему лицъ; кромѣ духовенства, суду церкви подчинены: просвирня, паломникъ, прощеникъ и разные люди, которыхъ церковь призрѣвала въ своихъ гостинницахъ, больницахъ и богадѣльняхъ.

Великій князь *Ярославъ* издалъ другой такой же церковный уставъ, содержавшій въ себѣ подтвержденіе и раскрытіе устава святаго Владиміра. Въ немъ видимъ нѣкоторыя новыя опредѣленія; такъ къ церковному суду, вмѣсто непринятыхъ у Славянъ тѣлесныхъ наказаній и жестокихъ казней за вины, какія были опредѣлены въ Номоканонѣ, примѣнена славянская система виръ или денежныхъ штрафовъ за преступленія и указаны случаи участія въ немъ князя. Совмѣстному суду церкви и князя подсудны были: а) оскорбленія, насилія и побои дѣвицамъ и чужимъ женамъ, поджоги, позорное остриженіе головы и бороды, б) кража и убійство въ предѣлахъ семьи. За первыя преступленія пеня шла епископу, а князь только казнилъ (наказывалъ) виновныхъ, за вторыя пеня дѣлилась между княземъ и епископомъ «на полы».

Удѣльные князья примѣняли потомъ эти общерусскіе уставы къ своимъ удѣламъ. Такъ *Всеволодъ Мстиславичъ* новгородскій (около 1135 г.) на основаніи ихъ далъ грамату свя-

той Софіи новгородской. Въ перечисленіи церковныхъ людей прибавлены у него изгои, — люди, непринадлежавшіе ни къ какому вѣдомству и поступавшіе подъ покровительство церкви, каковы «поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, а аще князь осиротѣетъ». Грамата *Ростислава* смоленской епископіи (1150 года), кромѣ церковнаго суда, опредѣляетъ еще источники содержанія для новой епископіи. Грамата *Всеволода* новгородскаго выстроенной имъ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ и *Святослава Ольговича* святой Софіи (1137 г.) исключительно занимаются опредѣленіемъ матеріальныхъ средствъ для этихъ церквей.

Права, предоставленныя княжескими уставами духовенству въ содержаніи и церковномъ судѣ. Источниками содержанія для митрополита и епископовъ служили: 1) *десятина* изъ княжескихъ доходовъ и имѣнія, какую давали напр. святый Владиміръ своей Десятинной церкви, Всеволодъ святой Софіи, Андрей Боголюбскій владимірскому собору, Ростиславъ смоленской епископіи; иногда десятина замѣнялась деньгами, какъ напр. въ грамотѣ Святослава святой Софіи; 2) *въсчія* пошлины съ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, наблюденіе за которыми уставомъ Владиміра дано святителямъ; 3) *судныя*—съ церковнаго суда; 4) *ставленыя*—за поставленіе съ ставленниковъ; 5) *недвижимыя имѣнія*. Митрополитъ напримѣръ имѣлъ во владѣніи нѣсколько городовъ съ волостями и селами. Во владѣніи Десятинной церкви былъ тоже цѣлый городъ Полонный. Ростиславъ своей епископіи пожертвовалъ озера, сѣнокосы, огороды и села съ данями и продажами. Андрей Боголюбскій далъ владимірскому собору нѣсколько слободъ, селъ и городъ Гороховецъ. Уставы князей замѣчательны еще тѣмъ, что утверждали за духовенствомъ разныя права, свободу отъ мірскаго суда, службы и податей. Но эти права часто нарушала практика удѣльно-вѣчеваго уклада. Князья и вѣча судили и низвергали даже епископовъ. Новгородскій владыка съ корпораціей своихъ Софіянъ несъ городовую повинность на ряду съ другими новгородскими общинами; онъ мостилъ крѣпость и всю дорогу по Волховскому мосту до торговой стороны. Помимо земскихъ повинностей, казна архіереевъ, монастырей и церквей имѣла важное общественное значеніе. Около соборовъ, церквей и

монастырей сосредоточивалась общественная благотворительность, содержались больницы, богадѣльни, странноприимницы и школы.

Низшее духовенство, порядокъ его избранія и средства содержанія. Низшее духовенство, непосредственно связанное съ своими приходскими общинами и жившее одною жизнью съ народомъ, имѣло менѣе привиллегированное и обезпеченное положеніе, чѣмъ высшее. О положеніи его за описываемое время мы имѣемъ впрочемъ мало извѣстій. Первоначально оно большею частію было также пришлое, какъ и высшее духовенство, потому что, если и были въ Кіевѣ священники до Владиміра, то ихъ было, вѣроятно, не много. Нѣсколько духовныхъ лицъ пришло съ Владиміромъ изъ Корсуня и съ царицей Анной изъ Константинополя; есть извѣстіе, что много было прислано ихъ еще изъ Болгаріи. Затѣмъ первое же грамотное поколѣніе русскихъ людей, образовавшееся въ школахъ, заведенныхъ св. Владиміромъ, дало своихъ русскихъ пастырей для народа. Члены приходскихъ причтовъ очень рано должны были получить выборное значеніе, потому что епархіальная власть не имѣла подъ рукой своихъ собственныхъ кандидатовъ священства и по необходимости должна была ставить на церковныя мѣста тѣхъ грамотѣевъ, какихъ представляли ей для поставленія сами приходскія общины или разные владѣльцы селъ и князья. Въ 1228 г. патріархъ *Германъ* написалъ грамату къ митрополиту *Кириллу I*, изъ которой видно, что вліяніе свѣтскихъ лицъ на избраніе членовъ клира успѣло уже дойти до злоупотребленій; нѣкоторые господа обучали грамотѣ своихъ рабовъ, потомъ приводили ихъ къ архіереямъ для поставленія во священство, не освободивъ изъ рабства, и послѣ поставленія спекулировали ихъ саномъ, пользуясь ихъ доходами. Содержаніе свое приходское духовенство получало главнымъ образомъ отъ доходовъ съ требоисправленій. Церкви княжеской постройки, особенно соборы, получали содержаніе отъ князей. Такъ Ярославъ, строя церкви, давалъ имъ отъ своего имѣнія урокъ. Князь Всеволодъ на содержаніе причта и церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ далъ отъ имѣнія своего вѣсъ вощаной въ Новгородѣ, да такой же вѣсъ въ Торжкѣ пополамъ съ торжковскимъ соборомъ Спаса; при церкви была устроена торговая община, купечество Иванское, для вступленія въ которое требовалось 50 гри-

венъ вклада; дѣлами купечества управляли старосты Иванскіе, они же наблюдали за вѣсомъ въ притворѣ церкви и заботились о содержаніи церкви и причта. Самымъ важнымъ вопросомъ относительно духовенства былъ вопросъ объ его образованіи, которое стояло на очень низкой степени и подвергалось сильнымъ обличеніямъ въ тогдашней письменности.

ГЛАВА III.

Ученіе и духовное просвѣщеніе.

Вліяніе вѣры Христовой на пробужденіе и развитіе любви къ ученію. Начало образованія на Руси положено было одновременно съ введеніемъ христіанства, которое пробудило въ русскомъ обществѣ первую потребность книжнаго ученія, принесло съ собой и первыя книги. Ученіе книжное прежде всего потребовалось для приготовленія самихъ русскихъ пастырей; затѣмъ желаніе учиться божественному писанію не могло не проявиться и у лучшихъ изъ мірянъ. Пастыри церкви, древніе грамотники и списыватели книгъ постоянно старались внушать всѣмъ и каждому мысль о великой важности «почитанія (чтенія) книжнаго» какъ для спасенія души, такъ и для земной жизни. Первый же христіанскій князь св. Владиміръ, вскорѣ послѣ крещенія народа, сталъ заводить училища и отбирать дѣтей лучшихъ гражданъ въ ученье книжное; «матери, разсказываетъ лѣтопись, плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ». Учителями въ новыхъ школахъ были лица духовныя. Въ религіозномъ просвѣщеніи русскаго народа наибольшее значеніе имѣла не столько Греція, сколько Болгарія, которая, будучи просвѣщена православною вѣрой раньше Россіи, по своему родственному съ русскимъ языку и по своей славянской письменности, сдѣлалась естественной посредницей между Русскими и Греками; изъ нея явились къ намъ и первые христіанскіе учители, и первыя книги, и самая славянская грамота. Первое грамотное поколѣніе русскихъ христіанъ образовалось еще при Владимірѣ. Самъ онъ остался неграмотнымъ, но дѣти его Ярославъ, Мстиславъ, Изяславъ, Борисъ и Глѣбъ были уже люди книжные.

Ревнители духовнаго просвѣщенія, первыя училища и библіотеки. Дѣло Владиміра поддержалъ Ярославъ, еще болѣе распространившій грамотность въ Россіи и умножившій число школъ. Строя церкви по городамъ и селеніямъ, онъ велѣлъ священникамъ вездѣ обучать народъ. Въ Новгородѣ онъ велѣлъ собрать у старостъ и духовенства до 300 дѣтей и учить книгамъ. Самъ онъ, по отзыву лѣтописца, читалъ книги и день и ночь и собралъ около себя писцовъ многихъ, которые, по его распоряженію, однѣ книги переписывали, а другія даже вновь переводили съ греческаго языка; книги эти онъ положилъ въ святой Софіи, которую самъ создалъ. «Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ крещеніемъ, а Ярославъ насѣялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное ученіе». При преемникахъ Ярослава средства къ образованію еще болѣе умножились. Сынъ Ярослава *Святославъ* черниговскій имѣлъ у себя полны клѣти книгъ, изъ которыхъ до насъ дошли два сборника, извѣстныхъ подъ его именемъ, одинъ, переведенный съ греческаго языка въ Болгаріи для болгарскаго царя Симеона въ 1073 г., другой—составленный въ 1076 г. Любовью къ образованію извѣстны такъ же *Всеволодъ* переяславскій и сынъ его *Владиміръ* Мономахъ. Есть извѣстія, хотя и не вполнѣ доказанныя, что дочь Всеволода *Янка* (Анна) завела при Андреевскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ училище для обученія дѣвицъ, что во Владимірѣ Волынскомъ въ концѣ XI в. были училища, ради «смотрѣнія» которыхъ былъ назначенъ нѣкто *Василій*, повѣствователь объ ослѣпленіи князя Василька, что *Романъ Ростиславичъ* смоленскій, строя училища, держалъ при нихъ учителей даже греческихъ и латинскихъ и истощилъ на нихъ все свое имѣніе, что галицкій князь *Ярославъ Осмомыслъ* распорядился, чтобы школы и учителей содержали на свой счетъ монастыри, что *Константинъ Всеволодовичъ* ростовскій постоянно держалъ при себѣ ученыхъ людей, покупалъ греческія книги и составилъ у себя библіотеку, въ которой было до 1000 книгъ. Нѣкоторые изъ князей сами лично занимались перепискою книгъ, напримѣръ *Владиміръ Васильковичъ* галицкій и княжна *Евфросинія* полоцкая. Но главными ревнителями и распространителями христіанскаго образованія были, конечно, люди духовные, между которыми всего болѣе было людей, по выраженію лѣтописей, «хитрыхъ книгамъ и ученію». Отъ того и самыя средоточія обра-

зованія,—школы и библіотеки, были при церквахъ и монастыряхъ. Кромѣ упомянутыхъ школъ въ Кіевѣ, Новгородѣ и на Волыни, въ житіяхъ Аврамія смоленскаго и Ѳеодосія печерскаго упоминаются еще школы въ Смоленскѣ и въ Курскѣ; навѣрное были онѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были церкви и монастыри. Духовныя же лица заботились главнымъ образомъ и объ умноженіи книгъ, усердно занимаясь ихъ перепиской. Книги въ то время были еще великою рѣдкостью и стоили очень дорого. Собираніе ихъ по своей трудности и цѣнности, кромѣ князей, доступно было только богатымъ владыкамъ и монастырямъ. Въ монастыряхъ на это дѣло смотрѣли, какъ на великій богоугодный подвигъ, и нѣкоторые иноки посвящали книжной перепискѣ все время, остававшееся у нихъ отъ молитвы. Для списыванія и собиранія книгъ нѣкоторые монастыри иногда нарочно посылали своихъ иноковъ на востокъ въ Константинополь,—въ монастырь Студійскій, и на Аѳонъ.

Характеръ книгъ, употреблявшихся въ древней Россіи. Переводная письменность. Само собой понятно, что, будучи всѣмъ обязана церкви, древне-русская книжность вся носила религіозный характеръ. Раньше и болѣе всѣхъ стали умножаться, разумѣется, книги необходимыя для совершенія богослуженія, затѣмъ уже и другія вѣроучительнаго и нравственнаго характера, преимущественно въ болгарскихъ, а позднѣе и въ русскихъ переводахъ. Переводная письменность была преобладающею за все описываемое время. Книги священнаго писанія употреблялись въ древнемъ переводѣ свв. Кирилла и Меѳодія болгарской редакціи. Впрочемъ полнаго кодекса Библіи у насъ еще не было; изъ нея употреблялись только отдѣльныя книги, и то однѣ каноническія, потому что неканоническія не были переведены самими славянскими первоучителями. Вмѣстѣ съ книгами священнаго писанія въ переводахъ распространялись творенія святыхъ отцовъ, житія святыхъ, хронографы, Палея, сборники въ родѣ Святославовыхъ, Златоструя, Пчелы и др. Вліяніе Болгаріи на нашу письменность не обошлось и безъ вреда. Православіе Болгаръ много страдало тогда отъ примѣси къ нему остатковъ язычества и сильно распространенной по Болгаріи ереси Павликіанъ. Въ X вѣкѣ попъ *Богомилъ* выработалъ изъ этой ереси особый богомильскій толкъ, проповѣдывавшій дуалистическое ученіе о созданіи тѣла или матеріи сатанаиломъ, отвергавшій всю

іерархію и обряды и отличавшійся крайнею строгостью въ нравственныхъ требованіяхъ. Богомильство усвоило себѣ между прочимъ множество еврейскихъ и христіанскихъ апокрифовъ или отреченныхъ сказаній, всегда имѣвшихъ большой успѣхъ въ простомъ народѣ и въ Греціи и у Славянъ. Собираніемъ этихъ апокрифовъ и лживыхъ молитвъ сдѣлался особенно извѣстенъ другой болгарскій попъ *Іеремія*. Изъ Болгаріи апокрифы вмѣстѣ съ разными богомильскими мнѣніями занесены были и въ Россію. Въ 1004 году въ Кіевѣ училъ богомильской ереси монахъ и скопецъ *Адріанъ;* митрополитъ Леонтій заключилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ скоро раскаялся. Потомъ въ 1123 году явился было здѣсь другой еретикъ *Дмитръ*, но митрополитъ Никита тоже посадилъ его подъ стражу. Апокрифическія сказанія распространялись въ русской письменности съ очень ранняго времени. Лѣтописецъ Несторъ въ своей лѣтописи пользовался уже сказаніями изъ Палеи, въ которой на ряду съ истинными библейскими разсказами помѣщены разсказы апокрифическаго характера; видимъ у него ссылку на апокрифическое слово о послѣднихъ временахъ Меѳодія патарскаго.

За переводами слѣдуютъ сочиненія нашихъ митрополитовъ-Грековъ, написанныя на греческомъ языкѣ и дѣлавшіяся извѣстными русскимъ грамотникамъ тоже въ переводахъ. Таковы: сочиненіе противъ латинянъ объ опрѣснокахъ митрополита *Леонтія*, полемическое посланіе митрополита *Іоанна II* къ папѣ Клименту III и его же церковное правило, два посланія къ русскимъ князьямъ митрополита *Никифора* о латинахъ, его же посланіе къ Мономаху о постѣ и поученіе къ народу въ недѣлю сыропустную. Въ посланіи къ Мономаху доказывается важность поста и между прочимъ высказывается замѣчательная въ историческомъ отношеніи похвала Владиміру Мономаху, простотѣ его жизни, ласковости, щедрости и другимъ качествамъ. Поученіе къ народу тоже о постѣ между прочимъ вооружается противъ господствовавшаго зла русской жизни—большихъ ростовъ и пьянства. Замѣчательно начало, изъ котораго видно, что митрополитъ не говорилъ поученія самъ по незнанію языка, а поручалъ читать его другимъ.

Русскіе писатели въ своихъ сочиненіяхъ старались подражать греческимъ образцамъ и подвергались немалой опасности усвоить тѣже недостатки, какими страдала тогдашняя греческая литература,—хитросплетенія діалектики, пышное и много-

словное риторство, скудное живой практической мыслью. Ихъ выручали изъ этой опасности: добрый обычай подражать не столько новымъ греческимъ авторамъ, сколько древнимъ отцамъ церкви, а также самая новость образованія въ Россіи, еще не успѣвшаго войти во вкусъ византійской діалектики и риторства, живое религіозное чувство, которое такъ свойственно юнымъ христіанамъ и которое само собой оживляло бездушную форму риторской рѣчи, если и успѣвало облекаться въ нее, наконецъ слишкомъ много важнаго дѣла въ современной обстановкѣ русской жизни, дѣла, которое естественно одушевляло древне-русское поученіе и давало ему современное и практическое значеніе.

Первое мѣсто по времени между русскими произведеніями занимаетъ поученіе новгородскаго епископа *Луки Жидяты* (1036 — 1060 г.), въ безъискуственномъ перечнѣ излагающее главныя обязанности христіанина. *Митрополитъ Иларіонъ* еще въ санѣ пресвитера написалъ замѣчательное по своему одушевленному витійству слово, содержаніе котораго опредѣляется заглавіемъ: «О законѣ, Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшихъ, и како законъ отыде, благодать же и истина всю землю исполни, и вѣра во вся языки простреся и до нашего языка русскаго, и похвала кагану нашему Владиміру, отъ негоже крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всея земли нашея». Особеннымъ одушевленіемъ проникнуто изображеніе плодовъ крещенія на Руси и похвала Владиміру. Эта похвала очень нравилась въ старину, такъ что лѣтописцы часто цѣликомъ заимствовали изъ нея разныя черты и прилагали ихъ къ другимъ князьямъ, которыхъ думали похвалить. Заключительная молитва къ Богу отъ лица новопросвѣщеннаго народа была принята даже въ церковное употребленіе.—Послѣ Иларіона осталось еще «Исповѣданіе вѣры», образецъ православнаго изложенія главныхъ догматовъ, написанное имъ вѣроятно при возведеніи въ санъ митрополита.

Преподобный Ѳеодосій, извѣстный своею учительностію не только среди своей братіи, но и за стѣнами Печерскаго монастыря, оставилъ нѣсколько поученій инокамъ и мірянамъ. Изъ поученій къ инокамъ узнаемъ темныя стороны тогдашней монастырской жизни, о которыхъ не говорятъ ни Несторъ, ни печерскій Патерикъ, занимавшіеся исключительно прославленіемъ знаменитой лавры. Ѳеодосій обличаетъ иноковъ за лѣность къ богослуженію, несоблюденіе правилъ воздержанія, со-

бираніе имѣнія въ келліи, недовольство общей одеждой и пищей, ропотъ на игумена за то, что онъ на монастырскія средства содержалъ странныхъ и бѣдныхъ. Два поученія Ѳеодосія обращены ко всему народу, одно «о казняхъ Божіихъ» за грѣхи замѣчательно изображеніемъ остатковъ языческихъ повѣрій въ народѣ и господствующихъ пороковъ времени; другое направлено противъ пьянства, кромѣ того содержитъ краткія наставленія не пѣть на пирахъ множество тропарей и не пить за каждымъ тропаремъ особой чаши, не считать кутью яствомъ во оставленіе грѣховъ, не прикладывать къ ней по языческому обычаю воды и яицъ, не вносить въ церковь пищи и питья въ видѣ приношеній. Два посланія къ великому князю Изяславу отвѣчаютъ на современные вопросы,—одно о постѣ въ среду и пятокъ, рѣшающее этотъ вопросъ согласно съ Студійскимъ уставомъ, другое — о вѣрѣ варяжской или латинской, гдѣ исчисляются отступленія латинянъ отъ православія, запрещается всякое съ ними общеніе въ пищѣ, питьѣ и бракахъ.

Кириллъ Туровскій. Во второй половинѣ XII вѣка у насъ явился проповѣдникъ, который прославился, какъ русскій Златоустъ; это святый Кириллъ Туровскій. Послѣ него осталось 12 словъ, 3 посланія къ инокамъ, 30 молитвъ и молебный канонъ. Названіе Златоуста къ нему, впрочемъ, мало идетъ; онъ даже не столько проповѣдникъ, сколько религіозный поэтъ. Его слова—это скорѣе отвлеченныя, восторженно-витійственныя размышленія о предметѣ того или другаго праздника, чѣмъ поученія. Форма представленій оратора большею частію символическая, изобилующая картинами, олицетвореніями, разговорными эпизодами и т. п.; аллегорически объясняются иногда даже простыя евангельскія повѣствованія. Для большинства тогдашнихъ слушателей всѣ эти слова были малопонятны. За то святый Кириллъ, по характеру своего таланта, является безусловно хорошъ въ своихъ церковныхъ молитвахъ и канонѣ.—Его аскетическія произведенія,—«Сказаніе о черноризческомъ чинѣ» и посланіе къ печерскому игумену Василію, излагаютъ разныя правила монашеской жизни. Въ послѣднемъ посланіи авторъ мимоходомъ касается непостоянныхъ иноковъ, которые рады всякому случаю ослабить строгость жизни ради праздника, ради друга и т. п. Объясняя значеніе монашескихъ одеждъ и обѣтовъ, святитель и здѣсь

впадаетъ въ любимую аллегорическую форму представленій. Третье посланіе «О бѣлоризцѣ человѣцѣ» все состоитъ изъ аллегоріи и называется притчею.

Іоаннъ II, архіепископъ новгородскій, избранный на каѳедру въ 1164 году изъ бѣлаго духовенства (былъ священникомъ при церкви святаго Власія) и пользовавшійся общимъ уваженіемъ, извѣстенъ своимъ соборнымъ поученіемъ приходскому духовенству. Оно предложено имъ въ первый годъ святительства (1165) на епархіальномъ соборѣ въ недѣлю православія и представляетъ собою первый извѣстный и замѣчательный образецъ этого рода учительства древнихъ архипастырей. Содержаніе его составляютъ разнообразныя отрывочныя наставленія и правила, изложенныя въ случайномъ порядкѣ, вѣроятно, въ порядкѣ разновременныхъ наблюденій святителя надъ жизнью духовенства и народа; между прочимъ обличаются въ немъ ростовщичество между духовными, участіе ихъ въ народныхъ игрищахъ, пьянство, даются увѣщанія о благоговѣйномъ обращеніи съ святынями, о наблюденіи за ослабленіемъ языческихъ обычаевъ въ народѣ, противъ невѣнчанныхъ супружествъ и проч.

Отъ описываемаго времени до насъ дошло нѣсколько *поученій безъименныхъ авторовъ*. Особенно замѣчательны поученія противъ остатковъ язычества. Таково «Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ» (въ сборникѣ Златая Цѣпь). Ревнитель, какъ Илія Ѳесвитянинъ, вооружается противъ христіанъ, двоевѣрно живущихъ, вѣрующихъ въ Перуна, Хорса, Мокошь, Сима и Регла и въ Вилъ; требы имъ кладутъ невѣгласы и куръ имъ рѣжутъ; молятся огню, зовутъ его Сварожичемъ: и чеснокъ богомъ творятъ. Такъ поступали, по слову христолюбца, даже попы и книжники, по крайней мѣрѣ соизволяли творящимъ такъ и не хотѣли ихъ поучить. Не подобаютъ христіанамъ игры бѣсовскія, плясанье, гудьба, пѣсни, жертвы идольскія; не подобаетъ молиться подъ овиномъ, молиться огню, Виламъ, Мокоши, Перуну, Волосу-скотью богу, Роду и Рожаницамъ.

Игуменъ Даніилъ. Кромѣ поученій, до насъ дошли назидательныя творенія и въ другихъ родахъ. Игуменъ *Даніилъ*, ходившій въ Іерусалимъ, составилъ для любителей святыхъ мѣстъ любопытное описаніе своего паломничества, бывшее самымъ употребительнымъ чтеніемъ благочестивыхъ людей.

Даніилъ былъ въ Іерусалимѣ вскорѣ послѣ перваго крестоваго похода, былъ обласканъ королемъ *Балдуиномъ*, видѣлъ тамъ много русскихъ путешественниковъ, въ теченіе 16 мѣсяцевъ осмотрѣлъ всѣ святыя мѣста, видѣлъ въ Пасху чудесное схожденіе огня ко гробу Господню, молился о русскихъ князьяхъ, боярахъ и своихъ духовныхъ дѣтяхъ, записалъ ихъ имена при гробѣ Господнемъ и повѣсилъ здѣсь лампаду отъ Русской земли.

Писатели въ повѣствовательномъ родѣ. Изъ повѣствователей древнѣйшій (XI вѣка) *Іаковъ мнихъ*, отъ котораго остались: житіе святаго Владиміра, сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ и нравоучительное посланіе къ великому князю Изяславу.—Въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка Печерскій монастырь воспиталъ знаменитаго лѣтописца—отца Русской Исторіи—преподобнаго *Нестора;* 17-ти лѣтъ пришелъ онъ (1073 г.) къ преподобному Ѳеодосію, при игуменѣ Стефанѣ былъ постриженъ и поставленъ діакономъ, скончался около 1114 года. Лѣтописи древней Руси, кромѣ своего историческаго значенія, всегда имѣли еще значеніе религіозно-поучительное. Разсказъ лѣтописца постоянно прерывается назидательными размышленіями, въ которыхъ проводятся обычныя мысли современной ему морали. Такова лѣтопись преподобнаго Нестора; таковы же труды и другихъ лѣтописцевъ какъ этого времени, такъ и позднѣйшихъ. Кромѣ лѣтописи, преподобный Несторъ написалъ повѣствованіе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ и житіе преподобнаго Ѳеодосія.

Послѣ Іакова и Нестора, какъ жизнеописатель, извѣстенъ еще святый *Симонъ Владимірскій* (1215—1226 г.). Онъ написалъ обширное посланіе къ *Поликарпу*, печерскому иноку, который, будучи обладаемъ страстью почестей, два раза уходилъ изъ монастыря для занятія игуменскихъ мѣстъ и домогался даже епископскаго сана. Въ посланіи Симонъ увѣщевалъ его твердо стоять въ монашескихъ обѣтахъ послушанія и смиренія, не искать высшихъ сановъ, а главное—не оставлять своего монастыря. При этомъ Симонъ описываетъ славу Печерской обители, выражаетъ горячую любовь къ ней и, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Поликарпа, представляетъ цѣлые разсказы о святыхъ подвижникахъ лавры и о нѣкоторыхъ инокахъ, погубившихъ души страстями, наконецъ, подробно передаетъ исторію созданія печерской церкви. *Поли-*

карпъ продолжалъ трудъ Симона въ своемъ посланіи къ печерскому архимандриту *Акиндину*, который просилъ его разсказать о печерскихъ угодникахъ. Ссылаясь на устные разсказы Симона, Поликарпъ написалъ еще 11 разсказовъ о печерскихъ святыхъ, о которыхъ не сказано въ посланіи Симона. Изъ этихъ посланій Симона и Поликарпа, съ прибавленіемъ къ нимъ извѣстій объ Антоніѣ, Ѳеодосіѣ и другихъ подвижникахъ изъ Нестора, составился печерскій *Патерикъ*.

Изъ *житій* русскихъ святыхъ къ описываемому времени принадлежатъ еще: житіе Антонія Римлянина, написанное преемникомъ его по игуменству *Андреемъ*, житіе Аврамія смоленскаго, написанное ученикомъ его *Ефремомъ*, и житія Леонтія и Исаіи ростовскихъ.

ГЛАВА IV.

Богослуженіе.

Общій взглядъ на богослуженіе. Христіанская письменность была доступна, разумѣется, только людямъ грамотнымъ; народная же масса, какъ и вездѣ, особенно въ новопросвѣщенныхъ странахъ, училась вѣрѣ и пріобрѣтала христіанское настроеніе главнымъ образомъ чрезъ церковное богослуженіе. Богослуженіе это, совершаемое на родномъ славянскомъ языкѣ, было самымъ могущественнымъ миссіонерскимъ и просвѣтительнымъ орудіемъ православной церкви и болѣе всего способствовало успѣхамъ ея въ Русской землѣ. Дѣйствіе его на народъ было тѣмъ сильнѣе, что до введенія христіанства русскіе Славяне почти вовсе не имѣли у себя общественныхъ богослужебныхъ обрядовъ; оно было для нихъ въ собственномъ смыслѣ первымъ общественнымъ богослуженіемъ и, будучи принесено изъ Греціи уже въ полномъ развитіи всѣхъ своихъ обрядовъ, до того поражало ихъ своимъ благолѣпіемъ и величіемъ, что всѣ старыя народныя игрища и обряды сразу получили предъ нимъ значеніе одной только игры и пустого народнаго увеселенія. Не мудрено, что первые просвѣтители русскихъ Славянъ,—іерархи и князья, заботились о размно-

женіи храмовъ Божіихъ еще болѣе, чѣмъ о размноженіи школъ и книгъ. Построеніе церквей и снабженіе ихъ иконами, сосудами, облаченіями, книгами и всякими необходимыми принадлежностями поставлялись въ числѣ самыхъ важныхъ подвиговъ благочестія, которые современныя лѣтописи восхваляли при воспоминаніи почти о всѣхъ болѣе замѣчательныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицахъ.

Первые храмы. Первымъ строителемъ церквей является первый же русскій князь-христіанинъ, святый Владиміръ, повелѣвшій по крещеніи народа «рубить церкви по градомъ». Въ Кіевѣ онъ самъ поставилъ церковь во имя святаго Василія (своего ангела по христіанскому имени) на холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна. Другую церковь каменную во имя Успенія Богородицы онъ построилъ на мѣстѣ убіенія варяговъ Ѳеодора и Іоанна съ помощью греческихъ мастеровъ, которые строили ее 5 лѣтъ (до 996 г.), удивилъ ее сребромъ и златомъ и назначилъ на содержаніе ея десятину отъ своего имѣнія и своихъ городовъ, отъ чего она и была названа Десятинной. Осталось послѣ него нѣсколько другихъ церквей, — въ Берестовѣ, въ Василевѣ, Вышгородѣ и проч. Послѣ Владиміра усердными строителями церквей явились его дѣти — Мстиславъ и Ярославъ. Первый выстроилъ соборъ Спаса въ Черниговѣ, второй богатую кіевскую Софію на подобіе Софіи цареградской, церковь Благовѣщенія на Златыхъ вратахъ Кіева, «да радость будетъ граду тому всегда святымъ Благовѣщеніемъ», церкви въ кіевскихъ монастыряхъ святаго Георгія (ангела великаго князя) и святой Ирины (ангела его супруги). Сынъ его Владиміръ построилъ Софію новгородскую. Владиміръ Мономахъ построилъ соборы въ Ростовѣ и Смоленскѣ, сынъ его Юрій — въ Суздалѣ, Андрей Боголюбскій — богатѣйшій соборъ Успенія во Владимірѣ и монастырь Боголюбовъ и т. д. Много церквей построено нашими архипастырями, частными лицами и цѣлыми народными общинами. Съ теченіемъ времени церквей, особенно по городамъ, стало очень много, о чемъ можно судить по извѣстіямъ лѣтописей о разныхъ городскихъ пожарахъ; напримѣръ въ 1124 году въ Кіевѣ сгорѣло до 600 церквей, во Владимірѣ въ 1185 году — 32, въ Новгородѣ въ 1217 году—до 20 только въ одной половинѣ города и т. д. Церкви впрочемъ были большею частію деревянныя. Каменныхъ было немного, — для постройки ихъ обращались обыкновенно къ помощи греческихъ или нѣмецкихъ мастеровъ. При извѣстіи о возобновленіи суздаль-

скаго собора въ 1193 году лѣтописецъ, какъ о чудѣ, замѣчаетъ, что епископъ *Іоаннъ* не искалъ для того мастеровъ отъ нѣмецъ, а довольствовался своими русскими.

Святыни храмовъ—святыя иконы. Первыя святыни храмовъ,—святыя иконы были тоже не русскаго мастерства, а получались изъ Греціи или Болгаріи. Много принесъ ихъ съ собою еще святый Владиміръ изъ Корсуня и царевна Анна изъ Царяграда. Древнѣйшія иконы у насъ такъ и называются доселѣ общимъ именемъ корсунскихъ или цареградскихъ. Подвижныя иконы выписывались изъ Греціи, для расписыванія храмовъ неподвижнымъ стѣннымъ письмомъ вызывались оттуда сами мастера, напримѣръ для расписанія кіевскаго, новгородскаго и владимірскаго соборовъ, кіевопечерской церкви и др. Потомъ отъ греческихъ мастеровъ иконописное искусство стали принимать и русскіе. Въ XI вѣкѣ въ кіевопечерскомъ монастырѣ встрѣчаемъ перваго, извѣстнаго по имени иконописца, преподобнаго *Алипія*, который изъ безмезднаго писанія иконъ для церквей и частныхъ лицъ сдѣлалъ для себя христіанскій подвигъ. Житіе его разсказываетъ, что анѣлъ писалъ за него иконы, когда онъ былъ боленъ, что иконы его оставались цѣлыми во время пожаровъ украшенныхъ ими церквей. Издревле существовалъ обычай украшать иконы богатыми ризами.

Особенно украшались и чествовались иконы чудотворныя. Самыми замѣчательными изъ нихъ были: 1) икона Богоматери *Печерская*, принесенная изъ Царяграда греческими мастерами; 2) икона Богоматери *Смоленскал* (Одигитрія), присланная изъ Царяграда къ Всеволоду черниговскому, потомъ (въ 1111 году) перенесенная въ Смоленскъ Владиміромъ Мономахомъ; 3) *Владимірская*, бывшая прежде въ женскомъ монастырѣ въ Вышгородѣ, потомъ перенесенная во Владиміръ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ; 4) икона *Знаменія* Божіей Матери въ Новгородѣ; 5) святителя *Николая Зарайскаго*, въ 1224 году принесенная изъ Корсуня въ Зарайскъ Корсунянином *Евстафіемъ*, которому трижды являлся святитель, повелѣвая нести свою икону въ Рязанскую землю. Почти каждый городъ имѣлъ свою чудотворную икону, которую считалъ своею славою и утвержденіемъ. На чествованіи святыхъ иконъ отразилось большое вліяніе удѣльнаго духа. Святыня являлась мѣстною, покровительствующею своему краю исключительно. Съ такой мѣстной точки зрѣнія разсказывались и чудесныя дѣйствія отъ мѣстной святыни. О Владимірской иконѣ

лѣтопись разсказываетъ, что, когда вышегородскіе клирики разсказали князю Андрею, какъ икона нѣсколько разъ оставляла свое мѣсто въ храмѣ, князь убѣдился, что ей угодно перейти въ Ростовскую землю, и тайно унесъ ее съ собою. На пути въ Ростовъ сама Богоматерь повелѣла ему нести икону не въ Ростовъ, а во Владиміръ, который Андрей хотѣлъ сдѣлать своимъ стольнымъ городомъ вмѣсто Ростова. Поставленная во владимірскомъ соборѣ, святая икона сдѣлалась мѣстною святынею города. Каждое замѣчательное событіе края въ мѣстной лѣтописи разсказывается, какъ чудо Богородицы. Возникла напримѣръ борьба между Ростовомъ и Владиміромъ о первенствѣ, кончилась въ пользу Владиміра, и лѣтописецъ объясняетъ, что въ этомъ спорѣ городовъ Ростовцы были правы, но они хотѣли поставить свою человѣческую правду, а забыли о правдѣ Божіей, воспротивились Богородицѣ, которая избрала не Ростовъ, а Владиміръ.— Въ 1170 году Андрей Боголюбскій послалъ въ Новгородъ войско въ наказаніе за нарушеніе крестнаго цѣлованія. Владыка *Іоаннъ* вынесъ на стѣны мѣстную святыню Новгорода—икону Знаменія Богоматери. Осаждавшіе не переставали стрѣлять и одна стрѣла попала въ чудотворный образъ; онъ самъ собою обратился ликомъ къ городу и испустилъ слезы. И вотъ тьма покрыла полки Боголюбскаго, какъ нѣкогда полки Фараона, и они потерпѣли страшное пораженіе. Такъ разсказываетъ новгородская лѣтопись; но владимірскій лѣтописецъ, разумѣется, не считаетъ своего святаго князя за Фараона и разсказываетъ, что войска его съ помощію Владимірской Богоматери достаточно наказали клятвопреступниковъ Новгородцевъ, бѣдственное же возвращеніе Андреевыхъ полковъ приписываетъ только трудности пути и голоду.— Съ чужой святыней часто обращались неуважительно. Въ 1169 г. полки того же князя Андрея и его союзниковъ взяли Кіевъ и разграбили Софійскій, Десятинный и др. храмы и монастыри, взяли съ собой ризы, колокола, иконы и всякую утварь, вѣроятно, для украшенія своихъ церквей; нѣкоторыя церкви даже сожгли.

Святыя мощи. Другою чтимою святынею были святыя мощи. Ихъ доставлялъ въ Россію Царьградъ, бывшій тогда хранилищемъ мощей изъ разныхъ мѣстъ востока, захваченныхъ мухаммеданами. Открывались мощи и русскихъ святыхъ: въ 1007 году были открыты мощи святой великой княгини Ольги, въ 1020 году—святыхъ Бориса и Глѣба, въ 1091 году—преподобнаго Ѳеодосія печерскаго, въ 1164 году—святыхъ Леонтія

и Исаіи ростовскихъ, потомъ—Аврамія ростовскаго, въ 1192 г.—князя Всеволода псковскаго. Удѣльный духъ проявлялся и въ чествованіи святыхъ мощей. Когда открыты были мощи святаго Леонтія, Андрей Боголюбскій благодарилъ за нихъ Бога и говорилъ: «теперь я уже ничѣмъ не охужденъ» предъ другими князьями, у которыхъ въ удѣлахъ были свои мощи. Въ сказаніи объ открытіи мощей князя Всеволода въ укоризну Новгороду говорится, что Новгородцы выгнали отъ себя этого князя при жизни, а теперь прислали протопопа во Псковъ за его мощами, но что святый самъ не восхотѣлъ идти къ нимъ (рака съ мощами не сдвигалась съ мѣста) и только въ знакъ примиренія своего съ Новгородомъ спустилъ на благословеніе этому граду ноготь съ своей руки.

Общественное значеніе храмовъ. Христіанскія святыни такимъ образомъ, кромѣ религіознаго, получили еще высокій общественный характеръ. Понятно, какое общественное значеніе долженъ былъ имѣть христіанскій храмъ, когда около него сосредоточивалась вся общинная жизнь. На погостѣ около него собирались общинные сходы, рѣшались общинныя дѣла, завязывались сдѣлки, торги, тутъ же стояла приходская школа, въ которой учило мѣстное духовенство, и приходская богадѣльня, въ которой чрезъ посредство того же духовенства совершались дѣла общественной благотворительности. Отъ того наша древняя община всегда носила не столько юридическій, договорный характеръ, сколько религіозно-братскій. Лучшимъ выраженіемъ такого религіознаго братства ея членовъ служитъ древняя приходская братчина. Вся приходская община изъ сборнаго солода и крупъ готовила общее братское пиво и кашу и сообща праздновала свой приходскій праздникъ. О важности этихъ праздниковъ для развитія общественности говоритъ старая пословица, замѣчающая о неуживчивомъ человѣкѣ: «съ нимъ пива (или каши) не сваришь». Съ теченіемъ времени такія временныя братскія собранія отъ частаго повторенія ихъ обращались въ постоянные союзы, въ братства, которыя принимали на себя заботу о всѣхъ приходскихъ дѣлахъ, о содержаніи церкви и причта, о богадѣльнѣ и приходской школѣ. Такое именно братство мы и видимъ въ Иванскомъ купечествѣ около церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ. Чѣмъ былъ приходскій храмъ для приходской общины, тѣмъ же былъ соборъ для города и для цѣлаго удѣла. Около него сосредоточивалась вся городская жизнь, жили вла-

дыка и князь, собиралось по звону соборнаго колокола вѣче. Самый городъ считался какъ бы принадлежностію собора. Новгородъ былъ городомъ святой Софіи, Псковъ — святой Троицы, Владиміръ—Богородицы и т. д. Всѣ волости и пригороды тоже были волостями и пригородами Софіи, Спаса, Богородицы и пр. Имена этихъ святынь служили военными кликами въ удѣльныхъ битвахъ. Все городское благосостояніе поставлялось подъ покровительство мѣстной святыни. О построеніи новгородскаго собора сохранилось въ этомъ отношеніи выразительное преданіе. На куполѣ собора иконописцы изобразили Спаса съ благословляющей рукою, но на другой день рука Его оказалась сжатою; два раза поправляли и оба раза рука опять сжималась; въ третій разъ услышали голосъ отъ образа: «Писари, писари! не пишите Меня съ благословляющей рукою, а пишите со сжатою; въ этой рукѣ Я держу весь Новгородъ; когда она раскроется, будетъ скончаніе граду».

Новые русскіе праздники. Обрѣтеніе мощей русскихъ угодниковъ Божіихъ, строеніе знаменитыхъ храмовъ, чудеса, напримѣръ чудо Знаменія Богородицы во время осады Новгорода въ 1170 г., чудо Спасителя, Богоматери и Честнаго Креста въ побѣдѣ 1-го августа князя Андрея Боголюбскаго надъ Болгарами (1164 г.) и другія событія дѣлались поводомъ къ установленію новыхъ праздниковъ. Къ концу XI или въ началѣ XII вѣка явился новый праздникъ перенесенія мощей святителя Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ городъ Баръ (оно происходило въ 1087 г. по случаю занятія Ликіи Турками), праздникъ, котораго Греки не праздновали.

Богослужебные уставы, книги и церковное пѣніе. Какой уставъ былъ принятъ у насъ при богослуженіи, опредѣлить трудно. Въ большинствѣ бѣдныхъ церквей не доставало самыхъ нужныхъ богослужебныхъ книгъ, а о постоянной уставной организаціи богослуженія нечего было пока и думать. Первый опредѣленный уставъ введенъ былъ ранѣе всѣхъ церквей и монастырей преподобнымъ Ѳеодосіемъ въ монастырѣ Печерскомъ; это былъ уставъ Студійскій. Отсюда онъ распространился повсюду и сдѣлался надолго господствующимъ въ Русской церкви. Богослужебныя книги употреблялись у насъ сначала въ болгарскомъ переводѣ; въ самой Россіи ихъ стали переводить со времени Ярослава, который, по отзыву лѣтописца, любилъ церковные уставы. Явилось нѣсколько и русскихъ бого-

служебныхъ произведеній: митрополитъ Іоаннъ I написалъ службу святымъ Борису и Глѣбу, епископъ *Іоаннъ* ростовскій въ концѣ XII вѣка—службу святому Леонтію ростовскому; были написаны службы преподобному Ѳеодосію печерскому, на перенесеніе мощей святителя Николая въ Баръ-градъ (9-го мая) и святому Владиміру. Изъ авторовъ въ богослужебномъ родѣ извѣстны: печерскій инокъ конца XI вѣка *Григорій*—творецъ каноновъ, которому принадлежатъ каноны преподобному Ѳеодосію и святому Владиміру, самъ Ѳеодосій, составившій нѣсколько молитвъ, и святый Кириллъ туровскій, написавшій молитвы на дни недѣли и канонъ молебный. При великомъ князѣ Ярославѣ русское богослуженіе получило особенное благолѣпіе отъ введенія въ него, вмѣсто прежняго болгарскаго унисоннаго пѣнія, «изряднаго осмогласія (по 8 гласамъ октоиха), наипаче же трисоставнаго сладкогласованія (гармоничнаго трехголоснаго пѣнія)», которое принесли въ Россію явившіеся въ 1051 году съ нотами три греческихъ пѣвца, «и самаго демественнаго пѣнія», по мелодіямъ императорскихъ и патріаршихъ доместиковъ (регентовъ).

Богослужебныя особенности Русской церкви и развитіе обрядности въ религіозной жизни. Изъ вопросовъ Кирика епископу Нифонту и другимъ духовнымъ лицамъ, церковнаго правила митрополита Іоанна II и другихъ памятниковъ описываемаго времени узнаемъ разныя особенности Русской церкви въ совершеніи священнодѣйствій сравнительно съ позднѣйшимъ временемъ, обычаи, при томъ наблюдавшіеся, и вмѣстѣ указанія на крайнее развитіе обрядности въ религіозной жизни. Крещеніе младенца совершалось въ 40-й день по рожденіи, если онъ не былъ очень слабъ, и позднѣе, даже до трехъ лѣтъ. Послѣ нареченія христіанскаго имени всегда оставалось въ употребленіи другое мірское (славянское) имя. При крещеніи взрослыхъ принято было оглашать инородцевъ въ теченіе 40, а славянина въ теченіи только 8 дней, вѣроятно, какъ лучше подготовленнаго къ принятію вѣры. Въ 8-й день послѣ крещенія совершался обрядъ разрѣшенія, состоявшій, вѣроятно, въ снятіи съ крещенаго бѣлой одежды и въ омовеніи знаковъ муропомазанія. Латинянъ, а равно отпадшихъ отъ православія присоединяли къ церкви чрезъ одно муропомазаніе. Касательно литургіи извѣстно, что ее можно было совершать даже на одной просфорѣ: вообще число просфоръ не было опредѣлено. Таин-

ство Евхаристіи было окружено высокимъ благоговѣніемъ, которое возбуждало въ Кирикѣ иногда простодушные вопросы, напримѣръ: можно ли попу служить, если онъ, поужинавъ, промолится всю ночь и не соснетъ? Можно ли давать причастіе человѣку, у котораго гной идетъ изъ устъ? Владыка Нифонтъ отвѣчалъ ему, что можно. Смущало также Кирика недоумѣніе, можно ли причащать женщину, умирающую отъ родовъ, ранѣе 40 дней; велѣно вынести ее въ другую избу, обмыть и потомъ причастить. Обрядовый взглядъ на покаяніе выразился, между прочимъ, въ дозволеніи супругамъ нести эпитиміи другъ за друга. Было еще вѣрованіе, что 10 литургій могутъ избавить отъ грѣховъ за 4 мѣсяца, 20 — за 8 мѣсяцевъ, 30 — за цѣлый годъ. Владыка Нифонтъ отвергалъ это вѣрованіе, говоря, что богатый могъ бы при этомъ грѣшить безпрепятственно, только расплачиваясь за литургіи. Погребать умершихъ было принято до захожденія солнца: «то бо есть послѣднее видитъ солнце до будущаго воскресенія», объяснилъ Нифонтъ. Святители находили нужнымъ запрещать совершеніе сорокоустовъ заживо. Нельзя отсюда не замѣчать въ юномъ русскомъ христіанскомъ обществѣ слабаго знакомства съ духомъ православія и преобладанія обрядоваго направленія. Церковные пастыри вынуждены были возставать противъ чрезмѣрнаго упованія на обряды, въ которыхъ простота видѣла болѣе доступные для нея способы ко спасенію безъ внутренняго религіознаго развитія. Такъ, въ XII вѣкѣ стало нужно запрещать путешествія ко святымъ мѣстамъ, которыя очень рано вошли у насъ въ благочестивый обычай. Нифонтъ новгородскій совѣтовалъ разрѣшать путешествія только немногимъ, съ разборомъ, а его преемникъ святый Іоаннъ за обѣты идти ко святымъ мѣстамъ велѣлъ даже налагать эпитиміи.

Споръ о постахъ въ среду и пятокъ, долго занимавшій русское общество, тоже принадлежитъ къ характеристическимъ явленіямъ времени. Въ 1157 г. Ростовцы выгнали отъ себя епископа *Нестора* за то, что онъ, на основаніи дѣйствовавшихъ въ Греціи древнихъ строгихъ постановленій, не разрѣшалъ поста въ среду и пятокъ даже по случаю великихъ праздниковъ, кромѣ Пасхи, Пятидесятницы, Рождества и Богоявленія Господня. Противникомъ его былъ нѣкто *Θеодоръ*, племянникъ смоленскаго епископа Мануила, который, на основаніи болѣе поздняго Студійскаго устава (X в.), считалъ дозволеннымъ разрѣшать постъ

не только для Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ, но и для памятей великихъ святыхъ. *М. Θеодоръ* и патріархъ оправдали ученіе Нестора. Но преемникъ Нестора *Леонтій* былъ еще строже: основываясь на правилахъ, въ X и XI в. уже отмѣненныхъ, онъ не хотѣлъ разрѣшать поста ни для какихъ праздниковъ, и явилась, по выраженію лѣтописца, «ересь леонтиніанская». Въ Россіи его оспорили; онъ отправился для рѣшенія дѣла въ Грецію, но и тамъ тоже былъ осужденъ. Въ 1168 году споръ о постѣ, затихшій было на сѣверѣ, съ новою силою возгорѣлся на югѣ. Печерскій игуменъ *Поликарпъ* съ братіею держались относительно постовъ правилъ Студійскаго устава. Митрополитъ Константинъ раздѣлялъ напротивъ мнѣніе Нестора. По предложенію великаго князя Мстислава, въ Кіевѣ собрался соборъ. Но на соборѣ мнѣнія тоже раздѣлились: одни съ великимъ княземъ стали на сторону митрополита; другіе, не желая досаждать ни митрополиту, ни великому князю, предоставляли распоряженія о соблюденіи того или другого устава волѣ архіереевъ и игуменовъ по монастырямъ; третьи думали, что дѣло нужно перенести на судъ патріарха. Мстиславъ закрылъ соборъ безъ рѣшенія, но когда всѣ несогласные съ митрополитомъ разъѣхались, Поликарпъ былъ осужденъ на заточеніе. Этотъ поступокъ митрополита сильно встревожилъ противную партію, которая благоговѣла предъ печерскимъ игуменомъ за его святость. Святославъ черниговскій даже прогналъ своего епископа Антонія за то, что онъ дѣйствовалъ заодно съ митрополитомъ. Послѣдовавшее вскорѣ взятіе Кіева войсками Боголюбскаго народъ прямо объяснялъ гнѣвомъ Божіимъ за Поликарпа. Правила Студійскаго устава относительно постовъ оставались господствующими въ Россіи до паденія этого устава въ слѣдующемъ періодѣ.

ГЛАВА V.

Христіанская жизнь.

Вліяніе христіанства на перемѣну нравственно-религіозной жизни русскаго народа. Понятно, что обрядовое благочестіе не могло представлять особенно сильныхъ сдержекъ проявленію грубыхъ страстей удѣльнаго вре-

мени. Это было тяжелое время усобицъ; опустошительныя войны шли изъ года въ годъ то тамъ, то здѣсь. Князь, строившій въ своемъ городѣ церкви и монастыри, подававшій милостыню, прославляемый лѣтописцемъ, какъ князь благочестивый, грабилъ и жегъ церкви и монастыри въ чужомъ удѣлѣ, истреблялъ чужихъ смердовъ и ихъ животы, и потомъ на счетъ чужого добра и чужихъ, православныхъ же, святынь украшалъ свои святыни. То же самое дѣлали жители одного края съ жителями другаго. Видимъ множество жестокостей, въ родѣ ослѣпленія Василька, братоубійства между князьями рязанскими, убіенія князя Игоря Кіевлянами, Андрея Боголюбскаго его дружинниками, ослѣпленія Ростиславичей Владимірцами. Въ религіи, въ крестномъ цѣлованіи было единственное ручательство мира и безопасности, но подъ вліяніемъ страстей и это ручательство оказывалось не крѣпкимъ; встрѣчаемъ примѣры грубаго презрѣнія къ клятвѣ. Нарушивъ клятву, данную великому князю Изяславу II, Владимірко галицкій съ насмѣшкой сказалъ его посламъ, указывая на крестъ, который цѣловалъ: «Что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ»? и послѣ этого отправился къ вечернѣ. Видимъ большое уваженіе къ духовенству, но и это уваженіе было тоже не прочно. Ростиславъ, братъ Мономаха, убилъ святаго инока *Григорія* за обличеніе. Великій князь Святополкъ тоже за обличеніе мучилъ печерскаго игумена *Іоанна*, а между тѣмъ этотъ князь славился своимъ уваженіемъ къ Печерскому монастырю. Сынъ его Мстиславъ замучилъ иноковъ того же монастыря *Ѳеодора* и *Василія*, услыхавъ, будто они нашли кладъ и не хотятъ отдать ему своей находки.

При всемъ томъ въ жизни общества нельзя не замѣчать и христіанскаго вліянія. И древнія лѣтописи, и проповѣдь духовенства, и рѣчи князей — всѣ говорятъ о мирѣ, о соединеньи, осуждаютъ современную рознь и безурядицу во имя высшихъ, нравственныхъ началъ. Рѣчи эти не всегда переходили въ дѣло, но важно и то, что онѣ существовали; видно, что общество было все-таки христіанское. Пастырямъ церкви нерѣдко и на самомъ дѣлѣ удавалось останавливать кровопролитіе. Подъ вліяніемъ церкви является между князьями нѣчто похожее на миръ Божій, который видимъ въ это же время среди усобицъ западнаго феодализма: по воскресеньямъ не дѣлали приступовъ къ городамъ; Мономахъ прекращалъ войну предъ великимъ постомъ. Вмѣсто древняго долга мстить за свою обиду и богатырскаго стремленія

вездѣ честь свою взять, нѣкоторые князья усвоиваютъ себѣ другія, высшія правила—прощать обиды, смиряться предъ соперникомъ, чтобы не проливать крови христіанской. Мономахъ уступаетъ великокняжескій престолъ другому, чтобы избѣжать кровопролитія, всю жизнь свою разбираетъ ссоры князей и миритъ ихъ. Сынъ его Мстиславъ не хочетъ воевать съ Олегомъ рязанскимъ, даже ходатайствуетъ за него предъ своимъ отцомъ, а этотъ Олегъ убилъ его брата, хотѣлъ отнять удѣлъ у него самого. По этому случаю Мономахъ написалъ замѣчательное по своему теплому христіанскому чувству посланіе къ Олегу, вызывая его на миръ и прощая ему все.

Въ семейной жизни церковь старалась прежде всего проводить правильныя понятія о бракѣ. Изъ правила митрополита Іоанна узнаемъ, что въ простомъ народѣ думали, будто брачный обрядъ существуетъ только для князей и бояръ. Уставъ Ярослава назначилъ пеню съ двоеженца. Изъ вопросовъ Кирика видимъ, что языческая невоздержность и сожительство съ женами безъ благословенія церковнаго не исчезли еще и въ высшихъ классахъ. Церковь старалась ограничить свободу разводовъ по смыслу каноническихъ постановленій, допуская послабленіе только въ томъ случаѣ, когда мужъ оставлялъ жену или жена мужа для постриженія въ монашество; остающейся въ міру половинѣ дозволялось вступать въ новый бракъ. Въ отношеніяхъ половъ господствовала чувственная грубость, что унижало даже самый бракъ и вызывало противоположную крайность, — развитіе крайне-аскетическихъ воззрѣній на бракъ и на женщину. Второй бракъ допускался только изъ снисхожденія къ немощамъ природы, а третій считался уже блудомъ; священнику, благословившему такой бракъ, правило митрополита Іоанна назначило изверженіе изъ сана. Женщина трактовалась, какъ причина соблазновъ и существо нечистое. Кирикъ сомнѣвался, можно ли служить въ ризахъ, въ которыя вшитъ платъ отъ женской одежды. Въ грамотномъ обществѣ ходили разныя бранчивыя замѣтки о женской злобѣ, которыя потомъ разрослись въ большія статьи.

Остатки язычества. Вооружаясь противъ нравственныхъ нестроеній общества, церковь должна была въ то же время бороться противъ остатковъ язычества. Это было время еще самаго грубаго двоевѣрія въ народѣ. Многіе по старой памяти ходили молиться подъ овины, къ священнымъ деревамъ, озерамъ и кладязямъ, сходи-

лись на языческія игрища и проч. Не забыты еще были и древніе миѳы; въ «Словѣ о полку Игоревѣ» говорится и о вѣтрахъ—Стрибожихъ внукахъ, и о Дажбогѣ, и о Хорсѣ, которому прорыскивалъ путь волкодлакъ (оборотень) Всеславъ полоцкій, и о Боянѣ—внукѣ Волоса, и о миѳической силѣ стихій, къ которымъ плачущая Ярославна (супруга Игоря) обращается, какъ къ божествамъ, съ воззваніемъ: «почто, господине?..» Мы видѣли, какъ сильны еще были волхвы. Самъ лѣтописецъ раздѣляетъ народную вѣру въ ихъ силу, только, сообразно съ новыми понятіями, приписываетъ эту силу дьяволу. О Всеславѣ полоцкомъ онъ разсказываетъ, что мать «родила его отъ волхвованія съ язвой на головѣ, и волхвы сказали: навяжи на эту язву наузъ, который пусть носитъ до смерти; Всеславъ точно носитъ его до сихъ поръ, отъ того онъ такъ и кровожаденъ». Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ увѣряетъ, что волхвованія особенно бываютъ отъ женщинъ, повторяя языческія понятія о вѣдьмахъ. Церковь преслѣдовала полу-языческія народныя игрища и волхвовъ, но ея мѣры не могли проникнуть въ недоступныя нѣдра семьи, гдѣ главнымъ образомъ и хранилась языческая старина. Тутъ по старому *краяли* (рѣзали) хлѣбъ, сыръ и медъ Роду и Рожаницамъ, молились домашнему очагу, употребляли разные заговоры и чародѣйныя средства; примѣты, обряды и повѣрья окружали всю домашнюю жизнь, такъ что проповѣдники прямо обличали народъ въ язычествѣ.

Примѣры благочестія въ жизни русскихъ князей и пастырей церкви. При слабомъ усвоеніи христіанства въ народной массѣ не удивительно, что примѣры истинно христіанской жизни за описываемое время извѣстны намъ преимущественно между высшими классами и духовенствомъ. Восходящее солнце озарило только вершины,—низменности лежали въ прежнемъ мракѣ. Первый примѣръ нравственнаго возрожденія подъ вліяніемъ христіанской вѣры представляетъ намъ самъ *Владиміръ*. Изъ удалого вождя дружины, чуждаго землѣ, какими были и онъ, и всѣ прежніе князья, онъ сталъ первымъ земскимъ княземъ нарядникомъ, который думалъ съ дружиной, епископами и старцами «о строи землянемъ», который и воевалъ уже не изъ одной беззавѣтной богатырской удали, а для защиты своей страны, сталъ «краснымъ солнышкомъ» народа. Его широкая натура, которая вела его прежде къ излишествамъ языческаго разгула, теперь проявлялась въ необыкновенномъ благодушіи и

ласковости, о которыхъ говорятъ и лѣтопись, и старыя былины. Это былъ ласковый князь, у котораго всѣмъ былъ радушный пріемъ и привѣтъ, добрый кормилецъ нищихъ, покровитель слабыхъ. Бѣднякъ смѣло шелъ на его княжескій дворъ и бралъ кушанье, питье и деньги. Этого мало: «дряхлые и больные, сказалъ князь, не могутъ доходить до моего двора», и велѣлъ всякіе припасы развозить для нихъ по городу. Въ праздники онъ ставилъ трапезы себѣ съ дружиной, духовенству и нищимъ. Въ своемъ церковномъ уставѣ онъ тоже позаботился о богадѣльняхъ и больницахъ. 15 іюля 1015 года умеръ добрый князь, и плакали по немъ всѣ, знатные и убогіе. Мощи его положены были въ Десятинной церкви. По слѣдамъ его пошли дѣти его, — второе христіанское поколѣніе русскихъ князей,—*Борисъ* и *Глѣбъ*, *Мстиславъ*, *Ярославъ* съ супругою *Ириною*, въ иночествѣ *Анною*, первой инокиней изъ русскихъ княгинь. Слѣдующія поколѣнія русскихъ князей выставили изъ своей среды нѣсколько святыхъ, прославленныхъ церковію, каковы были: сынъ Ярослава *Владиміръ* новгородскій—строитель новгородской Софіи, просвѣтитель Мурома *Константинъ* съ чадами, сынъ Мономаха *Мстиславъ*, сынъ Мстислава *Всеволодъ* псковскій, черниговскіе *Игорь Ольговичъ* и *Святославъ Давыдовичъ*—въ иночествѣ *Николай Святоша*, *Ростиславъ* смоленскій, *Андрей Боголюбскій*, *Петръ* и *Ѳевронія* муромскіе и друг. Между княгинями, кромѣ св. Ольги, Ѳевроніи и Ирины, прославились святостію *Анна*, сестра Мономаха, подвизавшаяся въ кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ, и *Евфросинія*, дочь Святослава полоцкаго, основавшая монастырь въ Полоцкѣ, подъ старость путешествовавшая въ Іерусалимъ и тамъ скончавшаяся (1173).

Изъ русскихъ митрополитовъ причислены къ лику святыхъ *Михаилъ*, *Иларіонъ*, *Іоаннъ II*, *Ефремъ* и *Константинъ;* изъ епископовъ: ростовскіе — *Ѳеодоръ*, *Леонтій*, *Исаія*, владимірскій *Симонъ*, туровскій *Кириллъ*. Особенно много видимъ въ ликѣ святыхъ новогородскихъ владыкъ, таковы: епископы *Іоакимъ*, *Лука Жидята*, *Никита* чудотворецъ, извѣстные *Нифонтъ* и *Аркадій*, *Іоаннъ* участвовавшій въ чудѣ Знаменія Богородицы; слава о его святости и чудесахъ надъ бѣсами послужила поводомъ къ составленію сказанія о поѣздкѣ его въ Іерусалимъ на бѣсѣ.

Монашество. Но главнымъ средоточіемъ святой жизни были монастыри. За стѣнами монастыря грубымъ страстямъ да-

вался полный просторъ; въ монастырѣ былъ совершенно другой міръ, гдѣ духъ господствовалъ надъ плотію, міръ дивныхъ сказаній объ иноческихъ подвигахъ, видѣніяхъ, чудесахъ, сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ бѣсовскою силою. Подвиги монаховъ—богатырей духа—были поразительнѣе всѣхъ прежнихъ подвиговъ богатырей физической силы, сіяли, какъ выражался святитель Кириллъ туровскій, выше мірской власти. Этимъ объясняется стремленіе въ монастырь всѣхъ лучшихъ людей времени, стремленіе по крайней мѣрѣ хоть передъ смертью облечься въ иноческій образъ, которое церковь должна была даже сдерживать. Игуменъ Поликарпъ съ трудомъ уговорилъ отказаться отъ постриженія великаго князя Ростислава, представляя ему, что князьямъ Богъ повелѣлъ жить въ міру, творить судъ и правду и соблюдать данную присягу. Умирая безъ постриженія, Ростиславъ горько жаловался на то, что его удержали отъ монашества. Нѣкоторыя поученія старались внушать, что не спасутъ человѣка одинъ постъ и черныя ризы, когда онъ имѣетъ злобу и неправду дѣетъ. Монастыри стали являться у насъ съ самаго начала христіанства въ Кіевѣ и Новгородѣ. «Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ князей и бояръ, но не таковы они, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ и бдѣніемъ». Такимъ монастыремъ, какой былъ нуженъ для юнаго христіанскаго общества, со временъ Ярослава и Изяслава явился монастырь Кіевопечерскій, основанный Антоніемъ и Ѳеодосіемъ.

Преподобные Антоній и Ѳеодосій. Преподобный Антоній былъ родомъ изъ Любеча. Постриженіе свое онъ получилъ на Аѳонѣ, куда отправился для удовлетворенія своего стремленія къ иноческому совершенству. Игуменъ монастыря, въ которомъ онъ подвизался, понялъ, какую пользу его подвиги могутъ принести въ Россіи, и сказалъ ему: «Иди опять на Русь, и да будетъ на тебѣ благословеніе святой горы, ибо отъ тебя имѣютъ произойти многіе черноризцы». Антоній пришелъ въ Кіевъ, обошелъ всѣ монастыри, но ни въ одномъ не нашелъ такой строгой жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ, и въ 1051 году поселился въ пещерѣ недалеко отъ города. Скоро узнали о подвижникѣ люди, стали приходить за благословеніемъ, а нѣкоторые просились къ нему на сожительство. Первый поселился въ его пещерѣ пресвитеръ *Никонъ*, постригавшій потомъ всѣхъ, кого принималъ Антоній. За нимъ пришелъ *Ѳеодосій*.

Преподобный Ѳеодосій былъ родомъ изъ Василева, но всю молодость провелъ въ Курскѣ, куда переселился съ родителями. Еще 14 лѣтъ онъ лишился отца и попалъ въ руки матери, одной изъ тѣхъ матерей, которыя любятъ деспотически. Мальчикъ рано выучился грамотѣ, сталъ читать книги, увлекся мыслями въ иной міръ и предался аскетическимъ подвигамъ. Домашняя жизнь не представляла удобствъ для этихъ подвиговъ, противъ которыхъ сильно протестовала любовь матери, и Ѳеодосій бѣжалъ изъ дома съ прохожими паломниками, увлеченный ихъ разсказами о святыхъ мѣстахъ. Мать воротила его съ дороги и долго послѣ этого держала его въ оковахъ. Черезъ нѣсколько времени Ѳеодосій снова бѣжалъ отъ нея въ сосѣдній городъ, гдѣ пріютился у священника и пекъ просфоры для церкви; но мать нашла его и здѣсь и опять воротила домой. Она бранила его за то, что онъ отдавалъ свое платье нищимъ и хотѣлъ ходить въ рубищѣ; однажды увидала на немъ вериги, которыя рѣзали его тѣло до крови, съ сердцемъ сорвала ихъ и больно его прибила. Препятствія только усиливали аскетическую настроенность юноши; у него не выходили изъ ума слова Спасителя: «иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ». Онъ въ третій разъ бѣжалъ изъ дома и явился въ Кіевъ, чтобы поступить въ одинъ изъ монастырей. Нигдѣ не приняли нищаго скитальца, который не могъ дать за себя вклада. Наконецъ онъ нашелъ себѣ убѣжище по сердцу, пещеру Антонія. Антоній (въ 1052 г.) принялъ и велѣлъ Никону постричь его. Черезъ 4 года мать и здѣсь нашла Ѳеодосія, но не могла уже воротить его домой. Желая умереть вблизи сына, она сама постриглась въ женской обители святаго Николая на Аскольдовой могилѣ. Братія Антоніевой пещеры подвизалась въ строгомъ постѣ и трудахъ. Ѳеодосій трудился не только за себя, но и за другихъ, дѣлая часть ихъ работы; въ знойные ночи онъ выходилъ обнаженный на болото; комары міріадами впивались въ его тѣло, а онъ спокойно прялъ волну и цѣлую ночь пѣлъ Псалтирь.

Однимъ изъ самыхъ раннихъ пришельцевъ въ пещеру Антонія былъ *Моисей Угринъ,* слуга святаго князя Бориса, уцѣлѣвшій послѣ рѣзни на рѣкѣ Альтѣ. Во время нашествія Болеслава на Русь онъ попался въ плѣнъ къ Полякамъ и достался одной паннѣ, которая 6 лѣтъ мучила его, склоняя на любовь. Онъ тайно отъ нея успѣлъ постричься отъ одного странствующаго инока. Измученный истязаніями и оскопленный злою госпожей,

по освобожденіи отъ нея онъ провелъ остатокъ жизни въ пещерѣ Антонія.—При великомъ князѣ Изяславѣ явились къ Антонію одинъ знатный дружинникъ князя скопецъ *Ефремъ* и сынъ другаго дружинника, *Варлаамъ*. Скоро въ пещерной общинѣ произошли важныя перемѣны. Никонъ удалился въ Тмуторокань, гдѣ основалъ новую обитель. Ефремъ уѣхалъ въ Царьградъ, гдѣ сталъ заниматься списываніемъ книгъ для Россіи. Потомъ и самъ Антоній удалился въ затворъ на сосѣднюю гору, поставивъ игуменомъ Варлаама. Онъ жилъ въ затворѣ до самой кончины (въ 1073 году), только изрѣдка принимая участіе въ дѣлахъ обители. Въ игуменство Варлаама братія выпросили у князя Изяслава всю гору надъ пещерою, построили на ней, вмѣсто прежней пещерной церкви, новую деревянную церковь во имя Успенія Божіей Матери, поставили келліи, оградили все тыномъ и такимъ образомъ съ 1062 года открыли Печерскій монастырь, пошедшій, по замѣчанію лѣтописца, отъ благословенія святой горы. Послѣ Варлаама игуменомъ (въ томъ же году) сдѣлался преподобный Ѳеодосій.

Устройство Кіевопечерскаго монастыря. Съ самаго же начала своего игуменства преподобный Ѳеодосій принялся за устроеніе монастыря. Число братіи возросло до 100 и онъ озаботился введеніемъ между ними общежитія. По его просьбѣ, Ефремъ прислалъ изъ Царяграда уставъ Студійскаго монастыря, который и былъ положенъ въ основаніе жизни въ Печерскомъ монастырѣ. Святый игуменъ принималъ живѣйшее участіе въ спасеніи каждаго брата, давалъ каждому спасительные совѣты, поучалъ братію въ церкви; свои поученія говорилъ онъ тихо, съ мольбою; во время обличительной рѣчи изъ глазъ его текли слезы. Онъ часто обходилъ келліи, чтобы узнать, нѣтъ ли у кого, сверхъ общихъ, своихъ вещей, пищи или одежды, и все подобное предавалъ огню. Даже почью неусыпный игуменъ, ходя по монастырю, слушалъ у дверей келлій, что дѣлаетъ каждый братъ, и если слышалъ праздную бесѣду сошедшихся монаховъ, то ударялъ въ дверь жезломъ, а наутро обличалъ виновныхъ. Въ положенное время ворота обители запирали и никого не пускали ни въ монастырь, ни изъ монастыря. Вратарь однажды не пустилъ въ монастырь самого великаго князя. Первыми добродѣтелями иноческой дисциплины были послушаніе и смиреніе. Вся жизнь иноковъ проходила въ долгихъ церковныхъ службахъ и тяжкихъ трудахъ. Пища была

скудная и малопитательна, да и ее многіе вкушали въ самомъ маломъ количествѣ и черезъ день. О матеріальномъ обезпеченіи монастыря не заботились ни игуменъ, ни братія, твердо вѣруя, что Питающій птицъ небесныхъ пропитаетъ и Своихъ рабовъ; случалось, что съ вечера не знали, чѣмъ будутъ питаться завтра; при всемъ томъ монастырь на послѣднія средства помогалъ нищимъ. Когда обитель нѣсколько обогатилась, Ѳеодосій отчислилъ на бѣдныхъ десятую часть ея доходовъ и устроилъ особый дворъ, гдѣ жили нищіе, калѣки и больные; кромѣ того, каждую субботу изъ монастыря отсылался возъ хлѣбовъ по тюрьмамъ.

Ѳеодосій былъ во всемъ примѣромъ для братіи. Никогда не видали его празднымъ; онъ носилъ воду, рубилъ дрова, работалъ въ пекарнѣ; ѣлъ одинъ сухой хлѣбъ и щи безъ масла; лежа не спалъ, а только дремалъ немного сидя и, очнувшись, спѣшилъ продолжать свою непрестанную молитву; тѣла никогда не мылъ, кромѣ лица и рукъ; одежду носилъ въ заплатахъ, такъ что въ этомъ нищемъ старцѣ нельзя было и узнать знаменитаго игумена, котораго уважалъ самъ великій князь. Разъ онъ возвращался ночью отъ Изяслава. Возница не зналъ его и сказалъ грубо: «Ты, монахъ, всегда празденъ, а я постоянно въ трудахъ; ступай на лошадь, а меня пусти въ колесницу». Ѳеодосій смиренно послушался и повезъ слугу. Послѣдній со страхомъ узналъ свою ошибку, когда увидалъ, какъ Ѳеодосію кланялись, слѣзая съ коней, встрѣчные бояре, но Ѳеодосій успокоилъ его и накормилъ въ монастырѣ. Онъ часто ходилъ съ наставленіями въ домы мірянъ, своихъ духовныхъ чадъ; по ночамъ иногда ходилъ въ жидовскую часть Кіева спорить съ Евреями, желая или обратить ихъ ко Христу, или потерпѣть отъ нихъ мученіе. Бѣдные, угнетенные въ судахъ, находили въ немъ заступника и судьи перерѣшали дѣла по просьбѣ уважаемаго игумена. Ѳеодосій имѣлъ большой вѣсъ у князя Изяслава. Когда Святославъ отнялъ кіевскій престолъ у Изяслава, одинъ Печерскій монастырь оставался вѣренъ изгнанному великому князю. Святославъ однако терпѣливо выслушивалъ обличенія въ неправдѣ отъ преподобнаго Ѳеодосія и не смѣлъ гнѣваться на него. Однажды Ѳеодосій, придя къ князю, засталъ у него музыку, пѣсни и пляски скомороховъ. Святой сѣлъ поодаль и со слезами замѣтилъ Святославу: «будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?» Великій князь велѣлъ прекратить игры, и съ тѣхъ поръ онѣ всегда умолкали, когда докладывали о приходѣ Ѳеодосія. Святославъ такъ уважалъ свя-

таго мужа, что говаривалъ ему: «если бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не обрадовался бы ему, какъ твоему приходу». Такъ же относились къ Ѳеодосію многіе бояре. Между ними замѣчателенъ варягъ *Шимонъ*, обращенный Ѳеодосіемъ изъ латинства, извѣстный по своему участію въ строеніи печерской церкви. Въ 1074 году мая 3-го преставился великій игуменъ, обѣщавши предъ кончиной молиться за монастырь и быть непрестанно духомъ съ братіею. Печерское преданіе приписываетъ ему и другое обѣтованіе, что всякій, положенный въ стѣнахъ обители, будетъ помилованъ отъ Бога; преданіе это въ старину было предметомъ общаго народнаго вѣрованія.

При игуменахъ *Стефанѣ*, *Никонѣ* и *Іоаннѣ* въ теченіе 15 лѣтъ производилось строеніе великой церкви во имя Успенія Богоматери, начатое еще при Антоніѣ и Ѳеодосіѣ въ 1073 г. и оконченное освященіемъ храма въ 1089. Необычайныя знаменія окружали и строеніе и освященіе этой главной святыни Кіева. Варягъ *Шимонъ* два раза видѣлъ въ видѣніи изображеніе будущей церкви и, явившись къ Ѳеодосію, далъ ему откровенную свыше мѣру ея и богатый вкладъ на построеніе. Сама Богоматерь послала мастеровъ изъ Царяграда и, заплативъ имъ за труды впередъ, дала имъ для храма Свою икону и мощи семи мучениковъ. Небесная роса указала мѣсто для храма, а небесный огнь очистилъ это мѣсто отъ зарослей. Сами пришли иконописцы изъ Царяграда, нанятые тамъ преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, спустя уже 10 лѣтъ послѣ кончины этихъ святыхъ. Въ 1091 г. въ великую церковь перенесены изъ пещеры мощи преподобнаго Ѳеодосія.

Прославлялась обитель и святыми иноками. Таковы были изъ сподвижниковъ преподобнаго Ѳеодосія: святый *Исаія* ростовскій, святый *Стефанъ*—преемникъ его по игуменству, потомъ епископъ волынскій, провидѣцъ *Іеремія*, помнившій еще крещеніе Русской земли, нестяжательный *Григорій*, утопленный княземъ Ростиславомъ за обличенія, безмездный врачъ *Агапитъ* и другіе. Особеннымъ уваженіемъ пользовался подвигъ затворничества. Кромѣ преподобнаго Антонія и Моисея Угрина, этимъ подвигомъ прославился преподобный *Исаакій*. Семь лѣтъ провелъ онъ въ пещерѣ въ подвигахъ и борьбѣ съ бѣсами и однажды подвергся такому сильному бѣсовскому искушенію, что дошелъ до потери сознанія и тѣлесныхъ силъ; нужны были многіе годы, чтобы святой подвижникъ оправился отъ болѣзни, но, выздоро-

вѣвши, онъ опять ушелъ въ затворъ, гдѣ и подвизался до смерти. Изъ иноковъ, подвизавшихся послѣ Ѳеодосія, замѣчательны: извѣстные намъ *Евстратій*, *Пименъ Сухой*, *Кукша*, иконописецъ *Алипій*, игумены *Стефанъ*, *Никонъ* и *Поликарпъ*. Изъ затворниковъ извѣстны особенно: *Ѳеофилъ*, 12 лѣтъ не видавшій солнца въ пещерѣ, плакавшій день и ночь;—онъ скопилъ цѣлый сосудъ своихъ слезъ, а ангелъ предъ его кончиной показалъ ему еще другой сосудъ слезъ, которыя онъ ронялъ на полъ и которыя превратились въ благовонное муро; *Никита*, бывшій послѣ епископомъ въ Новгородѣ; — черезъ годъ своего затвора онъ подвергнулся искушенію человѣческой славы,—по внушенію бѣса, явившагося ему въ видѣ ангела, пересталъ молиться, сталъ только читать книги и сдѣлался изумительнымъ учителемъ, но опытные иноки, замѣтивъ, что онъ зналъ наизусть весь Ветхій Завѣтъ, а Новаго не читалъ, поняли его состояніе и молитвою отогнали отъ него бѣса; послѣ этого его нужно было снова учить грамотѣ, потому что онъ все забылъ, что зналъ. Третій затворникъ *Іоаннъ* (Многострадальный) замѣчателенъ своею борьбою противъ плотской страсти; 3 года онъ не вкушалъ пищи по 3—7 дней и носилъ вериги, потомъ 30 лѣтъ провелъ въ пещерѣ, наконецъ закопалъ себя въ землю по перси и пробылъ такъ весь великій постъ, претерпѣвая величайшія мученія отъ жара и судорогъ во всемъ тѣлѣ; огненный змѣй палилъ его пламенемъ и грозилъ пожрать; въ самый день Пасхи молнія ударила въ змія, онъ исчезъ и страсть навсегда потухла въ подвижникѣ. Отъ тяжелаго затворническаго подвижничества неопытныхъ иноковъ въ монастырѣ старались отговаривать и требовали отъ нихъ общаго житія въ послушаніи игумену. Подвигомъ послушанія и смиренія особенно прославился князь *Николай Святоша*, проведшій 6 лѣтъ искуса въ унизительной для князя службѣ на поварнѣ и привратникомъ, не смотря на то, что противъ этого сильно возставали его братья, князья черниговскіе. Достопамятны многіе другіе иноки: знаменитый отецъ русской исторіи лѣтописецъ *Несторъ*, *Прохоръ* лободникъ, чудесно производившій во время голода хлѣбъ изъ лободы и соль изъ золы, подвергшійся за это корыстолюбивой зависти великаго князя Святополка; *Ѳеодоръ* и *Василій*, убитые сыномъ Святополка Мстиславомъ. Бѣсъ въ образѣ Василія сказалъ князю, что Ѳеодоръ нашелъ кладъ въ своей пещерѣ; князь потребовалъ этого клада себѣ, но Ѳеодоръ послѣ долгой борьбы съ корысто-

любіемъ дошелъ до того, что забылъ самое мѣсто клада; гнѣвъ князя поразилъ обоихъ подвижниковъ.

Значеніе Кіевской обители. Печерскій монастырь мало по малу сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ монастырей и получилъ огромное вліяніе на всю русскую религіозность вообще. Изъ него аскетическая настроенность распространялась и въ обществѣ; благочестіе понималось въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ проявлялось оно здѣсь. По своей славѣ онъ считался старѣйшимъ между всѣми монастырями; въ XII вѣкѣ игуменъ его Поликарпъ получилъ санъ архимандрита. Изъ Печерской обители брали игуменовъ въ другіе монастыри и іерарховъ для епархій; болѣе 50 человѣкъ изъ ея иноковъ занимали епископскія каѳедры; выходцы изъ нея всюду разносили ея духъ, уставъ и творенія ея подвижниковъ: Іакова, Нестора, Симона, Поликарпа. Каждый ея постриженникъ, гдѣ бы ни довелось ему жить, хранилъ къ ней трогательную любовь и старался по крайней мѣрѣ подъ старость, передъ смертью воротиться въ ея стѣны. Симонъ владимірскій называетъ блаженными тѣхъ, которые погребаются въ священной печерской персти. Въ письмѣ къ иноку печерскому Поликарпу онъ писалъ: «Кто не знаетъ красоты церкви соборной владимірской и другой суздальской, которую я выстроилъ? Сколько городовъ и селъ принадлежатъ имъ! По всей землѣ той сбираютъ десятину, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ, всю эту славу и власть вмѣнилъ бы я въ прахъ, лишь бы Богъ привелъ мнѣ хоть хворостиною торчать за вратами или соромъ валяться въ монастырѣ Печерскомъ и быть попираему людьми».—По мѣрѣ распространенія своей славы обитель обогащалась пожертвованіями и стала богатѣйшимъ монастыремъ въ Россіи. Князь Ярополкъ Изяславичъ далъ ей три волости, дочь его—5 селъ, Ефремъ епископъ суздальскій—дворъ въ Суздалѣ съ церковію и селами. Монастырь получилъ возможность предпринимать богатыя постройки и совершать дѣла благотворительности въ обширныхъ размѣрахъ.

Другіе замѣчательные монастыри. Вслѣдъ за кіевопечерскимъ монастыремъ возникали новыя обители во всѣхъ русскихъ городахъ, преимущественно съ половины XII вѣка. Въ одномъ Кіевѣ ихъ было до 17; въ Переяславѣ и Черниговѣ было по 4 монастыря, въ Галицкомъ княжествѣ 3, въ Полоцкѣ,

по житію святой *Евфросиніи*, значится тоже 3, кромѣ ея Спасскаго монастыря, а въ Смоленскѣ,—по житію святаго Авраамія смоленскаго и по лѣтописи,—5 монастырей. Преподобный *Авраамій* подвизался къ концу XII и въ началѣ XIII в. Раздавъ свое богатство нищимъ, онъ нѣсколько времени юродствовалъ по улицамъ, потомъ поступилъ въ монастырь. Здѣсь, постоянно занимаясь книгами, онъ дошелъ до такой мудрости, что сдѣлался любимымъ учителемъ и священникомъ всего города. Изъ зависти къ его славѣ, противъ него возстало городское духовенство и обвинило его предъ епископомъ въ ереси, но онъ скоро былъ оправданъ своимъ благочестіемъ и чудесами и былъ поставленъ игуменомъ Ризположенскаго монастыря, который своимъ мудрымъ управленіемъ успѣлъ довести до высокаго духовнаго совершенства. — Въ юго-западной Руси возникновеніе обителей стѣснялось набѣгами Половцевъ и усобицами князей. Благочестивые иноки любили уходить для основанія монастырей особенно на сѣверъ, гдѣ было болѣе покоя и гдѣ, кромѣ того, сама природа съ своими лѣсами представляла прекрасныя мѣста для монашескихъ подвиговъ.

Въ одномъ Новгородѣ было до 20 монастырей, а по всему пространству новгородскихъ владѣній болѣе 30. Первое мѣсто между новгородскими монастырями занималъ, основанный Ярославомъ, Юрьевъ монастырь, настоятель котораго носилъ титулъ архимандрита. За нимъ болѣе другихъ пользовались уваженіемъ Антоніевъ и Хутынскій. Первый основанъ въ началѣ XI вѣка преподобнымъ *Антоніемъ Римлянином*, который, удалившись отъ гоненія, воздвигнутаго въ Римѣ на православныхъ, приплылъ на камнѣ въ Новгородъ и спасался здѣсь въ своемъ монастырѣ 40 лѣтъ; второй основанъ въ концѣ XII вѣка преподобнымъ *Варлаамомъ* на пустынномъ мѣстѣ въ 10 верстахъ отъ Новгорода.—Въ Ростовской землѣ также было довольно монастырей,—въ Ростовѣ было ихъ 2, въ Суздалѣ 4, во Владимірѣ 5, Переяславлѣ, Костромѣ, Нижнемъ, Ярославлѣ по одному. Первымъ монастыремъ съ архимандричьимъ настоятельствомъ былъ здѣсь Рождественскій владимірскій, основанный Всеволодомъ III въ 1192 г. Богатствомъ своимъ славился монастырь Боголюбовъ, основанный въ 1158 году Андреемъ Боголюбскимъ. Въ началѣ XIII вѣка супруга Всеволода III *Марія* создала владимірскій Успенскій монастырь, въ которомъ и почила вскорѣ послѣ своего постриженія. Въ Ризположенскомъ суздальскомъ монастырѣ (съ 1227 г.)

спасалась другая княгиня *Евфросинія*, дочь *Михаила* черниговскаго, прибывшая въ Суздаль невѣстою суздальскаго князя, но не заставшая его въ живыхъ († 1250 г.).

Многіе изъ упомянутыхъ монастырей, какъ и Кіевопечерская лавра, владѣли недвижимою собственностью и рабами. Такъ, до насъ дошли: грамата великаго князя Мстислава Юрьеву монастырю (1128 г.) на село съ данью, вирами и продажами; грамата Варлаама Хутынскому монастырю на земли, разныя угодья, челядь и село; купчая и духовная Антонія Римлянина его монастырю тоже на земли и рабовъ. Имущества монастырей, кромѣ содержанія обителей, вездѣ назначались еще на дѣла благотворительности, которыя давали монастырямъ высокое общественное значеніе.

ПЕРІОДЪ II.

Отъ нашествія Монголовъ и усиленія сѣверо-восточной Руси до раздѣленія Русской митрополіи (1237—1461 гг.).

ГЛАВА I.

Бѣдствія церкви и распространеніе вѣры.

Нашествіе монголовъ и вліяніе его на образованіе новаго центра церковной жизни. Въ 1237—1240 годахъ Россію постигло нашествіе Монголовъ. Сначала опустошены были Рязанское и Владимірское княжества; народонаселеніе ихъ было вырѣзано; церкви и монастыри разрушены или осквернены. Во Владимірѣ погибли епископъ *Митрофанъ* и все семейство великаго князя *Юрія Всеволодовича*. Самъ Юрій палъ за вѣру и отечество на берегахъ Сити. Его племянникъ *Василій Константиновичъ* ростовскій попался въ плѣнъ къ варварамъ и погибъ мученическою смертью за то, что не хотѣлъ отречься отъ православія. Потомъ въ южной Руси разрушены Переяславъ, Черниговъ, Кіевъ, города волынскіе и галицкіе. Въ Кіевѣ разрушены его главныя святыни — Софійскій и Десятинный храмы; Печерская обитель была опустошена, монахи ея разбѣжались по лѣснымъ дебрямъ и пещерамъ. Краса Русской земли, стольный городъ великаго князя и митрополита обратился въ ничтожное мѣстечко. Общее бѣдствіе обрушилось впрочемъ не съ одинаковой тяжестью надъ той и другой половиной Руси. Сѣверо-восточная Русь была опустошена менѣе; когда страшная буря

пронеслась, она снова поправилась, благодаря умной дѣятельности своихъ князей. Южная же Русь обращена была въ сплошную пустыню; кромѣ того, Монголы и послѣ ея опустошенія продолжали кочевать по ея степнымъ украйнамъ и были постоянной грозой для ея народонаселенія. Вслѣдствіе этого земледѣльческое и промышленное населеніе ея массами потянулось на сѣверъ. Русская историческая жизнь отлила въ область Волги, завязала для себя новый центръ, вмѣсто южнаго Кіева, въ Москвѣ и стала развиваться здѣсь уже въ новомъ направленіи. Сюда же передвинулось и средоточіе церковной жизни—русская митрополія. Главнымъ поприщемъ церковно-исторической жизни сдѣлалась Великороссія, что не могло не имѣть сильнаго вліянія на ходъ церковной исторіи, какъ вслѣдствіе новыхъ особенностей государственной исторіи на новомъ мѣстѣ, такъ и вслѣдствіе особенностей самого великорусскаго народонаселенія.

Отношеніе къ христіанству монголовъ. При завоеваніи Руси Монголы были язычниками; они признавали единаго Бога, но покланялись и многимъ другимъ богамъ, — идоламъ, солнцу, лунѣ, водѣ, огню, тѣнямъ умершихъ хановъ, вѣрили въ силу молніи надъ бѣсами, въ очистительное значеніе огня, въ колдовство и держали у себя цѣлыя толпы шамановъ и заклинателей. Въ Ордѣ едва ли даже и была одна какая нибудь господствующая религія, — по всей вѣроятности тамъ господствовала смѣсь всякихъ вѣрованій средней Азіи. Отсюда объясняется религіозный индифферентизмъ Монголовъ. Въ своей Ясѣ (книгѣ запретовъ) Чингисъ-ханъ велѣлъ уважать и бояться всѣхъ боговъ, чьи бы они ни были. Въ Ордѣ свободно отправлялись всякія богослуженія, и ханы сами участвовали при совершеніи и христіанскихъ, и мухаммеданскихъ, и буддійскихъ обрядовъ, уважали и духовенство всѣхъ вѣръ. Разореніе русскихъ святынь, жестокости противъ христіанъ во время нашествія на Русь нимало не противорѣчили этой вѣротерпимости, проистекая изъ обычной азіатской манеры вести войну.

Мученики за вѣру, кромѣ князя Василька ростовскаго, какъ то великій князь Юрій и *Меркурій* смоленскій (погибъ во время нашествія Монголовъ на Смоленскъ въ 1238 году), гибнутъ на войнѣ. Во время самаго нашествія Монголовъ видимъ уже ихъ обычай щадить духовенство; изъ погибшихъ въ это время духовныхъ лицъ извѣстны только *Митрофанъ* епископъ владимірскій, *Симеонъ* переяславскій и нѣсколько печер-

скихъ иноковъ. Въ 1246 году встрѣчаемъ первыхъ мучениковъ въ самой Ордѣ, князя *Михаила Всеволодовича* черниговскаго съ бояриномъ *Ѳеодоромъ*. Въ 1270 году замученъ въ Ордѣ князь *Романъ Ольговичъ* рязанскій. Но и въ этихъ двухъ случаяхъ Монголы не отступали отъ Ясы Чингиса; они, можно сказать, и не касались здѣсь самого христіанства, а требовали отъ князей только исполненія нѣкоторыхъ принятыхъ при дворѣ суевѣрныхъ обрядовъ предъ аудіенціей у хана, — прохожденія чрезъ очистительный огонь, поклоненія изображеніямъ умершихъ хановъ, солнцу и кусту, и такого же уваженія къ вѣрѣ хана, какое сами привыкли оказывать всѣмъ вѣрамъ. При ханѣ *Узбекѣ*, принявшемъ въ 1313 году исламъ, господствующей вѣрой въ Ордѣ сдѣлалось мухаммеданство, извѣстное своимъ фанатизмомъ. Но старая языческая терпимость вѣръ не вдругъ пропала тамъ и послѣ этого. Въ Ордѣ насталъ длинный періодъ двоевѣрія, продолжавшійся до самаго ослабленія монгольскаго владычества надъ Русью. Прежнія отношенія Монголовъ къ православной церкви продолжались поэтому почти безъ измѣненія.

Ханскіе ярлыки духовенству. Пользуясь вѣротерпимостью Монголовъ, первый въ монгольское время митрополитъ *Кириллъ* въ самой столицѣ хановъ Сараѣ учредилъ православную епископію, поставивъ въ нее епископомъ (въ 1261 году) *Митрофана*, а у хана *Менгу-Темира* выпросилъ ярлыкъ духовенству. Еще при первомъ обложеніи Руси данью духовенство было освобождено отъ ея платежа. Ханъ Менгу въ своемъ ярлыкѣ такъ же освобождаетъ все бѣлое и черное духовенство отъ всѣхъ своихъ даней и пошлинъ, — пусть де безпечально молятся за него и за все его, хановo, племя. Отъ даней и пошлинъ освобождались также братья и дѣти священнослужителей, которыя жили съ ними не въ раздѣлѣ. Церковныя земли и угодья, церковные люди, вещи, книги, иконы и проч. объявлены неприкосновенными; запрещено подъ страхомъ злой смерти хулить православную вѣру. По другому ярлыку хана Узбека митрополиту Петру духовенство освобождено было отъ всякаго ханскаго суда; всѣ церковные люди подчинены были суду митрополита и притомъ по всѣмъ дѣламъ, не исключая уголовныхъ. Всѣхъ ярлыковъ духовенству извѣстно доселѣ 7.

Распространеніе христіанства среди Татаръ. Несмотря на порабощеніе Руси Монголами и Татарами, православная вѣра продолжала оказывать свое прежнее могуществен-

ное дѣйствіе на инородческія племена, не исключая и Татаръ. Тяготѣя надъ Россіей матеріальной силой, Орда сама подпала духовному вліянію покоренной страны, хотя и весьма слабому. Учрежденная въ 1261 году Сарайская епархія сдѣлалась въ ней первымъ сѣменемъ христіанства. Въ 1276 г. сарайскій епископъ *Θеогностъ* на константинопольскомъ соборѣ предлагалъ уже вопросы о Татарахъ, желавшихъ креститься. Извѣстны и разные случаи обращенія Татаръ даже изъ ханскаго рода. Племянникъ хана *Берке*, тронутый рѣчами ростовскаго епископа *Кирилла*, бывшаго въ Ордѣ, тайно отъ родныхъ уѣхалъ въ Ростовъ и крестился съ именемъ *Петра*. Памятникомъ его благочестія остался въ Ростовѣ монастырь во имя Петра и Павла. Онъ умеръ около 1288 года, принявши постриженіе. Крестились и другіе знатные люди: мурза *Четъ*, построившій при Калитѣ костромской Ипатьевскій монастырь, родоначальникъ Годуновыхъ, внукъ Мамая *Олекса* въ Кіевѣ при Витовтѣ, родоначальникъ Глинскихъ, и многіе другіе. Родственницы хановъ, выходя замужъ за князей, тоже всегда принимали христіанство. Особенно много крестилось Татаръ при святомъ Алексіѣ. Чаще всего крестились Татары, поступавшіе на русскую службу.

Христіанство на сѣверѣ. Среди финскихъ племенъ на сѣверѣ успѣхи христіанства много подвинулись впередъ, благодаря сильной проповѣди и еще болѣе сильнымъ примѣрамъ святой жизни многихъ подвижниковъ, спасавшихся въ сѣверныхъ пустыняхъ. Не далеко отъ Каргополя въ концѣ XIII вѣка на горѣ Челмѣ поселился преподобный *Кириллъ* и основалъ монастырь Челмогорскій. Въ теченіе 52 лѣтъ своей подвижнической жизни онъ просвѣтилъ христіанствомъ всю окрестную Чудь. Въ 1329 году на Ладожскомъ озерѣ на островѣ Валаамѣ поселился старецъ *Сергій*; съ нимъ соединился другой инокъ, преподобный *Германъ*; трудами ихъ основался знаменитый Валаамскій монастырь, имѣвшій большое вліяніе на просвѣщеніе вѣрою окрестныхъ Кореловъ. Въ концѣ XIV вѣка инокъ Валаамскаго монастыря *Арсеній* поселился на сосѣднемъ съ Валаамомъ островѣ Коневскомъ, гдѣ чудскіе язычники приносили коней въ жертву одному камню, крестилъ многихъ язычниковъ и основалъ Коневскій монастырь. На Онѣжскомъ озерѣ въ XIV вѣкѣ преподобнымъ *Лазаремъ* основанъ монастырь Мурманскій. Дикіе Лопари много притѣсняли святаго, но, исцѣливши слѣпого сына ихъ старшины, Лазарь пріобрѣлъ полное ихъ довѣріе и многихъ

крестилъ. Просвѣтительною дѣятельностію извѣстенъ еще Спасо-каменный монастырь на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера, въ первый разъ открытый въ 1260 г. княземъ Глѣбомъ бѣлозерскимъ, котораго занесла къ острову буря; доселѣ иноки, числомъ 23, безвѣстно подвизались въ проповѣди чудскимъ племенамъ. Въ концѣ описываемаго времени на Соловецкомъ островѣ Бѣлаго моря возникла знаменитая Соловецкая обитель—просвѣтительница всего сѣвернаго Поморья.

Христіанство на Сѣверо-востокѣ у Зырянъ; святый Стефанъ Пермскій.—Къ именамъ Арсенія Коневскаго, Кирилла Челмогорскаго, Лазаря, иноковъ Валаамскаго и Каменскаго монастырей въ исторіи христіанской миссіи нужно присоединить славное имя святаго *Стефана* Пермскаго, просвѣтителя Пермскаго края. Онъ былъ сынъ соборнаго причетника въ Устюгѣ, рано выучился грамотѣ и получилъ страсть къ книжному ученью. Чтобы удовлетворить ей, онъ вступилъ (въ 1365 году) въ ростовскій монастырь Григорія Богослова, гдѣ было много книгъ. Давно уже у него возникла мысль сдѣлаться апостоломъ дикихъ Зырянъ Перми, съ языкомъ и жизнію которыхъ онъ былъ знакомъ еще на своей родинѣ. Въ теченіе 13 лѣтъ монастырской жизни онъ постоянно готовился къ замышленному подвигу, изучалъ греческій языкъ для перевода священныхъ книгъ на зырянскій языкъ, составилъ зырянскую азбуку и переводилъ наиболѣе нужныя библейскія и богослужебныя книги. Приготовивъ себя такимъ образомъ и посвященный въ санъ іеромонаха, онъ отправился къ Зырянамъ. Мѣстомъ дѣятельности онъ выбралъ селеніе при устьѣ Выми, гдѣ устроилъ небольшую церковь. Отсюда онъ ѣздилъ съ проповѣдью во всѣ стороны, всюду разрушалъ и жегъ капища и идоловъ. Язычники съ удивленіемъ замѣчали, что онъ ничего не бралъ себѣ изъ богатыхъ приношеній, которыя находились на ихъ священныхъ мѣстахъ, невольно признавали его превосходство предъ своими корыстолюбивыми жрецами и крестились. Успѣхи святаго Стефана встревожили языческихъ волхвовъ. Они стали возмущать противъ него народъ, пользуясь при этомъ мѣстною ненавистью къ Москвѣ. «Что, говорили они, слушать пришельца изъ Москвы, которая насъ угнетаетъ податями?» Святый Стефанъ вступалъ съ ними въ споры и побѣдою надъ ними привлекалъ къ церкви новыхъ чадъ. Особенно важна была для успѣховъ вѣры его побѣда надъ главнымъ волхвомъ *Памою*. Знаменитый

кудесникъ самъ вызвался пройти вмѣстѣ съ Стефаномъ сквозь огонь и воду, покрытую по причинѣ зимняго времени льдомъ, чтобы испытать, чья вѣра сильнѣе, думая, что Стефанъ не согласится на это. Но когда, сверхъ чаянія его, святой согласился, онъ самъ отказался отъ испытанія. Огромная толпа, собравшаяся смотрѣть на чудо, едва не растерзала Пама и затѣмъ перешла на сторону Стефана. Успѣхи Стефана весьма много зависѣли отъ того, что онъ проповѣдывалъ Зырянамъ и совершалъ для нихъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ. Онъ неутомимо продолжалъ свой зырянскій переводъ церковныхъ книгъ и трудился въ ихъ перепискѣ; кромѣ того, училъ Зырянъ граматѣ по своей азбукѣ. Лучшихъ учениковъ, годныхъ на священническія мѣста, онъ посылалъ въ сосѣднія епархіи для поставленія къ зырянскимъ церквамъ, а въ 1383 году митрополитъ Пименъ посвятилъ его самого въ епископа.—Съ основаніемъ епархіи (въ Усть-Выми) Пермская страна стала удобнѣе получать священниковъ изъ природныхъ Зырянъ и дѣло просвѣщенія пошло успѣшнѣе. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ для привлеченія Зырянъ къ вѣрѣ была еще благотворительная дѣятельность святаго Стефана. Въ голодные годы онъ привозилъ хлѣбъ изъ Вологды и Устюга для раздачи бѣдному народу, дѣлалъ большія ссуды и милостыни изъ архіерейской казны, испрашивалъ у великаго князя прощеніе недоимокъ. Въ 1386 году онъ ѣздилъ въ Новгородъ съ просьбой, чтобы вѣче обуздало грабежи новгородской вольницы по Вычегдѣ; потомъ ѣздилъ въ Москву просить великаго князя объ обузданіи насилій и поборовъ княжескихъ чиновниковъ; онъ и умеръ въ Москвѣ во время поѣздки туда въ 1396 году. Въ 18 лѣтъ своего апостольства святый Стефанъ обратилъ къ христіанству всю малую Пермь по Вычегдѣ и Выми; великая Пермь по Камѣ и Чусовой оставалась еще въ язычествѣ. Преемники Стефана *Исаакъ* и *Герасимъ* старались и ее обратить ко Христу. Въ 1442 году Герасимъ претерпѣлъ даже мученическую смерть отъ слуги своего Вогула, который задавилъ его омофоромъ. Послѣ него въ 1454 году погибъ и другой пермскій епископъ *Питиримъ*, замученный въ плѣну у Вогуловъ. Святая вѣра начала распространяться у Вогуловъ уже при преемникѣ Питирима *Іонѣ*, который въ 1462 году крестилъ самого князя пермскаго и множество народа.

Борьба православія съ католичествомъ на сѣверо-западѣ.—На сѣверо-западной окраинѣ Руси шла прежъ-

ня борьба между католической и православной миссіей среди Финновъ. Изъ Швеціи и Лифляндіи противъ Русскихъ поднимались цѣлые крестовые походы. Въ 1240 г. такой походъ на Россію предпринялъ шведскій владѣтель *Биргеръ*. На Невѣ встрѣтилъ его новгородскій князь *Александръ Невскій* и нанесъ Шведамъ страшное пораженіе. Эта религіозная борьба ознаменовалась чудесами. Одинъ Ижорянинъ *Пелгуй* передъ началомъ битвы видѣлъ ночью свв. Бориса и Глѣба, плывшихъ въ лодкѣ по Невѣ. «Поможемъ родичу нашему Александру», говорили они другъ другу. — Въ тоже время Ливонскій орденъ нападалъ на Изборскъ и Псковъ. Его военная пропаганда латинства была надолго остановлена тѣмъ же св. княземъ Александромъ послѣ страшнаго пораженія рыцарей въ Ледовомъ побоищѣ на льду Чудскаго озера (1242 г.). Послѣ этихъ подвиговъ невскаго героя папа завязалъ съ нимъ мирныя сношенія и въ 1248 году прислалъ къ нему двоихъ легатовъ съ увѣщаніемъ покориться Римской церкви. Невскій отпустилъ ихъ съ рѣшительнымъ отказомъ.

Въ 1265 году пришелъ во Псковъ другой св. князь, герой и защитникъ православія, Литовецъ *Довмонтъ* (Тимоѳей), бѣжавшій изъ Литвы отъ мщенія родичей убитаго имъ кн. *Миндовга*. Сдѣлавшись псковскимъ княземъ, онъ прославился защитою псковскихъ земель отъ Литвы и Ливонцевъ, которые снова принялись за распространеніе латинства вооруженною силою. Въ 1268 г. онъ участвовалъ въ знаменитой Раковорской битвѣ русскихъ князей противъ Ливонцевъ и Датчанъ; въ слѣдующемъ году спасъ отъ Нѣмцевъ самый Псковъ. Послѣ своей кончины († 1299) онъ сталъ небеснымъ покровителемъ Пскова вмѣстѣ съ св. Всеволодомъ.—Не смотря на подвиги Невскаго и Довмонта, владычество ордена твердо укрѣпилось на балтійскомъ поморьѣ; Ливы, Латыши и Чудь были обращены въ католичество и слабые начатки православія были вытѣснены изъ всего края.

Между тѣмъ, въ Швеціи отъ времени до времени являлись папскія буллы, подвигавшія Шведовъ къ религіозной войнѣ съ Россіей. Въ 1347 году шведскій король *Магнусъ* открылъ большой религіозный походъ на новгородскія земли. Предварительно онъ отправилъ въ Новгородъ пословъ, прося назначить преніе о вѣрѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ приняли ту вѣру, которая одержитъ верхъ. Владыка *Василій* отвѣчалъ, что Новгородцамъ нечего спорить о вѣрѣ, что приняли они ее отъ Грековъ, а потому, если

король желаетъ узнать, чья вѣра лучше, такъ пусть и пошлетъ съ этимъ пословъ къ патріарху. Послѣ этого Магнусъ опустошилъ всю Корельскую и Ижорскую землю и повсюду крестилъ народъ въ латинство. Но по удаленіи его завоеванныя мѣста снова отложились отъ Шведовъ, а жители возвратились къ православію.

Борьба съ католичествомъ въ княжествѣ Галицко-Волынскомъ. — Тотъ же папа Иннокентій IV, который сносился съ Невскимъ, завязалъ сношенія съ другимъ знаменитымъ княземъ, *Даніиломъ Романовичемъ* галицко-волынскимъ. Тяготясь татарскимъ владычествомъ болѣе всѣхъ русскихъ князей, Даніилъ посылалъ къ папѣ пословъ съ обѣщаніемъ соединиться съ Римской церковью, если папа будетъ помогать ему противъ Татаръ. Буллы одна за другой полетѣли въ Галичъ. Папа разрѣшалъ Русскимъ соблюдать греческіе обряды, оставлялъ имъ квасный хлѣбъ въ Евхаристіи, обѣщалъ проповѣдниковъ и епископа, далъ Даніилу право отнимать земли у князей, не исповѣдующихъ латинства, далъ королевскій вѣнецъ, но помощи не далъ; на проповѣдь его о крестовомъ походѣ противъ Татаръ никто въ Европѣ не откликнулся, и Даніилъ прекратилъ всѣ сношенія съ Римомъ. Православіе оставалось господствующимъ на юго-западѣ до самаго пресѣченія рода галицкихъ князей. Съ 1340 года въ Галиціи водворилось польское владычество, а Волынь соединилась съ Литвой. У православныхъ жителей Галиціи католики стали отнимать церкви и обращать въ костелы. Съ 1376 года латинство уже имѣло въ Галиціи свою архіепископію и 3 епископіи. Потомъ братья доминиканы съ благословенія папы завели (1381 г.) въ ней инквизицію.

Православіе и борьба его съ католичествомъ въ Литвѣ. — Въ Литву христіанство переходило изъ Россіи и изъ сосѣднихъ католическихъ странъ—Польши и Ливоніи, а потому и здѣсь съ самаго же начала видимъ борьбу православія съ католичествомъ. Въ 1246 г. принялъ православіе кн. *Миндовгъ*, но только наружно, съ цѣлію сблизиться чрезъ то съ русскими князьями для борьбы съ Ливонскимъ орденомъ. Потомъ онъ также легко принялъ католичество, чтобы помириться съ орденомъ. Папа далъ ему королевскій титулъ. Но, обманувъ и папу и рыцарей, онъ продолжалъ приносить жертвы старымъ литовскимъ божествамъ. У него былъ жестокій сынъ *Вошелгъ*, каждый день убивавшій по 3—4 человѣка. И этотъ тоже принялъ

православіе, даже постригся въ монахи, но убіеніе его отца снова обнаружило его кровожадные инстинкты, пробудивъ въ немъ языческую жажду мести. Сбросивъ съ себя монашескую рясу, онъ объявилъ себя литовскимъ княземъ и перебилъ множество своихъ враговъ. Насытившись местью, онъ отдалъ всѣ свои владѣнія сыну Даніила галицкаго—*Шварну*, своему зятю, и опять ушелъ въ монастырь. Правленіе его однако было полезно для православія въ Литвѣ, потому что для просвѣщенія своей страны онъ нарочно вызывалъ священниковъ изъ Новгорода и Пскова. Большинство литовскихъ князей уже исповѣдовало православіе.

Основатель единаго Литовскаго княжества *Гедиминъ* (1315—1345 г.) былъ язычникъ, но, не желая раздражать многочисленныхъ православныхъ жителей подвластныхъ ему русскихъ княжествъ, оказывалъ полную терпимость къ православію, дозволялъ своимъ сыновьямъ креститься, дочерей своихъ повыдалъ за русскихъ князей замужъ и самъ вторымъ и третьимъ бракомъ былъ женатъ на русскихъ княжнахъ. Сынъ его *Ольгердъ* (1345—1377) послѣ вступленія своего на престолъ вздумалъ было опереться на языческую партію, по настоянію жрецовъ, даже замучилъ за православіе троихъ своихъ придворныхъ, отказавшихся отъ жертвоприношеній священному огню,—*Антонія*, *Іоанна* и *Евстафія;* но Литовцы оказали этимъ мученикамъ такое сочувствіе и въ такомъ множествѣ стали обращаться въ христіанство, что князь рѣшилъ отложить свою языческую ревность въ сторону и, по примѣру отца, сталъ покровительствовать православнымъ. Онъ былъ два раза женатъ на русскихъ княжнахъ (*Маріи* витебской и *Іуліаніи* тверской) и позволилъ крестить 12 своихъ сыновей, а подъ конецъ жизни крестился и самъ.—Католическое вліяніе хотя и проникло въ Литву, но не могло пока осилить вліянія православнаго; притомъ же оно имѣло тогда очень дурныхъ представителей въ сосѣднихъ орденахъ прусскихъ и ливонскихъ рыцарей, которые за насилія были ненавидимы по всей Литвѣ.

Успѣхи католичества при Ягеллѣ.—Обстоятельства измѣнились при сынѣ и преемникѣ Ольгерда *Ягеллѣ*. Послѣ его брака съ польской королевой *Ядвигой* послѣдовало вредное для православія соединеніе Литвы съ католической Польшей. Ягелло принялъ въ Польшѣ (1386 г.) католичество и обязался ввести его и между Литовцами. Онъ воротился въ Литву съ ксендзами и началъ насильно крестить Литовцевъ язычниковъ. Потомъ къ католичеству стали принуждать и православныхъ. Католичество

приняли четыре брата Ягелла и нѣсколько литовскихъ князей. Двое православныхъ литовскихъ вельможъ за отказъ послѣдовать примѣру великаго князя были казнены. Латинская пропаганда коснулась и русскихъ областей, соединенныхъ съ Литвою. Всѣ православные были объявлены лишенными права гербовъ, шляхетства и чиновной службы. Русскіе и Литовцы сильно возненодовали на Ягелла, который притомъ же совсѣмъ отдался Полякамъ, даже и жилъ не въ Литвѣ, а въ Польшѣ. Соединившись вмѣстѣ, они провозгласили своимъ княземъ его двоюроднаго брата *Витовта* (1392—1430). Витовтъ тоже былъ католикъ, но онъ лучше брата понималъ, какъ неумѣстно въ Литвѣ заявлять свою преданность папѣ насиліемъ, и отличался терпимостью. Католичество все-таки и при немъ было объявлено господствующею религіей во всемъ княжествѣ. Въ Вильнѣ и Кіевѣ учреждены латинскія епископіи. На Городельскомъ сеймѣ 1413 года было постановлено: какъ въ княжествѣ Литовскомъ, такъ и въ коронѣ Польской право занимать высшія должности предоставить только тѣмъ Русинамъ, которые примутъ католическую вѣру. Отъ того многіе изъ православныхъ ради житейскихъ выгодъ стали переходить въ католичество. — Преемникъ Витовта *Свитригайло* явился ревнителемъ православія, латинскихъ монаховъ, ксендзовъ и бискуповъ выгналъ изъ княжества, а костелы пожегъ. Но когда Поляки посадили на его мѣсто *Сигизмунда*, ревностнаго католика, православіе должно было дорого поплатиться за свое короткое торжество; большая часть его церквей была разворена. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала Флорентійская унія. Католическая церковь, видя невозможность распространить въ западной Россіи и Литвѣ чистое латинство, ухватилась теперь за эту унію.

ГЛАВА II.

Церковная іерархія и состояніе духовенства.

Разстройство въ церковномъ управленіи вслѣдствіе татарскаго нашествія и возстановленіе порядка м. Кирилломъ II.—Монгольскій погромъ печально отозвался на состояніи Русской церкви, произведши въ ней сильное раз-

стройство порядка. При раззореніи Кіева безъ вѣсти пропалъ не задолго присланный изъ Греціи митрополитъ *Іосифъ*. На мѣсто его, по вліянію князя Даніила Романовича, около 1243 года избранъ былъ новый митрополитъ изъ Русскихъ, *Кириллъ II*. Возвратясь изъ Греціи съ своего посвященія (около 1247 года), онъ уже не нашелъ себѣ удобнаго пріюта въ раззоренномъ Кіевѣ и долженъ былъ выбрать для своего мѣстопребыванія другой городъ,—или Галичъ, столицу южнаго великаго князя, или Владиміръ, столицу великаго князя сѣвернаго. Онъ не могъ еще сдѣлать между ними рѣшительнаго выбора и, не имѣя такимъ образомъ «пребывающаго града», все время своего 33-лѣтняго святительства провелъ въ разъѣздахъ по своей митрополіи съ мѣста на мѣсто. Но и теперь было уже видно, что сѣверная столица будетъ предпочтена имъ Галичу: большую часть времени своего управленія Кириллъ провелъ на сѣверѣ, долгое время не рукополагалъ во Владиміръ даже особаго епископа; онъ рукоположилъ туда епископа *Серапіона* уже въ 1274 году. Во время своихъ разъѣздовъ митрополиту повсюду пришлось видѣть много безпорядковъ какъ въ церковномъ управленіи, такъ и въ жизни народа. Это послужило поводомъ къ замѣчательнымъ постановленіямъ собора, созваннаго имъ въ 1274 г. во Владимірѣ по случаю поставленія Серапіона. Первосвятитель держалъ на этомъ соборѣ сильную рѣчь противъ замѣченныхъ имъ нестроеній, выставляя ихъ причиною кары Божіей на Русь и всѣхъ современныхъ бѣдъ. Соборъ обратилъ вниманіе на поборы при поставленіи ставленниковъ и на работы, какія они должны были нести въ пользу архіерейскихъ домовъ въ томъ случаѣ, когда заплатить за поставленье имъ было нечѣмъ, назначилъ взимать съ нихъ только такое количество сбора (7 гривенъ), какое было нужно для покрытія необходимыхъ издержекъ при поставленіи, и указалъ рукополагать ихъ только послѣ внимательнаго ихъ испытанія; исправилъ нѣкоторыя вкравшіяся въ послѣднее время неисправности въ совершеніи богослуженія; духовныхъ лицъ, впадавшихъ въ зазорную жизнь, распорядился лишать сана; обратилъ вниманіе на народный разгулъ и безчинія въ препровожденіи праздниковъ и проч. Для руководства въ церковномъ управленіи м. Кириллъ представилъ на утвержденіе собора новый списокъ церковныхъ правилъ, выписанный имъ изъ Болгаріи и содержавшій въ себѣ полный Номоканонъ съ прибавленіемъ еще неизвѣстныхъ до сихъ поръ въ

Россіи новыхъ церковныхъ постановленій и толкованій на правила. Извѣщая объ этомъ соборѣ, онъ говорилъ, что церковныя правила доселѣ «помрачени бяху облакомъ мудрости еллинскаго языка, нынѣ же облисташа, рекше истолковани быша и благодатію Божіею ясно сіяютъ, невѣдѣнія тьму отгоняюще». Наконецъ въ правленіе того же митрополита, какъ мы видѣли, опредѣлены были отношенія русской церкви къ Монголамъ въ ярлыкѣ Менгу-Темира и устроена Сарайская епархія. Дѣятельный святитель скончался въ 1280 году и былъ погребенъ въ Кіевѣ.

Митрополитъ Максимъ. Преемникъ Кирилла блаженный *Максимъ*, родомъ Грекъ, прибылъ изъ Греціи въ 1283 году и тогда же отправился въ Орду за утвержденіемъ въ своемъ санѣ отъ хана. И онъ долженъ былъ вести странническую жизнь подобно предшественнику, пока въ 1299 году совсѣмъ и «съ клиросомъ своимъ» не поселился во Владимірѣ. Житіе его повѣствуетъ, что по прибытіи въ этотъ городъ сама Богоматерь явилась ему во снѣ, одобрила его намѣреніе поселиться въ Ея градѣ и дала ему омофоръ, который чудесно остался у него въ рукахъ по пробужденіи. Такъ сдѣланъ былъ первый рѣшительный шагъ къ перенесенію митрополіи на сѣверъ. На югѣ, въ Галичѣ, должны были конечно дурно отнестись къ этому переселенію митрополита. И дѣйствительно, еще при жизни Максима († 1305 года) между югомъ и сѣверомъ видимъ слѣды соперничества изъ-за митрополіи, которое съ теченіемъ времени все разрастается и ведетъ къ раздѣленію Русской церкви на двѣ половины. Изъ росписей каѳедръ константинопольской патріархіи и ея актовъ XIV вѣка видимъ, что еще въ 1303 году Греки учредили въ Галичѣ особую митрополію; извѣстно имя и перваго митрополита галицкаго—*Нифонта*. Виновникомъ ея учрежденія житіе святаго Петра выставляетъ великаго князя *Юрія Львовича*, управлявшаго Волынью и Галичемъ, внука Даніилова, который «восхотѣ Галичскую епископію въ митрополію претворити». Послѣ Нифонта онъ отправилъ въ Царьградъ другого своего кандидата на эту митрополію, святаго *Петра*. Но патріархъ Аѳанасій (въ 1308 году) поставилъ Петра митрополитомъ не галицкимъ, а всея Россіи, на мѣсто скончавшагося Максима.

Святый Петръ, родомъ изъ Волыни, съ 12 лѣтъ поступилъ въ монастырь и удивлялъ братію своимъ послушаніемъ и подвигами, потомъ послѣ многихъ лѣтъ монастырскаго подвиж-

ничества ушелъ въ уединеніе на р. Рату и основалъ свой монастырь. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ только проѣздомъ остановился въ Кіевѣ и отправился прямо на сѣверъ. Въ сѣверной Руси шла тогда сильная борьба изъ-за великокняжескаго достоинства между *Михаиломъ* Тверскимъ и *Юріемъ* Московскимъ. Ставъ на сторонѣ Юрія, митрополитъ на первыхъ же порахъ возбудилъ противъ себя вражду въ Твери. Тверской епископъ *Андрей* оклеветалъ святителя предъ патріархомъ, вслѣдствіе чего для суда надъ нимъ въ 1311 году былъ созванъ соборъ въ Переяславлѣ. Клевета однако скоро обнаружилась, но смиренный святитель отъ души простилъ ея виновника Андрея, сказавъ ему: «Миръ тебѣ, чадо, не ты сотворилъ это, а діаволъ». Неудивительно, что святый Петръ не любилъ жить въ Твери, а болѣе всего проживалъ въ Москвѣ, у своего любимаго князя, брата Юріева, *Іоанна Даниловича*. По смерти Михаила и Юрія, убитыхъ въ Ордѣ, кандидатами на великокняжеское достоинство выступили Іоаннъ Даниловичъ и сынъ Михаила *Александръ* тверской и подняли между собой новую борьбу. Узбекъ утвердилъ великимъ княземъ Александра, но Іоаннъ нашелъ сильное средство удержать первенство за Москвой въ расположеніи къ нему митрополита Петра. Сильный своимъ іерархическимъ значеніемъ, митрополитъ пользовался при этомъ еще своимъ большимъ значеніемъ въ Ордѣ, куда ѣздилъ за упомянутымъ ярлыкомъ въ началѣ правленія Узбека, а потому былъ полезенъ Іоанну и съ этой стороны. Престарѣлый святитель совсѣмъ поселился въ Москвѣ у любимаго князя и просилъ его устроить здѣсь свой каѳедральный соборъ. «Если послушаешь меня, сынъ мой», говорилъ онъ, «храмъ Пречистыя Богородицы построишь и меня успокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей, и городъ этотъ славенъ будетъ; святители въ немъ станутъ жить, и покоритъ онъ всѣ другіе города». Іоаннъ Калита, по его слову, основалъ каменный соборъ Успенія Богоматери. Святитель Петръ скончался 21 декабря 1326 года, не дождавшись окончанія желанной постройки, но гробъ его, поставленный въ Успенскомъ соборѣ, дѣйствительно сталъ краеугольнымъ камнемъ величія Москвы. Новое мѣсто для каѳедры митрополитовъ было наконецъ найдено, хотя митрополія все еще продолжала именоваться не Московскою, а Кіевскою. Пребываніе митрополита въ Москвѣ давало этому городу значеніе главнаго города всей земли, потому что князей было много, а митрополитъ былъ одинъ; кромѣ того,

каѳедра митрополичья способствовала возрастанію и обогащенію Москвы, отовсюду привлекая къ себѣ людей, имѣвшихъ нужду до верховнаго святителя; наконецъ митрополитъ естественно долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго жилъ. Между тѣмъ южная Русь подпала подъ владычество Литвы и окончательно потеряла свое первенствующее значеніе въ церковной жизни. Съ 1315 г. литовскимъ княземъ сдѣлался знаменитый *Гедиминъ* и еще при жизни святителя Петра овладѣлъ всей Волынью и Кіевомъ. Съ этого времени къ заботамъ объ отношеніяхъ къ Монголамъ у митрополитовъ присоединяются еще новыя заботы объ отношеніяхъ къ Литвѣ.

Митрополитъ Ѳеогностъ. — Преемникъ святителя Петра, Грекъ *Ѳеогностъ*, посвященный въ 1328 г., уже прямо отправился на жительство въ Москву, къ московскому князю, который въ томъ же году сдѣлался великимъ княземъ. Александръ Михайловичъ тверской, произведя въ Твери возстаніе противъ ханскаго посла *Щелкана* и избіеніе его свиты, навлекъ на себя опалу Узбека и бѣжалъ во Псковъ. Іоаннъ Калита долженъ былъ взять его у Псковичей и представить въ Орду. При этомъ вполнѣ обнаружилось, какого важнаго союзника имѣла Москва въ митрополитѣ. Ѳеогностъ за пріемъ опальнаго князя объявилъ псковичамъ свою анаѳему. Послѣ этого Александръ уѣхалъ въ Литву. Удѣльные князья, конечно, были очень недовольны постоянною связью митрополита съ Москвой, но помѣшать этой связи не имѣли силы. Болѣе сильнаго противодѣйствія можно было ожидать только отъ Литвы и Польши, владѣвшихъ русскими землями. Дѣйствительно, по происканъ съ этой стороны и честолюбію разныхъ духовныхъ лицъ юго-западной Руси, здѣсь одинъ за другимъ являлись митрополиты, добывавшіе себѣ санъ у Грековъ,— въ Галичѣ *Гавріилъ* еще при митрополитѣ Петрѣ и *Ѳеодоръ* при митрополитѣ Ѳеогностѣ, въ Кіевѣ лжемитрополитъ *Ѳеодоритъ*, посвященный въ 1352 г. терновскимъ патріархомъ. Патріархъ константинопольскій Филоѳей объявилъ его лишеннымъ священнаго сана. Въ Орду Ѳеогностъ долженъ былъ ѣздить два раза. Во вторую поѣздку (1342 г.) его встрѣтили тамъ большія непріятности. Кто-то сказалъ хану *Чанибеку*, что митрополитъ собираетъ большіе доходы съ духовенства и что у него много денегъ. Ханъ потребовалъ у него платежа со всего духовенства.

Ѳеогностъ перенесъ въ Ордѣ всякія прижимки, раздарилъ до 600 рублей разнымъ сильнымъ людямъ и все-таки настоялъ на томъ, что ханъ утвердилъ за Русскою церковью всѣ ея прежнія льготы новымъ ярлыкомъ. Святитель умеръ въ 1353 году вмѣстѣ съ великимъ княземъ Симеономъ отъ моровой язвы.

Святый Алексій. Споры о единствѣ митрополіи.—Избранный еще при жизни Ѳеогноста, его преемникъ святый *Алексій* былъ изъ боярскаго рода Плещеевыхъ, родился въ 1300 году и имѣлъ своимъ воспріемникомъ Калиту. Лѣтъ 20-ти онъ постригся въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Здѣсь замѣтилъ его митрополитъ Ѳеогностъ и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ, а потомъ епископомъ владимірскимъ. По смерти Ѳеогноста святый Алексій поѣхалъ въ Грецію и былъ посвященъ въ митрополиты (1354 года). Какъ видится, неоднократное поставленіе на митрополію русскихъ людей стало обращать на себя безпокойное вниманіе Грековъ; соборъ по случаю его поставленія сдѣлалъ оговорку, что Алексій поставляется митрополитомъ, только какъ исключеніе, вслѣдствіе личныхъ своихъ достоинствъ, но что впредь митрополиты должны посылаться на Русь непремѣнно изъ Грековъ. Въ то же время было снова опредѣлено отнюдь не раздѣлять Русской митрополіи на части, потому что, хотя митрополитъ и живетъ не въ Кіевѣ, а въ Москвѣ, но Кіевъ все-таки остается его престольнымъ мѣстомъ. Но еще не выѣхалъ Алексій изъ Царяграда, какъ пріѣхалъ сюда новый кандидатъ на митрополію *Романъ*, человѣкъ знатнаго, княжескаго рода, родственникъ второй жены Ольгерда, Юліаніи тверской. Его прислалъ самъ князь Ольгердъ, который, желая освободиться отъ церковнаго подчиненія своей страны московскому митрополиту, захотѣлъ имѣть своего собственнаго митрополита. Опасеніе, какъ бы въ случаѣ отказа Ольгердъ не сдѣлалъ въ своей странѣ какого либо вреда православію, а болѣе всего богатые дары заставили патріарха Филоѳея посвятить и *Романа*, назначивъ ему въ управленіе Литву и Волынь съ каѳедрою въ Новогродкѣ Литовскомъ. Кіевъ все-таки оставленъ былъ за святымъ Алексіемъ. Оба митрополита явились на Русь и «сотворился, по разсказу лѣтописца, мятежъ во святительствѣ». Алексій покорился опредѣленію патріарха и его собора и довольствовался своею областію, но Романъ не былъ доволенъ, домогался получить подъ свою власть и Кіевъ съ Брянской епархіей, тоже уступленной Алексію, дѣлалъ властныя распоряженія въ Твери, пользуясь

тѣмъ, что Михаилъ Александровичъ тверской былъ родственникъ и союзникъ Ольгерда. Церковная смута прекратилась уже въ 1368 г. смертью Романа. Патр. Филоѳей и константинопольскій соборъ опять опредѣлили, чтобы Литва не отдѣлялась отъ всероссійскаго митрополита; но опредѣленіе это, какъ увидимъ, не было приведено въ исполненіе, едва ли даже было обнародовано. Святый Алексій былъ вовсе не такой первосвятитель, которымъ могли бы быть довольны въ княжествахъ, не ладившихъ съ Москвой. Въ правленіе *Іоанна II* Алексій былъ главнымъ совѣтникомъ великаго князя и во всемъ ему содѣйствовалъ, а его содѣйствіе было тогда очень важно вслѣдствіе особеннаго благоволенія къ святителю ордынскихъ хановъ. Въ 1357 году, по случаю глазной болѣзни ханши *Тайдулы*, которой никакъ не могли вылечить волхвы татарскіе, ханъ Чанибекъ писалъ къ князю: «Мы слышали, что Богъ не отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего; отпустите его къ намъ, да исцѣлѣетъ его молитвами царица моя; а то пойду опустошать землю вашу». Святитель поѣхалъ и изцѣлилъ Тайдулу. Послѣ этого его еще болѣе стали уважать въ Ордѣ. Въ томъ же году Чанибекъ умеръ; его сынъ, свирѣпый *Бердибекъ* потребовалъ отъ русскихъ князей новой дани. Алексій снова поѣхалъ въ Орду ходатайствовать за Русскую землю. При содѣйствіи Тайдулы онъ укротилъ хана и воротился съ новымъ ярлыкомъ. При малолѣтнемъ *Дмитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ* митрополитъ былъ настоящимъ правителемъ государства и выручилъ Москву изъ довольно опасныхъ обстоятельствъ. Онъ помогъ Дмитрію удержать великокняжеское достоинство, не смотря на соперничество старшаго родича, *Димитрія* суздальскаго. Нѣсколько времени спустя митрополитъ вступился въ ссору суздальскихъ князей Димитрія и *Бориса* изъ-за Нижняго и звалъ ихъ судиться въ Москву. Борисъ было отказался отъ московскаго суда, но святый Алексій послалъ къ нему въ Нижній преподобнаго *Сергія Радонежскаго* съ повелѣніемъ затворить всѣ церкви въ городѣ и этой сильной мѣрой смирилъ его предъ московской властью и заставилъ уступить Нижній брату. При посредствѣ митрополита заключались всѣ княжескіе договоры; онъ употреблялъ свою духовную силу и для того, чтобы заставлять князей соблюдать эти договоры, предавалъ отлученію тѣхъ изъ нихъ, которые вступали противъ Москвы въ союзъ съ Литвой.

Такая постоянная связь митрополита съ Москвой конечно должна была возбуждать къ нему сильную непріязнь въ Литвѣ

и Польшѣ. Въ 1371 году, не смотря на всѣ прежнія опредѣленія о единствѣ митрополіи, патріархъ Филоѳей долженъ былъ уступить настояніямъ польскаго короля Казиміра и дать Галичу особаго митрополита *Антонія*. Потомъ въ томъ же году пришло къ нему настойчивое посланіе и отъ Ольгерда литовскаго, который жаловался, что никогда не бывало такого тяжелаго митрополита на Руси, какъ Алексій, что Кіева и Литвы онъ вовсе не посѣщаетъ и любитъ одного только князя московскаго,—съ благословенія его Москва обидѣла его Ольгердова шурина, Михаила тверского, и зятя, Бориса нижегородскаго, съ перебѣжчиковъ на московскую сторону митрополитъ снимаетъ крестное цѣлованіе и проч., и въ заключеніе просилъ поставить тоже особаго митрополита въ Кіевъ, Малую Россію, Литву, Смоленскъ, Тверь и Нижній, т. е. во всѣ мѣстности, враждовавшія съ Москвой. Филоѳей уступилъ и этой просьбѣ и въ 1376 году поставилъ митрополитомъ кіевскимъ *Кипріана*, родомъ Болгарина, извѣстнаго у насъ больше подъ именемъ Кипріана Сербина. Въ Россіи стало такимъ образомъ разомъ три митрополита. Для поддержанія единства митрополіи патріархъ опредѣлилъ только, чтобы Кипріанъ снова соединилъ Русь подъ одной своей властью послѣ смерти Алексія.

Смуты въ митрополіи по кончинѣ митрополита Алексія. Митрополитъ Кипріанъ и его заслуги.—Понятно, что въ Москвѣ были очень недовольны поставленіемъ Кипріана и назначеніемъ его въ преемники святителю Алексію безъ согласія великаго князя. Престарѣлый святитель хотѣлъ назначить себѣ преемникомъ преподобнаго Сергія, но смиренный подвижникъ рѣшительно отказался отъ этой чести. Тогда великій князь намѣтилъ на митрополію своего духовника и любимца, священника *Митяя* (Михаила). Это былъ человѣкъ видной наружности, съ громкой и чистой рѣчью, хорошо толковавшій силу книжную, знавшій всѣ старинныя повѣсти, книги и притчи, разсуждавшій краснорѣчиво въ судахъ и дѣлахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ гордый и заносчивый. Великій князь уговорилъ его постричься и въ самый же день постриженія сдѣлалъ архимандритомъ московскаго Спасскаго монастыря. Не смотря на то, что Алексій никакъ не соглашался признать этого монаха новоука своимъ преемникомъ, едва только святитель скончался (въ 1378 г.), какъ Митяй вошелъ на митрополичій дворъ и началъ всѣмъ здѣсь распоряжаться, какъ настоящій митрополитъ и собирать митрополичью дань. Такъ какъ онъ желалъ быть посвя-

щеннымъ русскими епископами, то въ Москвѣ, по распоряженію великаго князя, собрался для этого соборъ епископовъ и высшаго духовенства. Но между ними нашлось много людей, особенно изъ монаховъ, которые вовсе не желали имѣть его митрополитомъ. Больше другихъ говорилъ противъ него епископъ суздальскій святый *Діонисій*. Митяй привязался къ нему, запальчиво требуя отъ него отвѣта, почему по пріѣздѣ въ Москву онъ не явился къ нему за благословеніемъ. «Ты долженъ былъ придти ко мнѣ за благословеніемъ, а не я къ тебѣ, отвѣчалъ Діонисій, потому что я епископъ, а ты попъ».—«Я тебя и попомъ не оставлю, закричалъ Митяй. Своими руками спорю твои скрижали».—Узнавъ, что Діонисій самъ намѣренъ отправиться за митрополичьимъ саномъ въ Грецію, Митяй съ великимъ княземъ посадили его подъ стражу. Діонисій далъ слово не ѣздить въ Грецію и выставилъ въ этомъ поручителемъ за себя преподобнаго Сергія, но все-таки уѣхалъ не болѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ своего освобожденія. Митяй страшно разсердился и на него и на Сергія. А изъ Кіева между тѣмъ ѣхалъ къ Москвѣ другой, еще болѣе опасный кандидатъ на митрополію, Кипріанъ, который долженъ былъ занять теперь всю митрополію въ силу соборнаго опредѣленія 1376 г. Противъ этого кандидата возсталъ самъ великій князь, видѣвшій въ немъ избранника Ольгерда, и съ безчестіемъ выгналъ его изъ Москвы. Послѣ всего этого Митяй рѣшился поторопиться своимъ посвященіемъ и самъ наконецъ двинулся въ Грецію съ огромной свитой, съ дарами для Грековъ и съ нѣсколькими бланками, скрѣпленными печатью великаго князя, на всякій случай, но при самомъ концѣ дороги, уже въ виду Константинополя, внезапно умеръ въ 1379 году.

Послѣ его смерти спутники его рѣшились самовольно выбрать въ митрополиты одного архимандрита изъ его свиты *Пимена* и на одной изъ бланокъ за великокняжеской печатью написали отъ имени великаго князя прошеніе объ его поставленіи. Патріархъ Нилъ и императоръ сначала было отказались исполнить это прошеніе, ссылаясь на то, что въ Россію уже давно посвященъ на митрополію Кипріанъ. Но послы, воспользовавшись другой бланкой, заняли денегъ, роздали, кому нужно, до 20,000 рублей и таки достигли своей цѣли. Узнавъ объ обманѣ Пимена, великій князь еще до его возвращенія пригласилъ къ себѣ въ Москву Кипріана, а Пимена по возвращеніи велѣлъ заточить. Но чрезъ нѣсколько времени оказалось, что онъ сдѣлалъ это един-

ственно подъ вліяніемъ гнѣва на Пимена, а не потому, чтобы возъимѣлъ довѣріе къ Кипріану. Во время нашествія Тохтамыша митрополитъ Кипріанъ удалился изъ Москвы въ Тверь, какъ извѣстно, союзную съ Литвой. Послѣ этого великій князь опять прогналъ его отъ себя и пригласилъ на митрополію Пимена. Но такъ какъ и этотъ митрополитъ былъ ему не угоденъ, то онъ въ то же время отправилъ въ Грецію просьбу о поставленіи въ митрополиты Діонисія. Діонисій тоже былъ поставленъ, но на обратномъ пути изъ Греціи былъ задержанъ Литовцами въ Кіевѣ и умеръ тамъ въ 1385 году въ тюрьмѣ. Между тѣмъ Кипріанъ съ Пименомъ ѣздили въ Грецію тягаться о митрополіи предъ патріархомъ. Патріархъ рѣшилъ дѣло въ пользу Кипріана. Въ его же пользу сложились теперь и всѣ другія обстоятельства; въ 1389 году умеръ недоброжелательный къ нему великій князь Димитрій; умеръ и низложенный Пименъ. «И преста, говоритъ лѣтописецъ, мятежъ въ митрополіи и бысть едина митрополія, Кіевъ и Галичъ и всея Руси». Извѣстіе это впрочемъ не вполнѣ справедливо; въ Галичѣ все еще оставался особый митрополитъ Антоній.

Единоличное правленіе Кипріана все прошло въ мирѣ. Согласіе его съ новымъ великимъ княземъ *Василіемъ Димитріевичемъ* не прерывалось ни разу, а такъ какъ великій князь былъ въ постоянномъ мирѣ съ литовскимъ княземъ *Витовтомъ* (своимъ тестемъ), то и въ Литвѣ перестали хлопотать объ особомъ митрополитѣ. Въ Орду ему не было уже надобности ѣздить, потому что послѣ Донского она перестала быть страшною для Руси. Съ ослабленіемъ силы и власти Монголовъ митрополиты перестали домогаться ханскихъ ярлыковъ, а стали выпрашивать грамоты у своихъ великихъ князей. Въ 1404 году такая грамата дана была митрополиту Кипріану великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ. Замѣчательно, что княжескія граматы содержали въ себѣ разныя ограниченія прежнихъ гражданскихъ правъ церкви, дарованныхъ ей ярлыками, такъ какъ онѣ давались теперь уже отъ настоящей государственной власти, а не отъ власти дикой Орды, которая требовала себѣ отъ Русскихъ только рабскаго повиновенія и не обращала вниманія на самый строй и потребности Русскаго государства. Граматой 1404 г. люди митрополичьи по прежнему освобождались отъ податей и повинностей и отъ суда княжескихъ судей, но въ томъ и другомъ отношеніи съ ограниченіями: они обязывались платить ордынскій выходъ, ставить лошадей на ямы, платить тамгу съ торга, кромѣ торга своими собственными произведеніями,

и участвовать въ повинности военной,—на войну митрополитъ долженъ былъ ставить свой полкъ съ воеводой подъ стягъ великаго князя. По суду всѣ церковные люди были подчинены митрополиту, но въ томъ случаѣ, когда дѣло касалось и княжого и митрополичьяго человѣка вмѣстѣ, назначался судъ общій,—митрополита и великаго князя; по челобитьямъ на митрополичьяго намѣстника, десятильника или волостеля долженъ былъ судить самъ великій князь. Ограниченія коснулись и объема церковнаго вѣдомства: митрополитъ не долженъ былъ ставить въ попы и дьяконы служилыхъ и тяглыхъ людей великаго князя,—это было одной изъ важнѣйшихъ причинъ, почему на церковныя мѣста поступали большею частію дѣти самого же духовенства; поповичъ, отдѣлившійся отъ отца, выходилъ изъ церковнаго вѣдомства и становился человѣкомъ великаго князя. Такъ опредѣлились отношенія между государственнымъ и церковнымъ вѣдомствами. Великій князь вошелъ даже во внутреннее управленіе митрополичьей епархіи и опредѣлилъ въ ней количество церковныхъ даней и десятильничихъ сборовъ, къ чему вызванъ былъ вѣроятно какими-нибудь злоупотребленіями, обнаружившимися во время долгихъ церковныхъ смутъ. Правленіе митрополита Кипріана было замѣчательно и въ чисто церковномъ отношеніи. Онъ много заботился объ устраненіи разныхъ безпорядковъ, возникшихъ въ богослужебномъ чинѣ Русской церкви, объ исправленіи и умноженіи церковныхъ книгъ, самъ привезъ съ собою много Славянскихъ рукописей и, живя въ уединеніи въ своемъ подмосковномъ селѣ Голенищевѣ, занимался разными переводами съ греческаго языка. Святитель скончался въ 1406 году и былъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ послѣ святаго Петра погребались всѣ русскіе митрополиты.

Митрополитъ Фотій.—Непосредственно послѣ его смерти снова начинается раздѣленіе въ Русской церкви, потому что Москва опять разсорилась съ Литвой. По просьбѣ Василія, изъ Греціи прислали митрополитомъ строгаго инока изъ Мореи—*Фотія*. Витовтъ сначала не хотѣлъ было его принимать, но потомъ принялъ съ условіемъ, чтобы онъ жилъ непремѣнно въ Кіевѣ. Фотій дѣйствительно прожилъ въ Кіевѣ больше полгода, но потомъ въ 1410 году все-таки уѣхалъ въ Москву. Новый первосвятитель былъ строгій ревнитель церковныхъ правъ и отличался хозяйственнымъ характеромъ. Послѣ четырехлѣтняго отсутствія митрополита въ Москвѣ и послѣ недавняго Эдигеевскаго нашествія Фотій нашелъ въ своей митрополіи много безпорядковъ. Домъ

митрополичій былъ опустошенъ; владѣнія его были расхищены сильными лицами; много попало и въ казну великаго князя. Фотій началъ собирать расхищенное, обидѣлъ этимъ многихъ бояръ и самого великаго князя. Между тѣмъ Витовтъ разсердился на него за отъѣздъ изъ Кіева. Въ 1411 году Фотій посѣтилъ Литву, но только еще болѣе повредилъ себѣ тамъ, вооруживъ противъ себя много людей, вѣроятно, такими же хозяйственными распоряженіями, какія возбудили противъ него негодованіе въ Москвѣ.

Григорій Цамблакъ.—Въ 1414 году Витовтъ собралъ соборъ изъ литовскихъ епископовъ и настоялъ на избраніи для Литвы особаго митрополита. Избранъ былъ *Григорій Цамблакъ*, племянникъ митрополита Кипріана. Въ молодости онъ жилъ сначала въ Болгаріи, затѣмъ на Аѳонѣ, гдѣ вѣроятно постригся въ монашество, потомъ въ Константинополѣ и въ Молдавіи, гдѣ былъ игуменомъ Нямецкой обители, и повсюду славился своей ученостью и краснорѣчіемъ. Въ 1406 г. онъ отправился въ Москву къ дядѣ, но, не заставъ его въ живыхъ, остался въ Литвѣ. Греки не желали разрыва съ великимъ княземъ московскимъ, который былъ тогда нуженъ для бѣдствующей Греціи и, кромѣ того, только что породнился съ императоромъ Мануиломъ (чрезъ бракъ своей дочери съ сыномъ Мануила), и отказали Витовту. Витовтъ снова собралъ соборъ, говорилъ на немъ о разореніи церкви отъ московскаго митрополита, жаловался на корыстолюбіе Грековъ, которые ставятъ митрополитовъ по накупу, кто больше дастъ денегъ, и требовалъ, чтобы епископы непремѣнно сами поставили себѣ митрополита. Фотій поспѣшилъ въ Литву уладить дѣло; но Витовтъ не хотѣлъ его и видѣть, а на возвратномъ пути велѣлъ отнять у него всю церковную дань, собранную въ Литвѣ. Послѣ вторичнаго отказа изъ Греціи соборъ литовскихъ епископовъ (1415 года) рѣшился исполнить требованіе Витовта и посвятилъ Григорія безъ согласія патріарха. Для оправданія своего поступка отцы собора выдали окружную грамату, въ которой писали, что Фотій совершенно пренебрегалъ кіевской половиной митрополіи, заботясь только о собираніи здѣсь своей дани, и что они, западные епископы, рѣшились сами поставить себѣ митрополита по примѣру Болгаръ, Сербовъ и самихъ Русскихъ (при Изяславѣ) и по уставу апостольскому, не думая впрочемъ разрывать этимъ связи своей съ церковію греческою, а только желая избѣжать безпорядковъ и насилія отъ греческаго царя, отъ котораго зависитъ поставленіе митрополита въ Греціи. Фотій съ своей стороны разослалъ окруж-

ныя посланія, въ которыхъ представлялъ всю незаконность поставленія Григорія и требовалъ, чтобы православные не имѣли съ нимъ общенія. Патріархъ тоже не утвердилъ его въ санѣ и даже отлучилъ отъ церкви. Григорій все-таки оставался митрополитомъ до конца 1418 года, когда утомленный борьбою съ Фотіемъ, самъ отказался отъ каѳедры и ушелъ въ Молдавію. Здѣсь онъ скончался въ Нямецкомъ монастырѣ († 1450), принявъ схиму. Судя по его сочиненіямъ, онъ былъ пастырь православный и ревнитель православія. Объ немъ извѣстно еще, что въ 1418 году, по желанію Витовта, онъ былъ на Констанцскомъ соборѣ, который между прочимъ имѣлъ цѣлью обсудить вопросъ о соединеніи церквей, но разошелся, даже не начавъ этого обсужденія. Послѣ его ухода въ Молдавію обѣ половины Русской церкви опять соединились подъ властью Фотія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Фотій оказалъ большое вліяніе на гражданскія дѣла. Въ 1425 году великій князь Василій умеръ, оставивъ малолѣтняго сына *Василія*. Братъ покойнаго *Юрій* звенигородскій предъявилъ свои права на великое княженіе. Фотій крѣпко сталъ за Василія, утверждая этимъ новый московскій порядокъ престолонаслѣдія по нисходящей линіи, а не по старшинству, какъ въ старое время. Своей духовной властью онъ успѣвалъ удерживать Юрія отъ усобицы во все время своего святительства. Какъ только онъ умеръ (1431 г.), такъ эта усобица вспыхнула съ небывалой силой. Она много поддерживалась тѣмъ, что послѣ Фотія долго не было новаго митрополита, который бы сталъ за великаго князя и могъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать ручательство въ безопасности удѣльнымъ князьямъ.

Митрополитъ Исидоръ.—Въ 1433 г. великій князь и соборъ епископовъ нарекли митрополитомъ святаго *Іону* епископа рязанскаго, пастыря ревностнаго и высоко благочестиваго, о которомъ еще въ бытность его простымъ монахомъ въ Симоновѣ монастырѣ митрополитъ Фотій предсказалъ, что онъ будетъ великимъ святителемъ. Въ Литвѣ выбрали было своего кандидата на митрополію, смоленскаго епископа *Герасима;* но въ 1435 году литовскій князь *Свитригайло*, преемникъ Витовта, сожегъ его въ Витебскѣ по подозрѣнію въ измѣнѣ. Послѣ его смерти Іона отправился въ Грецію за посвященіемъ, но когда прибылъ туда, императоръ Іоаннъ *Палеологъ* и патріархъ *Іосифъ* встрѣтили его сожалѣніемъ, что онъ опоздалъ, что въ Россію уже уѣхалъ митрополитъ *Исидоръ,* и обѣщали ему митрополію только послѣ Исидора. Новый митрополитъ былъ орудіемъ императора и

патріарха, замышлявшихъ унію съ Римомъ, потому едва явился въ Россію, какъ началъ собираться на Флорентійскій соборъ. На соборѣ этомъ онъ выступилъ ревностнымъ борцомъ за папу и унію. Папа Евгеній IV сдѣлалъ его за это кардиналомъ и легатомъ отъ ребра апостольскаго въ земляхъ лифляндскихъ, литовскихъ и русскихъ. На возвратномъ пути Исидоръ еще съ дороги разослалъ по Россіи окружное посланіе, призывая христіанъ обоихъ исповѣданій безразлично ходить и въ православные, и въ латинскіе храмы и пріобщаться одинаково и въ тѣхъ и въ другихъ. На первой же литургіи въ Москвѣ онъ явился съ преднесеніемъ латинскаго креста, поминалъ вмѣсто патріарховъ папу, а послѣ литургіи велѣлъ читать актъ уніи, изъ котораго узнали, что Духъ святый исходитъ «и отъ Сына», что хлѣбъ квасный и опрѣсноки въ Евхаристіи все равно и проч. Великій князь тутъ же назвалъ его латинскимъ прелестникомъ, волкомъ, и велѣлъ посадить подъ стражу. Въ 1441 г. онъ былъ осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ, но бѣжалъ изъ-подъ стражи въ Римъ. Это былъ послѣдній митрополитъ Грекъ въ Россіи. Произведенный имъ соблазнъ, смуты въ самой Греціи изъ-за уніи, потомъ разрушеніе имперіи Турками, а съ другой стороны усиленіе Россіи необходимо должны были повести къ перемѣнѣ въ отношеніяхъ Русской церкви къ Греческой.

Святитель Іона.—Послѣ сверженія Исидора великій князь послалъ было въ Грецію пословъ съ прошеніемъ о поставленіи Іоны, но узнавъ, что императоръ съ патріархомъ приняли унію, воротилъ свое посольство назадъ. Дѣло о поставленіи митрополита затянулось и по тому, что въ Россіи шла сильная усобица между великимъ княземъ и его двоюродными братьями, дѣтьми Юрія, сопровождавшаяся большими жестокостями, плѣномъ и ослѣпленіемъ Василія отъ одного изъ братьевъ, *Дмитрія Шемяки*. Во время всей этой усобицы духовенство крѣпко стояло за великаго князя, всѣми своими силами содѣйствуя побѣдѣ Москвы и самодержавія надъ старымъ удѣльнымъ порядкомъ. Святитель Іона неизмѣнно дѣйствовалъ въ пользу Василія, не смотря на то, что Шемяка усердно старался привлечь его къ себѣ и, завладѣвъ Москвой, ввелъ его въ полное управленіе дѣлами митрополіи. Заточивъ великаго князя въ Угличъ, Шемяка захотѣлъ овладѣть и великокняжескими дѣтьми; для этого, обманувъ Іону обѣщаніемъ для нихъ безопасности, уговорилъ его принять ихъ отъ родныхъ и приверженцевъ на

свою святительскую епитрахиль и привезти въ Москву для пожалованія удѣлами, но вмѣсто того заточилъ ихъ съ отцемъ въ Угличъ. Между тѣмъ около Василія собрались его приверженцы и уговорили его идти противъ Шемяки. Кирилловскій игуменъ *Трифонъ* разрѣшилъ его отъ присяги, данной Шемякѣ. Послѣдній долженъ былъ уступить и обязался не домогаться великокняжескаго престола, но не исполнилъ этого обязательства. Тогда соборъ архипастырей послалъ къ нему грозное посланіе о повиновеніи великому князю; въ этомъ посланіи осуждался весь удѣльный порядокъ вещей, Шемяка сравнивался съ Каиномъ и Святополкомъ и въ случаѣ неповиновенія великому князю отлучался отъ церкви. Въ 1448 году Іона былъ наконецъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ пастырей. Въ Грецію написана была грамата, въ которой объяснялось, что Русская церковь не разрываетъ своего союза съ Греческою, что поставленіе митрополита совершено теперь въ самой Россіи по великой нуждѣ отъ Турокъ, по неудобству сношеній, да и потому, что въ Россіи неизвѣстно даже, есть ли и патріархъ въ Царѣградѣ. Въ 1453 году Царьградъ былъ взятъ Турками. Іона утѣшилъ патріарха *Геннадія* посылкой даровъ и просилъ у него благословенія. Вѣроятно, въ это время Русской церкви дано было право поставлять митрополита независимо отъ Греческой церкви; Русская митрополія сдѣлалась самостоятельной и поставлена была первою послѣ Іерусалимскаго патріархата. Въ званіи митрополита Іона продолжалъ свою дѣятельность въ пользу великаго князя. Въ окружной граматѣ о своемъ поставленіи онъ обличалъ клятвопреступленіе Шемяки, увѣщевалъ всѣхъ быть вѣрными великому князю, а непокорнымъ угрожалъ клятвой; потомъ съ соборомъ епископовъ лично ходилъ увѣщевать Шемяку. Когда послѣдній бѣжалъ въ Новгородъ, митрополитъ и туда посылалъ свои увѣщательныя граматы къ нему и къ гражданамъ. Смута кончилась только смертью Шемяки въ 1453 году.

Раздѣленіе митрополіи.—Другой заботой святителя Іоны были дѣла литовскія. Въ Литвѣ, подъ властью польско-литовскаго короля-католика, унія не прошла безслѣдно, какъ въ московской Руси. Въ 1458 году латинствовавшій константинопольскій патріархъ *Григорій*, отъѣхавшій по своемъ лишеніи каѳедры изъ Греціи въ Римъ, посвятилъ въ митрополиты на Литву ученика Исидорова *Григорія*. Въ Москвѣ этимъ сильно обезпокоились; великій князь и митрополитъ писали къ королю

и народу граматы, умоляя не раздѣлять церкви Русской. Соборъ великорусскихъ епископовъ, собравшись въ 1459 году въ Москвѣ, клялся не отступать отъ святой *Московской* церкви и опредѣлилъ на будущее время избирать митрополитовъ въ Москвѣ, по повелѣнію великаго князя и безъ сношенія съ Греками. Здѣсь въ первый разъ упоминается о Московской церкви въ отличіе отъ Кіевской. Послѣдовало окончательное раздѣленіе митрополіи; митрополиты стали титуловаться по главнымъ городамъ своихъ областей, московскимъ и кіевскимъ. Митрополитъ Іона умеръ въ 1461 году. Въ слѣдующемъ году умеръ и великій князь, оставивъ престолъ сыну своему *Іоанну III.*

Государственное значеніе митрополитовъ.—Во все описываемое время митрополиты большею частію были изъ Русскихъ и отличались обширною патріотическою дѣятельностію, какой не видимъ у бывшихъ прежде іерарховъ Грековъ; самое видное мѣсто между ними занимаютъ святые Петръ, Алексій и Іона. Іерархія въ это время постоянно была связующимъ средоточіемъ русскихъ земель, до послѣдняго времени поддерживала связь съ Россіей даже ея западной половины, отторгнутой владычествомъ чуждыхъ князей, пока наконецъ гражданское раздѣленіе не повлекло за собой раздѣленія и самой церкви. Замѣчательно при этомъ, что, храня и укрѣпляя юное государство, іерархія не старалась съ помощью своего сильнаго вліянія на князей добиться для себя независимости отъ свѣтской власти и самостоятельной постановки въ государствѣ, какъ этого добивались средневѣковые іерархи Римской церкви. Оставивъ отдаленный отъ сильныхъ князей Кіевъ, митрополиты сами стремятся подъ покровъ мірской власти во Владиміръ, потомъ въ Москву и неуклонно стараются объ утвержденіи общаго мира и общаго подчиненія всѣхъ единому великому князю. Великіе князья понимали, что для нихъ значили митрополиты, и оказывали имъ высокое уваженіе и полное довѣріе. Всѣ княжескія граматы начинались словами: «по благословенію отца нашего митрополита», и скрѣплялись митрополичей подписью и печатью; предъ митрополитомъ князья давали крестное цѣлованіе другъ другу и разбирали свои споры; въ ихъ договорныхъ граматахъ писалось: «а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третій митрополитъ, а кого онъ обвинитъ, ино обидное отдати». Понятно, что верховная власть, воспитывавшаяся подъ руководствомъ іерархіи, пріучалась дѣйствовать на основаніи не столько юридическихъ,

сколько нравственныхъ началъ, считала своимъ долгомъ простирать свое вліяніе не только на гражданскія отношенія подвластныхъ, но и на ихъ религіозно-нравственную жизнь, а чрезъ это получала обширное вліяніе и на церковныя дѣла. Съ теченіемъ времени власть великаго князя окрѣпла, стала меньше нуждаться въ подпорѣ и руководствѣ церковной власти. Съ половины XIV вѣка видимъ уже весьма рѣзкую перемѣну въ ихъ положеніи; если прежде князей было много, а митрополитъ былъ одинъ, то въ XIV вѣкѣ наоборотъ сильный князь былъ одинъ, а митрополитовъ 2—3; значеніе митрополита отъ этого ослабѣло, а власть великаго князя усилилась. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было то, что прежнее участіе верховной власти въ церковныхъ дѣлахъ подъ руководствомъ іерархіи, участіе вспомогательное и служебное, обращалось въ независимое отъ іерархіи, самостоятельное. Избраніе Митяя и поступки Донского съ Пименомъ и Кипріаномъ были выразительнымъ знаменіемъ новаго порядка вещей, который развился потомъ въ Московскомъ государствѣ.

Церковная власть и права митрополита.—Церковная власть митрополита по прежнему была самостоятельной, только номинально зависимой отъ власти патріарха, и простиралась на всѣ епархіи Русской церкви. Его собственная *епархія*, очень обширная, раздѣлялась на двѣ части, московскую и кіевскую. Въ той и другой митрополитъ получалъ большіе вотчинные доходы съ земель прежней кіевской каѳедры и владимірской епископіи и тоже значительные доходы церковные. Отъ поставленія епископовъ ему шли *ставленыя* пошлины и дары какъ отъ поставленнаго, такъ и отъ его епархіи. Во время своихъ поѣздокъ митрополитъ тоже получалъ много даровъ, а духовенство, кромѣ того, вездѣ платило ему *подъѣздъ* на содержаніе его со свитой и ставило подводы. Важную статью его доходовъ составляли *судныя* пошлины съ духовенства и мірянъ за церковный судъ. Въ своей собственной епархіи митрополиты, какъ и всѣ архіереи, получали со всѣхъ церквей *данъ*, петровскіе и рождественскіе *сборы*, *подъѣздъ*, *пошлины ставленыя*, сборъ на *десятильниковъ* и др. служилыхъ и домовыхъ людей. При такихъ средствахъ каѳедра русскаго митрополита по богатству занимала первое мѣсто въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Патріархи и императоры смотрѣли на нее, какъ на весьма важный источникъ своихъ доходовъ, и усердно старались о продолженіи ея зависимости отъ Греціи, о замѣщеніи ея своими кандидатами, потому

что митрополиты Греки пересылали изъ Россіи въ Грецію большія суммы. На свои богатыя средства первосвятители, особенно изъ Русскихъ, строили многія церкви и монастыри и совершали дѣла благотворительности. *Дворъ митрополичій* былъ устроенъ, какъ дворъ удѣльнаго князя, имѣлъ своихъ бояръ, отроковъ, слугъ, стольниковъ, конюшихъ и др. чины; у митрополита былъ и свой полкъ съ воеводой. Для управленія митрополичьей областью у него были особые духовные и свѣтскіе органы митрополичьей власти. Постоянными помощниками его по управленію по прежнему были его соборяне, составлявшіе при немъ постоянный совѣтъ, его «клиросъ». Въ Кіевѣ всѣми дѣлами завѣдываль *намѣстникъ* митрополита изъ духовныхъ лицъ. Разныя духовныя—судныя и административныя—дѣла поручались иногда протопопамъ и архимандритамъ. Для суда надъ церковными людьми по гражданскимъ дѣламъ и для сборовъ съ духовенства были назначаемы изъ мірскихъ людей митрополичьи *десятильники*, поставлявшіеся надъ округами изъ нѣсколькихъ приходовъ (десятинами), а для управленія вотчинными волостями—*волостели*.

Епархіи и епархіальное управленіе.—По тому же образцу было устроено управленіе и въ другихъ епархіяхъ. Въ нихъ были тѣ же клиросы и духовные чины, даже намѣстники у престарѣлыхъ владыкъ, и такіе же доходы, какъ въ епархіи митрополита, разумѣется, только въ меньшихъ размѣрахъ. Всѣхъ богаче былъ обставленъ владыка новогородскій; у него были большія вотчинныя владѣнія; жилъ онъ въ богатыхъ палатахъ, имѣлъ своихъ бояръ, стольниковъ, множество слугъ и особый полкъ. Между другими владыками онъ занималъ первое мѣсто и носилъ титулъ архіепископа, который имѣли еще только епископы ростовскіе (съ конца XIV вѣка), суздальскіе Діонисій и Евфросинъ и нѣкоторые архіереи другихъ епархій, удостоивавшіеся этого титула только лично.

Послѣ нашествія Монголовъ и перенесенія митрополіи на сѣверъ нѣкоторыя епархіи были упразднены, какъ-то: Черниговская, Переяславская, Бѣлогородская и Юрьевская; Владимірская вошла въ составъ епархіи митрополита. Другія—Холмская, Брянская вмѣсто Черниговской, Коломенская, Луцкая, Звенигородская, Сарайская—открылись вновь; съ возвышеніемъ княжества Тверскаго и Суздальскаго въ нихъ явились новыя отдѣльныя епархіи—въ Твери около 1271 года, въ Суздалѣ около 1347; по случаю распространенія христіанства на сѣверо-востокѣ открыта

епархія въ Перми (1383 года). Всѣхъ епархій было 18,—9 на сѣверѣ и 9 на югѣ. Послѣ ослабленія власти удѣльныхъ князей, съ XIV вѣка епархіальныхъ епископовъ все чаще и чаще стали назначать прямо изъ Москвы. Избраніе ихъ происходило здѣсь на соборѣ всѣхъ епископовъ, которые или лично являлись на соборъ по зову митрополита, или изъявляли свое согласіе на соборное избраніе повольными граматами. Соборъ избиралъ троихъ кандидатовъ, а митрополитъ окончательно избиралъ изъ нихъ одного, который и былъ поставляемъ. Въ XV вѣкѣ такой порядокъ замѣщенія епископскихъ каѳедръ, безъ избранія мѣстнаго князя и народа, утвердился окончательно и обстоятельно изложенъ въ чинѣ поставленія епископа 1423 года. Епископы попрежнему стояли во главѣ удѣльныхъ событій, но, потерявъ прежнее выборное значеніе, стали постепенно терять свои мѣстныя симпатіи, тянутъ къ одному общему центру, гдѣ стоялъ столъ великаго князя и каѳедра ихъ общаго отца митрополита. Примѣры произвольнаго суда надъ іерархами встрѣчаемъ только въ началѣ описываемаго времени или въ мѣстностяхъ, гдѣ еще уцѣлѣлъ старый вѣчевой укладъ. Въ 1388 году Ростовцы выгнали отъ себя святаго *Іакова* по ложному подозрѣнію въ нечистой жизни. Въ Муромѣ народъ возсталъ на своего епископа святаго *Василія* по такому же подозрѣнію и заставилъ его удалиться въ Рязань; съ этого времени (конца XIII вѣка), муромская епископія утвердилась въ Рязани. Въ 1424 году Новгородцы выгнали владыку *Ѳеодосія*, единственно за то, что онъ былъ «шестникъ», пришлецъ, а не свой Новгородецъ, хотя сами же его выбрали два года назадъ. Кромѣ такихъ исключительныхъ случаевъ, судъ надъ епископами постоянно принадлежалъ власти митрополита и собора епископовъ. Въ настольныхъ граматахъ епископы обязывались во всемъ повиноваться первосвятителю, наблюдать его пошлины въ своемъ предѣлѣ и являться къ нему по первому зову для суда или для участія на соборахъ. Всѣ они величали его «отцемъ», а за названіе «братомъ» подвергались отъ него выговору.

Новгородскіе владыки.—Только Новгородъ и Псковъ продолжали еще развивать у себя старыя начала мѣстной особности и народнаго вліянія на іерархію. *Избраніе* новгородскихъ владыкъ по прежнему совершалось на вѣчѣ независимо отъ митрополита. Изрѣдка встрѣчавшійся прежде обычай избранія по жребію съ половины XIV вѣка становится въ Новгородѣ

постояннымъ. Три жребія избираемыхъ клали на престолъ святой Софіи и послѣ литургіи соборный протопопъ выносилъ на вѣче одинъ за другимъ два жребія и объявлялъ народу; третій, остававшійся на престолѣ, знаменовалъ того, «его же оставилъ себѣ Богъ и святая София». Посвящаться избранные владыки ѣздили въ Москву. Но нѣкоторые управляли епархіею и до посвященія года по 2—3, владыка *Евѳимій II* даже болѣе 5 лѣтъ, да и посвященіе принялъ не въ Москвѣ, а въ Смоленскѣ отъ митрополита Герасима (въ 1435 году), послѣ чего считалъ себя независимымъ отъ московской каѳедры. Для того, чтобы избавиться отъ церковнаго подчиненія Москвѣ, Новгородцы думали воспользоваться раздѣленіемъ Русской церкви, которое давало имъ возможность при посвященіи владыкъ дѣлать выборъ между двоими митрополитами. Но послѣ митрополита Исидора, когда въ Литвѣ на митрополію сѣлъ его ученикъ Григорій, Новгородъ снова долженъ былъ признать права одного московскаго митрополита.

Мѣстное значеніе владыки развилось еще болѣе прежняго. Съ его благословенія вѣче начинало войну, заключало миръ, рѣшало свои внутреннія дѣла; въ новогородскихъ грамотахъ имя его ставилось выше имени не только посадника, но и князя. Во внутреннихъ дѣлахъ города владыка былъ средоточіемъ, около котораго стягивались и примирялись всѣ разрозненные взаимными распрями концы и улицы города. Не имѣя возможности сами уладиться между собою на вѣчѣ, они отдавали свои споры на судъ владыкѣ, какъ человѣку болѣе довѣренному и вліятельному, чѣмъ всѣ выборныя власти города и самъ князь. Отъ того владыка былъ всегдашнимъ миротворцемъ въ вѣчевыхъ раздорахъ.—Богатая владычняя *казна* имѣла тоже важное общественное значеніе. Владыка на ея средства выставлялъ свой полкъ въ новогородское войско, несъ городовыя повинности,—мостилъ мостъ въ кремлѣ, строилъ стѣны какъ въ Новгородѣ, такъ и въ его пригородахъ, напр. во Псковѣ, Орѣшкѣ,—наконецъ дѣлалъ пожертвованія деньгами въ разныхъ особенныхъ случаяхъ. Въ 1384 году Дмитрій Донской взялъ съ Новгорода 8000 серебра; 3000 при этомъ дала софійская казна. Въ 1428 году пять концовъ Новгорода дали по 1000 рублей на выкупъ плѣнныхъ у Витовта; владыка Евѳимій далъ еще 1000 отъ себя. Во время голода или пожаровъ софійская казна помогала бѣднымъ и раззореннымъ. Имена лучшихъ владыкъ съ благоговѣніемъ передавались изъ рода въ родъ, какъ имена свя-

тыхъ покровителей родного города; таковы святые владыки *Василій*, *Моисей*, *Евѳимій II*, *Іона*.—Мы видѣли, что, по своему видному положенію между русскими святителями, новгородскіе владыки носили титулъ архіепископовъ. Въ 1346 году митрополитъ Ѳеогностъ далъ владыкѣ Василію новое отличіе—*крестчатыя ризы*, потомъ патріархъ прислалъ ему *бѣлый клобукъ*. Въ Новгородѣ составилась послѣ цѣлая легенда объ этомъ клобукѣ въ доказательство мѣстныхъ притязаній на независимость владыкъ отъ митрополита: будто бы этотъ клобукъ данъ былъ Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру, потомъ, когда папы стали нечестивыми, послѣ разныхъ чудесъ былъ отосланъ въ Царьградъ къ патріарху Филоѳею, наконецъ когда и Царюграду суждено было погибнуть, явился въ Богомъ любимую страну, Россію, и именно въ Новгородъ, а не въ Москву, какъ бы слѣдовало ожидать.

Отношенія владыкъ къ митрополиту мѣнялись, смотря по тому, въ мирѣ былъ Новгородъ съ великимъ княземъ, или нѣтъ. Дурныя отношенія между владыкой и митрополитомъ въ первый разъ обнаружились при Симеонѣ Гордомъ, который сильно стѣснилъ Новгородцевъ. Владыка *Моисей* обидѣлся, что митрополитъ Ѳеогностъ не далъ ему, какъ его предшественнику Василію, крестчатыхъ ризъ, и послалъ къ патріарху жалобу «о непотребныхъ вещахъ, происходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита». Патріархъ и ему далъ крестчатую ризу, но при этомъ строго увѣщевалъ его покаряться митрополиту, какъ велятъ каноны. На преемника Моисеева *Алексія* митрополитъ жаловался патріарху, что этотъ владыка уже самъ самовольно надѣлъ на себя крестчатую ризу и не повинуется ни ему митрополиту, ни великому князю. Патріархъ (1370 г.) велѣлъ Алексію снять крестчатую ризу, объяснивъ, что это отличіе не принадлежитъ каѳедрѣ, а есть личное. Послѣ войны съ Димитріемъ Донскимъ, во время смутъ изъ-за митрополіи, Новгородцы положили вовсе не судиться у митрополита, а только у своего владыки. М. Кипріанъ, пріѣхавъ въ Новгородъ (въ 1391 г.), потребовалъ своего митрополичьяго мѣсячнаго суда. Новгородцы отказали ему, говоря, что они уже крестъ цѣловали не ходить къ нему на судъ, грамату о томъ написали и запечатали, и души свои попечатали. Митрополитъ уѣхалъ, не получивъ ничего. Не помогли ни его неблагословеніе строптивому городу, ни увѣщанія патріарха, вставшаго за митрополита. Наконецъ въ это дѣло вступился великій князь и принудилъ Новгородъ къ покорности силою. При Василіѣ Ди-

митріевичѣ владыка *Іоаннъ* (въ 1398 г.) благословилъ Новгородцевъ на войну съ великимъ княземъ за Двинскія волости, отнятыя Москвой. По окончаніи войны его вызвали въ Москву и продержали болѣе трехъ лѣтъ въ заключеніи. Послѣ этого Іоаннъ ѣздилъ въ Москву для совѣта съ митрополитомъ о духовныхъ дѣлахъ, чего, по замѣчанію лѣтописца, никогда не бывало съ владыками. Подъ конецъ описываемаго времени и въ Новгородѣ власть митрополита стала сильнѣе. Преемникъ Евѳимія *Іона* былъ уже въ постоянной связи съ Москвою. Когда Василій Темный сталъ угрожать свободѣ Новгорода серьезною опасностію, святый Іона, уже дряхлый старецъ, самъ ѣздилъ въ Москву ходатайствовать о своемъ городѣ и умолялъ великаго князя пощадить новгородскую свободу, обѣщая за это самой Москвѣ свободу отъ Орды.

Какъ Новгородъ стремился обособиться отъ Москвы, такъ его бывшій пригородъ Псковъ стремился отдѣлиться отъ него самого. Въ 1331 году Псковичи просили себѣ особаго епископа, но получили отказъ. Послѣ этого они постарались настоять по крайней мѣрѣ на томъ, чтобы владыка назначалъ во Псковъ намѣстника изъ Псковичей, а не изъ Новгородцевъ, что и было утверждено ими особымъ договоромъ съ Новгородомъ въ 1348 году. Другой обычай, на соблюденіи котораго настаивали Псковичи, состоялъ въ томъ, что владыка имѣлъ во Псковѣ одинъ мѣсяцъ своего суда, для чего долженъ былъ пріѣзжать туда черезъ три года. Этотъ обычай былъ предметомъ постоянныхъ ссоръ ихъ съ владыкой; замѣчали, въ свой ли подъѣздъ наѣзжалъ владыка, самъ ли собиралъ деньги съ поповъ, не больше ли мѣсяца жилъ. Не разъ владыки уѣзжали изъ Пскова, объявивъ свое неблагословеніе. Весьма часто, помимо владыки, Псковичи по духовнымъ дѣламъ, даже для поставленія священниковъ, обращались прямо къ митрополиту. Митрополиты поощряли это, какъ великіе князья поощряли такія же непосредственныя отношенія Пскова къ Москвѣ въ гражданскихъ дѣлахъ, находя въ этомъ удобное средство къ развитію своей власти въ вѣчевыхъ городахъ. Соборъ духовенства во Псковѣ имѣлъ такое же значеніе, какъ владыка въ Новгородѣ; но за то и самъ городъ развилъ у себя сильную власть надъ духовенствомъ. Вѣче присвоило себѣ право даже судить духовенство и распоряжаться церковными имуществами. Митрополиты Кипріанъ и Фотій писали во Псковъ граматы, въ которыхъ обличали такой противоканоническій порядокъ. Городской строй отразился на самой орга-

низаціи псковскаго духовенства; какъ и городъ, оно раздѣлялось на общины,—купы, изъ которыхъ каждая, состоя изъ нѣсколькихъ приходовъ, была приписана къ одному изъ соборовъ и управлялась *старостою поповскимъ*.

Бѣлое духовенство.—Какъ организовано было бѣлое духовенство въ другихъ мѣстахъ, неизвѣстно. Въ Москвѣ, Новгородѣ, навѣрное и въ другихъ мѣстахъ при соборахъ были протопопы, которымъ давались разныя порученія относительно приходскихъ причтовъ. Въ отношеніи къ архіереямъ бѣлое духовенство было классомъ «тяглымъ», было обложено разными сборами и повинностями и вѣдалось по нимъ архіерейскими десятильниками. Для облегченія отъ тяжести сборовъ и отъ притѣсненій десятильниковъ тяглые попы выпрашивали себѣ у архіереевъ и князей *жалованныя граматы*, а иногда даже силой отбивались отъ архіерейскихъ сборщиковъ, въ чемъ имъ помогали и прихожане. Поставленіе въ члены клира по выбору приходской общины было уже повсюдное; приходская же община пеклась о содержаніи причта, давала ему *землю*, извѣстное количество *руги* и *сборовъ*. Нѣкоторыя, преимущественно соборныя церкви были подъ покровительствомъ князей, которые давали имъ свои княжескія земли и ругу. Только немногія церкви, тоже преимущественно соборныя, имѣли у себя небольшія вотчины. Исходя изъ простого народа, плохо обезпеченное, едва грамотное, духовенство въ нравственномъ отношеніи мало отличалось отъ своей паствы. Поученія къ попамъ обличаютъ ихъ въ небреженіи къ святынѣ, въ пьянствѣ, мздоимствѣ и проч. Митрополитъ Петръ и митрополитъ Фотій нашли нужнымъ всѣмъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ, если они не постригутся въ монашество, запретить священнослуженіе. Въ тогдашней письменности встрѣчаемъ горькія жалобы на невѣжество сельскихъ поповъ, на распространеніе между ними разныхъ суевѣрій, апокрифическихъ сборниковъ и «мануканунцевъ», ложныхъ молитвъ о трясавицахъ и недугахъ, на то, что духовенство плохо знало и свое богослужебное дѣло, неправильно совершало церковныя службы и вносило въ богослуженіе разныя искаженія.

ГЛАВА III.

Богослуженіе.

Разстройство богослужебнаго порядка и заботы о возстановленіи его.—Вопросъ объ устраненіи изъ богослуженія разныхъ нестроеній и устройствѣ правильныхъ церковныхъ порядковъ былъ поднятъ съ самаго начала описываемаго времени. Нестроенія эти зависѣли отъ многихъ причинъ, и прежде всего отъ крайняго недостатка богослужебныхъ книгъ, которыхъ и прежде было мало, а теперь, послѣ монгольскаго разоренія, стало еще меньше. По причинѣ дороговизны, ихъ не могли пріобрѣтать для себя въ достаточномъ количествѣ даже городскія церкви. Во Псковѣ, одномъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ, при митрополитѣ Кипріанѣ по всему городу нельзя было сыскать въ церквахъ нѣкоторыхъ самыхъ необходимыхъ церковныхъ чиновъ. Полныя служебныя Минеи въ XIII и XIV вѣкахъ вездѣ были большой рѣдкостію и, вмѣсто нихъ, довольствовались разными Трефологіями и собраніями службъ только на великіе праздники и на памяти болѣе знаменитыхъ святыхъ. Отъ того переписка богослужебныхъ книгъ и снабженіе ими церквей считались великимъ богоугоднымъ дѣломъ. Перепиской ихъ занимались благочестивые люди изъ грамотѣевъ всякаго чина: много писалось ихъ на востокѣ,—въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, куда, какъ и прежде, грамотные монахи и писцы посылались для этого иногда нарочно. Но, частію вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ, частію вслѣдствіе большого запроса на ихъ трудъ и происходившей отсюда спѣшности въ работѣ, въ богослужебныя рукописи все болѣе и болѣе вкрадывалось разныхъ ошибокъ. Отсюда въ русской церкви возникъ важный вопросъ, кромѣ умноженія богослужебныхъ книгъ, еще объ ихъ исправленіи. Нѣкоторые архипастыри усердно занимались этимъ важнымъ дѣломъ, особенно святитель Алексій, исправлявшій по греческому тексту Новый Завѣтъ, и Кипріанъ, исправлявшій Служебникъ, Требникъ и слѣдованную Псалтырь; въ послѣднюю онъ внесъ нѣсколько вновь переведенныхъ имъ каноновъ и молитвъ. Кромѣ ошибокъ, въ текстѣ богослужебныхъ книгъ обнаружилось не мало разностей въ самомъ составѣ

богослужебныхъ чиновъ; это произошло отъ разновременнаго перевода разныхъ новыхъ службъ или ихъ частей, вновь появлявшихся въ Греціи, и разновременнаго распространенія ихъ по разнымъ мѣстностямъ Россіи, раздѣленнымъ удѣльными перегородками. Важной причиной подобныхъ разностей было также тогдашнее переходное состояніе нашего богослуженія,— во второй половинѣ XIV и въ XV вѣкѣ въ немъ совершался постепенный переходъ отъ господствовавшаго раньше Студійскаго устава къ уставу Іерусалимскому святаго Саввы, закончившійся водвореніемъ господства послѣдняго уже въ XVI вѣкѣ.

Опредѣленія соборовъ Владимірскаго 1274 г. и Константинопольскаго 1276 г. относительно богослуженія. — Самыя раннія опредѣленія касательно богослуженія заключаются въ правилахъ соборовъ Владимірскаго 1274 г. и Константинопольскаго 1276 г. (прежде неправильно относимаго къ 1301 году). Первый замѣтилъ и запретилъ вкравшіеся въ русскую церковь обычаи: смѣшивать въ муропомазаніи святое мyро съ масломъ, въ крещеніи употреблять вмѣсто погруженія обливаніе, при совершеніи литургіи—въ новгородскихъ предѣлахъ просфоромисать и вынимать агнецъ дьякону вмѣсто священника, простецамъ входить въ алтарь, читать апостолъ, пѣть прокимны и освящать кутью. Второй соборъ, составлявшій свои опредѣленія по вопросамъ *Ѳеогноста* епископа сарайскаго, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ особенныя потребности церкви Сарайской, но разрѣшилъ при этомъ нѣсколько сомнѣній о чинѣ богослуженія и общаго характера. Онъ дозволилъ сарайскому епископу завести подвижные храмы или престолы и совершать архіерейскую службу безъ дьякона съ одними іереями; при служеніи нѣсколькихъ іереевъ безъ дьякона эктеніи положено говорить младшему священнику, не выходя изъ алтаря; при участіи въ литургіи нѣсколькихъ священниковъ, имъ дозволено служить на пѣсколькихъ агнцахъ вмѣстѣ, но возносить только одинъ. Служить литургію безъ вина не дозволялось, но вѣроятно случаи были. Ѳеогностъ спрашивалъ, нельзя ли литургисать на сухой вѣтви виноградной,—соборъ отвѣтилъ, что нельзя, но на выжатомъ изъ свѣжей вѣтви сокѣ дозволилъ. Священнику, убившему на войнѣ человѣка, служеніе опредѣлено воспрещать. При крещеніи, за недостаткомъ среди степей нужнаго количества воды для погру-

женія крещаемаго, дозволено троекратное обливаніе водою. При многихъ крещаемыхъ и многихъ іереяхъ каждому іерею положено крестить особаго крещаемаго; если же іерей случился при томъ одинъ, то чинъ крещенія онъ могъ совершить для всѣхъ общій, но погружать долженъ былъ каждаго крещаемаго особо. Постриженіе въ монашество передъ смертью считалось необходимымъ и совершать его въ этомъ случаѣ дозволялось и чернымъ и бѣлымъ священникамъ, даже причетнику, тогда какъ общимъ правиломъ простымъ священникамъ не дозволялось постригать въ монашество, какъ монахамъ не дозволялось вѣнчать браковъ и безъ нужды крестить дѣтей. Ѳеогностъ высказалъ недоумѣніе, какъ быть, когда умирающій не пожелалъ бы постригаться,—соборъ не велѣлъ принуждать его къ этому. Епископъ, постригшись передъ смертью въ схиму, въ случаѣ выздоровленія уже не могъ болѣе епископствовать; при погребеніи велѣно полагать его во гробъ не въ святительскихъ одеждахъ, а въ схимѣ. Запрещено влагать въ руки умершаго епископа тѣло Христово.

Дѣятельность митрополита Кипріана къ упорядоченію богослуженія.—Изъ дальнѣйшихъ опредѣленій относительно богослуженія важнѣйшія относятся ко времени митрополитовъ Кипріана и Фотія. Въ своихъ посланіяхъ во Псковъ оба митрополита вооружались противъ принятаго тамъ съ запада обливательнаго крещенія. Митрополитъ Фотій замѣтилъ тамъ еще употребленіе латинскаго мура;—изъ посланія его между прочимъ видно, что муро тогда не варилось въ самой Россіи, а получалось изъ Греціи отъ патріарха. При крещеніи оба митрополита требовали ставить для крещаемыхъ только по одному воспріемнику или воспріемницѣ, смотря по полу крещаемыхъ, а не обоихъ вмѣстѣ. Крестить дѣтей принято было въ скоромъ времени по рожденіи. Митрополитъ Кипріанъ повторилъ запрещеніе просфоромисать дьяконамъ и служить литургію безъ вина, но, вопреки Константинопольскому собору 1276 года, запрещалъ при служеніи нѣсколькихъ іереевъ исполнять одному изъ нихъ діаконскія обязанности и потому безъ дьякона велѣлъ служить только одному іерею. Необходимой принадлежностію для литургіи былъ антиминсъ, потому во Псковѣ, за недостачей антиминсовъ, ихъ рѣзали на части (съ дозволенія владыки Іоанна II); Кипріанъ запретилъ это и послалъ во Псковъ 60 новыхъ антиминсовъ. Татямъ, душегубцамъ, сквернословамъ, живущимъ съ женами безъ брака и четвероженцамъ оба митро-

полита не велѣли давать причастія, развѣ при смерти; троеженцы отлучались отъ причащенія на 5 лѣтъ. Въ одномъ посланіи въ Новгородъ Фотій вооружился противъ судебныхъ поединковъ,—убитаго на поединкѣ запретилъ хоронить, а убившаго отлучалъ на 18 лѣтъ отъ причастія. Узнавъ, что во Псковѣ, за недостаткомъ уставовъ и богослужебныхъ книгъ, не знали, какъ совершать самыя важныя службы, Кипріанъ послалъ туда уставъ служенія литургіи Іоанна Златоустаго и Василія Великаго, чины крещенія, вѣнчанія, освященія воды 1 августа и послѣдованіе въ недѣлю православія. Изъ руководительныхъ посланій туда-же митрополита Фотія узнаемъ, что псковское духовенство не знало, какъ совершать литургію Златоустаго, какъ приготовлять агнецъ для литургіи преждеосвященныхъ даровъ и, между прочимъ, какъ пѣть аллилуія,—митрополитъ велѣлъ троить аллилуія.

Строеніе храмовъ и ихъ значеніе.—Кромѣ устройства православнаго чина богослуженія, ревнителямъ церкви не мало заботы доставляло возстановленіе храмовъ Божіихъ, разрушенныхъ Монголами, и устроеніе новыхъ. Строеніе церквей и монастырей сдѣлалось господствующимъ подвигомъ возбужденнаго бѣдственнымъ временемъ народнаго благочестія. Особенно много строилось церквей во время голода, мора и другихъ народныхъ бѣдствій; это, такъ называемыя, церкви обѣтныя и обыденныя, которыя строились по обѣту, обыкновенно въ одинъ день, и тутъ же освящались. Сговорившись на сходѣ, жители города или селенія шли въ лѣсъ, рубили бревна, свозили, а иногда изъ усердія сами на себѣ сносили ихъ на мѣсто и всѣмъ міромъ выстраивали церковь, обыкновенно во имя дневного святого; если бѣдствіе не прекращалось, строили другую такую же церковь. Во всѣхъ городахъ церквей было даже больше, чѣмъ нужно, такъ что ихъ нечѣмъ было содержать. Особенно большимъ количествомъ и богатымъ украшеніемъ ихъ отличались Новгородъ и Псковъ, а потомъ Москва. При Іоаннѣ Калитѣ въ Москвѣ выстроены были ея знаменитые соборы, получившіе потомъ высокое всероссійское значеніе,—Успенскій и Архангельскій, а при Василіѣ Дмитріевичѣ построенъ и третій—Благовѣщенскій. Въ это же время возникли замѣчательные соборы въ Твери, Ростовѣ, Нижнемъ Новгородѣ и др. городахъ. Лучшіе русскіе мастера для строенія и украшенія церквей были въ Новгородѣ и Псковѣ; удобнѣе всего было достать здѣсь и нѣ-

мецкихъ мастеровъ. Замѣчательно, что до XV вѣка всѣ церкви строились у насъ безъ печей. Первый устроилъ двѣ теплыя церкви новгородскій владыка Евѳимій,—одну въ Вяжицкомъ монастырѣ (1439) другую (1445) во имя святаго Евѳимія у себя въ домѣ. Сохранялось вполнѣ прежнее общественное значеніе храмовъ. Какъ Новгородъ былъ городомъ святой Софіи, Псковъ — святой Троицы и т. д., такъ и сама Москва съ своимъ Успенскимъ соборомъ была землею Богородицы; пограничная съ Литвой рѣчка Угра называлась поясомъ Богородицы. Встрѣчаемъ обычное въ удѣльномъ бытѣ неуваженіе къ чужимъ храмамъ. Въ 1393 и 1398 годахъ Новгородцы брали Устюгъ и оба раза грабили его соборъ; Михаилъ тверской разграбилъ церкви и монастыри въ Торжкѣ, Василій Темный въ Галичѣ. Находимъ ясныя указанія относительно важнаго значенія храма для приходской общины. Одно изъ выразительнѣйшихъ проявленій приходской жизни—братчина — составляла повсемѣстное явленіе. Граматы князей давали братчинамъ важныя права—варить на праздникъ пиво и медъ и разбирать самимъ происшедшія на пиру ссоры; братчина судила, какъ судья, и передавала княжескому суду только дѣла уголовныя и такія, которыхъ не могла разобрать сама. Въ такомъ видѣ временной праздничной сходки братчина является по всей Великороссіи. Въ западной Россіи она развилась до формы постояннаго союза,—братства. Раньше другихъ становятся извѣстными братства во Львовѣ (1439 г.) и въ Вильнѣ (1458 г.).

Святыя иконы. — Украшая храмы, любили расписывать ихъ иконами. Писаніе иконъ считалось неприличнымъ поручать Нѣмцамъ, оно производилось или греческими, или русскими мастерами. На иконописное художество былъ большой запросъ, а потому иконописцевъ было много; они соединялись въ артели или дружины подъ управленіемъ старостъ; были особыя дружины великаго князя и митрополита, состоявшія на ихъ содержаніи. Лучшими иконописцами въ XV вѣкѣ были *Ѳеофанъ Грекъ* и московскіе монахи *Даніилъ Иконникъ* и *Андрей Рублевъ*. Иконописаніемъ занимались нѣкоторыя изъ высшихъ духовныхъ лицъ, напр. святый Петръ митрополитъ и новгородскій владыка *Василій*. Вѣра въ чудотворную силу нѣкоторыхъ святыхъ иконъ находила себѣ неоднократное оправданіе въ жизни. Во время Куликовской битвы прославилась

Донская икона Богоматери, находившаяся въ войскѣ великаго князя: послѣ битвы плѣнные Татары объясняли свое пораженіе видѣніемъ молніеноснаго полка подъ предводительствомъ грозной небесной Воительницы. Въ новый стольный городъ великаго князя изъ Владиміра перенесена была икона Владимірской Богоматери. Во время нашествія *Тамерлана* (1395 г.) ее торжественно встрѣтили въ Москвѣ и поставили въ Успенскомъ соборѣ. Въ самый день и часъ ея встрѣчи Тамерланъ бѣжалъ изъ Россіи, устрашенный видѣніемъ грозной свѣтоносной Жены. — Въ разныхъ мѣстахъ явились новыя чудотворныя иконы: въ XIII вѣкѣ Ѳеодоровская (въ Ярославлѣ), Путивльская, Устюжская, Муромская, Курская-Коренная, въ XIV вѣкѣ Тихвинская, Толгская и др. Большею частію чудотворныя иконы по прежнему чтились только мѣстно. Перенесеніемъ Владимірской иконы въ Москву началось важное дѣло собиранія мѣстныхъ святынь въ одно центральное мѣсто; въ Москвѣ эти святыни должны были получить общерусское значеніе.

Новые праздники. Кромѣ явленія чудотворныхъ иконъ, русское благочестіе утѣшалось открытіемъ мощей русскихъ угодниковъ, — святителя Петра, святаго Александра Невскаго, преподобнаго Сергія и др. Въ честь этихъ новоявленныхъ угодниковъ Божіихъ установлялись новые праздники или общіе, или мѣстные. Святые, какъ и иконы тоже большею частію чтились мѣстно, напримѣръ князья Георгій II владимірскій, Василько ростовскій, Михаилъ черниговскій, Довмонтъ псковскій, Михаилъ тверской и др. Въ Новгородѣ въ послѣднее время его самостоятельности видимъ какое-то соревнованіе святынями съ Москвой. Послѣдніе владыки старались собрать и увѣковѣчить въ письмени все, что было славнаго въ новгородской старинѣ. Владыка *Евѳимій* (1430—1458) открылъ мощи владыки Іоанна и Варлаама Хутынскаго, — святыхъ наиболѣе славныхъ въ новгородскихъ преданіяхъ, и установилъ 4 октября память всѣхъ князей и владыкъ, положенныхъ во святой Софіи. Преемникъ его *Іона* заставилъ славнаго тогда ритора *Пахомія Серба* писать житія новгородскихъ святыхъ и не щадилъ для него за это ни даровъ, ни почестей. Замѣчательно, что только въ послѣднее время, при этомъ Іонѣ, Новгородъ сталъ почитать великаго покровителя Москвы, преподобнаго Сергія, и создалъ въ

честь его первый храмъ. Въ Москвѣ новгородскихъ святыхъ не чтили, долго спустя и послѣ этого. Праздновали такъ же дни особенныхъ благодѣяній Божіихъ, напримѣръ день срѣтенія Владимірской иконы и бѣгства Тамерлана (26 авг. 1395 г.). Послѣ Куликовской битвы установлена (предъ 26 октября) Димитріевская суббота для поминовенія павшихъ за православіе воиновъ. Составлялись и новыя службы русскимъ святымъ, наприм. святителю Петру, св. Алексію, Сергію Радонежскому и др. Одну изъ особенностей русскихъ службъ этого времени составляютъ молитвы объ избавленіи отъ Агарянъ.

Противодѣйствіе обрядовому благочестію. Ересь Стригольниковъ.—Крайнее развитіе обрядоваго благочестія вызывало обличенія церковныхъ учителей, но этими обличеніями дѣло не ограничилось; крайность обрядоваго направленія вызвала другую крайность—отрицанія обрядовъ, обнаружившуюся во Псковѣ. Мы уже видѣли постоянныя столкновенія Псковичей съ новгородскими владыками, а Новгородцевъ съ митрополитами. Оппозиція противъ іерархическаго подчиненія Новгороду и Москвѣ ухватилась прежде всего за тяжелыя ставленыя пошлины и отсюда, какъ изъ исходнаго пункта, развила цѣлую ересь *Стригольниковъ*. Вождями этой ереси въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія явились дьяконъ *Никита* и *Карпъ* стригольникъ (по одному объясненію—стригольникъ ремесломъ, по другому—дьяконъ, назначенный простригать гуменце у ставлениковъ при ихъ посвященіи). Еретики отрицались отъ пастырей церкви, какъ отъ незаконныхъ, поставленыхъ на мздѣ; затѣмъ, переходя къ разбору ихъ жизни, находили, что архіереи и монахи собираютъ себѣ много имѣнія, а бѣлое духовенство беретъ поборы съ живыхъ и мертвыхъ и дурно живетъ; отсюда они выводили, что не нужно принимать ни ученія, ни священнодѣйствій отъ такихъ пастырей, что всѣ священнодѣйствія ихъ не дѣйствительны, потому не нужно принимать отъ нихъ ни крещенія, ни покаянія, ни евхаристіи, ни пѣть надъ умершими, ни приносить за нихъ приносовъ. Отвергнувъ іерархію, еретики естественно должны были право учительства усвоить мірянамъ, а священнодѣйствія по возможности вовсе устранить. Каяться, говорили они, можно и безъ священника, припадая къ землѣ, евхаристію нужно понимать въ духовномъ смыслѣ; другія таинства и обряды вовсе не нужны. Нѣкоторые доходили до отрицанія соборовъ, даже евангельскихъ и апостольскихъ писаній, другіе отвергали

еще воскресеніе мертвыхъ. Относительно нравственной жизни они всѣ одинаково придерживались идей аскетическихъ, отличались строгой жизнью и постничествомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, такая раціоналистическая ересь распространялась главнымъ образомъ между людьми болѣе образованными, книжниками. Изъ Пскова она перешла въ Новгородъ, гдѣ тоже нашла себѣ удобную почву; перешли сюда и сами Карпъ съ Никитой. Въ 1375 году владыка отлучилъ ихъ отъ церкви, а народъ схватилъ ихъ и бросилъ въ Волховъ. Смерть еретиковъ однако не ослабила самой ереси. Въ 1381 году услыхалъ объ ереси патріархъ *Нилъ* и написалъ въ Новгородъ и Псковъ двѣ увѣщательныя граматы. Его преемникъ *Антоній* прислалъ еще новую грамату съ подробнымъ опроверженіемъ ереси. Митрополитъ Фотій тоже написалъ три посланія противъ еретиковъ. Псковичи возревновали о православіи, засадили еретиковъ въ тюрьму, нѣкоторыхъ казнили. Похваляя ихъ ревность, Фотій однако укорялъ ихъ за смертныя казни еретикамъ. Послѣ 1427 года, когда написано послѣднее посланіе Фотія, о стригольникахъ больше не слышно, но движеніе, возбужденное ими, не исчезло и послѣ вскрылось въ другой опасной ереси жидовствующихъ.

ГЛАВА IV.

Христіанская жизнь.

Вліяніе времени на развитіе добрыхъ и худыхъ качествъ въ жизни русскаго народа.—Обрядовое благочестіе не могло много содѣйствовать развитію нравственной жизни. Общее впечатлѣніе, какое выносится изъ изученія нравовъ описываемаго времени, очень грустное. Большая часть изслѣдователей народной жизни видитъ здѣсь начало всего дурного въ русскомъ народномъ характерѣ. Трудно судить о томъ, лучше или хуже стала народная нравственность сравнительно съ прежнимъ временемъ, но дѣйствительно было много обстоятельствъ, которыя тогда не благопріятно дѣйствовали на нравы и мѣшали преуспѣянію христіанской жизни.

Первымъ обстоятельствомъ такого рода было монгольское иго, поставившее Россію подъ огрубляющее вліяніе дикаго на-

рода, унижавшее и портившее характеръ народа Русскаго восточнымъ рабствомъ. Сами князья должны были ѣздить въ Орду съ заявленіями рабской покорности и трепетать передъ силой ордынскаго деспота и передъ многочисленными доносами шпіоновъ, шпіоновъ даже изъ своихъ же братій князей. Каждый разъ передъ поѣздкой въ Орду они исповѣдывались и причащались, какъ передъ смертью, а по возвращеніи служили благодарственные молебны. Для народа эта школа рабства была еще тяжелѣе; нужно было кланяться всякому заѣзжему баскаку, исполнять все, что онъ потребуетъ, отдѣлываться обманами и поклонами, когда онъ расходится. Одинъ сильный человѣкъ не вытерпитъ и убьетъ Татарина, другой сильный человѣкъ убьетъ за это его самого, спасая Русскую землю отъ татарской мести; а лѣтописецъ похвалитъ послѣдняго и осудитъ перваго за недостатокъ смиренія. Двоедушіе, хитрость, низкопоклонничество, низкія проявленія инстинкта самосохраненія дѣлаются добродѣтелями времени, которыя проповѣдуетъ иногда и лѣтописная мораль. Съ другой стороны внутри самой Россіи совершался тяжелый переходъ отъ удѣльно-вѣчевого уклада къ единодержавному. Для усиленія одного княжества на счетъ другого употреблялись всякія средства безъ разбора,—клевета въ Ордѣ одного князя на другого, насилія, хитрость, небывалыя жестокости усобицъ. Въ администраціи, при подавленіи старыхъ вѣчевыхъ началъ, видимъ крайнія проявленія торжества новыхъ началъ, жестокость казней, насилія властей, поборы, неправды. Одинъ полоцкій князь спрашивалъ разъ епископа тверского *Симеона* († 1289 г.): «гдѣ быть на томъ свѣтѣ тіунамъ?»—Гдѣ и князьямъ, отвѣчалъ Симеонъ. «Но тіунъ неправо судитъ, дѣлаетъ зло, беретъ взятки, а я что дѣлаю?» — Если князь безъ страха Божія, не милуетъ христіанъ, тіуна ставитъ злого, неправеднаго, лишь бы давалъ ему куны, пускаетъ его, какъ пса на падаль, губить людей: то и князь будетъ въ аду, и тіунъ его тамъ же». — Насилія сильныхъ, коварство слабыхъ, общее недовѣріе другъ къ другу ослабляли всѣ общественныя узы. Лѣтописи и житія святыхъ постоянно говорятъ о разбояхъ, поджогахъ, грабежахъ и убійствахъ.

Кромѣ общественныхъ неурядицъ, важные пороки господствовали и въ частной жизни. Слышимъ жалобы на грубые пороки пьянства, сквернословія, чувственности. Женщина окончательно запирается въ теремѣ, который общество признало необ-

ходимымъ и единственнымъ средствомъ для сохраненія семейной чистоты. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ нравы грубѣе. Митрополитъ Іона въ своемъ посланіи въ Вятку обличаетъ жителей въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ брали женъ по 5, 7 и даже 10, а попы ихъ благословляли; нѣкоторые жили съ женами вовсе безъ вѣнчанія. Но и внутри Россіи въ 1406 году встрѣчаемъ звѣрское убійство княгини вяземской святой *Іуліаніи* послѣднимъ княземъ смоленскимъ *Юріемъ* за то, что она не хотѣла удовлетворить его плотской страсти. Сильны еще были и остатки язычества. Вѣра въ волхвовъ и вѣдьмъ была господствующею вездѣ. Во Псковѣ однажды въ началѣ XV вѣка, по случаю язвы, сожгли 12 вѣдьмъ; во Владимірѣ во время бездождія выкапывали изъ земли утопленниковъ. Во всѣхъ классахъ народа распространена была вѣра «въ сонъ, встрѣчу, полазъ, птичій грай» и др. примѣты. Продолжались жертвы разнымъ домовымъ, лѣшимъ, водянымъ и др. божествамъ старины. Народное веселье сопровождалось языческими обрядами даже при празднованіи церковныхъ праздниковъ.

Но среди этихъ печальныхъ явленій мы все-таки не можемъ не замѣтить отрадныхъ проявленій и даже новыхъ успѣховъ христіанскихъ понятій и чувствъ. Самое двоевѣріе народныхъ массъ получило уже новый, болѣе выгодный для христіанства характеръ. Старыя миѳическія преданія успѣли сильно затемниться; поученія противъ язычества еще помнятъ имена нѣкоторыхъ старыхъ боговъ, но уже не ясно понимаютъ ихъ миѳическое значеніе и обличаютъ главнымъ образомъ сохранившіеся въ большей свѣжести остатки стараго культа. Вмѣсто прежняго грубаго двоевѣрія, механическаго соединенія двухъ вѣръ безъ измѣненія той и другой, явилось двоевѣріе болѣе тонкое, состоящее изъ органическаго соединенія ихъ, при которомъ и та, и другая терпятъ значительныя перемѣны, языческія понятія уступаютъ христіанскимъ, а христіанскія низводятся до степени наивнаго, полуязыческаго смысла народа. Это было начало господства въ русскомъ обществѣ всякаго рода суевѣрій и апокрифовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и начало самодѣятельнаго отношенія его къ христіанству, дѣйствительнаго усвоенія его народнымъ умомъ и чувствомъ, вмѣсто прежняго механическаго, неосмысленнаго усвоенія его вѣрованій и обрядовъ. Далѣе,—тяжкія бѣды времени оказались для разрозненнаго русскаго общества удѣльнаго времени исправительнымъ бичемъ благаго Промысла.

Съ теченіемъ времени и поученія и лѣтописная публицистика все чаще и чаще начинаютъ призывать всѣхъ къ христіанской любви и соединенью. Голодъ, нападеніе татаръ, знаменіе на небѣ—все служитъ для лѣтописца поводомъ къ проповѣди о покаяніи. Подъ вліяніемъ тяжкихъ обстоятельствъ, къ которымъ присоединялись еще слухи о бѣдствіяхъ востока, распространилась мысль о приближеніи кончины міра, временемъ которой назначали конецъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра. Эту мысль встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ, у митрополита Кипріана, митрополита Фотія и другихъ учителей. Пасхаліи не доводили дальше 7000 (1492) года; за этимъ годомъ ставили кружокъ и приписывали: «Горе достигшимъ до конца временъ». Кромѣ подобнаго рода чувствованій и проповѣди современныхъ пророковъ о покаяніи, бѣдствія времени и общее для всѣхъ краевъ и общественныхъ классовъ разрозненной удѣльной Руси угнетенное состояніе подъ иноплеменнымъ, басурманскимъ игомъ, естественно вели русскій народъ къ укрѣпленію въ немъ сознанія національнаго единства, своей русской народности и коренной черты этой народности—православія. Это было время настоящей,—тяжелой, но прочной закладки послѣдующей Московской Руси, которая за тѣмъ и выступила по сверженіи басурманскаго ига, какъ Русь святая, православная.

Примѣры благочестія многихъ русскихъ пастырей и князей.—Русскій народъ не мало выставилъ изъ среды себя за это время истинныхъ угодниковъ Божіихъ, прославляемыхъ Русской церковью въ ликѣ своихъ святыхъ. Таковы были: русскіе первосвятители, великіе московскіе чудотворцы Петръ, Алексій и Іона, святые Серапіонъ владимірскій, Игнатій ростовскій, Діонисій суздальскій, Стефанъ пермскій, нѣсколько новгородскихъ владыкъ, изъ русскихъ князей—Александръ Невскій, Довмонтъ псковскій, Михаилъ тверской, Михаилъ черниговскій, Романъ рязанскій и др., наконецъ многочисленный сонмъ высокихъ подвижниковъ сѣвера съ своимъ главою Сергіемъ Радонежскимъ. Монашество и теперь продолжало быть средоточіемъ и идеаломъ истинно христіанской жизни, возбуждая къ себѣ общее благоговѣніе и увлекая въ свои ряды самыя лучшія силы народа.

Монашество. Причины быстраго умноженія монастырей.—Съ XIV вѣка начинается у насъ, можно ска-

зать, лучшее время для монашества, когда оно въ полтора вѣка успѣло воздвигнуть до 180 новыхъ обителей, выставило изъ своей среды цѣлый сонмъ высокихъ подвижниковъ и проявило необыкновенную общественную дѣятельность. Причинами такого сильнаго развитія монашеской жизни были съ одной стороны большее усвоеніе лучшимъ обществомъ христіанства, съ другой тяжкія обстоятельства времени, которыя естественно возбуждали въ народѣ набожность и заставляли прибѣгать за утѣшеніемъ къ религіи. Мы видѣли, какъ послѣ монгольскаго погрома всѣ лучшія силы Руси отлили съ юга на сѣверъ; сюда же перенесенъ и центръ монашества. Кіевская лавра была въ развалинахъ и стала поправляться только съ XV вѣка. Ея прежнее значеніе наслѣдовала новая обитель преподобнаго Сергія, который сталъ тѣмъ же для сѣвера, чѣмъ были Антоній и Ѳеодосій для юга.

Преподобный Сергій, въ міру Варѳоломей, былъ сынъ *Кирилла* и *Маріи*, ростовской боярской семьи, при Калитѣ переселившейся изъ Ростова въ московскій городъ Радонежъ, родился около 1314 года. По смерти родителей онъ отдалъ все ихъ имѣніе младшему брату, а самъ съ другимъ (старшимъ) братомъ *Стефаномъ* удалился въ пустыню въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Радонежа. Пустынники построили себѣ въ лѣсу келью и деревянную церковь св. Троицы (около 1340 года). Стефанъ скоро оставилъ брата, перейдя въ московскій Богоявленскій монастырь. Оставшись одинъ, преподобный Сергій всею душою предался пустыннымъ подвигамъ, претерпѣвая всѣ неудобства пустыни, страхъ отъ звѣрей, искушенія отъ демоновъ. Молва о святости отшельника привлекла къ нему учениковъ. Около его кельи и храма поставлено было нѣсколько избушекъ, въ которыхъ поселилось до 12 иноковъ. Святый Сергій трудился на братію, какъ купленный рабъ, строилъ келліи, рубилъ дрова, мололъ жито на ручныхъ жерновахъ, пекъ хлѣбъ, шилъ одежды, носилъ воду, а ночь проводилъ безъ сна въ молитвѣ, питался только хлѣбомъ и водой. Въ 1354 году братія заставили его принять санъ пресвитера и игумена. Игуменство его было во многомъ сходно съ игуменствомъ преподобнаго Ѳеодосія; таже строгость въ жизни, неутомимость въ трудахъ, безсонныя ночи, ночные обходы братскихъ келлій, обличенія праздныхъ, тихія и кроткія рѣчи, растворенныя слезами братской любви и религіозной ревности.

Новая обитель была очень бѣдна; не доставало ладона и вина для богослуженія; въ церкви служили съ лучиной; ризы были изъ крашенины, церковные сосуды деревянные; книги писали на берестѣ; братія голодали по 2—3 дня безъ хлѣба; однажды для утоленія голода самъ игуменъ нанялся построить сѣни къ кельѣ одного брата за куски гнилого хлѣба. Патріархъ *Филовей*, узнавъ о преподобномъ Сергіѣ, прислалъ ему свое благословеніе и совѣтъ завести общежитіе. Съ благословенія его и митрополита Алексія общежитіе было введено; но многимъ инокамъ оно показалось тяжкимъ и возбудило такой ропотъ, что самъ Сергій долженъ былъ на время отлучиться изъ обители на Киржачъ, гдѣ основалъ новый монастырь. Онъ воротился по повелѣнію митрополита Алексія и по просьбѣ всей братіи, потому что безъ него въ монастырѣ открылись большіе безпорядки. Между тѣмъ средства обители стали понемногу увеличиваться, такъ что она уже въ состояніи была совершать дѣла благотворительности. Возросла и слава преподобнаго Сергія. Митрополитъ Алексій часто пользовался его совѣтами, хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ. Не разъ посѣщалъ обитель Димитрій Донской; преподобный Сергій благословилъ его на Куликовскую битву. Онъ ѣздилъ отъ великаго князя и митрополита посломъ въ Нижній мирить суздальскихъ князей. Послѣ Куликовской битвы своими тихими рѣчами онъ склонилъ къ миру съ великимъ княземъ *Олега* рязанскаго. Уважаемый старецъ крестилъ дѣтей Донского и былъ свидѣтелемъ его духовнаго завѣщанія. Еще заживо прославляли въ Сергіѣ даръ чудесъ, его прозорливость и силу молитвы. Одинъ инокъ видѣлъ небесный огнь на престолѣ, на которомъ Сергій совершалъ литургію; другой видѣлъ сослужащаго съ нимъ ангела. Не задолго до кончины Сергій, въ присутствіи своего ученика *Михея*, былъ посѣщенъ Богоматерью, которая сказала ему: «Не бойся, избранниче Мой! Молитва твоя о мѣстѣ семъ услышана; при тебѣ и послѣ тебя неотступна буду отъ обители твоей». 25 сентября 1392 года почилъ великій святой, передавъ послѣ себя игуменство ученику своему *Никону*. Вмѣстѣ съ Петромъ, Алексіемъ и Іоною онъ сталъ по смерти небеснымъ покровителемъ Москвы.

Значеніе Сергіевой лавры.—Обитель святаго Сергія сдѣлалась первой святыней Москвы и образцомъ для другихъ

монастырей; при жизни Сергія и послѣ его кончины чрезъ его учениковъ она распространила отъ себя во всѣ стороны множество новыхъ обителей—своихъ колоній и цѣлою сѣтью ихъ охватила всю сѣверную Русь, стягивая ее къ одному центру—Москвѣ. Еще при жизни Сергія явилось нѣсколько монастырей, Киржачскій и Голутвинъ, основанные имъ самимъ, Симоновъ въ Москвѣ, основанный племянникомъ его—*Ѳеодоромъ*, Борисоглѣбскій въ Ростовѣ, Дубенскій на Стромыни, Дубенскій на Острову, основанный съ благословенія Сергія Димитріемъ Донскимъ въ память Куликовской битвы и друг. Вездѣ первыми игуменами были ученики Сергія. Митрополитъ Алексій, строитель 5 монастырей (въ Москвѣ, Серпуховѣ и Нижнемъ), для своихъ московскихъ монастырей Чудова и Андроникова, взялъ игуменовъ такъ же изъ учениковъ преподобнаго.

Другіе болѣе замѣчательные монастыри и подвижники.—Съ половины XIV вѣка, послѣ прославленія Сергіевой пустыни, число новыхъ монастырей быстро стало возрастать по всѣмъ краямъ Великороссіи. Москва была опоясана цѣлой линіей ихъ, какъ духовной оградой. Усердными строителями ихъ были митрополитъ Алексій, великій князь Василій Дмитріевичъ и другія лица. Супруга Донского *Ефросинія* (въ мірѣ *Евдокія*) по смерти своего мужа (около 1387 года) основала въ Москвѣ монастырь Вознесенскій, въ которомъ сама постриглась и была погребена и который съ тѣхъ поръ сдѣлался постоянно усыпальницею московскихъ великихъ княгинь и царицъ. Въ Твери было основано 11 монастырей, въ Нижнемъ — 4. Изъ Нижняго возсіялъ святостію извѣстный *Діонисій* Суздальскій. Онъ подвизался здѣсь сначала въ пещерѣ на берегу Волги, потомъ (около 1330 года) устроилъ тутъ Печерскій монастырь. Учениками его были преподобный *Евѳимій* Суздальскій, основатель Спасо-Евѳиміева монастыря, и преподобный *Макарій* Унженскій, съ 12 лѣтъ подвизавшійся въ монастырѣ святаго Діонисія, основатель трехъ монастырей—на рѣкѣ Лухѣ, на Желтыхъ водахъ и на рѣкѣ Унжѣ. Другой костромской подвижникъ, ученикъ преподобнаго Сергія, *Аврамій* Галичскій († 1375) основалъ такимъ же образомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, 4 монастыря. Въ Боровскомъ княжествѣ прославился преподобный *Пафнутій* Боровскій, подвизавшійся сначала въ Высоцкомъ монастырѣ ученика Сергія

Никиты, потомъ основавшій (въ 1444 году) свой монастырь. Подъ его руководствомъ началъ свои подвиги знаменитый *Іосифъ* Волоцкій.

Въ Новгородѣ по прежнему являлось болѣе монастырей, чѣмъ гдѣ нибудь; ихъ строили владыки (напримѣръ Моисей основалъ 5 монастырей), иноки и простые люди. Особенно извѣстны были по святости подвижниковъ монастыри: Вишерскій, основанный (1418 г.) преподобнымъ *Саввою* Вишерскимъ, великимъ подвижникомъ и столпникомъ, и Клопскій, прославленный подвигами юродиваго *Михаила* Клопскаго изъ рода князей московскихъ († 1452 года).—Около Пскова возникло до 12 новыхъ обителей. Изъ нихъ замѣчателенъ монастырь преподобнаго *Евфросина* Псковскаго († 1481 г.). Жизнь этого монастыря отличалась такою строгостью, трудами и длинными бдѣніями, что одинъ новгородскій священникъ, приходившій въ обитель для провѣрки слуховъ объ ея святости, послѣ отзывался объ игуменѣ съ братіею: «Это желѣзный съ желѣзными». Святые отшельники особенно любили подвизаться въ пустыняхъ сѣвера, гдѣ было основано ими множество монастырей, каковы упомянутые прежде монастыри. — Челмогорскій, Валаамскій, Коневскій, Мурманскій, Спасокаменный и другіе. Много отшельниковъ даже изъ московскихъ предѣловъ привлекали къ себѣ дикіе вологодскіе лѣса. Такъ, на рѣкѣ Глушицѣ преподобный *Діонисій* Глушицкій въ началѣ XV вѣка основалъ три монастыря. Въ концѣ XIV вѣка на рѣкѣ Нурмѣ основалъ монастырь ученикъ преподобнаго Сергія—*Сергій* Нуромскій. Другой ученикъ Сергія, *Павелъ* Обнорскій поселился въ дуплѣ стараго дерева въ Комельскомъ лѣсу, прожилъ тамъ 3 года одинъ, потомъ привлекъ къ себѣ учениковъ и основалъ другой монастырь на Нурмѣ († 1429). Въ концѣ XIV вѣка въ вологодскихъ лѣсахъ жилъ еще другъ преподобнаго Сергія *Димитрій* Прилуцкій († 1392 года), монастырь котораго въ окрестностяхъ Вологды былъ извѣстенъ своею благотворительностію. Въ бѣлозерской пустынѣ поселился симоновскій постриженникъ и (послѣ преподобнаго Ѳеодора) архимандритъ преподобный *Кириллъ* (родился 1337 † 1427) и сдѣлался основателемъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, одного изъ знаменитѣйшихъ монастырей древней Руси. Недалеко отъ него и въ одно съ нимъ время преподобный *Ѳерапонтъ*, тоже симоновскій инокъ, основалъ Ѳерапонтовъ монастырь. Такъ раз-

вивалось въ сѣверныхъ пустыняхъ вліяніе Сергіевой лавры. Пустыннолюбивые иноки достигали даже до Бѣлаго моря. Въ концѣ описываемаго времени (въ 1430-хъ годахъ) преподобный *Саввати́й* († 1435 г.), *Германъ* и *Зосима*, положили основаніе знаменитой Соловецкой обители, имѣвшей огромное вліяніе на христіанское просвѣщеніе и гражданственность всего сѣвернаго края.

Устройство монастырей. Общежитіе и отшельничество.—Число братіи въ монастыряхъ было различно, въ однихъ было 100—300 братій, въ другихъ 6—2. Различны были и права ихъ; тогда какъ большая часть малыхъ монастырей были не самостоятельны и управлялись настоятелями большихъ, нѣкоторые большіе монастыри были напротивъ независимы даже отъ епархіальной власти; таковы: монастырь Симоновъ, считавшійся ставропигіей патріарха, монастыри, находившіеся подъ покровительствомъ князей, и монастыри митрополичьи по епархіямъ, бывшіе чѣмъ-то въ родѣ ставропигій митрополита. Во всѣхъ такихъ монастыряхъ экономія, перемѣна властей, судъ надъ игуменомъ, иногда и надъ братіей подлежали вѣдѣнію покровителей ихъ. Лучшіе монастыри держались общежительнаго устройства. Но едва-ли не болѣе было обителей необщежительныхъ, въ которыхъ монахи имѣли каждый свое особое хозяйство, особо держали келейное правило и сходились только для богослуженія. Таковы большею частію были небольшіе сѣверные монастыри. При устройствѣ общежитія монастыри руководствовались правилами соборовъ, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Ѳеодора Студита и другихъ. Свѣдѣнія о монастырскихъ правилахъ описываемаго времени можно получать изъ уставной граматы святаго Діонисія Суздальскаго Снѣтогорскому (псковскому) монастырю, изъ житія Кирилла Бѣлозерскаго, гдѣ излагается содержаніе устава, введеннаго въ его монастырѣ, изъ устава Евфросина псковскаго, изъ поученій и посланій объ иноческой жизни, между которыми замѣчательны посланія митрополита Фотія.

Монастырскія вотчины. — Средствами для содержанія монастырей были разныя пожертвованія богомольцевъ, вклады на поминъ душъ и монастырскія вотчины. Вотчинъ монастырскихъ было уже такъ много, что онѣ составляли главный источникъ содержанія монастырей и успѣли повліять на

самую жизнь монастырей, втягивая ихъ болѣе надлежащаго въ мірскія попеченія о хозяйствѣ, судѣ надъ крестьянами, въ тяжбы съ сосѣдями и проч. Въ описываемое время возникалъ уже серьезный вопросъ о томъ, прилично ли монастырямъ владѣть селами. Въ посланіи къ игумену высоцкому *Аванасію* митрополитъ Кипріанъ писалъ, что отцами не предано владѣть инокамъ селами и чрезъ то связывать себя мірскими дѣлами, и совѣтовалъ,—если кто пожертвуетъ въ монастырь село, брать это село, но самимъ монахамъ имъ не управлять, а отдавать его въ управленіе какому нибудь богобоязненному мірянину, который бы доставлялъ инокамъ уже все готовое припасами. Но подобныя мнѣнія мало имѣли силы на практикѣ. Вотчины быстро увеличивались за монастырями то чрезъ покупку и пожертвованія, то главнымъ образомъ чрезъ заселеніе монастырями пустыхъ мѣстъ. Жалованныя граматы снабжали ихъ разными льготами. Крестьяне ихъ освобождались отъ княжеской дани, яма, мыта, тамги, городового дѣла, строенія княжого двора, кормленія княжихъ коней, княжого сѣнокоса и другихъ пошлинъ,—всѣхъ или нѣкоторыхъ, и притомъ безсрочно или на извѣстный срокъ. При продажѣ своихъ произведеній и покупкѣ припасовъ на свой обиходъ монастыри освобождались отъ торговыхъ пошлинъ и сборовъ. Въ ихъ пользу князья уступали такъ же сборы съ торжковъ, заводившихся около обителей и въ монастырскихъ селахъ. Служилые люди князя къ монастырскимъ крестьянамъ не въѣзжали, сборовъ своихъ съ нихъ не брали и не судили ихъ; судилъ ихъ игуменъ съ братіею, и притомъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы, а по нѣкоторымъ граматамъ даже и безъ такого исключенія. Въ случаѣ смѣснаго суда игуменъ судилъ съ княжимъ судьей вмѣстѣ.—Богатство монастырскихъ вотчинъ, меньшее тягло, льготы и покровительство сильныхъ монастырскихъ властей привлекали на монастырскія земли густое населеніе. Это стремленіе къ поселенію на нихъ тяглаго люда скоро начало задѣвать даже интересы княжеской казны. Поэтому въ жалованныхъ граматахъ монастырямъ дозволялось перезывать крестьянъ только изъ чужихъ княжествъ, а не съ тяглыхъ земель князя, давшаго грамату.

Общественное значеніе монастырей.—Расширеніе монастырскихъ вотчинъ поощрялось особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно происходило чрезъ заселеніе пустыхъ земель, которое

было очень важнымъ интересомъ того времени. Придетъ инокъ въ дикую пустыню, гдѣ въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ никто еще не смѣлъ до того селиться, выкопаетъ землянку или поселится въ дуплѣ стараго дерева, и мало-по-малу его жилище сдѣлается починкомъ большой монастырской колоніи. Онъ первый побѣдитъ дѣвственную природу своимъ трудомъ, а пустынные страхи своею святою молитвою, и пустыня послѣ этого привлечетъ къ себѣ густое народонаселеніе, станетъ градомъ обительнымъ. Около монастырей колонизовались такимъ образомъ цѣлыя волости и города, напр. Устюгъ возникъ около Гледенскаго монастыря, Варнавинъ—около Варнавинскаго, Калязинъ—около Калязинскаго, Кирилловъ около монастыря Кирилла Бѣлозерскаго. Весьма много населенія привлекала на монастырскія земли благотворительная дѣятельность монастырей, которая снабжала монастырскаго крестьянина всѣмъ нужнымъ и во всемъ ему помогала. Въ голодные годы монастыри кормили изъ своихъ житницъ цѣлыя сотни обнищавшаго люда. Въ одинъ голодный годъ Кирилловъ минастырь кормилъ ежедневно 600 нищихъ, а Пафнутіевъ монастырь—до 1000. Около обителей были устроены богадѣльни, больницы и гостинницы. Просвѣтительная дѣятельность монастырей давала имъ еще болѣе важное общественное значеніе. Вступая въ монастырь, человѣкъ чувствовалъ себя въ особомъ мірѣ, мірѣ книжномъ, гдѣ почитаніе книжное было спеціальностью и вмѣстѣ подвигомъ, гдѣ всѣ говорили отъ Писанія, и на трапезѣ, и въ церкви, и въ кельяхъ предлагались благочестивыя чтенія, гдѣ наконецъ въ обширныхъ размѣрахъ производилась переписка всякаго рода книгъ. Кто хотѣлъ учиться, могъ найти въ монастырѣ и лучшихъ учителей, и богатую библіотеку. Въ монастыри шли и князья и простые люди для утвержденія въ благочестіи. Кромѣ устныхъ наставленій, оттуда выходили учительныя посланія къ разнымъ лицамъ, которыя передавались изъ рукъ въ руки и распространялись во множествѣ списковъ. Вліяніе монастырей на народную нравственность всего яснѣе видно изъ того аскетическаго оттѣнка, который замѣчается во всѣхъ проявленіяхъ нашего древняго благочестія. Наконецъ монастыри распространяли, какъ мы видѣли, свѣтъ истинной вѣры среди инородцевъ.

Особый родъ подвижничества—юродство во Христѣ.—Особеннаго рода подвигомъ является подвигъ юродства, которому предавались нѣкоторые подвижники въ самихъ

монастыряхъ, напр. Михаилъ Клопскій. Но преимущественно юродивые любили жить въ міру, въ городахъ, гдѣ имъ чаще приходилось терпѣть поруганія. Въ концѣ XIII и началѣ XIV в. въ Устюгѣ подвизался въ юродствѣ святый *Прокопій*, купецъ латинянинъ, обратившійся къ православію. Изъ чудесъ, прославившихъ его еще при жизни, извѣстно, какъ онъ однажды спасъ Устюгъ молитвою отъ страшной каменной тучи. Въ XV вѣкѣ въ Ростовѣ жилъ юродивый *Исидоръ Твердисловъ*, тоже латинскій купецъ съ запада. Въ Новгородѣ въ XIV в. жили юродивые *Николай* и *Ѳеодоръ*. Одинъ жилъ на Софійской сторонѣ, другой на торговой; представляясь непримиримыми врагами, они постоянно стерегли другъ друга на Волховскомъ мосту, не пуская другъ друга на свою сторону;—этимъ они пародировали новгородскія усобицы. Люди видѣли, какъ Николай бросалъ въ своего противника кочанами капусты, стоя на Волховѣ, какъ на сушѣ, и прозвали его Никола Кочановъ.

ГЛАВА V.

Состояніе просвѣщенія.

Неблагопріятныя условія для развитія образованія.—Религіозное образованіе описываемаго времени развивалось подъ самыми неблагопріятными условіями. Татарскія нашествія разрушали и школы и монастыри съ ихъ библіотеками. Съ другой стороны среди постоянныхъ удѣльныхъ дракъ все вниманіе лучшихъ людей было отвлечено отъ книги къ мечу. Одинъ Новгородъ проявлялъ нѣкоторую образованность, вслѣдствіе своего бо́льшаго спокойствія отъ Татаръ и своихъ сношеній съ западомъ. Школы, заведеніе которыхъ прежде такъ поощрялось князьями, закрывались. Само духовенство плохо удовлетворяло своему просвѣтительному призванію. Митрополитъ Исидоръ на Флорентинскомъ соборѣ говорилъ, что на Руси сами епископы люди некнижные. Низшее духовенство митрополитъ Кипріанъ прямо обвинялъ въ невѣжествѣ и указывалъ при этомъ на толстые сельскіе сборники, которые попы наполняли молитвами о трясавицахъ и нежитяхъ и разными суевѣрными сказаніями. Среди этой скудости образованія въ церковной письменности

находимъ очень мало оригинальныхъ произведеній; главнымъ источникомъ образованія были переводы съ греческаго.

Переводная письменность видимо усилилась. Русскіе нарочно ѣздили на востокъ за книгами. Изъ путешествія Стефана Новгородца узнаемъ, что въ Студійскомъ монастырѣ при немъ жили Новгородцы *Иванъ* да *Добрило* для списыванія книгъ. Съ тою же цѣлію игуменъ Высоцкій *Аѳанасій*, современникъ Кипріана, прожилъ въ Царѣградѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ. О митрополитѣ Кириллѣ II-мъ извѣстно, что онъ выписалъ изъ Болгаріи переводъ Номоканона въ полномъ видѣ. Для религіознаго просвѣщенія древней Руси особенно важное значеніе имѣли *переводные сборники*, каковы напримѣръ сборники писателя XI вѣка Никона Черногорца изъ статей догматическаго, нравственнаго, литургическаго и каноническаго содержанія; книга Пчела, въ которой помѣщались изреченія священнаго Писанія, отцевъ церкви, древнихъ философовъ, поэтовъ и историковъ о разныхъ предметахъ; Златая Цѣпь, сборникъ изъ поученій святыхъ отцовъ и русскихъ статей; Паисіевскій сборникъ съ многими русскими статьями и передѣлками греческихъ переводовъ, Маргаритъ, Измарагдъ, Торжественники и другіе.

Размноженіе апокрифовъ.—Но съ умноженіемъ переводовъ, на ряду съ истинными книгами, изъ Греціи, Болгаріи и Сербіи къ намъ перешло въ это время особенно много апокрифовъ. У насъ давно уже извѣстно было опредѣленіе объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ, въ краткой редакціи занесенное еще изъ Греціи (въ сборникѣ Святослава); теперь оно все болѣе и болѣе разросталось по объему; въ болѣе полномъ видѣ помѣщено въ Паисіевскомъ сборникѣ и молитвенникѣ Кипріана; потомъ распространилось во множествѣ списковъ съ разными варіантами и дополненіями. Изъ апокрифовъ, которые въ немъ запрещаются, одни относились къ библейской исторіи, напримѣръ Адамовъ завѣтъ, Сиѳова молитва, Енохъ, Завѣты 12 патріарховъ, О древѣ крестномъ, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Дѣяніе Павла, Первоевангеліе Іакова, Евангеліе отъ Ѳомы и другое отъ Варнавы и т. п.; другіе содержали разныя народныя понятія о явленіяхъ природы и суевѣрія, напримѣръ: Остронумія, Чаровникъ, Громникъ, Сносудецъ, Волховникъ съ примѣтами: храмъ трещитъ, ухозвонъ, вороногай, курокликъ, песъ воетъ, сонъ страшенъ, кошка мяукаетъ и проч., Путникъ

(о встрѣчахъ) и т. д. Апокрифы эти быстро распространялись въ читающей публикѣ, потому что она находила въ нихъ вполнѣ сродныя себѣ понятія, болѣе для нея ясныя, чѣмъ чистое христіанское ученіе, и обильную пищу для своей наивной пытливости. Православіе въ нихъ было понижено до степени народнаго міросозерцанія, искажено примѣсью легендъ и суевѣрій, но за то въ такомъ видѣ легче дѣлалось достояніемъ народнаго сознанія. Даже лучшіе церковные писатели пользовались апокрифами съ полнымъ довѣріемъ; сами составители руководительнаго списка истинныхъ и ложныхъ книгъ въ числѣ истинныхъ нерѣдко помѣщали и ложныя.

Оригинальная письменность.—Любимымъ родомъ оригинальной письменности были поученія и посланія. Характеръ ихъ преимущественно обличительный. Съ умноженіемъ религіозныхъ и практическихъ вопросовъ у писателей начинаетъ уже пропадать прежняя простота и непосредственность, являются, особенно съ XV вѣка, многоглаголивость, риторскія замашки, хитросплетенія рѣчи, бывшія слѣдствіемъ не одного только подражанія византійскому риторству, но вмѣстѣ съ тѣмъ и усилившейся умственной работы, прилива мыслей и вопросовъ, въ которыхъ умъ тогдашнихъ начетчиковъ писаній еще не умѣлъ разобраться и въ которыхъ ихъ неопытное перо еще путалось.

Поученія XIII вѣка.—Съ самаго начала монгольскаго времени на поприщѣ церковной проповѣди являются знаменитые въ свое время дѣятели, митрополитъ *Кириллъ* и *Серапіонъ* владимірскій. Правило митрополита Кирилла (на соборѣ 1274 года), обличающее современныя ему нестроенія, начинаетъ собою цѣлый рядъ послѣдовавшихъ за ними обличительныхъ поученій; «Поученіе къ попамъ», которымъ оно оканчивается, было долгое время любимою статьею русскихъ сборниковъ.— Поученія Серапіона ярко характеризуютъ темныя стороны удѣльнаго времени. Особенно замѣчательны его обличенія противъ остатковъ язычества, вѣры въ волшебство, обычая во время народныхъ бѣдствій жечь колдуновъ, для отвращенія голода или засухи выкапывать изъ земли утопленниковъ и удавленниковъ.

Поученія XIV вѣка.—Отъ XIV вѣка дошли до насъ: Поученіе игуменомъ, попомъ и дьякономъ митрополита *Петра*, сходное съ поученіемъ митрополита Кирилла, Поученіе митрополита *Алексія* ко всей паствѣ, Посланіе владыки новгородскаго

Василія къ тверскому епископу *Θеодору* о раѣ, замѣчательное по вліянію на него апокрифовъ. Василій доказываетъ, что земной рай доселѣ существуетъ на землѣ, что до него доходилъ Макарій Египетскій, что въ немъ доселѣ живутъ Енохъ и Илія; къ этому прибавляетъ и русскій разсказъ, какъ до рая доходилъ на суднѣ Новгородецъ Моиславъ съ товарищами,—видѣли гору, облитую свѣтомъ, а за ней слышали ликованія; одинъ Новгородецъ побѣжалъ посмотрѣть и не вернулся, другой тоже, третьяго привязали веревкой за ногу и насильно стащили съ горы, но уже мертваго. Характеромъ положительнаго нравоученія, безъ обличеній, замѣчательно поученіе *Матѳея*, епископа сарайскаго; оно излагаетъ рядъ краткихъ наставленій о вѣрѣ, любви, постѣ, почитаніи духовенства, о князѣ, о челяди и проч.

Поученія XV вѣка.—Особенной простотой и жизненностію отличается еще поученіе владыки новгородскаго *Симеона* къ Псковичамъ, похожее на поученіе Луки Жидяты, такой же перечень нравственныхъ правилъ, между которыми замѣчательны наставленія чтить санъ духовный и не вступаться въ церковныя имущества.—Къ этому же разряду поученій положительнаго характера относятся посланія знаменитаго игумена бѣлозерскаго преподобнаго *Кирилла* къ великому князю Василію Дмитріевичу, къ князьямъ Андрею Можайскому и Дмитрію звенигородскому. Преподобный Кириллъ смотритъ на князя, какъ на игумена подвластныхъ, обязаннаго пещись не только объ устроеніи ихъ гражданскаго благосостоянія, но и о спасеніи ихъ душъ, за которыя онъ дастъ отвѣтъ на страшномъ судѣ. Въ этихъ же посланіяхъ находимъ замѣчательныя въ историческомъ отношеніи увѣщанія о правомъ судѣ, непритѣсненіи сиротъ и рабовъ, объ уничтоженіи неправедныхъ мытовъ, перевозовъ, корчемства, о прекращеніи усобицъ. Послѣ преподобнаго Кирилла остались еще два сборника разнообразнаго содержанія; въ одномъ обличаются суевѣрныя примѣты, вѣра въ голоса животныхъ, въ полетъ птицъ, въ бѣгъ звѣрей и проч. и объясняются явленія природы въ статьяхъ о строеніи земли, землетрясеніи, стихіяхъ, морѣ, облакахъ, о громѣ и молніи, о падающихъ звѣздахъ, большею частію изъ сочиненій Галена (греческаго врача II вѣка).

Поученія и посланія митрополитовъ XV вѣка.—Затѣмъ идутъ поученія святителей не русскаго образованія:

Кипріана, Фотія и Григорія Цамблака, произведенія витійственнаго характера, мало соприкасавшіяся съ жизнію народа. Болѣе другихъ имѣлъ значенія въ исторіи нашего образованія святый *Кипріанъ*. Онъ привезъ въ Россію много сербскихъ рукописей, исправлялъ и дополнялъ переводами съ греческаго Служебникъ, Псалтирь, Требникъ, своей рукой переписывалъ нужныя книги изъ твореній святыхъ отцовъ, составилъ 9 граматъ юридическаго содержанія, нѣсколько посланій и историческихъ трудовъ. Въ четырехъ посланіяхъ къ Сергію Радонежскому и Ѳеодору симоновскому онъ разсказываетъ обстоятельства своей жизни, важныя для исторіи бывшаго при немъ спора о Русской митрополіи. Онъ извѣстенъ еще, какъ составитель витійственнаго житія Петра митрополита. Догадываются, что ему же принадлежитъ первый починъ въ составленіи Степенной книги. Отъ митрополита *Фотія* сохранилось 8 поученій и 29 граматъ и посланій. Поученія его мало имѣютъ жизненнаго значенія. Изъ посланій нѣкоторыя ближе къ жизни, напримѣръ посланія къ Псковичамъ по поводу уклоненія ихъ къ латинскимъ обычаямъ и по поводу ереси стригольниковъ, и въ Литву — по поводу раздѣленія церквей. Еще менѣе значенія въ церковно-поучительной письменности имѣетъ третій иноземецъ, *Григорій Цамблакъ*. Его 22 слова представляютъ собою совершенно оторванное отъ жизни, многорѣчивое и напыщенное подражаніе византійскимъ образцамъ, мало понятное для русскаго народа. Послѣ Фотія живая церковная проповѣдь замолкаетъ на Руси и поучительныя посланія дѣлаются единственнымъ родомъ поучительной письменности. Послѣ митрополита *Іоны* осталось 35 такихъ посланій самаго разнообразнаго практическаго содержанія: къ Шемякѣ, къ Новгородцамъ и Псковичамъ о прекращеніи смутъ и повиновеніи великому князю, къ Вятчанамъ тоже о повиновеніи великому князю, о прекращеніи разбоевъ, противъ жизни съ женами безъ вѣнчанія, незаконныхъ браковъ и остатковъ язычества, и посланія къ частнымъ лицамъ—учительныя, увѣщательныя и утѣшительныя.

Кромѣ помянутыхъ поученій, въ сборникахъ Паисіевскомъ, Златой Цѣпи, Маргаритахъ, Златоструяхъ и др. разсѣяно много поученій неизвѣстныхъ авторовъ, которыя большею частію надписываются именами святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, но представляютъ собою или русскія произведенія, или передѣлки греческихъ статей на русскіе нравы. Нѣкоторыя изъ нихъ любо-

пытны по обличеніямъ современнаго двоевѣрія; авторъ одного слова въ Паисіевскомъ сборникѣ говоритъ, что еще въ его время по окраинамъ Руси держалась вѣра въ Перуна, Хорса и друг. боговъ; въ другихъ поученіяхъ осуждаются лѣность народа къ посѣщенію храмовъ Божіихъ и болѣе охотное участіе въ скоморошьихъ играхъ и идольскихъ зрѣлищахъ, вѣра въ волшебство, сны, встрѣчи, чохъ, полазъ, птичій грай, обличаются глумленія, сопѣли, пляски на пирахъ, свадьбахъ и игрищахъ, басни и пѣсни бѣсовскія. Замѣчательно одно слово на соборъ архистратига Михаила, приписываемое митрополиту Кириллу; послѣ краткихъ сказаній о сотвореніи ангеловъ, паденіи сатаны и паденіи человѣка, авторъ описываетъ жизнь души за гробомъ и мытарства, въ числѣ которыхъ помѣщены между прочимъ: срамословіе, пляски, игры, плесканіе ручное, скаканіе, вѣра въ примѣты и ворожбу; подъ конецъ авторъ говоритъ, что по истеченіи 7000 лѣтъ будетъ кончина.

Житія святыхъ.—Литература назидательныхъ повѣствованій значительно увеличилась по своему объему. Въ XIII вѣкѣ написаны житія святыхъ Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора—нѣкіимъ *Андреемъ*, по всей вѣроятности современникомъ событій, святаго Александра Невскаго и святаго Исаіи ростовскаго — неизвѣстными авторами. Въ XIV вѣкѣ явились житія святаго Кирилла туровскаго и митрополита Петра; послѣднее написано епископомъ ростовскимъ *Прохоромъ* († 1327 году), и своей краткостью и простотою рѣзко отличается отъ многословнаго житія того же святителя, написаннаго митрополитомъ Кипріаномъ. Въ лѣтописяхъ находимъ еще сказанія о святомъ Довмонтѣ, о Михаилѣ тверскомъ, о житіи и преставленіи Димитрія Донского, о чудѣ Владимірской Богородицы при нашествіи Тамерлана и др., наконецъ житіе святителя Алексія, составленное въ XV вѣкѣ *Питиримомъ* (пермскимъ). Въ XV вѣкѣ прежними жизнеописаніями святыхъ уже не удовлетворялись, какъ «просторѣчными», и передѣлывали ихъ на витійственный ладъ. Изъ витійственныхъ писателей ихъ извѣстны: троицкій монахъ *Епифаній Премудрый*, отъ котораго остались житія преподобнаго Сергія и святителя Стефана пермскаго, и *Пахомій Логовет*ъ, родомъ Сербъ, великій риторъ, жившій сначала въ Москвѣ, потомъ при новгородскихъ владыкахъ Евѳиміѣ и Іонѣ, наконецъ опять переѣхавшій въ Москву. Онъ написалъ до 16 или 18 службъ и каноновъ русскимъ святымъ,

нѣсколько похвальныхъ словъ и житія преподобнаго Варлаама Хутынскаго, новгородскихъ владыкъ Іоанна, Евѳимія и Моисея, преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго, митрополитовъ Алексія и Іоны, великой княгини Ольги и Саввы Вишерскаго. Почти всѣ эти житія его отличаются самымъ многословнымъ краснорѣчіемъ. Онъ былъ недоволенъ даже Епифаніевымъ житіемъ преподобнаго Сергія, постарался и его передѣлать и изукрасить своимъ витійствомъ, несмотря на то, что оно и безъ того составляло замѣчательное явленіе по своему многорѣчивому краснословію. Кромѣ житій, бывшихъ въ церковномъ употребленіи, встрѣчаются житія апокрифическія, въ которыхъ отразились народныя понятія и вѣрованія. Примѣромъ можетъ служить муромское сказаніе о Петрѣ и Ѳевроніи, гдѣ, по древнимъ эпическимъ преданіямъ, приложеннымъ къ святымъ, Петру приписывается борьба съ миѳическимъ змѣемъ, а Ѳевронія представляется вѣщею дѣвою.

Путешествіе ко святымъ мѣстамъ.—Сохранились благочестивыя описанія путешествій ко святымъ мѣстамъ. Въ половинѣ XIV вѣка путешествовалъ въ Царьградъ и Іерусалимъ Новгородецъ *Стефанъ*. Въ запискахъ своихъ онъ замѣтилъ, какъ Греки были ласковы къ русскимъ, какъ самъ патріархъ удостоилъ его разговоромъ, «не нашъ бо обычай имѣетъ», замѣтилъ, что въ Студійскомъ монастырѣ жили Русскіе для перевода и списыванія книгъ; въ его разсказѣ часто попадаются простодушныя легенды, которыя онъ довѣрчиво принималъ отъ своихъ греческихъ вожаковъ. Сохранились описанія путешествій смоленскаго іеродіакона *Игнатія*, спутника митрополита Пимена, и троицкаго іеродіакона *Зосимы*, путешествовавшаго въ Іерусалимъ. Замѣчательны записки о путешествіи на Флорентійскій соборъ митрополита Исидора одного изъ его спутниковъ, гдѣ описываются диковинки запада, поразившія русскаго человѣка,—соборы разныхъ городовъ, колокольница флорентійская, о которой недоумѣваетъ умъ, иконы, статуя Мадонны и проч. Сохранилось описаніе Флорентійскаго собора, написанное суздальскимъ іеромонахомъ *Симеономъ*, тоже спутникомъ Исидора.

ПЕРІОДЪ III.

Русская церковь, раздѣленная на двѣ митрополіи (1461—1589).

А. Московская митрополія.

Общій взглядъ на состояніе Московской митрополіи по отдѣленіи отъ нея юго-западной.—Въ половинѣ XV вѣка вся Русская земля составила двѣ большія государственныя группы земель,— восточную подъ управленіемъ московскихъ самодержцевъ и западную подъ властью литовско-польскаго правительства. Русская церковь тоже раздѣлилась на двѣ митрополіи—Московскую и Кіевскую. Московская митрополія, находившаяся подъ покровительствомъ государства, успѣшно возрастала въ своихъ предѣлахъ, украшалась внѣшнимъ благолѣпіемъ и вмѣстѣ съ государствомъ, которое, успокоившись отъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдъ, начало стремиться къ усвоенію плодовъ западной цивилизаціи, обнаружила внутри себя замѣчательное просвѣтительное движеніе. Въ концѣ XVI вѣка она возвысилась до степени самостоятельнаго патріархата.

ГЛАВА I.

Распространеніе вѣры.

Въ Пермскомъ краѣ. Преподобный Трифонъ Вятскій. — Мы видѣли, что владычество Татаръ остановило успѣхи христіанства на границахъ Казанскаго царства. Но, минуя татарскія земли, христіанство не переставало распростра-

няться въ Пермскомъ краѣ. Его успѣхи сдѣлались особенно замѣтны послѣ покоренія Перми, съ 1472 года. Но еще долго церковь не могла вытѣснить изъ пермскихъ лѣсовъ остатковъ язычества, тѣмъ болѣе, что само пермское духовенство не отличалось надлежащей ревностью къ вѣрѣ. Въ 1501 году митрополитъ Симонъ горько укорялъ его за небреженіе къ исполненію пастырскихъ обязанностей и дурную жизнь; изъ его посланія къ Пермичамъ видно, что незаконные браки, нарушеніе церковныхъ уставовъ, даже открытое служеніе кумирамъ были обыкновенными явленіями въ Перми и теперь, 100 лѣтъ спустя послѣ проповѣди святаго Стефана. Послѣ завоеванія Перми важной эпохой для всего края было поселеніе здѣсь *Строгоновыхъ;* кругомъ ихъ богатыхъ усольевъ начали возникать церкви и монастыри, между которыми замѣчательны по просвѣтительному значенію монастыри Пыскорскій и Соликамскій. Изъ Пыскорской обители вышелъ просвѣтитель пермскихъ Вогуловъ и Остяковъ *Трифонъ Вятскій.* Проповѣдуя Христа, онъ дошелъ до мѣста нынѣшней Перми, гдѣ сожегъ одно уважаемое дерево, около котораго происходили языческія моленія. Язычники едва не убили его за это, но многіе, видя, что боги не наказали его за свою святыню, стали креститься; крестились даже семейства остяцкаго и вогульскаго князей. Потомъ Трифонъ основалъ обитель на рѣкѣ Чусовой, гдѣ жилъ 9 лѣтъ, продолжая свою проповѣдь до тѣхъ поръ, пока его не прогнали сосѣдніе жители. Послѣ этого онъ ушелъ въ Вятку, гдѣ основалъ Успенскій монастырь (1580 г.), но, по неудовольствію братіи на его строгость, скоро удалился и отсюда. Съ тѣхъ поръ онъ велъ долгую странническую жизнь, проповѣдуя христіанство по берегамъ Камы и Вятки. Уже въ глубокой старости онъ снова воротился въ свою вятскую обитель, гдѣ и скончался въ 1612 году. Къ концу XVI вѣка, съ покореніемъ Сибири, христіанству проложена была дорога и въ эту обширную страну.

Христіанство на сѣверномъ поморьѣ.—Просвѣтительная дѣятельность пустынолюбивыхъ иноковъ въ XV и XVI вѣкахъ проникла и въ отдаленное сѣверное поморье, гдѣ по обширнымъ тундрамъ кочевали дикіе Лопари. Просвѣтительнымъ центромъ для этого края былъ Соловецкій монастырь. Владѣя обширными землями по всему поморскому берегу, онъ заселялъ ихъ Русскими, крестилъ инородцевъ и строилъ для нихъ церкви. Слава чудесъ отъ мощей соловецкихъ чудотворцевъ за-

ставляла обращаться къ христіанскому Богу и къ Его угодникамъ даже языческихъ кебуновъ (волхвовъ). Долѣе всѣхъ мѣстностей поморья былъ чуждъ христіанству самый сѣверный край къ Нордкапу. При великомъ князѣ Василіѣ и Іоаннѣ Грозномъ тамъ подвизался въ проповѣди постриженникъ Соловецкаго монастыря преподобный *Θеодоритъ*. Для пустынныхъ подвиговъ онъ отплылъ на самый дальній сѣверъ къ рѣкѣ Колѣ, и подвизался здѣсь около 12 лѣтъ, потомъ въ Новгородѣ былъ посвященъ во іерея и, воротясь въ Лапландію, основалъ на устьѣ Колы монастырь святыя Троицы. Онъ проповѣдывалъ Лопарямъ на ихъ родномъ языкѣ, переводилъ для нихъ церковныя молитвы и училъ ихъ грамотѣ. Сила его проповѣди такъ была велика, что онъ однажды въ одинъ день крестилъ до 2000 человѣкъ. Удалясь изъ своего монастыря, по неудовольствію братіи за строгость его устава, онъ жилъ потомъ въ Новгородѣ, затѣмъ былъ архимандритомъ въ суздальскомъ Евѳиміевомъ монастырѣ, ѣздилъ въ Грецію по порученію Грознаго для испрошенія у восточныхъ патріарховъ утвержденія принятаго государемъ царскаго сана; воротясь съ востока, жилъ въ вологодскихъ предѣлахъ, но не забывалъ и своихъ кольскихъ духовныхъ чадъ и два раза, уже въ глубокой старости, ѣздилъ туда для укрѣпленія ихъ въ вѣрѣ. Онъ скончался въ 1577 году. Въ одно время съ Θеодоритомъ у самаго Нордкапа проповѣдывалъ христіанство преподобный *Трифонъ Печенгскій* (1495 — 1583). Нѣсколько лѣтъ онъ боролся съ языческими кебунами, неразъ подвергался отъ язычниковъ побоямъ, прятался въ горахъ отъ явной смерти, но все-таки достигъ цѣли своею настойчивостью. Просвѣтивъ множество Лопарей на рѣкѣ Печенгѣ и Пазрекѣ, онъ сходилъ въ Новгородъ за антиминсомъ, построилъ на Печенгѣ церковь святой Троицы, въ Колѣ нашелъ священника и въ 1533 году открылъ богослуженіе, а самъ постригся въ монашество. Съ Колы и Печенги христіанство потомъ распространилось на Терскомъ берегу, около Кандалашской губы и по всему поморью. Правительство помогало проповѣдникамъ, давая имъ средства къ устроенію церквей и снабжая крестившихся Лопарей жалованными граматами. Величайшимъ бѣдствіемъ для христіанъ въ Лопскомъ краѣ были частыя нападенія на него Шведовъ. Соловецкая обитель должна была превратиться въ крѣпость и содержать вооруженные отряды какъ въ своихъ стѣнахъ, такъ и въ построенномъ ею Сумскомъ острогѣ.

Въ Казани. Просвѣтительная дѣятельность казанскихъ чудотворцевъ.—Въ половинѣ XVI вѣка Московское государство предприняло наступательное движеніе на Казань. Началось завоеваніе Казанскаго царства, пролагавшее церкви путь на неизмѣримый востокъ. Въ сказаніяхъ древности эта война вся запечатлѣна религіознымъ характеромъ. Первый шагъ къ завоеванію Казани,—основаніе Свіяжска, ознаменованъ чудеснымъ явленіемъ преподобнаго Сергія—покровителя Москвы: язычники Черемисы видѣли, какъ неземной старецъ ходилъ вокругъ лѣсной поляны, на которой возникъ послѣ Свіяжскъ, съ пѣніемъ и кадилъ линію будущихъ городскихъ укрѣпленій. Самый походъ Іоанна подъ Казань въ 1552 году былъ окруженъ церковными обрядами и молитвами и имѣлъ характеръ крестоваго похода. На 2 октября Казань была взята послѣ ужаснаго взрыва ея стѣнъ, послѣдовавшаго въ то самое время, когда діаконъ въ походной церкви преподобнаго Сергія читалъ Евангеліе на литургіи и возгласилъ многознаменательныя слова: «и будетъ едино стадо и единъ Пастырь». По взятіи города, царь велѣлъ ломать въ немъ мечети и строить церкви; на мѣстѣ, гдѣ во время штурма Казани стояло царское знамя съ образомъ Спаса, въ тотъ же день самъ заложилъ церковь Спаса, а близъ нея выстроилъ обыденную церковь во имя дневныхъ святыхъ Кипріана и Іустины, потомъ на другой день заложилъ соборъ Благовѣщенія. За городомъ, гдѣ погребены были павшіе воины, велѣно было построить монастырь Успенскій Зилантовъ. Татары крестились цѣлыми семействами, какъ во все время пребыванія царя въ Казани, такъ и послѣ. На другой годъ въ Москвѣ крестились два царя казанскихъ *Эдигеръ* и пятилѣтній *Утемишъ-Гирей*.

Святый Гурій.—Но послѣ взятія Казани еще долго нужно было воевать съ подвластными ей Татарами, Черемисами, Чувашами, Мордвой, Вотяками и Башкирами. Долгая борьба предстояла и церкви съ мухаммеданствомъ Татаръ и язычествомъ другихъ инородцевъ. Для большихъ успѣховъ вѣры на московскомъ соборѣ 1555 года положено было открыть въ Казани особую епархію. Первымъ святителемъ въ Казань назначенъ былъ селижаровскій игуменъ *Гурій*. Онъ былъ прежде боярскій сынъ изъ фамиліи Руготиныхъ, родился въ Воронежѣ, жилъ въ молодости на службѣ у князя Пенькова. Оклеветанный въ преступной связи съ женой Пенькова, онъ былъ ввергнутъ разгнѣваннымъ княземъ въ тюрьму. Черезъ 2 года, освободившись изъ

заключенія, онъ постригся въ Волоколамскомъ монастырѣ и за святую жизнь удостоился выбора въ игумены; изъ этого монастыря посланъ отъ царя игуменомъ же въ монастырь Селижаровъ, а отсюда уже назначенъ въ Казань. Отправленіе его на епархію совершилось съ необыкновенною торжественностью; это былъ другой, духовный походъ на Казанское царство. Новый святитель ѣхалъ съ иконами, книгами, церковной утварью и казной государя на строеніе церквей и монастырей. Ему данъ былъ подробный наказъ: обращать людей къ истинной вѣрѣ, привлекая ихъ къ себѣ лаской, кормами, дарами, заступленіемъ предъ властями, крестить невѣрныхъ только волею, а не насиліемъ, крещеныхъ наставлять у себя на дому или по монастырямъ въ вѣрѣ, крестить и тѣхъ, которые пожелаютъ того для избѣжанія отъ наказаній за вины, печаловаться предъ воеводами и судьями за подсудимыхъ, обличать неправды властей, участвовать съ ними во всѣхъ совѣтахъ. Своимъ ученіемъ и жизнію святый Гурій весьма благотворно дѣйствовалъ на покоренныхъ инородцевъ и въ 9 лѣтъ своего святительства обратилъ ихъ многія тысячи. Послѣдніе 3 года своей жизни онъ не могъ уже ходить вслѣдствіе болѣзни, но и теперь неопустительно на носилкахъ являлся въ храмъ и училъ свою паству. Царь очень благоволилъ къ святителю и во всемъ ему помогалъ. Въ 1556 году, когда новокрещеные Татары приняли участіе въ казанскомъ бунтѣ, по настоянію святаго Гурія, всѣ некрещеные Татары были выселены изъ Казани въ особую слободу. Святитель Гурій скончался 4 декабря 1563 г. Въ 1595 году послѣдовало открытіе его мощей.

Святые Варсонофій и Германъ. — Помощниками святаго Гурія были архимандриты *Варсонофій* и *Германъ*. Первый былъ сынъ серпуховскаго священника и съ юныхъ лѣтъ отличался любовью къ книгамъ. Лѣтъ 17-ти онъ попалъ въ плѣнъ къ крымскимъ Татарамъ и въ три года тяжкой неволи успѣлъ изучить языкъ и вѣру своихъ поработителей, что ему очень пригодилось впослѣдствіи. До своего служенія въ Казани онъ жилъ нѣсколько времени домовымъ іеродіакономъ у тверского архіерея, потомъ былъ игуменомъ Пѣшношской обители. Въ Казани онъ устроилъ Спасскій монастырь и далъ ему уставъ. По своему знанію татарскаго языка и нравовъ, онъ былъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ святителя Гурія; много Татаръ привлекало къ нему еще его искусство врачеванія болѣзней. Съ 1567 года онъ былъ епископомъ въ Твери, но подъ старость (1571 г.) снова воро-

тился въ Спасскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1576 году. Мощи его обрѣтены вмѣстѣ съ мощами святаго Гурія.—Святый *Германъ*, изъ боярской фамиліи Полевыхъ, родился въ Старицѣ и былъ постриженникомъ Волоколамскаго монастыря, гдѣ подвизался подъ руководствомъ святаго Гурія. Въ Казанской землѣ онъ устроилъ Свіяжскій Богородицкій монастырь, сдѣлавшійся просвѣтительнымъ центромъ для всей нагорной части Казанскаго края. Послѣ смерти святаго Гурія онъ былъ преемникомъ его по каѳедрѣ и достойнымъ продолжателемъ его дѣла († 1567 года). Преемники святыхъ Гурія и Германа, кромѣ *Гермогена*, не оказали особенной ревности къ обращенію инородцевъ, такъ что всѣмъ своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ Казанскій край до самаго XVIII вѣка былъ обязанъ единственно дѣятельности своихъ чудотворцевъ; послѣ нихъ остались цѣлыя селенія, такъ называемыхъ, старокрещеныхъ инородцевъ. Прославленію имени Божія среди мухаммеданъ и язычниковъ много содѣйствовали между прочимъ съ 1579 года чудеса новоявленной иконы Казанской Божіей Матери.

Христіанство въ Астрахани и на Кавказѣ.—Завоеваніе Казанскаго царства проложило путь къ завоеванію царства Астраханскаго. Въ 1567 году въ Москвѣ крестилась астраханская царица съ сыномъ, а въ слѣдующемъ году посланъ въ Астрахань игуменъ *Кириллъ* для крещенія народа и устроенія церквей и монастырей. Изъ Астрахани Россія завязала сношенія съ народами Кавказа, которые издревле исповѣдывали православіе, но отступали отъ него вслѣдствіе мухаммеданскихъ гоненій. Въ Москву одинъ за другимъ пріѣзжали черкесскіе князья и крестились. Изъ Москвы посылали къ нимъ въ горы священниковъ возстановлять православную вѣру. Въ 1586 году приходили послы изъ единовѣрной Кахетіи; князь ея *Александръ*, тѣснимый Турками и Персами, просилъ царя о защитѣ отъ враговъ; изъ Москвы отправлены къ нему священники, монахи и иконописцы для возстановленія чистоты вѣры и богослуженія, пострадавшихъ отъ постояннаго вліянія сосѣднихъ мухаммеданскихъ народовъ.

ГЛАВА II.

Церковное управленіе.

Отношеніе митрополита къ патріарху и къ московскимъ государямъ.—Кромѣ содѣйствія къ расширенію внѣшнихъ предѣловъ церкви, усиленіе Московскаго государства было полезно для церкви и потому, что она могла теперь опираться на силу гражданской власти съ большею увѣренностію, чѣмъ въ прежнее время слабости государства. Но съ другой стороны усилившееся государство, вслѣдствіе уже знакомаго намъ своего религіознаго характера, теперь вполнѣ проявило ту власть въ церковныхъ дѣлахъ, начало которой замѣчалось и прежде. Развитію этой власти не препятствовала даже и прежняя слабая зависимость митрополитовъ отъ иноземной власти патріарха. Со времени митрополита Іоны митрополиты постоянно уже поставлялись своими епископами и вполнѣ сдѣлались своими людьми въ Россіи. Послѣ этого всѣ связи Россіи съ Греціей по церковнымъ дѣламъ стали ограничиваться почти одними благотвореніями страждущимъ восточнымъ церквамъ. Все болѣе и болѣе усиливавшаяся подозрительность Русскихъ къ чистотѣ православія Грековъ побуждала ихъ даже нарочно отстраняться отъ слишкомъ близкихъ къ нимъ отношеній. Около 1480 года въ архіерейскую присягу было включено клятвенное обѣщаніе не принимать Грековъ ни на митрополію, ни на епископіи, какъ находящихся подъ властію невѣрнаго царя. Но понятно, что, сдѣлавшись независимой отъ внѣшней, заграничной власти, русская іерархія должна была очутиться въ бо́льшемъ подчиненіи своей мѣстной государственной власти.

Митрополиты при Іоаннѣ III и Василіѣ. — Преемникъ митрополита Іоны, кроткій и благочестивый *Ѳеодосій* (Бывальцевъ) былъ поставленъ на митрополію уже безъ сношенія съ Греціей. Также поставлялись и послѣдующіе митрополиты временъ Іоанна III: *Филиппъ I* (съ 1464 г.), *Геронтій* (1472), *Зосима* (1490) и *Симонъ* (1495). При такомъ порядкѣ замѣщенія митрополичьей каѳедры великій князь имѣлъ сильное вліяніе на выборъ первосвятителей, не стѣсняемое уже ни вліяніемъ Константинополя, ни вліяніемъ ослабѣвшихъ удѣльныхъ князей. Отно-

шенія его къ митрополитамъ выражались въ прежнихъ формахъ: русскій первосвятитель призывался на княжескіе совѣты, скрѣплялъ княжескіе договоры, ходатайствовалъ за опальныхъ и проч. Во время борьбы великаго князя съ послѣдними остатками удѣльнаго быта митрополиты, какъ прежде, усердно дѣйствовали въ пользу верховной власти; Филиппъ и Геронтій содѣйствовали великому князю въ покореніи Новгорода, писали посланія о повиновеніи великому князю въ непокорные края—Псковъ, Вятку и Пермь. Памятниками руководительныхъ отношеній церкви къ верховной власти служатъ между прочимъ два посланія къ великому князю, одно отъ митрополита Геронтія и собора духовенства, другое отъ ростовскаго епископа *Вассіана*,—оба на Угру, гдѣ великій князь въ боязливой нерѣшимости стоялъ съ полками передъ ханомъ *Ахматомъ*; оба посланія возбуждали его къ рѣшительному бою за землю Русскую. Но съ другой стороны при Іоаннѣ, не смотря на его постоянное стараніе во всемъ держаться старыхъ формъ, подъ этими формами видимъ проявленія уже новыхъ отношеній. Великій князь не любилъ наприм. митрополита Геронтія, пастыря твердаго, не боявшагося въ случаѣ надобности сказать великому князю рѣшительное слово, и однажды едва не отказалъ ему отъ каѳедры.

Въ княженіе Василія Іоанновича, который развилъ верховную власть еще больше отца, поставленіе митрополита происходило даже безъ соборнаго избранія, по волѣ одного великаго князя. Преемникъ митрополита Симона *Варлаамъ* (съ 1511 г.) чѣмъ-то не понравился великому князю и великій князь заточилъ его въ Спасо-каменный монастырь. На мѣсто его поставленъ былъ (1522 г.) волоцкій игуменъ *Даніилъ*, человѣкъ весьма образованный, учительный, искренно преданный верховной власти, но слишкомъ уже подчинявшійся волѣ властительнаго и не всегда справедливаго великаго князя. Одинъ опальный бояринъ Берсень-Беклемишевъ говорилъ о немъ: «учительнаго слова (т. е. великому внязю) отъ него не слышно, и не печалуется ни о комъ, а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ мантіяхъ и печаловались государю о всѣхъ людяхъ». Слабость духовной власти особенно ясно высказалась въ дѣлѣ о разводѣ великаго князя съ его неплодной супругой *Соломоніей*. Есть извѣстія, что противъ этого незаконнаго развода были и *Максимъ Грекъ*, жившій тогда въ Россіи, и восточные святители, приславшіе свой голосъ изъ Греціи. Но Даніилъ, исполняя жела-

ніе великаго князя, все-таки насильно постригъ Соломонію въ суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ и обвѣнчалъ великаго князя новымъ бракомъ съ *Еленой Глинской*. Плодомъ этого брака былъ *Іоаннъ Грозный*.

Митрополиты въ малолѣтство Грознаго. Митрополитъ Макарій.—Въ малолѣтство Грознаго постоянное участіе митрополитовъ въ гражданскихъ дѣлахъ втянуло ихъ въ распри бояръ и подвергло насилію партіи *Шуйскихъ*. Митрополитъ Даніилъ сталъ было на сторону противной партіи *Бѣльскихъ*, но Шуйскіе заставили его отречься отъ каѳедры (1539 г.) и сослали въ Волоцкій монастырь. Преемникъ его *Іоасафъ* тоже сталъ за Бѣльскихъ и тоже подвергся (1542 г.) отъ Шуйскихъ безчестному низверженію съ каѳедры и ссылкѣ въ Кирилловъ монастырь. Послѣ него митрополитъ *Макарій*, бывшій новгородскій владыка, былъ осторожнѣе и съумѣлъ удержаться на каѳедрѣ цѣлыхъ 22 года. Но и онъ потерпѣлъ отъ Шуйскихъ много непріятностей, когда заступился за любимца Іоаннова, князя *Воронцова*, котораго Шуйскіе хотѣли убить, опасаясь его вліянія на царя.

Новый государь вступилъ въ управленіе дѣлами съ сильно раздраженной жаждой власти, которую у него слишкомъ долго отнимали бояре, и съ самымъ высокимъ понятіемъ о значеніи самодержавнаго государя. На 17 году (1547 г.) онъ принялъ помазаніе на царство, по примѣру, какъ онъ говорилъ, греческихъ царей и прадѣда своего Владиміра Мономаха, и явился на русскомъ престолѣ первымъ «прирожденнымъ» и «Божіею милостію» царемъ. Послѣ, въ 1557 г., онъ получилъ утвержденіе въ царскомъ санѣ отъ собора греческихъ святителей. Юный царь былъ благочестивъ, почиталъ священный чинъ, ревновалъ о благѣ церкви. Послѣ потрясенія, произведеннаго въ его впечатлительной душѣ московскимъ пожаромъ 1547 года, онъ торжественно, на лобномъ мѣстѣ принесъ покаяніе въ грѣхахъ своей юности и бѣдствіяхъ земли и просилъ митрополита Макарія быть его пособникомъ и учителемъ. О томъ же просилъ онъ русскихъ святителей на *Стоглавомъ соборѣ*. Соборъ этотъ былъ созванъ въ 1551 году для разныхъ церковныхъ исправленій, въ которыхъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, чувствовалась сильная нужда. Послѣ соединенія Русской земли въ одно цѣлое государство, Москва получила возможность однимъ общимъ взглядомъ производить обзоръ всей русской жизни, и все зло, всѣ

нестроенія, формировавшіяся вѣками и бывшія прежде, при удѣльныхъ перегородкахъ государства, лишь мѣстными, отрывочными явленіями, предстали теперь передъ правительствомъ общественными дѣятелями въ массѣ, разомъ. Не удивительно, что и правительство, и общественные дѣятели пришли въ сильную тревогу, подняли жалобы, обличенія, носившія крайне рѣзкій характеръ, и принялись за всякаго рода исправленія. Царь выступилъ на соборѣ великимъ ревнителемъ блага церкви, тоже съ самыми рѣзкими обличеніями современныхъ нестроеній и съ настоятельнымъ требованіемъ церковныхъ исправленій. Для церкви, казалось, наступило время наибольшаго благосостоянія. Подозрительный къ боярамъ, государь довѣрчиво ввѣрялся людямъ худороднымъ, въ родѣ *Адашева*, и духовенству. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Макаріемъ руководителемъ его сдѣлался священникъ *Сильвестръ* изъ Новгорода. Но при той крайней подозрительности и ревности къ власти, какія воспитались въ царѣ подъ впечатлѣніями дѣтства, требовалось очень много осторожности со стороны его руководителей. Малѣйшая съ ихъ стороны неумѣренность въ пользованіи своимъ вліяніемъ могла пробудить въ душѣ царя опасную мысль, что имъ управляютъ, какъ ребенкомъ, какъ управляли имъ прежде ненавистные ему бояре.

Сильвестръ не съумѣлъ удержаться на своей высотѣ. Его мелочная и назойливая нравоучительность, о которой можно судить по его «Домострою», непріятно столкнулась со страстной, не терпѣвшей никакихъ сдержекъ природой царя. Съ теченіемъ времени царю именно показалось, что съ нимъ поступаютъ, какъ съ младенцемъ: «Не было мнѣ ни въ чемъ воли, жаловался онъ послѣ; сколько спать, какъ одѣваться, все было опредѣлено... Попробую прекословить — и вотъ мнѣ кричать, что и душа-то моя погибнетъ, и царство-то разорится». Когда же Сильвестръ окружилъ себя при царскомъ дворѣ партіей и свое пѣступство изъ нравственной сферы перенесъ въ политическую, сталъ требовать отъ своего духовнаго сына подчиненія своимъ совѣтамъ и въ этой сферѣ, напримѣръ укорялъ его за ливонскую войну и требовалъ продолженія крымской, когда, кромѣ того, еще разошелся съ многолюбимой супругой царя *Анастасіей*, когда наконецъ во время опасной болѣзни царя въ 1553 году, при возникшемъ тогда вопросѣ о престолонаслѣдіи, сталъ на сторонѣ не сына Іоаннова, а удѣльнаго князя *Владиміра Андреевича*,—царь окончательно поставилъ и его и его партію на одну доску съ

крамольниками боярами. Къ своей теоріи царской власти, направленной прежде противъ однихъ бояръ, царь прибавилъ новыя черты, относившіяся къ участію въ государственныхъ дѣлахъ духовенства. Онъ высказалъ ихъ послѣ въ письмѣ къ князю *Курбскому*, который въ своемъ посланіи къ Іоанну доказывалъ необходимость имѣть царю мудрыхъ совѣтниковъ: «Ты считаешь, писалъ царь, свѣтлостію благочестивою, когда государство обладается попомъ невѣждою? Но царство, обладаемое попомъ, раззоряется... Богъ не священника поставилъ надъ Израилемъ, но Моисея, какъ царя. Когда же Ааронъ сталъ завѣдывать людскимъ устроеніемъ, то отъ Бога людей отвелъ: смотри, какъ не подобаетъ священникамъ брать на себя царскія дѣла». На ту же мысль приводятся и другіе примѣры изъ священнаго Писанія и Византійской исторіи. Съ 1560-хъ годовъ послѣдовало удаленіе прежнихъ совѣтниковъ царя, опалы на разныхъ сильныхъ людей, отъѣздъ князя Курбскаго въ Литву, учрежденіе опричины и боярскія казни. Свой подозрительный взглядъ на бояръ Грозный перенесъ и на духовенство. Всякое слово назиданія со стороны пастырей церкви или печалованія за опальныхъ стали казаться царю уже посягательствомъ на его власть, напоминали ему попа Сильвестра. При самомъ учрежденіи опричины въ 1565 году онъ объявилъ народу, что положилъ свою опалу не только на бояръ, но и на духовенство за то, что захочетъ государь наказать бояръ — и духовенство ихъ покрываетъ предъ государемъ.

Митрополитъ святый Филиппъ II. — Митрополитъ Макарій не дожилъ до учрежденія опричины († 1563 г.). Преемникомъ его въ 1564 г. избранъ былъ духовникъ царя *Аѳанасій*, *) но черезъ годъ оставилъ каѳедру по болѣзни. При выборѣ новаго святителя вниманіе царя остановилось на *Германѣ* казанскомъ, но послѣ того, какъ святый Германъ рѣшительно потребовалъ уничтоженія опричины, царь выгналъ нареченнаго первосвятителя изъ митрополичьяго дома и вызвалъ въ митрополиты соловецкаго игумена святаго *Филиппа* (1566 г.). Святый Филиппъ происходилъ изъ рода бояръ Колычовыхъ и въ молодости служилъ при дворѣ великаго князя Василія и

*) На соборѣ 1564 г., при избраніи Аѳанасія, московскимъ митрополитамъ въ первый разъ дано было право носить бѣлый клобукъ. До этого времени такой клобукъ носилъ только митрополитъ Макарій, избранный на митрополію изъ новгородскихъ владыкъ.

Елены. Строгаго подвижника едва уговорили принять предложенный санъ и дать обѣщаніе не вступаться въ опричину. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и при видѣ жестокостей и безпутства опричниковъ, онъ не захотѣлъ молчать. Обличенія митрополита царю сначала были тайныя, но въ 1568 году, видя ихъ безуспѣшность, онъ рѣшился приступить къ обличеніямъ всенароднымъ. Въ недѣлю крестопоклонную царь пришелъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ вмѣстѣ съ опричниками въ ихъ странныхъ нарядахъ и подошелъ къ митрополиту принять благословеніе. Филиппъ не благословилъ его. «Не узнаю царя, говорилъ онъ, въ такой одеждѣ, не узнаю и въ дѣлахъ царства. Убойся суда Божія; мы здѣсь приносимъ Богу безкровную жертву, а за алтаремъ льется кровь неповинная». На угрозы царя онъ отвѣчалъ: «Я пришлецъ на землѣ и готовъ пострадать за истину,—гдѣ же вѣра моя, если умолкну?» Въ концѣ іюля произошло новое столкновеніе святителя съ паремъ во время крестнаго хода въ Новодѣвичьемъ монастырѣ изъ за того, что Филиппъ во время чтенія Евангелія увидалъ одного опричника съ тафьей на головѣ и обратился къ царю съ укоромъ и жалобой. Царь рѣшился наконецъ свергнуть митрополита съ каѳедры. Нашлись клеветники съ тяжкими обвиненіями на святаго. Соборъ подобострастныхъ епископовъ осудилъ его на лишеніе сана. 8 ноября 1568 года опричники буйной толпой ворвались въ храмъ, гдѣ Филиппъ служилъ свою послѣднюю литургію, сорвали съ него святительскія одежды, одѣли въ лохмотья и съ позоромъ выгнали изъ церкви. Онъ былъ заточенъ потомъ въ тверской Отрочь монастырь. Черезъ годъ, проѣзжая мимо Твери, Іоаннъ заслалъ въ Отрочь монастырь *Малюту Скуратова* взять благословеніе у Филиппа. Святитель не далъ благословенія и опричникъ задушилъ его. Послѣдующіе митрополиты, *Кириллъ* и *Антоній*, были уже только безмолвными свидѣтелями дѣлъ Грознаго. Князь Курбскій называетъ всѣхъ русскихъ святителей страшнаго времени «потаковниками» и восклицаетъ: «Гдѣ Илія, возревновавый о Навуѳеевой крови? гдѣ Елисей, посрамившій царя израилева? гдѣ лики пророковъ, обличавшихъ неправды царей? гдѣ Амвросій, смирившій Ѳеодосія? гдѣ златословесный Иванъ, обличившій царицу златолюбивую? Кто отстоитъ обидимую братію? Воистину никто; если кто и явится ревнующій по Богѣ правдою слова, осудится, какъ злодѣй, и послѣ различныхъ мукъ

предастся горькой смерти». Четвертый бракъ царя съ разрѣшенія церковныхъ властей, съ наложеніемъ только не тяжкой эпитеміи, которую притомъ же царь не исполнялъ,—служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ упадка духовной силы іерарховъ, о которомъ говорилъ Курбскій. Послѣ этого брака царь еще женился три раза, уже не спрашивая разрѣшенія церковной власти.

Митрополиты при царѣ Ѳеодорѣ.—Послѣ страшнаго Іоанна сталъ паремъ благочестивый и слабый сынъ его *Ѳеодоръ*. Но и въ его царствованіе видимъ сверженіе митрополита *Діонисія*, который вмѣстѣ съ Шуйскими осмѣлился дѣйствовать противъ могущественнаго *Годунова*, говорить о неправдахъ временщика и хлопотать о разводѣ царя съ неплодной Ириной—сестрой Годунова. На мѣсто его возведенъ (1587 г.) ростовскій архіепископъ *Іовъ*. Это былъ послѣдній митрополитъ и первый патріархъ въ нашей исторіи.

Епархіи московской Митрополіи.—Въ исторіи епархіальнаго управленія важнымъ событіемъ было паденіе вольныхъ городовъ и прекращеніе ихъ стремленія къ церковной самостоятельности. Въ послѣднее время, не находя въ Россіи сильныхъ удѣльныхъ князей, на которыхъ можно было бы опереться противъ московской централизаціи, Новгородцы обратились къ покровительству Литвы. Послѣ смерти владыки Іоны (1470) литовская партія требовала, чтобы вновь избранный владыка *Ѳеофилъ* ѣхалъ ставиться не въ Москву, а въ Кіевъ, а когда онъ не согласился на это, выставила отъ себя другого кандидата на каѳедру, *Пимена*, который готовъ былъ ѣхать на поставленіе, куда угодно. Въ 1471 году Іоаннъ III предпринялъ противъ Новгородцевъ большой походъ, на которой и онъ и Москвичи смотрѣли, какъ на походъ религіозный, — противъ отступниковъ отъ православія и который сравнивали даже съ походомъ Донского на Мамая. Стѣсненный Новгородъ чрезъ посредство Ѳеофила вымолилъ себѣ прощеніе великаго князя, обязавшись не отступать къ Литвѣ и посвящать своихъ владыкъ при гробѣ святителя Петра. Послѣ этого Ѳеофилъ ѣздилъ въ Москву и былъ поставленъ на архіепископію. Вѣрный старинному обычаю печалованія, онъ былъ постояннымъ ходатаемъ за своихъ духовныхъ чадъ предъ Іоанномъ до самаго конца новгородской вольности. Въ 1478 году великій князь предпринялъ новый походъ противъ Новгорода и на этотъ разъ ходатайство владыки

о сохраненіи старинныхъ правъ вѣчевого города было уже безуспѣшно. Вѣчевой колоколъ отвезли въ Москву и повѣсили, какъ выражается лѣтопись, «на колокольницѣ съ прочими колоколы звонити». Владыка и погибъ за свой городъ: послѣ бунта противъ московской власти, который не замедлилъ послѣдовать со стороны Новгородцевъ, онъ опять было печаловался объ нихъ, но великій князь вмѣстѣ съ виновными схватилъ и его самого и въ 1480 году заточилъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ онъ и скончался въ 1482 году. На мѣсто его поставленъ былъ владыкою уже не Новгородецъ, избранный на вѣчѣ, а Москвичъ *Сергій*, присланный великимъ княземъ и митрополитомъ. Паденіе Новгорода обставлено въ лѣтописяхъ религіозными преданіями. Оно задолго предваряется печальными предзнаменованіями: сами собой звонили колокола, буря сломила крестъ на святой Софіи, плакали иконы по церквамъ, на гробахъ усопшихъ владыкъ видѣли кровь. Преподобный *Зосима* соловецкій на пиру у Марѳы посадницы съ ужасомъ видѣлъ нѣкоторыхъ гостей сидящими безъ головъ и предсказалъ имъ казнь отъ великаго князя. Донеслось до насъ преданіе и о первомъ владыкѣ Москвичѣ. Усопшіе владыки будто бы являлись ему во снѣ и на яву и съ гнѣвомъ укоряли его, зачѣмъ онъ возсѣлъ на ихъ каѳедрѣ. Менѣе, чѣмъ черезъ годъ онъ сошелъ съ ума. Преемникомъ его съ 1484 года былъ тоже Москвичъ, чудовскій архимандритъ *Геннадій*. Въ Москвѣ долго не могли забыть новгородской вольности и подозрительно присматривались къ старому вѣчевому углу. Въ церковной сферѣ эта подозрительность выразилась разными притѣсненіями владыкамъ, отобраніемъ у нихъ имѣній, отпиской ихъ монастырей къ Москвѣ, лишеніемъ ихъ каѳедры. Лишенъ каѳедры святой Геннадій, обвиненный въ мздоимствѣ. Святый *Серапіонъ* выразилъ негодованіе на отписку въ 1507 году отъ его епархіи къ Московской богатаго Волоколамскаго монастыря и былъ заточенъ въ Троицкій монастырь. Въ 1570 году Грозный предпринялъ свой кровавый походъ на Новгородъ, чтобы вывести въ немъ измѣну, о которой ему доносили клеветники. Произошелъ страшный погромъ всего города и его окрестностей, при чемъ не было пощады ни духовенству, ни церквамъ, ни монастырямъ. Владыка *Пименъ*, нѣкогда судившій на соборѣ святаго Филиппа, подвергся крайнему поруганію отъ опричниковъ,—провезенъ по всему городу въ одеждѣ шута, съ бубномъ и волынкой, на бѣлой кобылѣ, потомъ лишенъ сана и заключенъ въ

Веневѣ. Преемника его *Леонида* Грозный (1576 г.) велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками, а по другимъ извѣстіямъ удавить.

Другой вѣчевой городъ Псковъ по прежнему все хлопоталъ объ освобожденіи своемъ отъ власти новгородскихъ владыкъ. Получая постоянно отказы, Псковичи дошли наконецъ до того, что въ 1468 году порѣшили управляться въ церковныхъ дѣлахъ сами собой безъ владыки, чрезъ двоихъ выборныхъ священниковъ; владыкѣ, который, встревоженный этою новостью, пріѣхалъ во Псковъ, сказали, что учрежденное ими церковное самоуправленіе необходимо, потому что въ это послѣднее время смущеніе явилось великое,—владыкѣ всего и разсказать нельзя. Они принуждены были отступиться отъ своего рѣшенія уже въ 1470 году, по требованію самого великаго князя и митрополита Филиппа. Вѣче не разъ дѣлало распоряженія, которыя могъ дѣлать одинъ владыка, напримѣръ въ 1468 году отлучило отъ службы вдовыхъ поповъ и дьяконовъ. Даже послѣ паденія Новгорода, когда владыки новгородскіе сдѣлались органами сильной московской власти, Псковичи постоянно раздражали ихъ своимъ непокорствомъ. Перваго епископа *(Мисаила)* Псковъ получилъ уже при учрежденіи патріаршества.

Число всѣхъ епархій въ Московской митрополіи послѣ отдѣленія отъ нея Кіевской простиралось до 10, но въ епархіальномъ дѣленіи происходили по временамъ разныя перемѣны, изъ которыхъ замѣчательны: учрежденіе въ 1555 г. новой Казанской епархіи, переведеніе Пермской епархіи въ Вологду (въ началѣ XVI вѣка), присоединеніе къ Московской митрополіи Смоленска (при Василіѣ Іоанновичѣ) и Полоцка (при Грозномъ) съ ихъ епархіями; при Грозномъ у Нѣмцевъ взятъ старинный русскій городъ Юрьевъ и устроена новая Юрьевская епархія. Польскій король Стефанъ Баторій опять отнялъ у Россіи и Юрьевъ и Полоцкъ; Полоцкая епархія снова отошла къ Кіеву, а Юрьевская была закрыта. Епархія митрополита чрезъ отдѣленіе отъ нея, кіевской половины значительно уменьшилась, но все еще была слишкомъ обширна и послѣ этого; она обнимала собою нынѣшнія епархіи: Московскую, Костромскую, Нижегородскую, Вятскую, Курскую, Орловскую и значительныя части Владимірской, Архангельской, Новгородской и Тамбовской. Послѣ паденія Орды сарайскій епископъ (съ 1454 года) сталъ жить въ Москвѣ на Крутицахъ и сдѣлался какъ-бы викаріемъ митрополита.

Органы епархіальнаго управленія.—Съ XVI вѣка встрѣчаемъ цѣлый рядъ новыхъ и очень важныхъ постановленій относительно органовъ епархіальнаго управленія. Духовенство давно уже тяготилось тѣмъ, что епархіальныя дѣла производились большею частію свѣтскими чиновниками архіерейскихъ домовъ, которые смотрѣли на свои должности, какъ на кормленіе, и притѣсняли духовный чинъ. Во время московскаго собора 1503 года ростовскій священникъ *Георгій Скрипица* писалъ: «Господа священноначальницы! Неблагословно надсматриваете надъ вѣрными людьми... Назираете церковь по царскому чину земного царя—боярами, дворецкими, недѣльщиками, доводчиками, для своихъ прибытковъ, а не по достоинству святительскому. Вамъ достоитъ пасти церковь священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ». Наконецъ Стоглавый соборъ опредѣлилъ: судъ по всѣмъ духовнымъ дѣламъ производить самимъ святителямъ, или кому они укажутъ изъ духовныхъ, а не изъ мірскихъ лицъ, за владычними же боярами оставить судъ только по гражданскимъ дѣламъ, подвѣдомымъ суду церкви, и то лишь надъ мірянами церковнаго вѣдомства и бѣлымъ духовенствомъ. Вслѣдствіе этого постановленія увеличено число духовныхъ органовъ архіерейской власти, каковыми были органы приказные—архимандриты, игумены и протопопы, и выборные — поповскіе старосты. *Поповскіе старосты*, которыхъ въ первый разъ мы видѣли во Псковѣ, въ XV вѣкѣ явились и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, но съ исключительно финансовымъ значеніемъ, какъ органы архіерея, къ которымъ, по выраженію граматъ, тянули всякими сборами тяглые попы. Стоглавъ сдѣлалъ учрежденіе поповскихъ старостъ и ихъ помощниковъ, *десятскихъ* священниковъ, повсемѣстнымъ и облекъ ихъ, кромѣ обязанности собирать владычніе сборы, еще обязанностію надзирать за церковнымъ благочиніемъ и въ качествѣ депутатовъ сидѣть въ судѣ надъ духовенствомъ у владычнихъ мірскихъ судей. Право церковнаго суда по прежнему оставлено за одними приказными органами архіерейской власти, какъ духовными, такъ и свѣтскими, которымъ духовная власть довѣряла больше, чѣмъ выборнымъ старостамъ. Сами поповскіе старосты подчинены надзору архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ.

Устройство церковнаго суда.—Правилами судебниковъ Іоанна III и Іоанна Грознаго, новыми граматами духовной и свѣтской власти и особенно правилами Стоглава произведено

болѣе точное разграниченіе церковнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Неподсудность духовныхъ лицъ и всѣхъ вообще церковныхъ людей государственному, мірскому суду признана была общимъ правиломъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, но и по этимъ дѣламъ первыя дѣйствія суда надъ духовными лицами до снятія сана съ виновнаго принадлежали духовнымъ же властямъ. По искамъ на лицъ духовнаго вѣдомства отъ людей постороннихъ и на оборотъ назначался судъ смѣсный—изъ органовъ и духовнаго и свѣтскаго суда вмѣстѣ. Иски на духовныхъ властей, архіерейскихъ намѣстниковъ и бояръ разбирались самимъ государемъ или его боярами въ приказѣ большого дворца. Но эти правила соблюдались не вполнѣ. При древнемъ стремленіи каждой корпораціи людей къ обособленію и вслѣдствіе тяжкихъ поборовъ со стороны архіерейскихъ чиновниковъ, многіе монастыри выпрашивали себѣ несудимыя граматы, на основаніи которыхъ братія и монастырскіе крестьяне судились у настоятелей, а настоятели, помимо епархіальной власти, подчинялись прямо суду самого царя въ приказѣ большого дворца. Несудимыя граматы изрѣдка успѣвали выпрашивать и церковные причты. Граматы эти производили большую путаницу въ церковномъ судѣ, нарушали судную власть архіереевъ и подчиняли духовенство мірскому суду. Стоглавъ отмѣнилъ ихъ; но его распоряженіе не вошло въ практику. Замѣчательно, что митрополитъ и архіереи, по крайней мѣрѣ со времени Стоглава, должны были принимать къ себѣ на службу бояръ и дворянъ, а равно и увольнять ихъ съ этой службы не иначе, какъ только съ соизволенія государя; такимъ образомъ эти люди сдѣлались теперь не столько церковными, сколько обыкновенными государевыми людьми, только служившими по церковному вѣдомству. Государство заявляло свое участіе въ церковныхъ судахъ по гражданскимъ дѣламъ и съ другой стороны,—вмѣстѣ съ поповскими старостами на этихъ судахъ положено было сидѣть еще земскимъ старостамъ, цѣловальникамъ и земскимъ дьякамъ, какъ представителямъ свѣтской власти.

Состояніе бѣлаго духовенства.—Члены причтовъ по прежнему ставились къ церквамъ по выбору прихожанъ. Въ Стоглавѣ находимъ описаніе того, какъ въ Новгородѣ улица, обыкновенно составлявшая особый приходъ, выбирала себѣ кандидата на церковное мѣсто и просила владыку о поставленіи избраннаго, причемъ брала съ послѣдняго деньги за выборъ, а

кого владыка пошлетъ самъ, тому отказывала. Членъ клира былъ членомъ и своей приходской общины, и притомъ членомъ грамотнымъ, что давало ему большой вѣсъ и участіе въ земскихъ дѣлахъ, въ разныхъ общинныхъ актахъ, межевыхъ искахъ, мірскомъ судѣ, выборахъ и челобитьяхъ предъ властями. При всемъ томъ въ XVI вѣкѣ нельзя уже не замѣчать признаковъ скораго упадка выборнаго значенія духовенства. Государство все болѣе и болѣе стѣсняло поставленіе въ священный чинъ изъ людей служилыхъ и тяглыхъ, такъ что ставленники были большею частію изъ лицъ духовнаго происхожденія. Сама приходская община въ своихъ выборахъ прежде всего обращала вниманіе на нихъ же, потому что на ихъ сторонѣ была бо́льшая грамотность и привычка къ церковной службѣ. Постепенно формировалась наслѣдственность церковнаго служенія. Стоглавъ уже прямо говоритъ о наслѣдіи церковныхъ мѣстъ послѣ отцовъ дѣтьми.

Сборы съ духовенства. — Въ хозяйственной части церковнаго управленія встрѣчаемъ нѣкоторыя опредѣленія касательно архіерейскихъ сборовъ. Послѣ рѣзкихъ обличеній стригольниковъ касательно поставленія пастырей на мздѣ, соборъ 1503 года отмѣнилъ было ставленыя пошлины, но Стоглавъ снова возстановилъ ихъ. Самый главный сборъ съ церквей въ архіерейскую казну составляла каждогодная церковная дань по числу приходскихъ дворовъ, количеству земли и другихъ угодьевъ при церкви. Другими сборами были: перехожія деньги съ священно-и-церковно-служителей за переходъ къ другой церкви, епитрахильныя и орарныя пошлины съ вдовыхъ священно-служителей при выдачѣ епитрахильной или орарной граматы на служеніе, крестцовыя съ безмѣстнаго духовенства, служившаго по найму, для котораго оно становилось на крестцахъ (перекресткахъ), явочныя — за явку граматъ каждому новому архіерею. Важную статью архіерейскихъ доходовъ составляли пошлины за антиминсы и вѣнечныя съ браковъ. При Грозномъ опредѣлена была денежная сумма, которую духовенство должно было платить ежегодно за архіерейскій подъѣздъ, хотя бы архіерей и не ѣздилъ по епархіи. Кромѣ подъѣзда, оно платило еще московскій подъемъ для покрытія издержекъ на поѣздки епископа къ митрополиту. Со сборами на архіереевъ соединялись еще особые сборы на ихъ чиновниковъ и служителей архіерейскаго дома; со времени Стоглава эти сборы слагались въ одну общую сумму, равную по величинѣ цер-

ковной дани и извѣстную подъ именемъ десятильнича дохода. При поѣздкахъ архіерейскихъ чиновниковъ по дѣламъ духовенство ставило имъ кормы и подводы. Оно же строило дворъ архіерея и дворы десятильничи. Количество сборовъ зависѣло отъ усмотрѣнія архіереевъ. Случалось, что церковь облагалась слишкомъ высокими сборами и поэтому долго оставалась безъ причта. Случалось и то, что причтъ, соединясь вмѣстѣ съ прихожанами, силой отбивался отъ сборовъ. Законнымъ средствомъ избавиться отъ тяжести платежей были жалованныя граматы, но архіереи давали такія граматы большею частію только такимъ церквамъ, которыя находились въ государевыхъ селахъ или въ вотчинахъ уважаемыхъ монастырей и сильныхъ лицъ.—Кромѣ платежей въ архіерейскую казну, духовенство не было свободно и отъ гражданскихъ платежей и повинностей. Съ своихъ собственныхъ земель оно должно было выставлять ратниковъ, давать деньги или припасы на военныя нужды, поставлять кормы и подводы чиновникамъ, поддерживать мосты и дороги, исполнять повинность городовую (т. е. строить городскія стѣны и казенныя зданія). Духовныя лица, жившія на чужихъ земляхъ, подлежали сборамъ въ пользу владѣльцевъ этихъ земель. Жившія на земляхъ черныхъ тянули съ черными людьми, т. е. несли обыкновенное тягло, платили оброкъ намѣстникамъ и другимъ чиновникамъ, деньги ямскія, стрѣлецкія, пищальныя и др. Бѣлою, свободною отъ платежей, считалась только земля церковная, но и съ нея духовенство несло нѣкоторые платежи въ чрезвычайныхъ случаяхъ, — во время войны и для выкупа плѣнныхъ. Изъ постоянныхъ повинностей эта земля не освобождалась отъ повинности губной, т. е. содержанія губного старосты.

Содержаніе бѣлаго духовенства. Перехожіе и крестцовые попы.—Платежей было много, а средствъ къ содержанію духовенство имѣло мало. Только немногія церкви имѣли вотчины, и то небольшія, напримѣръ деревни въ 2—4 двора. Небольшое число церквей получало ругу отъ правительства, но въ очень маломъ количествѣ. Затѣмъ всѣ средства существованія причтовъ вполнѣ зависѣли отъ приходскихъ общинъ. Однѣ общины отмежевывали на содержаніе причтовъ земли, другія, вмѣсто земли, назначали условное количество руги. Кромѣ руги, причтъ собиралъ по праздникамъ, раза 4 въ годъ, съ прихода еще сборы или запросы, обыкновенно

хлѣбомъ, яйцами и др. припасами, наконецъ пользовался обычнымъ доходомъ за требоисправленія.—Благосостоянію духовенства много вредило неправильное распредѣленіе приходовъ и непомѣрное размноженіе самого духовенства. Стоглавъ почелъ нужнымъ издать запрещеніе строить лишнія церкви, которыхъ строители не могли обезпечить нужными средствами. Вслѣдствіе излишка духовенства и бѣдности приходовъ явилось много, такъ называемыхъ, бродячихъ или перехожихъ поповъ, которые съ своими ставленными и перехожими граматами ходили съ мѣста на мѣсто, нанимаясь служить при церквахъ на годъ или на другой срокъ. Въ Москвѣ изъ этихъ безмѣстныхъ священнослужителей, служившихъ по найму, образовался классъ крестцоваго духовенства. Стоглавый соборъ обратилъ серьезное вниманіе на этотъ безпорядочный людъ, производившій большой соблазнъ. Велѣно было выстроить для этихъ поповъ на крестцѣ поповскую избу, чтобы они по крайней мѣрѣ не стояли для найма на улицѣ, и посадить въ ней для надзора за ними поповскаго старосту. Между бродячимъ и крестцовымъ духовенствомъ много попадалось людей безъ граматъ и даже состоявшихъ подъ запрещеніемъ; поэтому соборъ распорядился о строгомъ досмотрѣ у него граматъ.

Мѣры къ улучшенію нравовъ бѣлаго духовенства. — Бѣдность духовенства, зависимость отъ приходовъ и исключительно обрядовая его постановка въ обществѣ, при чемъ со стороны духовнаго лица требовалось только исполненіе требъ и не было запроса на развитіе собственно пастырскихъ качествъ, производили замѣтный упадокъ и въ нравственномъ состояніи духовнаго чина. Митрополитъ Ѳеодосій думалъ «поповъ и дьяконовъ нужею навести на Божій путь», разсказываетъ лѣтопись, «нача на всяку недѣлю сзывати ихъ и учити по святымъ правиломъ, и вдовцомъ діакономъ и попомъ повелѣ стричися, а еже у кого наложницы будутъ, тѣхъ мучити безъ милости, и священство сымая съ нихъ, и продавать ихъ». Вдовымъ священнослужителямъ, не постригавшимся въ монашество, служеніе было запрещено еще при митрополитахъ Петрѣ и Фотіѣ. Запрещеніе это повторено потомъ на соборѣ 1503 года. Священникъ Георгій Скрипица, самъ будучи вдовцомъ, тогда же протестовалъ противъ этого рѣшенія. «Пусть, писалъ онъ собору, подвергаются запрещенію тѣ, которые не хранятъ своего вдовства. Зачѣмъ же безъ вины осуждать всѣхъ?

Правильно ли, что вдовый священникъ, постригшись, можетъ служить, а тотъ же священникъ, не постригшись, не можетъ служить? Развѣ женою попъ святъ? Который попъ имѣетъ жену, чистъ, а не имѣетъ жены, не чистъ, а чернецъ, не имѣя жены, чистъ. И вы, господіе мои, которымъ прозрѣли духомъ чистыхъ и нечистыхъ?» Протестъ остался безъ успѣха. На нравственные недостатки духовенства обратилъ вниманіе и Стоглавый соборъ, но его распоряженія тоже ограничились только усиленіемъ надзора за духовенствомъ и строгости наказаній, да запрещеніемъ священнослуженія вдовцамъ, т. е. тѣми же мѣрами, какія были и прежде и безполезность которыхъ была уже испытана; кромѣ того, сказано было нѣсколько словъ о томъ, чтобы святители испытывали жизнь ставленниковъ и ставили только достойныхъ, но откуда брать этихъ достойныхъ, не сказано.

ГЛАВА III.

Благочиніе, богослуженіе и христіанская жизнь.

Нестроенія въ церковномъ богослуженіи.— Послѣ исправленій въ церковномъ управленіи и въ духовенствѣ особенное вниманіе церкви обращено было на исправленіе церковной обрядности. Нестроенія въ ней не только не уменьшались, противъ прежняго времени, но, кажется, еще болѣе увеличивались, не смотря на всю важность, какую придавало церковному обряду русское общество того времени. Встрѣчаемъ сильныя обличенія противъ неблагочиннаго совершенія богослуженія, порчи церковнаго чтенія и пѣнія, многогласія при богослуженіи, происходившаго отъ того, что для сокращенія времени службы одинъ читалъ, другой пѣлъ, третій возглашалъ эктенію въ одно и то же время, такъ что ничего нельзя было понять. Въ пѣніи, вмѣсто прежняго праворѣчія, явилось раздѣльнорѣчіе, растяженіе словъ чрезъ измѣненіе полугласныхъ буквъ въ гласныя и чрезъ безтолковыя вставки въ слова лишнихъ звуковъ,—пѣніе, такъ называемое, «хомовое». Противъ всѣхъ этихъ нестроеній возставалъ Стоглавъ, и писали въ своихъ граматахъ пастыри церкви.—Въ XV и XVI вѣкахъ

мы уже ясно можемъ слѣдить за проявленіями тѣхъ обрядовыхъ мнѣній, изъ которыхъ выродился послѣ расколъ старообрядства. Въ 1479 году великому князю наговорили, что при освященіи Успенскаго собора митрополитъ Геронтій не по правиламъ ходилъ съ крестами около храма, не по солнцу. Великій князь осердился, сталъ говорить, что за это Господь пошлетъ гнѣвъ Свой. И поднялся споръ о томъ, по солнцу или противъ солнца ходить при освященіи храмовъ. На сторонѣ митрополита стояло большинство духовенства и книжныхъ людей, но такъ какъ противъ него былъ самъ великій князь, то дѣло дошло до того, что митрополитъ даже отказался было отъ каѳедры. Истины такъ и «не обрѣтоша», но великій князь почелъ нужнымъ уступить митрополиту и билъ ему челомъ о возвращеніи на каѳедру.—Въ XVI вѣкѣ распространилось сомнѣніе о томъ, двоить или троить аллилуія. Въ псковскомъ Евфросиновомъ монастырѣ двоили, прикрываясь авторитетомъ преподобнаго *Евфросина*. Но во Псковѣ и въ Новгородѣ этимъ смущались, какъ латинствомъ. Владыка Геннадій нарочно спрашивалъ объ аллилуіи жившаго въ Римѣ ученаго переводчика *Димитрія Герасимова*. Герасимовъ прислалъ отвѣтъ, который никого тогда не могъ удовлетворить, что все равно,— двоить или троить аллилуія; поэтому вопросъ остался попрежнему спорнымъ. Отголосокъ тогдашнихъ споровъ можно видѣть въ повѣсти о преподобномъ Евфросинѣ неизвѣстнаго автора начала XVI вѣка и въ житіи преподобнаго Евфросина, написанномъ священникомъ *Василіемъ* (въ 1547 г.). И въ томъ и въ другомъ произведеніи аллилуіи придается необыкновенно великое значеніе божественной тайны воскресенія (аллилуія, по мнѣнію Василія, значитъ будто бы «воскресе»,) и необычайная спасающая сила, троеніе же аллилуіи называется жидовствомъ и латинствомъ, даже почтеніемъ языческаго бога. Стоглавый соборъ повѣрилъ сказанію Василія и велѣлъ двоить аллилуію. Кромѣ того, онъ внесъ въ свои опредѣленія (высказывавшееся еще раньше него митрополитомъ Даніиломъ) мнѣніе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи; на троеперстіе изречено даже проклятіе. При смѣшеніи существеннаго съ несущественнымъ обрядовый религіозный взглядъ простирался и на обыкновенныя житейскія вещи и обычаи; все свое, русское казалось православнымъ, все чужое — еретическимъ и басурманскимъ. Русскіе носили бороду, и борода стала существен-

ною принадлежностью православія, а брадобритіе—латинской ересью. Стоглавъ опредѣлилъ надъ брадобрицемъ ни отпѣванія, ни сорокоуста не творить, ни просфоры, ни свѣчи по немъ въ церковь не приносить,—съ невѣрными да причтется.

Испорченность богослужебныхъ книгъ, указанная Максимомъ Грекомъ, и неудовольствія на него.—Въ 1518 году, по вызову правительства для перевода греческихъ книгъ, пріѣхалъ съ востока *Максимъ Грекъ*, аѳонскій монахъ, родомъ изъ Албаніи, получившій образованіе на западѣ въ Венеціи и Флоренціи, современникъ и почитатель знаменитаго Іеронима Савонаролы. Воспользовавшись пріѣздомъ такого образованнаго человѣка, правительство и іерархія стали обращаться къ нему за разрѣшеніемъ разныхъ трудныхъ вопросовъ времени и между прочимъ важнѣйшаго тогда обрядоваго вопроса объ исправленіяхъ въ богослуженіи. Онъ пересмотрѣлъ и исправилъ Тріодь, Часословъ, Праздничную Минею, Толковое Евангеліе и Апостолъ. Въ своемъ «Отвѣщательномъ словѣ» объ исправленіяхъ онъ послѣ указывалъ, съ какими грубыми ошибками приводилось ему встрѣчаться въ книгахъ. Въ Часословахъ Христосъ назывался «единымъ точію человѣкомъ», въ Толковыхъ Евангеліяхъ—«безконечною смертію умершимъ», въ Тріоди—«созданнымъ и сотвореннымъ»; Отецъ въ Часословахъ представлялся «собезматернимъ Сыну», а въ канонѣ на великій четвергъ—«не сущимъ естествомъ несозданнымъ». Въ символѣ вѣры ученикъ Максима *Зиновій* замѣтилъ въ 8 членѣ прибавленіе слова «истиннаго». Въ исправленіяхъ своихъ Максимъ уже не довольствовался обычнымъ пріемомъ русскихъ справщиковъ—исправлять книги съ помощію одного только сличенія ихъ съ древними рукописями, которое, при неисправности всѣхъ вообще рукописей, не могло повести ни къ чему прочному и, кромѣ того, допускало произволъ въ выборѣ между ними самаго образца для исправленій,—а повелъ это дѣло съ помощію богословской и филологической критики текста. Кромѣ исправленія богослужебнаго текста, Максимъ старался еще при этомъ объяснять разные богослужебные обряды и принадлежности, которыхъ вовсе не понимали почитатели церковной внѣшности, напримѣръ объяснялъ литургію для вразумленія тѣхъ, которые говорили, что всѣ плоды ея пропадаютъ для непоспѣвшихъ къ Евангелію, эктеніи «о свыш-

немъ мирѣ», подъ которымъ многіе разумѣли міръ ангельскій, толковалъ значеніе буквъ въ вѣнцахъ Спасителя и Богородицы (Мр θв читали Марѳу) и проч. Кружокъ поклонниковъ Максима во всемъ одобрялъ его исправленія, относился къ нему, какъ авторитету, и гордился именемъ его учениковъ. Таковы были: князь-инокъ *Вассіанъ Патрикѣевъ*, сотрудникъ Максима *Димитрій Герасимовъ*, писецъ Максима инокъ *Силуанъ*, иноки *Нилъ Курлятевъ*, *Зиновій* Отенскій и другіе. Вассіанъ говаривалъ даже: «Здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила не правила, а кривила. До Максима по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили». Но большинство Русскихъ и митрополитъ Даніилъ думали иначе, говорили, что онъ напротивъ только портитъ книги, что хулами на нихъ творитъ велію досаду русскимъ чудотворцамъ, спасавшимся по этимъ книгамъ, и въ доказательство указывали на нѣсколько дѣйствительно важныхъ ошибокъ, допущенныхъ въ его исправленіяхъ и переводахъ. Не зная достаточно славянскаго языка, онъ долгое время могъ работать только съ помощію переводчиковъ, которые съ своей стороны не знали хорошо греческаго языка; Максимъ долженъ былъ сначала переводить для нихъ съ греческаго на знакомый имъ языкъ латинскій, а они съ латинскаго перелагали его переводъ уже на славянскую рѣчь. Понятно, что при такомъ порядкѣ работы многія фразы переводовъ могли явиться въ такой формѣ, за которую Максимъ никакъ не могъ отвѣчать. Явились неточности, напримѣръ объ Іисусѣ Христѣ, вмѣсто: «сѣдѣ одесную Отца», написано было: «сѣдѣлъ», какъ о мимошедшемъ фактѣ; вмѣсто: «безстрастно Божество»,—«нестрашно Божество»; въ переводѣ житія Богородицы неловко употреблялось «аки» вмѣсто «яко», напримѣръ, передъ словами: «сѣмени мужескаго никакоже причастившися»; объ Іосифѣ и Маріи говорилось: «совокупленіе же (вмѣсто совѣщаніе) до обрученія бѣ». Несчастному справщику пришлось дорого поплатиться за свои исправленія. Въ 1525 году, какъ за нихъ, такъ и по другимъ обвиненіямъ, онъ былъ осужденъ на соборѣ и приговоренъ къ заточенію въ монастырь. Вмѣстѣ съ этимъ прекратились и его исправленія богослужебныхъ книгъ.

Опредѣленіе о богослужебныхъ книгахъ собора 1551 года.—Вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ былъ снова поднятъ на Стоглавомъ соборѣ; но, по своему

малому образованію, отцы этого собора оказались совершенно несостоятельными въ рѣшеніи такого сложнаго вопроса. Церковныя книги велѣно было исправлять по старому съ добрыхъ переводовъ, которыхъ однако и самъ соборъ не могъ указать; по старому же на это дѣло уполномочивались всякіе грамотѣи,— всѣ протопопы и поповскіе старосты, что могло повести только къ еще большей порчѣ книгъ. Самъ соборъ показалъ образчики крайне неудачныхъ исправленій, указавши напримѣръ читать въ эктеніяхъ: «о архіепископѣ нашемъ честнаго его пресвитерства и діаконства», «сами себѣ и другъ другу» и проч., или въ символѣ вѣры: «и въ Духа святаго истиннаго и животворящаго», а такъ же указавъ двоить «аллилуія». Послѣ этого строгое опредѣленіе собора—неисправленныхъ книгъ ни продавать, ни покупать, ни употреблять въ церквахъ—не имѣло уже, разумѣется, никакого значенія. Спустя немного времени послѣ Стоглава, приходилось думать уже не объ исправленіяхъ въ книгахъ, а только о предотвращеніи въ нихъ новыхъ описей и недописей; съ этой скромной задачей и явилась въ Москвѣ первая типографія.

Устройство типографіи въ Москвѣ, первыя печатныя книги и судьба печатниковъ.—Въ 1552 г., по просьбѣ Іоанна Грознаго, изъ Даніи былъ присланъ типографъ *Гансъ Мессингеймъ* или *Бокбиндеръ*. Нашлись и свои люди, знавшіе типографское дѣло,—дьяконъ *Іоаннъ Ѳедоровъ* и *Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ;* въ Новгородѣ отыскался рѣзчикъ буквъ *Васюкъ Никифоровъ;* кромѣ того, изъ Польши (вѣроятно изъ какой-нибудь русской типографіи въ польскихъ владѣніяхъ) выписаны были новыя буквы и печатный станокъ, и печатаніе началось. Ганса Бокбиндера, кажется, скоро отпустили, потому что въ печатаніи участвовали только русскіе первопечатники. Въ 1564 году вышла первая печатная книга Апостолъ, а черезъ 2 года выпущенъ Часословъ,—оба впрочемъ мало исправные. Послѣ этого типографское дѣло остановилось. Противъ типографщиковъ возстали изъ зависти переписчики книгъ, у которыхъ они отбивали работу, и завинили ихъ въ ереси; «презѣльнаго ради озлобленія отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ и учителей», первопечатники удалились изъ Москвы въ Вильну работать въ тамошней типографіи; самый дворъ печатный былъ подожженъ ночью и сгорѣлъ со всѣми своими принадлежностями. Книгопечатаніе было

снова возобновлено уже въ 1568 г. по волѣ самого царя сначала въ Москвѣ, потомъ въ Александровской слободѣ. Ученикъ изгнанныхъ первопечатниковъ *Андроникъ Невѣжа* напечаталъ въ новой типографіи два изданія Псалтири (1568 и 1578 года), тоже весьма неисправныя.

Новые храмы.—Вслѣдствіе скудости образованія Москва такимъ образомъ оказалась не въ силахъ справиться съ предпринятыми ею обрядовыми исправленіями; но она стала теперь богата и сдѣлалась въ состояніи заявлять свое усердіе къ благолѣпію церковной обрядности по крайней мѣрѣ матеріальными средствами. Со времени Іоанна III начали вызывать въ Россію разныхъ иностранныхъ мастеровъ для построекъ и болѣе всего, разумѣется. для устроенія храмовъ. Итальянскій мастеръ *Аристотель Фіоравенти* въ 1475 — 1479 годахъ выстроилъ въ Москвѣ новый Успенскій соборъ, вмѣсто разрушившагося стараго собора. Другіе мастера построили богатые соборы въ Сергіевой лаврѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ и перестроили (1505—1508 гг.) въ Москвѣ соборы Благовѣщенскій и Архангельскій. При Василіѣ Іоанновичѣ въ память взятія Смоленска построенъ Новодѣвичій монастырь; построено было до 11 каменныхъ церквей мастеромъ *Фрязиномъ;* мастеромъ *Николаемъ Нѣмцемъ* слитъ громадный колоколъ въ 1000 пудовъ. Въ память взятія Казани при Грозномъ въ 1555 году возникъ въ Москвѣ Покровскій соборъ (Василій блаженный) весьма оригинальнаго зодчества. Другіе города тоже украшались новыми храмами. По древнему обычаю во времена бѣдствій цѣлыми десятками являлись церкви обыденныя. Замѣчательно, что только во второй половинѣ XVI вѣка сталъ распространяться у насъ обычай строить церкви теплыя, начало которому положилъ новгородскій владыка Евѳимій еще въ XV вѣкѣ.

Судьба мѣстныхъ святынь. Соборы 1547 и 1549 годовъ. Новые праздники и обряды.—Развитіе московской централизаціи имѣло большое вліяніе на судьбу мѣстныхъ святынь. Въ началѣ описываемаго времени мы еще встрѣчаемъ нѣкоторые остатки старинныхъ понятій объ нихъ; такъ, первый владыка Москвичъ въ Новгородѣ Сергій не хотѣлъ почтить мощей владыки Моисея; самъ Іоаннъ III, посѣтивъ Хутынскій монастырь, унизилъ мощи преподобнаго Варлаама предъ московскими мощами и былъ вразумленъ грознымъ появленіемъ

подземнаго огня. Новый порядокъ вещей обнаружился собираніемъ мѣстныхъ святынь въ Москву, какъ общій политическій и церковный центръ. Ея Успенскій соборъ сдѣлался общимъ средоточіемъ этихъ святынь. Въ его иконостасѣ помѣщены: изъ покореннаго Новгорода икона Спаса, изъ Устюга икона Благовѣщенія, предъ которою молился Прокопій Устюжскій объ избавленіи города отъ каменной тучи, изъ Владиміра икона Одигитріи, изъ Пскова икона Псковопечерская; въ ризницу собора взяты изъ Новгорода сосуды Антонія Римлянина. Въ Москву же перенесены были мѣстныя мощи черниговскаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора (при Грозномъ). Наконецъ, по опредѣленію московскихъ соборовъ 1547 и 1549 годовъ, многіе святые разныхъ краевъ, прежде чтившіеся только мѣстно, получили общее чествованіе по всей Россіи. Тогда же были собраны мѣстныя службы, житія и чудеса новыхъ чудотворцевъ, а для нѣкоторыхъ составлены вновь. Это собираніе свѣдѣній о святыхъ, ихъ житій и службъ продолжалось и послѣ означенныхъ соборовъ. Слѣдствіемъ его было то, что церковное богослуженіе въ Россіи обогащалось новыми празднествами и службами въ честь новыхъ чудотворцевъ. То же самое дѣлалось въ отношеніи къ вновь явленнымъ чудотворнымъ иконамъ, напримѣръ съ 1579 года иконѣ Казанской Богородицы. Съ XVI вѣка у насъ дѣлаются извѣстными нѣкоторые новые обряды: обрядъ хожденія на осляти въ недѣлю ваій, совершавшійся въ Москвѣ митрополитомъ, а въ епархіяхъ, хотя и не во всѣхъ, архіереями, при чемъ осля подъ святителемъ въ Москвѣ велъ за поводъ самъ государь, и обрядъ пещнаго дѣйствія, совершавшійся по каѳедральнымъ соборамъ предъ Рождествомъ въ недѣлю праотецъ.

Святыя иконы. Дѣло Висковатаго.—Въ XVI вѣкѣ возникъ вопросъ о писаніи иконъ, потому что чрезъ Новгородъ и Псковъ въ иконописаніе стало проникать западное вліяніе,—появились иконы, писанныя съ латинскихъ образцовъ и отличавшіяся множествомъ символическихъ изображеній. Стоглавъ опредѣлилъ, чтобы иконописцы непремѣнно держались древнихъ образцовъ, чтобы архіереи по епархіямъ установили за иконописаніемъ строгій надзоръ и запрещали писать иконы отъ самоизмышленія, не по старымъ образцамъ, и людямъ неискуснымъ и худой нравственности; въ образецъ для мастеровъ онъ рекомендовалъ извѣстнаго инока иконописца Андрея

Рублева († 1430 г.).—Вскорѣ послѣ Стоглава началось волненіе изъ-за иконъ, поднятое дьякомъ *Иваномъ Висковатымъ*. Послѣ большого московскаго пожара вновь расписывали иконами кремлевскіе храмы; для этого дѣла были выписаны въ Москву новгородскіе и псковскіе мастера. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ священникъ Сильвестръ, съ доклада царю, велѣлъ имъ изобразить: Троицу въ дѣяніяхъ, Вѣрую, Хвалите Господа, Софію-Премудрость Божію, Достойно, Почи Господь въ день седьмый, Пріидите, людіе, трисоставному Божеству поклонимся и др. Висковатый соблазнился о новыхъ иконахъ;—поддерживаемый отставленными отъ дѣла московскими мастерами, сталъ разглашать, что не слѣдуетъ изображать иконнымъ образомъ невидимое Божество и безплотныхъ, что первый членъ символа вѣры нужно изображать только словами, а потомъ до конца уже иконнымъ письмомъ, по плотскому смотрѣнію, особенно порицалъ символическія изображенія, напр. добродѣтелей и пороковъ въ видѣ женщинъ, Христа въ видѣ ангела съ крыльями и т. п., писалъ митрополиту жалобу, что Сильвестръ старые образа вынесъ, а новые поставилъ по своему мудрованію. Въ 1554 году былъ созванъ соборъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Сильвестра. Висковатаго за хулу иконъ отлучили на три года отъ причастія.

Обрядовый характеръ благочестія русскихъ людей.—Привязанность къ формѣ, обряду отразилась и въ нравственной жизни общества. Добродѣтелями времени были частое присутствіе при богослуженіи, строгое соблюденіе постовъ, кромѣ положенныхъ, еще добровольныхъ, обѣтныхъ, по понедѣльникамъ и въ 12 пятницъ, вклады въ монастыри и церкви, построеніе церквей, путешествія ко святымъ мѣстамъ, раздача пищи и денегъ бѣднымъ и т. под. Жизнь благочестиваго человѣка вся строилась по церковному уставу; распредѣленіе времени, пища, одежда, этикетъ общежитія, отношенія между членами семейства — все носило печать религіи. Даже внѣшній видъ русскаго города и селенія показывалъ, что религія господствующая сила въ странѣ; иностранцы видѣли въ русскихъ городахъ множество богатыхъ церквей и монастырей, слышали неумолкаемый звонъ колоколовъ; по всѣмъ улицамъ стояли часовни и иконы съ зажженными предъ ними свѣчами; прохожіе крестились предъ каждой часовней, а иные клали земные поклоны; вездѣ можно было встрѣтить

духовенство со святой водой, крестами, иконами и пѣніемъ; часто совершались крестные ходы. Но задушевное религіозное чувство, которое оживляетъ обрядъ и преобразуетъ нравственность человѣка, было мало развито. Среди множества вопросовъ и обличеній въ XVI вѣкѣ подверглось обличеніямъ и это противорѣчіе между христіанской внѣшностью и нехристіанскими нравами; но даже тѣ самые люди, которые всѣхъ рѣзче обличали обрядовое благочестіе, иногда были самыми типичными его представителями, неприм. Грозный, который предлагалъ самыя энергическія обличенія на Стоглавомъ соборѣ. Вся жизнь въ его Александровской слободѣ была устроена по монастырскому чину; царь былъ игуменомъ, опричники братіею съ разными монастырскими должностями. Каждый день эта братія упражнялась въ богослуженіи, а въ промежуткахъ между молитвами шли страшныя пытки и казни или проявленія грубаго разврата. Достоинство молитвы опредѣлялось не силой душевнаго умиленія, а счетомъ поклоновъ, милосердіе— счетомъ поданныхъ нищему алтыновъ, усердіе къ церкви — числомъ пожертвованій въ монастыри. Выразительнымъ памятникомъ этого благочестія остался Сѵнодикъ Грознаго, который онъ послалъ въ Кирилловъ монастырь для вѣчнаго поминовенія, заплативъ за него 2,200 руб.; это огромное поминанье въ двухъ томахъ, въ которомъ записано 3470 душъ убитыхъ царемъ людей; царь даже и не зналъ всѣхъ ихъ по именамъ, а записывалъ по мѣстамъ огуломъ: помяни, Господи, столько-то убіенныхъ тамъ-то, ихъ же имена Ты Самъ, Господи, вѣси.

Подъ благочестивой внѣшностью въ обществѣ обнаруживалась азіатская грубость нравовъ. Въ общественныхъ отношеніяхъ видимъ угнетеніе низшихъ высшими, бѣдныхъ богатыми. Въ судѣ и управленіи господствовали страшныя пытки и страшныя казни. Неуваженіе къ личности, привычка давать волю рукамъ господствовали одинаково во всѣхъ классахъ общества. Въ разбояхъ, наѣздахъ на чужіе дворы и имѣнія упражнялись люди самые близкіе къ правительству,—опричники. До чего доходила необузданность такихъ наѣздовъ, видно изъ того, что опричинѣ поплатились своимъ добромъ не одна церковь и не одинъ монастырь; въ новгородской волости опричники разломали даже гробъ преподобнаго Саввы Вишерскаго. Иностранцы замѣчали въ Русскихъ слабость чувства чести,

ложь и обманы. «Мои Русскіе, говорилъ имъ Грозный, всѣ воры». Всякій, приставленный къ какому нибудь дѣлу, старался нажиться отъ него. Стоглавъ возмущался тѣмъ, что даже приставники богадѣленъ—и тѣ наживались на счетъ милостыни, которую боголюбцы подавали богадѣленнымъ нищимъ. Существовали грубыя потѣхи, напр. кулачные бои, на которыхъ побивали людей до смерти. Грозный увеселялся травлей людей медвѣдями; то же дѣлали и другіе сильные люди. Общественныя сходки, пиры и бесѣды рѣдко не оканчивались дракой и даже убійствомъ. Моралисты вооружались такъ же противъ поголовнаго пьянства во всѣхъ сословіяхъ, особенно противъ пьянаго препровожденія праздниковъ и семейныхъ торжествъ. По описанію Стоглава, свадебный поѣздъ напр. совершался пьяной толпой съ дудками и бубнами, а впереди ѣхалъ верхомъ, въ епитрахили и съ крестомъ, священникъ, котораго тоже предварительно напаивали. Въ празднованіи главныхъ христіанскихъ праздниковъ, кромѣ того, и теперь еще замѣчалась грубая примѣсь языческихъ обрядовъ. Въ 1505 году игуменъ псковскаго Елеазарова монастыря *Памфилъ* писалъ псковскимъ властямъ, умоляя ихъ прекратить грубый разгулъ купальскаго торжества въ ночь на Рождество Предтечи, совершавшійся съ дикимъ бѣснованіемъ всего города. Въ Стоглавѣ тоже говорится, что вездѣ еще происходили обряды Радуницы; на великій четвергъ палили солому и кликали мертвыхъ; въ Троицкую субботу мужи и жены сходились на жальникахъ (кладбищахъ) и плакались на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, а потомъ заставляли играть скомороховъ, пѣли и плясали; на Ивановъ день и на Крещенье сходились мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, бѣсовскія пѣсни, плясаніе, а послѣ ночи всѣ, какъ бѣсные, съ крикомъ купались въ рѣкѣ; въ святки гадали и ходили по домамъ съ играми и переряживаньемъ. Соборъ велѣлъ преслѣдовать и разгонять всѣ такія сборища.

Домострой. — Семейные нравы и идеалы описываемаго времени выразительно очерчены въ обширномъ сборникѣ знаменитаго іерея Сильвестра, извѣстномъ подъ именемъ Домостроя. Вращаясь исключительно въ области домашней обыденной жизни, этотъ драгоцѣнный памятникъ древней жизни съ особенной ясностью обрисовываетъ главный жизненный мотивъ вѣка, мотивъ уваженія къ обряду, заведенному порядку, обы-

чаю отцовъ и дѣдовъ,—весь этотъ заведенный порядокъ, начиная съ исполненія важнѣйшихъ религіозныхъ обязанностей до самыхъ мелочныхъ хозяйственныхъ занятій, увѣковѣченъ авторомъ Домостроя въ полномъ и, такъ сказать, пластически осязательномъ образѣ, и именно съ идеальной точки зрѣнія, какъ образецъ. Въ основу семейной жизни Домостроемъ положено безусловное главенство отца семейства; всѣ передъ нимъ ребята, умственно и нравственно недозрѣлые, живущіе только его умомъ и наказаніемъ, за которыхъ онъ поэтому несетъ отвѣтственность и въ сей и въ будущей жизни. Жена полная его раба, исключительно хозяйка и работница, поставленная имъ во главѣ другихъ работницъ и работниковъ дома. Домострой вооружается противъ всякихъ удовольствій женщины, требуетъ отъ нея исключительно хозяйственныхъ заботъ и работы, потому что въ обстановкѣ современной жизни не можетъ найти ей никакихъ приличныхъ увеселеній для часовъ отдыха. Когда женщина не работала, ей только и оставалось предаться сплетнямъ съ служанками и торговками, бесѣдамъ съ женками бездѣльными и ворожеями, или же хмѣльному питію. Среди такой жизни она естественно тупѣла и дѣйствительно требовала тѣхъ педагогическихъ вразумленій побоями, о которыхъ такъ выразительно говорятъ правила Домостроя. Дѣти являются тоже совершенно безправными предъ отцомъ; отъ него зависитъ вся ихъ судьба, назначеніе положенія въ обществѣ, бракъ, потому что сами они люди неразумные, молодые, ничего не могутъ понимать. Отецъ обязанъ ихъ учить страху Божію и всякому порядку; средствами для этого служатъ тоже страхъ и побои. Какъ олицетвореніе власти и страха для семьи, отецъ не долженъ даже улыбаться своему дитяти и играть съ нимъ.—Въ отношеніи къ рабамъ авторъ Домостроя представляетъ себя добрымъ господиномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно трактуетъ раба, какъ человѣка тоже скуднаго разумомъ, котораго не научишь, если не побьешь; въ случаѣ ссоры своихъ холоповъ съ чужими совѣтуетъ побранить и побить своихъ, хотя бы и правы были,—этимъ вражды избудешь, а убытка не будетъ. Нравственныя правила Домостроя носятъ общій въ древней Руси характеръ обрядоваго аскетизма. Запрещаются всякое смѣхотвореніе, пѣсни, пляски, мірскія потѣхи, охота. Весь домъ долженъ быть устроенъ по подобію монастыря. Входящій въ

него долженъ прочитать молитву, какъ передъ кельей монаха; каждый день семья отправляетъ утреню, часы, вечерню, павечерницу и полунощницу; постоянно нужно имѣть въ устахъ молитву Іисусову, а въ рукахъ держать четки. Во внѣшнемъ поведеніи все должно быть чинно, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно; нужно чаще ходить въ церковь, принимать странныхъ, подавать милостыню, слушать духовныхъ отцовъ. Предписываемыя здѣсь добродѣтели вообще рѣдко выходятъ изъ круга обрядоваго благочестія, заключаются преимущественно въ одной внѣшней формѣ, которую всегда можно соблюсти, не стѣсняя своихъ противонравственныхъ инстинктовъ, а съ другой стороны сильно отзываются сухимъ житейскимъ практицизмомъ. Рядомъ съ чистыми побужденіями къ праведному житію выставляются и нечистыя: похвала людей, стремленіе избыть посмѣха или вражды, необходимость уживаться съ другими и правдой и неправдой. При случаѣ рекомендуется побить невиннаго слугу, солгать и проч. Болѣе христіанскія черты Домостроевской морали выступаютъ въ послѣдней главѣ Домостроя, содержащей его сокращеніе въ формѣ посланія Сильвестра сыну Анѳиму. Убѣждая послѣдняго исполнять свои наставленія, Сильвестръ представляетъ ему въ примѣръ свое собственное поведеніе и обрисовываетъ себя въ чертахъ весьма симпатичныхъ, какъ человѣка добраго, благочестиваго, мягкаго, ни съ кѣмъ не судившагося, умѣвшаго улаживать всѣ свои дѣла и отношенія уступкой да лаской, хлѣбомъ да солью, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло. Выше всего въ жизни ставится подвигъ христіанскаго милосердія. Сильвестръ всѣхъ своихъ рабовъ отпустилъ на волю, искупалъ и многихъ чужихъ рабовъ, воспитывалъ и пристраивалъ къ дѣламъ многихъ сиротъ и убогихъ обоего пола, никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ по невѣдѣнію, плѣнныхъ и должниковъ по силѣ искупалъ, голодныхъ по силѣ кормилъ.

Самое большое зло семейной жизни заключалось въ грубомъ, исключительно чувственномъ отношеніи половъ, которое обусловливало съ одной стороны легкость семейныхъ нравовъ, съ другой—затворничество женщинъ. Статья о злыхъ женахъ, цѣликомъ и въ отрывкахъ, помѣщалась во всѣхъ сборникахъ. Замѣчательно, что семейная жизнь не успѣла выработать себѣ даже нравственнаго идеала; въ обществѣ оставался одинъ только

идеалъ аскетическій, который, не имѣя себѣ противовѣса, доходилъ даже до отрицанія семейной жизни. Распространилось мнѣніе, что человѣкъ, «съ женою и чады живуще, не можетъ спастися». До насъ дошло замѣчательное житіе русской боярыни XVI вѣка, *Іуліаніи Лазаревской*, написанное уже въ XVII вѣкѣ ея сыномъ *Каллистратомъ Осорьинымъ*. Оно имѣетъ цѣлію доказать, что и безъ пострiженія, живя въ семьѣ, можно угодить Богу, но, не имѣя другого нравственнаго идеала, кромѣ аскетическаго, выставляетъ въ примѣръ жизнь строгой подвижницы, женщины исключительной въ семейной жизни, даже отрицавшей эту жизнь, по крайней мѣрѣ менѣе всего заботившейся объ ея интересахъ. Выданная замужъ по неволѣ, она всю жизнь потомъ скорбѣла, что не могла остаться чистою дѣвою и постричься въ монастырѣ, такъ что мужъ ея, человѣкъ тоже весьма благочестивый, долженъ былъ нарочно добывать для нея книги, въ которыхъ доказывалось, что не спасутъ ризы черныя безъ добрыхъ дѣлъ и не погубятъ ризы бѣлыя при богоугодной жизни, и уговорилъ ее заняться воспитаніемъ дѣтей. Она успокоилась только тогда, когда мужъ согласился не имѣть съ нею супружескаго союза. Послѣ его смерти она немедленно поспѣшила исполнить свое всегдашнее желаніе,—постриглась въ монашество († 1604 г.).

Состояніе монашества.—Понятно, что при такихъ взглядахъ на христіанскую нравственность монашество должно было много выигрывать, по крайней мѣрѣ съ внѣшней своей стороны. Возникновеніе новыхъ обителей шло еще съ большею быстротою, чѣмъ прежде, такъ что съ половины XV до XVII вѣка насчитывается до 300 вновь устроенныхъ монастырей. Конецъ XV и начало XVI вѣка выставили двоихъ великихъ подвижниковъ, имѣвшихъ особенно важное значеніе въ исторіи русскаго монашества, устроителей и законоположниковъ главныхъ родовъ аскетической жизни,—скитскаго и общежительнаго; это были:

Преподобный Нилъ Сорскій и преподобный Іосифъ Волоцкій.—Первый (1433—1508 гг.) происходилъ изъ рода бояръ Майковыхъ, былъ постриженникомъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, извѣстнаго своимъ строгимъ уставомъ. Не удовлетворившись и этимъ уставомъ, онъ оставилъ Кирилловскую обитель и долго путешествовалъ по востоку для изученія высшаго монашескаго совершенства; по возвращеніи

въ Россію удалился на рѣку Сору и поставилъ здѣсь свою одинокую келью и часовню, около которыхъ скоро возникла цѣлая обитель съ новымъ еще въ Россіи скитскимъ направленіемъ, заимствованнымъ преподобнымъ Ниломъ съ Аѳона и составлявшимъ какъ бы средину между жизнію монаховъ общежительныхъ и жизнью одинокихъ отшельниковъ. Преподобный Нилъ заповѣдалъ братіи питаться только своими трудами, милостыню принимать лишь въ крайней нуждѣ, не заводить дорогихъ вещей даже въ церкви, женщинъ въ скитъ не пускать, монахамъ изъ него не выходить ни подъ какимъ предлогомъ; владѣніе вотчинами въ его скитѣ совершенно отрицалось, какъ въ Кирилловомъ монастырѣ при жизни преподобнаго Кирилла. Въ своихъ посланіяхъ и «Преданіи ученикамъ о жительствѣ скитскомъ» преподобный Нилъ является строгимъ аскетомъ созерцателемъ, глубокимъ знатокомъ духовной жизни. Тогда какъ всѣ монашескіе уставы занимались преимущественно опредѣленіями касательно монастырской дисциплины и внѣшности, аскетическія творенія Нила, касаясь очень мало внѣшняго поведенія иноковъ, развиваютъ самую сущность аскетизма, касаются преимущественно глубокихъ внутреннихъ явленій духовной жизни, разныхъ степеней «умнаго дѣланія». Жизнь его скита отличалась такою строгостію, что нашлось только 12 человѣкъ, которые были въ состояніи жить въ немъ. И послѣ кончины преподобнаго Нила его обитель оставалась представительницей самаго строгаго аскетизма. Въ 1569 году Грозный хотѣлъ выстроить въ ней каменную церковь вмѣсто деревянной; преподобный Нилъ явился ему во снѣ и запретилъ нарушать этимъ преданіе скитской нищеты.

Преподобный Іосифъ Волоцкій (1440—1515 гг.) отличался другимъ направленіемъ. По кончинѣ своего учителя Пафнутія (1477 г.) онъ вскорѣ удалился изъ Боровскаго монастыря, жизнь котораго не соотвѣтствовала его идеалу монашества, долго ходилъ по разнымъ другимъ монастырямъ, наконецъ въ 1479 году основалъ свой собственный Волоцкій монастырь и въ 37 лѣтъ своего игуменства устроилъ его, какъ желалъ, на началахъ самаго строгаго общежитія. Житія его изображаютъ его такимъ же святымъ подвижникомъ, какимъ былъ и преподобный Нилъ, но не созерцательнаго, а практическаго направленія. Это былъ сановитый игуменъ, видный по внѣшности, необыкновенно начитанный и краснорѣчивый, у котораго все писаніе

было «на краи языка», имѣвшій сильное вліяніе не только на своихъ монаховъ и простыхъ людей, но и на бояръ, и на самого державнаго, отличавшійся широкою общественною дѣятельностью. Свой уставъ онъ составлялъ, имѣя въ виду не умное дѣланіе и келейное пребываніе уже совершенныхъ иноковъ, для какихъ писалъ свое, «Преданіе», преподобный Нилъ, а большую общежительную обитель съ иноками всякаго рода, и потому развилъ въ немъ главнымъ образомъ правила внѣшней монастырской дисциплины и суровыхъ наказаній, которыми думалъ поддержать строгость иноческой жизни. Въ дополненіе къ этому уставу онъ составилъ «Сказаніе о святыхъ отцахъ монастырей русскихъ», гдѣ собралъ преданія о строгой жизни древнихъ монастырей и провелъ ту же мысль о необходимости для поддержанія монастырской жизни примѣненія къ ней самой строгой дисциплины. По своему практическому направленію онъ расходился съ преподобнымъ Ниломъ въ самомъ понятіи о значеніи монашества. Въ то время, какъ преподобный Нилъ смотрѣлъ на иноческую жизнь, какъ на жизнь, требующую полнаго отреченія отъ міра и отъ всякихъ житейскихъ занятій, въ томъ числѣ и церковно-административныхъ, преподобный Іосифъ напротивъ считалъ монашество совершеннѣйшимъ классомъ вѣрующихъ, которому слѣдуетъ стоять во главѣ всей церковной жизни, быть разсадникомъ церковныхъ властей, потому хотѣлъ сосредоточить въ монастыряхъ все церковное образованіе и лучшія духовныя силы церкви, а для этого требовалъ для монастырей и соотвѣтствующаго внѣшняго возвышенія, увеличенія ихъ богатствъ: «Безъ вотчинъ, говорилъ онъ, не будетъ въ монастыряхъ честныхъ старцевъ, а не будетъ честныхъ старцевъ, кого брать на епископіи и митрополію? ино и вѣрѣ будетъ поколебаніе». Ученики и почитатели Іосифа вскорѣ составили въ монашествѣ особую партію, такъ называемыхъ, Іосифлянъ и вступили съ почитателями Нила (преимущественно бѣлозерскими и вологодскими старцами изъ тамошнихъ небольшихъ и безвотчинныхъ монастырей) въ замѣчательную полемику, коснувшуюся, какъ увидимъ, нѣкоторыхъ самыхъ живыхъ вопросовъ того времени.

Другіе подвижники и обители XV—XVI вѣка.— Не смотря на то, что и правительство, и іерархія, и игумены монастырей постоянно жаловались на упадокъ монашеской жизни, и теперь еще много являлось истинныхъ подвиж-

никовъ, преимущественно въ сѣверномъ краѣ, гдѣ они продолжали свою нечеловѣческую борьбу съ дикой природой и съ суевѣріями дикихъ людей. Кромѣ упомянутыхъ нѣсколькихъ просвѣтителей русскаго сѣвера, своими высокими подвигами прославились въ это время: *Макарій Калязинскій* († 1483 г.), *Александръ Свирскій* († 1533 г.), *Корнилій Комельскій* († 1537 г.), *Даніилъ Переяславльскій* († 1540 г.), *Зосима* († 1478 г.), *Германъ* († 1484 г.) и *Филиппъ* (послѣ митрополитъ) соловецкіе, *Антоній Сійскій* († 1556 г.), *Нилъ Столобенскій* († 1554 г.), *Никандръ Псковскій* († 1581 г.) и др., всего до 50 великихъ подвижниковъ, которыхъ церковь чтитъ въ сонмѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Монастыри Пафнутіевъ, Кирилловъ, Іосифовъ, Соловецкій, Глушицкій, Свирскій, Сорскій, Калязинъ и многіе другіе имѣли крѣпкое житіе, дававшее благотворные примѣры христіанской жизни для русскаго общества. Кромѣ духовнаго вліянія на послѣднее, русскія обители продолжали удерживать за собою и свое прежнее значеніе благотворительное, колонизаціонное и хозяйственное. Онѣ распахивали новыя земли, осушали болота, расчищали лѣса, копали каналы, улучшали скотоводство, заводили у себя ярмарки, заводы и разныя мастерства. Настоятели, отличавшіеся хозяйственными талантами, пользовались въ монастыряхъ большимъ уваженіемъ. Напримѣръ Соловецкій монастырь сохранилъ благодарную память о святомъ Филиппѣ; во время своего игуменства онъ позаботился о сообщеніи острова Соловецкаго съ материкомъ чрезъ улучшенное судоходство, проложилъ дороги, распахалъ новыя земли, улучшилъ породы домашняго скота, поднялъ монастырскія соляныя варницы, рыбную ловлю, устроялъ кирпичные заводы и мельницы. Соловецкій лѣтописецъ съ удивленіемъ описываетъ сдѣланныя Филиппомъ водопроводныя машины, необыкновенную телѣгу,—сама насыплется рожью, сама привезется и высыплетъ рожь на сушило, сѣвальню съ 10 рѣшетами,—сѣетъ одинъ вмѣсто многихъ, мѣхи для вѣянія ржи и др. улучшенія. По прежнему множество людей привлекала на монастырскія земли монастырская благотворительность; монастырскія житницы въ голодные годы кормили цѣлыя сотни людей, напримѣръ, во время одного голода Іосифовъ монастырь ежедневно кормилъ до 700 нищихъ; при многихъ монастыряхъ устраивались богадѣльни и больницы. Особенно важны были заслуги монастырей общежительныхъ, отличавшихся луч-

шимъ хозяйственнымъ устройствомъ и дисциплинированностью монаховъ. Отъ того духовная власть, ревнуя о лучшей постановкѣ монашеской жизни, болѣе всего заботилась о заведеніи во всѣхъ монастыряхъ общежительныхъ порядковъ. Съ особеннымъ рвеніемъ вводилъ общежитіе въ монастыряхъ своей епархіи новгородскій владыка Макарій (съ 1528 г.); дѣло это онъ продолжалъ потомъ и на митрополіи. Стоглавый соборъ также требовалъ, чтобы монахи во всѣхъ монастыряхъ, не исключая и настоятелей, жили по общежительному уставу.

Распоряженія правительства о церковныхъ вотчинахъ.—Мы видѣли, что еще съ XIV вѣка поднялся вопросъ о церковныхъ вотчинахъ, но исключительно съ нравственной точки зрѣнія. Съ развитіемъ Московскаго государства этотъ вопросъ получаетъ государственный характеръ. Отъ быстраго возрастанія монастырскихъ вотчинъ у правительства стала уходить изъ рукъ земля, которая была нужна ему для раздачи служилымъ людямъ. Притомъ же на льготныя монастырскія земли уходило много крестьянъ съ земель служилыхъ людей, которые отъ этого бѣднѣли и затруднялись нести государеву службу. Высшее боярство, сила котораго основывалась главнымъ образомъ на вотчинномъ владѣніи, носившемъ еще слѣды удѣльнаго характера, и которое приписывало себѣ своего рода держаніе земли совмѣстно съ единымъ русскимъ самодержцемъ, было сильно встревожено, увидавъ передъ собой все болѣе и болѣе возраставшее значеніе новыхъ державцевъ земли—монаховъ, и всѣми силами принялось противодѣйствовать ихъ усиленію. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ со времени Іоанна III въ правительственныхъ сферахъ съ особенной энергіей стала развиваться мысль объ ограниченіи вотчинныхъ правъ духовенства.

На первый разъ при покореніи Новгорода, пользуясь правомъ завоевателя, великій князь роздалъ служилымъ людямъ нѣсколько владычныхъ и монастырскихъ земель Новгородской области. Митрополитъ Симонъ не усомнился благословить его на это. Но, когда, ободренный этою первою удачею, великій князь на соборѣ 1503 года предложилъ вопросъ объ отобраніи вотчинъ уже у всѣхъ вообще монастырей, тотъ же митрополитъ Симонъ и прочее духовенство, владѣвшее вотчинами, оказались совершенно другихъ мыслей. Послѣ долгаго спора

объ этомъ предметѣ соборъ отвѣчалъ великому князю, что церковь имѣетъ вотчины еще со временъ Владиміра и Ярослава. и самые цари ордынскіе, боясь Господа, щадили ея собственность, и что поэтому «святители и монастыри отдавать церковнаго стяжанія не благоволятъ». Великій князь отказался отъ своей мысли, но съ этого времени сталъ настаивать, чтобы знатные служилые роды не отказывали въ монастыри вотчинъ безъ особаго разрѣшенія государя; это ограниченіе вотчиннаго владѣнія монастырей поддерживалось и при великомъ князѣ Василіи. Въ малолѣтство Грознаго вышло новое, болѣе общее опредѣленіе, чтобы монастыри не пріобрѣтали себѣ вотчинъ безъ доклада государю уже никакимъ способомъ. Іоаннъ Грозный въ свое царствованіе тоже протягивалъ руку на церковныя вотчины, но духовенство противилось и ему. Стоглавый соборъ оградилъ неприкосновенность церковнаго стяжанія клятвою. Царю удалось настоять на соборѣ только на поддержаніи и нѣкоторомъ дополненіи прежнихъ мѣръ противъ увеличенія монастырскихъ вотчинъ; положено было: новыя вотчины владыкамъ и монастырямъ пріобрѣтать только съ согласія царя; пріобрѣтенныя во время малолѣтства царя и взятыя насильно и незаконно возвратить въ казну; во внутреннихъ областяхъ, около самой Москвы, селъ на поминъ души не отказывать монастырямъ вовсе (эти земли около Москвы правительство старалось раздавать служилымъ людямъ, чтобы всегда имѣть подъ рукою готовое войско). Въ 1573 году послѣдовало распоряженіе, чтобы изъ казны, съ согласія царя, вотчины были жалуемы впредь однѣмъ только бѣднымъ обителямъ. Въ 1580 году, по случаю сильнаго истощенія государства отъ войнъ, былъ опять созванъ соборъ о монастырскихъ вотчинахъ; на немъ положено: села, завѣщанныя монастырямъ на поминъ души, отдавать обратно родственникамъ завѣщателя съ тѣмъ, чтобы послѣдніе вознаграждали за нихъ монастыри деньгами; если же у завѣщателя вовсе нѣтъ родни, монастырямъ отдавать эти села на государя съ вознагражденіемъ за нихъ изъ казны. — Отобрать монастырскія вотчины оказалось такимъ образомъ невозможнымъ; при царѣ Ѳеодорѣ нашли другое средство удовлетворить требованію государственныхъ интересовъ; на соборѣ 1584 года положено было уничтожить льготы этихъ вотчинъ. Но и эта мѣра не состоялась, потому что и она оскорбляла могущественный духовный чинъ,—

льготы были уничтожены только на время, «покамѣста, сказано въ граматѣ собора, земля поустоится», и черезъ мѣсяцъ были возстановлены опять.

Недостатки монастырской жизни.—Владѣніе монастырей вотчинами возбуждало большія опасенія и съ нравственной стороны. Вотчинныя богатства постоянно выставлялись въ числѣ самыхъ главныхъ причинъ нравственныхъ недостатковъ монастырей. Монахи, говорилось въ царскихъ вопросахъ Стоглавому собору, постоянно тревожили правительство челобитьями о милостыняхъ и земляхъ; много земель монастыри отняли у боярскихъ дѣтей насильствомъ или неправильной припиской, подкупая писцовъ. Приказы были завалены монастырскими поземельными исками, между тѣмъ въ обителяхъ для братіи стало оскуднѣе прежняго и строеніе запустѣло, потому что власти, управляя монастырями безъ собора, тратили монастырское достояніе на себя, на свою родню и гостей, не знали ни общей трапезы, ни братства, себя богатили, а монастыри опустошали. Въ монастырскихъ вотчинахъ точно также управляли монастырскіе приказчики и посельскіе старцы, раззоряя бѣдныхъ крестьянъ. Казна монастырская отдавалась властями въ ростъ. Прежняя благотворительность иноковъ ослабѣла; монастыри не только нищихъ не кормили, но и своихъ крестьянъ не миловали. Стоглавъ опредѣлилъ, чтобы въ монастыряхъ все устроено было на началахъ строгаго общежитія, чтобы настоятели ничего не дѣлали по управленію безъ келаря, казначея и соборныхъ старцевъ, всѣ довольствовались общей братской пищей и одеждой, дѣтей и племянниковъ въ монастырѣ и по кельямъ не держали и въ вотчины не посылали, не посылали по селамъ въ посельскіе и самихъ черноцовъ, а только добрыхъ слугъ, да и сами по селамъ не ѣздили, а только по праздникамъ со святой водой и для важныхъ земскихъ дѣлъ, хлѣбъ же и деньги давали крестьянамъ безъ росту. Далѣе, соборъ сильно возсталъ противъ постояннаго прилива въ монастыри гостей-мірянъ, которые заводили по кельямъ пиры и пьянство и подолгу гостили въ монастыряхъ, на частые выходы изъ монастырей самихъ монаховъ, на ихъ невоздержную жизнь и проч.

Изъ распоряженій собора и изъ разныхъ современныхъ обличеній видно, что современные обрядовые взгляды на благочестіе не миновали и монашества: многіе постригались въ мо-

нахи не по призванію, а только по обычаю, по обрядовому взгляду на монашество, какъ на внѣшнее средство ко спасенію, а иные просто для покоя, избывая работъ, и по постриженіи спокойно оставались при всѣхъ своихъ мірскихъ привычкахъ. Особенно большимъ зломъ для монастырскаго общежитія были постригавшіеся волей или неволей бояре, которые и послѣ постриженія держали при себѣ въ монастыряхъ и за монастырями всякія яства, питія и холоповъ, заводили по кельямъ пиры, спаивали монаховъ и властвовали надъ игуменами. Но замѣчательно, что самъ Стоглавъ, запрещая держать въ монастыряхъ хмѣльное питье и частныя хозяйства, почелъ нужнымъ сдѣлать въ этомъ отношеніи исключеніе для нѣкоторыхъ знаменитыхъ монастырей, гдѣ много бывало богомольцевъ или гдѣ жили, постригшись, бояре и великіе люди. Небогатые постриженники, которые не могли попасть въ монастырь за неимѣніемъ вклада или за неимѣніемъ для нихъ мѣста, оставались жить въ мірскихъ домахъ и въ кельяхъ при церквахъ, или отправлялись на вольный просторъ лѣсныхъ пустынь сѣвера, гдѣ заводили для себя маленькіе монастырьки и скиты, а то такъ просто пускались въ бродяжничество по міру. Въ прицерковныхъ слободахъ по кельямъ живали иногда и монахи и монахини вмѣстѣ:—эти странныя монашескія общины, бывшія и въ прежнее время, назывались общими монастырями. Стоглавъ опредѣлилъ, чтобы монахи не скитались по городамъ и пустынямъ, имѣвшіе священный санъ не служили при мірскихъ церквахъ, иноки и инокини вмѣстѣ не жили, скитниковъ положилъ разводить по общежительнымъ монастырямъ, безвкладныхъ, которыхъ въ монастыри не принимали, устраивать вкладами изъ царской или святительской казны. Въ одномъ посланіи въ Кирилловъ монастырь, написанномъ уже долго спустя послѣ Стоглава, царь Іоаннъ Грозный рѣзко обличалъ монаховъ за послабленіе устава въ угоду постригшимся боярамъ Хабарову и Шереметеву и горячо выставлялъ на видъ противорѣчіе между монастырской обрядностью, четками, рясами, постами и пр. и духомъ истиннаго иночества. Число непризванныхъ монаховъ увеличивалось наконецъ еще вдовыми попами и дьяконами, которые постригались по необходимости; изъ нихъ многіе продолжали служить при мірскихъ церквахъ, какъ приходскіе священнослужители.

Стоглавый соборъ обратилъ вниманіе и на злоупотребленія подвигомъ юродства, которымъ стали промышлять разные обманщики, ходившіе по городамъ и селамъ, растрепавъ власы, босые, нагіе или въ лохмотьяхъ, выкликая разныя пророчества и видѣнія, и запретилъ всѣмъ слушать и принимать такихъ людей. Но между этими подвижниками было еще довольно и истинныхъ угодниковъ Божіихъ. Они пользовались необыкновеннымъ благоговѣніемъ въ обществѣ. Ихъ вездѣ считали за благодатныхъ гостей: купцы радовались, когда блаженный бралъ у нихъ что-нибудь изъ товара; гордые бояре смиренно выслушивали ихъ обличенія. Царь Грозный шелъ погромить Псковъ,—но вотъ изъ среды псковскихъ гражданъ, встрѣчавшихъ царя съ хлѣбомъ и солью, выступаетъ передъ нимъ блаженный *Никола Салосъ* († 1576 г.) съ кускомъ сыраго мяса и съ тяжкимъ обличеніемъ въ кровожадности,—и царь, убившій за обличенія самого митрополита, покорно выслушиваетъ грубое слово юродиваго и щадитъ опальный городъ. Въ 1552 году царь своими руками несъ до могилы тѣло московскаго юродиваго *Василія Блаженнаго*. Кромѣ Василія, извѣстенъ еще московскій юродивый *Іоаннъ Большой Колпакъ*, обличитель Годунова († 1589 г.).

ГЛАВА IV.

Ученіе и духовное просвѣщеніе.

Печальное состояніе просвѣщенія въ XVI вѣкѣ.— Въ числѣ разныхъ обличеній этого обильнаго обличеніями времени видное мѣсто занимали еще обличенія противъ современнаго религіознаго невѣжества. Уровень религіознаго образованія въ обществѣ стоялъ дѣйствительно очень низко. Всюду, не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ классахъ и въ княжеской семьѣ господствовали многочисленныя суевѣрія. Супруга великаго князя Василія Іоанновича, несчастная Соломонія, думала чрезъ знахарей избавиться отъ неплодія. Самъ Василій, женившись на Еленѣ Глинской, призывалъ къ себѣ вѣдуновъ, чтобы они своими чарами помогли ему произвести

потомство. Грозный тоже совѣтовался съ волхвами. Народъ прибѣгалъ къ вѣдунамъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенныя человѣческія средства казались недостаточными. Народная медицина вся состояла изъ заговоровъ и кудесническихъ средствъ. Народныя и разныя частныя бѣдствія, неудачи, семейные разлады и проч. постоянно приписывались вѣдовству, и средствомъ къ устраненію ихъ было тоже вѣдовство. Духъ кудесничества проникалъ въ самое христіанство народа. Заговоры получали христіанскую форму, замѣнивъ въ своихъ воззваніяхъ имена миѳическихъ силъ именами святыхъ; съ другой стороны нѣкоторыя христіанскія молитвы превращались въ заговоры чрезъ сообщеніе имъ въ народномъ сознаніи кудесницкой силы; списки ихъ носили на шеѣ, хранили въ домахъ, какъ талисманы, употребляли въ колдовствѣ. Кудесничество пользовалось для своихъ цѣлей даже священными предметами; напримѣръ, просвирни наговаривали надъ просфорами, «якоже арбуи въ Чуди», по замѣчанію Стоглава; священники клали подъ престолъ четверговую соль, потомъ продавали ее на врачеваніе людямъ и скотамъ, продавали мыло отъ освященія церкви, клали на 6 недѣль въ церкви на престолъ дѣтскій послѣдъ. Ходили по рукамъ разныя гадальныя тетради—Рафли, Аристотелевы врата, Шестокрылъ. Въ XVI вѣкѣ съ запада перешли къ намъ еще астрологическія суевѣрія и гаданія, помѣщавшіяся въ Остронумѣяхъ, Зодѣяхъ, Альманахахъ. Списокъ отреченныхъ книгъ, которыми питалась любознательность грамотниковъ, еще болѣе увеличился въ своемъ объемѣ. Къ болгарскимъ, греческимъ и доморощенымъ апокрифамъ присоединились еще апокрифическія сочиненія запада. Въ XVI вѣкѣ переведенъ съ латинскаго или нѣмецкаго языка «Луцидаріусъ», заключавшій въ себѣ цѣлую энциклопедію своеобразныхъ свѣдѣній о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, животныхъ, народахъ, странахъ и проч., въ которую вошли разнородные матеріалы изъ средневѣковыхъ бестіаріевъ, гадальныхъ книгъ и народныхъ преданій. Запрещенія отреченныхъ книгъ (въ Просвѣтителѣ, Домостроѣ, Стоглавникѣ) дѣйствовали плохо. Даже лучшіе пастыри церкви не всегда могли отличить истинную книгу отъ ложной. Апокрифическія сказанія и ссылки на нихъ встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ митрополита Даніила, въ сборникахъ митрополита Макарія, въ опредѣленіяхъ Стоглава, даже у Максима Грека. Князь Курбскій рѣзко замѣчаетъ объ учите-

ляхъ своего времени, что они занимались не столько истинными писаніями, сколько бабьими бреднями и болгарскими баснями.

Недостатокъ школъ и другихъ просвѣтительныхъ средствъ.—Когда почувствовалась нужда всякаго рода исправленій, оказалось, что общество не имѣло и средствъ выйти изъ своего тяжелаго положенія. Школы закрылись даже въ Новгородскомъ краѣ, сравнительно болѣе образованномъ. Владыка Геннадій писалъ митрополиту Симону горькую жалобу на невѣжество духовенства своей епархіи: «Приводятъ ко мнѣ мужика въ попы ставить. Я велю ему читать Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему Псалтырь, а онъ и по той едва бредетъ. Откажу ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ;... пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не умѣетъ; ты говоришь ему то, а онъ—другое. Приказываю учить азбуку, и они, немного поучившись, просятся прочь... Мужики невѣжки учатъ робятъ грамотѣ и только рѣчь имъ портятъ; а за ученіе вечернѣ принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже и больше, за часы особо; а отъ мастера отойдетъ,—ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ». Владыка просилъ завести повсюду школы, въ которыхъ учили бы грамотѣ и Псалтири. Ограниченность этой программы хорошо показываетъ, до чего дошла необразованность духовенства. Церковная проповѣдь замолкла повсюду и была, разумѣется, только отчасти, замѣняема учительными посланіями лучшихъ церковныхъ дѣятелей (митрополитовъ Іоны, Ѳеодосія, Филиппа, архіепископа Вассіана и др.) о разныхъ предметахъ. Въ церквахъ читались только готовыя поученія изъ Пролога, Толковаго Евангелія, Златоустника и проч. Вмѣсто живыхъ поученій, которыхъ не умѣли составлять, явились формы поученій на разные случаи, напримѣръ: Поученіе князем, егда пойдутъ на войну, Поученіе отъ митрополита къ князю цареву, Посланіе о утѣшеніи женѣ о мужѣ умершемъ и т. д. Эти образцовыя поученія заимствовались у прежнихъ проповѣдниковъ, напримѣръ у митрополита Фотія.—Изъ другихъ произведеній литературы до XVI вѣка обращаютъ на себя вниманіе только нѣкоторыя житія.

Ересь жидовствующихъ.—Первымъ возбудительнымъ толчкомъ, послѣ котораго началось просвѣтительное движеніе въ

церкви, была ересь жидовствующихъ, распространившаяся въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ. Ее принесъ сюда изъ Литвы *Схарія*, ученый Еврей, знакомый съ астрологіей и каббалистикой. Ученіе ея состояло въ отрицаніи догматовъ о Троицѣ, о Божествѣ Іисуса Христа и искупленіи, въ предпочтеніи Ветхаго Завѣта Новому, въ отрицаніи соборовъ и писаній отеческихъ, въ отверженіи почитанія святыхъ мощей и иконъ, всей вообще обрядности и таинствъ и въ отрицаніи монашества, какъ образа жизни противнаго природѣ. Къ этой смѣси жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ примѣшивались еще разныя отрицательныя мнѣнія практическаго характера, которыя привлекали къ ней особенно много горячихъ и недовольныхъ людей: къ кружку еретиковъ примыкали и лица бѣлаго духовенства, недовольныя владыками. и безвотчинный монахъ, негодовавшій на богатыхъ монаховъ вотчинниковъ, и бояринъ, недовольный великимъ княземъ, и разные люди, которымъ что-нибудь непремѣнно надобно было обличать и исправлять. Въ Новгородѣ ересь нашла себѣ хорошую почву, подготовленную еще стригольниками. Первыми прозелитами Схаріи были священники *Діонисій* и *Алексѣй*, софійскій протопопъ *Гавріилъ* и самые образованные изъ горожанъ. Еретики отличались наружнымъ благочестіемъ, ученостью, имѣли много книгъ, какихъ не было у православныхъ, и легко увлекали послѣднихъ искусными спорами. Изъ Новгорода ересь перекинулась на Бѣлоозеро и въ вологодскіе лѣса, гдѣ нашла себѣ хорошій пріютъ въ тамошнихъ бѣдныхъ скитахъ и монастырькахъ; потомъ перенесена была въ Москву. Въ 1480 году Новгородъ посѣтилъ великій князь; попы Діонисій и Алексѣй такъ ему понравились, что онъ взялъ ихъ съ собой въ Москву и сдѣлалъ одного архангельскимъ священникомъ, другого успенскимъ протопопомъ. Въ Москвѣ вольныя мнѣнія еретиковъ, особенно противъ монастырскихъ вотчинъ, пришлись по душѣ многимъ изъ высшаго боярства. Другихъ увлекали таинственныя астрологическія, каббалистическія и под. знанія, которыми хвалилась ересь. Вскорѣ она пріобрѣла себѣ вліятельныхъ покровителей даже при дворѣ и въ администраціи, къ числу которыхъ относились невѣстка великаго князя *Елена* супруга сына его *Іоанна Молодого* наслѣдника престола, дьякъ *Ѳедоръ Курицынъ* съ братомъ *Иваномъ Волкомъ* и нѣсколько членовъ боярскихъ фамилій.

Борьба съ ересью архіепископа Геннадія и преподобнаго Іосифа Волоцкаго.—Первый обратилъ вни-

маніе на ересь владыка Геннадій, узнавши объ ней отъ какихъ-то принадлежавшихъ къ ней пьяныхъ поповъ. Онъ тотчасъ же пустилъ дѣло въ розыскъ, успѣлъ захватить нѣсколько еретиковъ, ихъ книги и тетради и обо всемъ донесъ въ Москву. Но здѣсь на его донесеніе не обратили надлежащаго вниманія: митрополитъ Геронтій былъ человѣкъ престарѣлый, находился съ Геннадіемъ не въ ладахъ, былъ, кромѣ того, въ немилости у великаго князя и потому не принялъ никакихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что еретиковъ поддерживала сильная придворная партія. А по смерти Геронтія (1489 г.) еретики успѣли возвести на митрополію одного изъ снисходительныхъ къ нимъ духовныхъ лицъ, монаха либерала и гуляку, симоновскаго архимандрита *Зосиму*. Геннадій все-таки не переставалъ убѣждать великаго князя принять участіе въ дѣлѣ, указывая ему между прочимъ даже на примѣръ короля испанскаго, который всю свою землю отъ еретиковъ очистилъ. Посланіями къ великому князю, къ митрополиту и архіереямъ ему удалось сообщить этому дѣлу такую гласность, что Зосима долженъ былъ наконецъ (въ 1490 г.) созвать соборъ, который и предалъ еретиковъ проклятію. Нѣколько человѣкъ были сосланы въ ссылку, а нѣкоторые (изъ новогородскихъ бѣглецовъ) отосланы къ Геннадію. Владыка предалъ ихъ публичному позору,—велѣлъ возить по улицамъ Новгорода на клячахъ, лицомъ къ хвосту, въ вывороченномъ платьѣ, въ берестовыхъ шлемахъ и соломенныхъ вѣнцахъ, съ надписями: «Се есть сатанино воинство!» а въ заключеніе шлемы на нихъ зажечь.

Но позоромъ ересь не была ослаблена; скоро она нашла случай даже къ новому торжеству. Прошелъ 1492 годъ, которымъ оканчивалась седьмая тысяча лѣтъ и который народъ проводилъ въ страшной тревогѣ отъ ожиданія кончины міра. Еретики стали смѣяться надъ православными и ругаться надъ ихъ книгами, на которыхъ были основаны ожиданія кончины, надъ воскресеніемъ мертвыхъ и надъ самимъ Христомъ, отъ чего-де Онъ не явился судить живыхъ и мертвыхъ. Геннадій усилилъ свою дѣятельность; онъ продолжилъ пасхалію на 70 лѣтъ осьмой тысячи. Послѣ (въ 1539 году) она была еще продолжена на всю 8-ю тысячу новогородскимъ священникомъ *Агавономъ*. Вмѣстѣ съ Геннадіемъ энергично дѣйствовалъ Іосифъ Волоцкій, разсылая противъ ереси свои посланія къ русскимъ епископамъ, къ великому князю и духовнику его, андрониковскому архимандриту *Митрофану*. Митрополита Зосиму онъ прямо обвинялъ въ еретичествѣ и на-

стаивалъ на его сверженіи. Въ 1494 году Зосима дѣйствительно долженъ былъ оставить митрополію, по выраженію лѣтописей, «не своею волею», за пьянство и нерадѣніе о церкви, и отошелъ на покой въ монастырь. Но у еретиковъ оставались еще сильные покровители при дворѣ, Курицынъ и Елена, сынъ которой *Димитрій* по смерти Іоанна Молодого († 1490), вслѣдствіе размолвки великаго князя съ своей супругой Софіей, былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, помимо сына великаго князя отъ Софіи *Василія*. Дѣйствуя противъ ереси, Геннадій и Іосифъ естественно должны были стать на сторонѣ придворной партіи, противной Еленѣ и Димитрію, партіи Софіи и Василія. Въ 1502 году эта партія осилила первую; великій князь возложилъ опалу на внука и приблизилъ къ себѣ сына. Съ этого же времени начинается и паденіе ереси. Получивъ доступъ ко двору, Іосифъ настойчиво уговаривалъ великаго князя предать еретиковъ градскимъ казнямъ. Великій князь долго не соглашался, потому что касательно этого предмета возникъ споръ между самимъ духовенствомъ. Строгій Іосифъ доказывалъ, что не слѣдуетъ щадить даже кающихся еретиковъ, такъ какъ ихъ вынужденное раскаяніе ложно, что и послѣ раскаянія ихъ слѣдуетъ неисходно держать въ темницахъ, дабы не прельщали другихъ, и не давать имъ причастія до смерти, какъ отступникамъ отъ вѣры. Но противъ такого мнѣнія возстали бѣлозерскіе старцы, которые доказывали напротивъ, что кающихся еретиковъ должно немедленно принимать въ церковь и удостоивать причащенія, и совершенно отрицали смертныя казни за ересь. Между тѣмъ Геннадій лишенъ былъ каѳедры, вѣроятно не безъ содѣйствія еретиковъ. Наконецъ уже въ 1504 году мнѣніе Іосифа восторжествовало; еретики были осуждены на соборѣ; главныхъ изъ нихъ сожгли, другихъ разослали по монастырямъ.

Просвѣтительная дѣятельность святителя Геннадія и преподобнаго Іосифа.—Борьба съ еретиками явила людей искусныхъ въ вѣрѣ, возбудила сильную нужду въ просвѣщеніи и подняла разные вопросы о современныхъ нестроеніяхъ въ церкви. Геннадій первый заговорилъ о заведеніи школъ, потому что, отыскивая помощниковъ для борьбы съ ересью, не нашелъ въ своемъ духовенствѣ ниодного образованнаго человѣка, кромѣ Іосифа; всю эту борьбу они и должны были поэтому выносить только вдвоемъ. Заслуги Геннадія состояли въ первоначальномъ обличеніи ереси посланіями, въ разсчисленіи пасхаліи и въ трудахъ

по переводу и собиранію книгъ Священнаго Писанія. До его времени у насъ не было даже полной Библіи; Священное Писаніе было распространено только въ отдѣльныхъ книгахъ, и то весьма мало. Даже въ софійской библіотекѣ, одной изъ самыхъ богатыхъ, не нашлось книгъ Бытія, Царствъ, Пророковъ, Притчей и Іисуса сына Сирахова; Геннадій долженъ былъ посылать за ними въ монастыри Кирилловъ, Ѳерапонтовъ и Каменный. Еретики искажали псалмы, а у православныхъ не оказывалось ни одного надежнаго списка Псалтири, не смотря на всю важность этой книги въ богослуженіи и въ старинномъ обученіи. Геннадій первый озаботился составленіемъ полнаго списка Библіи (написанъ въ 1499 году), но всѣхъ книгъ ея такъ и не могъ собрать и вынужденъ былъ пополнять свой списокъ извлеченіями текстовъ изъ разныхъ толкованій священныхъ книгъ и переводами съ Вульгаты. Съ Вульгаты переведены были: Паралипоменонъ, Ездра, Неемія, Товитъ, Іудиѳь, книга Премудрости Соломона, 1 и 2 книги Маккавейскія (3 книга вовсе не была переведена), до 30 главъ пророка Іереміи и часть книги Есѳирь; изъ нея же и изъ нѣмецкой Библіи взяты предисловія къ книгамъ и раздѣленія на главы.

Важнѣйшіе просвѣтительные труды Іосифа тоже вызваны были ересью. Онъ, какъ и Геннадій, много занимался собираніемъ и перепиской книгъ и положилъ основаніе обширной волоколамской библіотекѣ. Противъ жидовствующихъ онъ написалъ капитальное богословское сочиненіе, подобнаго которому не бывало еще въ Россіи, извѣстное подъ именемъ «Просвѣтителя». Такъ какъ еретики задѣвали почти всѣ важнѣйшіе догматы православія, то Просвѣтитель представляетъ собою почти полное изложеніе истинъ православной вѣры, первое русское богословіе, въ которомъ сведены были догматическія свидѣтельства всѣхъ извѣстныхъ тогда на Руси отцевъ церкви. Изъ практическихъ вопросовъ, поднятыхъ ересью, Іосифъ особенно занялся вопросомъ о монашествѣ. Уставъ или духовная грамата Іосифа, его «Сказаніе о святыхъ отцахъ монастырей русскихъ», 11-е слово Просвѣтителя и нѣкоторыя посланія были прямо направлены къ тому, чтобы съ одной стороны защитить монашество отъ еретиковъ, а съ другой подробными правилами и указаніемъ примѣровъ поднять подвергшуюся нареканіямъ монастырскую нравственность. Далѣе, такъ какъ вопросъ о монастырской нравственности давно уже соединялся съ вопросомъ о монастырскихъ вотчинахъ, то Іосифу при-

шлось заняться и этимъ вопросомъ, писать въ защиту монастырскихъ вотчинъ. Кромѣ еретиковъ, противъ владѣнія монастырей вотчинами, какъ мы видѣли, былъ преподобный Нилъ съ послѣдователями. Защищая монастырскую собственность противъ еретиковъ, Іосифъ долженъ былъ возстать и противъ мнѣнія преподобнаго Нила. На соборѣ 1503 года онъ одержалъ верхъ, но споръ о монастырскихъ вотчинахъ не кончился ни тогда, ни послѣ смерти преподобнаго Нила.

Возбужденные ересью вопросы и споръ о нихъ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ.—Самымъ горячимъ противникомъ іосифлянъ явился князь-инокъ *Вассіанъ Косой*, въ міру кн. *Василій Патрикѣевъ*, бывшій однимъ изъ вожаковъ боярской партіи приверженцевъ Елены и Димитрія и постриженный насильно во время придворнаго переворота въ пользу Софьи и Василія. Сосланный на Бѣлоозеро и будучи естественнымъ врагомъ іосифлянъ по своимъ боярскимъ счетамъ и тенденціямъ, онъ тѣсно примкнулъ здѣсь къ партіи бѣлозерскихъ старцевъ и съ гордостью сталъ выдавать себя за ученика пр. Нила, на котораго впрочемъ нимало не походилъ. По характеру онъ остался тѣмъ же высокоумнымъ, заносчивымъ бояриномъ, «говорить гораздымъ», какимъ былъ и до пострижения. Прежде онъ высокоумничалъ относительно политическихъ вопросовъ, теперь перенесъ свое высокоумничанье на церковную жизнь, въ которой тоже находилъ все не по себѣ. Полемика противъ монастырскихъ вотчинъ какъ разъ подходила къ его боярской точкѣ зрѣнія на вотчинное владѣніе, а среди бѣлозерскихъ старцевъ онъ могъ найти, сколько угодно, матеріаловъ для своей охоты горячиться и резонировать по этому вопросу. Онъ написалъ противъ Іосифа три сочиненія: «Слово объ иноческомъ житіи» съ предисловіемъ, «Собраніе на Іосифа отъ главъ Никона Черногорца» и «Собраніе отъ разныхъ книгъ» въ формѣ діалога съ Іосифомъ, въ которыхъ постарался выставить въ самыхъ яркихъ чертахъ всѣ язвы современнаго монашества, происходившія отъ вотчиннаго владѣнія,—роскошь, тяжбы по судамъ, попрошайство, угодничество предъ сильными, притѣсненіе монастырскихъ крестьянъ оброками, лихвой и истязаніями за долги и недоимки. Самого Іосифа онъ называлъ здѣсь учителемъ беззаконія, законопреступникомъ, даже антихристомъ. Мысли свои о монастырскихъ вотчинахъ онъ постарался провести еще въ составленномъ имъ, по порученію м. Варлаама,

спискѣ Кормчей (1517 г.). Онъ выкинулъ изъ этого списка всѣ мѣста въ пользу монастырскихъ вотчинъ и внесъ новыя статьи въ подтвержденіе своего взгляда на дѣло, наприм. свидѣтельство Максима о томъ, что аѳонскіе монастыри вовсе не имѣютъ у себя мірскихъ слугъ, затѣмъ переведенныя Максимомъ новыя толкованія (Вальсамона) нѣкоторыхъ правилъ и собственную статью «Собраніе нѣкоего старца на воспоминаніе своего обѣщанія», въ которой несправедливо доказывалъ, что древніе иноки никогда не имѣли селъ и что въ правилахъ, гдѣ говорится о селахъ (т. е. имѣніяхъ населенныхъ), по греческому тексту разумѣются имѣнія только ненаселенныя.

Вассіану приписывается еще одно замѣчательное сочиненіе XVI в. противъ монастырскихъ вотчинъ, написанное кѣмъ-нибудь изъ представителей боярской партіи и содержащее въ себѣ апокрифическую бесѣду Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ о нестроеніяхъ послѣдняго времени. Это самый задорный памфлетъ противъ духовныхъ властей и монаховъ вотчинниковъ, изображающій страданія, поты и слезы ихъ крестьянъ, и ихъ собственное жестокосердіе, попрошайство, изнѣженность, лѣность и роскошь. Въ раздачѣ монастырямъ вотчинъ авторъ видитъ простоту и малосмысліе царей, которымъ Господь повелѣлъ раздѣлять свою власть надъ землею съ своими пріятелями—князьями и боярами, а не съ непогребенными мертвецами—монахами, видитъ даже ересь новую и признакъ близкой кончины міра. Въ царствованіе Грознаго тѣже мысли о церковныхъ вотчинахъ развивалъ еще другой представитель боярскихъ идей, кн. Курбскій въ своей исторіи Іоанна, гдѣ онъ постоянно расхваливаетъ заволжскихъ нестяжателей и бранитъ «прегордыхъ и прелютыхъ» іосифлянъ, соперничавшихъ съ боярами и во владѣніи землей, и во вліяніи на государственныя дѣла.

Кромѣ вопроса о монастырскихъ вотчинахъ, обѣ монашескія партіи сталкивались и по другимъ современнымъ вопросамъ. Полемика между ними коснулась еще вопросовъ о вдовыхъ попахъ, при чемъ Іосифъ настаивалъ на отлученіи ихъ отъ службы, а Вассіанъ доказывалъ противное, и о казни еретиковъ. Около 1511 года явилось посланіе отъ имени бѣлозерскихъ старцевъ, въ которомъ заключалось колкое опроверженіе Іосифова мнѣнія о казни еретиковъ. Думаютъ, что и оно написано было Вассіаномъ, который всегда былъ заступникомъ за еретиковъ и самъ не былъ чуждъ ихъ вольномыслія. Посланіе приводитъ разныя

примѣры милосердія изъ св. Писанія: на положеніе Іосифа, что убить еретика руками или умертвить, какъ апостолъ Симона волхва, молитвою,—все равно, посланіе отвѣчаетъ: «и ты, господине Іосифе, сотвори молитву, чтобы еретиковъ пожрала земля... Проразумѣй же, яко много розни промежъ Моусея и Иліи и и Петра и Павла, да и тебя отъ нихъ». Несогласія между обѣми партіями дошли до того, что предъ своею кончиною (1515 г.) Іосифъ заповѣдалъ своей братіи не имѣть никакого общенія съ учениками Нила и Вассіана; Вассіанъ съ своей стороны говорилъ, что іосифлянъ онъ и въ келью къ себѣ не пускаетъ и никакого общенія имѣть съ ними не желаетъ. Явилось особое посланіе, неизвѣстно чье и къ кому, которое излагаетъ причины «нелюбки» между обѣими партіями и поучительно заключаетъ: «Всѣмъ страстямъ мати — мнѣніе, мнѣніе — второе паденіе».

Отношеніе къ спору іосифлянъ съ бѣлозерцами митрополита Даніила.—По смерти Іосифа лучшимъ представителемъ іосифлянъ остался бывшій ученикъ и преемникъ Іосифа по игуменству, митрополитъ Даніилъ, такой же начитанный, какъ тотъ, краснорѣчивый проповѣдникъ и плодовитый писатель, оставившій послѣ себя до 35 словъ и посланій. Большая часть ихъ вошла въ составъ двухъ сборниковъ, изъ которыхъ одинъ содержитъ 16 словъ противъ современнаго вольнодумства и нравственныхъ нестроеній общества, другой—12 посланій къ разнымъ лицамъ и монастырямъ нравоучительнаго содержанія. Всѣ эти сочиненія, особенно слова, представляютъ собою обширные своды выписокъ изъ разныхъ «божественныхъ писаній». Самостоятельная работа автора проявляется только въ небольшихъ сравнительно вступленіяхъ къ словамъ и въ заключеніяхъ. Не смотря впрочемъ на эту сравнительно небольшую ихъ величину и на страсть автора къ риторству, которую Даніилъ раздѣлялъ со всѣми современными писателями, эти самостоятельныя мѣста его словъ и посланій представляютъ собою замѣчательно полную картину современныхъ ему нравовъ, цѣлый рядъ выразительныхъ обличеній противъ тогдашняго шатанія умовъ и господствовавшихъ пороковъ во всѣхъ классахъ общества. О богословской его начитанности, хотя и не отличавшейся особенной критикой, его ученый современникъ Максимъ сдѣлалъ самый лестный отзывъ, назвавъ его въ одномъ посланіи къ Николаю

Нѣмчину «докторомъ закона Христова». Но ревность его за торжество іосифлянскихъ идей довела его до того, что во время своего митрополичьяго служенія онъ явился гонителемъ самого Максима.

Максимъ Грекъ и его просвѣтительная дѣятельность.—Пріѣздъ въ Россію Максима Грека сообщилъ современнымъ спорамъ и просвѣтительному движенію въ русскомъ обществѣ еще большее оживленіе. Прежде всего онъ занялся переводами,—перевелъ съ греческаго толковую Псалтирь—сводное толкованіе разныхъ отцевъ церкви, потомъ переводилъ толкованіе на книгу Дѣяній, бесѣды Златоуста на Евангелія Матѳея и Іоанна, житіе Богородицы изъ Метафраста, выписки изъ пророковъ съ толкованіями, нѣсколько главъ 2-й книги Ездры, Даніила и Есѳири. Кромѣ переводовъ, онъ писалъ еще толкованія на разные тексты священнаго Писанія, о смыслѣ которыхъ его спрашивали. Такая исключительно ученая дѣятельность его продолжалась впрочемъ не долго. Сдѣлавшись авторитетомъ современнаго общества, онъ невольно долженъ былъ прислушиваться ко всему, что около него дѣлалось, и на все отзываться живымъ словомъ.

Остатки ереси жидовствующихъ вызвали съ его стороны нѣсколько полемическихъ сочиненій противъ іудейства. Частыя сношенія Россіи съ Армянами по торговлѣ заставили его написать слово «на армянское зловѣріе». Въ своемъ «Словѣ на агарянскую прелесть и сквернаго пса Моамеѳа» и въ «Отвѣтахъ противъ Агарянъ» онъ далъ образцы противомухаммеданской полемики, написанные въ крайне раздражительномъ духѣ, явно подъ живыми впечатлѣніями страданій его родины отъ турецкаго деспотизма. Есть у него также сочиненіе «на люторы», въ которомъ онъ защищаетъ догматъ иконопочитанія. Но главное мѣсто между его полемическими сочиненіями занимаютъ слова противъ латинянъ, имѣвшія тогда особенно важное значеніе для русскаго общества, такъ какъ со времени Іоанна III начались живыя сношенія Россіи съ западомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ особенною силою стали дѣйствовать на нее соблазны латинской пропаганды. Въ 1519 году папа Левъ X завелъ съ великимъ княземъ Василіемъ переговоры объ уніи чрезъ своего агента *Николая Шомберга*, имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ въ Москвѣ въ кругу бояръ. Кромѣ него, въ пользу уніи съ Римомъ дѣйствовалъ тогда еще врачъ *Николай Булевъ* или *Люевъ*, извѣстный подъ именемъ Ни-

колая Нѣмчина; онъ между прочимъ училъ Русскихъ астрологіи.— Въ своихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ Максимъ имѣлъ въ виду преимущественно Николая Нѣмчина. Противъ римской церкви онъ возставалъ съ такою же горячностью, какъ и всѣ его предшественники по полемикѣ съ латинствомъ, подводя латинянъ подъ анаѳему, какъ еретиковъ, нарушителей апостольскихъ и отеческихъ постановленій и даже какъ безбожниковъ.

Въ религіозной жизни самихъ Русскихъ Максимъ выступилъ на борьбу противъ множества суевѣрій и апокрифовъ. Сюда относятся: его посланіе о постѣ въ понедѣльникъ, разборъ сказанія объ Іудѣ, обличеніе на сказаніе Аѳродитіана Перса о рождествѣ Христовомъ, противъ глаголющихъ—«Христа во священство поставили», къ глаголющимъ, «яко всю свѣтлую седмицу солнце не зайде», противъ вѣры, что «погребенія ради убитаго и утопленнаго бываютъ стужи», о рукописаніи, которое будто бы Адамъ далъ дьяволу. Максимъ разобралъ такъ же Луцидаріусъ и рѣшилъ, что это не Луцидарій, а Тенебрарій, котораго нужно избѣгать, какъ гангрены. Его сильно возмущало распространеніе въ Россіи знакомыхъ ему еще по Италіи астрологическихъ суевѣрій. Въ полемикѣ противъ астрологіи онъ преимущественно опровергалъ Николая Нѣмчина, который увлекъ ею дьяка великаго князя *Мисюря Мунехина*, боярина *Карпова* и еще какого то игумена. Въ астрологическихъ бредняхъ Николая Нѣмчина нашло себѣ отголосокъ знакомое намъ ожиданіе скорой кончины міра, не пропавшее и послѣ 1492 года. Распространилось мнѣніе, которое высказывается въ лѣтописяхъ и въ посланіяхъ псковскаго елеазаровскаго монаха *Филовея* къ великому князю Василію и дьяку Мунехину, что Москва есть послѣднее апокалипсическое царство, третій Римъ, а четвертому уже не быть. Николай Нѣмчинъ писалъ Мунехину, что въ 1524 году будетъ странамъ и царствамъ, обычаямъ и достоинствамъ, скотамъ, бѣлугамъ морскимъ и всѣмъ земноднымъ несумнѣнное премѣненіе. Въ своихъ сочиненіяхъ о звѣздочетной прелести Максимъ излагалъ исторію астрологіи, описывалъ увлеченіе ею въ Италіи, разсказывалъ случаи, гдѣ ея предсказанія оказались ложными, и противополагалъ ей православное ученіе о промыслѣ Божіемъ и о свободѣ человѣка.—Въ разныхъ сочиненіяхъ онъ обличалъ и другія суевѣрія, вѣру во встрѣчи, колдовство и т. п., указывалъ и средство освободиться отъ нихъ,—образованіе чрезъ сближеніе съ просвѣщенными народами запада; но при этомъ предостере-

галъ русскихъ людей отъ схоластической философіи и отъ тогдашняго крайняго увлеченія запада классическою мудростью. На науку онъ смотрѣлъ исключительно съ религіозной точки зрѣнія, какъ на служительницу вѣры, и въ образецъ научныхъ изслѣдованій ставилъ творенія Іоанна Дамаскина.

Во многихъ сочиненіяхъ Максимъ касался нравственныхъ нестроеній русскаго общества. Онъ обличалъ современныя ему распри, неправый судъ, притѣсненія сильными слабыхъ, пьянство, развратъ и проч. Будучи пораженъ противорѣчіемъ между внѣшнею набожностію и нравственной жизнью русскаго народа, онъ выставлялъ эту черту общественной религіозности съ особенною рѣзкостью, напримѣръ въ «Сказаніи живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами молящимся по вся дни, чающимъ спасеніе получити», и въ «Словесахъ отъ лица Пресвятыя Богородицы къ лихоимцамъ и сквернымъ и всякія злобы исполненнымъ, а каноны всякими различными пѣсньми угождати чающимъ», обличалъ тѣхъ, которые не ѣли мяса въ понедѣльникъ, а по цѣлымъ днямъ пьянствовали, соблюдали посты—и терзали бѣдныхъ подручниковъ. Замѣчательно его слово по поводу большого пожара въ Твери «о томъ, какія рѣчи реклъ бы къ Содѣтелю всѣхъ епископъ тверскій, сожжену бывшу соборному храму и всему дому его, и како отвѣщаетъ ему Господь». Епископъ Акакій въ этомъ словѣ представленъ жалующимся, за что пришелъ на него гнѣвъ Божій, когда онъ съ своей стороны совершалъ всѣ дѣла благочестія; Господь отвѣчаетъ на это, что люди всего болѣе прогнѣвляютъ Его своимъ фарисействомъ, предлагая Ему доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ, многоцѣнное иконъ украшеніе, муръ благоуханіе, златые вѣнцы, и въ тоже время не милуя нищихъ и сиротъ, не отставая отъ неправдъ и лихвъ, пьянства, языческихъ обычаевъ и пр. Подобныя обличенія должны были сильно задѣвать патріотическое чувство Русскихъ и вооружать ихъ противъ смѣлаго пришельца, тѣмъ болѣе, что немногіе могли и понимать настоящій смыслъ этихъ обличеній, а скорѣе видѣли въ нихъ нѣчто въ родѣ стригольничества или жидовства. Въ «Словѣ къ хотящимъ оставляти жены своя безъ вины и идти въ иноческое житіе» онъ обратилъ вниманіе на обрядовый взглядъ своихъ современниковъ на монашество и доказывалъ, что съ одной стороны можно исполнять заповѣди Божіи и въ бѣлеческомъ чинѣ, а съ другой можно оставаться міряниномъ и въ черныхъ ризахъ.

Участіе Максима въ спорѣ іосифлянъ съ ихъ противниками.—Въ спорѣ іосифлянъ съ ихъ противниками Максимъ съ самаго же начала всталъ на сторону бѣлозерскихъ иноковъ. Онъ близко сошелся съ главнымъ борцомъ противъ іосифлянъ, Вассіаномъ, и пустился за одно съ нимъ обличать монаховъ-стяжателей. Въ своемъ «Стязаніи о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ» онъ изложилъ свои мысли о монастырскихъ вотчинахъ въ формѣ спора Актимона съ Филоктимономъ. Въ рѣчахъ Актимона онъ описалъ здѣсь жалкое положеніе монастырскихъ крестьянъ, ихъ скудость и нищету, платимые ими высокіе росты и тяжкіе оброки, и въ параллель съ этимъ роскошную жизнь самихъ монаховъ. Сбитый въ стязаніи на всѣхъ пунктахъ, Филоктимонъ прибѣгаетъ къ обычному оправданію іосифлянъ, что вотчинное владѣніе монастырей нисколько не нарушаетъ монашеской нестяжательности, потому что въ монастыряхъ все богатство общее, а не частныхъ лицъ. Актимонъ рѣзко замѣчаетъ на это, что такъ можно оправдаться и разбойникамъ, если они грабятъ не для себя каждый, а въ пользу всей шайки. Тѣ же мысли Максимъ развилъ въ «Словѣ душеполезномъ зѣло внимающимъ ему» и въ «Повѣсти страшной о совершенномъ иноческомъ жительствѣ». Въ послѣдней онъ выставляетъ въ примѣръ русскимъ инокамъ картезіанскихъ монаховъ запада; вся повѣсть написана очень горячо; Максимъ доходитъ въ ней даже до проклятій монахамъ-вотчинникамъ. Проклятія эти врагами его были отнесены къ русскимъ чудотворцамъ, владѣвшимъ селами.—Своими рѣчами противъ монастырскихъ вотчинъ Максимъ, разумѣется, сильно раздражалъ противъ себя всѣхъ іосифлянъ, а это не могло пройти даромъ для инока пришельца, какъ проходило до поры до времени князю-иноку Вассіану. Къ большему для него несчастію, послѣ сверженія благоволившаго къ нему митрополита Варлаама, митрополитомъ сдѣлался ревностный іосифлянинъ Даніилъ. Кромѣ того, іосифляне были сильны при дворѣ;—это обстоятельство давало обличеніямъ противъ нихъ весьма опасный политическій смыслъ, тѣмъ болѣе, что Максимъ былъ скоро втянутъ и въ политическіе вопросы. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ, напримѣръ, рѣзко обличалъ неправды, лихоимство и жестокости властей, говорилъ, что такого неправосудія, какъ у Русскихъ, нѣтъ даже у латинянъ Ляховъ. Было извѣстно, что онъ, какъ Грекъ, не рѣдко высказывалъ негодованіе противъ независимости Русской церкви отъ Грековъ, го-

ворилъ, что Русскіе митрополиты поставляются «самочинно и безчинно», безъ благословенія патріарха. Замѣтили его сношенія съ турецкимъ посломъ; замѣтили, что келья его часто посѣщалась недовольными и опальными людьми, въ родѣ боярина *Берсеня Беклемишева* и дьяка *Жаренаго*, съ которыми онъ толковалъ о политическомъ состояніи Руси, о деспотизмѣ великаго князя и о митрополитѣ Даніилѣ, какъ потаковникѣ властей. Очень вѣроятно, что Максимъ доходилъ и до личнаго столкновенія съ великимъ княземъ изъ за его развода съ Соломоніей. Послѣ этого безпокойнаго обличителя заключили въ цѣпяхъ въ симоновскую тюрьму. Въ 1525 году онъ былъ подвергнутъ допросу на соборѣ. Кромѣ подозрѣній относительно политическихъ идей и поведенія Максима, соборъ, какъ уже сказано, выставилъ противъ него важныя церковныя обвиненія,—порчу богослужебныхъ книгъ, которыя онъ взялся исправлять, и погрѣшности въ его переводахъ.

Судьба Максима.—Максима приговорили къ заточенію въ непріязненный къ нему Іосифовъ монастырь. Много пришлось ему терпѣть тамъ отъ дыма въ курной кельѣ, отъ оковъ, холода и голода. Вассіанъ пока уцѣлѣлъ, только лишился милости великаго князя. Но въ 1531 году и его притянули къ суду. Соборъ осудилъ его за порчу книгъ, потому что онъ былъ горячимъ приверженцемъ исправленій Максима, за хулы противъ Кормчей («кривила, а не правила», «отъ діавола писаны, а не отъ Святаго Духа»), за неисправность его собственнаго сборника правилъ, вольнодумство въ духѣ жидовствующихъ, за названіе Христа тварію, наконецъ за сочиненія противъ монастырскихъ вотчинъ и за хулу противъ русскихъ чудотворцевъ, владѣвшихъ селами. Вассіанъ не винился ни въ чемъ, держалъ себя на соборѣ заносчиво, говорилъ рѣзкія рѣчи; при указаніи на русскихъ чудотворцевъ, на святителя Іону, бывшій боярин сказалъ: «Не знаю, чудотворецъ онъ былъ или нѣтъ. Говорятъ, въ Калязинѣ Макарѣ чудеса творитъ, а былъ мужикъ сельскій». На соборъ вызвали и Максима; снова повторены были всѣ вины, за которыя осудилъ его соборъ 1525 года, и пополнены новыми подробностями и новыми обвиненіями политическаго характера. Онъ держался униженно, кланялся собору въ ноги и молилъ простить его немощи. Соборъ оставилъ его по прежнему подъ церковнымъ запрещеніемъ, но смягчилъ его участь переводомъ изъ Іосифова монастыря въ тверской

Отрочъ. Вассіанъ же былъ посланъ на его мѣсто въ Волоцкій монастырь, гдѣ и умеръ въ тѣсномъ заточеніи. Изъ заточенія Максимъ не разъ просилъ правительство отпустить его на Аѳонъ; о томъ же просили за него восточные патріархи при Грозномъ, но всѣ эти просьбы остались безъ исполненія. По низверженіи съ каѳедры митрополита Даніила участь Максима облегчилась; ему дозволено было ходить въ церковь и причащаться. Въ Твери онъ продолжалъ свою литературную дѣятельность, писалъ къ разнымъ лицамъ посланія въ оправданіе своихъ книжныхъ исправленій, свое исповѣданіе вѣры, отзывы на разныя современныя событія и вопросы.

Труды митрополита Макарія. — Послѣ митрополита Даніила во главѣ іерархіи и во главѣ іосифлянъ всталъ митрополитъ Макарій. Движеніе умовъ, возбужденное въ русскомъ обществѣ со времени появленія жидовствующей ереси, возбужденные ею споры, многочисленныя обличенія разныхъ нестроеній, наконецъ труды Максима имѣли большое вліяніе на всѣ стороны тогдашней церковной жизни. Встревоженное обличеніями, общество постаралось отдѣлаться отъ обличителей насильственными мѣрами, подняло реакцію противъ безпокойнаго движенія умовъ, но не могло уже отдѣлаться отъ самыхъ вопросовъ, поднимавшихся и разработывавшихся въ теченіи почти цѣлаго полустолѣтія и стоявшихъ теперь передъ глазами всѣхъ съ безпощадною ясностью. Обойти этихъ вопросовъ уже было нельзя;— духъ реакціи въ пользу старины могъ проявиться только въ реакціонномъ характерѣ ихъ рѣшенія. Въ такомъ духѣ и постарался рѣшить ихъ Стоглавый соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, состоявшій большею частію изъ членовъ іосифлянской партіи. Выражая ясное сознаніе современныхъ недостатковъ церковной жизни и обличая ихъ съ не меньшею, если еще не съ большею рѣзкостью, чѣмъ только лишь сошедшіе со сцены обличители, предсѣдатель собора и его сотрудники искали врачевства противъ этихъ недостатковъ не въ исправленіяхъ церковной жизни, на которыхъ настаивали обличители, а напротивъ въ поддержаніи старины; причиною этихъ недостатковъ они считали то, что «старые обычаи поисшаталися», и не раздумывая много о томъ, почему же они поисшаталися, поставили главною своею задачею только поддержать ихъ. По старому велѣно исправлять церковныя книги «съ добрыхъ переводовъ». Старыми домашними средствами положено удовлетворить и сильной потребности просвѣ-

щенія: соборъ вспомнилъ, что въ старину при церквахъ и монастыряхъ были добрыя школы въ домахъ добрыхъ поповъ и дьяконовъ, и положилъ завести такія школы снова, т. е. призвалъ на дѣло просвѣщенія тѣхъ же мастеровъ-грамотниковъ, о которыхъ самъ же говорилъ, что они грамотѣ мало умѣютъ, а силы писанія вовсе не знаютъ. Самыми лучшими опредѣленіями собора были только указанныя выше опредѣленія касательно архіерейской администраціи, учрежденія поповскихъ старостъ, церковнаго благочинія и жизни монашества.

Нельзя не замѣчать такого же обращенія къ старинѣ и въ личныхъ трудахъ самого митрополита Макарія. Кромѣ того, въ этихъ трудахъ выразился еще и другой современный мотивъ русской жизни послѣ того, какъ она сосредоточилась около Москвы,—стремленіе къ собиранію и соединенію въ одно всѣхъ духовныхъ богатствъ русскаго народа, прежде разбросанныхъ по удѣльнымъ землямъ и еще не приведенныхъ въ общерусскую извѣстность. Самый важный изъ этихъ трудовъ Макарія—«Великія Четіи-Минеи», которыя онъ началъ составлять еще въ Новгородѣ и продолжалъ въ Москвѣ; въ нихъ собрано было все духовное оружіе, какимъ тогда располагала Русская церковь, «всѣ, по его выраженію, книги чтомыя, которыя обрѣтались въ Русской землѣ»: житія святыхъ по днямъ ихъ памятей, слова на ихъ праздники, многія ихъ творенія всякаго рода, патерики, цѣлыя книги Священнаго Писанія и толкованія на нихъ. Собираніе всего этого книжнаго сокровища «многимъ имѣніемъ и многими писарями» продолжалось около 20 лѣтъ. Макарію же приписываютъ составленіе Степенной книги—обширнаго сборника свѣдѣній по Русской Исторіи. Изъ оригинальныхъ произведеній митрополита извѣстны: поученіе при бракѣ Іоанна Грознаго съ Анастасіей, три рѣчи и три посланія къ царю и войску во время казанскаго похода. Но не ими онъ пріобрѣлъ себѣ почетное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія, а именно своимъ главнымъ трудомъ собранія всѣхъ книгъ чтомыхъ и тѣмъ, что̀ съумѣлъ возбудить около себя сильное литературное движеніе, особенно по части составленія житій. По его благословенію и подъ его руководствомъ разными лицами составлено было столько житій, сколько не составлялось ихъ ни прежде, ни послѣ его времени. Одни изъ этихъ житій явились по поводу составленія Четьи-Миней, другія послѣ соборовъ 1547 и

1549 гг. о новоявленныхъ чудотворцахъ, третьи—для Степенной книги.

Ереси Бакшина и Косого.—Съ крайнимъ развитіемъ консервативнаго направленія въ обществѣ, люди противоположнаго направленія тоже въ свою очередь естественно доходили до крайностей, которыя вскорѣ послѣ Стоглаваго собора выразились въ новыхъ ересяхъ Бакшина и Косого.

Ересь Бакшина открылась такимъ образомъ. Къ попу *Симеону* въ 1553 году пришелъ на духъ необычайный сынъ духовный, *Матвѣй (Бакшинъ)*, просилъ у него наставленій, предлагалъ вопросы, на которые духовный отецъ ничего не въ состояніи былъ отвѣтить; потомъ являлся къ нему на домъ, читалъ разныя мѣста изъ Писанія и, не дождавшись объясненія, самъ же ихъ объяснялъ. Всѣ эти рѣчи и вопросы его показались попу Симеону «недоумѣнными»; духовникъ доложилъ объ нихъ Сильвестру, а Сильвестръ царю. Бакшина схватили и подвергли допросамъ, изъ которыхъ выяснилось, что онъ еретикъ и что ересь его составилась отчасти изъ старыхъ элементовъ жидовствующей ереси, отчасти изъ новыхъ, протестантскихъ; учителемъ его былъ аптекарь *Матвей* изъ Литвы и другой Литвинъ *Андрей Хотѣевъ*. Сущность новой ереси состояла въ томъ, что она не признавала божества Сына Божія, евхаристію считала простымъ хлѣбомъ и виномъ, иконы называла идолами, отрицала таинство покаянія, утверждая, что какъ только перестанетъ человѣкъ грѣшить, такъ и безъ священника уже нѣтъ ему грѣха, отрицала отеческія писанія, житія святыхъ, постановленія соборовъ, иконопочитаніе и всю церковную обрядность. Единомышленники Бакшина, которыхъ онъ выдалъ на допросахъ, повторяли въ преувеличенномъ видѣ слова Максима о неприличіи вотчиннаго владѣнія монастырей. о дурной жизни духовенства, бездушной обрядности народнаго благочестія и проч. Уважая Максима, они единодушно вооружались противъ «Просвѣтителя» Іосифа. На допросахъ Бакшинъ проговорился, что его ученіе похваливали бѣлозерскіе старцы. Ересь такимъ образомъ становилась въ связь съ только что затихшимъ споромъ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ. Добрались и до этихъ старцевъ. Изъ Кириллова монастыря вызвали на соборъ жившаго тамъ на покоѣ бывшаго троицкаго игумена *Артемія*, потомъ монаха *Ѳеодосія Косого*. Послѣдній былъ прежде рабомъ въ Москвѣ, потомъ, обокравъ господина,

бѣжалъ отъ него на Бѣлоозеро, постригся въ монахи, принялъ горячее участіе въ мнѣніяхъ бѣлозерскихъ старцевъ и, развивая ихъ до крайности, зашелъ въ еретичествѣ еще дальше Бакшина. Вмѣстѣ съ нимъ призваны были въ Москву его товарищъ *Игнатій* и нѣсколько другихъ монаховъ. При тогдашней тревогѣ за православіе можно было легко заподозрить человѣка въ ереси за всякій недоумѣнный вопросъ и за всякое слово обличенія, наприм. на судъ притянули даже такого святого человѣка, каковъ былъ просвѣтитель Лопарей Ѳеодоритъ, вѣроятно потому, что онъ былъ извѣстенъ обличеніями противъ дурныхъ монаховъ. Не удивительно, что когда для участія на соборѣ противъ еретиковъ пригласили Максима Грека, послѣдній очень встревожился, подумалъ, что и его хотятъ тоже судить за ересь. Соборъ на еретиковъ собрался въ 1553 и продолжался въ 1554 г.; изъ актовъ его сохранился только отрывокъ—о судѣ надъ Артеміемъ тропицкимъ.

Артемія обвиняли въ томъ, что онъ критически относился къ «Просвѣтителю», не проклиналъ жидовствующихъ, говорилъ, что православные сами не знаютъ, за что жгли Курицына, въ томъ, что въ Воздвиженіе у царя ѣлъ рыбу, не отказывался отъ нея въ посты и въ домахъ разныхъ христолюбцевъ, во Псковѣ хотѣлъ бесѣдовать съ нѣмецкими пасторами и разузналъ объ ихъ вѣрѣ, стало быть—въ вѣрѣ пошатнулся; изъ его словъ объ умершихъ безъ покаянія: «Панихидами и обѣднями имъ не поможешь, оттого они муки не избудутъ», выводили, что онъ отрицалъ силу поминовенія усопшихъ; обвиняли его въ хулѣ на акаѳисты и каноны за то, что онъ, подобно Максиму, говорилъ: «Говорятъ въ канонѣ: Іисусе сладчайшій! а какъ услышатъ слово Іисусово,—горько становится, что надо его исполнять. Въ акаѳистѣ повторяютъ: радуйся да радуйся, Чистая! а сами о чистотѣ нерадятъ; такъ это говорятъ по привычкѣ, а не въ правду». Артемій выражалъ сомнѣніе въ самомъ существованіи ереси въ его время, Бакшина представлялъ только человѣкомъ недоумѣнныхъ вопросовъ; это набросило еще бо́льшую тѣнь на его православіе. Онъ рѣшительно заявилъ собору: «я такъ не мудрствую, какъ на меня говорили: то на меня налгали»; но все-таки не могъ очистить себя отъ обвиненія въ разныхъ вольныхъ и рѣзкихъ словахъ касательно предметовъ вѣры и, кромѣ того, еще въ довольно вольномъ, не монашескомъ пове-

деніи. Соборъ опредѣлилъ лишить его сана и сослать на Соловки. Ѳеодоритъ тоже былъ заточенъ въ Кирилловъ монастырь, но скоро былъ оправданъ и освобожденъ. Бакшина съ сообщниками разослали по монастырскимъ тюрьмамъ. Ѳеодосій Косой и Игнатій успѣли бѣжать въ Литву, женились тамъ и успѣшно проповѣдывали свое новое ученіе, еще болѣе отрицательное, чѣмъ ученіе Бакшина, очень близкое къ социніанству и состоявшее въ исключительномъ почитаніи книгъ одного ветхаго завѣта, въ отверженіи Святой Троицы, божества Іисуса Христа, Его воплощенія, почитанія святаго креста и иконъ, почитанія святыхъ, церковнаго преданія, твореній святыхъ отцевъ, всей церковной іерархіи, таинствъ, всего христіанскаго богослуженія и обрядовъ и въ отрицаніи повиновенія даже всякимъ вообще земнымъ властямъ. Въ Литву же потомъ бѣжалъ и Артемій, но сдѣлался тамъ ревностнымъ защитникомъ православія, особенно противъ Косого и социніанъ.

Зиновій Отенскій. — Ересь Косого вызвала противъ себя замѣчательные полемическіе труды со стороны ученика Максима, инока *Зиновія*, который жилъ въ Отенскомъ монастырѣ, заточенный туда въ одно время съ своимъ учителемъ. Писать противъ еретиковъ его заставили клирошане старорусскаго Спасскаго монастыря, которые приходили къ нему за разрѣшеніемъ недоумѣній, возбужденныхъ въ нихъ ученіемъ Косого. По вызову ихъ онъ составилъ обширное «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи», заключавшее въ себѣ полное опроверженіе ереси и изложеніе православнаго ученія. Послѣ распространенія ереси въ Литвѣ ему пришлось опять писать противъ нея—въ отвѣтъ на письмо къ нему какихъ-то соблазненныхъ ею Литовцевъ. Это второе его сочиненіе извѣстно подъ названіемъ «Многословнаго посланія на зломудріе Косаго». Защищая современное положеніе церкви отъ нападеній еретиковъ, Зиновій долженъ былъ во многомъ отступить отъ принциповъ своего учителя и сблизиться во мнѣніяхъ съ іосифлянами. Онъ замѣтилъ, что указаніе Максима на примѣръ картезіанскихъ монаховъ унизительно для православныхъ монастырей, что изображеніе монастырской деморализаціи у него уже слишкомъ преувеличено, что нѣкоторые и вотчинные монастыри живутъ очень бѣдно. «Плакать мнѣ хочется отъ жалости сердечной... Руки (у монаховъ этихъ обителей) скорчены отъ работы, кожа

какъ воловья,—истрескалась; лица осунулись; ноги и руки посинѣли и распухли. А имѣнія у нихъ такъ много, что нищіе больше имѣютъ. Обыкновенная пища ихъ — овсяный невѣяный хлѣбъ, ржаные колосья толченые и безъ соли, питье—вода, варево—листья капусты, зелень—свекла и рѣпа, овощи — рябина и калина; а объ одеждѣ что ужъ и говорить?». Это изображеніе онъ усиливаетъ контрастомъ жизни Вассіана, ратовавшаго противъ монастырскихъ вотчинъ: «Не угодно было ему симоновскихъ блюдъ кушать — хлѣба ржаного, щей, свекольника, каши; молока промзглаго и пива монастырскаго не пилъ,—съ деревень молъ идутъ, а питался блюдами со стола княжескаго; пилъ же нестяжатель романею, бастро, мушкатель, рейнское вино».

Отношенія православныхъ къ протестантству и католичеству.—По мѣрѣ развитія старообрядческаго духа, общій уровень церковнаго просвѣщенія долженъ былъ еще болѣе понизиться. Князь Курбскій писалъ, что сами учители народа «прельщали юношей трудолюбивыхъ, желавшихъ навыкнуть писанія, говоря: не читайте книгъ многихъ, и указывали, кто ума изступилъ, и онъ-сица въ книгахъ запался, а онъ-сица въ ересь впалъ». Вмѣстѣ съ распространеніемъ мрака въ обществѣ естественно развивалась свѣтобоязнь, замкнутость отъ всякихъ постороннихъ просвѣтительныхъ вліяній, особенно тѣхъ, которыя шли съ запада. Русскому человѣку дѣйствительно было тогда опасно встрѣтиться съ западной цивилизаціей, потому что, при религіозномъ строѣ всей своей жизни, при смѣшеніи всѣхъ обычаевъ и быта съ православіемъ, онъ не умѣлъ различать свѣтской стороны цивилизаціи отъ религіозной, заимствуя первую, усвоялъ и послѣднюю, сбривъ бороду, отпадалъ и отъ православія. Съ этой стороны развивавшаяся въ обществѣ нетерпимость къ западнымъ вѣроисповѣданіямъ была среди него явленіемъ даже полезнымъ,—въ ней проявлялся естественный инстинктъ самосохраненія отъ разлагающихъ родныя вѣрованія вліяній. Къ протестантамъ относились, впрочемъ, еще довольно терпимо, вѣроятно потому, что меньше видѣли отъ нихъ попытокъ вредить православію. Правительство тоже охотнѣе принимало ихъ на свою службу, чѣмъ католиковъ. Въ Москвѣ они очень рано заселили особую слободу на рѣкѣ Яузѣ и имѣли при устьѣ Яузы кирху. Грозный въ 1579 году разрушилъ эту кирху, но лѣтъ черезъ 5, по ходатайству англійскаго посла Горсея, разрѣшено было построить ее опять. Во время ливонской войны при Грозномъ многіе изъ

плѣнныхъ Нѣмцевъ были переселены во Владиміръ, Кострому, Угличъ и Нижній. При царѣ Ѳеодорѣ наплывъ протестантовъ еще болѣе усилился, но всякая пропаганда была имъ строго воспрещена. Въ 1563 году одного пастора *Ѳому*, предстоятеля социніанской общины въ Полоцкѣ, царь Іоаннъ за пропаганду пустилъ подъ ледъ въ Двину. Въ 1570 году онъ имѣлъ горячую бесѣду съ пасторомъ богемскихъ братьевъ *Рокитою* и, высказывая свой взглядъ на протестантовъ, между прочимъ сравнивалъ ихъ съ псами и свиньями, Лютера и по имени и по жизни называлъ лютымъ: «Вы живете, говорилъ онъ, какъ свиньи, откармливаемыя въ постъ, отвергая различіе въ пищѣ; вы ненавистны святымъ на небѣ, потому что сами отвергаете ихъ» и т. д.

Попытки папъ на введеніе въ Россію католичества постоянно разбивались о полную нетерпимость Русскихъ къ латинству, которое у насъ не считалось даже и христіанствомъ. Въ Россіи нигдѣ не дозволялось строить латинскихъ божницъ. Самая важная попытка католичества проникнуть въ Россію произведена была при Іоаннѣ III. Папа Сикстъ IV, устроивъ бракъ Іоанна съ жившей въ Римѣ греческой царевной Софіей Палеологъ, разсчитывалъ сдѣлать ее своимъ орудіемъ для привлеченія Россіи къ латинству. Но Софія явилась въ Москвѣ вполнѣ православною великою княгинею и обманула всѣ его ожиданія. Посланный съ нею легатъ *Антоній* тоже не имѣлъ никакого успѣха. На первыхъ порахъ онъ потребовалъ было себѣ торжественнаго въѣзда въ Москву съ преднесеніемъ креста, но митрополитъ Филиппъ I рѣшительно воспротивился этому, объявивъ, что, если легатъ съ своимъ крыжемъ въѣдетъ въ одни ворота Москвы, то онъ, митрополитъ, сейчасъ же выѣдетъ въ другія. Въ Москвѣ легатъ заговорилъ о вѣрѣ, но Филиппъ выставилъ противъ него нѣкоего мудраго книжника *Никиту Поповича*, который такъ заговорилъ легата, что этотъ отказался отъ спора, говоря: «книгъ нѣтъ со мною». Послѣ этого было еще нѣсколько сношеній Рима съ Москвою объ уніи при великомъ князѣ Василіѣ, но всѣ они остались безъ послѣдствій. При Іоаннѣ Грозномъ несчастная война съ Баторіемъ заставила царя самого обратиться за помощью къ папѣ. Въ Россію (въ 1581 году) былъ присланъ изъ Рима ловкій іезуитъ *Антоній Поссевинъ* съ порученіемъ завязать дѣло объ уніи и о дозволеніи строить въ Москвѣ костелы. Царь обращался съ нимъ

ласково, желая извлечь изъ его пріѣзда, какъ можно, больше пользы для мира съ Баторіемъ, но въ постройкѣ костеловъ отказалъ и неохотно согласился говорить съ нимъ о вѣрѣ, «чтобы не было, какъ отговаривался онъ, сопротивныхъ словъ». Какъ только зашла рѣчь о вѣрѣ, сопротивныя слова дѣйствительно не замедлили. Царь укорилъ латинянъ за стриженіе бороды, указалъ на то, что у папы крестъ на туфлѣ, а у православныхъ креста не повелось ниже пояса носить, что папу носятъ на престолѣ, какъ Христа, а ему не слѣдуетъ Христу равняться, да и Петра апостола Христу равнять не слѣдуетъ же, и въ заключеніе не утерпѣлъ—сказалъ, что который папа не по Христову и не по апостольскому ученію живетъ, тотъ папа волкъ, а не пастырь. Антоній послѣ этого сейчасъ же прекратилъ бесѣду. Въ знакъ дружбы къ папѣ царь только позволилъ съ купцами изъ католиковъ пріѣзжать въ Россію и латинскимъ попамъ, но съ тѣмъ, чтобы они ни костеловъ здѣсь не строили, ни вѣры своей не распространяли.

Б. Кіевская митрополія до присоединенія Малороссіи къ Москвѣ.

Общій обзоръ состоянія православія въ Литвѣ. — Московская митрополія была недоступна вліяніямъ Рима; православная вѣра была въ ней вѣрой господствующей и крѣпко поддерживалась самимъ правительствомъ. Не то было въ митрополіи западной, гдѣ православнымъ народомъ управляло правительство иновѣрное. Правительство это, какъ извѣстно, давно уже чувствовало неудобство сильнаго тяготѣнія своихъ православныхъ подданныхъ къ Москвѣ и еще раньше, чѣмъ сдѣлалось католическимъ, энергично стремилось къ церковному обособленію своей страны отъ Московской митрополіи. Наибольшую часть Литовскаго княжества составляли земли, заселенныя русскимъ православнымъ населеніемъ. Православную вѣру исповѣдывала вся знать русскихъ земель, вошедшихъ въ со-

ставъ Литовскаго государства, и князья-потомки старыхъ удѣльныхъ князей. Со времени Ягелловой уніи Литвы съ Польшей, когда литовское правительство стало католическимъ, такое преобладаніе въ государствѣ православнаго народонаселенія сдѣлалось еще неудобнѣе. Попытка Ягелла распространить въ Литвѣ на мѣсто православія католичество кончилась полной неудачей, повела даже къ разрыву политической уніи, къ отторженію Литвы отъ Польши подъ власть особаго князя *Витовта*. Умный Витовтъ понялъ, что католичество не могло служить опорой для государственной самостоятельности литовскаго княжества, что православіе было сильнѣе его, и обратилъ всѣ свои усилія пока только на то, чтобы отдѣлить православную церковь Литвы отъ Московской митрополіи, завести у себя особаго митрополита. Какъ извѣстно, онъ добился этого чрезъ поставленіе на Кіевскую митрополію Григорія Цамблака. Черезъ 40 лѣтъ по смерти Цамблака при *Казимірѣ* отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ Московской было завершено окончательно,—это былъ первый шагъ къ дальнѣйшему развитію религіозной уніи между разновѣрнымъ литовскимъ народонаселеніемъ.

Положеніе Кіевской митрополіи по отдѣленіи ея отъ Московской.—Послѣ этого православная церковь въ Польско-Литовскомъ государствѣ очутилась въ самомъ невыгодномъ для нея положеніи, одинокая, лишенная всякой внѣшней опоры, лицомъ къ лицу съ сильнымъ католичествомъ. На первыхъ порахъ она была впрочемъ еще довольно сильна сама по себѣ, своей численностью и внутренней силой. Сами короли, восходившіе на польско-литовскій престолъ изъ литовскаго рода Ягеллоновъ, хорошо знакомые съ характеромъ своей родной страны, старались сдерживать слишкомъ рьяные напоры католичества на святыню народной вѣры. Первый кіевскій митрополитъ, ученикъ Исидора *Григорій*, приверженецъ флорентійской уніи и поставленникъ уніатскаго патріарха, жившаго въ Римѣ, попробовалъ было сдѣлать нѣсколько болѣе рѣшительныхъ попытокъ утвердить въ Литвѣ эту унію и воздвигъ на православное духовенство гоненіе, но король не поддержалъ его и попытки его остались безуспѣшными. Чрезъ 10 лѣтъ управленія митрополіей Григорій самъ почелъ за лучшее присоединиться къ православію (1469 года). Но, какъ католики, Ягеллоны не могли, конечно, и покрови-

тельствовать православію; — гдѣ было можно, они урѣзывали его права и матеріальныя средства, духовенство православное держали въ черномъ тѣлѣ, а для ослабленія силы православныхъ пановъ нѣсколько разъ подтверждали Городельское постановленіе 1413 года о недопущеніи православныхъ къ высшимъ должностямъ въ государствѣ. Политика ихъ въ отношеніи къ православной церкви имѣла вообще двусмысленный характеръ. Смотря по обстоятельствамъ, они относились къ ней то покровительственно, то враждебно, но никогда не упускали изъ виду своей завѣтной мечты скрѣпить политическую унію Литвы съ Польшей уніей церковной. Всего вреднѣе для православной церкви было усвоенное королямъ право церковнаго «патроната» и «подаванья» церковныхъ мѣстъ, — архіерейскихъ каѳедръ и находившихся на коронныхъ земляхъ монастырей и церквей. Право это выродилось изъ древняго участія князей и народа въ избраніи епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ; послѣ ослабленія участія въ такихъ избраніяхъ народа право «подаванья» осталось исключительно въ рукахъ короля. По этому праву короли назначали на епархіальныя каѳедры епископовъ, а въ церкви и монастыри священниковъ и настоятелей, раздавали «хлѣбы духовные», допуская при этомъ часто самыя возмутительныя злоупотребленія и доводя православную іерархію до самаго жалкаго положенія. Духовные хлѣбы раздавались разнымъ недостойнымъ людямъ за деньги или въ награду за военныя и гражданскія заслуги. Монастыри отдавались въ управленіе иногда свѣтскимъ людямъ подъ однимъ только условіемъ—до постриженія управлять ими чрезъ намѣстниковъ изъ духовныхъ лицъ, но и это условіе часто не соблюдалось, — какой нибудь панъ, получивъ монастырь, управлялъ имъ самъ лично, и не думая о постриженіи. Такіе же свѣтскіе паны по временамъ занимали и архіерейскія каѳедры, именуясь нареченными епископами. Поѣвши нѣсколько времени духовныхъ хлѣбовъ, такой епископъ продавалъ свою епархію другому такому же искателю духовнаго хлѣба. Случалось, что король отдавалъ каѳедру двоимъ панамъ заразъ и между ними завязывалась изъ-за нея борьба вооруженной силой. Съ помощью такихъ злоупотребленій правомъ подаванья короли успѣли со временемъ довести православную церковь до крайняго оскудѣнія въ ней достойныхъ пастырей.

Отношеніе митрополитовъ къ константинопольскому патріарху и внутреннее управленіе митрополіи. — Очутившись въ такомъ опасномъ положеніи, Кіевская митрополія старалась создать себѣ по крайней мѣрѣ внѣшнюю опору въ патріархѣ и вошла съ нимъ въ тѣснѣйшее общеніе. Въ то время, какъ московскіе митрополиты и избирались и поставлялись соборомъ своихъ великорусскихъ епископовъ, независимо отъ патріарха, кіевскихъ митрополитовъ принято было ставить не иначе, какъ съ благословенія патріарха*). Въ 1495 году соборъ епископовъ въ Вильнѣ самъ поставилъ митрополита *Макарія* и уже послѣ послалъ къ патріарху за благословеніемъ; патріархъ *Нифонтъ* обидѣлся и далъ знать, чтобы впредь безъ его благословенія митрополитовъ не ставили, развѣ только по нуждѣ. Но съ другой стороны и патріархъ не могъ ставить митрополитовъ безъ согласія короля и епископовъ: въ 1476 году въ Литвѣ не приняли поставленнаго такимъ образомъ митрополита *Спиридона*, послѣ чего онъ ушелъ въ Московское государство и поселился въ Соловецкомъ монастырѣ. Патріархъ принималъ иногда близкое участіе и въ административныхъ дѣлахъ Кіевской митрополіи, особенно касавшихся ея отношеній къ иновѣрному государству и защиты православія; но въ общемъ своемъ ходѣ внутреннее управленіе митрополіи въ Литвѣ, какъ и въ Москвѣ, велось независимо отъ патріарха, по порядкамъ и законамъ, принятымъ изстари при прежнихъ русскихъ князьяхъ.

---

*) Преемственный порядокъ кіевскихъ митрополитовъ былъ слѣдующій: 1) Григорій Болгаринъ (1458—1473); 2) Мисаилъ (1474—1480); 3) Спиридонъ, не принятый на митрополію, еще при жизни Мисаила; 4) Симеонъ (1481—1488); 5) Іона Глезна (1492—1494); 6) Макарій (1495—1497); 7) Іосифъ Болгариновичъ (1498—1501); 8) Іона II (1503 — 1507); 9) Іосифъ II Солтанъ (1509 — 1521); 10) Іосифъ III (1522—1534); 11) Макарій II (1535—1555); 12) Сильвестръ Бѣлькевичъ (1556—1567); 13) Іона III Протасовичъ (1568—1577); 14) Илія Куча (1577—1579); 15) Онисифоръ Дѣвочка (1579—1589); 16) Михаилъ Рогоза, — перешедшій въ унію. По возстановленіи западно-русской іерархіи митрополитами были: Іовъ Борецкій, Исаія Копинскій, Петръ Могила.—Епархія митрополитовъ была весьма обширна, простираясь отъ Кіева до Вильны, Трокъ, Новогродка литовскаго, Минска, Слуцка, Гродна. Жили они обыкновенно въ Новогродкѣ литовскомъ; по временамъ ѣздили по другимъ городамъ, особенно въ Вильну, какъ столицу, но Кіева не посѣщали болѣе 150 лѣтъ (до конца XVI вѣка). Только одинъ Макарій I въ 1497 году отправился было туда, чтобы помочь церкви Божіей — Софіи, предъ тѣмъ разоренной Татарами, но въ Мозырскомъ уѣздѣ былъ настигнутъ и убитъ Татарами. Мощи священномученика перенесены въ Кіево-Софійскій соборъ.

Участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ.—Важнѣйшей особенностью въ этомъ управленіи было весьма близкое участіе въ церковныхъ дѣлахъ мірянъ, — народа и православныхъ пановъ, въ которыхъ православная церковь, при указанномъ отношеніи къ ней правительства и ослабленіи своей іерархіи, находила для себя единственную поддержку. Они слѣдили за употребленіемъ и цѣлостію церковныхъ имуществъ и даже за церковнымъ управленіемъ, протестовали противъ злоупотребленій владыкъ и другихъ духовныхъ лицъ и защищали церковные интересы предъ правительствомъ. Въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ православные паны имѣли такое-же право патроната надъ церквами и монастырями, какъ король въ имѣніяхъ королевскихъ и коронныхъ, и поддерживали ихъ противъ всякихъ покушеній со стороны католиковъ. Такой же патронатъ имѣли свободныя городскія общины надъ своими приходскими церквами и надъ монастырями своей постройки. Это участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ замѣняло здѣсь такое же отношеніе къ церковнымъ дѣламъ правительства въ Московской Руси. Іерархія впрочемъ сильно имъ тяготилась и была противъ него. Нельзя сказать, чтобы у нея не было въ этомъ случаѣ достаточныхъ резоновъ: и общинный и панскій патронаты могли приносить церкви большую пользу, давая ей сильную опору въ борьбѣ съ ея врагами, но могли быть и очень для нея вредными, потому что съ одной стороны патронами были не одни православные, но и католическіе паны, да и православные паны часто слишкомъ злоупотребляли своимъ правомъ патроната, съ другой стороны вліяніе мірянъ на церковныя дѣла стѣсняло власть не однихъ дурныхъ іерарховъ, а одинаково съ ними и вполнѣ благонадежныхъ. Но, занявшись исключительно развитіемъ своей власти, выпрашивая у королей граматы о независимости своего суда и управленія отъ мірского вмѣшательства, іерархія не разбирала при этомъ полезнаго участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ отъ вреднаго, хотѣла одинаково устранить отъ этихъ дѣлъ и католическихъ, и православныхъ патроновъ, и городскія братства, отъ того обособлялась отъ мірянъ, дѣлалась одинокой и безсильной. Короли охотно давали просимыя граматы, потому что такое отдѣленіе іерархіи отъ народа развивало надъ нею ихъ собственную королевскую власть.

Состояніе православія при Александрѣ и Сигизмундѣ.—Фанатичнѣе другихъ Ягеллоновъ оказался преем-

никъ Казиміра (съ 1492 года) *Александръ*. На каѳедру митрополита возсѣлъ при немъ ревнитель флорентійской уніи *Іосифъ Болгариновичъ* и вмѣстѣ съ нимъ поднялъ открытое гоненіе на православіе, какъ при Ягеллѣ. Стѣснена была въ своемъ исповѣданіи отеческой вѣры даже супруга Александра *Елена*, дочь Іоанна III, вопреки нарочитымъ пунктамъ о вѣрѣ въ ея свадебномъ договорѣ: католическое духовенство отняло у нея православнаго духовника и никакъ не соглашалось на то, чтобы у нея во дворцѣ устроена была домовая церковь. Но такой открытый фанатизмъ правительства стоилъ Литвѣ очень дорого: на защиту православія въ литовскихъ владѣніяхъ выступилъ сильный великій князь московскій, и поднялась тяжелая война съ Москвой, кончившаяся для Литвы потерей нѣсколькихъ православныхъ княжескихъ родовъ съ ихъ землями. Потери эти продолжались и при слѣдующемъ королѣ *Сигизмундѣ I* (1506—1548),—въ 1514 году къ Москвѣ отошелъ отъ Литвы Смоленскъ. Можетъ быть, вслѣдствіе такихъ тяжкихъ потерь правленіе Сигизмунда было однимъ изъ самыхъ терпимыхъ для православія въ Литвѣ. Но за то этотъ король слишкомъ усердно, болѣе всѣхъ предшественниковъ, пользовался во вредъ православію своимъ правомъ подаванья духовныхъ должностей. Ему дѣятельно помогала въ этомъ корыстолюбивая королева *Бона*, на перебой съ королемъ бравшая взятки съ разныхъ искателей «духовныхъ хлѣбовъ». Важнѣйшія духовныя мѣста замѣщались людьми недостойными, которые только унижали и обезсиливали православную іерархію. Въ Галиціи, непосредственно связанной съ Польшей, гдѣ давно уже упразднилась бывшая Галицкая епархія, церковными дѣлами и имѣніями управлялъ справца или намѣстникъ кіевскаго митрополита. Въ 1509 году король отдалъ право назначать этого намѣстника львовскому католическому архіепископу. Галичане воспротивились этому, выбрали своего справцу, и изъ-за этой должности возникла долгая тридцатилѣтняя борьба между католиками и православными посредствомъ взятокъ королю и королевѣ. Восторжествовалъ православный справца *Макарій Тучапскій*, поставленный въ 1539 году въ епископа возстановленной Галицкой епархіи; въ томъ же году онъ издалъ грамату о возстановленіи клироса въ своей епархіи, замѣчательную по изображенію правъ и обязанностей членовъ этого клироса, состоявшаго изъ соборныхъ и нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ города.

Виленскій соборъ 1509 года.—На первыхъ порахъ правленія Сигизмунда, при митрополитѣ *Іосифѣ Солтанѣ*, православные, составивъ въ декабрѣ 1509 года соборъ въ Вильнѣ, провели-было на немъ нѣсколько опредѣленій, разсчитанныхъ на то, чтобы дать православной церкви въ Литвѣ болѣе свободы отъ вмѣшательства въ ея дѣла мірянъ, въ томъ числѣ и короля; но опредѣленія эти мало имѣли силы на практикѣ. Опредѣлено было: на церковныя должности ставить людей только достойныхъ, по избранію владыкъ и пановъ греческаго закона; недостойныхъ не ставить, хотя бы ихъ прислалъ самъ король; священника, служащаго при церкви безъ благословенія архіерея, по волѣ одного пана, лишать сана; патрону не отнимать у священника церкви безъ вѣдома архіерея, а послѣднему до изслѣдованія дѣла не назначать къ ней новаго священника; къ церкви, пустующей свыше трехъ мѣсяцевъ, епископу назначать священника отъ себя, безъ приходскаго выбора; мірянамъ, подъ страхомъ отлученія, не держать у себя Кормчей, такъ какъ, изучивъ церковныя правила, они пастырей своихъ презираютъ и сами себѣ законъ бываютъ; вдовыхъ священно-служителей, не постригающихся въ монашество, отлучать отъ служенія. Есть основаніе полагать, что при митрополитѣ Іосифѣ Солтанѣ были и другіе соборы. По своему благочестію, просвѣщенію и ревности ко благу церкви это былъ вообще достойнѣйшій изъ кіевскихъ митрополитовъ XVI вѣка, уважаемый и королемъ, и знатными панами; особенно друженъ былъ онъ съ княземъ *Конст. Ив. Острожскимъ*, содѣйствовавшимъ ему въ охраненіи правъ церкви. Чрезъ полтора года послѣ Виленскаго собора митрополитъ испросилъ у короля подтвержденіе старинныхъ правъ православной іерархіи, постоянно впрочемъ нарушавшихся и послѣ того. При Іосифѣ же началось дѣло о возстановленіи правъ митрополичьяго намѣстника въ Галиціи; съ согласія короля, онъ первый изъ митрополитовъ принялъ титулъ кіевскаго и галицкаго. Заботился онъ и о православныхъ монастыряхъ, наприм., въ союзѣ съ благочестивымъ ктиторомъ Супрасльскаго монастыря *Александромъ Ходкевичемъ* поднялъ внѣшнее и внутреннее благоустройство этой замѣчательной по книжнымъ собраніямъ обители и далъ ей общежительный уставъ.

Состояніе церкви при Сигизмундѣ II.—Преемникъ Сигизмунда I, послѣдній изъ Ягеллоновъ, *Сигизмундъ II*

Августъ (1548—1572), находясь подъ вліяніемъ усилившагося въ Польшѣ протестантства, относился къ вѣроисповѣднымъ разностямъ между своими подданными либеральнѣе. Въ 1563 году отмѣнено было Городельское постановленіе, ограничивавшее государственныя права православныхъ. Но при томъ же либеральномъ королѣ явились и печальныя предвѣстія новыхъ бѣдствій для православной церкви, еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ испытанныя ею доселѣ; такими предвѣстіями были: Люблинская унія и призваніе въ Польшу и Литву іезуитовъ. Въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ окончено было дѣло, надъ которымъ работали всѣ Ягеллоны,—соединеніе Литвы и Польши въ одно государство. Послѣ этого Поляки-католики стали свободно проникать во всѣ литовскія и русскія земли, завладѣвать здѣсь должностями, имѣніями, представительствомъ на сеймахъ и развивать свое вліяніе въ явный ущербъ интересамъ мѣстной народности и народной православной вѣры. Гражданская унія рано или поздно должна была повлечь за собою и унію религіозную, тѣмъ болѣе, что бездѣтный Сигизмундъ II былъ послѣднимъ королемъ изъ родной для Литвы династіи. Черезъ три года послѣ Люблинскаго сейма онъ умеръ, и на польскій престолъ, сдѣлавшійся избирательнымъ, стали восходить короли иноземцы, чуждые литовскихъ интересовъ, — *Генрихъ* французскій и *Стефанъ Баторій*, преданные Польшѣ, а не Литвѣ, при самомъ избраніи обязывавшіеся поддерживать въ государствѣ не иныя вѣроисповѣданія, а именно польское католичество.

Распространеніе въ Польшѣ и Литвѣ протестантства, появленіе и дѣятельность іезуитовъ.— Призваніе въ Польшу и Литву іезуитовъ было вызвано сильнымъ распространеніемъ здѣсь при Сигизмундѣ Августѣ протестантскаго ученія. Къ протестантству охотно прислушивался самъ король, за что Лютеръ почтилъ его посвященіемъ своей Библіи, а Кальвинъ—своего толкованія на посланіе къ Евреямъ. Особенно рьянымъ и вліятельнымъ покровителемъ протестантства былъ князь *Николай Черный Радзивилъ*, владѣвшій чуть не половиной Литвы и неограниченно господствовавшій при дворѣ чрезъ королеву *Варвару*, — свою двоюродную сестру, страстно любимую королемъ. Подъ его покровительствомъ протестантскіе проповѣдники заполонили всю Польшу и Литву, строили здѣсь свои кирхи, заводили школы и типографіи.

Особенный успѣхъ между ними имѣли кальвинисты и социніане или антитринитаріи. Въ 1550-хъ годахъ въ Польшѣ училъ самъ *Социнъ*. Къ социніанамъ пристали и наши московскіе бѣглецы Ѳеодосій Косой и Игнатій. Изъ мѣстныхъ учителей кальвинизма извѣстенъ особенно *Симонъ Будный*, въ 1562 году напечатавшій въ Несвижѣ на литовско-русскомъ языкѣ кальвинскій катихизисъ. Протестантскій соблазнъ въ Польшѣ и Литвѣ былъ такъ силенъ, что имъ увлекались цѣлые приходы и даже католическое духовенство. Въ знатныхъ польскихъ семействахъ на протестантство явилась даже какая-то мода. Среди такихъ опасностей для католичества въ подмогу мѣстнымъ борцамъ въ 1560-хъ годахъ и вызванъ былъ орденъ іезуитовъ. Іезуиты явились на первыхъ порахъ скромными и самоотверженными иноками, благотворителями несчастныхъ, благочестивыми и учеными проповѣдниками и безкорыстными наставниками юношества, для котораго всюду заводили безплатныя школы; ихъ проповѣди, школьные и публичные диспуты, торжественныя богослуженія, пышныя религіозныя процессіи, самоотверженное служеніе больнымъ и разныя благотворенія привлекали къ нимъ толпы народа и всѣ были направлены къ возвеличенію и торжеству католичества, а іезуитскія школы воспитывали въ своихъ стѣнахъ самыхъ горячихъ ревнителей послѣдняго. Сначала іезуиты дѣйствовали исключительно противъ протестантства, но едва только успѣли нѣсколько ослабить этого главнаго врага католичества, какъ принялись за православіе.

Виленская іезуитская академія. — Въ центрѣ Литвы—въ Вильнѣ въ 1570 году іезуиты основали коллегію, личный составъ которой нарочно наполнили самыми образованными и талантливыми людьми изъ своего ордена. Коллегія эта, для которой они не щадили ни трудовъ, ни средствъ, скоро зарекомендовала себя образцовымъ преподаваніемъ и стала быстро наполняться учениками какъ изъ католическаго, такъ и изъ православнаго дворянства. Въ 1579 году Стефанъ Баторій далъ ей права академіи, какъ заведенію съ высшимъ образованіемъ. Курсъ ея, сдѣлавшійся послѣ образцомъ и для православныхъ югозападныхъ школъ, обнималъ впрочемъ и низшее, и среднее, и высшее образованіе. По своимъ главнымъ предметамъ онъ дѣлился на классы — инфиму, грамматику, синтаксиму, піитику, риторику, философію и богосло-

віе. Весь онъ, конечно, былъ латинскій и весь былъ направленъ къ возвеличенію Римской церкви. Воспитательная часть въ академіи была устроена на религіозныхъ и въ частности іезуитскихъ началахъ безусловнаго послушанія питомцевъ и безусловнаго господства надъ ихъ душами отцовъ педагоговъ, готовившихъ изъ нихъ фанатически преданныхъ слугъ для ордена и для Рима. По преобразованіи коллегіи орденъ далъ ей въ ректоры *Петра Скаргу*, одного изъ ученѣйшихъ и хитрѣйшихъ іезуитовъ и такого блестящаго оратора, какого не было во всей Польшѣ. Онъ постарался обставить новую академію самымъ нарядным образомъ, завелъ въ ней пышные публичные диспуты и акты и при всякомъ удобномъ случаѣ выставлялъ ее на показъ публикѣ съ самой блестящей стороны. Литовское и русское дворянство наперерывъ отдавало въ нее своихъ дѣтей, готовя изъ нихъ будущихъ отступниковъ отъ всего родного и православнаго. Въ 1586 году въ ней было уже до 700 учениковъ и болѣе 50 человѣкъ учительскаго персонала. Кромѣ Скарги, въ пользу католичества усердно дѣйствовалъ въ Литвѣ извѣстный іезуитъ Антоній Поссевинъ, остановившійся здѣсь послѣ своей неудачи въ Москвѣ и занявшійся изданіемъ разныхъ сочиненій, направленныхъ къ совращенію православныхъ. По его просьбѣ, папа открылъ для Русскихъ уніатскую коллегію въ самомъ Римѣ. Дѣятельность іезуитовъ была тѣмъ успѣшнѣе, что они дѣйствовали весьма дружно и сознательно, съ ясно опредѣленнымъ планомъ и хорошо изучивъ почву, которую имъ приходилось обрабатывать для своего сѣянія.

Развитіе іезуитами мысли объ уніи съ Римской церковью. — Іезуиты сразу поняли, какъ безтактно было бы съ ихъ стороны ревновать объ обращеніи православныхъ прямо въ католичество, и ухватились сначала за унію. Они стали усердно хвалить православную церковь и жалѣть объ ея дурномъ состояніи; православнымъ панамъ указывали на хлопское положеніе и крайнее невѣжество ихъ поповъ; духовенству говорили о раздражающей его зависимости отъ мірянъ и о самостоятельномъ положеніи духовенства католическаго; народомъ они пренебрегали, фальшиво разсчитывая на его безгласіе. Въ такомъ духѣ ученымъ Скаргою написано было сочиненіе «О единствѣ церкви» (изд. 1577 года). Описавъ всѣ безпорядки Русской церкви, Скарга выставилъ ихъ

причинами: 1) женатую жизнь поповъ, при которой они пекутся только о мірскомъ, огрубѣли и обратились въ хлоповъ; 2) славянскій языкъ, который Греки будто-бы нарочно оставили Славянамъ при обращеніи ихъ въ христіанство, чтобы держать ихъ въ невѣжествѣ, потому что только чрезъ греческій и латинскій языки можно преуспѣвать въ наукѣ,—не было и не можетъ быть на свѣтѣ школы, гдѣ бы богословіе и другія науки читались на другомъ языкѣ; то ли дѣло у католиковъ, у которыхъ одинъ языкъ и одна вѣра по всему свѣту? христіанинъ Индіи можетъ безъ затрудненія говорить о вѣрѣ съ Полякомъ; 3) крайнее униженіе духовенства отъ вмѣшательства мірянъ въ духовныя дѣла. Унія должна уничтожить все это зло; а для нея православнымъ нужно только принять ученіе Римской церкви и главенство римскаго папы,—обряды можно имъ оставить по старому.

Усиленіе католическаго вліянія на высшіе классы при Стефанѣ Баторіѣ и Сигизмундѣ III.— Литовско-русское дворянство легко поддавалось іезуитской пропагандѣ вслѣдствіе своего давняго тяготѣнія къ польскому католическому дворянству. Кто изъ дворянъ не переходилъ въ католичество, тотъ приставалъ къ протестантамъ. Съ щеголеватымъ ксендзомъ, привыкшимъ господствовать въ обществѣ, или съ либеральнымъ, свѣтскимъ пасторомъ протестантскимъ въ домѣ пана нельзя было и думать стать рядомъ русскому попу или монаху въ его грубой одеждѣ, въ чеботищахъ, смазанныхъ дегтемъ, съ хлопскою рѣчью и манерами. Высшая іерархія, по своему происхожденію, образованію и образу жизни примыкавшая къ панамъ, тоже давно подверглась вліянію польской народности и католичества. Идеалами ея стали польскіе бискупы и пріоры. Іезуиты всячески старались усилить въ ней недовольство, указывая на то, что въ ея суды и управленіе вмѣшиваются міряне, не только паны, но какіе-нибудь скорняки, кузнецы и сѣдельники, тогда какъ въ католической церкви бискупъ есть сильный органъ святѣйшаго отца, что польскій примасъ и нѣсколько бискуповъ засѣдаютъ въ сенатѣ, куда Рѣчь Посполитая постыдится допустить іерарховъ, подчиненныхъ патріарху—рабу султана. Король Стефанъ съ своей стороны много помогъ іезуитамъ, назначая на православныя епископіи и настоятельства людей, какіе именно и нужны были для цѣлей уніи, большею частію изъ дворянъ, нисколько не-

приготовленныхъ къ духовному служенію и желавшихъ только попользоваться церковными имѣніями. Монастыри съ ихъ имѣніями раздавались даже прямо католикамъ. Въ епископы посвящались даже двоеженцы и женатые. Въ такомъ положеніи находилась западно-русская церковь, когда на польскій престолъ вступилъ (1587 г.) *Сигизмундъ III*, съ дѣтства воспитанный іезуитами и готовый для католичества на все, и наступило самое опасное время для православія. Какими же средствами могла располагать церковь для предстоящей борьбы, когда для этой борьбы оказывалась несостоятельной самая ея іерархія? Средства эти она и теперь нашла въ той же живой связи съ народомъ и православными панами, на которую опиралась прежде, т. е. именно въ томъ, въ чемъ іезуиты видѣли ея слабую сторону и ея позоръ.

Борцы за православіе. — Между панами—защитниками православія главными явились переселенецъ изъ Москвы князь *Андрей Курбскій* и князь *Константинъ Константиновичъ Острожскій*. Князь Курбскій, ученикъ Максима, по удаленіи изъ Москвы въ Литву, посвятилъ на защиту православія всѣ свои средства и силы. Съ этою цѣлію онъ велъ живую переписку съ вліятельными горожанами и панами западной Руси, предостерегая ихъ одинаково и отъ протестантства и отъ католичества. Считая самымъ лучшимъ средствомъ для борьбы съ врагами умноженіе книгъ и переводовъ, онъ очень жалѣлъ, что, по лѣности церковныхъ учителей, не переведено на русскій языкъ и десятой доли необходимыхъ отеческихъ книгъ, наконецъ, даже самъ принялся за это дѣло, для чего уже старикомъ выучился латинскому языку. По его просьбѣ, родственникъ его князь *Мих. Оболенскій* три года учился въ краковской академіи, ѣздилъ для науки за границу и потомъ помогалъ ему въ переводахъ. Кромѣ Оболенскаго, его помощниками были еще какой-то *Амвросій* и бѣжавшій съ Соловковъ старецъ *Артемій;* послѣдній нашелъ пріютъ въ Слуцкѣ у князя Юрія Олельковича и сдѣлался извѣстенъ своими сильными и краснорѣчивыми посланіями противъ протестантовъ и новоявившихся русскихъ еретиковъ Ѳеодосія Косого и Игнатія.—Князь К. К. Острожскій, богатый и могущественный вельможа, около 1580 года открылъ у себя въ Острогѣ высшую школу; это была самая древняя школа въ западной Руси вмѣстѣ съ слуцкой, открытою княземъ Слуцкимъ. При школѣ заведена

была типографія, въ которой работалъ извѣстный первопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ; вмѣстѣ съ виленской, львовской, заблудовской и краковской типографіями она долго снабжала богослужебными и учительными книгами всю Россію. Острожскій, какъ и Курбскій, такъ же велъ обширную переписку съ панами и поддерживалъ своими средствами и вліяніемъ галицкія братства. Любовь къ просвѣщенію увлекала его иногда даже на опасную дорогу, къ дружбѣ съ протестантами, за которую его укорялъ Курбскій, и къ мысли объ уніи съ Римской церковью, отъ которой онъ ждалъ для православія просвѣтительныхъ средствъ; впрочемъ онъ мыслилъ унію не иначе, какъ подъ условіемъ согласія на нее всей православной церкви.—Самымъ важнымъ памятникомъ его ревности къ вѣрѣ осталась *Острожская Библія* (1580—1581 г.), которая была первымъ печатнымъ изданіемъ Библіи въ Россіи. Изъ предисловія къ ней видно, какихъ трудовъ стоило ея изданіе; не было ни людей, способныхъ къ исправленію ея текста, ни полныхъ русскихъ списковъ Библіи. Единственный такой списокъ, присланный изъ Москвы въ 1575 г., оказался очень испорченнымъ. Острожскій выписалъ нѣсколько списковъ разныхъ библейскихъ книгъ съ востока,—отъ патріарха Іереміи, съ острова Кандіи, изъ монастырей греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ; и все-таки нѣсколько цѣлыхъ книгъ (Товита, Іудиѳь и 3 Ездры) и частей другихъ книгъ (Іереміи, Іезекіиля, Притчей) оказалось нужнымъ перевести съ Вульгаты. Изъ сотрудниковъ князя извѣстны *Герасимъ Смотрицкій*, трудившійся надъ изданіемъ Библіи, и клирикъ *Василій Суражскій*, написавшій по поводу книги Скарги и противъ протестантовъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ «Книги о единой истинной вѣрѣ» (изд. 1588 г.).

Братства.—Вельможное покровительство церкви однако не долго держалось. Благодаря іезуитамъ, паны быстро ополячивались и слѣдующее же поколѣніе ихъ выставило даже прямыхъ враговъ православію, каковыми были дѣти самихъ ревнителей вѣры—сынъ Курбскаго *Димитрій* и сынъ Острожскаго *Янушъ*. Для церкви болѣе надежной оказалась сила народная, сила городскихъ общинъ и братствъ съ ихъ школами. Въ концѣ XVI вѣка права ихъ получили подтвержденіе и расширеніе со стороны восточныхъ патріарховъ. Патріархъ *Іоакимъ* (антіохійскій), во время своего проѣзда чрезъ южную Россію (1586 г.), далъ грамату древнѣйшему львовскому братству. Утвердивъ обычныя правила всѣхъ братствъ о братскихъ сходкахъ и взносахъ, о вы-

борѣ старостъ, наблюденіи братьевъ за поведеніемъ другъ друга, о братскомъ судѣ и взаимной помощи въ нуждахъ, патріархъ, кромѣ того, далъ львовскому братству право обличать противныхъ закону Христову, отлучать ихъ отъ церкви, обличать самихъ епископовъ; въ ряду другихъ братствъ оно объявлено старѣйшимъ. Поощренное патріархомъ, братство завело у себя госпиталь, типографію и школу и своимъ вліяніемъ на церковныя дѣла сильно стѣснило власть мѣстнаго епископа *Гедеона Болобана*. Въ 1588 г. проѣздомъ въ Москву и 1589 на обратномъ пути западную Россію посѣтилъ константинопольскій патріархъ *Іеремія* и отнесся къ церковнымъ братствамъ еще съ большей благосклонностью.

Пріѣздъ патріарха Іереміи и положеніе въ это время церкви.—Іеремія засталъ православную церковь въ польскихъ владѣніяхъ въ самомъ печальномъ состояніи. Духовное значеніе и сила ея іерархіи были подорваны въ конецъ. Самъ митрополитъ кіевскій *Онисифоръ* былъ двоеженецъ. Епископы—перемышльскій *Михаилъ Копыстенскій*, холмскій—*Діонисій Збируйскій* и пинскій—*Леонтій Пельчинскій* были женаты,—послѣдніе двое и на епископствѣ жили съ женами. Будучи по происхожденію панами, архіереи и на епархіяхъ жили, какъ паны, въ замкахъ, окруживъ себя вооруженными слугами и пушками, дѣлали наѣзды на чужія земли и дрались между собою; епархіи были для нихъ чѣмъ-то въ родѣ вотчинъ, съ которыхъ они получали доходы, нисколько не заботясь о церковныхъ дѣлахъ. Виднѣе всѣхъ епископовъ былъ луцкій *Кириллъ Терлецкій*, родомъ дворянинъ, человѣкъ образованный, ловкій и дѣятельный, но всего менѣе достойный быть православнымъ епископомъ; сосѣди его по землямъ не разъ жаловались суду на его буйство и наѣзды, сопровождавшіеся даже убійствами. Въ дѣлѣ устроенія церкви и въ борьбѣ ея съ врагами на такихъ іерарховъ, конечно, нечего было надѣяться, и патріархъ естественно долженъ былъ предпочесть ихъ содѣйствію содѣйствіе мірянъ. Онъ еще болѣе усилилъ львовское братство, давъ ему новыя права: печатать всякія книги, руководить всѣмъ образованіемъ во Львовѣ, избирать и удалять отъ должности своихъ священниковъ. Кромѣ львовскаго братства, онъ утвердилъ своимъ благословеніемъ и граматою еще Троицкое братство въ Вильнѣ, которое тоже завело у себя школу и типографію.

Низложеніе митрополита Онисифора и возведеніе въ митрополиты Михаила Рогозы.—Патріархъ принялъ сторону мірянъ,—одно уже это должно было вооружить противъ него епископовъ. Но онъ затронулъ ихъ еще болѣе чувствительнымъ образомъ. Низложивъ митрополита Онисифора, онъ поставилъ на его мѣсто *Михаила Рогозу*, единственно по рекомендаціи мірянъ, вопреки даже собственному мнѣнію о его достоинствѣ. Рогоза былъ человѣкъ благочестивый и добрый, но, по своей слабости, наклонности служить двумъ господамъ, дѣйствительно не годился на митрополію въ такое бурное и опасное время. Не довѣряя ему, Іеремія ограничилъ его власть усиленіемъ Кирилла Терлецкаго, котораго сдѣлалъ своимъ экзархомъ въ южной Россіи съ правомъ надзора и суда надъ епископами, и этимъ, разумѣется, огорчилъ митрополита. Но не угодилъ онъ и Терлецкому, который мѣтилъ вовсе не на экзаршество, а на самую митрополію; притомъ же патріархъ не оказывалъ довѣрія и ему, принималъ и на него жалобы. Другіе епископы, въ родѣ Діонисія и Леонтія, были не мало встревожены граматами и дѣйствіями Іереміи противъ недостойныхъ священнослужителей и іерарховъ, хотя судъ его и не коснулся ихъ лично. Гедеонъ Болобанъ былъ недоволенъ патріархомъ за усиленіе львовскаго братства. Вслѣдствіе всего этого, какъ только патріархъ уѣхалъ, между архіереями пошли самые раздражительные толки, усердно поджигаемые іезуитами, о тяжкой зависимости отъ Грековъ, о томъ, что Русскіе для Грековъ овцы, которыхъ они только стригутъ, но не кормятъ, что на помощь востока надѣяться нечего, а слѣдуетъ серьезно подумать объ уніи съ Римомъ.

Подготовка и главные дѣятели уніи. — Всѣхъ нужнѣе была такая унія епископамъ. Подчиненіе Риму должно было избавить ихъ отъ власти патріарха, уравнять въ правахъ съ польскими бискупами и освободить отъ непріятнаго вмѣшательства въ ихъ дѣла со стороны мірянъ. И вотъ въ 1591 году къ королю поступила просьба, подписанная четырьмя епископами,—Кирилломъ луцкимъ, Гедеономъ львовскимъ, Діонисіемъ холмскимъ и Леонтіемъ пинскимъ, о подчиненіи Русской церкви папѣ подъ условіемъ сохраненія всѣхъ ея обрядовъ и обезпеченія правъ ея іерархіи. Сигизмундъ былъ очень радъ, обѣщалъ просителямъ разныя милости, защиту отъ патріарха и

неотъемлемость должностей. Все дѣло однако до поры до времени положено держать въ тайнѣ. Согласившіеся на унію епископы скоро нашли себѣ важнаго союзника,—это былъ вновь поставленный (въ 1593 году) владимірскій епископъ *Ипатій Поцѣй,* въ міру Адамъ Поцѣй, бывшій брестскій каштелянъ. Онъ былъ по происхожденію православный, но воспитывался въ кальвинской школѣ князя Радзивила, затѣмъ въ краковской іезуитской академіи и отпалъ отъ православія въ кальвинство, потомъ снова принялъ православіе, казался даже ревнителемъ церкви и находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ княземъ Острожскимъ. Сдѣлавшись епископомъ, онъ явился главнымъ дѣятелемъ уніи вмѣстѣ съ Терлецкимъ. Въ 1594 году самъ король назначилъ ихъ обоихъ къ поѣздкѣ въ Римъ въ качествѣ уполномоченныхъ отъ другихъ владыкъ для заключенія акта уніи. Собраніе полномочій на то отъ епископовъ, участвовавшихъ при первомъ рѣшеніи объ уніи, не представляло затрудненій. Оставалось уговорить главнаго первосвятителя Рогозу. Ипатій и Кириллъ энергично принялись за него, убѣдительно разъясняя ему съ одной стороны тѣ выгоды, какія можно получить отъ уніи, а съ другой—затруднительное положеніе передъ гнѣвомъ короля, если онъ откажется пристать къ уніи. Между тѣмъ составлены были самыя условія уніи для представленія королю и папѣ: упомянувъ о неприкосновенности православныхъ догматовъ и обрядовъ для уніатской церкви, владыки особенно настаивали здѣсь на огражденіи своихъ іерархическихъ правъ отъ нарушеній со стороны пановъ и братствъ, на цѣлости своихъ имѣній, на пріобрѣтеніи себѣ сенаторскихъ званій и на огражденіи себя отъ церковнаго вліянія Грековъ. Рогоза подписалъ эти условія, но, по своей слабохарактерности, сталъ дѣйствовать двусмысленно,—сносясь съ королемъ объ уніи, въ тоже время увѣрялъ православныхъ пановъ и братства, что не одобряетъ ея; обманывалъ и Терлецкаго съ Поцѣемъ,—стараясь выждать, чѣмъ кончится дѣло, не пріѣзжалъ къ нимъ на условленныя совѣщанія. Такое поведеніе его же поставило потомъ въ безвыходное положеніе. Терлецкій и Поцѣй, не надѣясь на него, вели все дѣло одни и надѣлали такъ много уступокъ латинству, что митрополитъ пришелъ въ ужасъ, а между тѣмъ слухи объ его измѣнѣ православію уже распространились и подорвали къ нему всякое уваженіе между православными.

Первый поднялся противъ уніи князь Острожскій и разослалъ окружное посланіе, въ которомъ извѣщалъ православный народъ о замыслѣ митрополита и епископовъ и возбуждалъ постоять за истинную вѣру. Западная Россія взволновалась. Испуганный общимъ волненіемъ, Гедеонъ, болѣе всѣхъ торопившійся въ дѣлѣ уніи, отсталъ отъ товарищей, объявивъ въ свое оправданіе, что владыка Кириллъ его обманулъ, взялъ у него и другихъ епископовъ бланкеты за подписью для написанія на нихъ просьбы королю только о привиллегіяхъ православной церкви, а написалъ что-то другое, противное православію. Къ нему присоединился еще другой изъ епископовъ, замышлявшихъ прежде унію, перемышльскій Михаилъ Копыстенскій. Среди такихъ обстоятельствъ, грозившихъ затѣянной уніи распаденіемъ, Терлецкій и Поцѣй поспѣшили поскорѣе кончить свое дѣло и осенью 1595 года отправились въ Римъ съ изъявленіемъ покорности папѣ. Тамъ въ читанномъ предъ лицемъ папы исповѣданіи вѣры они признали всѣ римскіе догматы: объ исхожденіи Святаго Духа, индульгенціяхъ, чистилищѣ и главенствѣ папы, а православію оставили одни только обряды. Папа (Климентъ VIII) радовался, говорилъ ласковыя слова, назначилъ въ честь уніи большое торжество и велѣлъ выбить медаль съ надписью: Ruthenis recepti̇s. А между тѣмъ въ Россіи братства и священники предавали измѣнниковъ архіереевъ проклятію; *Стефанъ Зизаній*, учитель львовскаго братства, перешедшій въ Вильну, громилъ ихъ въ своихъ проповѣдяхъ и издалъ сочиненіе: «Казаніе святаго Кирилла іерусалимскаго объ антихристѣ», гдѣ проведена была мысль, что папа и есть именно антихристъ. Острожскій своими посланіями волновалъ дворянъ и мѣщанъ и грозилъ правительству возстаніемъ; даже нѣкоторые католики не чаяли отъ уніи ничего хорошаго впереди.

Введеніе уніи на Брестскомъ соборѣ. — Въ концѣ 1596 года для введенія уніи собрался въ Брестѣ небывало-многолюдный и торжественный соборъ, на который, кромѣ епископовъ, духовенства и многихъ мірянъ, прибыли два патріаршихъ экзарха, *Никифоръ* отъ константинопольскаго и *Кириллъ Лукарисъ* отъ александрійскаго патріарховъ. Но соборъ этотъ съ самаго же начала раздѣлился на двѣ партіи, уніатскую и православную. Уніаты открыли засѣданія въ городскомъ соборѣ, а православные въ одномъ частномъ домѣ,

потомучто Поцѣй, къ епархіи котораго принадлежалъ Брестъ, распорядился затворить для нихъ всѣ городскіе храмы. Экзархъ Никифоръ три раза приглашалъ митрополита и 4 епископовъ уніатовъ на соборъ православныхъ; когда они не явились, соборъ лишилъ ихъ сана и единогласно отвергъ унію. Съ своей стороны уніатское собраніе отвѣчало проклятіемъ на православный соборъ и торжественнымъ актомъ о принятіи уніи, который былъ тогда же утвержденъ королемъ. Православные епископы были объявлены ослушниками своего митрополита и измѣнниками своей церкви, греческіе экзархи—самозванцами и шпіонами султана, всѣ православные—преступниками противъ духовной власти своихъ іерарховъ и противъ воли короля. Такъ совершилась пресловутая унія между православной и латинской церковію, явленіе, менѣе всего отвѣчавшее своему названію.

Усилія іезуитовъ и польскаго правительства къ распространенію уніи.—Непосредственно затѣмъ начались гоненія на православіе. Экзархъ Никифоръ былъ арестованъ и уморенъ голодомъ въ Маріенбургской тюрьмѣ. Кириллъ Лукарисъ спасся бѣгствомъ. Уніатскіе епископы выгоняли православныхъ священниковъ изъ приходовъ и ставили на ихъ мѣсто своихъ уніатовъ. Правительство тѣснило даже сильнаго князя Острожскаго, насчитывая на него разныя недоимки по сборамъ. Братства объявлены были мятежными сходками и подверглись преслѣдованіямъ. У православныхъ отбирали церкви; священники ихъ подвергались насиліямъ, заключались въ тюрьмы. Уніаты овладѣли даже Кіево-Софійскимъ соборомъ. Печерскій монастырь едва отстоялъ свою самостоятельность силой. Въ городахъ православныхъ не допускали до городскихъ должностей, стѣсняли въ ремеслахъ и торговлѣ. Нечего и говорить о страданіяхъ православнаго крестьянства, которое и прежде жило, какъ въ чистилищѣ, а теперь подверглось еще новымъ бѣдамъ отъ религіозной ревности своихъ пановъ. Въ имѣніяхъ католическихъ пановъ однѣ православныя церкви были насильственно обращаемы въ уніатскія, другія отдавались въ аренду жидамъ. Жидъ арендаторъ держалъ у себя церковные ключи и бралъ деньги за всякую церковную службу и требу, при чемъ еще жестоко издѣвался надъ религіей, за которую некому было заступиться.

Подобныя мѣры противъ православія въ видахъ распространенія уніи усилились особенно при преемникѣ Рогозы († 1599 года), самомъ энергичномъ изъ уніатскихъ митрополитовъ—Ипатіѣ Поцѣѣ. Занявъ митрополичью каѳедру, онъ завелъ нескончаемую борьбу съ православнымъ духовенствомъ и братствами, не гнушаясь при этомъ никакими средствами, въ родѣ доносовъ, клеветы и грубыхъ насилій, грабилъ и отнималъ въ унію православныя церкви, лишалъ приходовъ и истязалъ православныхъ священниковъ и ставилъ на ихъ мѣста уніатовъ, отбиралъ у монастырей имѣнія, не разъ покушался завладѣть самой Кіевопечерской лаврой съ ея богатыми имѣніями и всѣми мѣрами старался подорвать силу православныхъ братствъ. Троицкій монастырь виленскаго братства со всѣми имѣньями онъ отдалъ уніатамъ, которые немедленно завели при немъ, вмѣсто православнаго, свое уніатское братство. Православное братство послѣ этого (въ 1605 г.) основалось въ новомъ виленскомъ монастырѣ Святаго Духа и завело съ митрополитомъ горячій, но безплодный процессъ. Въ 1609 году онъ отобралъ въ унію всѣ виленскія церкви, кромѣ одной монастырской Святодуховской. Сильное раздраженіе, которое было возбуждено противъ него въ Вильнѣ, дошло до покушенія на его жизнь, кончившагося впрочемъ только тѣмъ, что онъ лишился двухъ пальцевъ на рукѣ. Пальцы эти долго лежали потомъ на престолѣ Троицкой церкви, какъ пальцы святого мученика. Преступника — одного панскаго гайдука — казнили, а православные горожане Вильны подверглись еще большимъ преслѣдованіямъ.

При всѣхъ однако усиліяхъ поднять унію на счетъ православія, она очень плохо поднималась. Уніаты влачили жизнь какими-то межеумками, презираемые и православными и католиками; вѣра ихъ, какъ и православіе, не переставала считаться исключительно хлопской вѣрой; паны и шляхта, измѣняя православію, стыдились уніи и переходили прямо въ настоящую панскую вѣру — католичество. Само правительство не очень-то высоко цѣнило унію; сенаторскихъ мѣстъ уніатская іерархія такъ и не получила, не смотря на всѣ обѣщанія короля Сигизмунда и іезуитовъ, и сравнительно съ католической іерархіей оставалась въ постоянномъ, обидномъ для нея приниженіи. Какъ Риму съ его іезуитами, такъ и Польшѣ унія нужна была не сама по себѣ, а только въ качествѣ переход-

ной ступени для православнаго народа къ чистому католичеству. Такой взглядъ на нее раздѣляли и первые ея вожди, Терлецкій и Поцѣй, остававшіеся уніатами только номинально. Поэтому, какъ только послѣдній изъ нихъ сдѣлался митрополитомъ, такъ и началъ усиленно стараться объ удаленіи уніи отъ православія и преобразованіи ея въ чистое латинство. По его вліянію, въ уніатское богослуженіе, которое всего болѣе связывало уніатовъ съ православной церковью, стали постепенно вводиться чисто католическіе обряды. Въ своемъ сочиненіи «Гармонія» (1608 г.) онъ безусловно восхвалялъ все латинское и горячо порицалъ православіе, а въ 12 пунктахъ своего руководства или инструкціи для уніатскихъ церквей требовалъ отъ своего духовенства такого полнаго подчиненія всѣмъ распоряженіямъ римскаго костела, которое подрывало самую сущность уніи и равнялось полному упраздненію самостоятельной уніатской церкви, вслѣдствіе чего противъ митрополита возбудилось противодѣйствіе въ средѣ самого уніатскаго духовенства. Бѣлое духовенство, болѣе близкое къ народу, чѣмъ іерархія и духовенство монашествующее, все еще сохраняло свою приверженность къ слабымъ остаткамъ православнаго элемента въ уніи и очевидно вовсе не соотвѣтствовало видамъ митрополита; отъ того, для выполненія своихъ плановъ, онъ постарался выдвинуть на первый планъ уніатское монашество, преобразовавъ его по образцу монашескихъ орденовъ латинской церкви и наполняя ряды его чистыми латинянами, какимъ былъ самъ.

Орденъ Базиліанъ.—Преобразованіе уніатскаго монашества началось съ отнятаго у виленскаго братства Троицкаго монастыря. Главнымъ пособникомъ митрополита въ этомъ дѣлѣ явился его намѣстникъ *Іосифъ Вельяминъ Рутскій*, одинъ изъ московскихъ измѣнниковъ, сынъ воеводы Вельяминова, перешедшій въ Литву въ 1568 году и обращенный здѣсь іезуитами въ латинство. Въ Римѣ, куда онъ ѣздилъ для науки, его убѣдили сдѣлаться уніатомъ и назначили дѣйствовать въ пользу католичества въ Литвѣ. Поставленный Поцѣемъ въ архимандриты Троицкаго монастыря, онъ принялъ въ преобразованіи уніатскаго монашества живѣйшее участіе. Уставъ новаго монашества объявленъ былъ основаннымъ на правилахъ святаго Василія Великаго, на самомъ же дѣлѣ цѣликомъ снятъ былъ съ организаціи католическихъ орденовъ. Къ этому уставу Рут-

скаго примкнули и другіе уніатскіе монастыри и образовался новый монашескій орденъ *Базиліанскій*, имѣвшій потомъ большое значеніе въ исторіи уніатской церкви, какъ самое сильное орудіе къ ея окатоличенію. Во главѣ ордена, въ качествѣ его генерала, былъ поставленъ протоархимандритъ, самъ Рутскій; отъ епархіальныхъ властей базиліанскіе монастыри объявлены независимыми, какъ и монастыри другихъ католическихъ орденовъ; для сношенія съ римской куріей орденъ имѣлъ въ Римѣ особаго прокуратора. Уніатскіе монастыри съ самаго же начала стали наполняться латинянами, принимавшими на себя только платье уніатскихъ монаховъ, даже прямо іезуитами. Основатели ордена, кромѣ сближенія чрезъ него уніи съ Римомъ, имѣли на него и другіе важные виды; онъ долженъ былъ восполнить крайнее нравственное убожество уніатской церкви, принявшей въ себя только самые дурные элементы изъ православнаго общества,—забитыхъ и невѣжественныхъ хлоповъ и почти не менѣе невѣжественную часть духовенства, долженъ былъ сдѣлаться средоточіемъ всего уніатскаго образованія, какимъ былъ орденъ іезуитовъ для церкви латинской, и разсадниковъ всѣхъ уніатскихъ властей. Ипатій Поцѣй не дожилъ до осуществленія этой задачи,—онъ умеръ въ 1613 году, утомленный своей необычайной дѣятельностью въ пользу уніи; но всѣ его планы наслѣдовалъ послѣ него его преемникъ, протоархимандритъ ордена, Іосифъ Вельяминъ Рутскій, управлявшій митрополіей 24 года. Онъ обогатилъ орденъ множествомъ имѣній, отнятыхъ у православныхъ, а частію и уніатскихъ монастырей и церквей, и поднялъ его значеніе до высочайшей степени. Въ 1617 году митрополитъ созвалъ конгрегацію представителей отъ всѣхъ уніатскихъ монастырей, на которой было рѣшено подчинить вѣдѣнію ордена всѣ уніатскія школы, усилить образованіе самихъ базиліанъ, для чего употребить между прочимъ стипендіи, предоставленныя папою уніатскому духовенству по разнымъ католическимъ семинаріямъ въ Римѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, избирать на епископскія мѣста только членовъ Базиліанскаго ордена и съ такою обязательностію, чтобы и самъ митрополитъ не могъ назначать себѣ викарія, какъ будущаго своего преемника, безъ согласія ордена. Наполненіе ордена чистыми латинянами при Рутскомъ дошло до того, что уніатское монашество совершенно облатинилось. Базиліанскія школы сдѣлались тоже совершенно

латинскими и выпускали изъ своихъ стѣнъ такихъ же ярыхъ приверженцевъ католичества, какъ и школы іезуитскія. Подъ вліяніемъ ихъ воспитанниковъ унія все болѣе и болѣе уклонялась къ католичеству не только въ ученіи, но и въ обрядности.

Противодѣйствіе уніи со стороны православныхъ.—Положеніе православной церкви съ начала XVII вѣка сдѣлалось положительно невыносимымъ, особенно въ Литвѣ, на Волыни и въ Галиціи;—Малороссія, благодаря силѣ казачества, была еще нѣсколько спокойнѣе. Учитель виленской братской школы *Мелетій Смотрицкій* въ 1610 году горько оплакивалъ бѣдствія православія въ сочиненіи «Ѳриносъ или Плачъ церкви восточной», которое поразило своей печальной правдой самихъ латинянъ. Одинъ волынскій депутатъ *Лаврентій Древинскій* выступилъ въ защиту православія съ сильной рѣчью на сеймѣ 1620 года. «Уже въ большихъ городахъ, говорилъ онъ, церкви запечатаны, церковныя имѣнія расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ,—тамъ скотъ запираютъ. Дѣти мрутъ безъ крещенія; покойниковъ вывозятъ изъ городовъ безъ погребенія, какъ падаль; мужья съ женами живутъ безъ церковнаго благословенія; народъ умираетъ безъ причащенія. Такъ дѣлается въ Могилевѣ, Оршѣ, Минскѣ. Во Львовѣ неуніатъ не можетъ къ цеху приписаться; къ больному съ святыми тайнами открыто идти нельзя. Въ Вильнѣ тѣло православнаго покойника нужно вывозить въ тѣ только ворота, въ которыя изъ города вывозятъ нечистоту»... Православные постоянно подвергались оскорбленіямъ и насиліямъ то уличной черни, то оборванныхъ польскихъ жолнеровъ и рыцарей, которые воротились изъ Москвы послѣ смутнаго времени, то іезуитскихъ школяровъ, нафанатизированныхъ своими наставниками и нападавшихъ на православныя процессіи, церкви и частные дома; они жаловались на эти насилія въ судахъ, но управы не получали. Сильныхъ защитниковъ у нихъ уже не было. Самый дѣятельный изъ нихъ, князь Острожскій умеръ въ 1608 году, а другіе сильные паны успѣли опомячиться. Остались одни защитники, — казаки. Гетманъ реестровыхъ казаковъ *Канашевичъ Сагайдачный* умѣлъ искусно сдерживать фанатизмъ Поляковъ до самой своей смерти († 1622); казаки притомъ же были нужны тогда Польшѣ для войны съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и съ Турціею, и правительству было бы крайне

безтактно раздражать ихъ притѣсненіемъ Малороссіи за вѣру, тѣмъ болѣе, что за реестровымъ казачествомъ въ степяхъ Украины, послѣ возникновенія уніи, съ опасной быстротой возрастала грозная сила вольнаго степного казачества. И прежде угнетенные хлопы толпами бѣгали въ степь въ казаки, унося туда съ собою страшную ненависть къ польскому панству; послѣ уніи противогосударственное вольное казачество получило неожиданно новое и весьма высокое значеніе, ставъ подъ знамя вѣры и народности. Но сила этихъ защитниковъ вѣры и народности не простиралась далѣе границъ Малороссіи, притомъ же по своей грубости была далеко непригодной для настоящей религіозной борьбы съ уніей. Православной церкви приходилось поэтому надѣяться главнымъ образомъ на свои духовныя силы, которыхъ, къ ея счастью, оказывалось у нея постоянно болѣе, чѣмъ у церкви уніатской, не смотря на поддержку послѣдней со стороны іезуитовъ.

Борьба съ уніей духовнымъ оружіемъ началась непосредственно послѣ собора 1596 года. Скарга издалъ сочиненіе, въ которомъ православный соборъ этого года противъ уніи признавался незаконнымъ, на томъ основаніи, что міряне, которые составляли на немъ *большинство, не имѣли будто бы* права вмѣшиваться *въ церковныя дѣла, напротивъ, обязаны* были во всемъ повиноваться своей іерархіи, а іерархія ихъ приняла унію. Сочиненіе это вызвало «Апокрисисъ альбо отповѣдь», написанную (1592) *Христофоромъ Филалетомъ* (псевдонимъ одного протестанта *Христофора Бронскаго*, взявшагося защищать православныхъ). Въ противность мыслямъ Скарги авторъ развивалъ здѣсь мысль о правѣ участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ; въ христіанствѣ, по его мнѣнію, не одно колѣно Левіино пользуется священными правами, но всѣ цари и іереи; если нужно слушаться іерархіи, то православные все-таки правы, не приставши къ уніи вмѣстѣ съ своими владыками Гедеономъ и Михаиломъ; правы будутъ и овцы Кирилла луцкаго, если вслѣдъ за нимъ потуречатся, а потуречиться онъ очень можетъ; значитъ, не на титулы духовные нужно смотрѣть, а на что-то иное. Раздраженіе іезуитовъ противъ Апокрисиса выразилось въ бранномъ сочиненіи «Антиррисисъ», гдѣ Христоферъ Филалетъ уличается въ протестантствѣ. Со стороны православныхъ около 1605 года во Львовѣ вышло еще подробное историческое сочиненіе объ уніи—«Перестрога»

(предостереженіе). Послышался сильный голосъ противъ уніи съ востока, — въ посланіяхъ на Русь патріарха александрійскаго *Мелетія Пигаса* и русскихъ иноковъ съ Аѳона. Русскій монахъ *Іоаннъ Вишенскій* посылалъ оттуда свои посланія къ князю Острожскому, къ Львовскому братству и къ уніатскимъ епископамъ и написалъ «Краткое извѣщеніе о латинскихъ прелестѣхъ». Въ сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ онъ обличалъ упадокъ вѣры и благочестія въ высшихъ классахъ православнаго общества, мірскую жизнь владыкъ, жадность ихъ до почестей и имѣній, притѣсненія духовенству, наѣзды на чужія имѣнія, симонію, и проч. Горячо возставая противъ всякихъ латинскихъ прелестей, строгій аѳонскій монахъ доходилъ при этомъ даже до крайняго ригоризма и цѣликомъ отрицалъ всю латинскую ученость, совѣтуя православнымъ обратиться, вмѣсто нея, лучше къ Часослову, Псалтири и другимъ церковнымъ книгамъ и больше молиться Богу, Который одинъ только и можетъ спасти православныхъ отъ бѣдъ.

Братскія школы и вышедшіе изъ нихъ защитники православія. — Братскія школы въ этой духовной борьбѣ за православіе оказали особенно важныя заслуги. Не смотря на всѣ притѣсненія отъ католиковъ и уніатовъ, братства продолжали умножаться повсюду; кромѣ львовскаго и виленскаго, устроились братства въ Перемышлѣ, Слуцкѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и другихъ мѣстахъ. Всѣ они заводили у себя школы, а нѣкоторыя и типографіи. Въ 1615 году жена мозырскаго повѣтоваго маршалка *Гальшка* (Елизавета) *Гулевичева* пожертвовала въ Кіевѣ мѣсто и нѣсколько зданій для устройства новаго братскаго монастыря со школою, — православные устроили тутъ кіевское Богоявленское братство съ знаменитымъ потомъ братскимъ училищемъ. Въ 1620 году гетманъ Сагайдачный выстроилъ для братскаго монастыря Богоявленскую церковь, а патріархъ *Ѳеофанъ* далъ ей права патріаршей ставропигіи. Первымъ настоятелемъ Богоявленскаго монастыря былъ *Исаія Копинскій*, а первымъ ректоромъ братской школы *Іовъ Борецкій* бывшій прежде ректоромъ львовской школы. Въ образованіи всѣхъ братскихъ школъ преобладалъ тогда греческій элементъ, принесенный сюда съ востока главными распространителями просвѣщенія въ южной Россіи, Греками. Не было въ этихъ школахъ ни обширныхъ курсовъ, ни строгаго дѣленія на классы, ни даже строго систематическаго преподаванія,

тѣмъ не менѣе образованіе ихъ стояло довольно высоко и было полезно для своего времени. Изъ нихъ вышли многіе видные дѣятели просвѣщенія, богословы, борцы противъ уніи, проповѣдники, переводчики, исправители книгъ.—Изъ острожскихъ школъ вышли: Исаія Копинскій, извѣстный въ свое время проповѣдникъ *Леонтій Карповичъ*, много страдавшій за православіе, съ 1615 года архимандритъ виленскаго Духова монастыря, и *Мелетій Смотрицкій*. Изъ львовскихъ школъ: корецкій протоіерей *Лаврентій Зизаній Тустановскій*—авторъ Большого Катихизиса; учитель львовскій, затѣмъ іеромонахъ-проповѣдникъ *Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій*, написавшій «Учительное Евангеліе» (1619) и «Зерцало Богословія» (1618)—первый опытъ догматической системы, несовсѣмъ впрочемъ чистый отъ латинскихъ мнѣній, и (по переходѣ въ унію въ 1626 г.) «Перло многоцѣнное»—нравоучительный сборникъ со множествомъ стиховъ († 1646); іеромонахъ *Памва Берында*—составитель обширнаго славянскаго лексикона; печерскій іеромонахъ и съ 1624 года архимандритъ *Захарія Копыстенскій*, авторъ историческаго и полемическаго изслѣдованія противъ латинъ «Палинодіи» (1621) и «Книги о вѣрѣ единой» (1619) преимущественно противъ протестантовъ. Изъ братскихъ же школъ выходили всѣ лучшіе представители православной іерархіи.

Кромѣ братскихъ школъ, православная церковь нашла себѣ сильную духовную опору въ своихъ *монастыряхъ*. Вмѣстѣ съ подъемомъ просвѣщенія современная борьба съ уніей сильно повліяла на подъемъ и нравственнаго уровня въ обществѣ и іерархіи и на оживленіе монашеской жизни. Не смотря на отнятіе у православныхъ множества обителей въ унію, число православныхъ монастырей было все-таки постоянно больше числа уніатскихъ, и большая часть ихъ отличалась многолюдствомъ, имѣя въ своихъ стѣнахъ до 80, 100 и 200 иноковъ, тогда какъ уніатскіе монастыри стояли почти пустые. Уніатская іерархія и базиліане обращали вниманіе не столько на жизнь этихъ монастырей, сколько на ихъ фундуши. Въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ уніи, самыхъ тяжелыхъ для православной церкви, возникло до 10 новыхъ православныхъ монастырей и между ними три монастыря такихъ, какъ Почаевскій, виленскій Святодуховскій и кіевскій братскій, которые сдѣлались главными оплотами православія для цѣлыхъ краевъ Россіи,—

первый для Волыни, второй для Литвы, третій вмѣстѣ съ кіево-печерскою лаврой для Малороссіи. Съ 1599 года архимандритомъ печерскаго монастыря поставленъ былъ *Елисей Плетенецкій*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей того времени, сдѣлавшійся истиннымъ отцемъ для этой знаменитой обители, виновникомъ ея полнаго обновленія послѣ несчастнаго упадка ея за прежнее время: онъ окончательно упрочилъ ея самостоятельность противъ покушеній уніатовъ, съ которыми все время своего управленія велъ длинные процессы, значительно обстроилъ ее совнѣ, возстановилъ въ ней общежитіе и поднялъ иноческую жизнь, собралъ ученыхъ людей, нужныхъ для поддержки современнаго просвѣтительнаго движенія и религіозной борьбы, завелъ типографію, съ помощью которой развилъ въ монастырѣ широкую издательскую дѣятельность на пользу всей Россіи, учредилъ институтъ проповѣдничества и устраивалъ школы. Благочестивый, просвѣщенный и неутомимый архимандритъ скончался въ 1624 году, назначивъ себѣ преемникомъ Захарію Копыстенскаго. Въ Вильнѣ благоустроителемъ монашества явился первый архимандритъ братскаго Духова монастыря *Леонтій Карповичъ* († 1620), оказавшій большія услуги и обители и братству. Издательская дѣятельность этого монастыря производилась съ помощію двухъ его типографій: въ Вильнѣ и мѣстечкѣ Евю; значеніе Духовской обители возвысилось до того, что подъ ея патронатъ спѣшили стать многіе другіе монастыри разныхъ литовскихъ городовъ и мѣстечекъ, а въ борьбѣ съ уніей она съ своимъ братствомъ сдѣлалась настоящимъ центромъ для всей Литвы. Въ Галиціи и на Волыни виновникомъ оживленія иноческой жизни былъ *Іовъ Княгининскій*, воспитанникъ острожскихъ школъ, долго подвизавшійся на Аѳонѣ; онъ одинъ основалъ и устроилъ по общежительному уставу до 5 монастырей во Львовской епархіи († 1621). Святостію жизни и страданіями отъ уніатовъ на Волыни особенно извѣстенъ преподобный *Іовъ Желъзо*, игуменъ сначала Дубенскаго, потомъ Почаевскаго монастыря († 1651). Благодаря такому духовному подъему въ средѣ монашества, произошелъ замѣтный нравственный подъемъ и въ средѣ самой іерархіи, которая находилась прежде въ такомъ печальномъ положеніи: въ рядахъ ея являются лица съ высшимъ подвижническимъ настроеніемъ, какъ *Исаія Копинскій*—строгій аскетъ, устроитель нѣсколькихъ монастырей, копавшій самъ

пещеры въ бытность смоленскимъ епископомъ, *Исаакій Борисковичъ*, долго жившій на Аѳонѣ, съ 1620 года епископъ луцкій, и другіе.

Возстановленіе православной іерархіи патріархомъ Ѳеофаномъ. — Среди гоненій для церкви всего опаснѣе было оскудѣніе ея іерархіи. Одинъ за другимъ умерли единственные православные епископы—Гедеонъ Болобанъ (1607) и Михаилъ Копыстенскій (1612), въ послѣднее время едва успѣвавшіе посвящать священниковъ на праздныя мѣста. Послѣ ихъ смерти со всей западной Россіи за посвященіемъ приходилось обращаться къ одному львовскому епископу, преемнику Гедеона, *Іереміи Тиссаровскому*, успѣвшему добиться каѳедры притворной присягой уніи. Недостатокъ въ духовенствѣ заставлялъ православныхъ по неволѣ обращаться съ требами къ попамъ уніатскимъ. Такое критическое положеніе православія продолжалось до 1620 года, когда въ Малороссію пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ *Ѳеофанъ*, снабженный на устройство здѣсь церковныхъ дѣлъ полномочіями отъ константинопольскаго патріарха. По просьбѣ православныхъ, онъ принялся за возстановленіе православной іерархіи,—въ митрополиты поставилъ игумена Кіево-Михайловскаго монастыря *Іова Борецкаго*, затѣмъ рукоположилъ еще 6 епископовъ: въ Полоцкъ, Владиміръ, Луцкъ, Перемышль, Холмъ и Пинскъ. Но польское правительство не признало этой возстановленной іерархіи законною, такъ какъ де она заняла каѳедры еще живыхъ епископовъ (т.-е. уніатскихъ). П. Ѳеофанъ былъ объявленъ самозванцемъ, а поставленныхъ имъ епископовъ велѣно схватить и отдать подъ судъ. Кромѣ митрополита, водворившагося съ своимъ капитуломъ въ Кіевѣ, они даже не могли поселиться въ своихъ епархіяхъ, а должны были встать подъ защиту казачества и проживать или въ Кіевѣ, или по разнымъ монастырямъ.

Митрополитъ Іовъ Борецкій.—Все время митрополитствованія Іова прошло поэтому въ постоянной борьбѣ съ врагами православія. Для внутренняго устроенія церкви онъ разсылалъ окружныя посланія съ увѣщаніями православнымъ крѣпко стоять въ своей вѣрѣ и собиралъ соборы. Въ 1621 году въ Кіевѣ былъ созванъ замѣчательный соборъ, составившій «Совѣтованіе о благочестіи» (т. е. православіи), выразительный актъ о мѣрахъ къ подъему нравственныхъ и просвѣтительныхъ

силъ церкви; такими мѣрами признаны: благочестивая жизнь духовенства, проповѣдь противъ уніи и католичества, печатаніе книгъ въ защиту православія, учрежденіе школъ и братствъ, созываніе соборовъ, живыя сношенія съ востокомъ, вызовъ съ Аѳона русскихъ иноковъ (Іоанна Вишенскаго), посылка туда русскихъ, какъ въ духовную школу, выборъ достойныхъ кандидатовъ на церковныя мѣста. Полемика съ уніей должна была теперь исключительно заняться оправданіемъ обновленной іерархіи. Мелетій Смотрицкій, посвященный въ епископа полоцкаго, для этого написалъ «Оправданіе невинности». Подъ конецъ этой полемики явилось сочиненіе, разсмотрѣвшее вполнѣ всѣ вопросы касательно уніи,—«Палинодія» Копыстенскаго, направленная противъ «Обороны уніи» (1617) уніатскаго архимандрита *Льва Кревзы*. Законность дѣйствій патріарха Ѳеофана была доказана. Къ тому же казаки рѣшительно заявили, что не пойдутъ воевать съ Турками, если правительство не признаетъ законности новой православной іерархіи. Сеймъ 1623 года обѣщалъ наконецъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ православныхъ и опредѣлилъ уничтожить всѣ декреты, банниціи, секвестры и тяжбы, бывшія доселѣ слѣдствіемъ религіозной вражды. Но неожиданное событіе уничтожило всѣ плоды такого миролюбиваго настроенія сейма и повело за собой новыя гоненія на православныхъ: это было убіеніе полоцкаго уніатскаго епископа *Іосафата Кунцевича*, самаго фанатичнаго поборника уніи. Назначеніе въ Полоцкъ православнаго архіерея Мелетія было для Кунцевича сильнымъ ударомъ: къ Мелетію перешло отъ него множество приходовъ. Послѣ этого онъ прибѣгнулъ противъ православныхъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ насилія, такъ что даже самъ митрополитъ Іосифъ Рутскій и канцлеръ Левъ Сапѣга нашли нужнымъ умѣрить его ревность. Сапѣга написалъ къ нему длинное посланіе, въ которомъ доказывалъ, что его фанатизмъ дѣлаетъ унію опасной для самого государства, источникомъ опасныхъ волненій. Но Кунцевичъ не въ состояніи былъ внимать подобнымъ совѣтамъ; въ своемъ фанатизмѣ онъ не заботился даже о своей собственной безопасности и упрямо самъ лѣзъ на подвигъ мученичества. Въ Витебскѣ, не дозволяя православнымъ совершать богослуженіе даже въ шалашахъ за городомъ, онъ до того раздражилъ народъ, что чернь (осенью 1623 года) бросилась на него, избила до смерти палками и кинула его обезображенный трупъ въ Двину.

Легко понять, какъ это убійство повредило православной церкви. Католики и уніаты причислили убитаго къ лику мучениковъ, составили легенды о его святой жизни и чудесахъ отъ его мощей. Папа Урбанъ VIII писалъ посланія къ королю, епископамъ и панамъ, взывая о мщеніи и проклиная тѣхъ, кто теперь удерживаетъ мечъ отъ крови. До 10 витебскихъ гражданъ предано смертной казни; городъ лишенъ Магдебургскаго права; по всей Бѣлоруссіи запрещено было строить и даже чинить православные храмы. Мелетій Смотрицкій, который болѣе всѣхъ подвергался опасности изъ-за убійства Кунцевича, удалился изъ своей епархіи въ Кіевъ, а отсюда на востокъ. Гоненіе на православныхъ распространилось повсюду, не исключая и Малороссіи, защитникъ которой Сагайдачный уже умеръ († 1622). Кіевъ едва спасся отъ запечатанія всѣхъ церквей, и то благодаря лишь рѣшительному протесту казацкаго войска. Православная іерархія такъ и не была признана правительствомъ. Митрополитъ Іовъ въ 1625 году задумалъ даже проситься вмѣстѣ со всей Малороссіей въ московское подданство. Царь Михаилъ отказалъ ему въ этой просьбѣ, но мысль о московскомъ подданствѣ послѣ этого уже никогда не умирала въ Малороссіи.

Между тѣмъ среди всѣхъ этихъ тревогъ православная церковь понесла нѣсколько чувствительныхъ потерь отъ измѣны православію нѣкоторыхъ видныхъ своихъ членовъ. Около 1626 года въ унію перешли ректоръ кіевской братской школы *Кассіанъ Саковичъ*, извѣстный Кириллъ Транквилліонъ и наконецъ Мелетій Смотрицкій. Многіе давно уже замѣчали шаткость богословскихъ убѣжденій Мелетія, проявлявшуюся въ его сочиненіяхъ (въ Оправданіи невинности и въ трактатѣ объ исхожденіи Святаго Духа) еще тогда, когда онъ считался самымъ ревностнымъ борцомъ за православіе. На епископствѣ его встрѣтили всѣ опасности тогдашняго раздраженія противъ новыхъ архіереевъ со стороны католиковъ и уніатовъ и, кромѣ того, непріятныя столкновенія съ сильнымъ виленскимъ братствомъ. На востокѣ онъ успѣлъ было выхлопотать противъ автономіи братствъ и ставропигій патріаршую грамату, но по возвращеніи въ Россію (1625—1626) встрѣченъ былъ за это такою ненавистью еще въ Кіевѣ, что не рѣшился и ѣхать къ себѣ въ Вильну, а поселился въ богатомъ Дерманскомъ монастырѣ, для полученія котораго отъ его патрона, князя Заславскаго, принялъ унію. Онъ впрочемъ болѣе года таилъ свое

уніатство и сносился съ митрополитомъ Іовомъ, какъ православный епископъ. Когда отступничество его наконецъ открылось, онъ сталъ оправдывать себя тѣмъ, будто бы православная церковь сама сдружилась съ протестантами, что ересями послѣднихъ наполнены всѣ сочиненія ея защитниковъ,—Зизанія, Филалета, Ортолога, Василія, что самъ патріархъ Кириллъ Лукарисъ кальвинистъ и что спасеніе только и можно найти въ союзѣ съ неповрежденною церковію Римскою. Мысли эти онъ изложилъ въ «Апологіи» своего путешествія на востокъ. Кіевскій соборъ 1628 года осудилъ эту «Апологію» и заставилъ Мелетія отречься отъ нея. Слуцкій протоіерей *Андрей Мужиловскій* написалъ противъ нея «Антидотъ» (противоядіе). Но, выѣхавъ изъ Кіева, Мелетій немедленно отказался отъ своего покаянія на соборѣ 1628 г., какъ вынужденнаго. и отвѣчалъ Мужиловскому «Эктезисомъ или Расправою между Апологіей и Антидотомъ», кромѣ того написалъ «Паренесисъ (Увѣщаніе) къ Русскому народу» о принятіи уніи. Онъ оставался потомъ неизмѣнно вѣрнымъ уніи до самой своей смерти († 1633).

Митрополитъ Исаія Копинскій.—По смерти митрополита Іова, въ 1631 г. на мѣсто его былъ избранъ смоленскій епископъ Исаія Копинскій. Онъ былъ изъ воспитанниковъ острожскихъ школъ, долго подвизался въ Печерскомъ монастырѣ, въ 1620 году былъ поставленъ епископомъ Перемышльской епархіи, затѣмъ переведенъ въ Смоленскую. Это былъ великій ревнитель православія, но человѣкъ уже престарѣлый и мало способный къ дѣламъ, особенно въ такое бурное время, какое настало для церкви на другой годъ послѣ его поставленія на митрополію. Въ 1632 году послѣдовала смерть главнаго покровителя уніи, короля Сигизмунда, произведшая самое оживленное движеніе въ средѣ православныхъ. Духовенство, дворяне, братства, казаки—всѣ готовили на предстоявшіе сеймы свои представленія о возвращеніи православію отнятыхъ правъ и положили не прежде приступить къ избранію короля, какъ послѣ рѣшенія этого главнаго религіознаго вопроса. Виленское братство приготовило цѣлую книгу «Синопсисъ» или краткое обозрѣніе правъ православной церкви. Избирательный сеймъ удовлетворилъ желаніямъ православныхъ. Послѣ сильныхъ споровъ со стороны уніатовъ и католическаго духовенства на немъ выработаны были чрезвычайно важныя статьи, въ силу которыхъ православная іерархія послѣ 36 лѣтъ существованія уніи

въ первый разъ получила наконецъ законное признаніе со стороны правительства;—опредѣлено было: избрать для православныхъ митрополита и четверыхъ епископовъ на каѳедры львовскую, луцкую, перемышльскую и (новооткрытую вмѣсто полоцкой) мстиславскую, предоставить православнымъ полную свободу вѣры, утвердить права ихъ братствъ, школъ и типографій и возвратить имъ нѣсколько церквей и монастырей. Православные были, конечно, рады, добившись утвержденія такихъ важныхъ для себя правъ, и стали питать большія надежды на новаго короля *Владислава*; но надежды эти не сбылись и при новомъ королѣ. Лучшія церкви, монастыри и ихъ вотчины были своевольно удержаны за уніей. Правительство оказалось совершенно безсильнымъ не только для приведенія въ исполненіе означенныхъ распоряженій, но къ огражденію православныхъ даже отъ такихъ уже явно беззаконныхъ обидъ, каковы были разбойническіе нашѣзды на православные монастыри, буйства іезуитскихъ школяровъ и черни надъ православными церквами и проч. Вслѣдствіе такого безсилія правительства расправа за обиды естественно должна была, какъ это не разъ бывало и прежде, перейти въ руки слѣпой народной силы, и правленіе Владислава—одного изъ лучшихъ королей Польши—сдѣлалось однимъ изъ самыхъ бурныхъ. Въ отвѣтъ на несправедливости и жестокости католиковъ и уніатовъ съ православной стороны вспыхнули казацкіе бунты, а въ отвѣтъ на бунты со стороны Поляковъ послѣдовали жестокія казни и новыя притѣсненія православію. По городамъ и селамъ, гдѣ было сильно католическое населеніе, даже въ самой Малороссіи, церкви, какъ и прежде, были обращаемы въ костелы или пустѣли въ жидовской арендѣ. Нѣсколькимъ пьянымъ шляхтичамъ ничего не стоило напасть на православную церковь, варварски избить духовенство, взять церковные сосуды или оклады съ иконъ и пропить въ шинкѣ у жида. Жидовки щеголяли въ нагрудникахъ изъ церковныхъ облаченій. Православные монахи и казаки стали массами переселяться въ Великороссію, куда обращены были теперь взоры всѣхъ патріотовъ. Подготовлялось славное дѣло Богдана Хмѣльницкаго.

Петръ Могила.—Митрополитъ Исаія былъ устраненъ отъ митрополіи въ самомъ началѣ правленія Владислава. Пользуясь сеймовымъ постановленіемъ о возстановленіи правъ православной церкви, православные еще во время самаго сейма при-

ступили къ избранію для себя новаго митрополита и епископовъ. Всѣ пять православныхъ святительскихъ каѳедръ, утвержденныхъ сеймомъ, были уже заняты, но занимавшіе ихъ іерархи до сихъ поръ все еще не признавались правительствомъ законными, кромѣ Іереміи львовскаго, притомъ были всѣ уже люди престарѣлые; поэтому положено было замѣнить ихъ новыми, не исключая и митрополита. На митрополичью каѳедру былъ избранъ самый дѣятельный изъ духовныхъ депутатовъ сейма, который и велъ все дѣло о правахъ православной церкви. Это былъ знаменитый *Петръ Могила*. Онъ былъ сынъ валашскаго и молдавскаго воеводы Симеона Могилы, въ молодости получилъ высокое богословское образованіе отъ учителей львовскаго братства и въ заграничныхъ школахъ, потомъ, послѣ потери его фамиліей господарства, жилъ въ Польшѣ, участвовалъ въ битвѣ Поляковъ съ Турками подъ Хотиномъ, наконецъ въ 1627 году постригся въ монахи и сдѣлался печерскимъ архимандритомъ всего 30-ти лѣтъ отъ роду. Будучи назначенъ отъ митрополита Исаіи депутатомъ на избирательный сеймъ, онъ выдался здѣсь впередъ между всѣми другими депутатами и употребилъ все свое вліяніе и таланты на защиту православія. Бывшій воеводичъ, съ большими связями среди польской и русской знати, лично извѣстный самому королю, онъ былъ принятъ въ Варшавѣ съ уваженіемъ и, когда на сеймѣ зашла рѣчь объ избраніи митрополита, православные депутаты тутъ же избрали на этотъ важный постъ его самого. Король и патріархъ Кириллъ Лукарисъ утвердили это избраніе, и въ 1633 году Могила былъ посвященъ во Львовѣ. Въ Кіевѣ его встрѣтили съ большимъ торжествомъ и радостью. Митрополитъ Исаія не хотѣлъ было уступать ему своего мѣста, выставляя на видъ незаконность его поставленія при живомъ предмѣстникѣ, но послѣ долгихъ пререканій долженъ былъ поневолѣ оставить митрополію; остатокъ своей жизни онъ провелъ въ безвѣстныхъ монастырскихъ подвигахъ († 1640 г.). Во время своего святительства Петръ Могила оказалъ православной церкви большія услуги; онъ неоднократно заступался за православныхъ людей и права церковныхъ учрежденій предъ правительствомъ, нѣсколько разъ заставлялъ послѣднее подтверждать постановленія сейма 1632 года о правахъ православія, заботился о возстановленіи памятниковъ православной древности,—богато украсилъ Печерскую лавру, возстановилъ изъ полнаго почти разворенія отнятый имъ у уніатовъ Софійскій соборъ, древній Выдубецкій

монастырь, церковь Спаса на Берестовѣ, церковь трехъ святителей и одинъ придѣлъ Десятиннаго храма, находившагося подъ землею въ развалинахъ, при чемъ обрѣлъ мощи святаго князя Владиміра, кромѣ того, писалъ и издавалъ сочиненія въ защиту православія, исправлялъ церковныя книги и заботился объ усиленіи въ православной церкви просвѣщенія.

Преобразованіе Петромъ Могилою кіевской школы. — Получивши широкое западное образованіе, Могила былъ недоволенъ прежнимъ образованіемъ братскихъ школъ съ его греческимъ характеромъ и однимъ только среднимъ курсомъ обученія. Еще будучи печерскимъ архимандритомъ, онъ захотѣлъ открыть у себя въ монастырѣ новую школу, латинскую и съ высшимъ курсомъ, по образцу іезуитскихъ коллегій, и для этого собралъ около себя нѣсколько ученыхъ наставниковъ, отчасти изъ молодыхъ, людей, получившихъ образованіе на западѣ, каковъ былъ *Иннокентій Гизель*, родомъ изъ польской Пруссіи, въ Кіевѣ принявшій православіе и монашество, отчасти изъ ученыхъ разныхъ братствъ, каковы были *Сильвестръ Коссовъ*, *Исаія Трофимовичъ Козловскій* и другіе; но православные кіевляне и самъ митрополитъ Исаія съ епископами и духовенствомъ стали уговаривать его не дѣлать этимъ подрыва прежней братской школѣ, послѣ чего въ 1632 году онъ соединилъ новооткрытую печерскую школу съ братской и принялся преобразовывать послѣднюю въ высшее заведеніе съ принятымъ на западѣ латинскимъ курсомъ. Онъ обстроилъ ее новыми зданіями, обогатилъ лаврскими вотчинами, собиралъ на нее пожертвованія, а сдѣлавшись митрополитомъ, переименовалъ ее въ коллегію. По примѣру іезуитскихъ коллегій, она стала раздѣляться на школы или классы: фару, инфиму, грамматику, синтаксиму, піитику, риторику, философію и богословіе. Начальственными лицами въ ней были ректоръ (первый Исаія Трофимовичъ), префектъ (первый Сильвестръ Коссовъ) и суперъинтендентъ, имѣвшій помощниками сеніоровъ, цензоровъ и визитаторовъ изъ учениковъ. Въ высшихъ классахъ введены были богословскіе диспуты на латинскомъ языкѣ. Науки преподавались по схоластическому методу; въ философіи господствовалъ Аристотель, въ богословіи—Ѳома Аквинатъ. Изъ языковъ славянскій стоялъ на второмъ планѣ, греческій преподавался слабо, за то латинскій получилъ полное господство, употреблялся и на лекціяхъ, и въ оккупаціяхъ учениковъ, и на диспутахъ, и въ обыкно-

венномъ разговорѣ; кто проговаривался по русски, того записывали въ calculus (листъ въ деревянномъ футлярѣ); бѣда если calculus оставался у виноватаго на ночь, — въ немъ писалось тогда: pernoctavit apud dominum NN, и бѣдный dominus на другой день подвергался наказанію. На первыхъ порахъ въ Кіевѣ очень непривѣтливо встрѣтили новую науку. Въ 1631 году, когда Могилинская школа только лишь открылась въ Печерскомъ монастырѣ, между священниками и кіевскими обывателями пошли ходить тревожные слухи, что она уклонилась въ латинство; народъ взволновался, грозилъ раззорить ее, а латынщиками начинить днѣпровскихъ осетровъ. Въ школѣ такъ были напуганы этимъ волненіемъ, что всѣ стали исповѣдываться, готовясь къ смерти. Около 1634 года кіевская коллегія подверглась опасности съ другой стороны, со стороны латино-уніатской, встревоженной ея успѣхами. Латино-уніатская партія съ митрополитомъ Рутскимъ во главѣ пустила противъ нея клевету, завинивъ ея учителей въ протестантскихъ ересяхъ. Повѣривъ этой клеветѣ, самъ король въ 1634 году писалъ Петру Могилѣ, чтобы онъ упразднилъ какъ кіевскую, такъ и другую винницкую школы съ состоящими при нихъ типографіями. По этому поводу Сильвестръ Коссовъ въ 1635 году издалъ «Екзегесисъ», отчетъ о кіевскихъ и винницкихъ школахъ, въ которомъ вполнѣ опровергъ клевету и доказалъ ихъ строго православное направленіе. Коллегія отстояла свою самостоятельность и науку и послѣ этого быстро стала развиваться и наполняться учениками. Въ теченіе какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ она успѣла сдѣлаться сильнымъ образовательнымъ центромъ не только для Малороссіи, но и для всей Россіи.

Ученые труды Петра Могилы и его коллегіи. — Своими учеными трудами коллегія скоро затмила всѣ другія братскія школы. Самъ Петръ Могила написалъ (1644 г.) книгу Λίθος или Камень на сокрушеніе лжи бывшаго ректора Кассіана Саковича, который въ своемъ сочиненіи «Ἐπανόρθωσις альбо перспектива заблужденій... дезунитской церкви» обвинялъ православныхъ въ протестантствѣ, порчѣ обрядовъ и невѣжествѣ духовенства; Λιθосъ поэтому представляетъ полную апологетику православной западно-русской церкви съ объясненіемъ ея обрядовъ, постовъ, праздниковъ и проч. Незадолго до этого въ Европѣ распространилось на латинскомъ языкѣ Восточное

Исповѣданіе православной вѣры, ложно приписанное патріарху Кириллу Лукарису; оно было проникнуто кальвинистскими идеями и сдѣлалось причиной многихъ нареканій на православіе. По порученію митрополита, кіево-николаевскій игуменъ *Исаія Трофимовичъ* для устраненія этихъ нареканій написалъ новое «Православное Исповѣданіе вѣры». Соборъ 1640 года, созванный Могилою въ Кіевѣ, разсмотрѣлъ это сочиненіе, важное тогда для всей восточной церкви, и отправилъ на востокъ для новаго разсмотрѣнія. Разсмотрѣніе это состоялось на соборѣ представителей Греческой и Русской церкви, собравшемся въ 1641—42 гг. въ Яссахъ. Въ 1643 году послѣдовало утвержденіе «Исповѣданія» восточными патріархами, но печатаніе книги по разнымъ обстоятельствамъ замедлилось, а между тѣмъ явились новыя нареканія на православныхъ, будто они три года разсматриваютъ свое исповѣданіе и ничего съ нимъ подѣлать не могутъ. *Вслѣдствіе этого Петръ Могила въ 1645 году* поспѣшилъ издать Православное Исповѣданіе на польскомъ и русскомъ языкахъ въ сокращенномъ видѣ, подъ названіемъ «Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры (Малый Катихизисъ)». Полное Православное Исповѣданіе было издано только чрезъ 20 лѣтъ, и то на греческомъ языкѣ (въ Амстердамѣ 1662 г.), а на славянскомъ явилось уже въ 1696 году.—Кромѣ защиты вѣры, митрополитъ занимался исправленіемъ церковныхъ книгъ, въ чемъ ему помогали ученые члены братства. Однимъ изъ важнѣйшихъ его изданій по этой части было изданіе (1646 г.) Евхологіона или Большого Требника; въ немъ собраны были всѣ чины православной церкви по греческимъ и славянскимъ требникамъ, дополнены новыми чинами на тѣ случаи, на которые въ Русской церкви ихъ не было, заимствованными изъ католическихъ требниковъ или составленными вновь самимъ Могилою, кромѣ того, снабжены подробными объясненіями литургическаго, догматическаго и каноническаго содержанія. Митрополитъ приготовлялъ еще исправленное изданіе полной Библіи и перевода житій Симеона Метафраста, но за смертію не исполнилъ этого замысла. Онъ скончался подъ новый 1647 годъ. Изъ сотрудниковъ его особенную извѣстность, послѣ Исаіи Трофимовича, получилъ Сильвестръ Коссовъ, бывшій преемникомъ Могилы по митрополіи. Кромѣ Екзегесиса или Апологіи школамъ, онъ написалъ книгу «О седьми тайнахъ» (1637 г.) и издалъ (на польскомъ языкѣ) Печерскій Патерикъ (1635 г.) съ примѣчаніями въ защиту Кіевопечерскихъ

святынь. Вскорѣ (1651 г.) вышло еще однородное съ послѣднимъ сочиненіе «Тератургика» монаха *Аѳанасія Кальнофойскаго* о чудесахъ отъ мощей и иконы Богоматери въ Печерскомъ монастырѣ.

Послѣ смерти Петра Могилы для коллегіи настали несчастныя времена. Пожертвованія на нее дворянства и казаковъ прекратились по случаю возстанія Хмѣльницкаго. Лаврскія вотчины, выпрошенныя для нея Могилой, были отобраны опять въ лавру. Ученики высшихъ классовъ, увлеченные патріотическимъ движеніемъ, уходили подъ знамена Богдана, такъ что въ этихъ классахъ ученіе на время совсѣмъ прекратилось. При всемъ томъ дѣло Могилы не погибло отъ невзгодъ. Кіевская коллегія, получившая отъ его имени названіе Могилянской, неуклонно продолжала развиваться въ указанномъ ей направленіи. Вскорѣ она снова стала привлекать къ себѣ учениковъ цѣлыми сотнями, не смотря на то, что постоянно терпѣла разныя несчастія и крайнюю нищету до самаго 1685 года, когда Кіевская митрополія присоединилась къ Московскому патріаршеству.

Самыми видными представителями кіевской богословской учености послѣ Могилы были, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, два ректора коллегіи: *Лазарь Барановичъ* (1650 — 1655 гг.) и *Іоанникій Голятовскій* (до 1663 г.). Въ 1663 г. соборомъ Малороссійской церкви они были выбраны на публичное состязаніе съ латинами, по поводу разныхъ нареканій на Русскую церковь отъ іезуитовъ, и блистательно оправдали свое избраніе, какъ люди, владѣвшіе оружіемъ схоластики нисколько не хуже іезуитовъ. Памятникомъ полемики Барановича служитъ книга «Новая мѣра старой вѣры»—о главенствѣ папы и исхожденіи Святаго Духа. Но особенно знаменитъ былъ Барановичъ, какъ проповѣдникъ. Онъ оставилъ послѣ себя два собранія словъ: «Мечъ Духовный» и «Трубы Словесъ». Кромѣ русскихъ сочиненій, онъ писалъ еще на польскомъ языкѣ стихи, до которыхъ кіевскіе ученые были большіе охотники, и житія святыхъ.—Голятовскій считался еще лучшимъ проповѣдникомъ, чѣмъ Барановичъ. Собраніе его проповѣдей названо «Ключъ Разумѣнія», — къ нему авторъ присовокупилъ замѣчательную для характеристики кіевскаго проповѣдничества «Науку о сложеніи казаній». Какъ матеріалъ для проповѣдничества, Голятовскій, по примѣру іезуитовъ, издалъ два сказанія о чудесахъ Богородицы: «Небо новое съ новыми звѣздами» и «Скарбницу потребную всему свѣту». Полемическія его сочиненія считались у іезуитовъ самыми опасными

Памятникомъ его состязанія въ 1663 году съ іезуитами осталась «Бесѣда Бѣлоцерковская» о священноначаліи. Кромѣ того, онъ написалъ еще трактатъ объ исхожденіи Святаго Духа, «Отвѣтъ на Фундаменты вѣры», какъ называлось одно католическое сочиненіе (іезуита Скарги), и «Души умершихъ людей» — о чистилищѣ. По поводу появленія въ его время на востокѣ одного лжемессіи, увлекавшаго Евреевъ обѣщаніемъ новаго царства въ Палестинѣ, написано имъ сочиненіе «Мессія Праведный». Противъ мухаммеданства направлены его сочиненія: «Лебедь съ періемъ» и «Алкоранъ Махметовъ, отъ когелеѳа Христова разрушенный»; въ обличеніе язычества—трактатъ «Боги поганскіе» († 1688 г. архимандритомъ Елецкаго монастыря). Самыми солидными полемическими трудами были труды *Адама Зерникава*, человѣка впрочемъ не кіевскаго образованія. Онъ родился въ Кенигсбергѣ отъ родителей лютеранъ, учился въ лучшихъ университетахъ запада, былъ въ Оксфордѣ, Кембриджѣ, Парижѣ и Римѣ, наконецъ въ Россіи изъ лютеранства присоединился къ православной церкви. По поводу своего присоединенія онъ подалъ Лазарю Барановичу полное опроверженіе лютеранской вѣры въ видѣ обширнаго ученаго трактата. Другое сочиненіе его написано въ 1682 году противъ католичества «Объ исхожденіи Святаго Духа»; такого полнаго и образцоваго полемическаго труда объ исхожденіи Святаго Духа, какъ этотъ, православная церковь еще никогда не имѣла. Зерникавъ умеръ въ Батуринскомъ монастырѣ въ 1690-хъ годахъ.

Кіевскіе ученые составили нѣсколько опытовъ и въ историческомъ родѣ: таковы собранія житій, хроники, лѣтописи, сказанія. Особенно замѣчателенъ трудъ предшественника Лазаря Барановича по ректорству въ коллегіи (1648—1650 гг.) *Иннокентія Гизеля*, названный «Синопсисомъ»; это былъ у насъ первый учебникъ Русской Исторіи; не смотря на всѣ свои ошибки, обиліе фальшиваго риторства и страсть къ словопроизводствамъ, онъ оставался у насъ единственнымъ руководствомъ для школъ до половины XVIII столѣтія.

Во всей массѣ литературныхъ трудовъ, которые произвела кіевская ученость, господствовало схоластическое направленіе, имѣвшее множество недостатковъ. Богословская и философская мысль кіевскихъ ученыхъ путалась въ массѣ разныхъ схоластическихъ артикуловъ, дивизій, субдивизій и всякихъ силлогистическихъ тонкостей и развивалась исключительно съ формальной

стороны, оставаясь въ сущности весьма простодушной и наивной. Она не способна была не только обогатить философской и богословской науки какимъ-нибудь новымъ содержаніемъ, но даже освободить ее отъ разныхъ средневѣковыхъ бредней и суевѣрій. Кіевская риторика, занявшись тоже однѣми формами риторства, вселяла въ своихъ питомцевъ любовь къ дѣтской игрѣ словами, вычурнымъ тропамъ и фигурамъ, натянутымъ толкованіямъ, символамъ и аллегоріямъ, что видно изъ самыхъ уже заглавій кіевскихъ произведеній. Церковная проповѣдь, подъ вліяніемъ такого рода риторства, сдѣлалась по временамъ занимательнымъ, но вообще пустымъ разглагольствованіемъ безъ плодотворнаго приложенія къ жизни. Но, при всѣхъ подобныхъ недостаткахъ, схоластическое образованіе было все-таки въ своемъ родѣ образованіемъ научнымъ, по крайней мѣрѣ служило преддверіемъ къ наукѣ; оно пріучало къ умственной работѣ, къ извѣстной отчетливости въ мысляхъ, сознательности въ вѣрованіяхъ и во всякомъ случаѣ стояло несравненно выше образованія московскихъ начетчиковъ. Важно въ немъ было и то, что оно не чуждалось плодовъ западной науки, а смѣло шло ей на встрѣчу, пользуясь всѣмъ, что у нея было добраго. Вредное вліяніе кіевской схоластики, а вмѣстѣ съ ней и кіевской латыни чувствительнѣе отозвалось въ томъ, что и та, и другая со временемъ невольно стали затягивать своихъ питомцевъ къ латинству. Латинскій оттѣнокъ кіевскаго богословствованія всего яснѣе обнаружился при переходѣ кіевской образованности въ Москву, гдѣ свѣжее чувство простодушныхъ ревнителей православія тотчасъ почуяло въ ней примѣсь чуждаго элемента.

ПЕРІОДЪ IV.

Московское патріаршество (1589—1700 г.).

ГЛАВА I.

Церковное управленіе.

Исторія учрежденія патріаршества въ Москвѣ.—Въ 1589 году Русская церковь достигла полной самостоятельности, будучи организована въ видѣ особаго патріархата. На практикѣ она жила самостоятельною жизнью еще со времени митрополита Іоны. Союзъ ея съ восточною церковью выражался въ однихъ вспомоществованіяхъ страждущему востоку, за которыми едва не каждый годъ пріѣзжало въ Россію по нѣскольку духовныхъ лицъ отъ восточныхъ іерарховъ, а также изъ аѳонскихъ, палестинскихъ, египетскихъ, сербскихъ и др. монастырей. Но оставалась еще номинальная зависимость русскаго митрополита отъ патріарха. Теперь она оказывалась уже неумѣстной, такъ какъ Россія стала могущественной державой, а патріархъ былъ поддаппымъ турецкаго султана. Къ этому присоединилось еще все болѣе и болѣе усиливавшееся въ Россіи подозрѣніе касательно цѣлости православія грековъ. Въ 1586 году прибылъ въ Москву за милостыней антіохійскій патріархъ *Іоакимъ;* это былъ первый случай пріѣзда въ Москву одного изъ патріарховъ. Воспользовавшись его пріѣздомъ, царь Ѳеодоръ на совѣтѣ бояръ и духовенства предложилъ рѣшительную мысль, нельзя ли при

посредствѣ пріѣзжаго святителя устроить на Москвѣ престолъ патріаршескій. Мысль эта была всѣми одобрена и объ исполненіи ея положено было снестись съ пріѣхавшимъ патріархомъ. Іоакимъ тоже одобрилъ ее, но замѣтилъ, что для исполненія ея нужно согласіе всѣхъ восточныхъ патріарховъ, и при отъѣздѣ изъ Москвы обѣщалъ постараться объ этомъ дѣлѣ, предложивъ о желаніи царя собору восточной церкви.

Лѣтомъ 1588 года прибылъ въ Москву самъ константинопольскій патріархъ *Іеремія* и русское правительство поспѣшило воспользоваться его пріѣздомъ для болѣе рѣшительной постановки вопроса о русскомъ патріаршествѣ. Быть патріархомъ въ Москвѣ сначала предложили было самому Іереміи. Но при этомъ взяли въ разсчетъ и крайнее неудобство имѣть патріархомъ Грека, къ которому относились недовѣрчиво, который къ тому же не зналъ ни русскаго языка, ни русскихъ обычаевъ; съ другой стороны ни царю, ни Годунову, который правилъ всѣми дѣлами, не хотѣлось отстранять отъ себя наличнаго первосвятителя Русской церкви, митрополита *Іова*, къ которому они оба чувствовали полное довѣріе. Поэтому патріарху предложили жить не въ Москвѣ, гдѣ по прежнему оставляли Іова, а во Владимірѣ, о которомъ кстати вспомнили теперь, какъ о городѣ старѣйшемъ Москвы. Іеремія не согласился на это, говоря: что это за патріаршество, что жить не при государѣ? Тогда уже прямо предложили ему поставить патріархомъ Іова. Торжество поставленія совершилось 26 января 1589 года. При отъѣздѣ изъ Москвы Іеремія оставилъ здѣсь уложенную грамату объ учрежденіи имъ патріаршества и обѣщалъ по возвращеніи на востокъ провести это дѣло чрезъ соборъ восточныхъ іерарховъ. Соборъ состоялся въ Константинополѣ въ 1590 году, но такъ какъ на немъ не было патріарха александрійскаго *Мелетія Пигаса*, а между тѣмъ въ Москвѣ сдѣлалось извѣстно, что этотъ вліятельный тогда патріархъ не одобряетъ дѣйствій Іереміи въ Москвѣ, какъ совершенныхъ безъ полномочія другихъ патріарховъ, то соборъ о патріаршествѣ московскомъ, по желанію московскаго правительства, былъ созванъ въ Константинополѣ снова въ 1593 году съ участіемъ и Мелетія; Русское патріаршество было утверждено съ назначеніемъ для новаго патріарха пятаго мѣста, послѣ іерусалимскаго; право поставленія московскихъ патріарховъ предоставлено собору мѣстныхъ епископовъ.

Права и управленіе патріарха.—Учрежденіе патріаршества не произвело никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ правахъ русскаго первосвятителя. Общій іерархическій строй Русской церкви остался такимъ же, какимъ былъ при митрополитахъ. Вся разница сравнительно съ прежнимъ временемъ сводилась лишь къ тому, что русскій первосвятитель сравнялся съ другими православными патріархами по своей самостоятельности, и къ преимуществамъ его іерархической чести. Прежнія богослужебныя его преимущества—бѣлый клобукъ и саккосъ (съ 1675 г.)—перешли ко всѣмъ митрополитамъ новаго патріархата; патріархъ сталъ отличаться отъ нихъ крестомъ на митрѣ и на клобукѣ, бархатной цвѣтной мантіей съ образами на скрижаляхъ, саккосомъ съ нашивной епитрахилью, преднесеніемъ предъ нимъ креста и въ церковныхъ ходахъ свѣчи; во время служенія онъ облачался среди церкви, тогда какъ прочіе сослужившіе съ нимъ архіереи—въ алтарѣ; одинъ только онъ садился на горнее мѣсто, наконецъ одинъ только причащался самъ, прочіе же архіереи принимали причащеніе изъ его рукъ. Въ своей административной обстановкѣ патріархъ окружилъ себя бо́льшей сравнительно съ прежнимъ временемъ пышностью и величіемъ, по крайней мѣрѣ послѣ успокоенія Россіи отъ смутъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Прежде всѣ дѣла по церковному управленію митрополиты поручали вести разнымъ довѣреннымъ лицамъ; теперь мѣсто этихъ лицъ заступаютъ цѣлыя учрежденія—приказы на подобіе царскихъ, состоявшіе—каждый изъ боярина, дьяковъ и подъячихъ и рѣшавшіе дѣла съ доклада патріарху. Такихъ приказовъ въ теченіи почти всего XVII вѣка было три: 1) судный или разрядъ, завѣдовавшій судебной частью, — послѣ 1667 г. въ немъ образовалось отдѣленіе спеціально для духовнаго суда подъ именемъ духовнаго приказа, состоявшее подъ начальствомъ довѣреннаго духовнаго лица или судьи; 2) казенный, вѣдавшій всякіе церковные сборы патріарха; 3) дворцовый, завѣдовавшій вотчинами и домовымъ хозяйствомъ патріаршаго дома. Къ концу XVII вѣка явился еще четвертый приказъ—церковныхъ дѣлъ—по дѣламъ церковнаго благочинія. По примѣру патріарха стали заводить у себя приказы и другіе архіереи; но въ епархіяхъ заводились обыкновенно только по два приказа, — духовный для епархіальнаго управленія и суда и казенный, сосредоточивавшійся около личности архіерейскаго казначея.

Умноженіе епархій и возвышеніе епископскихъ каѳедръ. — Возвышеніе митрополита на степень патріарха потребовало умноженія епархій и возведенія нѣкоторыхъ изъ нихъ на высшія степени. Новгородская, Казанская, Ростовская и Крутицкая епархіи были возведены на степень митрополій; Суздальская, Рязанская, Тверская, Вологодская и Смоленская объявлены архіепископіями;—кромѣ того, положено открыть еще шестую архіепископію въ Нижнемъ Новгородѣ, но въ 1589 году она не была еще открыта. Число епископій положено довести до 8, но на лицо явилось только 3,—старая Коломенская и новыя—Псковская и Корельская, да и изъ нихъ послѣдняя, вслѣдствіе завоеванія Кореліи Шведами, въ 1611 г. была закрыта. Тогда же отошла къ Польшѣ архіепископія Смоленская. И въ послѣдующее время за всю первую половину XVII вѣка открыты были всего только двѣ епархіи,—Астраханская въ 1602 г. и Сибирская (Тобольская) въ 1620 году. При Алексѣѣ Михайловичѣ опять возвращена была отъ Польши Смоленская епархія и въ 1657 году открыта новая Вятская, но зато закрыта Коломенская. На соборѣ 1667 года предположено было къ 13 наличнымъ епархіямъ открыть вновь до 10 епархій, увеличивъ при этомъ число митрополій до 8; но на дѣлѣ ограничились только возстановленіемъ епархіи Коломенской, возведеніемъ въ санъ митрополита архіепископовъ астраханскаго, рязанскаго и сибирскаго, открытіемъ новой митрополіи въ Бѣлгородѣ и переименованіемъ въ архіепископы епископа псковскаго; немного спустя, въ 1672 году открыта была еще новая митрополія въ Нижнемъ. Противъ увеличенія числа епархій были и патріархъ, и другіе архіереи, потому что оно необходимо повело бы за собой невыгодное для нихъ дробленіе ихъ обширныхъ епархій. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ виду сильнаго распространенія раскола и разныхъ церковныхъ безпорядковъ, снова поднялъ тотъ же вопросъ объ умноженіи архіерейскихъ каѳедръ на соборѣ 1682 г. и представилъ собору обширный проектъ, по которому всѣ епархіи распредѣлялись по митрополичьимъ округамъ, число митрополій доводилось до 12, а епископій—до 72, съ подчиненіемъ епископовъ окружнымъ митрополитамъ. Соборъ іерарховъ постарался уменьшить проектированную цифру епархій съ 72 до 34, потомъ въ слѣдующемъ году понизилъ ее еще сначала до 22, потомъ до 14, ссылаясь на недостатокъ мѣстныхъ средствъ для содержанія бо́льшаго числа каѳедръ, на подчиненіе

же епископовъ митрополитамъ не согласился вовсе, дабы не явилось, разсуждалъ онъ, въ архіерейскомъ чинѣ распрей и превозношенія. Но послѣ собора не были открыты и тѣ 14 епархій, на которыхъ онъ остановился,—открыты только 4: Устюжская, Холмогорская, Воронежская и Тамбовская. Къ концу патріаршаго періода всѣхъ епархій въ Московскомъ патріархатѣ было: 1 патріаршая, 13 митрополій, 7 архіепископій и 2 епископіи.

Служеніе отечеству въ смутное время патріарха Іова.—Первый патріархъ Іовъ былъ человѣкъ уже заслуженный въ іерархіи. Онъ былъ родомъ изъ посадскихъ людей г. Старицы, здѣсь принялъ и монашество, былъ послѣдовательно настоятелемъ монастырей Старицкаго, Симонова и Новоспасскаго, съ 1581 года святительствовалъ сначала въ Коломнѣ, потомъ въ Ростовѣ, наконецъ въ 1587 году возведенъ на митрополію. Онъ обладалъ видной наружностью, огромной памятью, начитанностью и рѣдкимъ искусствомъ благолѣпнаго служенія. Въ первые годы своего патріаршества онъ энергично занялся устройствомъ Русской церкви въ ея новомъ положеніи, заботился объ успѣхахъ христіанской миссіи, объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, о благочиніи среди духовенства, особенно безмѣстнаго и крестцоваго. Но церковная дѣятельность его скоро была прервана наступленіемъ страшныхъ государственныхъ смутъ, среди которыхъ ему привелось выступить передовымъ бойцомъ за государственный порядокъ, тѣсно связанный съ благомъ церкви. Въ концѣ XVI вѣка угасъ возвеличенный ею и бывшій ея крѣпкою опорой родъ Рюриковичей, выставивъ изъ среды своей святаго мученика, *Димитрія Іоанновича* углицкаго, убитаго сторонниками Бориса Годунова (1591 г.). Послѣ смерти послѣдняго Рюриковича, царя Ѳеодора (1598 г.), на московскій престолъ сѣлъ бояринъ Годуновъ, но не успѣлъ сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи. Загадочный самозванецъ, тѣнь убіеннаго Димитрія, прекратилъ эту династію въ самомъ ея началѣ, и наступило смутное время, время тяжкихъ испытаній и для Русской земли и для Русской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и время обнаруженія ихъ неодолимой внутренней мощи.

Явленіе самозванца было страшнымъ событіемъ какъ для государства, такъ и для православной церкви, потому что онъ явился орудіемъ іезуитовъ и католической пропаганды, угрожая православію Московской Руси той же участью, какой оно подверглось въ западной Россіи. Желая найти себѣ поддержку

въ могущественномъ орденѣ іезуитовъ, онъ позволилъ обратить себя въ католичество и завязалъ дѣятельныя сношенія съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ. Въ началѣ 1604 года въ Краковѣ нунцій взялъ съ него клятву послушанія римскому престолу и присоединилъ его къ Римской церкви. Въ своемъ посланіи къ папѣ Лжедимитрій обѣщался обратить въ католичество всю Россію и былъ немедленно обнадеженъ изъ Рима въ содѣйствіи апостольской власти. Въ тоже время онъ письменно обязался отдать своей будущей супругѣ *Маринѣ Мнишекъ* Новгородъ и Псковъ съ правомъ строить тамъ костелы, а будущему тестю пану *Мнишку*—княжества Сѣверское и Смоленское.

Патріархъ Іовъ со всею твердостію возсталъ противъ самозванца. Онъ посылалъ граматы князю Острожскому, польскому дворянству и духовенству съ увѣщаніемъ не вѣрить Лжедимитрію, старался разсѣять тревожные объ немъ слухи въ самой Россіи, предалъ его анаѳемѣ, велѣлъ во всѣхъ церквахъ читать грамату, въ которой доказывалось, что Лже-Димитрій былъ не кто иной, какъ бѣглый монахъ Чудова монастыря *Григорій Отрепьевъ*, и предавались проклятію всѣ, которые будутъ стоять за него. Послѣ смерти Бориса патріархъ также ревностно сталъ дѣйствовать въ пользу сына Борисова *Ѳеодора*. Въ 1605 году, завладѣвъ Москвой, приверженцы самозванца прежде всего приступили къ сверженію патріарха: ворвавшись въ Успенскій соборъ во время литургіи, они сорвали съ Іова святительскую одежду, облекли его въ рясу простого монаха и увезли въ Старицкій монастырь, гдѣ онъ и оставался до кончины († 1607). Царь Ѳеодоръ былъ убитъ и на русскій престолъ вступилъ самозванецъ.

На мѣсто Іова новый царь самъ, безъ собора святителей, возвелъ рязанскаго архіепископа *Игнатія*, родомъ Грека, бывшаго прежде епископомъ кипрскимъ и, по своему образованію въ Римѣ, склоннаго къ уніи. Чтобы привлечь къ себѣ духовенство, самозванецъ пожаловалъ русскихъ архіереевъ званіемъ сенаторовъ. Между прочимъ онъ сдѣлался орудіемъ возвышенія будущаго патріарха Россіи *Филарета*, въ мірѣ боярина Ѳеодора Никитича Романова, постриженнаго насильно при Годуновѣ вмѣстѣ съ другими Романовыми и жившаго въ заточеніи въ Сійскомъ монастырѣ. Мнимый сынъ Грознаго вызвалъ его изъ заточенія, какъ своего родственника, и сдѣлалъ ростовскимъ митрополитомъ. Между тѣмъ изъ Польши явились іезуиты и въ одномъ отведенномъ для нихъ домѣ стали свободно совершать свое ка-

толическое богослуженіе въ самомъ Кремлѣ. Новый царь, окруживъ себя Поляками и Нѣмцами, съ самаго начала своего пребыванія въ Москвѣ сталъ оскорблять православныя и патріотическія чувства Русскихъ; онъ дозволялъ иновѣрцамъ свободно входить въ православные храмы, смѣялся надъ невѣжествомъ Москвичей, плохо молился Богу, не соблюдалъ постовъ. Въ народѣ пошли толки, что онъ еретикъ; являлись люди, которые въ глаза обвиняли его въ ереси; ихъ готовность пострадать за правду и вѣру хорошо показывала, какъ встревожена была народная масса. Не мудрено, что при такихъ обстоятельствахъ самозванецъ не очень-то спѣшилъ приводить въ исполненіе свои обязательства передъ Римомъ. Отъ папы одно за другимъ присылались къ нему посланія съ укорами за нерѣшительность и съ настойчивыми увѣщаніями поскорѣе просвѣтить Русскій народъ, сѣдящій во тьмѣ и сѣни смертной, а Лжедимитрію приходилось между тѣмъ просить папу, чтобы тотъ позволилъ и самой Маринѣ—будущей царицѣ—таить пока свое католичество подъ маской соблюденія греческихъ обрядовъ, ходить въ церковь, соблюдать посты и причащаться, а костелъ и католическаго духовника держать при себѣ тайно. Въ Римѣ сердились на это, въ Москвѣ же оказывалось труднымъ оставить Марину и тайной католичкой. Казанскій митрополитъ *Гермогенъ* и коломенскій епископъ *Іосифъ* рѣшительно требовали, чтобы Марина предъ бракомъ своимъ была перекрещена въ православіе, иначе бракъ съ нею царя будетъ незаконнымъ. Отъ этихъ строгихъ ревнителей царь успѣлъ отдѣлаться, заставивъ Іосифа молчать, а Гермогена отправивъ изъ столицы въ Казань. Но не такъ легко было отдѣлаться отъ волненія народнаго. Бракъ съ Мариной сдѣлался роковымъ событіемъ для самозванца. Во время свадебныхъ торжествъ нахлынувшая въ Москву польская шляхта своими безчинствами раздражила весь народъ. Въ ночь на 17-е мая 1606 г. общее раздраженіе прорвалось наконецъ народнымъ возстаніемъ, среди котораго самозванецъ былъ убитъ. Въ слѣдъ за этимъ немедленно былъ свергнутъ и патріархъ Игнатій. Изъ Москвы, гдѣ онъ былъ заточенъ въ Чудовомъ монастырѣ, ему удалось убѣжать (въ 1611 году), и онъ послѣ этого до самой смерти († 1640 г.) жилъ въ Литвѣ, принявъ тамъ унію.

Служеніе отечеству патріарха Гермогена.—На престолъ восшелъ виновникъ переворота князь *Василій Ивановичъ Шуйскій*, а патріархомъ былъ поставленъ Гермогенъ казанскій.

До своего святительства въ Казани онъ былъ священникомъ казанской гостинодворской церкви святителя Николая и въ этомъ санѣ первый послужилъ въ 1579 году явленію Казанской иконы Богоматери, принявъ ее изъ земли, гдѣ она была обрѣтена, потомъ постригся въ казанскомъ Спасскомъ монастырѣ въ монашество и былъ здѣсь архимандритомъ, наконецъ въ 1589 году поставленъ казанскимъ митрополитомъ. Во время своего святительства онъ написалъ сказаніе о явленіи и чудесахъ Казанской иконы, открылъ мощи святыхъ Гурія и Варсоноѳія казанскихъ чудотворцевъ, установилъ съ согласія патріарха Іова поминовеніе воиновъ, положившихъ животъ свой при взятіи Казани и много заботился объ обращеніи въ христіанство мѣстныхъ инородцевъ. Во время своего патріаршества онъ явился непоколебимымъ столпомъ церкви и государства. По своей честной прямотѣ, онъ былъ не совсѣмъ въ ладахъ съ мелкимъ и двоедушнымъ Шуйскимъ, но эти личныя отношенія не мѣшали ему крѣпко стоять за послѣдняго, какъ за царя, Богомъ даннаго.

Еще до избранія патріарха, когда пошли слухи о второмъ самозванцѣ, были торжественно перенесены въ Москву изъ Углича мощи царевича Димитрія. Мѣра эта не помогла къ успокоенію взволнованныхъ умовъ, потому что въ Москвѣ хорошо помнили, какъ тотъ же Шуйскій, который теперь съ благоговѣніемъ несъ по Москвѣ святыя мощи, свидѣтельствовалъ прежде, что царевичъ самъ закололъ себя ножомъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Сдѣлавшись патріархомъ, Гермогенъ прежде всего разослалъ по всей Россіи увѣщательныя граматы къ народу и къ мятежникамъ, которые поднялись тогда во имя новаго самозванца въ Сѣверской украйнѣ, потомъ вмѣстѣ съ царемъ прибѣгнулъ къ новому средству подѣйствовать на народъ, назначивъ въ Успенскомъ соборѣ церемонію народнаго покаянія. Для нея нарочно вызвали изъ Старицы уже слѣпого и дряхлаго патріарха Іова. Составлена была трогательная грамата, въ которой излагалось отъ лица народа исповѣданіе измѣнъ, клятвопреступленій, убійствъ, поруганій святыни и другихъ земскихъ грѣховъ со смерти царя Ѳеодора. По прочтеніи граматы народнаго покаянія протодіакономъ патріархи велѣли прочитать отъ своего имени грамату разрѣшенія. Но желанныхъ результатовъ не оказала и эта церемонія. Волненіе во имя Димитрія все росло. Съ помощью Поляковъ, казаковъ и разныхъ русскихъ измѣнниковъ новый само-

званецъ подступилъ къ самой Москвѣ и утвердился всего въ 12 верстахъ отъ нея въ с. Тушинѣ. Благородный панъ Мнишекъ призналъ его своимъ зятемъ, а Марина мужемъ; явились около него ad maiorem Dei gloriam и братья іезуиты. Въ Польшѣ написали ему цѣлый наказъ, какъ дѣйствовать для распространенія въ Россіи католичества. По этому наказу, всѣхъ ревнителей православія, особенно духовенство, предполагалось совершенно оттереть отъ престола, окруживъ царя одними католиками и уніатами, бояръ и др. людей побуждать къ переходу въ католичество или унію повышеніями по службѣ, воспитаніемъ въ уніатскихъ и католическихъ школахъ, строеніемъ повсюду костеловъ, изгнаніемъ изъ Россіи протестантовъ и Грековъ, поставленіемъ на высшія церковныя мѣста лицъ склонныхъ къ уніи и другими мѣрами. Патріархъ Гермогенъ ободрялъ царя, увѣщевалъ бояръ и народъ, разсылалъ граматы, въ которыхъ описывалъ дѣла и смерть перваго самозванца, указывалъ на опасности для православія отъ Поляковъ и проклиналъ всѣхъ измѣнниковъ вѣрѣ и законному царю. Но съ другой стороны чрезвычайно соблазнительно дѣйствовало на Москву и Тушино, разводя въ ней измѣну и подрывая значеніе Василія Шуйскаго; шайки Тушинцевъ разсѣялись по всѣмъ ближайшимъ къ Москвѣ областямъ, всюду неся съ собой грабежи и опустошенія. Дѣла царя Василія не надолго поправились было послѣ побѣдъ надъ Тушинцами князя *Михаила Скопина-Шуйскаго*, племянника царя, но нашествіе Сигизмунда польскаго и смерть молодого народнаго героя, въ которой крѣпко подозрѣвали завистливаго царя, сдѣлали положеніе послѣдняго окончательно непоправимымъ.

Пользуясь смутой, возникшей въ Россіи, король Сигизмундъ потребовалъ Московской короны для своего сына *Владислава* и осенью 1609 года осадилъ Смоленскъ. Смольняне хорошо знали, что дѣлалъ этотъ король въ Литвѣ, и дали обѣтъ стоять за вѣру и царя до смерти. Изъ Русскихъ на сторону Сигизмунда прежде всѣхъ пристали Тушинцы. Оставленные Поляками, которые были отозваны отъ нихъ къ своему королю, и ослабѣвшимъ самозванцемъ, который бѣжалъ въ Калугу, они заключили съ Сигизмундомъ договоръ и признали Владислава царемъ. Потомъ въ пользу королевича образовалась партія въ самой Москвѣ. Еще въ началѣ 1609 года недовольные царемъ вытащили Гермогена на лобное мѣсто и, тряся его за воротъ, требовали у него согласія на перемѣну царя. Патріархъ не побоялся толпы и честно за-

ступился за Шуйскаго. На этотъ разъ попытка свергнуть Василія не удалась. Но, когда царь былъ заподозрѣнъ въ загадочной смерти Скопина, когда русскія войска, лишившись любимаго вождя, были разбиты Поляками и гетманъ короля *Жолкѣвскій* сталъ подъ самой Москвой, провозглашая царемъ Владислава, патріарху уже не возможно было спасти Василія. Въ іюлѣ 1610 г. толпы народа, поднятые Захаромъ Ляпуновымъ, Салтыковымъ и друг. боярами, свергли его съ престола; потомъ сверженный царь былъ насильно постриженъ въ монахи.

Вслѣдъ за тѣмъ немедленно поднялся вопросъ объ избраніи новаго царя; чернь хотѣла тушинскаго вора; патріархъ предлагалъ выбрать царя изъ бояръ, кн. *Василія Голицына* или *Михаила Ѳеодоровича Романова*, сына Филарета; бояре тянули къ Польшѣ, хотѣли въ цари Владислава. Послѣдняя партія одержала верхъ и позволила Жолкѣвскому занять Москву польскими войсками. Для окончательныхъ переговоровъ съ королемъ отправлены были подъ Смоленскъ послы, кн. Голицынъ и Филаретъ съ келаремъ Троицкой лавры *Авраміемъ Палицынымъ* и съ большою свитою изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Патріархъ долженъ былъ согласиться на желаніе господствующей партіи и успѣлъ настоять только на томъ, чтобы послы въ своихъ переговорахъ о Владиславѣ непремѣнно требовали обращенія королевича въ православную вѣру. Отъѣзжая къ королю, Жолкѣвскій захватилъ съ собой и постриженнаго царя Василія. Всѣ опасные для короля люди теперь очутились въ его рукахъ, и онъ еще болѣе возвысилъ свои требованія, потребовалъ московской короны уже для самого себя и прежде всего настаивалъ на немедленной сдачѣ Смоленска. Послы съ своей стороны твердо стояли на своихъ требованіяхъ, чтобы Владиславъ скорѣе былъ отпущенъ въ Москву и принялъ православіе, не уступили ни шагу даже тогда, когда изъ Москвы пришли граматы отъ бояръ съ распоряженіемъ отдаться во всемъ на волю королевскую. Филаретъ и Голицынъ объяснили, что ихъ отпускали патріархъ, бояре и всѣ люди вмѣстѣ, а не одни бояре, и что граматы за подписью однихъ бояръ для нихъ не обязательны. Паны было возражали, что патріархъ лице духовное и въ свѣтскія дѣла вступаться не долженъ; но послы отвѣчали на это: «Изначала у насъ въ Русскомъ государствѣ такъ повелось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, архіепископовъ и

епископовъ и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ наши государи патріарховъ великою честію, и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ; теперь же мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный». Въ апрѣлѣ 1611 г. послы, по повелѣнію раздраженнаго короля, были отправлены въ Маріенбургъ плѣнниками. Смоленскъ все еще продолжалъ защищаться, подкрѣпляемый воеводой Шеинымъ и увѣщаніями архіепископа *Сергія*. Когда онъ былъ наконецъ взятъ, Шеинъ и Сергій тоже увезены были въ Литву. Поздравляя короля съ побѣдою, іезуитъ Скарга прежде всего выразилъ въ своей рѣчи радость о томъ, что Богъ «указуетъ путь къ расширенію правды католицкой среди схизматиковъ».

Но Богъ не восхотѣлъ расширенія правды католицкой. Слухи о притязаніяхъ Поляковъ на Московское государство и о будущихъ опасностяхъ для вѣры производили въ народѣ сильное волненіе. Патріархъ взывалъ къ православнымъ о защитѣ отеческой вѣры и разрѣшалъ всѣхъ, кто далъ присягу королевичу, если этотъ не крестится. Изъ Москвы разослана была повсюду трогательная грамата, въ которой, увѣщевая города къ соединенію противъ общаго врага, Москвичи выставляли на видъ религіозное единство всѣхъ русскихъ людей и священное значеніе Москвы: «Здѣсь образъ Божіей Матери, который св. Лука написалъ; здѣсь великіе свѣтильники и хранители,—Петръ, Алексій и Іона чудотворцы,—или вамъ православнымъ христіанамъ все это ни по чемъ»? Города также пересылались между собой граматами, возбуждая другъ друга къ возстанію именемъ всероссійскихъ и своихъ мѣстныхъ святынь. Патріархъ стоялъ во главѣ всего земскаго движенія; кромѣ него, города не хотѣли знать никакого другого начальства, и посылали къ нему всѣ свои отписки о сборѣ ратныхъ людей. Салтыковъ, Масальскій и другіе бояре польской партіи въ Москвѣ сильно злобились на Гермогена. Во время одного горячаго съ нимъ спора Салтыковъ бросался на него даже съ ножомъ. Въ то самое время, какъ послы были взяты въ плѣнъ, Поляки съ Салтыковымъ сдѣлали послѣднюю попытку уговорить патріарха, чтобы онъ возвратилъ шедшія къ Москвѣ земскія рати и услыхали отъ него рѣшительный отказъ. «Благословляю всѣхъ, говорилъ патріархъ, довести начатое дѣло до конца, ибо вижу попраніе истинной вѣры отъ еретиковъ и отъ васъ измѣнниковъ и разореніе св. Божіихъ церквей, и не могу слышать пѣнія латинскаго въ Москвѣ». Послѣ

этого его посадили подъ стражу въ Чудовомъ монастырѣ и лишили всякихъ средствъ сноситься съ народомъ.

Первое возстаніе городовъ не удалось. Послѣ смерти земскаго вождя *Прокопія Ляпунова*, убитаго казаками, ополченія разошлись и бѣдствія Русской земли даже еще болѣе увеличились. Москва осталась въ рукахъ Поляковъ; Псковъ призналъ третьяго самозванца, какого-то дьякона; нѣкоторыя области признали царемъ сына Марины; Новгородъ былъ взятъ Шведами, которые прочили на русскій престолъ одного изъ своихъ королевичей. Но за первымъ земскимъ ополченіемъ скоро поднялось другое, составившееся по воззванію нижегородскаго земскаго старосты *Козьмы Минина* и подъ начальствомъ князя *Пожарскаго*. Патріархъ Гермогенъ изъ своей темницы въ послѣдній разъ благословилъ земскія рати и вскорѣ (17 января 1612 г.) скончался, какъ думаютъ, заморенный голодомъ. Во главѣ Русской церкви, по совѣту всякихъ чиновъ людей, поставленъ былъ казанскій митрополитъ *Ефремъ* (впрочемъ безъ патріаршаго сана). 22 октября 1612 года Москва была наконецъ освобождена, а 21 февраля 1613 года былъ положенъ конецъ долгой смутѣ избраніемъ на царство *Михаила Ѳеодоровича Романова*.

Заслуги отечеству епархіальныхъ архіереевъ.— Вмѣстѣ съ своими первосвятителями за цѣлость православія и государственнаго порядка въ теченіе всего смутнаго времени ревностно стояли и другіе русскіе святители. Еще при первомъ самозванцѣ, застигнутая имъ въ расплохъ, русская іерархія выставила изъ своей среды не мало твердыхъ личностей. Таковы были, кромѣ патріарха Іова, Гермогенъ казанскій, Іосифъ коломенскій и *Ѳеодосій* астраханскій;—послѣдній едва не былъ убитъ Астраханцами за то, что старался удержать ихъ отъ признанія самозванца царемъ, а по воцареніи Лжедимитрія, будучи привезенъ въ Москву, не убоялся въ лице обличить его въ самозванствѣ и этимъ такъ его озадачилъ, что самозванецъ даже не наказалъ его и оставилъ невредимымъ. Противъ второго самозванца русскіе святители возстали уже со всею рѣшительностью и единодушнымъ самоотверженіемъ. Псковскій епископъ *Геннадій*, не въ силахъ будучи предотвратить измѣны своего города, скончался отъ горести (1609 г.). Новогородскій митрополитъ *Исидоръ* успѣлъ поддержать вѣрность Новогородцевъ законному царю, не смотря на измѣну Пскова. Когда Новгородъ былъ осажденъ Шведами, митрополитъ все время осады одушевлялъ

гражданъ, лично присутствовалъ на стѣнахъ и служилъ молебствія. При взятіи города софійскій протопопъ *Амосъ* засѣлъ на своемъ дворѣ и съ нѣсколькими горожанами долго отбивался отъ враговъ, пока вмѣстѣ со всѣми своими пособниками не погибъ въ пламени своего жилища. *Галактіонъ* суздальскій скончался въ изгнаніи. *Іосифа* коломенскаго литовскіе люди взяли въ плѣнъ и долго таскали за собой, привязывая иногда при осадѣ городовъ къ пушкѣ, чтобы устрашать осаждаемыхъ, пока онъ не былъ отбитъ у нихъ царскими воеводами и не возвращенъ своей паствѣ. *Θеоктистъ* тверскій, послѣ взятія Твери (1608) войсками самозванца, былъ отвезенъ въ Тушино и здѣсь погибъ мученическою смертью. *Ефремъ* казанскій страхомъ своей святительской клятвы успѣлъ удержать въ вѣрности городъ Свіяжскъ, въ которомъ завелась было измѣна. Когда въ 1608 году толпы Литовцевъ и Тушинцевъ заняли Ростовъ, митрополитъ *Филаретъ* съ вѣрными гражданами заперся въ соборѣ, приготовясь пріобщеніемъ святыхъ тайнъ къ мученической смерти. Взявъ соборъ, враги осквернили храмъ и истребили множество народа; митрополита босого, въ одной свиткѣ, съ поруганіемъ отвезли въ Тушино, но самозванецъ принялъ его, какъ родню, и сдѣлалъ у себя нареченнымъ патріархомъ, хотя держалъ его постоянно подъ стражей. Святитель былъ отбитъ у Тушинцевъ уже въ 1610 г. Послѣ, вмѣстѣ съ Сергіемъ смоленскимъ, онъ продолжалъ, какъ извѣстно, свое столніе за благо Русской земли подъ Смоленскомъ и въ плѣну у Сигизмунда.

Заслуги отечеству русскихъ монастырей и особенно Троицкой лавры.—Высокими патріотическими подвигами отличались въ смутное время и русскіе монастыри. Многіе изъ нихъ подверглись полному раззоренію отъ литовскихъ и казацкихъ шаекъ; но другіе крѣпко отбивались отъ нихъ, обратившись въ настоящія крѣпости, и давали у себя надежный пріютъ окрестному населенію; Кирилловъ монастырь напримѣръ 5 лѣтъ продолжалъ отбиваться отъ нападеній. Кромѣ того, болѣе богатые монастыри помогали правительству своими пожертвованіями. Соловецкій монастырь въ два раза переслалъ въ Москву болѣе 17,000 рублей; Спасоприлуцкій отдалъ на жертву отечеству всю свою наличную казну; Троицкая обитель въ разное время пожертвовала болѣе 65,600 руб. и, кромѣ того, множество цѣнныхъ вещей изъ своей ризницы и церковной утвари. Съ сентября 1608 года ей пришлось выдерживать

16-мѣсячную осаду отъ 30,000 польскаго войска, имѣя подъ рукой всего до 2,300 защитниковъ изъ разныхъ людей, способныхъ сколько нибудь владѣть оружіемъ. Осада загнала въ стѣны обители множество народа съ женами и дѣтьми изъ окрестностей, такъ что на всѣхъ не доставало ни помѣщенія, ни съѣстныхъ запасовъ. Настала страшная зима безъ дровъ, съ голодовкой и цынгой. Но осажденные все это выдержали, подкрѣпляемые сильнымъ религіознымъ одушевленіемъ и вѣрою въ помощь преподобнаго Сергія. Эта теплая вѣра подтверждалась неоднократными явленіями преподобнаго разнымъ людямъ и чудесами. Черезъ 16 мѣсяцевъ враги должны были отступить. Не смотря на всю крайность своего положенія, обитель пожертвовала правительству до 2000 руб. во время самой осады. Когда Москва тоже была осаждена Тушинцами и терпѣла сильный голодъ, Троицкій монастырь дважды открывалъ свои житницы и, пуская хлѣбъ въ продажу по обыкновенной цѣнѣ, подрывалъ этимъ своекорыстныхъ торговыхъ людей, которые имѣли безсовѣстность воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ для своихъ барышей. Въ послѣдніе дни правленія Шуйскаго архимандритомъ у Троицы сдѣлался святый *Діонисій*, при которомъ обитель достигла высшей степени своего благотворительнаго и нравственнаго значенія. Когда Москва и ея окрестности были разорены казаками, толпы нищихъ, изувѣченныхъ и истерзанныхъ крестьянъ со всѣхъ сторонъ стекались въ обитель, предлагавшую имъ свою посильную помощь. Весь монастырь обратился въ богадѣльню; по монастырскимъ селамъ строили дома для пріюта бездомныхъ бѣглецовъ; по окрестностямъ собирали трупы погибшихъ и хоронили на монастырскій счетъ. Въ тоже время въ келліи архимандрита сидѣли писцы борзые и писали граматы въ города, призывая всѣхъ къ очищенію земли отъ враговъ. Граматы эти повсюду возбуждали религіозное и патріотическое одушевленіе. Одна такая грамата, пришедшая въ октябрѣ 1611 г. въ Нижній, и послужила главнымъ толчкомъ къ поднятію второго земскаго ополченія. Келарь Троицкій Аврамій Палицынъ принималъ въ этомъ ополченіи самое дѣятельное участіе, постоянно находясь при войскахъ и помогая имъ монастырскими средствами. Въ рѣшительную минуту подъ Москвой онъ убѣдилъ къ содѣйствію земскому ополченію отдѣлившихся отъ него казаковъ. За неимѣніемъ денегъ, обитель послала въ ихъ таборы ризы, сти-

хари и другія церковныя сокровища. Даже казаки засовѣстились взять отъ нея такую жертву и обѣщали даромъ участвовать въ битвахъ.

Патріархъ Филаретъ и его значеніе. — Смутное время кончилось, но тяжелые слѣды его долго не изглаживались въ русской жизни. Въ первые годы царствованія Михаила шайки воровскихъ казаковъ и Литовцевъ ходили по всѣмъ областямъ, производя опустошенія. Монастыри и церкви подвергались разграбленію и разоренію. Сама Москва была наполнена ихъ развалинами. Церковный порядокъ пришелъ повсюду въ разстройство, а отъ наплыва на Русь иноземныхъ вліяній ослабѣла и религіозная жизнь, особенно въ высшихъ классахъ. Между тѣмъ отъ самой смерти Гермогена до 1619 года Русская церковь оставалась безъ патріарха. Послѣ смерти Ефрема казанскаго, вѣнчавшаго царя Михаила на царство, съ конца 1613 года церковными дѣлами управлялъ митрополитъ *Іона* крутицкій, человѣкъ мало къ тому способный, какъ по своему недальнему образованію, такъ и по недостаткамъ своего мелочнаго, упрямаго и мстительнаго характера. Главный кандидатъ на патріаршество, митрополитъ Филаретъ, былъ въ плѣну и не желалъ, чтобы ради его освобожденія была уступлена Польшѣ хоть одна пядь земли Русской. Онъ воротился въ Москву уже послѣ заключенія мира и размѣна плѣнниковъ. Съ нимъ возвратились и воевода Шеинъ съ архіепископомъ Сергіемъ; Шуйскій и Голицынъ умерли въ плѣну. Царь радостно встрѣтилъ своего родителя и сдѣлалъ его патріархомъ, воспользовавшись для его поставленія (въ іюнѣ 1619 г.) пребываніемъ въ Москвѣ патріарха *Θеофана* іерусалимскаго.

Патріаршество Филарета было временемъ полнаго развитія патріаршей власти. Оставаясь главнымъ, начальнымъ человѣкомъ въ Россіи, русскій первосвятитель еще во время междуцарствія успѣлъ возвратить себѣ свое высокое государственное значеніе, которое было подорвано при Грозномъ. При царѣ Михаилѣ, когда русскимъ первосвятителемъ сдѣлался отецъ самого царя, патріархъ получилъ уже прямо царскій титулъ «великаго государя» и наступило время полнаго государственнаго двоевластія. Всѣ распоряженія верховной власти выходили отъ имени обоихъ великихъ государей; обоимъ дѣлались доклады, обоимъ представлялись иностранные послы. Великій государь патріархъ былъ постояннымъ пособникомъ и руководителемъ великаго

государя царя во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Въ смутное время ослабѣло преданіе самодержавной власти прежнихъ царей,—есть извѣстіе, что молодой Михаилъ былъ ограниченъ въ своей власти боярами и земскимъ соборомъ. Филаретъ, какъ опытный бояринъ временъ Грознаго, снова возстановилъ это преданіе Рюриковичей и передалъ его дому Романовыхъ. Своими строгими мѣрами къ возстановленію государственнаго порядка патріархъ получилъ репутацію человѣка суроваго, опальчиваго и властительнаго; говорили, что его побаивался даже самъ великій государь, какъ почтительный сынъ его. Такимъ же властительнымъ являлся онъ и въ своемъ церковномъ управленіи. Въ дѣлахъ церкви онъ мало былъ свѣдущъ,—не къ нимъ готовился онъ смолоду; но онъ принесъ много пользы для внѣшняго возвышенія церкви. Церковный судъ, напримѣръ, не стѣснялся при немъ ни передъ какими сильными лицами. Своей царственной обстановкой патріархъ придалъ особенное величіе и своему духовному сану.

Дворъ патріаршій былъ устроенъ по образцу царскаго. Сильный отецъ царя завелъ у себя всѣ чины и должности широкаго дворцоваго обихода. Тутъ были свѣчники, чашники, скатертники, повара, хлѣбники, пивовары, истопники, конюхи, иконописцы, серебряники и друг. мастера, пѣвчіе дьяки трехъ станицъ, книгописцы и разныя должностныя лица по патріаршему управленію—бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе, тіуны, дѣти боярскія, дворяне, дьяки, десятильники и друг. Со временъ Филарета появились и указанные выше патріаршіе приказы. Обширная патріаршая епархія была и прежде привилегированнѣе всѣхъ другихъ, но въ ней до сихъ поръ еще оставались разные сильные монастыри, помимо патріарха подчинявшіеся, въ силу несудимыхъ граматъ, суду самого царя или приказа большого дворца. Въ 1625 году патріархъ выпросилъ у царя жалованную грамату, по которой все духовенство его епархіи, монастыри и церкви съ своими слугами и крестьянами подчинены были гражданскому суду одного патріарха и только въ искахъ на постороннихъ имѣли дѣло съ приказами, гдѣ вѣдомы были отвѣтчики. Въ управленіе патріаршей епархіи этимъ вносилось больше единства и порядка.

Отношеніе государства къ церкви при патріархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ.—Патріархъ Филаретъ скон-

чался въ 1633 году. Преемникомъ его былъ назначенъ псковскій архіепископъ *Іоасафъ I* (1634—1640 гг.),—этотъ патріархъ уже не пользовался такимъ высокимъ государственнымъ значеніемъ. Онъ происходилъ изъ городовыхъ боярскихъ дѣтей. былъ старецъ почтенный, «нравомъ добродѣтельный, но къ царю не дерзновенный». Дѣятельность его ограничивалась заботами о церковномъ благочиніи и обрядности. Титула великаго государя онъ уже не имѣлъ и въ дѣла государственныя не вступался. Въ такомъ же положеніи оставался и слѣдующій патріархъ *Іосифъ*, поставленный въ 1642 году изъ архимандритовъ Симонова монастыря. Онъ былъ человѣкъ малообразованный и слабый въ дѣлахъ управленія. Отъ того патріаршая власть при немъ ослабѣла еще болѣе. А между тѣмъ для Русской церкви наступало очень важное, даже критическое время, когда со стороны патріарха требовалась особенная распорядительность и энергія. Отдохнувши отъ потрясеній смутнаго времени и всѣми силами стремясь къ сосредоточенію и усиленію своей власти, Московское государство стало пересматривать разныя части своего внутренняго строя и подняло серьезные вопросы о церковномъ судѣ и о церковныхъ вотчинахъ. Разрѣшенія этихъ вопросовъ настойчиво требовала сама жизнь, открывая въ строѣ церковнаго суда и вотчиннаго владѣнія все бо́льшія и бо́льшія неудобства для развившагося государства.

Церковный судъ до послѣдняго времени держался все тѣхъ же самыхъ началъ, на какихъ онъ былъ устроенъ еще въ удѣльное время и которыя въ окончательной формѣ сформулированы были на Стоглавомъ соборѣ,—на началахъ чисто удѣльной самостоятельности церковнаго вѣдомства въ государствѣ и независимости его отъ общаго государственнаго суда не только по духовнымъ, но и по мірскимъ дѣламъ, за исключеніемъ лишь тяжкихъ уголовныхъ. Такимъ же удѣльнымъ особнякомъ среди государства стояли и вотчинныя владѣнія церкви, снабженныя въ государственныхъ сборахъ и службахъ разными привиллегіями, а между тѣмъ составлявшія по величинѣ добрую треть всей государственной территоріи. Къ этимъ неудобствамъ присоединялось еще то, что каждая корпорація церковныхъ людей, каждое церковное учрежденіе, по старой удѣльной привычкѣ, стремились устраиваться по суду и управленію особо, по требованіямъ однихъ своихъ частныхъ интересовъ. Въ судебномъ вѣдомствѣ церкви господствовало чрезвычайное разнообразіе,

производимое разными жалованными и несудимыми граматами. Даже въ патріаршей епархіи послѣ граматы 1625 года оставалось еще много разнообразія вслѣдствіе несудимыхъ граматъ, которыя раздавались монастырямъ уже самимъ патріархомъ. Одними монастырями патріархъ завѣдывалъ самъ, другими чрезъ бояръ, намѣстниковъ и десятильниковъ, третьи пользовались самосудомъ. Еще болѣе разнообразія въ этомъ отношеніи было по епархіямъ. Общимъ правиломъ было только то, чтобы всѣ подчинялись суду своего архіерея по духовнымъ дѣламъ. По гражданскимъ же дѣламъ одни монастыри и церкви въ епархіяхъ тянули къ патріарху или къ приказу большого дворца, и притомъ по всѣмъ дѣламъ или только по нѣкоторымъ; другіе судились своими настоятелями, а настоятели въ приказѣ большого дворца или у патріарха; третьи тянули къ суду чужихъ епархіальныхъ архіереевъ; четвертые были приписаны къ другимъ привиллегированнымъ монастырямъ, иногда тоже находившимся въ чужихъ епархіяхъ; пятые подчинялись мѣстнымъ гражданскимъ властямъ. Сами архіереи въ однихъ монастыряхъ и церквахъ производили судъ лично, въ другихъ чрезъ своихъ чиновниковъ, третьимъ давали право самосуда, кромѣ того назначали для суда разные сроки. Такое же разнообразіе было въ судѣ надъ церковными вотчинами. Даже у одного и того же монастыря однѣ вотчины имѣли болѣе, другія менѣе привиллегій, однѣ судились въ одномъ, другія въ другомъ мѣстѣ, въ третьихъ судъ производилъ настоятель и т. д.—Отправленіе правосудія чрезвычайно затруднялось такимъ разнообразіемъ привиллегій, особенно для постороннихъ лицъ въ ихъ тяжбахъ съ церковными людьми. Со всѣхъ сторонъ шли жалобы на трудность судиться съ церковными учрежденіями и лицами, а эти учрежденія и лица съ своей стороны постоянно жаловались на нарушенія ихъ привиллегій. Не менѣе частымъ и настойчивымъ предметомъ жалобъ земства и затрудненій для правительства были *церковныя вотчины,* которыя, не смотря на всѣ распоряженія, направленныя противъ ихъ возрастанія, все еще продолжали увеличиваться. Тяглые люди жаловались, что монастыри завладѣвали тяглыми землями, угодьями и промыслами, а тягла съ нихъ не платили, и весь платежъ поэтому падалъ на нихъ—тяглыхъ людей. Служилые люди жаловались, что монастыри сманиваютъ къ себѣ ихъ крестьянъ и отъ того ихъ помѣстья пустѣютъ и служить имъ государевой службы становится не съ чего. Всѣ эти жалобы послужили по-

томъ матеріалами для новыхъ распоряженій о церковномъ судѣ и о церковныхъ вотчинахъ въ царствованіе преемника Михаилова *Алексѣя Михайловича.*

Уложеніе царя Алексѣя. — Новый царь Алексѣй Михаиловичъ, человѣкъ еще молодой, мягкій, уступчивый, способный сильно привязываться къ окружавшимъ его людямъ и чрезвычайно религіозный, могъ бы встать въ такія же отношенія къ патріарху Іосифу, въ какихъ былъ отецъ его къ Филарету. Но самъ Іосифъ далеко не былъ похожъ на Филарета. По своей слабости онъ не только не способенъ былъ руководить царя, окруженнаго сильной родней и боярами, но не могъ поддержать даже своей собственной церковной власти; въ церковномъ управленіи видимъ при немъ господство патріаршихъ дьяковъ и московскихъ протопоповъ. А между тѣмъ съ новымъ царствованіемъ открылась усиленная государственная дѣятельность, составлялось новое Уложеніе, которое неизбѣжно должно было коснуться правъ іерархіи. Патріархъ безучастно сидѣлъ въ царской думѣ при его составленіи, какъ будто не понимая всей его важности для церкви; все дѣло велось княземъ Одоевскимъ и другими свѣтскими лицами и, при безгласіи патріарха, чувствительно коснулось самыхъ важныхъ привиллегій духовнаго чина.—Во первыхъ Уложеніе безусловно воспретило всякое новое увеличеніе церковныхъ вотчинъ. Нѣкоторая часть даже наличныхъ церковныхъ земель была отписана въ казну: по жалобамъ тяглыхъ людей на то, что бѣломѣстцы, особенно духовные, и ихъ люди, селясь около городовъ слободами, отбиваютъ у нихъ торги и промыслы, а сами никакихъ податей не платятъ, велѣно было всѣ эти слободы взять безплатно за государя. Во вторыхъ, стремясь установить «равный судъ и расправу» для всякихъ чиновъ людей, составители Уложенія необходимо должны были столкнуться съ церковными привиллегіями и съ удѣльной особностью церковнаго вѣдомства; Уложеніе задалось задачей ослабить эту особность, притянувъ по гражданскимъ дѣламъ и церковное вѣдомство подъ общій судъ государственный.

Монастырскій приказъ.—Органомъ такого государственнаго суда надъ церковнымъ вѣдомствомъ сдѣланъ былъ *монастырскій приказъ*, выдѣленный, какъ особое учрежденіе, изъ приказа большого дворца. Въ немъ указано было давать судъ по всякимъ гражданскимъ искамъ на всѣхъ іерарховъ, монастырскихъ властей, поповъ, церковный причтъ и на всѣхъ во-

обще церковныхъ людей и крестьянъ, а равно и судъ по такимъ же искамъ со стороны ихъ самихъ на постороннихъ и даже между собою, другъ на друга. Такимъ образомъ предъ судомъ приказа уравнены были и духовныя власти, подчинявшіяся доселѣ въ гражданскихъ дѣлахъ или непосредственному суду самого государя, или суду приказа большого дворца, какъ органа собственной власти государя, считавшія боярскій судъ униженіемъ для себя, и ихъ люди, судившіеся прежде у нихъ самихъ. Кромѣ монастырскаго приказа, надъ духовенствомъ и церковными людьми въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, судебно-гражданскую власть стали развивать и другіе органы государства,— приказы въ искахъ церковныхъ людей на постороннихъ, подвѣдомыхъ этимъ приказамъ, и въ отвѣтахъ противъ встрѣчныхъ исковъ, и воеводы съ городскими властями въ искахъ маловажныхъ, не доходившихъ до приказовъ. Такъ, вмѣсто церковнаго гражданскаго суда, надъ церковными людьми явился судъ общій, государственный. Кромѣ судныхъ дѣлъ, къ вѣдомству приказа отнесены еще принадлежавшія прежде приказу большого дворца распоряженія о государственныхъ сборахъ съ церковныхъ вотчинъ, о составленіи описей церковныхъ имуществъ и разныя полицейскія распоряженія по церковному вѣдомству.

Духовенство было очень недовольно монастырскимъ приказомъ, тѣмъ болѣе что, по неопредѣленности новыхъ законовъ и неясности въ разграниченіи церковнаго и гражданскаго вѣдомствъ, между послѣдними тотчасъ начались недоразумѣнія, вторженія одного въ область другого и даже прямыя злоупотребленія. Приказъ вступался иногда въ чисто церковныя дѣла, наприм. присвоилъ себѣ право назначать въ монастырскія вотчины священниковъ и причетниковъ, опредѣлять и отрѣшать монастырскихъ настоятелей, келарей и казначеевъ, позволялъ себѣ даже перерѣшать распоряженія епархіальныхъ властей. Со стороны духовенства начались попытки уклоненія отъ силы новыхъ узаконеній. Архіереи стали выпрашивать у царя граматы, освобождавшія духовенство ихъ епархій отъ всякаго суда, кромѣ архіерейскаго. Патріаршая область получила подтвержденіе своихъ прежнихъ привиллегій еще при самомъ составленіи Уложенія, чѣмъ вѣроятно болѣе всего и успокоенъ былъ патріархъ Іосифъ. Самымъ усерднымъ и вліятельнымъ противникомъ монастырскаго приказа явился любимецъ царя митрополитъ новгородскій *Никонъ*.

Никонъ до патріаршества.—Въ 1605 г. у крестьянина Нижегородской области села Вельдеманова, Мины, родился сынъ *Никита*. Онъ скоро лишился матери и все дѣтство провелъ подъ нестерпимымъ гнетомъ мачихи. Ему рано удалось выучиться грамотѣ. Чтеніе книгъ увлекло его къ аскетической жизни и, будучи всего 12 лѣтъ, онъ убѣжалъ изъ дома въ Макарьевскій Желтоводскій монастырь. Родня опять вызвала его въ міръ и заставила жениться. На 20-мъ году возраста онъ выбранъ былъ въ священники прихожанами одного сосѣдняго села, но по своимъ достоинствамъ не долго могъ оставаться въ такомъ захолустьѣ. Чрезъ 2 года объ немъ узнали московскіе купцы, бывшіе на Макарьевской ярмаркѣ, и перезвали его съ собой въ Москву. Чрезъ 10 лѣтъ, потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей, Никита заставилъ свою жену постричься въ одномъ московскомъ монастырѣ, а самъ удалился на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ, гдѣ тоже постригся въ монахи съ именемъ *Никона*. Изъ Анзерскаго скита, по неудовольствіямъ съ братіей, онъ ушелъ въ Кожеезерскій монастырь, гдѣ въ 1643 году былъ выбранъ въ игумены. Въ 1646 году онъ былъ въ Москвѣ по монастырскимъ дѣламъ и былъ замѣченъ царемъ, котораго поразила его величественная наружность и сильная рѣчь. По своей религіозности и впечатлительности Алексѣй Михайловичъ скоро совсѣмъ подчинился Никону, сдѣлалъ его своимъ другомъ, отцемъ, всѣмъ, чѣмъ не могъ быть для него патріархъ Іосифъ. По желанію царя, онъ былъ опредѣленъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, каждую недѣлю сталъ являться къ царю для духовной бесѣды и сдѣлался предъ нимъ неустаннымъ ходатаемъ за несчастныхъ, обиженныхъ на судѣ, вдовъ и сиротъ. Въ 1649 году царь назначилъ его митрополитомъ въ Новгородъ. Здѣсь ему удалось оказать правительству важныя услуги во время новгородскаго бунта 1650 года. Въ разгаръ этого бунта онъ укрылъ у себя отъ ярости народа воеводу Хилкова и торжественно предалъ бунтовщиковъ анаѳемѣ, но этимъ обратилъ народную ярость на себя самого. Чернь избила его до полусмерти. Съ большимъ трудомъ послѣ этого онъ отслужилъ литургію и отправился съ крестнымъ ходомъ въ ту часть города, гдѣ наиболѣе бунтовали. Пораженные его твердостію и устрашась подходившаго къ Новгороду царскаго войска, мятежники просили у Никона прощенія и ходатайства передъ царемъ. Не помня собственной обиды, митрополитъ охотно принялъ на себя это ходатайство и успѣлъ

внушить царю благоразумную умѣренность въ наказаніи виновныхъ, которая затѣмъ всего болѣе и способствовала къ успокоенію народнаго волненія. Съ этихъ поръ любовь царя къ Никону возрасла еще болѣе.

Пользуясь близостью къ царю, Никонъ не разъ говорилъ ему, что учрежденіе монастырскаго приказа противно церковнымъ правиламъ, и настойчиво требовалъ его уничтоженія. Но приказъ былъ крѣпокъ не столько силою кроткаго и благочестиваго царя, сколько духомъ времени, былъ крѣпокъ потому, что вполнѣ отвѣчалъ современнымъ идеямъ объ отношеніи между церковію и государствомъ. Не успѣвъ настоять на его уничтоженіи, Никонъ получилъ только несудимую грамату для себя, по которой всѣ духовныя лица Новгородской епархіи подчинялись суду одного своего митрополита. За то своимъ вліяніемъ онъ побудилъ царя къ другому важному дѣйствію, въ которомъ должно было выразиться преклоненіе свѣтскаго могущества предъ величіемъ церковной власти. Въ 1652 году положено было перенести въ Успенскій соборъ гробы трехъ святителей, — страдальцевъ отъ свѣтской власти, — Іова изъ Старицы, Гермогена изъ Чудова монастыря и митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря. За мощами святаго Филиппа поѣхалъ самъ Никонъ. Съ нимъ отправлена была царская молитвенная грамата къ святому Филиппу, въ которой правнукъ Грознаго, преклоняя свой царскій санъ предъ святителемъ, погибшимъ жертвою столкновенія съ царской властью, молилъ святаго мученика пришествіемъ въ Москву разрѣшить грѣхъ Грознаго и упразднить поношеніе, лежавшее на царской власти. Во время отсутствія Никона царь писалъ ему письма, въ которыхъ выразилась вся душа религіознаго Алексѣя. Въ своемъ благоговѣніи предъ любимымъ пастыремъ церкви онъ совершенно забывалъ свой царскій санъ, не щадилъ словъ, чтобы возвеличить митрополита и умалить предъ нимъ самого себя. Изъ писемъ царя видно, что бояре уже и тогда были недовольны силой Никона, видно, что и самъ Никонъ не умѣлъ смягчать своей силы кротостію. Въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ царь совѣтовалъ ему быть поснисходительнѣе къ боярамъ, но не сказывать имъ объ этомъ совѣтѣ, не выдавать его—царя, что онъ за одно съ нимъ—митрополитомъ. Добрый до слабости, находясь подъ двумя вліяніями, Никона и бояръ, царь боялся оскорбить и ту и другую сторону, лавировалъ между ними, старался какъ нибудь замять ихъ рознь.

Такъ поступалъ онъ и въ вопросѣ о монастырскомъ приказѣ. Оставляя приказъ во всей силѣ, потому что онъ нравился боярамъ, царь думалъ удовлетворить и своего друга, давъ ему несудимую грамату. Въ отсутствіе Никона умеръ патріархъ Іосифъ. Извѣщая объ этомъ Никона, царь описывалъ свой испугъ, когда на Иванѣ Великомъ раздался троекратный ударъ колокола—вѣстникъ смерти патріарха, описывалъ скорбь церкви, которая, какъ есть пустынная голубица, пребываетъ, не имущи подружія, лишилась своего жениха, и къ такимъ днямъ (передъ Пасхой), описывалъ, какъ во время одного ночного посѣщенія покойника возымѣлъ онъ помыселъ: «побѣги де ты вонъ, тотъ часъ де тебя вскоча удавитъ», но прогналъ этотъ помыселъ, съ молитвой облобызавъ руку почившаго; на погребеніи онъ надсѣлся плачучи; онъ самъ распоряжался всѣмъ имуществомъ покойнаго, послѣ котораго осталось до 13,400 рублей и множество всякаго добра. Толковали, что въ послѣднее время Іосифъ былъ неспокоенъ, боялся сверженія; царь спѣшилъ оправдаться предъ Никономъ, увѣряя, что ему и помыслить о томъ страшно,—хотя бы и еретичества держался, и то какъ ему свергнуть верховнаго святителя безъ собора? — По возвращеніи Никона съ мощами, выборъ въ патріархи, разумѣется, палъ на него. Но ему не такого хотѣлось патріаршества, какое было у Іосифа. Усиленіе мірской власти бояръ и вражда ихъ къ нему заставили его отказаться отъ выбора, чтобы потомъ быть снова выбраннымъ на всей своей волѣ. Въ Успенскомъ соборѣ, въ собраніи бояръ и народа, царь въ слезахъ лежалъ у ногъ Никона, умоляя его принять патріаршій санъ. Тогда Никонъ, обратясь ко всѣмъ, спросилъ: будутъ ли почитать его, какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ, и дадутъ ли ему устроить церковь? Всѣ сказали, что будутъ и дадутъ, и Никонъ принялъ патріаршество (1652 г.).

Патріаршество Никона и его отношенія къ царю. — Неограниченная дружба соединяла царя и патріарха во всѣ почти 6 лѣтъ управленія Никона. Вскорѣ по вступленіи его на патріаршество его стали титуловать, какъ Филарета, великимъ государемъ. Такъ титуловалъ его и самъ царь. Такимъ образомъ въ государствѣ снова стало два великихъ государя, но Никонъ носилъ этотъ титулъ уже, не какъ отецъ царя, а какъ патріархъ; власть патріаршая такимъ образомъ сама по себѣ приравнивалась къ власти царской. Безъ патріарха не рѣшалось ни одно государственное дѣло, какъ при Филаретѣ. Усиленію его значенія

много содѣйствовалъ еще скорый отъѣздъ царя къ войску по случаю польской войны. Во время своего отсутствія (1654—1655 г.) царь поручилъ Никону все управленіе государствомъ. Особенно энергичную дѣятельность Никонъ проявилъ по случаю открывшейся тогда моровой язвы. Разсылая граматы о мѣрахъ предосторожности противъ заразы, вразумляя суевѣрный народъ, который считалъ за грѣхъ противустоять постигшей его бѣдѣ, какъ наказанію Божію, онъ въ тоже время успѣлъ оказать личныя услуги царю,—все время хранилъ царское семейство, спасая его отъ язвы переѣздами по незараженнымъ мѣстностямъ.—Монастырскій приказъ не былъ уничтоженъ, но на время потерялъ всякую силу. Вопреки Уложенію, которое безусловно запретило увеличивать церковныя имѣнія, патріаршій домъ обогатился новыми вотчинами. Когда Никонъ строилъ свои монастыри—*Иверскій*, *Крестный* и *Воскресенскій* или *Новый Іерусалимъ*, царь и имъ далъ богатѣйшія вотчины. Но въ то же время, вслѣдствіе той же дружбы царя съ патріархомъ, никогда еще съ церковныхъ земель не было такихъ большихъ сборовъ, какъ при Никонѣ. Самъ патріархъ выставилъ въ поле до 10,000 воиновъ; столько же выставили монастыри. Патріархъ, кромѣ того, на свои богатыя средства увеличивалъ свои домовыя богадѣльни, раздавалъ богатыя милостыни, дѣлалъ пожертвованія на тюрьмы.

Патріаршая власть была при немъ такъ же сильна, какъ при Филаретѣ. Онъ былъ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ только великимъ государемъ, окружилъ себя царской пышностью и недоступностью, возлюбилъ, какъ жаловалось на него духовенство, стоять высоко, ѣздить широко. Онъ выстроилъ себѣ новый дворецъ и употреблялъ всѣ средства тогдашняго искусства для украшенія соборовъ и сообщенія пышности своему богослуженію; лучшія облаченія, доселѣ хранящіяся въ патріаршей ризницѣ, принадлежатъ ему; на нихъ употреблены цѣлые пуды жемчуга, золота и дорогихъ камней; по опушкамъ двухъ митръ святителя видимъ короны. Штатъ патріаршаго дома при немъ былъ многочисленнѣе, чѣмъ при Филаретѣ. Протопопъ Казанскаго собора *Іоаннъ Неронов*ъ говорилъ однажды патріарху: «Государевы царевы власти уже не слыхать, всѣмъ отъ тебя страхъ, и посланники твои пуще царевыхъ всѣмъ страшны; никто не смѣетъ съ ними и говорить; затвержено у нихъ: знаете ли патріарха?» Въ церковныхъ дѣлахъ власть его была неограничена; сами архіереи рабски подчинялись ему и должны были безмолвно сно-

сить его самовластныя распоряженія, иногда прямо нарушавшія ихъ права, напримѣръ, отписку изъ ихъ епархій вотчинъ, церквей и лучшихъ монастырей въ патріаршую область или къ монастырямъ Иверскому, Крестному и Воскресенскому, и самовольный судъ надъ архіереями безъ собора, лишеніе каѳедры и ссылку *Павла* коломенскаго, запрещеніе служенія *Симеону* тобольскому и проч. Его боялись и бояре. Еще до патріаршества о немъ говорили, что лучше погибнуть въ новой землѣ за Сибирью, чѣмъ попасться подъ началъ къ новгородскому митрополиту; патріархомъ онъ сталъ обращаться съ ними еще самовластнѣе. Онъ, напримѣръ, жегъ у нихъ вывезенныя съ запада картины и органы, оскорблялъ ихъ рѣзкими обличеніями и унижалъ высокомѣрнымъ обращеніемъ. Какъ бы въ противодѣйствіе новымъ началамъ, выраженнымъ въ Уложеніи, патріархъ издалъ вновь пересмотрѣнную и дополненную имъ Кормчую, въ которую, между прочимъ, включилъ подложную грамату Константина Великаго папѣ Сильвестру,—она была важна для него, какъ апологія церковной власти и церковныхъ имуществъ. Подложности этой граматы не подозрѣвали тогда, конечно, ни царь, ни патріархъ. Никонъ убѣждалъ царя даже вовсе отставить Уложеніе и замѣнить его Кормчей; въ этомъ онъ не успѣлъ, но все таки заставилъ Алексѣя Михайловича разослать по воеводамъ выписки изъ градскихъ законовъ Номоканона въ дополненіе Уложенія для обязательнаго руководства на судѣ.

Враги Никона.—Въ обаяніи своей власти патріархъ не чувствовалъ, что чѣмъ энергичнѣе онъ будетъ настаивать на возстановленіи такой старины, тѣмъ будетъ хуже и для него, и для его дѣла. Значеніе его держалось единственно на его личной силѣ и на любви къ нему царя, опорахъ слишкомъ непрочныхъ для того, чтобы онѣ могли устоять противъ историческаго хода государственной жизни. Орудіемъ, которымъ эти опоры были подломлены, были многочисленные враги Никона, дѣйствовавшіе противъ него со всѣмъ усердіемъ личнаго раздраженія. Прежде всего своимъ великимъ государствованіемъ, крутымъ характеромъ, привычкой сталкиваться со всѣми, власть имѣющими, онъ вооружилъ противъ себя сильную партію бояръ; противъ него были *Стрѣшневы*—родня царя по матери, *Милославскіе*—родня первой супруги царя, *Морозовъ*—царскій свякъ, сама супруга царя *Марья Ильинишна*, составитель Уложенія князь *Одоевскій*, бояре *Долгорукій*, *Трубецкой*, *Салтыковъ* и друг. Семенъ Стрѣшневъ до

такой степени ненавидѣлъ Никона, что назвалъ его именемъ свою собаку и выучилъ ее подражать патріаршему благословенію. Всѣ эти люди зорко слѣдили за патріархомъ, ловили всякій случай, гдѣ онъ слишкомъ рѣзко выставлялъ свою власть, перетолковывали каждый его опрометчивый шагъ, а такихъ шаговъ много допускалъ горячій человѣкъ, не умѣвшій владѣть собой и не обращавшій вниманія на то, что говорилъ и что дѣлалъ. Затѣмъ много враговъ явилось у Никона по поводу церковныхъ исправленій, которыя были имъ ведены очень круто, съ обычной его самоувѣренностію и со всѣмъ деспотизмомъ его личнаго авторитета. Привычка не обращать вниманія на другихъ поставила его въ самое невыгодное положеніе между двумя сильными партіями, партіей новизны, стремившейся къ западу, и партіей старины. Образованные бояре, въ родѣ Морозова, Романова и др., раздражены были не менѣе старовѣровъ, когда патріархъ, вводя свои церковныя «новшества», въ тоже время возставалъ противъ новыхъ государственныхъ понятій и проблесковъ новой цивилизаціи. Между приверженцами старины было тоже не мало сильныхъ людей, нѣсколько бояръ, духовникъ царя *Стефанъ Вонифатьевъ,* уважаемый протопопъ *Іоаннъ Неронов*ъ и другъ. Наконецъ противъ патріарха было все духовенство, раздраженное его строгостью, недоступностью, жестокими наказаніями, усиленными поборами въ патріаршую казну и доведенное имъ до послѣдней степени приниженности.

Много было враговъ у Никона, и всѣ эти враги шли къ царю съ доносами, что патріархъ превышаетъ свою власть и пренебрегаетъ властію царскою. Вслѣдствіе подобныхъ внушеній въ душу впечатлительнаго Алексѣя Михайловича невольно стало закрадываться нелюбье къ собинному другу. Перемѣна отношеній между ними особенно стала замѣтна по возвращеніи царя изъ второго похода (ливонскаго) въ 1657 году. Походы царя замѣтно его развили, сдѣлали самостоятельнѣе и пріучили къ независимости; въ тоже время и Никонъ въ отсутствіи царя болѣе прежняго успѣлъ развить свое властелинство. Пріѣхалъ великій государь въ Москву и увидалъ здѣсь другого великаго государя... А враги Никона неотступно внушали царю, что патріархъ сталъ сильнѣе его. Царь сталъ сердиться на патріарха, но, по своему слабому характеру, вмѣсто личнаго объясненія съ нимъ, сталъ дѣйствовать уходомъ, избѣгая съ нимъ встрѣчи. Патріархъ видѣлъ нелюбье царя, но, по своей неуступчивости,

не хотѣлъ забѣгать ему въ глаза и тоже съ своей стороны удалился отъ царя, выжидалъ, чтобы царь самъ сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію. Между тѣмъ враги Никона оставались при царѣ; своимъ удаленіемъ отъ царя патріархъ самъ же оставлялъ за ними все поле борьбы, потому что царь остался теперь подъ однимъ только ихъ вліяніемъ. Пользуясь этимъ, они неутомимо разжигали вражду между великими государями, все болѣе и болѣе подготовляя рѣшительный взрывъ накопившихся неудовольствій. За поводами къ этому взрыву дѣло не стало. Монастырскій приказъ, доселѣ безсильный, усилился, сталъ отмѣнять распоряженія патріарха и отобралъ у него нѣсколько вотчинъ. Патріархъ писалъ царю рѣзкія посланія о мірскомъ вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла, указывалъ на примѣры нечестивыхъ царей, память которыхъ погибла съ шумомъ; а это, по толкованію бояръ, значило, что онъ называлъ государя нечестивымъ царемъ. Въ іюнѣ 1658 года, по случаю пріема грузинскаго царя *Теймураза,* было при дворѣ торжество. Никона на это торжество не пригласили; недоумѣвая о томъ, что бы это значило, онъ послалъ во дворецъ своего дворянина узнать, въ чемъ дѣло. Въ то время, какъ посланный пробирался чрезъ толпу, окольничій Хитрово, наблюдавшій за порядкомъ, ударилъ его палкой. Это была уже прямая обида Никону и онъ потребовалъ у царя суда. Царь обѣщалъ самъ поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, но свиданіе не состоялось и Никонъ остался безъ удовлетворенія. 10 іюля, въ праздникъ Ризположенія, патріархъ вполнѣ былъ увѣренъ, что царь будетъ у литургіи въ соборѣ, и думалъ при этомъ съ нимъ объясниться. Но царь прислалъ сказать, что не будетъ, а *Юрій Ромодановскій,* который былъ посланъ съ этимъ, прибавилъ еще отъ себя, что царь гнѣвенъ на патріарха за титулъ великаго государя. Отслуживъ литургію безъ царя, Никонъ вышелъ читать поученіе и во всеуслышаніе объявилъ, что отселѣ не желаетъ больше быть патріархомъ; затѣмъ въ ризницѣ переодѣлся въ простую мантію съ чернымъ клобукомъ, написалъ тутъ же къ царю письмо о своемъ оставленіи каѳедры и направился къ выходу изъ собора. Народъ плакалъ, не пускалъ его, отнялъ у него карету; но патріархъ ушелъ пѣшкомъ на воскресенское подворье, а съ подворья уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь.

Событія по удаленіи Никона.—Изъ монастыря онъ далъ знать, чтобы поспѣшили избраніемъ ему преемника, а цер-

ковію управлялъ бы пока *Питиримъ* Крутицкій, себѣ просилъ во владѣніе три своихъ монастыря, — Воскресенскій, Иверскій и Крестный, и снова повторилъ отреченіе отъ патріаршества. Не смотря впрочемъ на это отреченіе, онъ все еще ждалъ, что государь одумается и опять повторитъ передъ нимъ то слезное моленіе о принятіи патріаршества, которое народъ видѣлъ въ соборѣ въ 1652 году, но ожиданіе это было тщетно. Государь исполнилъ его просьбу о монастыряхъ, относился къ нему вообще очень милостиво, но о возвращеніи его на патріаршество не было и рѣчи. Скоро Никонъ тяжело почувствовалъ перемѣну своего положенія, свою забытость, отсутствіе прежней широкой дѣятельности, прежней величественной обстановки. Онъ сталъ раздражительно жаловаться на то, что его покинули, что духовенство перестало его уважать, не ѣздитъ къ нему, по запрещенію будто бы самого царя и митрополита Питирима, что безъ него дѣла идутъ худо, писалъ раздражительныя посланія къ царю о томъ, что въ недѣлю ваій (1659 г.) митрополитъ Питиримъ совершилъ за патріарха хожденіе на осляти и тѣмъ «сѣдалище великаго архіерея всея Руси олюбодѣйствовалъ», о томъ, что при описи патріаршаго имущества раскрытъ былъ келейный архивъ патріарха съ цѣлію будто бы отобрать письма, въ которыхъ государь называлъ его великимъ государемъ, что царь вступился безъ него въ управленіе церковными дѣлами и хочетъ завладѣть церковнымъ достояніемъ. Спустя нѣсколько времени онъ сталъ смягчать и свое отреченіе, писалъ царю, что сана съ него никто не снималъ, что онъ ушелъ изъ Москвы своею волею, и настаивалъ на правѣ посвященія себѣ преемника. Но тутъ возникалъ трудный вопросъ, въ какое же отношеніе долженъ былъ стать новый патріархъ къ старому.

Въ февралѣ 1660 года для рѣшенія все болѣе и болѣе запутывавшагося дѣла о Никонѣ созванъ былъ соборъ изъ русскихъ и бывшихъ въ Москвѣ греческихъ іерарховъ. Но между русскими іерархами не было человѣка, который бы не имѣлъ личнаго раздраженія противъ властительнаго патріарха. Теперь они припомнили ему и его гордое обращеніе съ ними, и то, какъ онъ не хотѣлъ ихъ братіей нарицати, какъ самовольно, безъ собора, свергнулъ съ каѳедры Павла коломенскаго; обвинили его въ Амановой гордости, въ безумномъ оставленіи престола и осудили на лишеніе архіерейства и священства. Греческіе іерархи вторили русскимъ. Только немногія лица, уча-

ствовавшія въ дѣлахъ собора, въ томъ числѣ ученый Епифаній Славеницкій, возвысили голосъ противъ незаконности такого осужденія. Царь склонился на сторону меньшинства и оставилъ соборное рѣшеніе безъ исполненія. Съ своей стороны Никонъ рѣзко протестовалъ противъ собора, называлъ его жидовскимъ сонмищемъ, сравнивалъ съ соборами на Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и на митрополита Филиппа. Озлобленный тѣмъ, что Питиримъ запретилъ поминать его въ церквахъ, становился при богослуженіи на патріаршее мѣсто, вторично совершилъ обрядъ недѣли ваій и посвятилъ одного епископа (Меѳодія мстиславскаго), гнѣвный патріархъ дошелъ до того, что въ недѣлю православія 1662 года предалъ его анаѳемѣ, которая произвела въ Москвѣ сильное впечатлѣніе.

Весной 1662 года пріѣхалъ въ Москву *Паисій Лигаридъ*, митрополитъ газскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ Грековъ своего времени, но хитрый интриганъ, жертвовавшій для своихъ интересовъ и долгомъ и совѣстью. Состоя подъ запрещеніемъ отъ іерусалимскаго патріарха за латинство, онъ скитался по Греціи и Италіи, потомъ въ 1657 году былъ приглашенъ въ Москву самимъ Никономъ, который нуждался въ образованныхъ людяхъ. Онъ былъ принятъ здѣсь очень ласково, какъ знатокъ каноновъ, дорогой человѣкъ въ такое тревожное время, и немедленно присталъ къ выгоднѣйшей для него сторонѣ враговъ Никона. Стрѣшневъ далъ ему на обсужденіе 30 вопросовъ касательно поведенія и отношеній патріарха къ царю. Паисій со всею гибкостью своего ума и совѣсти отвѣчалъ на нихъ полнымъ осужденіемъ всѣхъ дѣйствій Никона, осудилъ его за принятый имъ титулъ великаго государя, за жестокое обращеніе съ духовенствомъ и слишкомъ частое употребленіе анаѳемъ, и въ то же время оправдалъ учрежденіе монастырскаго приказа и призналъ право мѣстныхъ епископовъ судить своего патріарха. Никону доставили и вопросы и отвѣты. Онъ горячо принялся разбивать ихъ, написалъ большую книгу, въ которой показалъ всю свою начитанность, съ большимъ увлеченіемъ и рѣзкостью высказалъ свои мысли и о власти патріарха, и объ отношеніи церкви къ государству; основательныя замѣчанія шли здѣсь рядомъ съ запальчивыми выходками противъ Уложенія, монастырскаго приказа и мірского суда надъ церковію. Неудержимый человѣкъ не щадилъ ни Одоевскаго, ни

Стрѣшнева, ни Паисія, ни самого царя, дошелъ въ своемъ увлеченіи до замѣчательной близости къ идеямъ папства: «Не отъ царей, писалъ онъ, начало священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; священство выше царства. Царь не давалъ намъ правъ, а напротивъ похитилъ наши права; церковію обладаетъ; весь священный чинъ ему работаетъ и оброки даетъ; завладѣлъ церковнымъ судомъ и пошлинами. Господь двумъ свѣтиламъ свѣтить повелѣлъ, солнцу и лунѣ, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ,—власть эта надъ душами, царская же въ вещахъ міра сего». Въ концѣ 1662 года Паисій составилъ 25 подобныхъ же вопросовъ, на какіе отвѣчалъ самъ, для отсылки на судъ патріарховъ; имя Никона въ нихъ не было упомянуто и все его дѣло представлено отвлеченно отъ его личности. Отвѣты патріарховъ, пришедшіе въ Москву уже въ маѣ 1664 года, были тоже противъ Никона. Одинъ *Нектарій* іерусалимскій, хотя и подписался на общемъ свиткѣ, въ отдѣльной граматѣ къ царю умолялъ его помириться съ Никономъ безъ суда.

Но дѣло клонилось вовсе не къ миру. Еще въ 1660 году у Никона начались тяжбы съ сосѣдними Воскресенскому монастырю владѣльцами, *Сытиными*—о побояхъ, нанесенныхъ патріаршими людьми его крестьянамъ на покосѣ спорныхъ луговъ—и съ окольничимъ *Бобарыкинымъ*, завладѣвшимъ одной вотчиной Воскресенскаго монастыря. Въ 1661 году, по поводу этихъ тяжебъ, не получая удовлетворенія на свои жалобы, Никонъ написалъ къ Алексѣю Михайловичу самое обидное письмо объ униженіи церкви мірскою властью. Угрожая царю гнѣвомъ Божіимъ, онъ между прочимъ разсказывалъ здѣсь, что недавно видѣлъ видѣніе, будто стоялъ онъ въ соборѣ, и всѣ почившіе московскіе святители, вставъ изъ гробовъ, велѣли ему сказать царю, чтобы не обижалъ церкви, и будто послѣ этого весь огонь, освѣщавшій соборъ, устремился на дворецъ и сжегъ его. Въ 1663 году, когда второе изъ этихъ дѣлъ о спорной землѣ рѣшилось въ пользу Бобарыкина, Никонъ, собравъ братію въ церковь и положивъ царскую жалованную грамату о монастырскихъ земляхъ подъ крестъ, отслужилъ молебенъ и послѣ него возглашалъ клятвенныя слова изъ псалма 108 противъ обидящихъ. Государь былъ сильно возмущенъ и назначилъ слѣдствіе о томъ, кого проклиналъ Никонъ. Для этого въ Воскресенскій монастырь были по-

сланы самыя непріятныя Никону лица,—Паисій Лигаридъ съ Іосифомъ астраханскимъ и Одоевскій съ Стрѣшневымъ. Никонъ принялъ ихъ съ чрезвычайнымъ раздраженіемъ, кричалъ на нихъ, не давалъ говорить, Паисія ругалъ воромъ, собакою, самоставленикомъ, нехристемъ, бранилъ и соборъ, пославшій пословъ, грозился, что оточтетъ отъ христіанства самого государя; на другой день онъ говорилъ въ церкви поученіе, въ которомъ сравнивалъ Одоевскаго и Стрѣшнева съ Иродомъ и Пилатомъ, а архіереевъ съ Анной и Каіафой; но потомъ все-таки объяснилъ имъ, что проклиналъ не государя, а Бобарыкина. При разбирательствѣ всѣхъ этихъ дѣлъ Никонъ постоянно высказывался, что не признаетъ надъ собою суда мѣстныхъ соборовъ, и требовалъ суда восточныхъ патріарховъ. Присылка въ маѣ 1664 г. патріаршихъ граматъ его не удовлетворила, тѣмъ болѣе, что за ними ѣздилъ на востокъ нѣкто *Мелетій*, греческій іеродіаконъ, человѣкъ не возбуждавшій довѣрія, котораго Никонъ прямо винилъ за поддѣлку рукъ и печатей. Какъ только граматы эти явились, такъ и заподозрѣна была ихъ подлинность. Послѣ этого царь убѣдился въ необходимости пригласить въ Россію самихъ патріарховъ и въ сентябрѣ 1664 года послалъ за ними новое посольство на востокъ. Изъ нихъ приняли приглашеніе только двое, *Паисій* іерусалимскій и *Макарій* антіохійскій; другіе двое отказались отъ поѣздки по смутному состоянію дѣлъ въ ихъ собственныхъ областяхъ и изъ страха передъ Турками, но дали отъ себя Паисію и Макарію полномочія.

Нѣкоторое затишье вражды, наступившее послѣ приглашенія патріарховъ, и частыя сожалѣнія царя о Никонѣ подали одному изъ близкихъ къ Никону бояръ *Зюзину* мысль помирить великихъ государей, устроивъ между ними свиданіе. Въ надеждѣ, что это свиданіе снова воскреситъ прежнія чувства царя къ бывшему другу, Зюзинъ писалъ Никону, чтобы тотъ внезапно пріѣхалъ въ Москву на праздникъ Петра чудотворца къ утрени прямо въ соборъ и послалъ звать государя на молитву, при этомъ объяснилъ, что такова тайная воля самого государя. Никонъ предался горячей молитвѣ и посту, чтобы самъ Господь вразумилъ его, что дѣлать, и вотъ однажды въ тонкомъ снѣ явилось ему видѣніе: онъ въ Успенскомъ соборѣ и всѣ почившіе святители, вставъ изъ гробовъ, подписываютъ свитокъ о вторичномъ возведеніи его на патріаршество... Съ 17 на 18 декабря 1664 г. въ Успенскомъ соборѣ служили заутреню. Вдругъ часа

въ 3 утра, во время чтенія каѳизмъ, съ шумомъ растворились двери и явился Никонъ съ толпою монаховъ и съ преднесеніемъ креста, быстро подошелъ къ патріаршему мѣсту, взялъ посохъ митрополита Петра и сталъ. Монахи пропѣли: «Ис полла эти, деспота» и «Достойно». Раздался знакомый голосъ, повелѣвавшій дьякону читать большую эктенію. Приложившись къ мощамъ, патріархъ позвалъ всѣхъ служившихъ къ благословенію. Растерянное духовенства и митрополитъ ростовскій *Іона*, занимавшій мѣсто Питирима, переведеннаго лѣтомъ въ Новгородъ, стали подходить къ его рукѣ. Къ царю Никонъ послалъ изъ собора письмо, въ которомъ разсказывалъ о своемъ видѣніи и въ заключеніе писалъ: «пришли мы въ кротости и смиреніи, неся съ собою миръ: хощеши ли Самого Христа пріять»? Царь былъ въ такомъ замѣшательствѣ отъ неожиданности, что врагамъ Никона не трудно было повернуть дѣло по своему. Патріарху послано сказать, чтобы ѣхалъ, откуда пріѣхалъ. Взявъ съ собой посохъ митрополита Петра, онъ вышелъ изъ собора, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, и уѣхалъ опять въ Воскресенскій монастырь. На дорогѣ у него отобрали чудотворцевъ посохъ и допросили о причинѣ пріѣзда. Никонъ выдалъ Зюзина; бояринъ подъ пыткой сознался въ винѣ и былъ сосланъ въ Казань. Митрополитъ Іона, подходившій къ Никону за благословеніемъ, лишенъ былъ должности мѣстоблюстителя патріаршаго престола; должность эта возложена послѣ него на митрополита *Павла* крутицкаго. Послѣ этой несчастной поѣздки въ Москву Никонъ сталъ дѣлать уступки, письменно просилъ царя отмѣнить пріѣздъ патріарховъ, соглашался на поставленіе новаго патріарха съ условіемъ, чтобы оставили за нимъ, Никономъ, патріаршее титло, полную власть въ трехъ его монастыряхъ и независимость отъ новаго патріарха. Но въ Москвѣ уже рѣшили дожидаться суда патріарховъ. Тогда Никонъ въ видахъ предупрежденія послалъ отъ себя къ *Діонисію* константинопольскому и др. патріархамъ граматы, въ которыхъ, разсказавъ обстоятельства своего удаленія съ каѳедры, безъ всякаго стѣсненія въ выраженіяхъ жаловался на монастырскій приказъ, на бояръ, на Стрѣшнева, на самого царя, разбранилъ Паисія, какъ еретика, и изложилъ Зюзинское дѣло. Граматы эти были перехвачены, и одна изъ нихъ къ патріарху Діонисію послѣ послужила на судѣ противъ самого же Никона.

Судъ надъ Никономъ и его заточеніе.—Въ ноябрѣ 1666 года пріѣхали патріархи. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ торжествахъ по случаю ихъ прибытія и въ совѣщаніяхъ ихъ съ

царемъ, духовными властями и боярами, на которыхъ они были ознакомлены съ дѣломъ, главнымъ образомъ при посредствѣ Паисія Лигарида. Въ концѣ ноября Никонъ самъ былъ позванъ на соборъ. 1 декабря въ кремлевскихъ палатахъ въ присутствіи царя и бояръ, собрался соборъ изъ греческихъ и русскихъ іерарховъ, какого еще никогда не видала Русская церковь; на немъ присутствовали 2 патріарха, 10 митрополитовъ, 7 архіепископовъ, 4 епископа, 30 однихъ только русскихъ архимандритовъ, 9 игуменовъ и множество другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ *). Никонъ явился съ обычной торжественностью, съ преднесеніемъ креста, совершилъ входъ и хотѣлъ было сѣсть на патріаршемъ мѣстѣ, но, не видя его приготовленнымъ для себя, не сѣлъ, а стоя провелъ все время засѣданія, продолжавшагося болѣе 10 часовъ. Обвинителемъ явился самъ царь. Весь взволнованный. въ слезахъ стоялъ онъ предъ святителями, произнося обвиненія на своего бывшаго друга, жаловался на самовольное его удаленіе, на осмилѣтнюю церковную смуту по его винѣ, отрицалъ всякую вражду къ нему съ своей стороны. Никонъ держалъ себя не уступчиво, не дѣлая ни шагу къ примиренію; на обвиненія царя отвѣчалъ, что ушелъ отъ царскаго гнѣва, но патріаршества не оставлялъ. Царь представилъ собору грамату Никона къ патріарху Діонисію и жаловался на безчестіе. Все остальное время засѣданія проведено было въ чтеніи этой граматы; содержаніе ея возбуждало постоянныя замѣчанія и споры, въ которыхъ разныя лица и самъ царь обвиняли патріарха въ гордости, превышеніи власти, въ клеветахъ на царя, въ безчестіи на Русскую церковь, защищали себя и вызывали Никона на рѣзкіе отвѣты. Особенно крѣпко привязались къ сильнымъ фразамъ письма о неправославіи Паисія, бросавшимъ тѣнь на всю Русскую церковь, давшую Лигариду право голоса на своихъ соборахъ и право рукоположенія. На другомъ засѣданіи 5 декабря, на которомъ Никонъ вступалъ въ особенно горячіе споры съ обвинителями, онъ выразилъ сомнѣніе въ полномочіяхъ судившихъ его патріарховъ и даже въ православіи самой греческой Кормчей, на которую неоднократно дѣлались ссылки. «По нуждѣ и дьяволъ истину исповѣдуетъ, сказали патріархи, а Никонъ истины не исповѣдуетъ». Было нѣсколько еще другихъ засѣданій по дѣлу Никона, но самого его на нихъ не приглашали.

*) Общее число членовъ собора 1666—67 г. на разныхъ засѣданіяхъ его было еще больше,—до 29 однихъ архіереевъ, греческихъ и русскихъ.

На новомъ засѣданіи 12 декабря въ Благовѣщенской церкви Чудова монастыря соборъ наконецъ прочиталъ Никону обвинительные пункты,—что онъ самовольно и съ клятвой оставилъ каѳедру, по оставленіи ея самовольно же священнодѣйствовалъ и распоряжался въ своихъ монастыряхъ, одинъ монастырь назвалъ Іерусалимомъ, а разнымъ мѣстамъ въ его окрестностяхъ далъ гордыя названія Виѳлеема, Голгоѳы, Іордана и проч., отнималъ для своихъ монастырей вотчины у другихъ монастырей, мѣшалъ избранію новаго патріаха, злоупотреблялъ анаѳемой, анаѳематствовалъ въ недѣлю православія русскихъ архіереевъ, двоихъ архіереевъ, посланныхъ къ нему царемъ, назвалъ Анною и Каіафою, а двоихъ бояръ—Иродомъ и Пилатомъ, патріарховъ называлъ безпрестольными, отвергалъ правила помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ послѣ VII вселенскаго собора, греческую Кормчую называлъ еретической, въ письмѣ къ патріарху обвинялъ всю Русскую церковь въ латинствѣ, царя называлъ мучителемъ неправеднымъ, уподоблялъ Іеровоаму и Осіи, самовольно низвергъ и предалъ біенію епископа Павла коломенскаго, такъ что тотъ сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно, называлъ Паисія еретикомъ, билъ и два года мучилъ въ тюрьмѣ духовника своего старца Леонида, въ Воскресенскомъ монастырѣ иноковъ и бѣльцовъ мучилъ мірскими казнями, а иныхъ на пыткѣ жегъ. За все это его объявили лишеннымъ патріаршества и священства съ оставленіемъ за нимъ только иночества. При снятіи сана Никонъ сказалъ: «Зачѣмъ вы дѣйствуете здѣсь, въ монастырской церкви, тайно, какъ воры? При всемъ народѣ, въ соборѣ умоляли меня принять патріаршество, пойдемъ и теперь въ ту же великую церковь». Патріархи сами сняли съ него клобукъ и панагію. «Жемчугъ-то раздѣлите», снова заговорилъ Никонъ. «Будетъ вамъ по нѣсколько золотниковъ, чтобы заплатить дань султану». Послѣ этого его увезли въ Ѳерапонтовъ монастырь.

Заточеніе Никона въ первые годы было очень тяжко. Никонъ впрочемъ самъ отвергалъ знаки участія къ нему царя и отсылалъ обратно всѣ царскіе дары. Только въ Пасху 1667 года онъ въ первый разъ принялъ присланное ему вино и пилъ за царское здоровье. Послѣ этого царь немедленно облегчилъ его заточеніе, позволилъ ему выходить изъ монастыря, далъ лучшее содержаніе и особую церковь. Никона стали почитать въ монастырѣ. Толпы народа стекались къ нему за благословеніемъ и молитвой. Въ Москву доносили даже, что онъ хочетъ бѣжать изъ

монастыря и возвратить себѣ патріаршество съ помощію черни. Во время Разинскаго бунта его подвергали по этому поводу даже допросу, но ничего не нашли. Въ 1676 году царь Алексѣй скончался, оставивъ въ своемъ завѣщаніи моленіе къ Никону о прощеніи и разрѣшеніи. Суровый патріархъ заплакалъ при извѣстіи объ этомъ, но скрѣпился и не далъ письменнаго разрѣшенія почившему. По смерти царя участь Никона отягчилась. Съ воцареніемъ *Ѳеодора Алексѣевича* палъ бояринъ *Матвѣевъ*, другъ Никона, потеряли значеніе благоволившіе къ заточнику *Нарышкины*—родня второй супруги Алексѣя; первенствующее значеніе при дворѣ получили родственники первой супруги покойнаго царя, матери Ѳеодора, Милославскіе и Хитрово, враги Никона. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Никонъ дурно отзывается о судившихъ его патріархахъ, считаетъ ихъ приговоръ незаконнымъ, продолжаетъ называться патріархомъ и допускаетъ жестокости въ отношеніи къ окружающимъ его людямъ, его перевели въ болѣе тяжкое заточеніе въ Кирилловъ монастырь. Уже подъ конецъ царствованія, когда вліяніе Милославскихъ и Хитрово ослабѣло, царь вспомнилъ Никона и, по ходатайству своей тетки, царевны *Татьяны*, велѣлъ перевести его въ любимый его Воскресенскій монастырь. Но монастырь этотъ увидалъ только бездушное тѣло своего строителя, скончавшагося на дорогѣ къ нему близъ Ярославля въ 1681 году. Царь велѣлъ предать его погребенію по чину архіерейскому, не взирая на несогласіе патріарха Іоакима, и самъ несъ его гробъ до могилы. Вскорѣ онъ исходатайствовалъ у восточныхъ патріарховъ грамату о разрѣшеніи Никона и поминовеніи его въ патріаршемъ санѣ на ряду съ другими московскими патріархами.

Соборъ 1666 и 1667 гг.—Судъ надъ Никономъ составлялъ только одинъ эпизодъ изъ дѣяній большого московскаго собора, состоявшаго собственно изъ двухъ соборовъ,—одного, созваннаго въ февралѣ 1666 г. изъ русскихъ іерарховъ для рѣшенія вопросовъ о церковныхъ исправленіяхъ Никона и расколѣ, и изъ собора, начавшагося въ концѣ того же года съ участіемъ восточныхъ патріарховъ. Это былъ такой же многосодержательный соборъ, какъ въ XVI вѣкѣ Стоглавый. Различныя церковныя исправленія, энергичное, даже бурное патріаршество Никона, возникновеніе раскола, многочисленныя обличенія церковныхъ нестроеній, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ, и отъ своихъ, и отъ чужихъ, наѣзжихъ людей, тяжелое столкновеніе церков-

наго и государственнаго вѣдомствъ,—все это сильно встревожило русскую жизнь и возбудило множество острыхъ и настоятельныхъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ правительство и церковная власть и спѣшили теперь воспользоваться помощью такого важнаго по составу собора. Во время своихъ многочисленныхъ засѣданій соборъ дѣйствительно успѣлъ отозваться на всѣ главные вопросы времени, постарался рѣшить и тѣ изъ нихъ, которые спеціально касались государственнаго положенія церкви, церковнаго управленія и состоянія духовнаго чина.

Осудивъ великое государствованіе Никона, его чрезмѣрныя притязанія и нѣкоторыя частныя распоряженія, напримѣръ образованіе имъ особаго, лично ему принадлежавшаго церковнаго удѣла изъ трехъ его монастырей, возвративъ незаконно отобранныя для нихъ вотчины и самые эти монастыри подчинивъ мѣстнымъ архіереямъ, соборъ призналъ однако справедливымъ основной взглядъ Никона на государственное положеніе церкви и на монастырскій приказъ. Опредѣлено было, что патріархъ не долженъ носить титула великаго государя и вступаться въ мірскія дѣла, но въ то же время подтверждена была прежняя независимость церковнаго вѣдомства отъ мірского суда. Духовныхъ лицъ не велѣно было «вовлачать въ мірскія судилища» не только по дѣламъ гражданскимъ, но до снятія сана даже и по дѣламъ уголовнымъ; свѣтскія лица церковнаго вѣдомства по гражданскимъ дѣламъ тоже подчинены были суду однихъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Соборъ опредѣлилъ, кромѣ того, чтобы и сами святители судили свое духовенство во всѣхъ дѣлахъ, а мірянъ въ дѣлахъ духовныхъ, брачныхъ и по духовнымъ завѣщаніямъ, чрезъ духовныхъ же, а не мірскихъ людей своихъ архіерейскихъ домовъ, вслѣдствіе чего при архіерейскихъ каѳедрахъ стали заводиться духовные приказы изъ судей духовнаго сана, свѣтскимъ же чиновникамъ архіерейскихъ домовъ стали предоставляться главнымъ образомъ дѣла суда гражданскаго, хозяйственныя по церковнымъ вотчинамъ, полицейскія и разныя исполнительныя дѣйствія по духовному суду. Кромѣ того, какъ было уже замѣчено, соборъ обратилъ вниманіе на слабость церковной власти, происходившую отъ непомѣрной величины русскихъ епархій, и порѣшилъ увеличить число епархій; выразилъ также желаніе, чтобы архіереи чаще съѣзжались въ Москву на соборы.

Множество церковныхъ нестроеній, вскрытыхъ церковнымъ движеніемъ послѣдняго времени и представшихъ предъ очами

собора во всей своей совокупности, сообщило его опредѣленіямъ весьма рѣзкій обличительный тонъ, превосходившій своею рѣзкостью даже тонъ тяжкихъ отзывовъ о Россіи пріѣзжавшихъ въ нее иностранцевъ. Таковъ наприм. отзывъ собора о невѣжествѣ русскаго духовенства, что во священство поставляются невѣжды, которые «ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей», о дурной жизни и безпорядкахъ въ монастыряхъ и проч. Для удовлетворенія крайней нужды въ достойныхъ пастыряхъ соборъ настаивалъ на усиленіи образованія въ духовенствѣ и на возвышеніи его внѣшняго положенія; велѣно строже производить выборъ ставленниковъ на церковныя мѣста, а духовнымъ лицамъ внимательнѣе относиться къ обученію своихъ дѣтей, чтобы послѣдніе были болѣе достойными наслѣдниками отцовскихъ мѣстъ. Крайнее развитіе наслѣдственности церковныхъ мѣстъ породило своеобразный взглядъ духовенства на церкви, какъ на свою частную собственность. Соборъ замѣтилъ, что церкви переходили въ духовныхъ семьяхъ по наслѣдству вмѣстѣ съ домовымъ строеніемъ духовенства на церковной землѣ,—доходило до того, что у кого изъ членовъ причта не было для наслѣдія мѣста родственниковъ, тотъ продавалъ свое мѣсто чужимъ за деньги. Соборъ строго возсталъ противъ такого корчемства церквами и распорядился, чтобы прихожане выкупали ихъ у причтовъ, дабы святыя Божіи церкви были свободны. Для возвышенія авторитета духовенства соборъ указалъ ему носить приличное одѣяніе, не участвовать въ пьяныхъ свадебныхъ поѣздахъ, не пьянствовать, не вдаваться въ срамословіе, мздоимство за совершеніе таинствъ, особенно таинства причащенія, въ недозволенные священному сану торги и промыслы и не бродяжничать, переходя съ мѣста на мѣсто. Бродячее и крестцовое духовенство обратило на себя особенное вниманіе, такъ какъ замѣчено было въ незаконныхъ священнодѣйствіяхъ и въ потворствѣ расколу. Самымъ полезнымъ распоряженіемъ къ уменьшенію числа безмѣстнаго духовенства была отмѣна соборомъ стариннаго запрещенія службы вдовымъ священнослужителямъ; тѣмъ изъ нихъ, которые не уличены были въ проступкахъ, лишающихъ права священнослуженія, дозволено было служить при церквахъ невозбранно.—Относительно монашествующаго духовенства соборъ принялъ мѣры противъ его непомѣрнаго размноженія, противъ постригавшихся ради одного тунеядства и свободы отъ службы и тягла; не велѣно было постригать безъ разрѣшенія духовной

власти и правильнаго искуса, мужей безъ согласія женъ и женъ безъ согласія мужей, людей не свободныхъ безъ согласія господъ; запрещено постригать внѣ монастыря въ мірскихъ домахъ, даже болящихъ передъ смертью. Еще Уложеніе запретило постригающимся отдавать въ монастыри вкладомъ свои вотчины, а такъ же владѣть своими вотчинами послѣ постриженія; соборъ подтвердилъ это запрещеніе и высказался даже противъ всякихъ вообще вкладовъ за постриженіе. Изречены строгія правила противъ бродяжничества монаховъ и монахинь, проживанія ихъ въ мірскихъ домахъ, пьянства и проч. Высказано нѣсколько рѣзкихъ обличеній противъ юродивыхъ и пустосвятовъ, бродившихъ, распустивъ власы, въ монашескихъ свитахъ, въ веригахъ, а иныхъ ходящихъ нагими и босыми тщеславія ради, на прелесть людямъ простымъ и невѣждамъ, да воспріимутъ славу отъ народа.

Значеніе и труды патріарховъ послѣ Никона.— Уступкамъ, какія государство сдѣлало церкви на соборѣ 1667 года, не мало содѣйствовала личность новаго патріарха, избраннаго на соборѣ, *Іоасафа II*, изъ троицкихъ архимандритовъ, старца тихаго и кроткаго, отъ котораго нечего было опасаться какихъ-нибудь Никоновскихъ притязаній. Въ теченіе 5 лѣтъ своего патріаршества онъ держался въ полномъ согласіи съ царемъ, не настаивалъ на исполненіи даже тѣхъ распоряженій, какія были сдѣланы на соборѣ. Такъ же тихо и незамѣтно прошло 10-мѣсячное управленіе слѣдующаго патріарха *Питирима*, бывшаго митрополита новгородскаго († 1673). Но со вступленіемъ на каѳедру третьяго послѣ Никона патріарха, *Іоакима* (съ іюля 1674 года), снова началось тревожное время борьбы за права и цѣлость православной церкви, продолжавшееся до конца патріаршаго періода. Этотъ патріархъ былъ человѣкъ твердаго и энергичнаго характера, отличался крупнымъ административнымъ талантомъ и строгимъ православнымъ направленіемъ. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода Савеловыхъ, былъ сначала въ военной службѣ, потомъ съ 1655 года, постригшись, жилъ въ Межигорскомъ монастырѣ близъ Кіева, оттуда былъ вызванъ Никономъ въ монастырь Иверскій, съ 1664 года въ санѣ архимандрита управлялъ монастыремъ Чудовымъ, въ 1673 году поставленъ митрополитомъ въ Новгородъ, наконецъ въ 1674 году, по смерти Питирима, избранъ въ патріархи. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его было настоять на осуществленіи опредѣленій собора 1667 года о неподсудности духовенства мірскому суду, которыя исполнялись далеко не въ полной мѣрѣ.

До сихъ поръ оставался еще въ цѣлости и монастырскій приказъ, изъ-за котораго было поднято столько тревогъ при Никонѣ, хотя и съ ослабленнымъ уже судебнымъ вѣдомствомъ. Въ 1675 году патріархъ собралъ соборъ, который повторилъ и дополнилъ прежнія опредѣленія о церковномъ судѣ: монастырскій приказъ положено было закрыть; относительно самихъ святителей опредѣлено, чтобы они вѣдали свое епархіальное духовенство чрезъ духовныхъ, а не мірскихъ людей, и не только судомъ, какъ опредѣлено было прежде, но и сборами, предоставивъ свѣтскимъ людямъ своихъ домовъ только исполнительное участіе въ дѣлахъ о духовенствѣ, дѣйствія противъ ослушниковъ, ревизіи и описи церквей и монастырей, производство разслѣдованій и разныя дѣла полицейскаго характера. Патріархъ потомъ твердо настаивалъ на неприкосновенности церковнаго вѣдомства во всѣхъ случаяхъ ея нарушенія, мірскіе ли судьи вторгались въ дѣла церковнаго суда, или само духовенство прибѣгало къ суду мірскихъ властей, будучи по чему-нибудь недовольно своимъ духовнымъ начальствомъ.

Затѣмъ патріархъ обратилъ вниманіе на матеріальныя средства духовенства. Еще со времени государственной переписи земель при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ начать былъ надѣлъ церквей писцовыми землями, но производился очень медленно, а въ 1676 г., по боярскому приговору, даже вовсе былъ прекращенъ. Патріархъ возсталъ противъ этого приговора и настоялъ на его отмѣненіи. Въ 1680 году, при новомъ межеваніи земель, ему удалось исходатайствовать общее опредѣленіе объ отмежеваніи писцовыхъ земель ко всѣмъ церквамъ. Въ тѣхъ же видахъ улучшенія матеріальнаго благосостоянія духовенства патріархъ заботился объ облегченіи епархіальныхъ сборовъ съ духовенства, которые со времени учрежденія патріаршества и особенно при Никонѣ значительно усилились и, кромѣ того, до сихъ поръ всецѣло зависѣли отъ усмотрѣнія мѣстныхъ епархіальныхъ властей; онъ распорядился, чтобы эти сборы по всѣмъ епархіямъ собирались въ опредѣленномъ и однообразномъ количествѣ, примѣнительно къ количеству, принятому для нихъ въ патріаршей епархіи.

Въ отношеніи къ церковнымъ вотчинамъ правительство оказалось менѣе уступчивымъ, чѣмъ въ вопросѣ о церковномъ судѣ. Опредѣленія Уложенія по этому предмету были оставлены во всей силѣ и послѣ 1667 года. Желая извлечь изъ церковныхъ вотчинъ какъ можно больше государственной и общественной пользы, правительство взимало съ нихъ свои сборы въ количествѣ уси-

ленномъ противъ другихъ вотчинъ, кромѣ того, посылало въ монастырь для прокормленія своихъ раненыхъ и престарѣлыхъ служилыхъ людей и требовало отъ духовныхъ учрежденій усиленія благотворительной дѣятельности. Въ 1678 годъ положено увеличить патріаршія богадѣльни въ Москвѣ и содержать въ нихъ 412 человѣкъ нищихъ. Соборъ 1682 года, по предложенію царя, опредѣлилъ разобрать всѣхъ нищихъ въ городахъ и дѣйствительно требующихъ призрѣнія размѣстить по церковнымъ богадѣльнямъ и больницамъ. При царѣ же Ѳеодорѣ вышло распоряженіе (1678 года) произвести подробную перепись церковныхъ имѣній, которая могла бы служить основой какъ для опредѣленія количества сборовъ съ церковнаго вѣдомства, такъ и для контроля надъ его экономіей, сосредоточеннаго въ приказѣ большого дворца.

Подъ конецъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича въ 1682 году въ Москвѣ состоялся замѣчательный соборъ, на которомъ царь предложилъ нѣсколько вопросовъ относительно церкви и духовенства, выражавшихъ новыя идеи правительства и бывшихъ предвѣстниками грядущей реформы. Кромѣ извѣстнаго уже вопроса объ «архіерейскомъ прибавленіи» или умноженіи числа русскихъ епархій, царь обратилъ вниманіе отцовъ собора на распространеніе раскола, на неудовлетворительное состояніе духовенства и монашества, на недостаточность церковной благотворительности, на необходимость усилить надзоръ за продажей книгъ, за безмѣстнымъ духовенствомъ, служившимъ при церквахъ и у крестовъ въ боярскихъ домахъ, за излишнимъ умноженіемъ часовень и т. д. Отвѣчая на вопросы царя, соборъ запретилъ заводить малыя пустыни и монастыри, а заведенныя прежде велѣлъ упразднять и сводить въ большія общежительныя обители, усилилъ опредѣленныя въ 1667 году ограниченія излишней свободы постриженія, особенно внѣ монастырей, распорядился изгнать изъ монастырей лишнихъ бѣльцовъ, и бѣлицъ, горячо возсталъ противъ бродяжничества монаховъ и монахинь, проживанія ихъ въ мірскихъ домахъ и прошенія милостыни по улицамъ, указалъ всѣхъ такихъ монашествующихъ ловить и заключать для исправленія въ особо отведенные на то монастыри, прекратить вообще всякое сообщеніе монашествующихъ съ мірянами, особенно въ монастыряхъ женскихъ, монахинямъ не выходить изъ монастырей даже въ свои вотчины, а держать для управленія послѣдними довѣренныхъ лицъ изъ мірянъ; во всѣхъ монастыряхъ стараться заводить общежитіе.

По мѣрѣ усиленія преобразовательныхъ стремленій въ правительствѣ и приближенія Петровской реформы дѣло управленія Русской церковью дѣлалось все труднѣе;—съ одной стороны она была тревожима расколомъ, старовѣріемъ, съ другой—ей угрожалъ все усиливавшійся наплывъ иноземныхъ новшествъ. Послѣдній годъ патріаршества Іоакима совпалъ съ первымъ годомъ самостоятельнаго царствованія *Петра Великаго*. Старшія дѣти царя Алексѣя отъ Милославской, Ѳеодоръ и Софія, получили образованіе въ польско-кіевскомъ направленіи,—отъ того патріарху во время ихъ господства приходилось бороться противъ польско-католическихъ соблазновъ среди православнаго общества; при Петрѣ, образовавшемся совсѣмъ въ другомъ направленіи, на первый планъ выступили другіе, болѣе сильные соблазны—нѣмецкіе, противодѣйствіе которымъ было гораздо труднѣе.

Новый царь явился человѣкомъ, совершенно отрѣшеннымъ отъ древнихъ церковныхъ традицій московскаго дворца. Какъ младшій царевичъ, сынъ второй супруги покойнаго царя, *Наталыи Кирилловны Нарышкиной*, онъ очутился по смерти отца, при господствѣ Милославскихъ, въ какомъ-то опальномъ положеніи и проводилъ свое дѣтство не во дворцѣ, а въ селѣ Преображенскомъ, не имѣлъ и такихъ учителей, какихъ имѣли старшія дѣти царя Алексѣя. Онъ учился почти самоучкой, среди шумныхъ потѣхъ Преображенской улицы и полнаго простора для своихъ необычайныхъ силъ и природной любознательности. Любознательность эта, предоставленная самой себѣ, прежде всего, разумѣется, обратилась у него на то, что его поражало своей очевидной пользой; его заняли не религіозные предметы и не кіевская риторика, какъ его брата Ѳеодора и сестру Софью, а солдатскій строй, пушки, корабли, крѣпостныя работы, ремесла, то, чѣмъ Европа такъ возвышалась надъ Россіей и для чего Россія толпами вызывала къ себѣ иноземцевъ, не смотря на всю свою религіозную замкнутость. Отсюда совершенно свѣтскій и практическій характеръ его образованія и всей его будущей реформы. Такое направленіе сблизило его съ Нѣмецкой слободой, потому что въ Россіи одни только Нѣмцы и знали то, что ему было нужно. Для его предшественниковъ знаться съ еретиками было страшно; для Петра, не получившаго стариннаго церковнаго образованія, этого страха не существовало и онъ сблизился съ Нѣмцами близко и свободно. Въ такомъ же направленіи была воспитана и ближайшая петровская компанія, дружина новыхъ

людей, съ которой онъ дѣлилъ и горе и радость, вмѣстѣ работалъ и вмѣстѣ отдыхалъ на разгульныхъ пирахъ въ обществѣ съ Нѣмцами. Старая жизнь не замедлила, конечно, встрѣтить эту новую, начинающуюся жизнь сильнымъ противодѣйствіемъ, но такого огненнаго человѣка, съ такой крутой силой воли, какъ Петръ, остановить въ его направленіи было уже невозможно; препятствія, встрѣчаемыя имъ на пути, ни къ чему не вели, кромѣ опаснаго озлобленія его души, и безъ того еще съ дѣтства обремененной озлобляющими впечатлѣніями.

Петръ выросъ въ гоненіи отъ родныхъ, подъ страшными впечатлѣніями стрѣлецкихъ бунтовъ и интригъ Милославскихъ, постоянно раздражаемый указаніями на отнятую у него власть и на торжество нелюбимой родни. Изъ него вырабатывался второй Іоаннъ Грозный, такой же ревнитель своей царской самодержавной власти и такой же неудержимый каратель всякаго противодѣйствія этой власти. Грозному нужно было разбивать своими карами мѣшавшіе царской власти остатки стараго вѣчевого и дружиннаго быта; царю преобразователю пришлось обратить свои кары преимущественно противъ народныхъ суевѣрій и старой религіозной исключительности русской жизни, противъ отрицанія всего, что лежитъ внѣ религіозной сферы, потому что отсюда и шло главное противодѣйствіе его дѣятельности. Еще въ періодъ его потѣхъ его раздражали непріязненные толки объ его поведеніи царевенъ тетокъ и царевенъ сестеръ, пересуживавшихъ у себя во дворцѣ все, что творилось въ Преображенскомъ; противъ его дружбы съ Нѣмцами была его мать, его братъ *Іоаннъ*, супруга послѣдняго *Прасковья Ѳеодоровна*, собственная его супруга *Евдокія Ѳеодоровна Лопухина* со всей своей родней. Не нашелъ онъ себѣ сочувствія и въ патріархѣ. Въ извѣстной борьбѣ Нарышкиныхъ съ Милославскими изъ-за престола Іоакимъ былъ постоянно на сторонѣ Петра, дѣйствовалъ въ его пользу и при первомъ избраніи его на царство по смерти царя Ѳеодора въ 1682 году, и при сверженіи владычества царевны Софьи въ 1689 году, но сильно разошелся съ молодымъ царемъ во взглядахъ на значеніе для Россіи иноземцевъ. Еще при Софьѣ, предъ началомъ крымскихъ походовъ, онъ рѣшительно высказался, что московскихъ полковъ никакъ не слѣдуетъ поручать какому-нибудь еретику Гордону. Послѣ сверженія владычества Софьи въ 1689 г. онъ настоялъ на изданіи указа о строжайшемъ допросѣ на границахъ всѣхъ пріѣзжихъ ино-

земцевъ, кто они, откуда и зачѣмъ пріѣхали. Онъ не прочь былъ запретить ихъ кирхи даже въ Нѣмецкой слободѣ. На одинъ торжественный обѣдъ при дворѣ былъ приглашенъ заслуженный полковникъ *Гордонъ*,—патріархъ настоялъ на его удаленіи съ торжества; на другой день царь угостилъ обиженнаго иноземца торжественнымъ пиромъ въ загородномъ дворцѣ и этимъ выразилъ свое недовольство патріархомъ. Послѣ себя Іоакимъ оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ умолялъ царей Петра и Іоанна никакъ не допускать православныхъ до дружбы съ еретиками, не давать иноземцамъ начальства при полкахъ, не дозволять въ Россіи постройки кирокъ и не вводить иноземныхъ обычаевъ. Такое непріязненное къ иноземцамъ отношеніе этого энергичнаго патріарха, въ смутное время стрѣлецкихъ бунтовъ и въ правленіе Софьи успѣвшаго получить особенно важное значеніе, не могло не казаться Петру опаснымъ, и онъ сохранилъ объ Іоакимѣ недобрую память, какъ о второмъ Никонѣ, что имѣло потомъ не малое вліяніе на его отношенія и къ самому патріаршеству.

Патріархъ Іоакимъ скончался въ 1690 г. Преемникомъ его, по желанію благочестивой Наталіи Кирилловны и противъ желанія Петра, былъ поставленъ казанскій митрополитъ *Адріанъ*, близкій человѣкъ къ покойному и такой же ревнитель православія, но менѣе его образованный и еще болѣе приверженный къ старинѣ, считавшій брадобритіе великой ересью. Въ началѣ своего патріаршества въ окружныхъ посланіяхъ къ паствѣ онъ высказался крайне рѣзко и противъ иноземцевъ съ ихъ обычаями, и противъ табаку, и противъ брадобритія, повторивъ противъ послѣдняго даже проклятіе Стоглава, и этимъ поставилъ себя въ самое неловкое положеніе въ отношеніи къ царю. Вскорѣ это положеніе сдѣлалось для него еще хуже, когда противъ Петровскихъ реформъ поднялись народные протесты и, къ крайней невыгодѣ для духовенства и для самой церкви, тоже во имя православія. Во имя православія же въ 1698 г. поднялся противъ царя и новый стрѣлецкій бунтъ, заставившій Петра прервать свое заграничное путешествіе. Страшный стрѣлецкій розыскъ ясно показалъ, до какого неумолимаго озлобленія доведенъ былъ тогда Петръ противъ враждебнаго его планамъ стариннаго духа. Когда Адріанъ, по древнему обычаю печалованія, вздумалъ было походатайствовать за стрѣльцовъ, явившись къ царю съ иконой Богоматери, царь съ гнѣвомъ велѣлъ ему уйти прочь и поставить

образъ на мѣсто. «Я не меньше тебя, говорилъ онъ, чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долгъ казнить злодѣевъ, умышлявшихъ противъ общаго блага». Гнѣвъ царя не пощадилъ и его собственнаго семейства: царевны Софья и Марѳа, мутившія стрѣльцовъ, и царица Евдокія были пострижены въ монашество. Патріархъ поневолѣ долженъ былъ замолчать и стушеваться.

Послѣ этого онъ постоянно держался передъ царемъ робко, боялся обращаться къ нему лично даже съ своими докладами, а прибѣгалъ для этого къ посредству кого-нибудь изъ близкихъ къ царю лицъ, въ послѣднее время даже вовсе уѣхалъ изъ Москвы и жилъ въ своемъ любимомъ Перервинскомъ монастырѣ. Одинъ только разъ попытался онъ возвысить свой голосъ, когда правительство, приступивъ къ составленію новаго Уложенія, подняло вопросъ о полномочіяхъ церковнаго суда и обнаружило намѣреніе снова коснуться этой стороны старинныхъ церковныхъ правъ, какъ при составленіи перваго Уложенія при царѣ Алексѣѣ. Вопросъ касался на этотъ разъ полномочій церковной власти по совершенію чисто гражданскихъ актовъ о приданомъ при свадьбахъ (сговорныхъ записей) и духовныхъ завѣщаній. Въ февралѣ 1700 года составлявшая Уложеніе коммиссія потребовала о томъ изъ патріаршаго приказа справокъ. Патріархъ распорядился составить по поводу этого запроса обширную записку—«Статьи о святительскихъ судахъ», гдѣ тщательно собраны были всѣ документы, служившіе основаніемъ судебныхъ правъ Русской церкви, начиная съ Номоканона, древнихъ княжескихъ уставовъ и ханскихъ ярлыковъ, и внушалось правительству не нарушать преданій старины. Но это была уже послѣдняя попытка отстоять неприкосновенность прежняго широкаго судебнаго вѣдомства церкви. Вмѣстѣ съ пространной инструкціей того же патріарха отъ 1697 года старостамъ поповскимъ «Статьи о святительскихъ судахъ» заключаютъ въ себѣ итогъ всей внутренней, административной и судебной, жизни древней Русской церкви.

Патріархъ не мѣшалъ царю, но послѣдній тѣмъ не менѣе не переставалъ смотрѣть на него подозрительно, какъ на нравственное средоточіе всѣхъ недовольныхъ. Безучастное положеніе главы церковнаго вѣдомства въ его глазахъ было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ порядковъ, только безмолвнымъ. Патріархъ замолчалъ, но онъ могъ и опять заговорить въ томъ же духѣ, въ

какомъ высказывался прежде, а время было тревожное и опасное, когда разладица между царемъ и патріархомъ могла надѣлать еще больше хлопотъ, чѣмъ при Никонѣ. Въ октябрѣ 1700 года Адріанъ скончался, и преемникъ ему уже не былъ назначенъ: патріаршее управленіе въ Русской церкви кончилось.

ГЛАВА II.

Расширеніе предѣловъ Московскаго патріаршества.

Внѣшнее расширеніе предѣловъ Русской церкви въ началѣ XVII вѣка было задержано бѣдствіями смутнаго времени. На сѣверозападной окраинѣ Руси произошло даже значительное ихъ сокращеніе отъ потери Россіей Ингріи и Кареліи, по Столбовскому миру (1617 года), уступленныхъ Швеціи. Православіе много пострадало въ этомъ краѣ еще въ смутное время; шведскія войска, постоянно здѣсь двигавшіяся, раззорили множество церквей и монастырей. Были разрушены древнія обители Коневская и Валаамская; монахи успѣли спасти только мощи Валаамскихъ чудотворцевъ и разошлись по другимъ монастырямъ. Завладѣвъ этимъ краемъ, шведское правительство принялось распространять въ немъ протестантство. Но зато во второй половинѣ XVII столѣтія Московское патріаршество значительно увеличилось присоединеніемъ къ нему Кіевской митрополіи.

Присоединеніе Малороссіи. — Въ Малороссіи съ 1648 года поднялось еще небывалое по размѣрамъ казацкое возстаніе противъ польскаго владычества подъ предводительствомъ гетмана *Богдана Хмельницкаго*. Для успокоенія этого опаснаго возстанія Поляки, по Зборовскому трактату, обѣщали православнымъ возстановить всѣ ихъ права, митрополиту дать мѣсто въ сенатѣ, города, въ которыхъ были православныя школы, освободить отъ пребыванія іезуитовъ, обѣщали даже подумать объ уничтоженіи уніи. Но когда возстаніе нѣсколько поуспокоилось, всѣ эти обѣщанія были забыты. Второе возстаніе Хмельницкаго кончилось неудачно, и въ новомъ Бѣлоцерковскомъ трактатѣ объ уніи и сенаторствѣ митрополита не было уже и помину; вся польская Русь очутилась въ прежнемъ невыносимомъ положеніи.

Тогда тысячи переселенцевъ устремились изъ нея на востокъ, въ Московское государство. Къ Москвѣ же обратился наконецъ и самъ Богданъ, и въ 1654 году Малороссія присягнула на Московское подданство. Послѣдовавшая затѣмъ война Россіи съ Польшей кончилась тѣмъ, что по перемирію 1655 года Польша должна была уступить Россіи всю Малороссію и Бѣлоруссію. Послѣ этого въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Могилевѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ завоеваннаго края началось повсюдное возстановленіе православія. Въ Москвѣ надѣялись, что послѣ возвращенія этихъ искони русскихъ земель вскорѣ должны будутъ снова соединиться между собою и обѣ доселѣ раздѣленныя половины Русской церкви,—патріархъ Никонъ титуловался уже патріархомъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи; но послѣдствія долго не оправдывали этой надежды.

Подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху.—Въ вопросѣ о своемъ подчиненіи Москвѣ западная Русь раздѣлялась на двѣ партіи. Народная масса и простые казаки всегда стремились подъ царя православнаго; имъ сочувствовало бѣлое духовенство. Но шляхетство и казацкая старшина тянули къ шляхетской Польшѣ; этой партіи сочувствовало высшее духовенство, для котораго номинальная зависимость отъ константинопольскаго патріарха была выгоднѣе предстоявшей впереди дѣйствительной зависимости отъ патріарха московскаго. Митрополитъ кіевскій, преемникъ Петра Могилы, *Сильвестръ Коссовъ* долго не изъявлялъ покорности царю и московскому патріарху, настаивая на томъ, чтобы малороссійская іерархія была на прежнихъ правахъ оставлена въ вѣдомствѣ греческаго патріарха. Преемникъ Сильвестра (съ 1657 года) *Діонисій Балабанъ* рѣшительно отказался принять посвященіе въ Москвѣ и явно тянулъ къ Польшѣ, приверженцемъ которой былъ и тогдашній гетманъ *Выговскій*. Скоро оба они совсѣмъ перешли въ польское подданство. Управленіе западно-русскою церковію, вмѣсто Діонисія, въ Москвѣ порѣшили возложить пока на намѣстника. Съ согласія царя Питиримъ (управлявшій патріаршествомъ) опредѣлилъ на эту должность извѣстнаго царю нѣжинскаго протопопа *Максима Филимонова*, посвятивъ его (1661 г.) послѣ постриженія съ именемъ *Меѳодія* въ епископа мстиславскаго. Но его намѣстничество не было признано ни греческимъ патріархомъ, ни многими западными іерархами. Митрополитъ Діонисій не признавалъ даже его епископства и посвятилъ на

ту же мстиславскую каѳедру другого епископа, *Іосифа Тукальскаго*. Много повредилъ Меѳодію и Никонъ, наложивъ за его посвященіе анаѳему на Питирима.

Послѣ измѣны Выговскаго Малороссія раздѣлилась на двѣ половины,—польскую за Днѣпромъ и русскую по лѣвую сторону Днѣпра; пошли междоусобія и измѣны гетмановъ. Общая смута отозвалась и на церковныхъ дѣлахъ. Послѣ смерти Діонисія въ 1663 году на западной сторонѣ Днѣпра одною партіею былъ избранъ въ митрополиты епископъ *Іосифъ Тукальскій*, другою—*Антоній Винницкій* перемышльскій. Неизбѣжная смута между ними не разыгралась только потому, что въ слѣдующемъ году Іосифъ попался въ плѣнъ къ Полякамъ и 2 года томился въ тюрьмѣ. На восточной сторонѣ продолжалъ управлять церковными дѣлами Меѳодій, но войдя во вкусъ независимой іерархической власти, и онъ вскорѣ перешелъ на сторону польской же партіи, не смотря на то, что всѣмъ своимъ значеніемъ обязанъ былъ Москвѣ. Когда гетманъ Брюховецкій сталъ хлопотать о присылкѣ настоящаго митрополита изъ Москвы, Меѳодій вмѣстѣ съ Иннокентіемъ Гизелемъ, печерскимъ архимандритомъ, и съ другими лицами изъ монашествующаго духовенства рѣшительно объявили, что всѣ они запрутся въ своихъ монастыряхъ, и развѣ ихъ за ноги оттуда выволокутъ, тогда только въ Кіевѣ будетъ московскій митрополитъ. Противомосковской партіи много помогало распространившееся тогда по Малороссіи недовольство Москвой за Андрусовскій миръ, по которому Россія уступила Полякамъ всѣ свои литовскія завоеванія и всю заднѣпровскую Малороссію, оставивъ за собой только одинъ Кіевъ, и то на два года. Гетманъ заднѣпровья *Дорошенко* поддался Турціи, надѣясь освободиться отъ польской неволи съ ея помощью, какъ прежде Хмельницкій освободился съ помощью Москвы. Турецкая партія усилилась и на восточной сторонѣ, такъ какъ прошелъ слухъ, что царь и остальную Малороссію хочетъ отдать подъ унію и короля. Къ этой партіи пристали и Меѳодій съ Брюховецкимъ, потому что Дорошенко посулилъ имъ за это первому независимую митрополію, а послѣднему—гетманство на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Но лишь только Брюховецкій измѣнилъ, промѣнявъ царя на султана, какъ Дорошенко убилъ его, желая самъ остаться гетманомъ надъ обѣими сторонами. Обманулъ онъ и Меѳодія. Еще раньше этого онъ освободилъ изъ плѣна Іосифа Тукальскаго. Послѣдній немедленно снялъ съ Меѳодія санъ и приговорилъ его къ заточе-

нію. Меѳодій бѣжалъ въ Москву, но и здѣсь подвергся заточенію въ монастырѣ за измѣну.

На восточной сторонѣ Днѣпра однако не хотѣли повиноваться Іосифу; всѣми церковными дѣлами управлялъ здѣсь, вмѣсто Меѳодія, старшій изъ епископовъ *Лазарь Барановичъ* черниговскій. Со смертью Іосифа (1676 г.) церковное управленіе перешло въ руки Лазаря уже на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Въ 1686 г. Россіи заключила съ Польшей вѣчный миръ, удержавъ за собой всю восточную Малороссію и съ Кіевомъ; въ другихъ русскихъ областяхъ, оставшихся за Польшей, Поляки обязались дать православнымъ свободу вѣры и возвратить епархіи: Луцкую, Львовскую, Перемышльскую и Могилевскую. Теперь пора было наконецъ приступить и къ избранію общаго митрополита. Первымъ кандидатомъ былъ Лазарь, но онъ не хотѣлъ ѣхать на поставленіе въ Москву. Поэтому, обойдя его, патріархъ Іоакимъ поставилъ въ митрополиты луцкаго епископа *Гедеона Четвертинскаго*. Константинопольскій патріархъ Діонисій, послѣ соборнаго совѣщанія съ другими патріархами, въ 1687 г. самъ согласился признать зависимость Кіевской митрополіи отъ Московскаго патріаршества. Этимъ важнымъ актомъ окончательно прекращено было раздѣленіе Русской церкви, продолжавшееся около двухъ съ половиной столѣтій. Единство ея однако возстановилось не вполнѣ; отъ нея остались отторгнутыми литовскія области и Галиція; безъ поддержки Малороссіи положеніе ихъ было самое жалкое.

Распространеніе христіанства въ Сибири.—На востокѣ церковь успѣшно пріобрѣтала себѣ новыхъ чадъ въ Сибири. Правительство содѣйствовало ей въ этомъ своими матеріальными средствами и льготами обращавшимся инородцамъ. Сибирскіе казаки продолжали покорять новыя земли; по ихъ слѣдамъ вездѣ возникали русскіе города и селенія съ храмами и монастырями. Изъ Москвы посылались для нихъ книги, иконы, церковная утварь и духовенство. Для большихъ успѣховъ святой вѣры въ 1620 году для Сибири открыта была новая епархія въ Тобольскѣ. Первымъ архіепископомъ ея былъ *Кипріанъ* (изъ игуменовъ Хутынскаго монастыря); онъ много заботился объ исправленіи дурной нравственности русскихъ поселенцевъ въ Сибири, а для скорѣйшаго просвѣщенія вѣрою дикихъ туземцевъ старался умножать по своей епархіи церкви и монастыри. Въ 1624 году онъ былъ переведенъ на крутицкую епархію. Нѣкоторыя обители имѣли

особенно важное значеніе въ дѣлѣ христіанской миссіи. Въ 1644 году старецъ *Далматъ* (изъ Невьянскаго монастыря) основалъ на рѣкѣ Исети Далматовскій монастырь, сдѣлавшійся потомъ средоточіемъ христіанскаго просвѣщенія для огромнаго округа возникшихъ около него русскихъ и инородческихъ поселеній. Въ 1653 году возникъ другой извѣстный просвѣтительнымъ вліяніемъ монастырь въ остяцкомъ краѣ, Кодинскій или Кондскій. Съ половины XVII вѣка казаки стали покорять южную Сибирь; дружины *Хабарова* проникли за Яблоновый хребетъ на рѣку Амуръ. Въ крѣпости Албазинѣ явилась приходская церковь, а въ 1671 г. іеромонахъ *Гермогенъ* основалъ здѣсь монастырь. Въ 1681 г. сибирскій митрополитъ *Павелъ* отправилъ туда проповѣдниками игумена *Ѳеодосія* и нѣсколько монаховъ; для распространенія вѣры въ Забайкальѣ миссія эта устроила монастыри Селенгинскій и Посольскій. Соборъ 1682 года положилъ послать искусныхъ духовныхъ людей еще въ Дауры на рѣку Лену. Съ 1660 по 1672 годъ по восточной Сибири возникли обители въ Якутскѣ, Киренскѣ и Иркутскѣ. Въ 1689 году весь Амурскій край былъ уступленъ Китаю; Албазинъ срытъ, и христіанская вѣра перестала здѣсь существовать, но за то проникла въ самый Китай. Еще ранѣе нѣсколько русскихъ плѣнныхъ изъ Албазина въ 1685 году были поселены въ Пекинѣ въ особой слободѣ подъ именемъ Русской роты съ дозволеніемъ имѣть у себя церковь. Въ 1695 году тобольскій митрополитъ *Игнатій* послалъ къ нимъ священника и дьякона съ антиминсомъ, мvромъ, церковными книгами и утварью.

Продолжались попеченія Русской церкви и о другой отдаленной окраинѣ государства—*Прикавказъ*. Еще при Грозномъ Грузія просилась въ русское подданство. Но Русскимъ трудно было удержаться здѣсь при сомнительной вѣрности мѣстныхъ владѣльцевъ. Въ началѣ XVII вѣка персидскій шахъ Аббасъ овладѣлъ всею Грузіей и разворилъ въ ней всѣ церкви. Въ 1619 г. царь Кахетіи, Карталиніи и Имеретіи *Теймуразъ* снова предложилъ подданство царю Михаилу Ѳеодоровичу; просьба его была исполнена; Персія на время была удержана отъ войны мирными переговорами. Вскорѣ (1626 г.) шахъ прислалъ патріарху Филарету въ знакъ своей дружбы къ нему *Ризу Господню*, которая была нѣкогда взята въ Персію изъ Грузіи, какъ военная добыча; патріархъ установилъ въ честь ея праздникъ. Но потомъ Персіяне отняли у Теймураза всѣ его владѣнія, кромѣ Кахетіи, и

опять стали истреблять въ нихъ православную вѣру. Въ 1650 году новый имеретинскій царь *Александръ* тоже принялъ русское подданство. Не смотря на гнѣвъ шаха, Имеретія и Кахетія остались за Россіей. Царь грузинскій Теймуразъ, какъ мы знаемъ, въ 1658 г. самъ былъ въ Москвѣ для присяги на подданство. Послѣ паденія Никона дѣло о защитѣ Грузинской церкви остановилось. Попеченія объ ней Россіи ограничились лишь помощью въ устроеніи ея богослужебнаго порядка и пріемомъ грузинскихъ эмигрантовъ.

Въ самой Россіи оставалось еще обширное поприще для христіанской миссіи. *Въ Казанскомъ краѣ* послѣ первыхъ его просвѣтителей, казанскихъ чудотворцевъ, дѣло христіанской миссіи остановилось до конца XVI вѣка, пока казанскимъ митрополитомъ не сдѣлался Гермогенъ. Въ 1593 году въ своемъ донесеніи царю и патріарху онъ нарисовалъ печальную картину состоянія своей паствы: крещеные инородцы, живя среди некрещеныхъ, нѣкоторые даже въ рабствѣ у послѣднихъ, часто отпадали отъ вѣры, да и вообще содержали христіанскую вѣру не твердо,— не носили крестовъ, не чтили иконъ, постовъ не соблюдали, церкви и духовенства не знали, покойниковъ хоронили на татарскихъ кладбищахъ; по оплошкѣ воеводъ, въ Казани опять были построены мечети. По просьбѣ его, царь и патріархъ распорядились: всѣхъ крещеныхъ переписать вмѣстѣ съ ихъ семьями и отдѣлить отъ некрещеныхъ въ Казани въ особую слободу съ церковью по близости къ Русскимъ; наблюдать, чтобы они держали православную вѣру крѣпко, а которые будутъ держать ее не крѣпко, тѣхъ отсылать къ владыкѣ на смиреніе или сажать въ тюрьму; некрещенымъ крещеныхъ въ услуженіи не держать, не допускать между ними и смѣшанныхъ браковъ; мечети въ городѣ въ конецъ извести. О миссіонерской дѣятельности преемниковъ Гермогена не извѣстно ничего до самаго XVIII вѣка. Православная вѣра понемногу все-таки продолжала распространяться по всему Поволжью. Въ видахъ поощренія инородцевъ къ крещенію правительство съ своей стороны выдавало разныя распоряженія, направленныя къ стѣсненію ихъ суевѣрій и къ ослабленію ихъ вліянія на крещеныхъ. Въ 1628 году велѣно было вывести изъ ихъ дворовъ всѣхъ проживавшихъ у нихъ крещеныхъ; при Алексѣѣ Михаиловичѣ за такое проживаніе у иновѣрцевъ велѣно наказывать и самихъ крещеныхъ; холопы по крещеніи освобождались отъ власти ихъ иновѣрныхъ господъ; за

совращеніе крещенаго холопа въ басурманство назначена казнь чрезъ сожженіе. Вотчины и помѣстья некрещеныхъ владѣльцевъ въ 1654 году велѣно было отдавать въ наслѣдство только крещенымъ, хотя бы и дальнимъ ихъ родственникамъ. Въ 1681 году у некрещеныхъ мурзъ велѣно отобрать всѣ вотчины и помѣстья съ христіанскимъ населеніемъ, возмѣщая ихъ за то землями некрещеной Мордвы и другихъ инородцевъ, а которые захотятъ креститься, за тѣми ихъ земли оставлять попрежнему. Новокрещенымъ давались разныя льготы и земли. Къ сожалѣнію, всѣ эти распоряженія, особенно при злоупотребленіяхъ разныхъ приказныхъ людей производили среди некрещеныхъ инородцевъ только лишнее раздраженіе, которое съ особенной силой обнаружилось во время Разинскаго бунта. Когда Разинъ обѣщалъ инородцамъ полную свободу вѣры, они приняли въ его возстаніи самое живое участіе, отозвавшееся на дѣлѣ православной миссіи весьма вредно.

Успѣшнѣе шло дѣло христіанской миссіи *между Мордвою* Рязанскаго и Тамбовскаго края, гдѣ въ половинѣ XVII вѣка явился замѣчательный дѣятель—рязанскій архіепископъ *Мисаилъ* (1651—1656 г.). Въ 1654 году онъ началъ непрерывныя поѣздки по своей епархіи для крещенія Татаръ и Мордвы. Въ Касимовѣ были крещены два татарскихъ царевича,—касимовскій и сибирскій; въ Шацкомъ и Кадомскомъ уѣздахъ обратилось до 316, а въ Тамбовскомъ до 4200 человѣкъ Татаръ и Мордвы. Но во второе свое путешествіе святитель встрѣтилъ сильное противодѣйствіе какъ со стороны мухаммеданъ, такъ и со стороны язычниковъ и долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи гражданской власти, при содѣйствіи которой крестилъ еще много и тѣхъ и другихъ. Третья поѣздка въ 1656 году по Шацкому уѣзду была для него роковою: близъ села Конобѣева на него напала огромная толпа разъяренныхъ язычниковъ, человѣкъ въ 500, и святитель погибъ отъ стрѣлы Мордвина. Кровь его сдѣлалась однако новымъ сѣменемъ христіанства; слѣдствіе по его убіенію до того напугало инородцевъ, что они послѣ этого начали креститься въ особенно большомъ количествѣ.

ГЛАВА III.

Христіанская жизнь и богослуженіе.

Характеръ времени.—Христіанская жизнь въ средѣ русскаго народа продолжала развиваться въ томъ же направленіи, какъ и прежде. По успокоеніи государства послѣ смутнаго времени, сильно разстроившаго церковное благолѣпіе, послѣднее стало быстро возстановляться и при Михаилѣ же Ѳеодоровичѣ успѣло достигнуть даже большаго блеска, чѣмъ прежде, а при царѣ Алексѣѣ и патр. Никонѣ достигло высшей своей степени. Иностранцы, посѣщавшіе Россію, съ изумленіемъ описывали обиліе въ ней монастырей, часовень и церквей (въ одной Москвѣ до 2000), множество дорогихъ иконъ, богатыхъ облаченій, колоколовъ, великолѣпіе церковныхъ церемоній, продолжительность церковныхъ службъ и проч. Тотъ исключительно—религіозный пошибъ всей русской жизни съ преобладающимъ обрядовымъ направленіемъ, который такъ рѣзко обозначился еще въ XV и XVI вѣкѣ, теперь получилъ полную законченность. Окончательно сформировалась Русь святая, православная, единое, какъ писали русскіе книжники, православное царство во вселенной, предъ которымъ всѣ другія страны были странами или еретическими, или басурманскими. Здѣсь все оцѣнивалось и осмысливалось съ религіозной точки зрѣнія, въ примѣненіи къ православію, при чемъ освященіе православіемъ простиралось и на всѣ житейскія формы и обычаи. Независимо отъ религіи, отъ церкви не мыслимо было и само государство; отъ того ему мало казалось одного великаго государя, а нужны были два великихъ государя, изъ которыхъ одинъ царствовалъ, а другой, сидя съ нимъ на своемъ мѣстѣ рядомъ, благословлялъ его царственныя дѣла, направлялъ ихъ по правиламъ святой церкви и молился объ ихъ успѣхѣ. Петръ Великій замѣтилъ въ своемъ Духовномъ Регламентѣ, что народъ прямо считалъ патріарха «вторымъ государемъ, самодержцу равносильнымъ, или и больше его». Не мудрено, что со времени Никона, со времени высшаго развитія государственной и патріаршей властей вопросъ объ ихъ взаимномъ отношеніи получилъ такой острый и безпокойный характеръ, и рѣшеніе его приняло направленіе, клонившееся прямо къ

уничтоженію патріаршества. Вся жизнь великаго государя царя проходила не столько въ государственныхъ занятіяхъ, сколько въ церковныхъ службахъ, праздничныхъ выходахъ, богомольныхъ путешествіяхъ и церковныхъ церемоніяхъ и была вся окружена религіознымъ этикетомъ. Точно такъ же, на сколько могли, старались устраивать свою жизнь и всѣ государевы холопи—служилые люди разныхъ ранговъ и государевы сироты—простой народъ. Свѣтская сторона общественной жизни была не развита; церковная обрядность служила главнымъ источникомъ для удовлетворенія всѣмъ высшимъ эстетическимъ потребностямъ, а церковное ученіе и божественныя писанія—преобладающимъ источникомъ всего образованія и всѣхъ жизненныхъ идеаловъ русскаго общества.

Такое господствующее значеніе религіи и церкви во всемъ складѣ русской жизни сопровождалось многими свѣтлыми явленіями, обнаруживавшими въ русскомъ обществѣ большую набожность и сильную любовь къ своей православной и святой Руси. Смутное время, бурями своими поднявшее съ Русской земли весь ея соръ и плевелы, ознаменовавшееся такимъ множествомъ измѣнъ, душепродавствъ и кровавыхъ дѣяній, показало вмѣстѣ съ тѣмъ и то, какъ крѣпокъ грунтовой слой этой земли и какія дорогія заключаются въ немъ сокровища, вызвало на высокіе подвиги Іова, Гермогена, Аврамія Палицына, Діонисія, цѣлый сонмъ русскихъ святителей, иноковъ и другихъ духовныхъ лицъ—страдальцевъ за православіе и за Русскую землю, вызвало на поприще исторіи Пожарскаго, Минина, Сусанина и многія сотни тысячъ всякихъ земскихъ людей, «въ любви, совѣтѣ и соединеньи» поднимавшихся со всѣхъ концевъ Россіи спасать Москву, святыя церкви Божіи, вѣру истинную, свое «прироженье». Высокіе примѣры благочестія, патріотизма и христіанскихъ добродѣтелей не оскудѣвали и въ послѣдующее время. Благотворное вліяніе святой вѣры выражалось многими добрыми явленіями и въ обыденной жизни обыкновенныхъ, рядовыхъ русскихъ людей, служа болѣе или менѣе сильной сдержкой для страстей и грубыхъ инстинктовъ и сообщая довольно суровому строю этой жизни болѣе мягкія черты нѣкотораго патріархальнаго добродушія. Одной, напримѣръ, изъ самыхъ распространенныхъ добродѣтелей того времени было милосердіе къ нищимъ, убогимъ и страждущимъ въ тюрьмахъ; подача милостыни и посѣщеніе тюремъ въ нѣкоторыя священныя времена христіанскаго года счи-

тались обязательными для всѣхъ достаточныхъ людей, не исключая и царя съ царицей, и хоть въ эти времена напоминали сильнымъ и богатымъ людямъ о чувствахъ христіанской любви къ людямъ слабымъ и убогимъ. Высшей формой благочестія попрежнему была жизнь монашеская; въ XVII вѣкѣ явилось до 220 новыхъ обителей. Много было въ нихъ монаховъ недостойныхъ, вызывавшихъ противъ себя сильныя обличенія, но не оскудѣвала Русская церковь и истинными подвижниками, которыхъ доселѣ чтитъ въ ликѣ своихъ святыхъ. Таковы: *Василій* мангазейскій († 1600), *Галактіонъ* и *Іосифъ* вологодскіе († 1612), *Иринархъ* ростовскій († 1616), *Адріанъ* монзенскій († 1619), *Прокопій* вятскій юродивый († 1627), *Иринархъ* соловецкій (1628), *Діонисій* троицкій (1633), *Никодимъ* кожеезерскій (1640), *Елеазаръ* анзерскій (1656), *Максимъ* и *Андрей* тотемскіе, *Макарій* коневскій (1678) и мн. др. Не упоминаемъ уже о высокихъ иноческихъ добродѣтеляхъ многихъ русскихъ святителей.

Но высшая степень развитія всего этого исключительно-религіознаго уклада русской жизни была вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ его разложенія. Въ немъ не доставало образованія, которое сообщало бы ему должную сознательность, разумность и внутреннюю силу и безъ котораго сама религія превращалась среди него въ одну слѣпую приверженность къ формамъ, обрядамъ. Укладъ этотъ могъ безопасно держаться въ странѣ замкнутой, не тревожимой ни внѣшними вліяніями, ни сравненіемъ своего съ чужимъ, ни возникавшими отсюда безпокойными вопросами и критикой; но Россія стала терять свой замкнутый характеръ еще въ XVI вѣкѣ, а съ XVII вѣка подверглась непрерывному напору внѣшнихъ вліяній и съ востока—изъ Греціи, и съ запада—отъ Польши и Нѣмцевъ. При царѣ Борисѣ и въ смутное время наплывъ въ Россію иноземцевъ чрезвычайно усилился и производилъ большой соблазнъ въ православныхъ людяхъ; нѣкоторые православные стали подражать иноземнымъ обычаямъ и даже брить себѣ бороды. Но, заимствуя иноземные обычаи, русскій человѣкъ, по извѣстному смѣшенію внѣшнихъ формъ жизни съ вѣрою, заимствовалъ отъ иноземцевъ иногда и ихъ религіозныя вѣрованія, а особенно противообрядовое протестантское вольнодумство. Неосмысленное обрядовое благочестіе, повидимому очень стойкое и упрямое, на дѣлѣ оказывалось весьма слабымъ предъ протестантскими насмѣшками. Разные бояре, служилые и торговые люди, входя въ ближайшее общеніе съ иноземцами,

начинали и сами смѣяться надъ иконами, постами и проч., доходили даже до полнаго отступничества и измѣны своей родинѣ. При Годуновѣ нѣсколько молодыхъ людей было послано для науки за границу, но соблазнъ западной цивилизаціи подѣйствовалъ на нихъ такъ сильно, что они уже не вернулись назадъ. Во время переговоровъ подъ Смоленскомъ князь Голицинъ между прочимъ говорилъ Полякамъ, что Русскимъ вмѣстѣ съ королевскими людьми служить никакъ нельзя ради прелести,—послужатъ съ годъ и половина уйдетъ къ королю. Въ царствованіе Михаила встрѣчаемъ выразительную грамату царя и патріарха князю Хворостинину. Князь этотъ въ смутное время сошелся съ Поляками и сталъ послѣ этого бранить все русское, говорилъ, что на Москвѣ и жить ему не съ кѣмъ,—все народъ глупый, и собирался бѣжать въ Польшу; при царѣ Василіѣ Шуйскомъ, побывавъ за это въ монастырскомъ заточеніи, онъ озлобился и противъ церкви, ни самъ не ходилъ къ богослуженію, ни людей своихъ не пускалъ, въ постъ ѣлъ мясо, началъ пить, пропилъ всю страстную недѣлю, не ходилъ и къ пасхальной заутренѣ и опять попалъ въ монастырь; освобождая его отъ вторичнаго заточенія, царь съ патріархомъ и выговаривали ему всѣ эти вины. Извѣстное вольнодумное движеніе XVI вѣка, выразившееся въ московскихъ ересяхъ, хотя и было въ свое время подавлено, не пропало и въ XVII вѣкѣ; болѣе или менѣе ясной полосой оно проходитъ по всему описываемому времени вплоть до новой московской ереси, явившейся при Петрѣ въ началѣ XVIII вѣка.

Для поддержанія православной старины патріархъ Филаретъ прибѣгнулъ къ усиленію религіозной строгости. На соборѣ 1620 года онъ провелъ крайне суровое опредѣленіе—католиковъ, уніатовъ и протестантовъ, желающихъ присоединиться къ православной церкви, присоединять не иначе, какъ черезъ второе крещеніе, перекрещивать даже православныхъ (западнаго края), если они крещены не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе, не исключая особъ, имѣвшихъ священный санъ. Католическихъ храмовъ вовсе не позволяли строить въ Россіи; протестантамъ дозволялось имѣть кирхи только въ Нѣмецкой слободѣ. Но въ Москвѣ не даромъ уже существовала эта слобода;—это была передовая колонія, которую западъ вдвинулъ въ самое средоточіе русской жизни и съ помощію которой знакомилъ Русскихъ съ особенностями и культурными приманками своей собственной жизни. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ явились и другіе, уже

православные, слѣдовательно болѣе компетентные обличители недостатковъ русской жизни,—греческіе іерархи съ востока и югозападные монахи учители, которые дѣлали свои указанія уже во имя православія, для блага самой церкви. И началось самое тревожное время, время Никоновскихъ исправленій. Консервативная часть русскаго общества усиленно пыталась удержать неподвижность своей старины, но это оказалось уже невозможнымъ и повело только къ церковному расколу. Религіозная нетерпимость была еще такъ сильна, что напримѣръ Никонъ насильно истреблялъ у бояръ нѣмецкіе органы, ливреи для слугъ и картины. Строгое опредѣленіе собора 1620 года о перекрещиваніи католиковъ и уніатовъ было отмѣнено уже московскимъ соборомъ 1667 года. Подвергалось преслѣдованію брадобритіе; за употребленіе табаку рѣзали носы. Но въ то же время все усиливался вызовъ иностранцевъ на царскую службу; въ самомъ дворцѣ царя завелись нѣмецкая музыка, часы, зеркала, кареты и другія заморскія диковинки, завелся театръ и придворная школа комедіантовъ; правительство искало себѣ на западѣ пособій отъ тамошнихъ наукъ, искусствъ и ремеслъ. Видно было, что прежнее исключительно-церковное образованіе уже перестало удовлетворять современнымъ потребностямъ и требовало восполненія новыми элементами образованія свѣтскаго. При такихъ обстоятельствахъ гоненія на иноземныя заимствованія должны были только озлоблять новыхъ людей и обусловливать крутой характеръ грядущей реформы. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ одинъ изъ такихъ новыхъ людей, молодой Ордынъ-Нащокинъ бѣжалъ за границу, а одинъ изъ такихъ же эмигрантовъ Котошихинъ въ своей книгѣ о Россіи разсказываетъ, что изъ опасенія новыхъ эмиграцій московское правительство вовсе запрещало ѣздить Русскимъ за границу. Но въ концѣ XVII в. новыхъ людей стало уже много; во главѣ ихъ стоялъ самъ царь, и бѣгать имъ изъ Россіи стало незачѣмъ. Имѣя въ рукахъ силу и власть, они уже сами могли перестраивать русскую жизнь по своему вкусу на иностранный ладъ.

Такимъ образомъ XVII вѣкъ нашей исторіи, будучи временемъ полнаго развитія стариннаго уклада русской жизни, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно во второй своей половинѣ, и временемъ постепеннаго расшатыванія этого уклада, временемъ всякаго рода обличеній и исправленій. Программа этихъ исправленій время отъ времени все расширялась и постепенно вела русскую жизнь къ общей реформѣ при Петрѣ Великомъ.

Остатки язычества и суевѣрія.—Исправлять приходилось очень многое и въ характерѣ народной религіозности, и въ самой церковной обрядности, къ которой эта религіозность тяготѣла всего болѣе. Народная религіозность и до сихъ поръ еще страдала примѣсью разныхъ остатковъ язычества и множествомъ суевѣрій. Духовная и свѣтская власти разсылали граматы, которыми запрещалось напримѣръ кликать коледу, праздновать купалу, скакать черезъ костры, принимать скомороховъ, заниматься бѣсовскими играми и пѣснями, купаться во время грома въ водѣ, умываться съ серебра, въ святки переряживаться и гадать и проч.; запрещались безчинія, сквернословіе и грязные обычаи на свадьбахъ, грязный разгулъ во время праздниковъ, дѣлавшій ихъ днями пьянства, безчинія и дракъ. Въ обличеніяхъ противъ остатковъ язычества мы уже не встрѣчаемъ упоминанія старыхъ божествъ, но языческій складъ мыслей сохранялся въ народѣ и теперь. Въ явленіяхъ природы видѣли таинственныя силы лѣшихъ, домовыхъ, водяныхъ, русалокъ и другихъ миѳическихъ существъ. Не только въ народныхъ сказаніяхъ, но и въ книжной письменности разныхъ травниковъ, лечебниковъ, сборниковъ ложныхъ молитвъ и другихъ отреченныхъ книгъ господствовали суевѣрные разсказы и примѣты относительно таинственной силы разныхъ предметовъ природы. Вѣра въ волшебство была общею во всѣхъ классахъ общества. О Борисѣ Годуновѣ извѣстно, что онъ изъ многихъ городовъ призывалъ къ себѣ волхвовъ, отъ которыхъ узналъ, что будетъ 7 лѣтъ царствовать. Въ присягу на вѣрноподданство при немъ включены были обязательства «надъ государемъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ и ни въ чемъ другомъ лиха никакого не учинить, зелья лихого и коренья не давать, слѣду не вынимать, по вѣтру лиха не насылать.» Успѣхи самозванца и Марины въ современныхъ граматахъ прямо приписывались чародѣйству. Обвиненія въ чародѣйствѣ и порчѣ стояли на первомъ планѣ въ извѣстныхъ дѣлахъ о царскихъ невѣстахъ, невѣстѣ царя Михаила Марьѣ Хлоповой и царя Алексѣя боярышнѣ Всеволожской. Опасеніе порчи въ царскомъ семействѣ возбуждало строгіе розыски при всякой болѣзни царицы или царскихъ дѣтей, не испортилъ ли ихъ кто. Уложеніе царя Алексѣя назначило за колдовство наказаніе кнутомъ и сожженіе на кострѣ. Въ областяхъ дѣла по вѣдовству и порчѣ возникали весьма часто и были хорошей поживой для корыстолюбивыхъ приказныхъ лю-

дей, которые для своей корысти нарочно заставляли ябедниковъ дѣлать доносы въ вѣдовствѣ на болѣе состоятельныхъ людей. Кликушъ было множество повсюду, при всѣхъ священныхъ мѣстахъ и при богослуженіи каждой церкви. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ встрѣчаемъ обвиненіе въ вѣдовствѣ и ссылку въ Пустозерскъ боярина Матвѣева. При Софьѣ къ колдунамъ прибѣгалъ ея любимецъ, князь Голицынъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, восхваляемый всѣми имѣвшими съ нимъ дѣла иностранцами. Въ самомъ концѣ XVII вѣка встрѣчаемъ жестокіе двухлѣтніе розыски надъ колдунами, заподозрѣнными въ намѣреніи извести царя Петра съ его матерью. На ряду съ кудесниками и волхвами необычайнымъ благоговѣніемъ пользовались въ народѣ разные ханжи, святоши и лжепророки, противъ которыхъ возставалъ соборъ 1667 года. Ихъ видѣнія, сонія и чудеса, розсказни о гласахъ отъ образовъ и разныхъ знаменіяхъ сильно волновали легковѣрную массу и прямо ко вреду церкви православной, особенно со времени появленія раскола.

Развитіе крайне-обрядовой религіозности. — Полуязыческій взглядъ на христіанскія святыни и теперь, какъ во времена Стоглава, проявлялся въ волхвованіи священными предметами, частицами просфоры, богоявленской водой, ладономъ. Ходили по рукамъ списки разныхъ лживыхъ молитвъ, сна Богородицы, іерусалимскаго свитка и другихъ подобныхъ бумажекъ, которые употреблялись вмѣсто талисмановъ; христіанскія молитвы передѣлывались въ заговоры, а заговоры въ молитвы. Духъ этого полуязыческаго кудесничества слился съ обрядовымъ благочестіемъ и произвелъ извѣстный народный взглядъ на обрядъ, не какъ на выраженіе внутренняго благочестія, получающее силу только отъ послѣдняго, а какъ на нѣчто самостоятельное, имѣющее какую-то собственную магическую силу, спасительное само по себѣ. Богослуженіе, по этому взгляду, теряло всю свою силу отъ малѣйшей въ немъ перемѣны, какъ напримѣръ, терялъ всю свою силу прочитанный невѣрно или безъ наблюденія извѣстной обстановки кудесническій заговоръ. Это крайне вредное для православія явленіе съ особенной силой обнаружилось по поводу исправленій Никона. Но съ другой стороны, при такомъ непомѣрномъ возвышеніи обряда, постоянно встрѣчаемъ факты, показывающіе, до какой степени тотъ же обрядъ, не одушевленный внутреннимъ благочестіемъ, былъ слабъ и нетвердъ. При нераз-

витости религіознаго чувства онъ только и держался привычкой, а между тѣмъ, то по отдаленности церкви, то за недосугомъ, то по лѣни, къ нему прибѣгали не часто, а только въ особыхъ случаяхъ, когда его сила представлялась особенно нужной, въ случаяхъ. такъ называемыхъ, требъ, и совсѣмъ забывали объ немъ при обыденномъ теченіи жизни; отъ того многіе не успѣвали воспитать въ себѣ даже и привычки къ обряду, какъ ни высоко цѣнили его на словахъ. Встрѣчаемъ множество обличеній и жалобъ пастырей церкви на то, что православные ихъ паствы не исповѣдывались и не ходили въ церковь по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ. У нѣкоторыхъ эта холодность къ церкви близко граничила съ полнымъ практическимъ отъ нея отреченіемъ, наприм.,—у разныхъ служилыхъ людей, казаковъ, стрѣльцовъ, пріучавшихся на своей службѣ къ извѣстнаго рода безшабашному разгулу. Во времена народныхъ волненій видимъ не менѣе противорелигіозныхъ явленій, чѣмъ во времена старыхъ удѣльныхъ дракъ. Казаки Разина и самъ Разинъ, ходившій до своего бунта на Соловки къ мощамъ, не щадили ни церквей, ни монастырей, убивали священниковъ, кощунствовали надъ святынями. Въ Астрахани казаки убили архіепископа Іосифа. Ревностный архипастырь хорошо ихъ зналъ еще съ дѣтства, когда ему привелось быть свидѣтелемъ ихъ неистовствъ въ Астрахани въ смутное время и поруганій архіепископу Ѳеодосію; отъ удара, полученнаго отъ нихъ тогда, голова Іосифа постоянно тряслась. Въ маѣ 1671 года, не терпя его обличеній и увѣщаній, казаки позвали его на свой кругъ. Святитель явился во всемъ облаченіи и съ соборомъ духовенства. Его тутъ же хотѣли убить, хватались уже за его облаченіе, но послышался голосъ изъ толпы: «Какъ вы, братцы, на такой великій санъ хотите руки поднять? Намъ къ такому сану и прикоснуться нельзя». Толкая поповъ и браня ихъ скаредною бранью, казаки велѣли имъ разоблачить Іосифа. Послѣ этого поднять на него руки стало уже не страшно; его взвели на соборный раскатъ и сбросили оттуда на землю. Трудно представить выразительнѣе фактъ, въ которомъ бы такъ близко сходились уваженіе къ церковной внѣшности и полное отсутствіе религіозности. Но въ меньшихъ размѣрахъ повторялось то же самое, когда уже не казакъ, а напримѣръ царскій воевода или дворянинъ воинствовалъ надъ духовнымъ чиномъ, трясъ священника за бороду, волочилъ его въ ризахъ по землѣ, проливалъ у него святые дары и дѣлалъ другія неистовства, о которыхъ разсказы-

вають челобитныя XVII вѣка и автобіографія протопопа Аввакума, и въ то же время давалъ вклады въ монастыри и ставилъ предъ иконами пудовыя свѣчи.

Недостатки въ отправленіи богослуженія и умноженіе ошибокъ въ богослужебныхъ книгахъ.— Та же самая слабость обряда выражалась въ самомъ совершеніи богослуженія, въ которомъ обрядовѣрное общество допускало крайнія неисправности и неблагочинія. По свидѣтельству одной граматы патріарха Іоасафа I, въ самой Москвѣ по приходскимъ церквамъ служба совершалась со всякимъ небреженіемъ, наскоро, голосовъ въ 5—6; и служащіе и молящіеся стояли за ней безъ вниманія, разговаривали и смѣялись; по церкви шумѣли ребята, бродили съ блюдьями сборщики, дурачились юродивые, пищали, ползая, калѣки нищіе. Вся сила участія въ богослуженіи полагалась въ одномъ присутствіи при немъ, хотя бы и безъ вниманія къ нему. По разсказамъ Павла дьякона, спутника патріарха Макарія антіохійскаго, при Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ богослуженіе въ присутствіи царя и патріарха совершалось съ необычайной торжественностью и продолжительностью, такъ что пріѣзжіе Греки только дивились и едва могли выдерживать длинныя службы, тянувшіяся по цѣлымъ почти суткамъ. Но при совершеніи ихъ самъ царь, напримѣръ, занимался разговорами, выслушивалъ доклады бояръ и тутъ же дѣлалъ по нимъ распоряженія. Соборъ 1667 года тоже оставилъ нѣсколько замѣчаній относительно безпорядковъ въ богослуженіи и вмѣстѣ съ тѣмъ обожанія церковной внѣшности; онъ, напримѣръ, обратилъ вниманіе на то, что въ церквахъ каждый чествовалъ только свою икону, которую помѣщалъ въ церкви, одной ей ставилъ свѣчи и ей одной только молился, что неискусные люди «своя си иконы боги именовали, чесо ради явствуется не знати единства Божія, паче же многобожіе нещевати». Но особенно сильно безпокоили церковную и свѣтскую власть не переставшія умножаться разныя неисправности въ текстѣ богослужебныхъ книгъ и въ богослужебныхъ чинахъ. Вопросъ объ ихъ исправленіи былъ однимъ изъ важнѣйшихъ, особенно во 2-й половинѣ XVII вѣка.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ до патріарха Никона. — Направленіе, въ какомъ пошли эти исправленія послѣ Стоглаваго собора, не измѣнялось до половины XVII вѣка. Книги правились и печатались «съ добрыхъ преводовъ» исключительно по славянскимъ спискамъ со

всѣми ошибками и неисправностями послѣднихъ, которыя въ печати становились еще распространеннѣе и тверже. Для предупрежденія новыхъ ошибокъ патріархъ Гермогенъ установилъ при типографіи особое званіе книжныхъ справщиковъ, которые должны были внимательно свѣрять печатаемыя книги съ лучшими списками, исправляя въ случаѣ надобности даже и эти послѣдніе. Но трудно было найти на первыхъ порахъ и надежныхъ справщиковъ. Въ московское раззоренье печатный дворъ сгорѣлъ, и изданіе книгъ на время прекратилось. По возобновленіи его при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ исправленіе книгъ, по желанію царя, было возложено на троицкаго архимандрита Діонисія, старца того же монастыря *Арсенія Глухого* и священника подмонастырской Клементьевской слободы *Ивана Наседку*, человѣка начитаннаго, ловкаго, хитраго и большого говоруна.

Новые справщики, болѣе другихъ образованные, повели дѣло весьма усердно и съ попытками привлечь для сличенія текстовъ даже греческіе списки. Они начали съ Требника и исправили его болѣе, чѣмъ по 20 древнимъ, въ томъ числѣ 5 греческимъ спискамъ. Ошибокъ нашли множество; въ водосвятной молитвѣ на Богоявленіе выпустили слово: «и огнемъ», которое было прибавлено къ словамъ: «Освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ»; исправили концы нѣкоторыхъ молитвъ, опустивъ въ славословіяхъ призываніе того Лица святой Троицы, къ Которому обращена самая молитва; въ другихъ печатныхъ книгахъ, которыя подвергались ихъ пересмотру, нашлись даже ереси, напримѣръ въ служебникахъ говорилось, что «Отецъ съ Сыномъ воплотися»; особенно много неисправностей оказалось въ церковномъ уставѣ, который въ 1610 году былъ изданъ троицкимъ головщикомъ *Логгиномъ Коровою*,—послѣ при патріархѣ Филаретѣ въ 1633 году уставъ этотъ велѣно было предать сожженію. Послѣ полуторагодовой работы лѣтомъ 1618 года справщики представили исправленный ими Требникъ мѣстоблюстителю патріаршаго престола митрополиту Іонѣ и тутъ же попали подъ судъ. Іона, мелочно ревнивый къ своей власти, былъ сердитъ на нихъ за то, что они вели свое дѣло за его глазами, въ Троицкомъ монастырѣ, да и начато оно было самимъ царемъ безъ предварительнаго совѣщанія съ митрополитомъ;—вѣроятно, онъ же настроилъ противъ справщиковъ сильную мать царя Михаила, старицу *Марѳу*, живущую въ Вознесенскомъ монастырѣ. Нашлись недоброжелатели и среди высшаго московскаго духовенства, оби-

женные тѣмъ, что такое важное дѣло поручено не имъ. Съ своей стороны рады были посодѣйствовать осужденію своего архимандрита и троицкіе монахи, между которыми были недовольные своимъ святымъ настоятелемъ. Особенно рьяными обвинителями его на судѣ явились головщикъ Логгинъ, издатель упомянутаго устава 1610 г., задѣтый за живое критикой справщиковъ, и уставщикъ *Филаретъ*. Логгинъ былъ голосистый и уважаемый чтецъ и пѣвецъ, на одинъ стихъ могъ сложить распѣвовъ по 5-ти, хотя часто безъ смысла, такъ что напримѣръ вмѣсто «сѣмени его», выходило «семенѝ его». Діонисій со всею своею ласковостію указывалъ ему на его ошибки, но надменный головщикъ только раздражался этими замѣчаніями и дѣлалъ архимандриту разныя грубости. Онъ самъ былъ нѣкогда справщикомъ и считалъ себя великимъ знатокомъ въ богослужебномъ чинѣ, а на Діонисія, какъ на монаха сравнительно молодого, смотрѣлъ презрительно. Діонисій, напримѣръ, заставлялъ читать въ церкви поученія святыхъ отцевъ, часто и самъ читалъ ихъ и любилъ пѣть на клиросѣ; по мнѣнію Логгина, во всемъ этомъ онъ вступался не въ свое дѣло: «Зналъ бы ты, говорилъ онъ, одно, чтобы съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ болваномъ стоять». Однажды во время чтенія поученія онъ съ бранью выхватилъ у Діонисія книгу и уронилъ аналой. Діонисій только перекрестился и молча пошелъ на клиросъ, а Логгинъ началъ еще плевать на него, потомъ взялъ у него посохъ, изломалъ и бросилъ ему въ лице. Діонисій послѣ этого всю заутреню проплакалъ предъ иконою Богородицы. Одинаково не любилъ архимандрита Филаретъ, старикъ, жившій у Троицы больше 50 лѣтъ, бывшій 40 лѣтъ уставщикомъ и тоже превозносившійся обрядовой опытностью. По своему невѣжеству онъ даже впадалъ въ ереси, думалъ напримѣръ, что Сынъ отъ Отца «не прежде вѣкъ родися». Напрасно Діонисій увѣщевалъ обоихъ друзей, чтобы они не доводили его до доноса. Они сами предупредили его и донесли, что онъ уничтожилъ въ молитвахъ Троицу и «Духа святаго не исповѣдуетъ, яко огнь есть».

Въ іюлѣ 1618 года справщики были осуждены на соборѣ изъ высшаго московскаго духовенства подъ предсѣдательствомъ Іоны. Діонисій былъ отлученъ отъ церкви и заточенъ въ монастырь, гдѣ томили его въ дыму на палатяхъ, били, морили голодомъ, заставляли класть по 1000 поклоновъ на день. Въ праздники его таскали къ митрополиту на смиреніе въ цѣпяхъ. Митро-

политъ Іона послѣ обѣдни сядетъ со властями за столъ, а Діонисій до вечера стоитъ на лѣтнемъ зноѣ на дворѣ среди ругательствъ, пинковъ и тычковъ черни, сбѣгавшейся посмотрѣть на еретика, который хотѣлъ выводить огонь изъ міра. Сотрудникъ Діонисія Насѣдка какъ-то увернулся отъ заточенія. Арсеній томился въ цѣпяхъ на кирилловскомъ подворьѣ; здѣсь онъ излилъ свою горечь въ посланіяхъ къ боярину Салтыкову и любимцу Іоны, протопопу *Ивану Лукьянову*. Указывая на множество ошибокъ въ книгахъ, онъ горячо обличалъ невѣжество тогдашнихъ представителей духовенства, которые, по его словамъ, не знали ни православія, ни кривославія, да и о благочестіи воистину не болѣли. Черезъ годъ въ Москву пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ; онъ принялъ участіе въ дѣлѣ справщиковъ и засвидѣтельствовалъ невинность Діонисія. Полное оправданіе справщики получили, впрочемъ, не ранѣе, какъ послѣ присылки граматъ отъ вселенскихъ патріарховъ, которые единогласно утвердили, что слово «и огнемъ» въ водосвятной молитвѣ дѣйствительно лишнее. Іоаннъ Насѣдка выигралъ больше всѣхъ товарищей; онъ сдѣланъ былъ ключаремъ Успенскаго собора и пріобрѣлъ репутацію ученѣйшаго мужа. Въ 1626 году патріархъ Филаретъ велѣлъ наконецъ вычеркнуть спорное слово изъ Требниковъ. Но и послѣ этого при освященіи воды еще долго оставался обычай погружать въ нее зажженныя свѣчи; обычай этотъ отмѣненъ уже соборомъ 1667 года.

Со времени патр. Іосифа церковныя исправленія стали производиться въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какихъ прежде не бывало ни разу. При печатномъ дворѣ къ книжнымъ исправленіямъ приставлены были Иванъ (въ монашествѣ Іосифъ) Насѣдка, протопопъ церкви черниговскихъ чудотворцевъ *Михаилъ Роговъ*, архимандритъ *Сильвестръ* и нѣкоторыя другія духовныя и свѣтскія лица. Но образованность этихъ справщиковъ и ихъ пріемы были такъ же неудовлетворительны, какъ и прежнихъ; отъ того въ изданныхъ ими книгахъ допущено было множество неисправностей. Всѣ старыя спорныя мнѣнія о двуперстіи, объ имени Іисусъ, о сугубомъ аллилуія, о хожденіи посолонь, о словѣ «истиннаго» въ символѣ вѣры были возведены теперь на степень несомнѣнныхъ принадлежностей православія и внесены въ книги самыя употребительныя: учебную и слѣдованную Псалтири, Служебникъ, Требникъ, Малый Катихизисъ, Кириллову Книгу и Книгу о вѣрѣ. Кромѣ этихъ собственно книжныхъ справщиковъ,

большое участіе въ церковныхъ исправленіяхъ принимали разныя болѣе видныя лица изъ духовенства, которыя успѣли усилиться при бездѣятельномъ патріархѣ. Главными изъ нихъ были духовникъ царя *Стефанъ Вонифатьевъ* и ключарь Успенскаго собора, потомъ протопопъ Казанскаго, *Іоаннъ Неронов*ъ, люди до того сильные и при дворѣ, и при патріархѣ, что могли оказывать покровительство даже кандидатамъ на епископство, притомъ же люди передовые своего времени, которыхъ уважали всѣ болѣе образованныя лица, какъ напримѣръ митрополитъ новгородскій Никонъ, образованный ревнитель благочестія бояринъ *Ѳедоръ Ртищевъ* и другіе. Какъ передовые люди, преобразователи, они въ свое время произвели сильное движеніе въ русскомъ обществѣ. Не ограничивая своей исправительной программы дѣятельностью, какая шла на печатномъ дворѣ, они подняли новые вопросы о церковномъ благочиніи, объ исправленіи церковнаго пѣнія и иконописанія, объ оживленіи церковной проповѣди, старались, вмѣсто прежняго многогласія въ церковной службѣ, ввести единогласіе, вмѣсто раздѣльнорѣчнаго или хомового пѣнія—пѣніе нарѣчное. Никонъ выписалъ въ Новгородъ кіевскихъ пѣвчихъ и завелъ у себя хоровое пѣніе по кіевскимъ и греческимъ напѣвамъ, которое такъ понравилось царю, что и онъ вызвалъ къ себѣ такихъ же пѣвчихъ. Самъ патріархъ испугался такихъ нововведеній и нарочно сносился объ нихъ съ константинопольскимъ патріархомъ. Среди духовенства поднялся ропотъ, говорили, что «заводится ересь новая—единогласное пѣніе и людей въ церкви учить, а прежъ сего людей въ церкви никогда не учивали, учивали ихъ втайнѣ». Долгая неподвижность стараго обряда была поколеблена и началось быстрое преобразовательное движеніе. Скоро явились новые передовые люди съ новой, еще болѣе обширной программой исправленій, послѣ чего старые передовые люди остались назади и сами перешли на сторону приверженцевъ старины.

Въ 1649 году въ Москву пріѣхали іерусалимскій патріархъ *Паисій* и образованный Грекъ *Арсеній*, учившійся въ римской коллегіи. Они первые указали на ошибки книжныхъ справщиковъ и на несогласіе русскихъ обрядовъ съ греческими. Смущенные этимъ, царь и патріархъ Іосифъ послали на востокъ для изученія греческихъ обрядовъ троицкаго келаря *Арсенія Суханова*, знавшаго греческій языкъ. Посольство это было не въ пользу греческихъ обрядовъ; принадлежа къ числу людей, крѣпко

подозрѣвавшихъ чистоту греческаго православія, Арсеній выполнилъ свое порученіе какъ разъ въ духѣ такой, почти тогда общей, подозрительности къ Грекамъ. Въ 1649 году отправившись изъ Москвы вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ, онъ доѣхалъ только до Яссъ, отсюда два раза снова возвращался въ Москву и уже въ 1651 году отправился далѣе. Во время второго пріѣзда изъ Яссъ онъ представилъ статейный списокъ или отчетъ о своемъ путешествіи и о своихъ бесѣдахъ и преніяхъ съ Греками, въ которомъ разсказывалъ о такихъ обрядовыхъ отступленіяхъ Грековъ отъ православія, что совершенно поколебалъ православную репутацію востока у всѣхъ, кому это было теперь нужно. Къ довершенію всего патріархъ Паисій, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ здѣсь Арсенія, который могъ быть выставленъ живымъ образчикомъ еретичества Грековъ, потому что, учась въ Римѣ, отрекался отъ православія, обвиняемъ былъ даже въ томъ, что въ Турціи принималъ басурманскую вѣру. Патріархъ Іосифъ сослалъ его въ Соловки. Но, не смотря на все это, мысль о томъ, что исправленія нужно производить непремѣнно по греческимъ книгамъ и чинамъ, была принята въ руководство еще при патріархѣ Іосифѣ. Тогда же въ Москвѣ нашлись и люди, способные встать во главѣ исправительныхъ работъ въ этомъ новомъ направленіи; то были ученые монахи изъ Кіева, которыхъ выписали оттуда въ 1649 году для исправленія Библіи и для вновь заведеннаго тогда же учительнаго Андреевскаго монастыря. Они открыли въ этомъ монастырѣ ученое братство и стали заниматься переводами и преподавать желающимъ греческій языкъ, приняли участіе и въ книжныхъ исправленіяхъ; въ 1650 году съ ихъ исправленіями былъ изданъ Шестодневъ. Патріархъ Іосифъ, видя около себя начало какого-то новаго движенія, въ послѣднее время совсѣмъ опустился и предоставилъ всѣ дѣла Никону, который съ увлеченіемъ ухватился за мысль о приведеніи русской обрядности въ согласіе съ греческой. Престарѣлый патріархъ чувствовалъ, что пора его прошла, боялся, что его скоро смѣнятъ съ патріаршества, и умеръ съ этими горькими мыслями.

Исправленія при Никонѣ.—Въ патріаршество Никона книжныя исправленія окончательно получили новый греческій характеръ. Греки все чаще пріѣзжали въ Москву съ обличеніями. Послѣ патріарха Паисія посѣтилъ Москву бывшій константинопольскій патріархъ *Аѳанасій* и тоже указывалъ патріарху

на разныя неисправности. Въ 1653 году воротился Арсеній Сухановъ и представилъ царю и Никону записки о своемъ путешествіи, названныя «Проскинитаріемъ». Вмѣсто того, чтобы представить отчетъ о греческихъ уставахъ, онъ описалъ здѣсь, какъ и въ своемъ статейномъ спискѣ, одну только практику греческой обрядности, которая дѣйствительно была неудовлетворительна, отчасти вслѣдствіе мусульманскаго ига, тяготѣвшаго надъ Греками, а отчасти и вслѣдствіе упадка религіозной жизни въ Греціи. Но его старообрядческіе отзывы о Грекахъ уже не могли подѣйствовать на патріарха. Занявшись сличеніемъ книгъ, Никонъ собственными глазами увидѣлъ ихъ порчу. Въ 1654 году въ Москвѣ былъ созванъ соборъ и призналъ исправленіе богослужебныхъ книгъ и чиновъ совершенно необходимымъ. Рѣшеніе этого собора вскорѣ было одобрено и въ Греціи, на соборѣ константинопольскомъ. Отъ имени послѣдняго патріархъ Паисій прислалъ въ Москву посланіе съ разрѣшеніемъ разныхъ обрядовыхъ недоумѣній; посланіе это въ 1655 году было напечатано Никономъ при книгѣ «Скрижаль», содержавшей въ себѣ обширное толкованіе на чинъ богослуженія, переведенное съ греческаго языка. Въ томъ же 1654 году пріѣхалъ въ Москву патріархъ сербскій *Гавріилъ*, а въ 1655 году антіохійскій *Макарій* и тоже приняли участіе въ исправленіяхъ. Патріархъ Макарій вмѣстѣ съ другими восточными іерархами, бывшими въ Москвѣ, при обрядѣ православія (1656 г.) въ Успенскомъ соборѣ произнесъ на двоеперстіе осужденіе и предалъ упорныхъ его приверженцевъ анаѳемѣ. Между тѣмъ для руководства въ книжныхъ исправленіяхъ въ Москву отвсюду свозились древнія книги. Арсеній Сухановъ, снова отправленный на востокъ, въ 1655 году привезъ оттуда до 500 древнихъ книгъ, да около 200 прислали разные восточные іерархи. Начальнымъ человѣкомъ по исправленію книгъ назначенъ былъ одинъ изъ кіевскихъ ученыхъ монаховъ, Епифаній Славеницкій; а помощникомъ его Никонъ сдѣлалъ вызваннаго изъ заточенія Арсенія Грека. Самая живая дѣятельность закипѣла на печатномъ дворѣ; не проходило года, чтобы не издавалось по нѣскольку вновь исправленныхъ или вновь переведенныхъ книгъ.

Очутившись въ обидномъ положеніи людей отсталыхъ, старые дѣятели придирчиво слѣдили теперь за дѣйствіями новыхъ и предавали ихъ безусловному порицанію. Къ нимъ примкнули еще разные пріѣзжіе въ Москву ихъ знакомцы, протопопы *Аввакумъ*

изъ Юрьева, *Даніилъ* костромской, *Логгинъ* муромскій, священникъ *Лазарь* романовскій. Одни изъ нихъ подавали царю челобитныя, умоляя защитить церковь отъ ересей, другіе ходили на печатный дворъ бранить справщиковъ и всѣ при всякомъ удобномъ случаѣ открыто и грубо хулили патріарха, сами напрашиваясь на опасное столкновеніе съ крутымъ первосвятителемъ. Начались аресты, истязанія и ссылки. Одинъ изъ архіереевъ, *Павелъ* коломенскій, за противорѣчіе Никону на соборѣ 1654 года былъ лишенъ сана и сосланъ въ новгородскіе предѣлы; Іоаннъ Нероновъ лишенъ скуфьи и сосланъ въ Каменскій монастырь, Даніилъ и Логгинъ разстрижены и сосланы, первый въ Астрахань, второй въ Муромъ, Аввакумъ сосланъ въ Тобольскъ, потомъ на Лену, Лазарь—тоже въ Тобольскъ; уцѣлѣлъ одинъ только уклончивый придворный протопопъ Вонифатьевъ. Патріархъ много вредилъ своему дѣлу тѣмъ, что велъ его слишкомъ круто, безъ объясненій, однимъ авторитетомъ своей власти и возбуждалъ противъ себя много чисто личнаго раздраженія. Даже между коноводами старовѣровъ нашелся человѣкъ, который оказался въ числѣ противниковъ патріарха изъ одной личной обиды и недоразумѣнія; это былъ Нероновъ. Когда дѣло исправленій одобрено было на московскомъ соборѣ 1656 года, изрекшемъ проклятіе на неповинующихся церкви Божіей, Нероновъ принесъ покаяніе, сознаваясь, что доселѣ считалъ исправленія личнымъ дѣломъ одного патріарха, но что противникомъ самой церкви быть не желаетъ. Никонъ благодушно относился къ тѣмъ, которые изъявляли ему покорность,—обласкалъ Неронова, терпѣливо выслушивалъ его укоризны, даже снисходилъ его привычкѣ къ старымъ книгамъ: «обои де добры, все де равно,—по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь».

Протестъ противъ новшествъ распространился потомъ въ массѣ народа и получилъ здѣсь еще болѣе опасные размѣры. Непривычныя для слуха измѣненія въ текстѣ церковныхъ чтеній и новое пѣніе, запрещеніе двоеперстія, четвероконечный крестъ на просфорахъ—все это сильно смущало народъ, у котораго привязанность къ внѣшности богослуженія была, разумѣется, еще грубѣе, чѣмъ у его учителей. Въ 1654 году патріархъ возревновалъ объ исправленіи иконописанія, объявилъ строгія наказанія всѣмъ мастерамъ, которые будутъ отступать отъ древнихъ подлинниковъ, сталъ преслѣдовать иконы, написанныя по латинскимъ образцамъ, велѣлъ ихъ соскабливать и

такъ носить на показъ по улицамъ, а въ 1655 году въ недѣлю православія торжественно предалъ ихъ даже проклятію и собственноручно въ соборѣ разбивалъ объ полъ; все это представлялось народу не чѣмъ инымъ, какъ иконоборствомъ. Какъ разъ къ этому времени подоспѣли тяжкія народныя бѣдствія, война съ Польшей и моровая язва и, разумѣется, приписаны были гнѣву Божію за отступленіе отъ вѣры. Изъ Москвы волненіе разошлось по областямъ, гдѣ много содѣйствовали ему ссыльные противники патріарха. Новоисправленныхъ книгъ не приняли во многихъ мѣстахъ. Строгости противъ ослушниковъ только еще болѣе усиливали волненіе, развивая въ изувѣрахъ мысли о мученичествѣ за вѣру и о послѣднихъ временахъ. Давнишняя мысль о кончинѣ міра нашла теперь самое удобное время для своего развитія; для большаго уясненія ея недавно явились очень подходящіе матеріалы въ сочиненіяхъ, которыя шли изъ западной Руси, въ Книгѣ о вѣрѣ и Кирилловой. Въ западной Руси антихристъ представлялся въ лицѣ папы, отъ котораго пошелъ соблазнъ уніи; это же представленіе о латинствѣ, какъ духѣ антихриста, перешло и въ Московскую Русь. И вотъ всѣ новшества Никона стали объяснять латинствомъ, говорили и писали, что православные сложились съ унитами Малороссами и Грекомъ Арсеніемъ, который учился въ Римѣ. Намѣченъ былъ и годъ, котораго съ трепетомъ нужно ждать православнымъ, годъ 1666, по числу, еже отъ антихриста. Во время 8-лѣтняго отсутствія патріарха старовѣры до того усилились, что успѣли возвратить изъ ссылки самаго рьянаго своего вождя Аввакума. Фанатическій страдалецъ за старую вѣру имѣлъ много сильныхъ поклонниковъ. Самъ царь принялъ его съ лаской, уговаривалъ соединиться съ церковью и своей добротой едва не смягчилъ фанатика, такъ что онъ, по его собственному признанію, едва укрѣпился противъ духа антихристова. Но, укрѣпившись, онъ началъ еще съ большимъ фанатизмомъ дѣйствовать противъ исправленій. Его снова отправили въ ссылку на Мезень. Въ то же время заговорили и другіе ревнители. Дьяконъ Благовѣщенскаго собора *Θеодоръ* разсылалъ жаркія посланія о правой вѣрѣ и пришествіи антихриста; златоустовскій игуменъ *Θеоктистъ* тоже написалъ сочиненіе объ антихристѣ; попъ суздальскій *Никита* сочинилъ обширную раскольническую челобитную. Въ разныхъ мѣстахъ явились проповѣдники противъ Никоновскихъ новшествъ изъ уважаемыхъ народомъ пустынниковъ и подвижниковъ, въ

Костромскихъ предѣлахъ—чернецъ постникъ *Капитонъ*, въ Нижегородской области—строгій пустынникъ *Ефремъ Потемкинъ* и старецъ *Авраміи*, въ Сибири—чернецъ *Іосифъ Истоминъ* и мн. др. Сторону старовѣровъ принялъ даже одинъ архіерей, *Александръ* вятскій. Нероновъ, принесшій было покаяніе, снова присталъ къ старовѣрамъ.

Одобреніе Никоновыхъ исправленій соборомъ 1666 года и отдѣленіе раскола отъ церкви.—Наконецъ наступилъ страшный 1666 годъ, ознаменованный дѣйствіями великаго московскаго собора. Одобривъ совершенныя доселѣ церковныя исправленія, соборъ этотъ произвелъ судъ надъ главными ихъ противниками; Александръ вятскій, Ефремъ, Никита, Нероновъ и Ѳеоктистъ принесли покаяніе и получили разрѣшеніе; нераскаянные—Аввакумъ, Лазарь, Ѳеодоръ,—преданы анаѳемѣ и сосланы въ дальнія ссылки. Потомъ пріѣхали патріархи и въ 1667 году великій соборъ въ ихъ присутствіи снова подтвердилъ прежнія постановленія и скрѣпилъ ихъ клятвою противъ тѣхъ, которые ихъ не примутъ и явятся противниками церкви. Соборъ коснулся и главной опоры старовѣровъ—Стоглава, отмѣнилъ его клятву на троеперстіе и на трегубую аллилуію, осудилъ также житіе Евфросина. Послѣ этихъ опредѣленій упорные старовѣры явились уже раскольниками и произошло ихъ рѣшительное отдѣленіе отъ церкви. Такъ явился *расколъ*,—одно изъ выразительнѣйшихъ явленій русской религіозной жизни. Представители нравственныхъ силъ древняго общества, протопопы, попы, настоятели монастырей, уважаемые начетники взволновали всю Русь, героически шли противъ рожна, лѣзли на костры,—изъ за чего? изъ за старины, древляго благочестія и древляго обрядоваго безнарядья, о которыхъ новое благочестіе дало въ 1667 году соборный отзывъ, какъ «о простотѣ и невѣжествѣ». Оживленная послѣ продолжительнаго застоя, церковная жизнь стала исправлять обряды, вносить въ нихъ духъ и мысль, поставила вопросъ о религіозномъ образованіи. Ревнители древляго благочестія возстали противъ всего этого, выставивъ на своемъ знамени безусловное отрицаніе всякихъ новшествъ, но отрицаніе безъ положенія, съ однимъ голословнымъ: «до насъ положено—лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ; православнымъ нужно помереть за одинъ *азъ*». Расколъ отдѣлился отъ церкви не вслѣдствіе движенія въ какую-нибудь свою сторону отъ теченія общей исторической жизни церкви, а именно вслѣд-

ствіе своей косности, неспособности слѣдовать за жизнію церкви. Отрекшись отъ движенія, онъ остался окаменѣлостью, историческимъ памятникомъ древней жизни и древляго благочестія со всею ихъ мертвою обрядностію, привязанностію къ азамъ и со всею порчею этихъ азовъ.

Раскольническія волненія и мѣры противъ раскола.—Послѣ церковнаго осужденія расколъ немедленно подвергся преслѣдованіямъ церковнаго и гражданскаго правительства и всталъ въ оппозицію какъ противъ церкви, такъ и противъ государства. Еще раньше великаго собора началось знаменитое *стояніе за старую спру Соловецкаго монастыря*. Въ 1657 году монастырь рѣшительно отказался принять новыя книги. Съ тѣхъ поръ старообрядчество все зрѣло въ обители, между прочимъ подъ вліяніемъ сосланныхъ сюда противниковъ Никона. Когда послѣ великаго собора снова прислано было въ монастырь требованіе служить по новымъ книгамъ, келарь *Азарій* и казначей *Геронтій* отъ лица всей братіи составили государю челобитную, въ которой просили оставить монастырь при старомъ преданіи чудотворцевъ, а старецъ *Герасимъ Ѳирсовъ* написалъ сочиненіе о сложеніи перстовъ. Во главѣ возставшей противъ новшествъ обители всталъ жившій здѣсь на покоѣ саввинскій архимандритъ *Никаноръ*. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ вразумленію упорныхъ въ 1668 году царь послалъ на монастырь стрѣльцовъ. Изъ за крѣпкихъ стѣнъ обители, привыкшей къ осадамъ во время нападеній отъ Шведовъ, раздались пушечные выстрѣлы по царскому войску, впервые возвѣстившіе открытый разрывъ раскола съ государствомъ. Осада случайно затянулась, потому что государство, занятое тогда еще Разинскимъ бунтомъ, не могло употребить на нее достаточныхъ силъ. Наконецъ въ 1676 году воевода *Мещериновъ* взялъ монастырь. Изъ зачинщиковъ бунта одни, въ томъ числѣ и Никаноръ, были перевѣшаны, другіе разосланы въ Колу и Пустозерскъ; объявившіе повиновеніе церкви и государству прощены и оставлены въ монастырѣ.

Между тѣмъ расколъ быстро распространялся и грозилъ серьезными затрудненіями и церкви и государству. Укрываясь отъ преслѣдованій, онъ наполнилъ своими тайными скитами всѣ лѣса внутреннихъ областей Россіи, костромскіе, вязниковскіе, брынскіе и керженскіе. Сѣверное поморье тоже сдѣлалось его любимымъ притономъ; въ концѣ XVII вѣка дьячекъ *Данило Викуловъ* основалъ здѣсь знаменитую раскольническую пустынь на

рѣкѣ *Выгъ*. Съ поморья расколъ переходилъ въ новгородскіе и псковскіе края, отсюда перекинулся за рубежъ—въ Швецію и Польшу, гдѣ нѣкто *Ѳеодосій* основалъ согласіе *ѳеодосіевщину*. На польской границѣ процвѣли расколомъ лѣса *Стародубья* и *Вѣтка*. На югѣ онъ нашелъ пріютъ среди донскихъ казаковъ. Наконецъ обширнымъ поприщемъ его стала Сибирь. Распространеніе раскола еще болѣе усиливало противъ него строгія мѣры. Главные расколоучители Аввакумъ, Лазарь, Ѳеодоръ и Епифаній были сожжены на кострѣ. Московскій соборъ 1682 года положилъ усилить средства къ отысканію раскольниковъ, запретилъ продажу раскольническихъ тетрадей и книгъ, подчинилъ строгому надзору домовыя церкви, скиты и часовни, служившія расколу притономъ, и сталъ сокращать ихъ число.

Но едва только опредѣленіе собора стало приводиться въ исполненіе, какъ въ томъ же 1682 году возгорѣлся новый *раскольническій бунтъ въ самой Москвѣ*. Раскольники воспользовались борьбой возникшей послѣ смерти царя Ѳеодора между партіей Нарышкиныхъ и партіей Милославскихъ изъ-за престола. Послѣ страшнаго стрѣлецкаго бунта, кончившагося объявленіемъ двоевластія царевичей Петра и Іоанна подъ регентствомъ царевны Софіи, когда вся Москва была еще въ трепетѣ отъ стрѣльцовъ, раскольники подговорили послѣднихъ постоять за старую вѣру. Сторону ихъ принялъ начальникъ стрѣлецкаго приказа князь *Хованскій*. Бродячій монахъ *Сергій* написалъ челобитную о возстановленіи старой вѣры, а суздальскій попъ Никита пустосвятъ, опять совратившійся въ расколъ, назначенъ былъ для публичнаго пренія съ властями. 5 іюля раскольники огромной толпой привалили на дворцовую площадь, неся съ собой старыя книги, иконы и свѣчи, вызывая властей на состязаніе. Ихъ пригласили для этого въ грановитую палату, куда явилась и царевна Софія съ двумя сестрами и царицей Наталіей. Фанатики съ шумомъ вошли въ палату, разставили аналои и образа и стали читать свою челобитную. При первыхъ же выраженіяхъ Никита, для смѣлости выпившій, зашумѣлъ, чуть не избилъ архіерея *Аванасія* холмогорскаго, который сталъ его оспоривать, и замолчалъ только послѣ грознаго окрика Софіи. Задѣтая хульными рѣчами челобитной о православіи ея отца и брата, она встала съ мѣста и грозила, что царское семейство послѣ этого все уйдетъ изъ Москвы. Стрѣльцы струсили, потому что, въ случаѣ ухода царскаго семейства, противъ нихъ поднялась бы

вся земля, и поспѣшили успокоить правительницу. По прочтеніи челобитной патріархъ Іоакимъ, держа въ рукахъ Евангеліе святителя Алексія, сталъ было увѣщевать раскольниковъ, но поднялся такой шумъ, что ничего не было слышно, только видны были надъ головами поднятыя руки съ двуперстіемъ. Отпущенные изъ палаты, раскольники толпой высыпали на улицу, крича: «побѣдихомъ!» отправились въ стрѣлецкія слободы и стали тамъ служить молебны и звонить въ колокола. Въ ту же ночь Софья призвала къ себѣ на увѣщаніе стрѣлецкихъ выборныхъ. Стрѣльцы не устояли передъ соблазномъ царскаго погреба и выдали своихъ духовныхъ отцовъ. Никитѣ отсѣчена была голова; другихъ разослали по монастырямъ подъ строгій началъ.

Послѣ этого бунта правительство еще болѣе усилило свою строгость. Въ 12 статьяхъ указа 1685 года расколъ былъ совершенно запрещенъ въ государствѣ; раскольниковъ велѣно было ловить и жечь; тѣхъ, которые перекрещиваютъ совращенныхъ, казнить смертію, хотя бы они и покаялись; за пристанодержательство раскольниковъ виновныхъ бить кнутомъ и налагать на нихъ пеню. Множество раскольниковъ въ отчаяніи бросились за границу или стали укрываться въ непроходимыхъ лѣсахъ; болѣе рьяные изувѣры сами шли на казни, считая ихъ подвигомъ мученичества, или же сами себя сожигали въ срубахъ; ученіе объ очистительномъ подвигѣ самосожженія, которое проповѣдывалъ еще Аввакумъ, нашло себѣ въ это время множество послѣдователей. Между тѣмъ, отвергнувъ церковный авторитетъ, расколъ, предоставленный самому себѣ, сталъ распадаться на толки. Прежде всего въ средѣ его возникъ трудный вопросъ: откуда брать священниковъ? Одни стали брать ихъ у православной церкви, сманивая къ себѣ пьяныхъ и нищихъ поповъ и разными способами очищая у нихъ благодать рукоположенія отъ Никоновой скверны; другіе положили, что можно обойтись и безъ священства, предоставивъ всѣ требоисправленія мірянамъ. Такъ возникли два основныхъ толка въ расколѣ,—*поповщина* и *безпоповщина*, которые въ свою очередь стали распадаться на множество новыхъ толковъ, раздѣленныхъ между собой или обрядовыми разностями, или степенью ихъ отрицательнаго отношенія къ церкви.

Продолженіе обрядовыхъ исправленій послѣ 1667 года. Выдѣливъ отъ себя расколъ, церковь между тѣмъ свободнѣе могла продолжать свои исправленія. Изъ книгъ не

исправленною къ XVIII вѣку оставалась только Библія, изданная вновь въ 1663 году по Острожскому, только слегка исправленному изданію. Въ 1674 году дѣло ея исправленія было поручено Епифанію Славеницкому, но онъ не дожилъ до окончанія этого труда. Для исправленія церковнаго благочинія соборъ 1667 года издалъ нѣсколько распоряженій о храмахъ, священныхъ вещахъ, облаченіяхъ, о совершеніи церковныхъ службъ и таинствъ; соборъ 1675 года опредѣлилъ богослужебныя преимущества іерарховъ,—между прочимъ позволилъ митрополитамъ, вмѣсто фелони, облачаться въ саккосъ, бывшій прежде отличіемъ одного патріарха; соборъ 1678 года запретилъ архіереямъ, кромѣ патріарха, хожденіе въ недѣлю ваій на осляти; въ 1682 году въ обрядѣ умовенія ногъ отмѣнено обозначеніе мѣста Іуды. Продолжались заботы объ улучшеніи церковнаго пѣнія и иконописанія. Въ иконописи различалось нѣсколько школъ: кіевская, новгородская, строгоновская, московская, царская. Лучшимъ иконописцемъ въ Москвѣ считался *Симонъ Ушаковъ*, царскій мастеръ († 1686). Произведенія суздальскихъ и подобныхъ иконописцевъ въ 1668 году были осуждаемы граматами царя, патріарха Іоасафа и бывшихъ въ Россіи греческихъ патріарховъ. Но съ другой стороны оказывалось нужнымъ предохранять русскую иконопись отъ подражанія неисправностямъ западнаго (фряжскаго) письма. Патріархъ Іоакимъ запретилъ продажу священныхъ изображеній, печатанныхъ на бумагѣ «Нѣмцами по своему ихъ проклятому мнѣнію и въ одеждахъ странныхъ нѣмецкихъ, въ посмѣхъ христіанамъ, а не съ древнихъ подлинниковъ».

ГЛАВА IV.

Духовное просвѣщеніе.

Состояніе просвѣщенія въ Москвѣ до половины XVII вѣка и заботы о его возвышеніи. Послѣ вопроса объ обрядовыхъ исправленіяхъ другимъ настоятельнымъ вопросомъ времени былъ вопросъ о возвышеніи уровня духовнаго образованія. Скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса требовали уже и самыя обрядовыя исправленія. Иностранцы, посѣ-

щавшіе Россію, не исключая грековъ, всѣ удивлялись крайне низкому уровню духовнаго просвѣщенія въ странѣ. Изъ обзора духовной письменности первой половины XVII вѣка видимъ, что вся дѣятельность московскихъ ученыхъ вращалась около прежнихъ привычныхъ предметовъ: встрѣчаемъ нѣсколько сочиненій въ историческомъ родѣ—лѣтопись о смутномъ времени (рукопись Филарета), сказаніе Палицына объ осадѣ Троицкой лавры, житія, баснословное описаніе святыхъ мѣстъ *Василія Гагары*, много посланій и граматъ (Іова, Гермогена, Діонисія, Филарета, Кипріана сибирскаго) касательно разныхъ церковныхъ нестроеній, наконецъ нѣсколько сочиненій по поводу обрядовыхъ исправленій, каковы труды Арсенія Глухого и Ивана Насѣдки. Но работы въ болѣе серьезномъ, богословскомъ родѣ московскимъ грамотникамъ были не подъ силу, а между тѣмъ обстоятельства времени требовали и такихъ работъ, напримѣръ для защиты православія отъ иновѣрныхъ вліяній.

Для удовлетворенія этой нуждѣ въ образованіи всего естественнѣе было обратиться за помощью къ Грекамъ, но они и сами нуждались въ образованныхъ людяхъ. Въ 1632 году, по просьбѣ патріарха Филарета, они могли послать въ Москву только одного учителя, архимандрита *Іосифа*, но и тотъ черезъ два года померъ, ничего не сдѣлавъ для Россіи. Въ 1645 г. бывшій въ Россіи палеопатрасскій митрополитъ *Θеофанъ* предлагалъ было завести въ Москвѣ школу и типографію для самихъ Грековъ, за неимѣніемъ собственной типографіи, печатавшихъ всѣ свои книги на западѣ; но когда дѣло зашло о присылкѣ для такого важнаго дѣла какого-нибудь способнаго на то и образованнаго человѣка, такого человѣка на востокѣ не нашлось. Поэтому для Москвичей оставался одинъ выходъ изъ затрудненія,—прибѣгнуть къ помощи юго-западныхъ русскихъ школъ, хотя и онѣ казались подозрительными по своему православію. На первыхъ порахъ прибѣгнули къ помощи только юго-западныхъ книгъ, относясь къ нимъ при этомъ съ строжайшей разборчивостью. Въ 1627 году въ Москвѣ явилось Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона. Книга эта, уже осужденная за латинскія мнѣнія еще въ Кіевѣ, оказалась самой неудачной рекомендаціей юго-западнаго образованія въ Москвѣ и только усилила къ нему и безъ того уже сильную подозрительность. По разсмотрѣніи она была сожжена, и изъ-за нея вышло распоряженіе патріарха Филарета—ни въ церквахъ, ни

частнымъ лицамъ не держать и не употреблять никакихъ литовскихъ книгъ вообще. Но въ то же почти время въ Москву прибылъ ученый Лаврентій Зизаній и привезъ сюда свой Катихизисъ, такую необходимую тогда руководительную книгу, которой уже никакъ нельзя было пренебречь. По порученію патріарха, разсмотрѣніемъ ея занялись справщики—игуменъ Богоявленскаго монастыря *Илія* и *Онисимовъ;* они разсматривали ее долго и придирчиво, чуть не завинили автора въ ересяхъ, такъ что изъ опасенія бѣды онъ старался поскорѣе соглашаться на все, что ему говорили, и всячески льстилъ учености московскихъ грамотѣевъ. Катихизисъ во многомъ былъ исправленъ, но все-таки изданъ (въ 1627 г.) и сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ Большого Катихизиса. Потомъ къ тѣмъ же литовскимъ книгамъ московскимъ людямъ по необходимости приходилось прибѣгать въ столкновеніяхъ съ иновѣрцами

Въ началѣ 1640-хъ годовъ, по случаю вопроса о бракѣ датскаго принца *Вольдемара* съ царевной *Ириной Михайловной*, возникла богословская полемика съ протестантами, поднятая самимъ Вольдемаромъ, котораго настойчиво заставляли принять передъ бракомъ православіе. Защитникомъ протестантства явился пасторъ принца *Фольгоберг;* со стороны православныхъ выступили Иванъ Насѣдка, благовѣщенскій протопопъ *Никита* и протопопъ Михаилъ Роговъ. Пренія не обратили принца въ православіе, но не прошли безслѣдно для самихъ Русскихъ, возбудивъ въ нихъ настоятельную потребность изученія вѣры и изданія полемическихъ сочиненій. Источниками для составленія такихъ сочиненій явились тѣ же литовскія книги; изъ нихъ дѣлали извлеченія и собирали эти извлеченія въ сборники. Такъ явились: «Изложеніе на лютеры» Ивана Насѣдки,—сборникъ въ 47 главахъ (1642 года); «Кириллова книга» (1644 года), составленная Роговымъ изъ сочиненій Стефана Зизанія, Василія Острожскаго, Захаріи Копыстенскаго и друг. и направленная какъ противъ протестантовъ, такъ и противъ католиковъ; «Книга о вѣрѣ», составленная игуменомъ кіевскаго Михайловскаго монастыря *Наѳанаилом*ъ главнымъ образомъ по «Палинодіи» Копыстенскаго; наконецъ «Собраніе краткія науки о артикулахъ вѣры» (1649 г.) Петра Могилы, извѣстное подъ именемъ «Малаго Катихизиса». При Алексѣѣ Михайловичѣ рѣшились еще ближе познакомиться съ юго-западною ученостью и стали вызывать въ Москву уже самихъ кіевскихъ ученыхъ.

Вызовъ кіевскихъ ученыхъ въ Москву; Ртищевское братство.—Бояринъ *Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ*, съ дозволенія царя и патріарха, основалъ не далеко отъ Москвы Андреевскій или Преображенскій монастырь и пригласилъ въ него до 30 южнорусскихъ монаховъ. Это было въ 1649 году. При монастырѣ немедленно составилось ученое братство для перевода книгъ и для обученія желающихъ грамматикѣ, латинскому и греческому языкамъ и риторикѣ съ философіей. Въ томъ же году для риторическаго ученія, переводовъ и особенно для исправленія Библіи были вызваны царемъ кіевскіе ученые монахи *Епифаній Славеницкій* и *Арсеній Сатановскій*, а въ слѣдующемъ году пріѣхалъ еще ученый монахъ *Дамаскинъ Птицкій*. Соединясь съ Андреевскими монахами, они составили въ Москвѣ ученый кружокъ, имѣвшій большое вліяніе на Москвичей. Ученые монахи стали дѣятельно заниматься переводами и приняли участіе въ исправленіи книгъ. Московскіе грамотѣи разошлись съ ними съ самаго начала. Новое школьное обученіе пришельцевъ было далеко не похоже на доморощенную московскую ученость, показалось страннымъ, слѣдовательно, по тогдашней логикѣ, истинному правовѣрію несходнымъ. Изъ Андреевскаго монастыря скоро притомъ же пошли обидныя рѣчи о невѣжествѣ Москвичей. Поучившись у Кіевлянъ грамматикѣ, молодые люди начинали небрежно отзываться даже о такихъ столпахъ, какъ протопопы Иванъ (Нероновъ) и Стефанъ (Вонифатьевъ). Но за новыхъ ученыхъ крѣпко стояли многіе сильные люди, митрополитъ Никонъ, бояринъ Морозовъ, Ртищевъ и даже самъ царь, и толки объ ихъ еретичествѣ для нихъ были уже не страшны. Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ приблизилъ ихъ къ себѣ и приставилъ къ книжнымъ исправленіямъ. Въ Чудовѣ монастырѣ была устроена греко-латинская школа. Славеницкій былъ сдѣланъ ея начальникомъ и поставленъ въ главѣ справщиковъ печатнаго двора. Послѣ паденія Никона чудовская школа закрылась, разстроилось и Андреевское братство, но господство югозападнаго вліянія въ Москвѣ было уже достаточно упрочено.

Епифаній Славеницкій и Симеонъ Полоцкій.—Первая дружина югозападныхъ ученыхъ, явившихся въ Москвѣ при патріархѣ Іосифѣ, была еще домогилинскаго греческаго направленія въ своемъ образованіи. Это были люди безукоризненно православные, честные и скромные труженики, дѣятельность которыхъ признавалась полезною и со стороны правительства,

и со стороны іерархіи. Выше всѣхъ между ними стоялъ Епифаній. По своему аскетическому характеру онъ былъ мало способенъ къ практической, общественной дѣятельности, оставался постоянно только кабинетнымъ труженикомъ и свое непосредственное, личное вліяніе ограничивалъ лишь небольшимъ кружкомъ своихъ учениковъ. Такое поведеніе устраняло его отъ многихъ лишнихъ столкновеній съ московскими учеными и пріобрѣло ему общее довѣріе и уваженіе. Работалъ онъ очень много, потому что, за недостаткомъ ученыхъ людей, и правительство, и іерархія наперерывъ спѣшили воспользоваться его ученостью. На немъ лежала главная тяжесть работъ по исправленію книгъ; кромѣ того, онъ заваленъ былъ переводами, переводилъ многія отеческія творенія, собраніе церковныхъ правилъ, Синтагмы Властаря и Арменопула, разныя сочиненія историческія, нравственныя, географію, анатомію, составилъ славяно-греко-латинскій лексиконъ и лексиконъ для объясненія церковныхъ словъ, занимался исправленіемъ библейскаго текста, писалъ предисловія къ вновь издававшимся книгамъ,—Скрижали, Служебнику, Шестодневу, Часослову, Тріоди, Слѣдованной Псалтири и др., составлялъ каноны, похвальныя слова и стихи въ честь святыхъ и, при всѣхъ этихъ работахъ, находилъ еще время заниматься проповѣдничествомъ,—составилъ свыше 50 словъ и поученій на разные праздники и дни святыхъ. Онъ умеръ въ 1676 году, оставивъ послѣ себя нѣсколько учениковъ, знавшихъ греческій языкъ. Таковы были избраные имъ самимъ сотрудники его въ исправленіи Библіи: чудовскіе монахи *Евѳимій* и *Моисей*, московскій священникъ *Никифоръ* и игуменъ *Сергій*.

Въ 1664 году, по приглашенію царя, въ Москву явился другой выдающійся воспитанникъ кіевской школы уже новаго, латинскаго ея направленія, *Симеонъ Ситіановичъ Петровскій* или, какъ онъ больше назывался, *Полоцкій*, бывшій до того учителемъ братской школы въ Полоцкѣ. Греческаго языка онъ уже не зналъ и принесъ въ Москву исключительно латинское образованіе. Это былъ человѣкъ живой и краснорѣчивый, усердный собиратель чужихъ мнѣній, ходячая энциклопедія всякихъ знаній, которыя онъ умѣлъ ловко облекать въ обычныя въ Кіевѣ риторскія и діалектическія формы. По характеру онъ былъ не кабинетный, а общественный дѣятель, ловкій придворный монахъ, неутомимый борзописецъ, готовый во всякое время писать и переводъ, и проповѣдь, и ученый трактатъ, и стихи на чье-

нибудь рожденіе или смерть, и комедію для придворнаго театра. Отъ этого у него еще больше было работы, чѣмъ у Славенецкаго. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву онъ сдѣлался учителемъ царскихъ дѣтей и постоянно получалъ различныя ученыя порученія. Такъ, въ 1666 году онъ долженъ былъ заняться опроверженіемъ раскола, которое и представилъ въ сочиненіи «Жезлъ правленія», изданномъ отъ имени великаго собора; потомъ написалъ полное систематическое изложеніе вѣры по схоластическимъ образцамъ, названное «Вѣнцомъ Вѣры»; по порученію патріарха Іоасафа, сочинялъ поученія для народа о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ и противъ игръ и ворожбы; составилъ два сборника собственныхъ проповѣдей: «Обѣдъ душевный» и «Вечерю духовную». Къ чести его надобно сказать, что, слѣдуя обычнымъ пріемамъ кіевскаго проповѣдничества, онъ имѣлъ въ виду и жизненныя цѣли, старался быть проще и ближе къ потребностямъ своихъ слушателей. Въ проповѣдяхъ своихъ и въ другихъ сочиненіяхъ онъ сильно задѣвалъ лѣность духовенства къ проповѣдничеству, обличалъ невѣжество народа, грязные пороки, расколы, суевѣрія, остатки язычества, вѣру въ волшебство, въ наузы, нашептыванья, заговоры и примѣты, обличалъ народныя игры, праздники коляды и купала, проповѣдывалъ необходимость просвѣщенія и обращался къ царю съ моленіемъ завести школы, умножить учителей и спудеовъ (учениковъ). Какъ у Епифанія, у него тоже было довольно учениковъ. Между прочимъ ему поручено было преподавать латинскій языкъ молодымъ людямъ, которые готовились въ переводчики; его спасская школа, гдѣ онъ училъ ихъ латыни, была въ нѣкоторомъ родѣ параллельною чудовской греческой школѣ Епифанія.

Просвѣтительная дѣятельность обоихъ этихъ ученыхъ монаховъ имѣла живительное вліяніе на развитіе церковнаго образованія въ Великороссіи. Заговорили о школахъ, объ усиленіи церковнаго проповѣдничества. Еще въ 1667 году прихожане московской Богословской церкви подали царю просьбу о дозволеніи открыть при ихъ церкви школу и найти проповѣдника для сказыванія поученій. Въ пермскихъ усольяхъ Строгоновыхъ явился подражатель Полоцкаго, одинъ орловскій священникъ, который, слыша, что въ Россіи священники по мѣстамъ стали говорить проповѣди, и самъ выступилъ на поприще проповѣдничества. Старинные переводы отеческихъ поученій и проповѣди Полоцкаго онъ нашелъ для своей паствы непонятными и со-

ставилъ сборникъ собственныхъ простыхъ поученій, изданный въ 1684 году подъ названіемъ Статира. И въ Перми, какъ прежде въ Москвѣ, духовенство и народъ встрѣтили церковную проповѣдь дико, говорили, что проповѣдникъ вводитъ новую ересь, и много ему досаждали. При царѣ Ѳеодорѣ, воспитанникѣ Полоцкаго, предположено было завести въ Москвѣ большую школу не только для одной Россіи, но и для Грековъ, чтобы имъ не нужно было ѣздить за наукой въ Италію. На первый разъ царь и патріархъ Іоакимъ въ 1679 году основали школу въ типографскомъ домѣ и собрали въ нее до 30 учениковъ. Начальникомъ ея сдѣланъ былъ іеромонахъ *Тимоѳей*, долго путешествовавшій по востоку и знавшій греческій языкъ. Учителями были Греки *Мануилъ* и *Іоакимъ*. Царь и патріархъ такъ были рады этой школѣ, что посѣщали ее каждую недѣлю. Но она была только первымъ шагомъ къ заведенію желательной имъ высшей школы—академіи, которую предположено было устроить въ московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и съ богатыми средствами.

Усиленіемъ греческаго образованія чрезъ типографскую школу патріархъ желалъ между прочимъ дать противовѣсъ польско-латинскому вліянію Полоцкаго, начавшему усиливаться еще при жизни Епифанія. Между этими двумя представителями разныхъ направленій югозападнаго образованія съ самаго начала обнаружилось столкновеніе, въ которомъ московская іерархія приняла сторону Славеницкаго и его авторитетомъ старалась ослабить авторитетъ Полоцкаго. По своему миролюбивому характеру, Епифаній но входилъ въ непріязненныя отношенія къ Полоцкому, но не скрывалъ своего несочувствія къ его образу мыслей, напр., указывалъ на то, что въ основу своего «Вѣнца Вѣры» онъ принялъ не православный Никейскій, а католическій мнимо-апостольскій символъ, что не правильно училъ о времени пресуществленія даровъ въ евхаристіи,—не во время призыванія на нихъ Святаго Духа, а при произнесеніи словъ Спасителя «Пріимите, ядите... Пійте отъ нея вси»..., какъ учатъ латиняне, что вообще въ послѣднее время въ Кіевѣ читаютъ однѣ латинскія книги и отъ того иногда истины не знаютъ. Послѣ смерти Епифанія, оставшись безъ соперниковъ, Симеонъ началъ держать себя крайне заносчиво, не хотѣлъ знать ни патріарха, ни другихъ духовныхъ властей, даже сочиненія свои печаталъ безъ благословенія патріарха въ дворцовой типографіи. Патріархъ

Іоакимъ сердился на гордаго монаха,—обвинялъ его въ «хлѣбопоклоннической ереси» (такъ какъ онъ училъ покланяться хлѣбу въ евхаристіи раньше пресуществленія), его «Вѣнецъ Вѣры» называлъ вѣнцомъ, изъ западнаго тернія сплетеннымъ, а «Обѣдъ Душевный»—исполненнымъ душевныхъ бѣдъ и хотѣлъ запретить ему церковную проповѣдь. Но Полоцкій былъ недоступенъ для его власти, потому что находилъ себѣ сильную поддержку при дворѣ. Царь Ѳеодоръ, братъ его Іоаннъ и сестра Софія всѣ учились у Полоцкаго и получили отъ него польско-латинское образованіе, сдѣлавшееся тогда модным и во всемъ русскомъ высшемъ обществѣ.

Сильвестръ Медвѣдевъ и инокъ Евѳимій. Симеонъ умеръ въ 1680 году, только четырьмя годами пережив своего соперника Епифанія; но вопросъ, поднятый при нихъ, о времени пресуществленія даровъ въ евхаристіи и вообще о господствѣ въ новомъ югозападномъ образованіи латинскаго направленія, продолжалъ тревожить русское общество и послѣ ихъ смерти. Въ правленіе Софіи латинское вліяніе еще болѣе усилилось въ Москвѣ. Сильной поддержкой его явился любимецъ царевны князь *В. В. Голицынъ*, другъ иностранцевъ католиковъ и покровитель іезуитовъ. Послѣдніе ловко съумѣли пробраться въ Москву съ австрійскимъ посольствомъ подъ видомъ посольскихъ и торговыхъ людей, пріобрѣли себѣ въ Нѣмецкой слободѣ домъ, завели въ немъ латинское богослуженіе и школу и занялись дѣятельной пропагандой. Современные споры изъ-за латинскихъ мнѣній были имъ на руку, и они тайно, но всѣмъ своимъ вліяніемъ принялись поддерживать учениковъ Полоцкаго.

Во главѣ послѣднихъ стоялъ строитель Заиконоспасскаго монастыря *Сильвестръ Медвѣдевъ*, мужъ, по отзыву современниковъ, великаго ума и остроты, такой же придворный монахъ, какъ и его учитель, опиравшійся на силу главныхъ временщиковъ при Софіи, Голицына и Шакловитаго, близкій и къ самой царевнѣ. Онъ зналъ польскій и латинскій языки и былъ человѣкомъ многосвѣдущимъ еще до знакомства съ Полоцкимъ, когда былъ подъячимъ въ Курскѣ и затѣмъ монахомъ въ Путивлѣ—пограничныхъ тогда мѣстахъ съ Польшей, но довершилъ свое образованіе по прибытіи въ Москву съ помощью Полоцкаго. По смерти своего учителя онъ былъ опредѣленъ на мѣсто послѣдняго въ строители Заиконоспасскаго монастыря по желанію са-

мого царя Ѳеодора. Памятникомъ его учености можетъ служить оставшійся послѣ него замѣчательный библіографическій трудъ: «Оглавленіе книгъ и кто ихъ сложилъ». По своей даровитости и краснорѣчію онъ стоялъ даже выше Полоцкаго и возбуждалъ еще большія опасенія въ средѣ ревнителей греческаго образованія, а назначеніе его строителемъ Заиконоспасскаго монастыря грозило полнымъ торжествомъ латинскаго образованія и на будущее время, потому что, въ качествѣ строителя этого монастыря, онъ естественно долженъ былъ сдѣлаться начальникомъ въ назначенной тамъ къ открытію будущей академіи. На первыхъ порахъ ему удалось оказать православной церкви видную услугу, которая пріобрѣла ему уваженіе многихъ лицъ. Когда мысль объ открытіи новой академіи огласилась, въ Москву стали съѣзжаться разные кандидаты на учительство въ этой будущей школѣ. Въ числѣ ихъ въ 1681 году изъ западной Россіи явился нѣкто *Янъ Бѣлободскій*, человѣкъ весьма своеобразныхъ убѣжденій, проповѣдовавшій какую-то смѣсь лютеранскихъ, кальвинскихъ и отчасти католическихъ идей и полное безразличіе всѣхъ церквей; его обличали въ томъ, что онъ, какъ Цыгане, въ какой странѣ живетъ, той страны и вѣру держитъ. Шаткость его убѣжденій первые замѣтили Медвѣдевъ и другой кандидатъ на учительство—*Павелъ Негребецкій*, они донесли объ его ересяхъ и оспорили его на соборѣ 1681 года. Опасный учитель былъ устраненъ. Но патріархъ и на самого Медвѣдева смотрѣлъ не лучше, чѣмъ на Бѣлободскаго. Какъ приверженецъ латинскаго образованія, Сильвестръ былъ, конечно, противникомъ всякихъ протестантскихъ идей, какихъ держался Бѣлободскій, но за то крѣпко стоялъ за латинскія мнѣнія своего учителя Полоцкаго и за латинскую ученость вообще.

Какъ прежде противъ Полоцкаго патріархъ Іоакимъ выставилъ Славеницкаго, такъ теперь противъ Медвѣдева онъ выставилъ ученика Славеницкаго чудовскаго инока *Евѳимія*, знатока греческаго языка, ученаго и безукоризненно православнаго труженика, бывшаго прежде сотрудникомъ Епифанія. Слухи объ усиленіи латинскаго вліянія въ Москвѣ дошли и до востока. Особенно къ сердцу принялъ ихъ извѣстный тогда ревнитель православія и греческаго образованія іерусалимскій патріархъ *Досиѳей*, который давно уже съ неудовольствіемъ слѣдилъ за усиленіемъ латинскаго образованія въ Кіевѣ и теперь былъ сильно обезпокоенъ переходомъ его въ Москву. Онъ посылалъ въ

Москву посланія, въ которыхъ старался выяснить все превосходство греческаго образованія предъ латинскимъ, и разныя руководительныя книги для опроверженія латинскихъ заблужденій. Евѳимій занимался переводомъ этихъ книгъ и былъ вообще правой рукой патріарха во всѣхъ письменныхъ работахъ противъ латинскихъ соблазновъ. Но онъ былъ еще болѣе кабинетнымъ человѣкомъ, чѣмъ его учитель, и далеко уступалъ своему противнику въ практическомъ отношеніи. Пока онъ только писалъ, Сильвестръ спѣшилъ поскорѣе дѣйствовать. Еще въ 1682 г. при царѣ Ѳеодорѣ была заготовлена грамата объ открытіи и привилегіяхъ академіи, но, за смертью царя и за послѣдовавшими послѣ того смутами, до сихъ поръ еще не была утверждена. Въ январѣ 1685 г. Сильвестръ представилъ ее чрезъ Шакловитаго царевнѣ Софьѣ. Грамата была утверждена, и онъ уже несомнѣнно могъ разсчитывать, что вскорѣ будетъ сдѣланъ начальникомъ новой академіи и что успѣхъ его въ борьбѣ съ патріархомъ и Евѳиміемъ вполнѣ обезпеченъ. Но тутъ случилось обстоятельство, разрушившее всѣ его разсчеты; въ мартѣ того же года на помощь греческому образованію прибыли въ Москву ученые братья Лихуды, соперники опасные для его ученаго авторитета гораздо болѣе, чѣмъ инокъ Евѳимій.

Братья Лихуды.—Іеромонахи *Іоанникій и Софроній Лихуды* были родомъ съ Кефалоніи, княжескаго происхожденія. учились первоначально въ самой Греціи, потомъ на западѣ—въ Венеціи и Падуѣ и до вызова въ Россію проходили въ разныхъ мѣстахъ Греціи должности учителей и проповѣдниковъ. Въ Россію они были вызваны еще при царѣ Ѳеодорѣ, по рекомендаціи патріарха Досиѳея, для учительства въ академіи и въ противовѣсъ латинской учености кіевскихъ учителей. Борьба ихъ съ латинянами началась еще на дорогѣ въ Москву, въ Венгріи и Польшѣ, гдѣ они должны были выдержать нѣсколько диспутовъ съ іезуитскими учеными. Къ величайшему неудовольствію Сильвестра, по прибытіи въ Москву, они вскорѣ были поселены въ его собственномъ Спасскомъ монастырѣ и немедленно вступили съ нимъ въ борьбу. Споръ о времени пресуществленія святыхъ Даровъ,—главный предметъ тогдашней борьбы двухъ просвѣтительныхъ направленій, съ пріѣздомъ Лихудовъ получилъ самый острый характеръ, проникъ въ народъ и слышался повсюду, и въ домахъ, и на улицахъ. Латинскія убѣжденія Сильвестра касательно этого вопроса выражены были въ его сочиненіи: «Хлѣбъ

животный». Евѳимій написалъ противъ него: «Посланіе на подвергъ латинскаго мудрованія». Сильвестръ отвѣчалъ новымъ обширнымъ и горячимъ сочиненіемъ: «Манна хлѣба животнаго», въ которомъ сильно задѣвалъ самое православіе Лихудовъ (1687 г.). Лихуды съ своей стороны написали въ защиту православнаго ученія объ евхаристіи «Акосъ или врачеваніе отъ угрызеній зміевыхъ». Сильвестръ не уступалъ имъ и въ 1688 г. сочинилъ «Извѣстіе истинное о новомъ правленіи книгъ древнихъ и о нововыѣзжихъ иноземцѣхъ и о неправомъ ихъ о пресуществленіи писаніи», а кто-то изъ его партіи, если не онъ же самъ, распространилъ бранчивыя тетради «на новопотаенныхъ волковъ».—т. е. Лихудовъ. На этотъ разъ за Лихудовъ вступился Евѳимій и написалъ такое же бранчивое сочиненіе: «Показаніе истины на псонеистовое бреханіе». Церковная власть поддерживала, конечно, сторону Лихудовъ и Евѳимія. Постоянныя въ этой полемикѣ указанія на кіевскія книги, возбуждая сильное подозрѣніе относительно кіевскаго православія, заставили патріарха Іоакима привлечь къ дѣлу и малороссійскую іерархію и потребовать отъ нея опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о времени пресуществленія святыхъ даровъ. Въ Кіевѣ этимъ запросомъ видимо стѣснились, долго отмалчивались, но въ концѣ концовъ все-таки прислали отвѣты въ православномъ духѣ. Дѣло Сильвестра было теперь окончательно проиграно. Полное торжество православія надъ латинскимъ вліяніемъ въ Москвѣ послѣдовало однако не ранѣе государственнаго переворота, свергнувшаго владычество Софіи. Въ октябрѣ 1689 года Медвѣдевъ былъ осужденъ, разстриженъ и за участіе въ дѣлѣ Софіи и Шакловитаго приговоренъ къ смертной казни, но на время розыска объ этомъ дѣлѣ былъ отправленъ пока въ Троицкій монастырь; въ февралѣ 1691 г. онъ сложилъ свою голову на плахѣ.

Въ томъ же 1689 году патріархъ добрался и до іезуитовъ съ ихъ интригами и пропагандой въ Москвѣ; по его настоянію они были изгнаны изъ Россіи, и католикамъ иноземцамъ для совершенія богослуженія дозволено было держать при себѣ только ксёндзовъ плебановъ, но отнюдь не іезуитовъ. Пользуясь обнаруженіемъ въ послѣднее время иновѣрныхъ интригъ и пропаганды, Іоакимъ успѣлъ чувствительно задѣть даже любезныхъ молодому царю протестантовъ нѣмецкой слободы, гдѣ въ это время обнаружилось особенное религіозное движеніе. Тамъ явился одинъ изступленный проповѣдникъ мистикъ *Квиринъ*

Кульманъ, который величалъ себя княземъ Бога Израилева, сыномъ Сына Божія, пришедшимъ для возстановленія истиннаго христіанства и открытія 1000-лѣтняго царства Божія на землѣ, а ученіе свое—новымъ Апокалипсисомъ. Пропаганда его была не опасна,—Нѣмцы сами выдали его правительству, и онъ былъ сожженъ. Но патріархъ воспользовался этой пропагандой, какъ и пропагандой іезуитовъ, для того, чтобы исходатайствовать у правительства упомянутый указъ, стѣснявшій въѣздъ иностранцевъ въ Россію.

Осужденіе хлѣбопоклонничѐской ереси на соборѣ 1690 года и высылка кіевскихъ ученыхъ изъ Москвы. Въ 1690 году къ описанной борьбѣ двухъ направленій русскаго образованія подведенъ былъ окончательный итогъ. Евѳимій написалъ книгу «Остенъ», въ которой была разсказана вся исторія недавнихъ споровъ и опровергнуты и ученіе латинянъ, и ошибки Полоцкаго, Медвѣдева и юго-западныхъ книгъ. Братья Лихуды дали полное опроверженіе католичества въ книгѣ «Мечецъ Духовный или Діалоги Грека учителя къ нѣкоему іисуиту». Патріархъ съ своей стороны созвалъ въ Москвѣ соборъ, на которомъ хлѣбопоклонническая ересь была предана проклятію и изречено осужденіе на многія малороссійскія книги, замѣченныя въ уклоненіяхъ къ латинству: Большой Требникъ, Служебникъ и Лиѳосъ Петра Могилы, Ключъ разумѣнія и Мессія праведный Голятовскаго, Мечъ и Трубы словесъ Лазаря Барановича, Огородокъ Радивиловскаго, Евангеліе и Перло многоцѣнное К. Транквилліона, Выкладъ о церкви и таинствахъ Ѳеодосія Сафоновича и друг. Соборъ этотъ былъ послѣднимъ дѣяніемъ Іоакима въ пользу православія; вскорѣ послѣ него патріархъ скончался. Преемникъ его оказался еще болѣе строгимъ къ латинству. Кіевскіе ученые были высылаемы или сами спѣшили убираться изъ Москвы. Кіевское вліяніе было устранено, но зато Москва лишилась послѣ этого самаго главнаго источника своего духовнаго просвѣщенія. Дѣятелями духовнаго просвѣщенія у нея остались теперь только братья Лихуды, преподававшіе науки въ новой академіи, но реакція противъ латинства, все разрастаясь, скоро добралась и до нихъ.

Начало московской академіи и состояніе ея при Лихудахъ. Ученіе въ академіи открылось немедленно послѣ пріѣзда Лихудовъ, даже раньше постройки зданій ака-

деміи, въ кельяхъ монастыря Богоявленскаго. Сильвестръ не даромъ добивался должности начальника академіи,—по учредительной граматѣ 1682 года, она облекалась громадными правами и привиллегіями. Въ ней предположено было преподавать и духовныя и свѣтскія науки,—грамматику, піитику, риторику, діалектику, философію и богословіе, и языки славянскій, греческій, польскій и латинскій, для людей всякаго чина и возраста. Царь предоставлялъ въ ея пользу свою библіотеку, вотчины 8 монастырей, одну дворцовую волость и 10 пустошей; право суда надъ ея людьми предоставлялъ ея блюстителю вмѣстѣ съ учителями; учителямъ обѣщалъ пенсіи, а ученикамъ лучшія мѣста на службѣ. Блюстителемъ и учителями положено назначать только Русскихъ или Грековъ, испытанныхъ въ православіи и дававшихъ клятву быть ему вѣрными; учителей изъ Литвы и Малороссіи дозволялось принимать только по свидѣтельству объ нихъ достовѣрныхъ людей, потому что эти прелестники, сказано въ граматѣ, сначала притворяются православными, а потомъ развратныя словеса всѣваютъ и цѣлость вѣры нашея терзать начинаютъ. Академія назначалась быть блюстительницею православія во всей Россіи. Никто не долженъ былъ держать у себя учителей иностранныхъ языковъ, а долженъ былъ для обученія языкамъ отдавать своихъ дѣтей въ академію. Она обязывалась смотрѣть и за тѣмъ, чтобы въ Россіи не было иновѣрной пропаганды, за новообращенными, тверды ли они въ вѣрѣ, и за всѣми вообще людьми духовнаго и мірского чина, не держитъ ли кто у себя запрещенныхъ книгъ, не вступаетъ ли въ состязанія о вѣрѣ. Ей предоставлялся и судъ по религіознымъ преступленіямъ: по суду ея, запрещенныя книги должны были подвергаться сожженію; нетвердыхъ въ вѣрѣ она могла подвергать ссылкѣ, а иновѣрцевъ, виновныхъ въ хулѣ на православную вѣру, и русскихъ отступниковъ даже смертной казни чрезъ сожженіе. Послѣднія грозныя полномочія академіи не были впрочемъ осуществлены на практикѣ и ей досталось одно болѣе скромное, просвѣтительное значеніе.

Полные курсы Лихудовъ начались въ 1686 году по отстройкѣ зданій академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, при чемъ въ нее переведены были и ученики типографской школы. Въ три года учители успѣли пройти цѣлый курсъ, состоявшій изъ грамматики, піитики, риторики, логики и физики частію на греческомъ, частію на латинскомъ языкахъ. Учени-

ки ихъ говорили на обоихъ языкахъ и перевели нѣсколько книгъ, а старшіе изъ нихъ начинали и сами заниматься обученіемъ начинающихъ. Въ 1688 году Іоанникій ѣздилъ съ русскимъ посольствомъ въ Венецію, гдѣ пробылъ болѣе трехъ лѣтъ; поэтому второй курсъ Софроній велъ одинъ и довелъ его къ возвращенію брата тоже до физики. На этомъ и застигла ихъ добравшаяся до нихъ реакція. Въ преподаваніи своемъ они старались избѣгать всякихъ слѣдовъ своего западнаго образованія,— и схоластическаго метода, и господства латыни,—вмѣсто Аристотеля, на первый планъ выдвигали Священное Писаніе и отцовъ церкви, вмѣсто латыни—греческій языкъ, схоластическаго богословія вовсе не преподавали. Въ Москвѣ ими были довольны; до поры до времени доволенъ былъ и ихъ восточный патронъ, патріархъ Досиѳей,—въ 1692 году онъ прислалъ имъ даже свою похвальную грамату, но потомъ вдругъ сталъ дѣйствовать противъ нихъ, будучи возбужденъ къ тому навѣтами на нихъ разныхъ завистливыхъ Грековъ. Въ 1693 году патріархъ отправилъ въ Москву три посланія,—къ царямъ, патріарху Адріану и къ самимъ Лихудамъ, въ которыхъ рѣшительно требовалъ, чтобы латынь была вовсе изгнана изъ академическаго курса, Лихудовъ укорялъ за то, что они не занимались будто бы своимъ дѣломъ, а забавлялись около физики да философіи, называлъ ихъ не Лихудами, а Ликудіями (отъ λύκος волкъ), грозилъ даже отлученіемъ. Въ угоду ему ученыхъ братьевъ отставили отъ академіи и назначили преподавать при типографіи итальянскій языкъ. Но Досиѳей былъ недоволенъ и этимъ,—требовалъ, чтобы ихъ вовсе выгнали изъ Москвы, обвинялъ ихъ въ гордости, въ самозванномъ присвоеніи княжескаго титула и даже въ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Послѣ этого въ 1701 г. ихъ удалили въ Ипатьевскій монастырь.

Быстрый упадокъ академіи послѣ высылки Лихудовъ. Мѣсто ихъ въ академіи заняли ихъ ученики, не имѣвшіе уже ни такого образованія, ни такого авторитета, какъ они. Академическій курсъ сократился; латынь была совершенно изъ него изгнана. Патріарху Адріану было не до академіи; все вниманіе его было обращено на истребленіе латинскихъ и протестантскихъ ересей; въ посланіяхъ и поученіяхъ своихъ онъ горько жаловался, что многіе изъ Москвитянъ, и знатные и простые, отъ злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ и отъ пипокъ табацкихъ обьюродѣли, стали критико-

вать ученіе и установленія церкви, вопрошая: сіе чесо ради? И сіе откуда взято? И сіе кто предаде? Въ видахъ противодѣйствія западнымъ ересямъ инокъ Евѳимій, по его порученіямъ, неутомимо занимался переводами греческихъ книгъ Максима Пелопенезскаго, Мелетія Сирига, Нила .Солунскаго и другихъ, какія присылались съ востока, преимущественно чрезъ патріарха Досиѳея; въ 1696 году трудами его было издано на славянскомъ языкѣ Православное исповѣданіе Петра Могилы. Тогда же трудами Аѳанасія холмогорскаго былъ приготовленъ къ изданію (но не изданъ) огромный сборникъ историческихъ извѣстій и статей, касавшихся полемики послѣдняго времени, подъ названіемъ «Щитъ вѣры». Къ несчастію для русскаго образованія, въ послѣднее время все чаще и чаще встрѣчались случаи, усиливавшіе подозрительность къ западнымъ ученымъ. При Адріанѣ попался въ отступничествѣ одинъ московскій дьяконъ *Петръ Артемьевъ*, который ѣздилъ учиться въ Италію и по возвращеніи оттуда началъ съ увлеченіемъ проповѣдывать латинство. Въ 1698 году онъ былъ разстриженъ и сосланъ на Соловки. Изъ допросовъ ему узнали, какъ русскіе ученые должны были на западѣ отрекаться отъ православія и какъ іезуитское воспитаніе пріучало ихъ ко лжи, скрывательству своихъ убѣжденій и ложнымъ клятвамъ. Отъ этого въ Москвѣ перестали вѣрить заграничнымъ воспитанникамъ даже въ томъ случаѣ, когда они съ клятвою отрекались отъ латинства и просили присоединенія къ церкви. Въ то время, какъ производилось дѣло объ Артемьевѣ, пріѣхалъ другой ученый, учившійся въ Римѣ, *Георгій Скибинскій;* не смотря на всю искренность его покаянія, его не только не приняли въ академію на учительство, но обязали не давать въ Москвѣ даже частныхъ уроковъ. А между тѣмъ въ академіи былъ сильный недостатокъ въ учителяхъ. Да она и сама была теперь совсѣмъ заброшена; зданія ея не ремонтировались, такъ что въ нихъ потолки и печи обвалились и учиться было негдѣ. Въ 1697 г. царь Петръ въ одной бесѣдѣ съ патріархомъ выразилъ большое недовольство такимъ безпризорнымъ ея положеніемъ и указалъ на необходимость опять вызвать въ нее кіевскихъ ученыхъ. Въ 1700 г. патріархъ долженъ былъ сдѣлать ея блюстителемъ одного изъ такихъ же заграничныхъ выходцевъ, какимъ онъ только лишь недавно запрещалъ даже частные уроки, іеромонаха *Палладія Роговскаго*. Палладій этотъ былъ еще изъ Лихудовскихъ учениковъ, но довершилъ свое образованіе за-границей,

гдѣ учился въ католическихъ коллегіяхъ и гдѣ, конечно, долженъ былъ, какъ и всѣ подобные ему ученики, отречься на время отъ православія; въ Римѣ онъ получилъ степень доктора богословія и философіи. Но и этотъ ученый не смогъ уже поднять академіи тѣмъ болѣе что вступилъ въ свою должность совсѣмъ утомленнымъ и больнымъ; скоро онъ умеръ († 1703 г.), какъ разъ въ то время, когда кіевскіе ученые стали снова усиливаться въ Москвѣ и ихъ латинское образованіе готовилось сдѣлаться господствующимъ въ академіи.

ПЕРІОДЪ V.

Сунодальный.

ГЛАВА I.

Церковное управленіе.

Переходное время; мѣстоблюстительство патріаршаго престола.—Послѣ кончины патріарха Адріана управленіе русской церковью, какъ и прежде во времена междупатріаршествъ, поручено было мѣстоблюстителю патріаршаго престола съ соборомъ находившихся въ Москвѣ архіереевъ. Пользуясь отсутствіемъ патріарха, молодой царь Петръ прежде всего поспѣшилъ осуществить еще раньше предпринятыя имъ мѣры къ ограниченію судебнаго вѣдомства церкви чрезъ отдѣленіе отъ него упомянутыхъ гражданскихъ дѣлъ по брачнымъ рядным и сговорнымъ записямъ и по духовнымъ завѣщаніямъ. Кромѣ того, въ 1701 г. онъ распорядился снова возстановить монастырскій приказъ съ предоставленіемъ ему, кромѣ прежнихъ судебныхъ полномочій, еще новыхъ, болѣе важныхъ полномочій по управленію церковными имѣніями. У Петра очень рано выработался на эти имѣнія крайне утилитарный государственный взглядъ. Онъ называлъ ихъ «тунегиблемыми» для государства, служащими для поддержанія одной только роскоши духовныхъ властей, и еще въ 1690 годахъ собирался извлечь изъ нихъ какъ можно больше государственной и общественной пользы. Распоряженія его по этой части начались съ усиленія надъ церковно-вотчинною

экономіей прежняго государственнаго контроля чрезъ приказъ большого дворца и съ запрещенія духовнымъ властямъ всякихъ дорогихъ построекъ, заведенія дорогихъ облаченій и другихъ расходовъ на излишнюю роскошь; потомъ по смерти патріарха онъ порѣшилъ отнять у духовенства самое управленіе вотчинами, передавъ его монастырскому приказу. Послѣдній долженъ былъ управлять этими вотчинами и всѣми съ нихъ сборами и нарядами чрезъ своихъ собственныхъ свѣтскихъ управителей. Изъ вотчинныхъ доходовъ, поступавшихъ въ приказъ, на содержаніе духовныхъ властей и церковныхъ учрежденій назначено было выдавать только опредѣленные штатные оклады, затѣмъ всѣ остальныя суммы должны были расходоваться приказомъ на удовлетвореніе разныхъ общественныхъ и государственныхъ нуждъ, на военныя надобности, на жалованье разнымъ чинамъ, на госпитали, богадѣльни, школы и проч. Такимъ образомъ церковное вѣдомство было урѣзано и по судебнымъ своимъ полномочіямъ, и по своему хозяйственному управленію. Чтобы дать время окрѣпнуть такимъ важнымъ перемѣнамъ, торопиться назначеніемъ новаго патріарха было незачѣмъ, и время междупатріаршества продолжилось на цѣлыя 20 лѣтъ, а между тѣмъ въ головѣ царя успѣла за это время созрѣть новая мысль о коренномъ преобразованіи всего строя высшаго церковнаго управленія на соборныхъ началахъ, безъ патріаршества.

Въ мѣстоблюстители патріаршаго престола былъ избранъ царемъ рязанскій митрополитъ *Стефанъ Яворскій*, первый великорусскій архіерей при Петрѣ изъ малороссійскихъ ученыхъ, которыхъ царь съ этого времени началъ одного за другимъ возвышать на іерархическіе посты предпочтительно предъ великорусскими кандидатами. Стефанъ происходилъ изъ православнаго шляхетскаго семейства въ Галиціи, родился въ 1658 г., учился въ Кіевской академіи и въ заграничныхъ іезуитскихъ школахъ во Львовѣ и Познани, по возвращеніи изъ-за границы въ Кіевѣ постригся въ монашество и поступилъ на службу въ родную академію. Въ 1700 г. кіевскій митрополитъ *Варлаамъ Ясинскій* отправилъ его въ Москву для посвященія себѣ въ викаріи, но царь, замѣтивъ проповѣдническій талантъ Стефана, пожелалъ имѣть его ближе къ Москвѣ и указалъ поставить его прямо митрополитомъ въ Рязань. Пришельца встрѣтили въ Москвѣ весьма непріязненно, обзывали Полякомъ, обливанцемъ, латынникомъ, но Петръ, сильно нуждавшійся въ образованныхъ людяхъ среди

духовенства, поддержалъ его и вскорѣ назначилъ даже мѣстоблюстителемъ. Такимъ быстрымъ возвышеніемъ Стефана встревожились не только въ Москвѣ, но и на востокѣ. Думая, что царь чрезъ мѣстоблюстительство готовитъ его въ патріархи, извѣстный ревнитель православія патріархъ іерусалимскій *Досиѳей* въ 1702 г. прислалъ Петру посланіе съ настойчивымъ увѣщаніемъ не ставить на высшіе іерархическіе посты ни Грековъ, ни Черкасъ (Малороссовъ), какъ людей подозрительныхъ по чистотѣ вѣры, а ставить однихъ только православныхъ Москвитянъ, «аще и не мудріи суть». Въ 1703 г. онъ прислалъ посланіе и къ Стефану, въ которомъ сурово укорялъ его за латинское направленіе и предупреждалъ, что на востокѣ не потерпятъ, если онъ сдѣлается патріархомъ.

Отношенія Петра къ великорусскому духовенству; святитель Митрофанъ и другіе іерархи Великоруссы.—Патріархъ Досиѳей указывалъ на кандидатовъ для патріаршества изъ природныхъ Москвитянъ. Въ Россіи тоже рекомендовали въ патріархи Великорусса,—архіепископа холмогорскаго *Аѳанасія*. Царь хорошо зналъ достоинства этого образованнаго и ласковаго къ иностранцамъ святителя, лично познакомившись съ нимъ во время своихъ поѣздокъ къ Бѣлому морю, но всетаки предпочелъ ему Стефана, въ которомъ видѣлъ представителя настоящей западной науки, а не простого, хотя бы и многосвѣдущаго начетчика писаній, какими были тогда всѣ московскіе ученые. Великорусскіе архіереи болѣе или менѣе были всѣ противъ западныхъ новшествъ и западнаго образованія и этимъ не нравились Петру. Во время строенія въ Воронежѣ кораблей онъ близко сошелся съ благочестивымъ воронежскимъ святителемъ *Митрофаномъ*. Этотъ святитель былъ человѣкъ заслуженный, первый устроитель своей, недавно (въ 1682 г.) открытой епархіи, борецъ противъ раскола и разныхъ нравственныхъ нестроеній дикаго тогда Воронежскаго края. Своимъ здравымъ и прямымъ умомъ онъ хорошо понималъ и цѣнилъ стремленія молодого царя, прославлялъ его за намѣреніе завести флотъ и за войну съ Турками, пожертвовалъ ему всѣ сбереженія отъ доходовъ своего архіерейскаго дома и потомъ ежегодно отсылалъ ему всѣ вновь накоплявшіяся домовыя деньги, по 3—4 тысячи въ годъ, съ надписью: «на ратныхъ». Но и этотъ уважаемый царемъ святитель не ободрялъ его приверженности къ западнымъ новшествамъ. Извѣстенъ разсказъ, какъ однажды онъ

не пошелъ въ домъ, занимаемый царемъ, потому что при входѣ были поставлены статуи языческихъ боговъ, и узнавъ, что царь страшно за это разгнѣвался, сталъ даже готовиться къ смерти; Петръ уступилъ его благочестивой ревности и велѣлъ убрать статуи. Святитель скончался въ 1703 г. Петръ самъ закрылъ ему глаза, самъ несъ до могилы его гробъ и сказалъ послѣ его погребенія: «Не осталось у меня другого такого святого старца». Кромѣ святителя Митрофана, царь получалъ пожертвованія еще отъ митрополита *Тихона* казанскаго и митрополита *Іова* новгородскаго. Послѣдняго за его благотворительность къ бѣднымъ и сирымъ онъ ставилъ въ примѣръ другимъ архіереямъ; на средства своего архіерейскаго дома Іовъ завелъ у себя 10 странноприимницъ, 15 больницъ и домъ для подкидышей; кромѣ того, онъ былъ замѣчательнымъ покровителемъ просвѣщенія въ своей епархіи, но просвѣщенія древняго, еллинославянскаго; на нѣмецкую, даже кіевскую латинскую науку и онъ смотрѣлъ неблагопріятно. А нѣкоторые архіереи Великоруссы относились къ реформамъ Петра даже прямо враждебно. Въ 1700 г. *Игнатій* тамбовскій былъ лишенъ сана за то, что выражалъ сочувствіе нѣкоему книгописцу *Григорію Талицкому* и со слезами читалъ его фанатическія тетради, въ которыхъ доказывалось, что Петръ антихристъ. Въ 1707 г. былъ сосланъ въ Кирилловъ монастырь митрополитъ *Исаія* нижегородскій, выразившій рѣзкій протестъ противъ сборовъ съ его епархіи въ монастырскій приказъ.

Отношенія Петра къ Стефану.—Митрополитъ Стефанъ сначала ревностно содѣйствовалъ Петру, восхваляя его дѣла въ своихъ предикахъ; но потомъ сталъ тоже понемногу съ нимъ расходиться. Оказалось, что, хотя онъ и былъ человѣкомъ европейски образованнымъ, но образованіе его было далеко не въ духѣ Петра. Государственныя понятія царя объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ и его религіозные взгляды, наприм., на обрядовую сторону вѣры, носили довольно замѣтный протестантскій оттѣнокъ, явившійся вслѣдствіе ранняго и близкаго знакомства его съ Нѣмцами, тогда какъ всѣ эти кіевскіе ученые, къ поколѣнію которыхъ принадлежалъ Стефанъ, воспитавшіеся на католическихъ системахъ богословія, были жаркими поборниками и высокаго церковнаго авторитета, и церковныхъ преданій, и всего, что протестантство старалось поколебать въ жизни церкви. Мѣстоблюститель, между прочимъ, вмѣстѣ съ великорус-

скими іерархами, считалъ необходимымъ для управленія церкви патріаршество, къ чему, кромѣ его церковныхъ убѣжденій, побуждалъ его навѣрное и личный интересъ, потому что кому же ближе всего было расчитывать на патріаршество, какъ не ему,— мѣстоблюстителю и ученѣйшему изъ всѣхъ архіереевъ? Съ теченіемъ времени онъ видимо началъ скучать въ ожиданіи патріаршаго сана и, при всей своей осторожности, дозволялъ себѣ недовольныя рѣчи касательно распоряженій и личности Петра. Было, наприм., извѣстно, что онъ былъ недоволенъ вторымъ бракомъ царя (съ Екатериной) отъ живой жены и нѣсколько свободнымъ отношеніемъ его къ обрядамъ, напримѣръ тѣмъ, что царь со всѣмъ своимъ войскомъ не соблюдалъ постовъ, хотя Петръ и постарался въ этомъ случаѣ оградиться разрѣшительной граматой отъ константинопольскаго патріарха. Всѣ недовольные царемъ естественно обращали свои взоры на наслѣдника, царевича *Алексѣя*, воспитавшагося въ старинномъ духѣ; въ эту же сторону сталъ поворачиваться и Яворскій. Въ 1712 г. въ день тезоименитства царевича онъ говорилъ предику и не утерпѣлъ, чтобы не высказать въ ней нѣсколько прозрачныхъ намековъ,—царевича назвалъ «единою надеждою Россіи» и пустился въ обличенія противъ оставляющихъ своихъ женъ, не хранящихъ постовъ и обидящихъ церковь Божію. Петръ разсердился и на время даже запретилъ ему говорить проповѣди. Но только лишь это дѣло успѣло замяться, какъ Стефанъ снова столкнулся съ царемъ, выступивъ, противъ его желанія, въ шумную борьбу съ усилившимися въ Москвѣ протестантскими соблазнами.

Борьба Стефана противъ увлеченій протестантствомъ; дѣло Тверитинова и Камень Вѣры. Съ самаго начала XVIII столѣтія въ Москвѣ образовался кружокъ вольнодумцевъ, тронутыхъ протестантскимъ духомъ. Они отвергали почитаніе святыхъ и мощей, чудеса, пророчества, авторитетъ церкви со всею ея іерархіею, соборами, преданіями и ученіемъ святыхъ отецъ, не признавали таинствъ, поминовенія усопшихъ, почитанія иконъ, монашества и всей обрядовой стороны религіи. Во главѣ этого кружка стоялъ лекарь *Дмитрій Тверитиновъ*, учившійся въ Нѣмецкой слободѣ и заразившійся тамъ протестантскими идеями. Эти идеи онъ усвоилъ впрочемъ не цѣликомъ, а въ перемежку съ своими собственными домыслами; онъ, наприм., не принялъ самаго основного догмата протестантства объ оправданіи человѣка одною вѣрою

безъ дѣлъ закона, а доказывалъ напротивъ, что человѣкъ только и можетъ спастись своими дѣлами и заслугами, безъ которыхъ его не могутъ спасти никакіе посредники и ходатаи. Самымъ рьянымъ его послѣдователемъ былъ его родственникъ, цирульникъ *Ѳома Ивановъ*. Новая московская ересь до своего обнаруженія свободно распространялась около 14 лѣтъ и успѣла найти себѣ много послѣдователей изъ разныхъ классовъ общества, проникла даже въ московскую академію. Въ 1713 г. первымъ попался въ ней своему начальству одинъ изъ учениковъ академіи *Максимовъ*, а черезъ него духовная власть добралась и до другихъ еретиковъ. Митрополитъ Стефанъ немедленно пустилъ дѣло въ розыскъ и повелъ его гласно, на всю Москву. Петръ былъ очень этимъ недоволенъ, потому что такое шумное дѣло могло подѣйствовать непріятно на жившихъ въ Россіи иностранцевъ, да на многихъ и русскихъ дѣятелей реформы, тоже не совсѣмъ чуждыхъ Тверитиновскихъ замашекъ, могло, кромѣ того, усиливать и безъ того уже сильное недовольство нѣмецкими новшествами въ народѣ. Онъ распорядился поскорѣе взять это дѣло изъ рукъ Стефана, переведя разслѣдованіе изъ Москвы въ Петербургъ. Здѣсь, по желанію царя, оно кончилось быстро и легко для еретиковъ;—удовольствовавшись однимъ только отреченіемъ ихъ отъ своихъ мнѣній, петербургскій судъ препроводилъ ихъ обратно въ Москву съ распоряженіемъ немедленно присоединить ихъ къ церкви и затѣмъ все дѣло потушить. Но Стефанъ этимъ не удовольствовался, а разослалъ присланныхъ еретиковъ по монастырямъ и принялся собирать противъ нихъ новыя улики. На бѣду самый фанатичный изъ нихъ Ѳома Ивановъ, содержавшійся въ Чудовомъ монастырѣ, дерзнулъ на возмутительную выходку, всего болѣе имъ повредившую: придя однажды въ церковь, онъ бросился съ косаремъ на рѣзной образъ чудотворца Алексія и изрубилъ его. Послѣ этого московскій соборъ 1714 г. предалъ всѣхъ еретиковъ проклятію. Они отданы были на церковное покаяніе, а Ѳома сожженъ на кострѣ. Царь былъ такъ раздраженъ этимъ дѣломъ, что сдѣлалъ Стефану тяжкій выговоръ черезъ Сенатъ. По поводу ереси Стефанъ написалъ большое сочиненіе противъ протестантства—«Камень Вѣры»; сочиненіе это не было пущено въ печать.

Особенно дурно отозвались на положеніи Стефана, да и всей вообще іерархіи два политическихъ дѣла 1718 года,—*дѣло царевича Алексѣя и дѣло* его матери, бывшей *царицы Евдокіи*

Лопухиной. Въ нихъ замѣшано было нѣсколько видныхъ лицъ изъ духовенства. Дознано было, что духовникъ царевича *Яковъ Игнатьевъ* былъ злѣйшимъ врагомъ Петра, внушалъ Алексѣю ненависть ко всѣмъ дѣламъ и къ самой личности его отца, однажды на исповѣди, когда Алексѣй со страхомъ признался ему, что желаетъ отцу своему смерти, успокоилъ его, говоря: «мы всѣ желаемъ ему смерти»; что духовникъ царицы Евдокіи *Ѳедоръ Пустынный*, ростовскій архіерей *Досиѳей* и юродивый *Михайло Босой* говорили ей о близкой смерти Петра и скоромъ возвращеніи ея на царство, подкрѣпляя свои увѣренія разными пророчествами и видѣніями; что царевичъ, бѣжавъ за границу, писалъ оттуда письма Досиѳею, крутицкому митрополиту *Игнатію Смолѣ* и кіевскому *Іоасафу Кроковскому;* что онъ болѣе всего надѣялся на духовенство и говорилъ своимъ приближеннымъ: «Когда будетъ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, а архіереи приходскимъ священникамъ, тогда меня и нехотя владѣтелемъ учинятъ». Былъ заподозрѣнъ въ связи съ царевичемъ и самъ Стефанъ, котораго партія царевича и самъ онъ считали своимъ и на котораго разсчитывали, что онъ сниметъ съ царевича угрожавшее ему постриженіе въ монашество. По окончаніи розысковъ Яковъ Игнатьевъ, Ѳедоръ Пустынный и Досиѳей были преданы смертной казни; Іоасафъ Кроковскій умеръ скропостижно еще раньше розыска на дорогѣ изъ Кіева въ Петербургъ; Игнатій Смола по старости былъ уволенъ на покой (уже въ 1721 г.) въ Нилову пустынь. Во все время розысковъ царь находился въ страшномъ раздраженіи, какъ во время стрѣлецкихъ казней, и высказывалъ крайне рѣзкіе отзывы о духовенствѣ. Въ томъ же 1718 году онъ наконецъ рѣшительно высказалъ мысль объ отмѣнѣ патріаршества и объ устройствѣ для церковнаго управленія духовной коллегіи, на подобіе учреждавшихся тогда государственныхъ коллегій. Яворскій уцѣлѣлъ во время розысковъ,—ему предназначалось даже мѣсто президента въ новой духовной коллегіи; но отношенія къ нему царя были уже окончательно испорчены,—президентомъ онъ долженъ былъ сдѣлаться только номинальнымъ. Петръ убѣдился, что не всѣ и Кіевляне могли ему сочувствовать, и сталъ приближать къ себѣ изъ нихъ новыхъ людей, болѣе соотвѣтствовавшихъ его видамъ.

Новые приближенные царя—Ѳеодосій и Ѳеофанъ.—Въ Новгородской епархіи Петръ замѣтилъ хутынскаго

архимандрита *Θеодосія Яновскаго*, родомъ изъ польской шляхты. Во время гоненія на Черкасъ при патріархѣ Адріанѣ онъ уѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ къ митрополиту Іову, который тогда собиралъ около себя ученыхъ людей для просвѣщенія своей епархіи; Іовъ принялъ его очень милостиво и сдѣлалъ его у себя однимъ изъ первенствующихъ архимандритовъ. Это былъ свѣтскій, развязный и весьма либеральный монахъ и понравился царю съ первой же встрѣчи. Въ 1712 году Петръ назначилъ его александроневскимъ архимандритомъ, правителемъ духовныхъ дѣлъ въ Петербургской области и своимъ довѣреннымъ человѣкомъ по духовной части. Царь не обращалъ вниманія ни на шаткость его религіозныхъ убѣжденій, ни на его свѣтскую жизнь, которая производила соблазнъ въ народѣ и духовенствѣ, видѣлъ въ немъ только умнаго человѣка, умѣвшаго приспособиться къ требованіямъ времени, борца противъ суевѣрій и раскола и удобнаго помощника въ церковныхъ реформахъ. Въ 1716 году митрополитъ Іовъ скончался, и на мѣсто его въ 1721 году царь указалъ посвятить Θеодосія.

Въ 1716 году былъ вызванъ въ Петербургъ другой, еще болѣе образованный монахъ изъ Кіева, *Θеофанъ Прокоповичъ*. Еще въ кіевской академіи онъ отличался необыкновенной даровитостью, любовью къ наукамъ, многознаніемъ и живостью характера. Изъ Кіева онъ отправился учиться за границу, гдѣ, отрекшись, конечно, отъ православія, учился во Львовѣ, Краковѣ и Римѣ. Іезуитское воспитаніе не только не увлекло его, какъ другихъ, на сторону латинства, но еще возбудило въ его душѣ полное отвращеніе и отъ схоластики, и отъ іезуитовъ, и отъ всей системы католичества. Въ 1704 г., воротясь въ Кіевъ и снова присоединившись къ православію, онъ поступилъ на службу въ академію и постепенно проходилъ въ ней должности учителя, префекта и ректора. Въ 1706 году царь, при посѣщеніи Кіева, въ первый разъ слышалъ его привѣтственное слово и замѣтилъ его. Въ 1709 году Прокоповичъ опять привѣтствовалъ Петра съ полтавской побѣдой; въ словѣ его были прославлены побѣды царя надъ Шведами, не забыта была и простр ѣленная въ бою шляпа Петра, вставлено ловкое сравненіе Полтавской битвы (въ день преподобнаго Сампсона 27 іюня) съ побѣдой Сампсона надъ львомъ (гербъ Швеціи). Петръ никогда еще не слыхивалъ такой живой и современной предики; карьера Θеофана была послѣ этого упрочена. Вызванный въ 1716 г. въ

Петербургъ, онъ постоянно говорилъ здѣсь проповѣди, въ которыхъ выяснялъ слушателямъ современныя событія и преобразовательные планы Петра, и вошелъ въ еще большее довѣріе у царя, чѣмъ Ѳеодосій. Понятно, что онъ сдѣлался послѣ этого первымъ кандидатомъ на архіерейство; но въ то же время своими рѣзкими обличеніями суевѣрій и обрядовой религіозности народа онъ возбудилъ противъ себя среди духовенства серьезныя подозрѣнія въ протестантствѣ; подозрѣнія эти раздѣляли и нѣкоторые кіевскіе ученые, и самъ мѣстоблюститель. Двое изъ этихъ ученыхъ, ректоръ московской академіи *Ѳеофилактъ Лопатинскій* (пріѣхавшій въ Москву еще въ 1704 году) и префектъ *Гедеонъ Вишневскій* (вызванный въ 1714 году), отыскали въ его кіевскихъ лекціяхъ протестантскія идеи и подали на него Стефану доносъ, а Стефанъ доложилъ объ этомъ доносѣ царю съ присовокупленіемъ собственнаго мнѣнія, что Ѳеофанъ не можетъ быть епископомъ. Петръ дозволилъ Прокоповичу самому оправдаться противъ обвиненій, и Ѳеофанъ такъ въ этомъ успѣлъ, что Стефанъ долженъ былъ просить у него извиненія. Въ 1718 году Ѳеофанъ былъ поставленъ епископомъ во Псковъ и сдѣлался правою рукою Петра во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Въ то время, какъ мѣстоблюститель вмѣстѣ съ великорусскими іерархами совѣтовалъ объ уничтоженіи патріаршества, Ѳеофанъ, по порученію царя, писалъ регламентъ для духовной коллегіи.

Составленіе Духовнаго Регламента закончено было къ 1720 году, послѣ чего онъ цѣлый годъ разсматривался сенатомъ, архіереями, архимандритами и самимъ государемъ. Онъ заключалъ въ себѣ изложеніе всѣхъ важнѣйшихъ пунктовъ церковной реформы, раздѣляясь на три части: 1) описаніе и вины синодальнаго управленія, 2) дѣла ему подлежащія и 3) самихъ управителей должность и сила. Характеръ его изложенія весь проникнутъ духомъ современной борьбы реформы съ противодѣйствовавшими ей явленіями и потому отличается крайне обличительнымъ направленіемъ, тенденціозностью и даже страстностью. О винахъ новой формы церковнаго управленія въ немъ говорится, что коллегіальное управленіе, въ сравненіи съ единоличнымъ, можетъ рѣшать дѣла скорѣе и безпристрастнѣе, менѣе боится сильныхъ персонъ и, какъ соборное, имѣетъ больше авторитета, съ другой стороны менѣе опасно для государства, ибо простые люди, не зная различія между духовной и самодержавной властью и удивляемые славой и честью патріарха,

считаютъ его вторымъ государемъ, самодержцу равносильнымъ или и больше его и, если случится между патріархомъ и царемъ разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ первому, мечтая, что побораютъ по самомъ Богѣ,—въ доказательство представлены указанія на византійскую исторію, на исторію папства и на подобные же «и у насъ бывшіе замахи»; президентъ же коллегіи не имѣетъ ни такой народъ удивляющей славы, ни силы, имѣя голосъ равный съ голосами другихъ членовъ; и въ случаѣ суда надъ нимъ не нужно обращаться за этимъ судомъ на сторону, такъ какъ онъ подлежитъ суду самой коллегіи. Возстаетъ Регламентъ и противъ другой народъ удивляющей славы, славы епископовъ, воспрещаетъ водить ихъ подъ руки, кланяться имъ въ землю и воздавать «лишнюю и—почитай—царскую честь», отнимаетъ у нихъ право церковной анаѳемы и предоставляетъ это право одной духовной коллегіи; дѣлаетъ колкую замѣтку и противъ архіерейскихъ слугъ, злоупотребляющихъ своей властью при владыкѣ для лакомства и наживы. Особенно горячо говорится въ Регламентѣ о расколахъ и суевѣріяхъ, съ которыми реформѣ приходилось считаться всего болѣе. Синоду вмѣняется въ обязанность подвергать строгому изслѣдованію акаѳисты и службы святымъ, чудотворныя иконы, мощи и друг. святыни, «много бо о семъ наплутано», всякія чудеса и пророчества, воспретить почитаніе 12 пятницъ, обычай «людемъ, далече отстоящимъ, молитвы чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать» и другіе суевѣрные обычаи. Большіе отдѣлы посвящены распоряженіямъ объ усиленіи въ народѣ и духовенствѣ религіознаго образованія,—объ изданіи для народа катихизическихъ книжекъ, о заведеніи при архіерейскихъ домахъ духовныхъ школъ, объ усиленіи церковной проповѣди; сатира проникаетъ и въ эти положительные отдѣлы Регламента;—здѣсь напримѣръ встрѣчаемъ обличительныя характеристики невѣжественнаго и упрямаго великорусскаго начетчика и гордаго кіевскаго школяра, изучившаго риторику и вообразившаго, что уже все позналъ, и каррикатурный портретъ южно-русскаго проповѣдника, подражателя польскихъ казнодѣевъ. Въ 1722 году вышло въ такомъ же родѣ Прибавленіе къ Регламенту, содержавшее правила относительно бѣлаго духовенства и монашества.

Открытіе Святѣйшаго Синода и его составъ.—14 февраля 1721 года послѣдовало торжественное открытіе духовной коллегіи подъ именемъ Святѣйшаго Правительствующаго

Синода, а въ 1723 году Синодъ былъ утвержденъ восточными патріархами, которые признали за нимъ всѣ патріаршія права и именовали его въ граматѣ своимъ во Христѣ братомъ. Онъ былъ составленъ изъ президента (Стефанъ Яворскій), двоихъ вице-президентовъ (Ѳеодосій и Ѳеофанъ), четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ изъ представителей монашествующаго и бѣлаго духовенства. Въ рѣшеніи дѣлъ всѣ они, не исключая и президента, голоса имѣли равные. Президентъ Стефанъ былъ впрочемъ совсѣмъ затертъ въ Синодѣ сильными вице-президентами и до конца жизни не могъ примириться съ новою формой церковнаго управленія. Послѣ его смерти († 1722 г.) Петръ не назначилъ новаго президента и должность эта упразднилась; вакансія Стефана въ Синодѣ занята была новымъ совѣтникомъ, архимандритомъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, скоро (1723 г.) посвященнымъ въ епископа тверского. Главнымъ дѣятелемъ въ Синодѣ былъ Ѳеофанъ—правая рука и послушное перо царя. Ѳеодосій, хотя и считался первымъ вице-президентомъ, сталъ терять расположеніе Петра по своему заносчивому характеру; забывши, что всѣмъ былъ обязанъ царю, онъ сталъ очень рѣзко поговаривать и противъ духовныхъ штатовъ, и противъ униженія церкви свѣтскою властью. Преобладаніе въ составѣ Синода членовъ изъ Малороссовъ и притомъ сравнительно молодыхъ по службѣ крайне не нравилось великорусскимъ іерархамъ, которые всѣ были тогда уже люди пожилые, заслуженные, и роняло въ ихъ глазахъ самый авторитетъ этого высшаго духовнаго правительства. Они считали себя обиженными и кромѣ того, постоянно подозрѣвали Синодъ въ партійномъ, малороссійскомъ духѣ. Отъ того ему на первыхъ порахъ постоянно приходилось жаловаться на то, что они не воздаютъ ему подобающей чести, и дѣлать имъ за это выговоры и внушенія.

Положеніе Синода въ общемъ составѣ государственной администраціи, какъ главы обширнаго государственнаго вѣдомства, было сравнено съ положеніемъ Сената. Они сравнены были во всѣхъ правахъ и оба непосредственно подчинены самому государю, который въ государственной присягѣ членовъ Синода такъ и называется «крайнимъ судіею духовной коллегіи». Для рѣшенія дѣлъ общихъ тому и другому между ними назначены общія конференціи, въ отсутствіи государя совокупныя рѣшенія ихъ должны были имѣть силу рѣшеній верховной власти. Представителемъ государя въ Сенатѣ былъ

генералъ-прокуроръ, а въ Синодѣ *оберъ-прокуроръ*, названный въ оберъ-прокурорской инструкціи 1722 года «окомъ государя и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ». Онъ обязанъ былъ наблюдать за ходомъ синодальныхъ дѣлъ, замѣчать въ дѣлопроизводствѣ опущенія, незаконныя рѣшенія останавливать и доносить объ нихъ государю, дѣлать Синоду предложенія о потребныхъ мѣропріятіяхъ, представлять государю о синодскихъ рѣшеніяхъ и быть вообще посредникомъ между Синодомъ и государственной властью. Въ духовныхъ приказахъ были особые подчиненные ему прокуроры, а для надзора за духовнымъ управленіемъ по городамъ, монастырямъ и заказамъ назначались фискалы или инквизиторы. При Синодѣ образовался цѣлый *инквизиторскій приказъ*, во главѣ котораго поставленъ протоинквизиторъ изъ монаховъ; ему подчинены были провинціалъ-инквизиторы и всѣ фискалы. Но это фискальное управленіе, допускавшее разныя злоупотребленія своими полномочіями, вскорѣ по кончинѣ Петра было упразднено.

Права Святѣйшаго Синода въ области церковнаго управленія и его органы.—Въ области церковнаго управленія Святѣйшій Синодъ получилъ «силу и власть патріаршескую или, по выраженію Регламента, едва ли не большую, понеже соборъ». На этомъ основаніи ему усвоены въ церкви власть законодательная,—право, съ согласія государя, восполнять свой Регламентъ новыми правилами,—власть высшая судебная и административная. Объемъ церковнаго суда былъ предоставленъ ему впрочемъ уже въ ограниченномъ противъ прежняго видѣ; кромѣ упомянутыхъ гражданскихъ дѣлъ, отписанныхъ отъ церковнаго суда послѣ смерти патріарха Адріана, свѣтскому суду были предоставлены еще дѣла о правахъ законнаго рожденія и уголовныя—о насильственныхъ бракахъ, насиліи женщинамъ, кровосмѣшеніи, и назначеніе наказаній за важнѣйшія преступленія противъ вѣры и церкви,—богохульство, еретичество, волшебство и святотатство. Духовныя лица подлежали его суду, «доколѣ не дойдутъ до гражданскаго суда»; по дѣламъ тяжебнымъ, уголовнымъ и политическимъ они на ряду со всѣми подвергались прямо свѣтскому суду подлежащихъ коллегій. Но зато вѣдомство церковнаго суда снова было расширено съ другой стороны, вслѣдствіе возвращенія духовенству управленія церковными вотчинами, а потому и суда надъ церковными крестьянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширилась, конечно, и область экономическаго

управленія Святѣйшаго Синода. Монастырскій приказъ изъ вѣдомства Сената былъ переданъ въ вѣдомство Синода и образовалъ при немъ нѣчто въ родѣ экономическаго отдѣленія. Въ 1724 году приказъ этотъ былъ преобразованъ по коллегіальному образцу подъ именемъ *камеръ-конторы* синодальнаго правительства. Явились при Синодѣ и другія учрежденія, бывшія органами его обширной власти. Такъ какъ члены его имѣли главное пребываніе въ Петербургѣ, то въ Москвѣ заведена была особая *синодальная контора* съ высшею властью, но ограниченною предѣлами бывшей патріаршей области. Святѣйшій Синодъ наслѣдовалъ и епархіальную власть патріарховъ въ ихъ Московской области съ присовокупленіемъ къ ней еще новой Петербургской. Органами этой епархіальной его власти были—въ Москвѣ бывшіе патріаршіе приказы, а въ Петербургѣ—вновь учрежденная *тіунская контора* подъ начальствомъ духовнаго тіуна или управителя духовныхъ дѣлъ. Въ 1723 г. бывшій духовный приказъ патріарха въ Москвѣ былъ преобразованъ въ коллегію подъ именемъ *дикастеріи*,—это было первое изъ епархіальныхъ учрежденій, которыя дѣлаются потомъ (съ 1744 г.) извѣстными въ епархіяхъ подъ именемъ консисторій.

Перемѣна въ составѣ Синода по смерти Петра.—По смерти Петра (26 января 1725 г.) наступилъ довольно продолжительный періодъ безсилія верховной власти и усиленія временщиковъ, періодъ необыкновенныхъ возвышеній и страшныхъ паденій разныхъ «временныхъ» людей, во все теченіе котораго дѣло Петра должно было выдерживать трудную пробу своей исторической прочности. Тревоги этого времени отразились и на Святѣйшемъ Синодѣ. Первымъ подвергся страшной участи падшихъ величій вицепрезидентъ Ѳеодосій. Послѣ кончины грознаго царя онъ сдѣлался еще заносчивѣе и заговорилъ о новыхъ порядкахъ еще рѣзче,—жаловался на униженіе церкви, на униженіе архіереевъ, раззореніе ихъ домовъ и монастырей, на духовные штаты, поносилъ покойнаго царя, сравнивая его по жестокости съ Іоанномъ Грознымъ, допускалъ оскорбительныя выходки противъ самой императрицы *Екатерины* и сильнаго князя *Меншикова*, грозилъ въ будущемъ какимъ-то народнымъ возстаніемъ и проч. Въ концѣ апрѣля 1725 года онъ былъ арестованъ и подвергнутъ розыску. Во время розыска открылись за нимъ еще разныя злоупотребленія по епархіи и то, что всѣхъ своихъ домовыхъ служителей онъ осмѣлился обя-

зать особой присягой на вѣрность себѣ, въ родѣ государственной присяги. За всѣ свои вины онъ былъ лишенъ сана и подъ именемъ чернеца Ѳеодоса заточенъ въ корельскій монастырь, гдѣ черезъ 5 мѣсяцевъ и умеръ въ тѣсной и холодной тюрьмѣ. На мѣсто его въ Новгородъ былъ переведенъ Ѳеофанъ и сталъ первымъ членомъ Синода. Но въ то же время вторымъ членомъ назначенъ былъ непріятный ему Ѳеофилактъ Лопатинскій; затѣмъ императрица, чувствовавшая себя не совсѣмъ твердой на престолѣ и угождавшая всѣмъ партіямъ, въ угоду партіи стараго боярства, не любившаго архіереевъ Черкасъ, третьимъ членомъ назначила архіерея Великорусса *Георгія Дашкова* ростовскаго. Это былъ человѣкъ малообразованный, но практическій, энергичный, сильный связями среди боярства и опасный недоброжелатель всѣхъ Черкасъ. За нимъ въ Синодъ попалъ еще одинъ Великоруссъ, горицкій архимандритъ *Левъ Юрловъ*. Такимъ образомъ Святѣйшій Синодъ получилъ такой составъ, въ которомъ заключались элементы неизбѣжной партійной борьбы. Борьба эта дѣйствительно вскорѣ и началась, имѣя во главѣ на одной сторонѣ Ѳеофана, а на другой Георгія. Въ томъ же 1726 году, какъ послѣдовали эти назначенія, Синодъ былъ раздѣленъ на два параллельныхъ аппартамента,—духовный, изъ архіереевъ, занятый только духовными дѣлами, и свѣтскій, названный *коллегіей экономіи*, изъ пяти свѣтскихъ лицъ, для занятія экономическими дѣлами и управленія церковными вотчинами, независимый отъ перваго, входившій своими представленіями прямо въ Сенатъ. Для такого смѣшаннаго Синода титулъ Святѣйшаго признанъ былъ уже неприличнымъ и замѣненъ титуломъ Духовный Синодъ. Первый аппартаментъ его положено было весь составить изъ однихъ архіереевъ, чѣмъ прямо отмѣнялось заведенное Петромъ представительное устройство Синода изъ духовныхъ лицъ разныхъ чиновъ. Всѣ члены Синода были сравнены между собою еще болѣе прежняго чрезъ отмѣну всѣхъ прежнихъ коллежскихъ ихъ званій и наименованіе всѣхъ просто членами. Наконецъ въ томъ же году Синодъ былъ пониженъ по государственно-административному своему значенію. «Временные» люди постарались обособиться и встать выше всѣхъ государственныхъ учрежденій, составивъ изъ себя верховный совѣтъ. Синодъ и Сенатъ послѣ этого спустились уже на вторую степень администраціи и оба лишились титула «правительствующихъ». Вся высшая администрація попала въ руки верховнаго совѣта, а Синодъ

и Сенатъ сдѣлались только исполнителями его властныхъ распоряженій.

Святѣйшій Синодъ при Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ и борьба Ѳеофана съ своими врагами.—Еще хуже сдѣлалось положеніе Святѣйшаго Синода при молодомъ Петрѣ II, когда всѣми дѣлами государства ворочали исключительно временщики,—сначала Меншиковъ, потомъ Долгорукіе. Реакціонный характеръ этого царствованія способствовалъ еще большему подъему значенія великорусской партіи іерарховъ. Георгій Дашковъ провелъ Льва Юрлова до архіерейства въ Воронежской епархіи и успѣлъ ввести въ Синодъ еще новаго члена изъ Великоруссовъ, стараго опальнаго митрополита Игнатія Смолу, который былъ вызванъ теперь изъ своего Ниловскаго заточенія на Коломенскую каѳедру. Всѣ они дружно стали дѣйствовать противъ Ѳеофана. Ѳеофилактъ, единственный, кромѣ него, ученый членъ, не присталъ къ нимъ, но сдѣлалъ Ѳеофану большую непріятность, издавъ въ 1728 году, съ разрѣшенія верховнаго совѣта, трудъ Яворскаго—«Камень Вѣры», обличавшій тѣ самыя ереси, въ какихъ враги обвиняли Ѳеофана. Въ кружкахъ старинаго вельможества и духовенства заговорили даже о возстановленіи патріаршества. Положеніе Ѳеофана, бывшаго теперь единственнымъ представителемъ Петровскихъ идей въ Синодѣ, сдѣлалось крайне опаснымъ и заставляло его напрягать въ разгорѣвшейся борьбѣ всѣ свои силы и всю изворотливость.

Оружіе въ этой борьбѣ у его противниковъ было прежнее, которымъ онъ былъ встрѣченъ въ Москвѣ еще въ 1718 г. при Стефанѣ Яворскомъ,—это обвиненіе въ ересяхъ. Въ роли обвинителя, весьма неудобной для такихъ плохихъ богослововъ, какъ Георгій, выставленъ былъ одинъ изъ кіевскихъ же ученыхъ, архимандритъ юрьевскій *Маркеллъ Родышевскій*, знавшій Ѳеофана еще съ академіи и одно время служившій у него въ Псковской епархіи судьей архіерейскаго дома. Еще въ 1726 году имъ поданъ былъ Святѣйшему Синоду доносъ на Ѳеофана въ 47 пунктахъ, будто онъ Ѳеофанъ не признаетъ церковныхъ преданій и ученія святыхъ отцовъ, не чтитъ святыхъ иконъ и мощей, отрицаетъ оправданіе дѣлами, смѣется надъ церковными обрядами, акаѳистами, сказаніями Миней и Прологовъ, отвергаетъ нѣкоторыя правила Кормчей, хулитъ церковное пѣніе, а хвалитъ лютеранскіе органы, желаетъ искоренить монашество и т. д. Такъ истолкованы были въ доносѣ разныя мѣста изъ сочиненій и устныя

рѣчи Ѳеофана, въ которыхъ выражалась его дѣйствительно подъ часъ слишкомъ горячая полемика или противъ католичества, или противъ домашнихъ русскихъ суевѣрій и обрядовѣрія. Дѣло это кончилось тогда заключеніемъ Маркелла въ Петропавловскую крѣпость и внушеніемъ Ѳеофану отъ лица императрицы, чтобы онъ впредь никакихъ противностей православной церкви не чинилъ, а жилъ, какъ живутъ всѣ «великороссійскіе» архіереи. При Петрѣ II Маркелъ напалъ, какъ на еретическія, на разныя сочиненія Ѳеофана,—букварь, толкованіе блаженствъ, объ обливательномъ крещеніи и др., прося у Синода немедленнаго осужденія и ихъ, и ихъ автора. На этотъ разъ доносъ его уже вовсе не имѣлъ силы; Ѳеофану легко было доказать, что всѣ эти сочиненія написаны были имъ по мысли Петра Великаго и изданы съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, и завинить самого доносчика за то, что онъ осмѣлился винить въ ересяхъ самый Синодъ и «терзать славу толикаго монарха». Потерпѣвъ неудачу въ Синодѣ, Маркеллъ обратился къ тайной канцеляріи и донесъ ей, что Ѳеофаномъ была написана «Правда воли монаршей»,—сочиненіе, направленное къ лишенію наслѣдія престола царевича Алексѣя, слѣдовательно противное и царствующему государю—сыну Алексѣя; но тайная канцелярія и безъ доноса хорошо знала это, равно какъ и то, что сочиненіе это написано было тоже по волѣ Петра Великаго. Доносчикъ подвергся новому заключенію—въ Симоновъ монастырь. Ѳеофанъ такимъ образомъ оставался цѣлъ и невредимъ; но положеніе его было все-таки очень шатко; Дашковъ все усиливался и Ѳеофану могла грозить впереди та же участь, какую недавно испыталъ другой нелюбимый Великороссами Черкашенинъ Ѳеодосій. Его избавила отъ тяжкихъ тревогъ неожиданная кончина Петра II (въ январѣ 1730 года), за которой послѣдовали восшествіе на престолъ *Анны Іоанновны* и паденіе верховниковъ. Сошедшись съ духовникомъ Анны Іоанновны, архимандритомъ *Варлаамомъ*, Родышевскій хотѣлъ было и при ней продолжать свои нападенія на Ѳеофана; въ своемъ Симоновскомъ заточеніи онъ началъ составлять противъ него новыя обвиненія, написалъ нѣсколько тетрадей, въ которыхъ, кромѣ указанныхъ сочиненій, подвергъ рѣзкой критикѣ написанный Ѳеофаномъ указъ 1724 года о монашествѣ и самый Духовный Регламентъ. Но при императрицѣ Аннѣ настали уже другія времена, когда вошли въ силу не обзиненія въ ересяхъ, а доносы

политическіе, а этимъ оружіемъ Ѳеофанъ умѣлъ владѣть лучше своихъ противниковъ.

Самую крѣпкую опору онъ нашелъ себѣ въ господствовавшей при дворѣ нѣмецко-курляндской партіи, съ интересами которой множествомъ нитей связывались его собственные интересы. Та же самая партія старинныхъ людей, которая угрожала недавно ему, была теперь грозою и новаго курляндскаго правительства. Послѣднее не могло не понимать своей непрочности въ Россіи, хорошо знало, что право на престолъ, по завѣщанію Екатерины I, принадлежало не Аннѣ Іоанновнѣ, а дочерямъ Петра Великаго съ ихъ потомствомъ, и подозрительно прислушивалось ко всякимъ заявленіямъ въ народномъ и православномъ духѣ и къ разнымъ толкамъ о цесаревнѣ Елизаветѣ, о сынѣ покойной царевны Анны Петрѣ голштинскомъ и даже о царицѣ Евдокіи Лопухиной. Полемика противъ нѣмецкихъ ересей и обвиненіе въ нихъ кого-нибудь при такихъ обстоятельствахъ легко становились признакомъ политической неблагонадежности обвинителей и полемистовъ и влекли за собой неизбѣжные допросы въ тайной канцеляріи. За паденіемъ верховниковъ скоро послѣдовало и паденіе поддерживаемой ими великорусской партіи въ Синодѣ. Первымъ изъ архіереевъ попался въ политическомъ дѣлѣ Левъ Юрловъ, на котораго было донесено изъ Воронежа, что, по полученіи здѣсь сенатскаго указа о восшествіи на престолъ императрицы Анны, онъ не отслужилъ торжественнаго молебствія, а сталъ для того ждать еще особаго указа изъ Св. Синода, въ ожиданіи же этого, нѣсколько запоздавшаго, указа распорядился поминать царствующее семейство по порядку старшинства, начиная съ царицы Евдокіи. Въ Синодѣ, по вліянію Георгія и Игнатія, отнеслись къ этому доносу легко и отложили его разсмотрѣніе до новыхъ разъясненій изъ Воронежа. Но въ слѣдъ за этимъ всѣ члены, кромѣ Ѳеофана, вдругъ были уволены изъ Синода, и на мѣста ихъ назначены другіе—*Леонидъ* крутицкій, *Іоакимъ* суздальскій и *Питиримъ* нижегородскій,—все такіе архіереи, которые вполнѣ подчинялись Ѳеофану; тогда же, кромѣ архіереевъ, въ составъ Синода опять, какъ при Петрѣ, введены были архимандриты и протоіереи. По дѣлу Льва началось слѣдствіе, къ которому притянуты были и его доброжелатели, Георгій съ Игнатіемъ; всѣ трое были признаны противниками царствующей императрицы, завинены, кромѣ того, въ разныхъ злоупотребленіяхъ по своимъ епархіямъ и по лишеніи сана разосланы въ

разные монастыри. Въ томъ же 1730 году былъ лишенъ сана и заточенъ въ Кирилловъ монастырь *Варлаамъ Вонатовичъ* кіевскій за то, что, какъ и Левъ, тоже не отслужилъ вовремя молебна на восшествіе императрицы на престолъ; но больше всего онъ провинился въ томъ, что плохо удерживалъ свое духовенство отъ толковъ объ еретичествѣ Ѳеофана и дозволилъ у себя въ Кіевѣ новое изданіе «Камня Вѣры». Въ слѣдующемъ году былъ лишенъ сана и посаженъ въ Выборгскую крѣпость архіерей той же великорусской партіи *Сильвестръ* казанскій, на котораго донесли, что при Екатеринѣ онъ запрещалъ поминать Св. Синодъ при богослуженіи, рвалъ и велѣлъ переписывать на свое имя прошенія, подаваемыя ему на Высочайшее имя, говорилъ объ императрицѣ Аннѣ противныя рѣчи, дѣлалъ лишніе поборы по епархіи и проч.

Въ началѣ 1731 года Ѳеофанъ принялся и за Родышевскаго и донесъ объ его тетрадяхъ кабинету министровъ, не распространяясь о богословской сторонѣ Маркелловыхъ обвиненій, онъ обратилъ вниманіе кабинета главнымъ образомъ на то, что хула Маркелла противъ книгъ, изданныхъ по указамъ государя и Св. Синода, даже противъ Д. Регламента, содержащаго дѣйствующее законоположеніе, есть прямое противленіе власти; потомъ выставилъ на видъ нападки автора на лютеранъ и кальвинистовъ и на тѣхъ, кто съ ними дружбу имѣетъ, и поставилъ многознаменательный вопросъ, кого это разумѣетъ тутъ Родышевскій съ братіей. Послѣ этого дѣло пошло, разумѣется, чрезъ тайную канцелярію. Розыскъ по этому дѣлу запуталъ въ свои извороты и погубилъ множество лицъ всякаго званія, или читавшихъ тетради Маркелла, или просто только слышавшихъ объ ихъ существованіи. Съ этихъ поръ политическіе розыски не прекращались во все царствованіе императрицы Анны. По монастырямъ и у разныхъ грамотѣевъ отыскивали всякія тетрадки, записки, выписки, въ которыхъ предполагалось что-нибудь «противное», и всѣхъ ихъ читателей и владѣльцевъ тянули къ розыскамъ. Ѳеофану удалось внушить подозрительному нѣмецкому правительству, что въ Россіи существуетъ опасная «злодѣйская факція», которую непремѣнно надобно открыть и истребить. Арестованныхъ допрашивали не о какомъ-нибудь опредѣленномъ предметѣ, а вообще обо всемъ, кто что говорилъ, замышлялъ или слышалъ «противное»; разыскивая одно, неожиданно набродили на другое; распутывая одну факцію, запутыва-

лись въ другой новой. Въ виду пытокъ, допрашиваемые въ тайной канцеляріи страшно ломали свои головы, припоминая, кто что говорилъ или слышалъ за нѣсколько лѣтъ назадъ, путались сами, запутывали и другихъ. Громадное слѣдствіе усложнялось все новыми эпизодами и затягивало въ свои извороты все новыхъ и новыхъ лицъ. Изъ Москвы оно перекинулось въ Тверь, гдѣ были арестованы іеромонахъ *Іосифъ Рѣшиловъ*, заподозрѣнный въ составленіи одного подметнаго письма съ пасквилемъ на Ѳеофана и порицаніями на нѣмецкое правительство, архимандритъ *Іоасафъ Маевскій* изъ ученыхъ Кіевлянъ и разныя лица тверского архіерейскаго дома, близкія къ Ѳеофилакту Лопатинскому, который и самъ подозрѣвался въ «противностяхъ»,—затѣмъ распространилось на Устюгъ, Вологду, на многіе монастыри, Саровскую пустынь, задѣло множество свѣтскихъ лицъ, начиная съ какихъ-нибудь богадѣленныхъ грамотниковъ и доходя до очень высокопоставленныхъ людей, даже до лица цесаревны Елизаветы, которую многіе желали видѣть на престолѣ. Изъ духовныхъ лицъ никто не могъ быть увѣренъ въ томъ, что кто-нибудь изъ знакомыхъ не помянетъ его имени на пыткѣ и его самого не схватятъ въ тайную канцелярію. Въ 1735 году былъ арестованъ и Ѳеофилактъ, за которымъ числилась важная вина, изданіе «Камня Вѣры», и который, кромѣ того, по своей чистосердечной откровенности и довѣрчивости къ окружающимъ, не разъ дозволялъ себѣ лишнія рѣчи и о патріаршествѣ, и о Ѳеофанѣ, и о Нѣмцахъ, и о томъ, что императрица Анна сѣла на престолъ, обойдя цесаревну.

Кончина Ѳеофана и его значеніе.—Ѳеофанъ не дождался конца всѣхъ этихъ розысковъ; онъ умеръ въ сентябрѣ 1736 г. Въ послѣднее время онъ достигъ до такой высоты власти, до какой не достигалъ ни одинъ изъ архіереевъ послѣ патріарховъ. Онъ былъ другомъ *Бирона* и *Остермана* и богатѣйшимъ сановникомъ въ Россіи. Всѣ архіереи по необходимости преклонялись предъ нимъ. Ученая репутація его стояла высоко не только въ Россіи, но и на западѣ; вся русская церковная литература сосредоточивалась около него и зависѣла отъ его одобренія; его знакомства искали и русскіе, и иностранные ученые и писатели; онъ былъ сильнымъ покровителемъ молодыхъ талантовъ, въ томъ числѣ Кантеміра и Ломоносова. На смертномъ одрѣ, готовясь предстать на судъ Божій, этотъ величайшій умъ своего вѣка, предметъ удивленія для однихъ и ненависти

для другихъ, тоскливо восклицалъ, обращаясь къ себѣ: «Главо, главо! Разума упившись, куда ся преклонишь»? Память его омрачена связью съ тайной канцеляріей, съ ужасами Бироновщины; но при оцѣнкѣ его личности не надобно забывать и того, что его время было временемъ постоянныхъ переворотовъ въ судьбѣ сильныхъ людей, временемъ «случая», какъ выражались современники, когда человѣкъ, поднявшійся на высоту, часто долженъ былъ гибнуть гдѣ-нибудь въ Березовѣ, Пелыми, Охотскѣ, или самъ губить другихъ, когда въ жизни дѣйствовали не право или моралъ, а слѣпой инстинктъ самосохраненія; не нужно забывать того, что и среди такой обстановки онъ съумѣлъ остаться «дивнымъ первосвященникомъ», какъ его назвалъ Кантемиръ, одинъ неизмѣнно и твердо отстаивалъ знамя реформы и съумѣлъ неразрывно связать свои личные интересы съ интересами церковныхъ преобразованій и просвѣщенія, чего не съумѣли сдѣлать его противники. Послѣ его смерти поднятые имъ розыски продолжались своимъ чередомъ. Лишились каѳедръ архіереи *Досиѳей* курскій (1736), *Иларіонъ* черниговскій (1738), *Варлаамъ* псковскій (1739). Несчастный Ѳеофилактъ, содержавшійся до сихъ поръ подъ синодальнымъ арестомъ, въ 1738 г. попалъ въ тайную канцелярію, измученъ пытками, лишенъ сана и посаженъ въ Выборгскій замокъ. Множество духовныхъ лицъ было заточено по монастырямъ и крѣпостямъ и сослано въ Сибирь.

Св. Синодъ при импер. Елизаветѣ. — Страшное время Бироновщины кончилось съ восшествіемъ на престолъ *Елизаветы Петровны*, которое и въ духовенствѣ, и въ народѣ встрѣчено было общимъ восторгомъ. Проповѣдное слово съ церковныхъ каѳедръ прославляло новую государыню, какъ спасительницу Россіи отъ иноплеменнаго ига, русскую Эсѳирь и Іудиѳь, возстановительницу православія и народности. Всѣмъ были извѣстны ея русскій характеръ, чисто русское благочестіе, любовь къ духовенству, духовнымъ книгамъ и проповѣдямъ, къ богослуженію и благолѣпію церковной обрядности. Такой же осталась она и на престолѣ,—ѣздила по богомольямъ, въ Троицкую лавру ходила разъ пѣшкомъ, соблюдала всѣ посты, дѣлала пожертвованія по монастырямъ и церквамъ. Ея духовникъ протоіерей *Ѳеодоръ Дубянскій* былъ важной силой при дворѣ. Православно-церковнаго направленія былъ и самый близкій къ ней вельможа, *Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій*, родомъ изъ

простыхъ Малороссовъ. Началось возвращеніе изъ заточеній и ссылокъ всѣхъ страдальцевъ Бироновскаго времени. Изъ извѣстныхъ намъ лицъ до этого счастья дожили Левъ Юрловъ, М. Родышевскій и Игнатій Смола (скончавшійся впрочемъ всего черезъ мѣсяцъ по воцареніи Елизаветы); прочіе уже умерли. Ѳеофилактъ тоже скончался въ 1741 г. еще при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, возстановленный въ своемъ санѣ всего за 4 мѣсяца до кончины. Въ 1742 г. Елизавета издала весьма важный общій указъ, которымъ первоначальный судъ надъ духовными лицами былъ предоставленъ Св. Синоду и по политическимъ оговорамъ. Св. Синодъ, вмѣстѣ съ Сенатомъ доселѣ подчиненный сначала верховному совѣту, потомъ кабинету министровъ, былъ возстановленъ съ упраздненіемъ послѣдняго въ своемъ прежнемъ достоинствѣ высшаго административнаго мѣста. Ободренные благочестіемъ Елизаветы, члены Синода *Амвросій Юшкевичъ* новгородскій (преемникъ Ѳеофана) и *Арсеній Маціевичъ* ростовскій, одинъ изъ энергичнѣйшихъ архіереевъ того времени, оба Малороссы, подали докладъ, въ которомъ писали, что если государынѣ не угодно будетъ прямо возстановить патріаршество, то пусть бы она по крайней мѣрѣ дала Синоду президента и самый Синодъ, какъ церковно-правительствующій, устроила изъ однихъ архіереевъ безъ архимандритовъ и протопоповъ, упразднила бы при немъ и должность оберъ-прокурора съ коллегіей экономіи, ибо онъ носитъ титулъ Святѣйшаго и есть правительство духовное, въ которомъ свѣтскимъ лицамъ и дѣлать нечего. Но Елизавета, объявившая всѣ законы Петра своими, не согласилась на такую реформу, согласилась только на возвращеніе духовенству его имѣній и на подчиненіе коллегіи экономіи Синоду. Въ Синодъ назначенъ былъ даже особенно строгій оберъ-прокуроръ, князь *Я. Шаховскій*, крѣпкій ревнитель государственнаго интереса и всякой законности. Изъ оставшихся послѣ него «Записокъ» о своей жизни видно, что такой человѣкъ былъ особенно нуженъ тогда въ Синодѣ, гдѣ въ прошлыя царствованія порядки были разстроены и дѣла сильно запущены. Онъ разсказываетъ въ этихъ запискахъ о томъ, какъ часто приходилось ему сталкиваться съ членами Синода по вопросамъ объ излишнихъ расходахъ вотчинныхъ суммъ, о незаконномъ увеличеніи жалованья членовъ, о наказаніи духовныхъ лицъ за проступки, которыхъ, изъ опасенія соблазна, Св. Синодъ старался не обнаруживать, какъ трудно было ему отстаивать

свои представленія вслѣдствіе постояннаго заступленія за членовъ Синода сильныхъ лицъ,—Дубянскаго и Разумовскаго, но какъ иногда силой этихъ лицъ, ихъ властнымъ вмѣшательствомъ въ синодальныя дѣла приходилось тяготиться самимъ же членамъ и какъ онъ въ этихъ случаяхъ долженъ былъ выручать ихъ изъ тяжелаго положенія своимъ смѣлымъ предстательствомъ и прямымъ разъясненіемъ дѣлъ предъ императрицей.

Святѣйшій Синодъ при имп. Екатеринѣ II.—Послѣ кратковременнаго царствованія преемника Елизаветы *Петра III*, пропитаннаго нѣмецкими и протестантскими понятіями и угрожавшаго православной церкви новымъ господствомъ нѣмецкаго духа, настало царствованіе *Екатерины II*,—императрицы-философа XVIII вѣка, и въ Россіи насталъ свой *философскій вѣкъ*. Подобно другимъ государямъ-философамъ тогдашней Европы и ихъ министрамъ она старалась создать свою правительственную систему на основахъ тогдашней модной французской философіи, которая смотрѣла на религію, какъ только на извѣстный родъ «народнаго умоначертанія» и полезное орудіе для управленія народами, каково бы ни было ея внутреннее содержаніе. Всѣ эти государи и политики единодушно возставали противъ католической теоріи двухъ властей, стараясь сдѣлать церковь учрежденіемъ только государственнымъ, и противъ всякихъ проявленій клерикализма, охотно участвовали въ развитіи идеи вѣротерпимости, считая государство по существу индифферентнымъ ко всякой религіи, въ ломкѣ папскаго престола, инквизиціонныхъ трибуналовъ, даже клерикальныхъ школъ, въ ослабленіи монашескихъ орденовъ, сокращеніи числа монастырей и особенно въ выгодной для казны секуляризаціи церковныхъ имуществъ. У насъ никогда не было ни папства, ни униженія государственной власти предъ духовной, ни инквизиціи, ни монашескихъ орденовъ, ни даже систематическаго клерикализма; но за неимѣніемъ своей русской точки зрѣнія на дѣло, западная точка зрѣнія принята была въ руководство и нашими политиками. У насъ тоже заговорили и противъ религіознаго фанатизма, и противъ теоріи двухъ властей, и объ ослабленіи какого-то опаснаго могущества духовенства, и объ отнятіи у него церковныхъ имуществъ. Однимъ изъ первыхъ и важнѣйшимъ дѣломъ императрицы, за которое ее восхвалили всѣ мудрецы Европы, было именно дѣло секуляризаціи церковныхъ имѣній.

Въ строѣ высшаго церковнаго управленія крупныхъ пере-

мѣнъ при ней не было, кромѣ закрытія при Синодѣ коллегіи экономіи, вѣдавшей церковныя вотчины; но произведена была важная перемѣна въ личномъ составѣ этой администраціи, наполнявшемся до сихъ поръ Малороссами, мало соотвѣтствовавшими видамъ новаго правительства. Точно такъ же, какъ въ свое время Петръ I для интересовъ реформы старался замѣщать важнѣйшія церковныя мѣста новыми людьми изъ ученыхъ Малороссовъ, Екатерина II, въ виду новыхъ реформъ, спѣшила выдвигать на первый планъ въ церковной администраціи новыхъ людей изъ ученыхъ великорусскихъ монаховъ, готовыхъ со всѣмъ усердіемъ служить власти, которая теперь милостиво поднимала ихъ изъ прежняго ихъ униженія предъ Малороссами. Административной монополіи Малороссовъ и безъ того впрочемъ пора было прекратить свое существованіе. Она уже сослужила свою службу въ Великороссіи, воспитавъ достаточное число молодыхъ мѣстныхъ силъ, и поддерживать ее дольше было не зачѣмъ, вело только къ лишнему ропоту великорусскаго духовенства. Въ 1754 году сама императрица Елизавета, особенно любившая Малороссовъ, нашла нужнымъ издать указъ, чтобы въ архіереи и архимандриты представляемы были не одни Малороссы, но и Великороссы. Первенствующій постъ въ Святѣйшемъ Синодѣ при воцареніи Екатерины занималъ Великоруссъ *Дмитрій Сѣченовъ*, архіепископъ новгородскій; въ слѣдъ за нимъ еще при Елизаветѣ возвысился архимандритъ Троицкой лавры, извѣстный проповѣдникъ *Гедеонъ Криновскій*, получившій при Екатеринѣ псковскую каѳедру. При ихъ поддержкѣ возвысились потомъ воспитанники московской академіи: *Гавріилъ Петровъ*, въ 1763 году посвященный въ епископа тверского, а въ 1770 году сдѣланный архіепископомъ петербургскимъ,—архіерей аскетъ, мудрый, скромный и исполнительный въ дѣлахъ; *Платонъ Левшинъ*, въ началѣ правленія Екатерины бывшій ректоромъ академіи, человѣкъ живой, впечатлительный, возбуждавшій общія къ себѣ симпатіи, великій ораторъ и первая знаменитость своего вѣка; Екатерина сдѣлала его придворнымъ проповѣдникомъ и законоучителемъ наслѣдника Павла Петровича; съ 1768 года онъ былъ членомъ Синода, а съ 1770 г. епископомъ тверскимъ послѣ Гавріила. Въ 1763 году, по смерти Гедеона, псковскимъ епископомъ былъ назначенъ тоже видный Великоруссъ *Иннокентій Нечаевъ*. Эти лица участвовали въ исполненіи всѣхъ первоначальныхъ дѣйствій правительства по церковнымъ вопросамъ.

Димитрій и Гедеонъ благополучно провели дѣло о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ; Гавріилъ, Иннокентій и Плагонъ, по порученію правительства, въ 1766 году занимались составленіемъ обширнаго проекта о преобразованіи духовныхъ школъ, не приведеннаго впрочемъ въ исполненіе, и разсматривали написанный Екатериною Наказъ коммиссіи о составленіи новаго Уложенія; Димитрій, а по смерти его († 1767 г.) Гавріилъ были представителями Святѣйшаго Синода въ самой коммиссіи. Между тѣмъ Малороссы все болѣе и болѣе падали въ глазахъ императрицы и постепенно сходили съ своихъ постовъ. Самый энергичный изъ нихъ Арсеній ростовскій погибъ за протестъ противъ секуляризаціи церковныхъ вотчинъ; дѣло его всего болѣе повредило репутаціи малороссійской партіи іерарховъ. Другой видный архіерей южнаго происхожденія *Амвросій Зертисъ-Каменскій*, сначала крутицкій, потомъ съ 1767 года московскій, успѣвшій было понравиться императрицѣ, вооружилъ противъ себя всю Московскую епархію своей строгостью, доходившей до жестокости, и былъ убитъ чернью во время извѣстнаго бунта въ Москвѣ по случаю чумы 1771 года. На мѣсто его въ 1775 году былъ назначенъ Платонъ. Нѣкоторые архіереи Малороссы были уволены на покой по жалобамъ духовенства на суровость ихъ управленія, въ томъ числѣ въ 1768 году тобольскій митрополитъ *Павелъ Конюскевичъ*, ревнитель миссіонерства, исправитель нравовъ сибирскаго духовенства и человѣкъ святой жизни (скончался въ кіевской лаврѣ въ 1770 г.). До какой степени Екатерина была подозрительна въ отношеніи къ этимъ архіереямъ, показываетъ судьба *Веніамина Пуцека-Григоровича* казанскаго. Екатерина застала его архіепископомъ петербургскимъ и немедленно перевела въ Казань, гдѣ еще раньше въ санѣ іеромонаха онъ прославился своею миссіонерскою дѣятельностью. Во время Пугачевскаго бунта онъ первый изъ архіереевъ возсталъ противъ *Пугачева*, принявшаго имя Петра III, разославъ по своей епархіи увѣщательныя граматы, въ которыхъ обличалъ самозванца, какъ личный участникъ въ погребеніи истиннаго Петра III. Не смотря на такую услугу правительству, онъ былъ подвергнутъ оскорбительному аресту по одному бездоказательному оговору какого-то пугачевца дворянина въ томъ, будто бы онъ былъ самъ сообщникомъ Пугачева и посылалъ бунтовщикамъ деньги. Послѣ Екатерина убѣдилась въ его невинности и поспѣшила утѣшить его милостивымъ рес-

криптомъ и саномъ митрополита, но это не вылечило уже его отъ паралича, который постигъ его при арестѣ. Преемникомъ его съ 1783 года назначенъ былъ Великороссъ изъ воспитанниковъ московской академіи *Амвросій Подобѣдовъ*. Вниманіемъ императрицы пользовались только два архіерея изъ малороссійской партіи,—*Георгій Конисскій* бѣлорусскій и *Самуилъ Мстиславскій* кіевскій (съ 1783 года), преобразователь Кіевской епархіи по образцу великорусскихъ.

Въ оберъ-прокуроры выбирались люди самыхъ модныхъ понятій о религіи и церкви. Таковъ въ 1760-хъ годахъ былъ *Мелиссино*, извѣстный любопытнымъ проектомъ наказа депутату Св. Синода въ коммиссію объ Уложеніи; тутъ были изложены самыя либеральныя предложенія объ уменьшеніи числа постовъ, объ ослабленіи почитанія иконъ и мощей, сокращеніи богослуженія, отмѣны содержанія монахамъ, о посвященіи епископовъ безъ монашества, о «пристойнѣйшей» одеждѣ для духовенства, объ уничтоженіи поминовенія умершихъ, облегченіи разводовъ, дозволеніи браковъ свыше трехъ и т. д.; Св. Синодъ отклонилъ этотъ проектъ и составилъ свой собственный. Послѣ Мелиссино оберъ-прокуроромъ былъ *Чебышевъ* (1768-1774), открыто щеголявшій атеизмомъ и мѣшавшій изданію сочиненій, направленныхъ противъ современнаго невѣрія. Изъ подозрѣнія къ «фанатизму» духовенства въ 1782 г. изъ духовнаго вѣдомства изъяты были въ вѣдомство свѣтскаго суда всѣ дѣла о религіозныхъ хулахъ, о нарушеніи чинности въ богослуженіи, о колдовствѣ и вообще о суевѣріяхъ. Мнѣнія членовъ Синода рѣдко принимались въ уваженіе, кромѣ мнѣній двоихъ болѣе приближенныхъ къ императрицѣ членовъ,—Гавріила и духовника государыни протоіерея *Іоанна Памфилова*. Послѣдній былъ своего рода временщикомъ и между прочимъ заступникомъ за бѣлое духовенство противъ монашествующаго и архіереевъ; въ 1786 г. императрица пожаловала ему митру, награду, доселѣ не слыханную въ бѣломъ духовенствѣ и возбудившую неудовольствіе архіереевъ, видѣвшихъ въ ней униженіе митры. Члены Синода не скрывали недовольства своимъ положеніемъ, особенно живой и откровенный Платонъ. Привыкши къ тому авторитету и благоговѣнію, какимъ архипастырскій санъ пользовался въ религіозной Москвѣ, онъ съ каждымъ годомъ все болѣе тяготился своими поѣздками въ Петербургъ для засѣданій въ Синодѣ, а съ 1782 г. и вовсе пересталъ туда ѣздить, просилъ даже объ увольненіи

на покой. Императрица его не уволила, но видимо охладѣла къ нему и обходила его наградами. Только въ 1787 г. она пожаловала его митрополитомъ, тогда какъ Гавріилъ и Самуилъ кіевскій получили этотъ санъ еще въ 1783 г. Гавріилъ сохранилъ ея благоволеніе до конца царствованія; всегда ровный, спокойный, всегда стоя на законной почвѣ, «резонабельный мужъ», какъ его называла Екатерина, умѣлъ проявлять свою ревность о церкви такъ, что никогда не производилъ этимъ раздраженія, и при случаѣ сказать вѣское слово, которое даромъ не пропадало. Императрица постоянно призывала его въ свои совѣты и приказала сноситься съ нимъ по дѣламъ генералъ-прокурорской канцеляріи сената.

Положеніе Гавріила пошатнулось уже при императорѣ *Павлѣ I.* Крутому и петерпѣливо-вспыльчивому государю не понравилось, что митрополитъ не сочувственно отнесся къ вновь введенному награжденію духовныхъ лицъ государственными орденами и рѣшительно отказался отъ пожалованія кавалерствомъ (католическаго) Мальтійскаго ордена, которымъ государь чрезвычайно увлекался. Къ концу 1800 г. митрополитъ былъ уволенъ на покой и вскорѣ скончался; мѣсто его занялъ Амвросій казанскій. Митрополиту Платону, какъ учителю императора, сначала всѣ предрекали высокое положеніе въ новое царствованіе, но и онъ не угодилъ государю, потому что тоже былъ противъ орденовъ и умолялъ дозволить ему—православному архіерею—умереть архіереемъ же, а не кавалеромъ; государь насильно надѣлъ на него орденъ св. Андрея Первозваннаго. Съ 1797 г., когда ему было объявлено запрещеніе выѣзжать изъ Москвы, онъ не принималъ никакого участія въ высшемъ церковномъ управленіи до самой своей кончины, послѣдовавшей въ ноябрѣ 1812 г.

Святѣйшій Синодъ при Александрѣ I.—Царствованіе императора *Александра I* началось новымъ преобразовательнымъ движеніемъ въ государствѣ, коснувшимся и церковной жизни. Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ государя въ первые годы царствованія былъ человѣкъ, хорошо знавшій состояніе и нужды церкви; это былъ знаменитый статсъ-секретарь *Мих. Мих. Сперанскій,* самъ происходившій изъ духовнаго сословія, обучавшійся во владимірской и петербургской семинаріяхъ. Едва ли не по его иниціативѣ въ кружкѣ ближайшихъ сотрудниковъ государя (Кочубей, Строгоновъ, Новосильцевъ, Чарторыжскій),

при проектахъ новыхъ реформъ, заговорили о возвышеніи образованія и матеріальныхъ средствъ духовенства,—по крайней мѣрѣ изъ свѣтскихъ лицъ Сперанскій явился главнымъ дѣятелемъ въ разработкѣ этого вопроса. Оберъ-прокуроромъ Св. Синода съ 1803 г. назначенъ былъ князь *А. Н. Голицынъ*, другъ юности государя и самое довѣренное его лице; религіозное образованіе онъ имѣлъ не высокое, первоначально былъ даже отрицательнаго направленія въ отношеніи къ религіи, въ духѣ XVIII вѣка, потомъ сдѣлался покровителемъ разныхъ мистическихъ сектъ; но на первыхъ порахъ, когда дѣло касалось не вопросовъ вѣры, а только указаннаго практическаго вопроса, былъ не безполезенъ для синодальныхъ дѣятелей. Дѣятели эти скоро нашлись. Кромѣ митр. Амвросія, въ Св. Синодѣ явилось нѣсколько весьма видныхъ іерарховъ, каковыми были: *Меѳодій Смирновъ* тверскій, извѣстный хорошимъ устройствомъ духовно-учебныхъ заведеній во всѣхъ епархіяхъ (Воронежской, Коломенской, Тульской, Тверской), которыми онъ управлялъ, знаменитый витія *Анастасій Братановскій* бѣлорусскій, потомъ астраханскій († 1806 г.), и съ 1807 г. *Ѳеофилактъ Русановъ* калужскій, потомъ рязанскій, однокурсникъ и другъ Сперанскаго, человѣкъ живой, свѣтски образованный, блестящій проповѣдникъ, скоро сдѣлавшійся въ Синодѣ вліятельнѣе самого митрополита. Правой рукой митр. Амвросія былъ его викарій, епископъ старорусскій *Евгеній Болховитиновъ*, воспитанникъ московской академіи и университета, служившій прежде учителемъ и префектомъ при родной воронежской семинаріи, потомъ протоіереемъ въ г. Павловскѣ; вызванный въ Петербургъ послѣ вдовства (въ 1810 г.), онъ постригся здѣсь въ монашество, былъ префектомъ семинаріи, наконецъ въ 1804 г. посвященъ въ епископа старорусскаго. Ему поручена была предварительная разработка вопроса объ усовершенствованіи духовныхъ школъ, которую онъ и исполнилъ къ 1805 г., разработавъ преимущественно учебную и административную части духовныхъ школъ. Въ разработкѣ экономической части потрудился особенно Анастасій Братановскій; ему приписывается счастливая мысль, оказавшаяся очень плодотворной на дѣлѣ, о назначеніи содержанія для духовныхъ школъ изъ свѣчного дохода церквей. Послѣ предварительныхъ работъ въ концѣ 1807 г. для составленія полнаго проекта о преобразованіи духовныхъ школъ и объ улучшеніи быта всего духовенства образованъ былъ особый

комитетъ изъ духовныхъ (м. Амвросій, Ѳеофилактъ, протопресвитеръ С. Краснопѣвковъ и оберъ-священникъ І. Державинъ) и свѣтскихъ (кн. Голицынъ и Сперанскій) лицъ. Плодомъ его работъ, законченныхъ въ іюлѣ 1808 г., были: а) новая организація всего духовнаго образованія въ Россіи съ учрежденіемъ для него тоже совершенно новой системы учебной администраціи и б) изысканіе для духовнаго вѣдомства новаго громаднаго капитала.

Во главѣ всего духовно-учебнаго управленія въ томъ же году была поставлена коммиссія духовныхъ училищъ изъ высшихъ духовныхъ и частію свѣтскихъ сановниковъ (тѣхъ же, которые засѣдали и въ комитетѣ), составившая при Св. Синодѣ первое центральное учрежденіе для этой важной отрасли церковной администраціи, такъ какъ до сихъ поръ все духовное образованіе находилось въ вѣдомствѣ однихъ епархіальныхъ архіереевъ и даже ихъ консисторій и, если не считать недолго существовавшей при Петрѣ I (1721—1726) синодальной конторы школъ и типографій, вовсе не имѣло общаго высшаго центра управленія при Синодѣ. Окружными органами коммиссіи были сдѣланы духовныя академіи, для чего при нихъ были учреждены ученыя конференціи, составленныя изъ профессоровъ каждой академіи и посторонникъ ученыхъ лицъ изъ мѣстнаго духовенства; конференціямъ этимъ предоставлены по ихъ округамъ цензура духовныхъ книгъ, производство въ ученыя степени и управленіе духовными школами чрезъ особое внѣшнее или окружное правленіе каждой академіи. Ближайшее попеченіе о школахъ по прежнему предоставлено было мѣстнымъ архіереямъ, но самимъ лично, безъ участія консисторій.—Новый капиталъ для содержанія духовныхъ школъ и церковныхъ причтовъ былъ созданъ комитетомъ, можно сказать, изъ ничего и безъ особаго отягощенія государства и народа. Въ основу его были положены: а) экономическія суммы всѣхъ церквей (до 5,600,000 руб. ассигн.), которыя назначено было отобрать у церквей и помѣстить въ банкъ для приращенія, б) ежегодный свѣчной доходъ церквей (до 3,000,000 рублей), тоже назначенный къ помѣщенію въ банкѣ, и в) ежегодное пособіе изъ казны въ 1,353,000 руб. въ теченіе 6 лѣтъ. Въ эти 6 лѣтъ всѣ означенныя суммы, съ приращеніями въ 5% и за исключеніемъ расходовъ по преобразованію академическихъ учебныхъ округовъ, по исчисленію комитета, должны были составить капиталъ въ

24,949,000 руб. ассигн. съ ежегоднымъ доходомъ въ 1,247,450 руб., который вмѣстѣ съ ежегоднымъ свѣчнымъ доходомъ долженъ былъ давать Св. Синоду ежегодную сумму въ 4,247,450. При внимательной экономіи и при новыхъ пособіяхъ отъ казны комитетъ надѣялся довести эту сумму со временемъ до $7^1/_2$ милліоновъ, какая по расчету и требовалась на полное обезпеченіе какъ духовныхъ школъ, такъ и всѣхъ церковныхъ причтовъ (отъ 300 до 1000 руб. на каждый). Но всѣ эти грандіозные разсчеты разстроились въ самомъ непродолжительномъ времени, частію вслѣдствіе утаекъ приходами экономическихъ и свѣчныхъ суммъ, частію вслѣдствіе вскорѣ постигшихъ Россію бѣдствій 1812 года, при нашествіи Наполеона.

Бѣдствія эти вмѣстѣ съ Россіей раздѣляла и православная Русская церковь. Среди необычайнаго подъема религіозныхъ и патріотическихъ чувствъ при нашествіи грознаго врага, какъ будто снова воротилось то время нашей исторіи, когда вѣра и церковь стояли на стражѣ православной Руси и выручали ее изъ всѣхъ бѣдъ, выпадавшихъ на ея долю. Архіереи и монастыри, какъ въ старину, жертвовали на ея спасеніе свои многолѣтнія сбереженія. Изъ своего новаго капитала Св. Синодъ пожертвовалъ $1^1/_2$ милліона. Затѣмъ, когда вражескія полчища двунадесяти языкъ были уже сметены съ лица земли Русской, по всему пути ихъ нашествія осталась широкая полоса страшнаго опустошенія; опустошена была и сама Москва съ ея вѣковыми святынями. Какъ въ ней, такъ и повсюду, гдѣ побывалъ непріятель, приходилось возстановлять множество храмовъ и монастырей и помогать разоренному духовенству. На удовлетвореніе этихъ нуждъ Св. Синодъ долженъ былъ отпустить изъ своихъ суммъ еще $3^1/_2$ милліона. Было много и другихъ пожертвованій изъ новообразованнаго капитала. Все это, вмѣстѣ съ недоборами при самомъ его составленіи, повело къ тому, что въ 1815 г., когда онъ долженъ былъ возрости до 24 милліоновъ, онъ едва дорось до 15,—т. е. такой суммы, на проценты съ которой можно было содержать только однѣ дух. школы. На пособіе изъ казны было тоже нечего разсчитывать; во вниманіе къ затруднительному ея положенію послѣ тяжелой войны коммиссія дух. училищъ въ 1816 г. рѣшилась отказаться отъ полученія даже обѣщанной уже ей казенной суммы. Послѣ этого новый капиталъ получилъ значеніе исключительно капитала учебнаго; отъ выдачи изъ него окладовъ на причты пришлось отказаться.

Событія отечественной войны имѣли и другое весьма важное вліяніе на состояніе церкви и высшаго церковнаго управленія. Страшныя бѣдствія были для Россіи горниломъ очищенія отъ ея недавнихъ галломанскихъ увлеченій. Въ своемъ благодарственномъ молебствіи о спасеніи отъ враговъ она выразила горькое сознаніе: «О ихъ же ревновахомъ наставленіихъ, сихъ имѣяхомъ враговъ буіихъ и звѣронравныхъ». И начался періодъ реакціи противъ либеральнаго движенія XVIII в. Къ несчастію нашего образованнаго общества, живя цѣлое столѣтіе чужимъ умомъ, оно совсѣмъ отстало отъ своей русской жизни, отъ того и реакцію свою стало выражать въ чужихъ же, иностранныхъ формахъ: отставая отъ чужого, французскаго вольнодумства, оно обратилось за религіей не къ своему русскому православію, а къ чужому же, протестантскому мистицизму разныхъ методистовъ, квакеровъ, гернгутеровъ и т. п. западныхъ сектантовъ и учителей. Настало время библейскихъ обществъ, стремившихся замѣнить руководство церкви непосредственнымъ самопросвѣщеніемъ христіанина по Библіи и съ помощью цѣлой массы мистическихъ книжекъ, распространявшихся по всей Россіи. Во главѣ этого движенія всталъ самъ кн. Голицынъ, окружившій себя цѣлымъ штатомъ всевозможныхъ мистиковъ. Поставивъ себѣ задачей распространеніе царствія Божія на землѣ, всѣ эти дѣятели новаго христіанства стали дѣйствовать со всѣмъ обычнымъ фанатизмомъ общественныхъ увлеченій и причинили церкви едва ли не болѣе скорби, чѣмъ даже дѣятели XVIII в. Съ 1813 г. смѣненъ былъ весь личный составъ Св. Синода, кромѣ м. Амвросія;—прежніе члены оказались не соотвѣтствовавшими требованіямъ новаго времени. И самому митрополиту стоило не малаго труда удержаться на мѣстѣ безъ нарушенія своихъ архипастырскихъ обязанностей. Самымъ дорогимъ его помощникомъ и поддержкой въ это время, вмѣсто Евгенія (назначеннаго въ 1808 г. на вологодскую каѳедру), былъ *Филаретъ Дроздовъ*, новое яркое свѣтило церкви.

Онъ былъ сынъ небогатаго коломенскаго дьякона (потомъ священника), родился въ 1782 г., учился въ коломенской и лаврской семинаріи и по окончаніи курса остался въ послѣдней учителемъ; здѣсь его замѣтилъ, какъ отличнаго проповѣдника, м. Платонъ и въ 1808 г. склонилъ къ принятію монашества. Къ величайшему огорченію престарѣлаго святителя, молодой витія въ слѣдующемъ же году былъ отнятъ у него въ наставники пре-

образованной петербургской академіи. М. Амвросій принялъ Филарета подъ свое особое покровительство и не ошибся въ немъ, найдя въ немъ еще болѣе дорогую для себя опору, чѣмъ въ Евгеніѣ. Не такъ встрѣтилъ юнаго инока другой сильный членъ Синода, соперникъ Амвросія, Ѳеофилактъ, забравшій тогда въ свои руки и коммиссію дух. училищъ и петербургскую академію: онъ цѣлый годъ не допускалъ Филарета до учительства, потомъ, когда Филаретъ сдѣлался извѣстенъ въ столицѣ своимъ проповѣдническимъ талантомъ, въ 1811 г. за одну проповѣдь (на день св. Троицы о дарахъ св. Духа) чуть не завинилъ его въ пантеизмѣ. Дѣло доходило до государя и кончилось Высочайшей наградой проповѣднику и возведеніемъ его въ санъ архимандрита. Въ 1812 г. Филаретъ былъ опредѣленъ ректоромъ академіи и получилъ возможность вытѣснить изъ нея тяжелое преобладаніе Ѳеофилакта. Вскорѣ послѣ этого Ѳеофилактъ началъ быстро терять свое значеніе. Въ 1813 г. онъ былъ уволенъ на епархію (въ Рязань), а въ 1817 г. почетнымъ образомъ удаленъ въ Грузію экзархомъ, гдѣ и оставался до смерти. Самымъ виднымъ членомъ въ коммиссіи послѣ него сдѣлался Филаретъ, возведенный въ 1814 г. въ степень доктора богословія. При открытіи новаго религіознаго движенія молодой архимандритъ радостно привѣтствовалъ его, находя въ немъ много добраго для вѣры и увлекательнаго для своего возвышеннаго богословскаго ума, и сдѣлался дѣятельнымъ членомъ библейскаго общества. Отъ того онъ былъ въ постоянно добрыхъ отношеніяхъ и къ Амвросію, и къ кн. Голицыну и долго служилъ между ними полезнымъ связующимъ звеномъ, съ одной стороны, служа поддержкой предъ могущественнымъ княземъ своего архипастыря, а, съ другой, силой своего богословскаго ума умѣряя по возможности мистическія увлеченія Голицына. Въ 1817 г. онъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа ревельскаго,—викарія митрополита. Но это былъ уже послѣдній годъ, до котораго еще поддерживалось коекакое согласіе ревнителей мистицизма съ церковной іерархіей.

Манифестомъ 24 окт. 1817 г. было создано обширное двойное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ кн. Голицынымъ во главѣ, наполненное библейцами и мистиками. Въ первомъ изъ двухъ его департаментовъ—духовномъ—выраженіе современныхъ воззрѣній на церковь доведено было до послѣдней крайности: Св. Синодъ былъ поставленъ въ его вѣдомствѣ совершенно въ такомъ же положеніи и значеніи, какъ

евангелическая консисторія, католическая коллегія, духовныя управленія Армянъ, Евреевъ и др. иновѣрцевъ. Въ довершеніе всего Голицынъ передалъ свою оберъ-прокурорскую должность другому лицу, кн. *Мещерскому*, поставивъ его въ прямое себѣ подчиненіе, такъ что оберъ-прокуроръ сталъ представлять въ Синодѣ лице не государя, а только министра. Долготерпѣніе Амвросія наконецъ истощилось и онъ высказался противъ министра. Послѣ этого онъ найденъ былъ не соотвѣтствовавшимъ своему посту и въ мартѣ 1818 г. уволенъ въ Новгородъ съ оставленіемъ при одной Новгородской епархіи. Черезъ 2 мѣсяца онъ скончался. На мѣсто его назначенъ черниговскій архіепископъ *Михаилъ Десницкій*, добрый и кроткій святитель, извѣстный своимъ проповѣдничествомъ еще съ того времени, какъ онъ служилъ священникомъ (до 1796 г.) при московской церкви Іоанна Воина. Партія министра при назначеніи его немало, вѣроятно, разсчитывала на его нѣсколько мистическое направленіе, но соблазнъ и гнетъ мистицизма такъ усилились, что въ 1821 г. довели до столкновенія съ министромъ и этого кроткаго митрополита. Онъ обратился къ государю съ убѣдительнымъ посланіемъ, умоляя его спасти церковь Божію «отъ слѣпотствующаго министра». Письмо это поразило императора, тѣмъ болѣе, что всего черезъ 2 недѣли послѣ его отправки митрополитъ скончался. Съ этого времени начался замѣтный поворотъ дѣлъ противъ Голицына, поддержанный между прочимъ другимъ сильнымъ любимцемъ Александра, соперникомъ Голицына, графомъ *Аракчеевымъ*. Митрополитомъ былъ назначенъ *Серафимъ (Глаголевскій)* московскій, извѣстный въ кругу іерарховъ своимъ строго консервативнымъ направленіемъ. Онъ съ самаго же начала высказался противъ библейскаго общества и вступилъ съ нимъ въ борьбу.

Въ качествѣ передового бойца въ этой борьбѣ явился юрьевскій архимандритъ *Фотій Спасскій*, изъ недоучившихся студентовъ петербургской академіи, человѣкъ съ сильной волей, успѣвшій пріобрѣсти себѣ много поклонниковъ въ высшемъ обществѣ своимъ строгимъ аскетизмомъ, страннымъ, полюродивымъ поведеніемъ и ни передъ чѣмъ не стѣснявшимся обличительнымъ краснорѣчіемъ. Его почиталъ самъ Аракчеевъ. Богатѣйшая графиня, благотворительница монастырей, особенно Юрьева, *А. А. Орлова-Чесменская* была его благоговѣйной духовной дочерью и держалась въ отношеніи къ нему, какъ самая раболѣп-

ная послушница. Борьба его противъ мистицизма началась еще раньше, когда онъ былъ законоучителемъ кадетскаго корпуса въ Петербургѣ; въ 1820 г. его удалили изъ Петербурга въ настоятели Деревянницкаго монастыря, гдѣ съ нимъ и познакомился гр. Аракчеевъ, посодѣйствовавшій его переводу въ Юрьевъ монастырь. Съ 1822 г., вызванный въ Петербургъ, онъ съ успѣхомъ проповѣдывалъ противъ мистиковъ въ разныхъ петербургскихъ гостиныхъ, былъ у самого государя, заинтересовавшагося его личностью, и своей проповѣдью объ опасностяхъ, грозящихъ церкви, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Другимъ дѣятельнымъ членомъ противоголицынской партіи, котораго прочили на мѣсто Голицына, былъ президентъ Россійской академіи адмиралъ *Шишковъ*, авторъ «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ», горячій порицатель перевода Библіи на «простонародное», какъ онъ выражался, нарѣчіе. Весной 1824 г., когда все было подготовлено къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ министра, Фотій сдѣлалъ на него открытое и грубое нападеніе въ домѣ графини Орловой, потребовавъ у него немедленнаго отреченія отъ лживыхъ пророковъ и покаянія во вредѣ, нанесенномъ церкви. За тѣмъ онъ подалъ государю одно за другимъ два донесенія, въ которыхъ рѣзкими чертами описывалъ весь вредъ, угрожающій отъ мистицизма не только Россіи, но и всѣмъ царствамъ земнымъ, законамъ и религіямъ, и настаивалъ на немедленномъ сверженіи министра. Донесенія эти поддержалъ и митрополитъ. Голицынъ былъ уволенъ какъ отъ предсѣдательства въ библейскомъ обществѣ, такъ и отъ министерства. Само библейское общество закрылось уже по кончинѣ Александра, при Николаѣ I. Министромъ былъ сдѣланъ Шишковъ, но принялъ на себя управленіе дѣлами однихъ инославныхъ вѣроисповѣданій; православная часть министерства снова передана была оберъ-прокурору Синода на прежнихъ основаніяхъ. Личный составъ Синода снова измѣнился; Голицынскіе члены его были уволены на епархіи, а на мѣсто ихъ вызваны новые, въ томъ числѣ на мѣсто Филарета Евгеній, тогда уже митрополитъ кіевскій (съ 1822 г.). Гоненіе противъ всего Голицынскаго сильно задѣло Филарета. Шишковъ съ Аракчеевымъ потребовали запрещенія его катихизисовъ (полнаго и краткаго) на томъ основаніи, что въ нихъ не только тексты Св. Писанія, но даже «молитвы Вѣрую и Отче нашъ и заповѣди» переведены были на «простонародное нарѣчіе». Взволнованный этимъ нападеніемъ, московскій святитель въ

письмѣ къ м. Серафиму съ силой указывалъ на то, что катихизисы его были торжественно признаны самимъ Синодомъ и что такое нападеніе на ихъ достоинство не призванныхъ людей съ сбивчивыми понятіями о церковныхъ дѣлахъ, которые символъ вѣры называютъ молитвою, касается самого Синода и можетъ потрясти іерархію. Но продажа и изданіе катихизисовъ были все-таки остановлены; новое изданіе ихъ (уже съ славянскими текстами) послѣдовало въ 1827 г.

Св. Синодъ съ царствованія Николая I-го.— Императоръ Николай I отнесся къ московскому святителю съ бо́льшимъ уваженіемъ и въ день своей коронаціи (26 августа 1826 г.) возвелъ его въ санъ митрополита. Послѣ этого до 1842 г. Филаретъ постоянно лично участвовалъ въ дѣлахъ Св. Синода. Другими постоянными членами Синода, кромѣ Серафима, были кіевскіе митрополиты Евгеній и послѣ него († 1837) *Филаретъ Амфитеатровъ*. Послѣдній началъ свою службу съ учительства въ родной сѣвской семинаріи (род. въ 1779 г.), потомъ былъ ректоромъ семинаріи орловской, оренбургской и тобольской, инспекторомъ преобразованной петербургской академіи, гдѣ въ 1814 г. вмѣстѣ съ ректоромъ Филаретомъ удостоенъ степени доктора богословія, затѣмъ ректоромъ академіи московской, въ 1819 г. рукоположенъ епископомъ въ Калугу, потомъ послѣдовательно святительствовалъ въ епархіяхъ Рязанской, Казанской, Ярославской и Кіевской; это былъ святитель подвижникъ, не столько ученый, сколько непоколебимый въ православіи, и строго консервативнаго направленія во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Всѣ синодальныя дѣла велись главнымъ образомъ этими членами. Первенствующій членъ м. Серафимъ, по преклонности лѣтъ, работалъ не много. Всѣхъ членовъ, по штату 1819 г., было 7 вмѣстѣ съ присутствующими по вызову изъ епархій. Устройство Св. Синода оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ до второй половины 1830-хъ годовъ, когда оберъ-прокуроромъ сдѣлался весьма памятный по синодальнымъ реформамъ графъ *Н. А. Протасовъ* (1836—1855). По вступленіи въ должность онъ остался недоволенъ канцелярскою частью въ устройствѣ Синода, которая до того времени устроена была дѣйствительно слабо и бѣдно. Вся она состояла только изъ двухъ небольшихъ отдѣленій съ двумя оберъ-секретарями. Кромѣ нихъ, нѣчто въ родѣ особаго отдѣленія при Синодѣ составляла еще коммиссія духовныхъ училищъ, состоявшая въ большинствѣ изъ синодаль-

ныхъ же членовъ. По иниціативѣ графа, составъ канцелярскихъ отдѣленій былъ расширенъ и преобразованъ по образцу канцелярій министерствъ; изъ нихъ организованы были цѣлыя управленія на подобіе министерскихъ департаментовъ, каждое съ особымъ директоромъ и нѣсколькими оберъ-секретарями и секретарями,—такъ явились двѣ канцеляріи—синодальная и оберъ-прокурорская, хозяйственное управленіе и замѣнившее (въ 1839 г.) комиссію дух. училищъ духовно-учебное управленіе. Послѣдняя замѣна всѣми уважаемой ученой коллегіи канцелярскимъ учрежденіемъ составляла самую неудачную часть Протасовской реформы. Въ общемъ своемъ составѣ реформа Протасова принесла синодальному управленію немало пользы, сообщивъ ему бо́льшую стройность и полноту, и сохранилась въ главныхъ своихъ чертахъ до сихъ поръ; но впечатлѣніе ея на духовное вѣдомство въ свое время было въ конецъ испорчено заносчивостью и властолюбіемъ ея виновника, который старался воспользоваться ею, какъ средствомъ къ собственному преобладанію надъ членами Синода. Преобладаніе это чувствовалось особенно тяжело, когда властительный сановникъ вмѣшивался въ чисто духовныя дѣла, въ рѣшеніе которыхъ, какъ человѣкъ полуіезуитскаго воспитанія, способенъ былъ, хотя можетъ быть, и безсознательно, вносить духъ чуждый православной церкви. Напримѣръ, въ концѣ 1830-хъ годовъ онъ, какъ прежде Шишковъ, поднялъ дѣло объ исправленіи катихизиса Филарета, въ которомъ усмотрѣлъ якобы протестантскій оттѣнокъ въ понятіи о церковномъ преданіи, въ отсутствіи помѣщеннаго въ «Православномъ Исповѣданіи» П. Могилы и заимствованнаго у католиковъ ученія о 9 церковныхъ заповѣдяхъ и въ изложеніи статьи о естественномъ богопознаніи изъ созерцанія видимаго міра; книгу П. Могилы онъ во всемъ предпочиталъ катихизису, ввелъ изученіе ея во всѣ семинаріи и упорно настаивалъ на томъ, чтобы она за чѣмъ-то объявлена была «символической» книгой прав. церкви. Въ 1839 г. катихизисъ, по опредѣленію Св. Синода, былъ дополненъ и исправленъ, но не по мыслямъ графа, а въ томъ чисто православномъ видѣ, въ какомъ существуетъ доселѣ: наприм., вмѣсто ученія о церковныхъ заповѣдяхъ, въ него вставлено было ученіе о блаженствахъ Евангельскихъ. Въ 1840-хъ годахъ графъ поднялъ новое дѣло о русскомъ переводѣ Библіи, при чемъ проводилъ католическую мысль о томъ, что народу не слѣдуетъ давать свободнаго доступа къ чтенію Свящ. Писанія, кромѣ того, входилъ въ Синодъ

съ предложеніемъ объявить славянскій переводъ Свящ. Писанія каноническимъ для Русской церкви, такимъ же, какимъ латинская церковь признаетъ Вульгату. Мудрая осторожность и твердость митрополита московскаго избавила Русскую церковь отъ такихъ вредныхъ опредѣленій. Но послѣ этого въ 1842 г. оба Филарета, болѣе всѣхъ мѣшавшіе гр. Протасову, были удалены изъ Св. Синода на свои епархіи.

По удаленіи на епархію Филаретъ кіевскій уже не принималъ участія въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія; онъ скончался въ 1857 г., лѣтъ за 10 до кончины принявъ тайно схиму съ именемъ Ѳеодосія. Но м. Филаретъ московскій и въ удаленіи отъ Петербурга, не выѣзжая изъ своей епархіи, продолжалъ оставаться, можно сказать, главнымъ средоточіемъ всей русской церковной жизни. Искушенный тяжкими испытаніями, онъ сдѣлался мудрымъ и надежнымъ руководителемъ всѣхъ іерарховъ его времени. Каждый изъ нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ считалъ полезнѣйшимъ долгомъ посѣтить его въ Москвѣ, чтобы воспользоваться его опытными указаніями и совѣтами въ трудныхъ дѣлахъ, а въ случаѣ невозможности личнаго съ нимъ общенія испросить у него руководительныхъ назиданій письменно. Его сужденія въ церковныхъ дѣлахъ имѣли рѣшающее значеніе; къ мнѣніямъ его невольно прислушивался и самъ графъ Протасовъ. Съ 1850-хъ годовъ его руководительно-административное значеніе проявлялось въ изумительно широкихъ размѣрахъ, которые не ограничивались предѣлами одного церковнаго вѣдомства, а захватывали чуть не всю русскую жизнь. При взглядѣ на многотомное изданіе его писемъ, мнѣній и отзывовъ по самымъ разнороднымъ дѣламъ, становится даже непонятнымъ, когда этотъ крѣпкій и многосторонній умъ успѣвалъ все это обдумывать. Къ нему, какъ къ послѣдней инстанціи, для рѣшенія всякихъ недоумѣній обращались съ вопросами и Св. Синодъ, и разныя государственныя вѣдомства, и сама верховная власть. Въ тревожное время разнообразныхъ реформъ 1860-хъ годовъ осторожная и осмотрительная консервативность московскаго святителя спасла русскую жизнь отъ многихъ лишнихъ увлеченій преобразовательнаго движенія и оказала услуги, которыя еще трудно пока и оцѣнивать. Знаменитый святитель скончался 19 ноября 1867 г.

Изъ послѣднихъ перемѣнъ въ устройствѣ Св. Синода замѣчательны: учрежденіе при немъ въ 1867 г. контрольнаго отдѣленія, учрежденіе въ томъ же году, вмѣсто духовно-учебнаго

управленія, новаго средоточія для духовноучебнаго вѣдомства— учебнаго комитета изъ ученыхъ членовъ съ предсѣдателемъ изъ духовныхъ лицъ, въ родѣ прежней коммиссіи дух. училищъ, въ 1872 г. изданіе для синодальныхъ учрежденій новыхъ штатовъ и наконецъ 1885 г. учрежденіе училищнаго совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами.

Перемѣны въ епархіальномъ управленіи.— Въ епархіальномъ управленіи за описываемое время прежде всего обращаютъ на себя вниманіе перемѣны въ числѣ епархій. При открытіи Синода было 18 епархій и 2 викаріатства. Потомъ съ передѣлами губерній это число постепенно увеличивалось. При имп. Елизаветѣ оно увеличилось открытіемъ епархіи Московской и Петербургской и чрезъ выдѣленіе изъ бывшей патріаршей области нѣсколькихъ новыхъ епархій и къ 1764 г. дошло до 29. Послѣ Екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ (1775 г.) и новыхъ пріобрѣтеній Россіи по польскимъ раздѣламъ къ началу XIX в. всѣхъ епархій, кромѣ грузинскихъ, стало 36. Въ XIX столѣтіи, особенно при имп. Николаѣ I, число это еще увеличилось и къ началу настоящаго столѣтія дошло до 66 съ 41 викаріатствомъ. Старинныя степени епархій по старшинству со времени Петра I потеряли значеніе. Послѣ отмѣны патріаршества онъ переставъ жаловать архіереевъ титуломъ митрополита, отбиралъ иногда этотъ титулъ и у старыхъ митрополитовъ (Сильвестра нижегородскаго, Игнатія крутицкаго), бѣлый клобукъ замѣнялъ черными, а митроноличій саккосъ усвоилъ всѣмъ архіереямъ безъ различія. Новые митрополиты начинаютъ являться только при имп. Елизаветѣ. По Екатерининскимъ штатамъ епархіи опять раздѣлены были по степенямъ на три класса и архіереямъ первыхъ двухъ классовъ усвоенъ титулъ архіепископовъ; но потомъ при ней же три епархіи I класса стали управляться и доселѣ управляются митрополитами. Съ 1867 г. классы епархій снова были отмѣнены, и титулы архіереевъ обращены въ ихъ личное преимущество, безъ отношенія къ достоинству епархій.—Замѣщеніе архіерейскихъ вакансій постоянно производилось по избранію Св. Синода, который представлялъ избранныхъ кандидатовъ (въ XVIII в. двоихъ, а съ 1822 г. троихъ) на Высочайшее усмотрѣніе для окончательнаго избранія и утвержденія одного изъ нихъ къ поставленію. Весьма важнымъ явленіемъ епархіальной жизни со времени государя Александра III были окружные соборы епископовъ, встрѣченные съ большимъ сочув-

ствіемъ, какъ давно желанное возстановленіе древняго обычая и права православныхъ святителей. Таковы были соборы: въ 1884 г. въ Кіевѣ и Петербургѣ, въ 1885 г.—въ Казани и Иркутскѣ. Предметами ихъ совѣщаній были разные церковные вопросы мѣстныхъ краевъ, особенно вопросы о церковномъ благочиніи и о миссіонерскихъ мѣрахъ противъ иновѣрія, раскола и сектантства.

Органы епархіальнаго управленія долгое время оставались прежніе. Коллегіальная форма, какая придана была Петромъ высшему церковному управленію, въ епархіальное управленіе была перенесена только съ 1744 г., когда, вмѣсто архіерейскихъ приказовъ, въ епархіяхъ велѣно было учредить консисторіи, существовавшія раньше только въ южно-русскихъ епархіяхъ. Въ 1841 г. вышелъ для консисторій уставъ, а въ 1883 г. былъ вновь пересмотрѣнъ и введенъ въ дѣйствіе въ исправленномъ видѣ. Съ 1740-хъ же годовъ коллегіальныя учрежденія стали заводиться и въ епархіальныхъ округахъ подъ именемъ духовныхъ правленій (съ 1840 года правленія эти стали постепенно упраздняться). Прежніе поповскіе старосты оставались въ епархіяхъ до отмѣны въ 1764 г. архіерейскихъ сборовъ съ духовенства, сохраняя постепенно одно финансовое значеніе и выборный характеръ. Благочинническія обязанности со времени Петра стали поручаться особымъ лицамъ, уже не выборнымъ, а опредѣляемымъ на должность самими архіереями,—заказчикамъ. При Елизаветѣ они получили названіе благочинныхъ. Въ 1775 г. Платонъ московскій написалъ для нихъ инструкцію. Въ 1857 году эта инструкція была пересмотрѣна и исправлена Св. Синодомъ. Съ конца XVIII столѣтія явилась новая должность благочинныхъ надъ монастырями изъ почетнѣйшихъ настоятелей монастырей. Въ личномъ составѣ епархіальнаго управленія до Екатерины II, какъ и въ составѣ высшаго управленія, обращаетъ на себя вниманіе преобладаніе Черкасъ или Малороссовъ, которые при архіереяхъ изъ Малороссовъ завладѣвали обыкновенно всѣми должностями, къ великому неудовольствію мѣстнаго духовенства. Всѣ эти пришлыя начальства, гордясь своимъ образованіемъ, обращались съ мѣстнымъ духовенствомъ пренебрежительно и сурово. Старая суровая система епархіальной администраціи, основанная на страхѣ и проявлявшаяся въ «жестокихъ» наказаніяхъ за вины плетьми, кіями, розгами, заключеніемъ въ консисторскія и монастырскія тюрьмы, тяжелыми работами на архіерейскихъ дворахъ, по мо-

настырямъ и въ дух. школахъ, при этихъ чужихъ начальствахъ казалась еще тяжелѣе. Жаловались на Черкасъ и члены приходскихъ причтовъ, и учители по школамъ, и монастырскіе настоятели, такъ какъ отъ обычныхъ мѣръ тогдашняго начальственнаго «смиренія» подчиненныхъ никто не былъ свободенъ. При Екатеринѣ II господство Малороссовъ пало; кромѣ того, съ учрежденіемъ штатовъ въ 1764 г. духовенство было освобождено отъ архіерейскаго тягла, которое само по себѣ портило и огрубляло отношенія начальствующихъ къ подчиненнымъ. Съ паденіемъ въ епархіальной администраціи тягловой системы и съ занятіемъ начальственныхъ постовъ новыми, своими, а не пришлыми людьми, повсюду почувствовалось облегченіе прежнихъ тяжестей. Въ 1766 г. самъ Св. Синодъ принялъ участіе въ смягченіи административныхъ нравовъ и издалъ указъ объ отмѣнѣ по духовному вѣдомству тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ священнослужителей и бѣлаго и чернаго духовенства. На архіерейскихъ каѳедрахъ все чаще стали являться архіереи новаго, гуманнаго типа, старавшіеся поднять духовенство изъ его приниженія. Таковъ былъ святитель Тихонъ воронежскій (1763—1767), отмѣнившій тѣлесныя наказанія въ своей епархіи еще раньше синодскаго указа и требовавшій отъ своихъ консистористовъ, чтобы они обращались съ священнослужителями съ уваженіемъ, подобающимъ священному сану; таковы же были знаменитые іерархи Екатерининскаго вѣка Гавріилъ и Платонъ. Платонъ старался внушать духовнымъ лицамъ правила самоуваженія и сановитости, и самъ говорилъ о себѣ, что засталъ свое духовенство въ лаптяхъ, но успѣлъ обуть его въ сапоги и ввести въ гостиныя. Болѣе успѣшному усовершенствованію епархіальной администраціи долго мѣшало крайне бѣдное обезпеченіе ея органовъ матеріальными средствами. Нищенскіе оклады ея штатныхъ служащихъ, начиная съ секретарей консисторіи, и существованіе разныхъ епархіальныхъ должностей, остававшихся безъ вознагражденія, на цѣлое столѣтіе поддержали въ ней старое зло административной продажности и поборовъ. Зло это стало ослабѣвать только съ 1869 года, съ увеличеніемъ консисторскихъ окладовъ. Съ царствованія Александра II, даровавшаго широкую свободу самоуправленія всѣмъ сословіямъ, весьма важное значеніе въ епархіальной жизни получили повременные благочинническіе съѣзды и съѣзды духовенства для совѣщанія по сословнымъ и епархіальнымъ дѣламъ, оказывающіе благотворное вліяніе на всѣ отрасли этой жизни, особенно

со стороны изысканія для епархіальныхъ нуждъ матеріальныхъ средствъ.

Управленіе военнымъ духовенствомъ.—Полномочія епархіальной власти, по законамъ Петра Великаго, должны были простираться на всѣ церковныя учрежденія и на всѣхъ лицъ, находящихся въ епархіи, безъ исключенія. Но исключенія все-таки остались. Кромѣ ставропигіальныхъ монастырей, изъ круга епархіальнаго вѣдомства выдѣлилось придворное духовенство, подчиненное Синоду и дворцовому управленію и поставленное подъ непосредственное начальство протопресвитера—духовника Ихъ Величествъ. На тѣхъ же началахъ при импер. Павлѣ въ особое вѣдомство выдѣлилось духовенство военное. Въ прежнее время оно находилось въ подчиненіи епархіальнымъ начальствамъ по мѣстамъ расположенія полковъ и только въ военное время поступало подъ вѣдѣніе особыхъ флотскихъ оберъ-іеромонаховъ и полевыхъ оберъ-священниковъ, учрежденныхъ воинскимъ (1716 г.) и морскимъ (1720) уставами Петра. При импер. Павлѣ въ 1800 г. учреждена должность постояннаго оберъ-священника, который и былъ поставленъ во главѣ всего духовенства арміи и флотовъ. Въ 1816 г. изъ его управленія выдѣлилось еще новое особое управленіе духовенствомъ гвардейскихъ полковъ подъ вѣдѣніемъ оберъ-священника главнаго штаба и гвардіи. Въ 1840 г. учреждена должность оберъ-священника въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, впрочемъ съ подчиненіемъ оберъ-священнику арміи и флота. Все это управленіе военнымъ духовенствомъ непосредственно подчинено Св. Синоду и организовано независимо отъ епархіальныхъ властей, съ особыми собственными благочинными, судомъ и отчетностью. Первый оберъ-священникъ при Павлѣ *Озерецковскій*, съ разрѣшенія государя, устроилъ въ Петербургѣ даже особую семинарію для дѣтей военнаго духовенства, называвшуюся армейской. Она существовала только до 1819 г., потомъ ученики ея были распредѣлены по епархіальнымъ дух. школамъ. Въ 1890 г. все управленіе военнымъ духовенствомъ объединено подъ вѣдомствомъ одного протопресвитера военнаго и морского духовенства и состоящаго при немъ духовнаго правленія.

Перемѣны въ содержаніи высшей іерархіи и монастырей.—Съ введеніемъ при Петрѣ въ духовное вѣдомство опредѣленій о штатахъ въ содержаніи духовныхъ учрежденій и лицъ послѣдовали весьма важныя перемѣны. Такъ какъ

перемѣны эти были тѣсно связаны съ вопросомъ о церковныхъ вотчинахъ, то и касались только высшей іерархіи и монастырей за исключеніемъ лишь очень небольшого числа имѣвшихъ вотчины церквей и соборовъ. Послѣ отобранія церковныхъ вотчинъ въ управленіе монастырскаго приказа на содержаніе церковныхъ учрежденій назначены были опредѣленные штатные оклады, исчисленные съ крайней экономіей, «безъ чего пробыть невозможно», какъ выражались указы. При исчисленіи ихъ правительство принимало во вниманіе не столько ихъ достаточность для церковныхъ учрежденій, сколько то, чтобы отъ нихъ оставалось, какъ можно, болѣе остатковъ на государственныя и общественныя нужды. Да и эти урѣзанные оклады выдавались не сполна, а на половину (ради военнаго времени), а то и вовсе иногда не выдавались. Сверхъ того, на тѣ же оклады монастыри должны были содержать присылавшихся на ихъ попеченіе престарѣлыхъ и раненыхъ воиновъ, распредѣляя между ними порціоны монашескихъ вакансій. Монастырскій приказъ съ своей стороны всего болѣе заботился о томъ, чтобы собрать съ своего вѣдомства все, что съ него требовалось, и не поплатиться за недоборъ, и очень мало обращалъ вниманія на главное,—на благосостояніе самихъ вотчинъ, которыми управлялъ, а равно на благосостояніе настоящихъ хозяевъ этихъ вотчинъ—церковныхъ учрежденій. Неизбѣжнымъ результатомъ такого хозяйства его было то, что церковныя учрежденія стали быстро приходить въ упадокъ; архіерейскіе домы скудѣли, монастырскія зданія и церкви разваливались, церковныя вотчины раззорялись и пустѣли отъ непомѣрныхъ сборовъ и крестьянскихъ побѣговъ. По учрежденіи Св. Синода церковныя имѣнія снова были отданы въ завѣдываніе духовныхъ властей, и самъ монастырскій приказъ перешелъ въ вѣдомство Синода. Но архіереи и монастыри и послѣ этого не могли распоряжаться своими вотчинными доходами самостоятельно, а должны были довольствоваться съ нихъ одними своими штатными окладами, все же остальное цѣликомъ отдавать въ распоряженіе правительства. Монастырскій приказъ и теперь, подъ вѣдомствомъ Синода, долженъ былъ руководствоваться тѣми же правилами, что прежде подъ вѣдомствомъ Сената, при чемъ отвѣтственность за недоборы, которую онъ несъ прежде самъ одинъ, легла теперь главною своею тяжестью уже на Св. Синодъ. Такимъ образомъ духовное вѣдомство съ управленіемъ своими вотчинами приняло на себя только лишніе хлопоты и тяжелую отвѣт-

ственность безъ особенныхъ выгодъ. Юридически вотчины эти считались церковной собственностью, но фактически духовное вѣдомство было надъ ними только управляющимъ, а настоящимъ хозяиномъ было государство. Въ такомъ состояніи вопросъ о церковныхъ вотчинахъ оставался до 1760-хъ годовъ, наклоняясь, очевидно, къ рѣшенію въ смыслѣ полной ихъ секуляризаціи. Между тѣмъ, еще при самой передачѣ этихъ вотчинъ духовенству, онѣ были уже раззорены и имѣли на себѣ свыше милліона недоимокъ. Какъ Св. Синодъ ни доказывалъ, что недоимки эти образовались еще при свѣтскомъ управленіи вотчинной экономіей, и что духовное вѣдомство ничѣмъ въ нихъ неповинно, правительство такъ и осталось въ убѣжденіи, что и въ недоборахъ, и въ дурномъ состояніи вотчинъ виновато небережливое и неумѣлое хозяйство одной «духовной команды». При Аннѣ Іоанновнѣ до церковныхъ вотчинъ добралась страшная доимочная канцелярія и раззорила ихъ вдосталь. Изъ подозрительности къ духовнымъ властямъ сборъ недоимокъ былъ порученъ свѣтскимъ властямъ и военнымъ командамъ, а въ 1738 году коллегія экономіи, замѣнившая монастырскій приказъ (съ 1726 г.), была совсѣмъ переведена въ вѣдомство Сената и такъ усердно начала расходовать церковно-вотчинныя суммы на государственныя надобности, что наприм. въ 1740 г. не изъ чего было выдать жалованья даже членамъ Св. Синода. Благочестивая Елизавета Петровна опять отдала церковныя вотчины въ руки духовенства, но къ концу своего царствованія и она стала доходить до секуляризаціонныхъ соображеній. На одной конференціи Синода и Сената въ 1757 г. она опредѣлила положеніе вопроса о церковныхъ вотчинахъ весьма выразительно, замѣтивъ, что дух. учрежденія, «не имѣя власти употреблять свои доходы инако, какъ только на положенные штатомъ расходы, суетное себѣ дѣлаютъ затрудненіе управленіемъ вотчинъ», и собиралась составить объ нихъ новыя распоряженія, но не успѣла сдѣлать этого до самой своей кончины.

Императоръ Петръ III первый сдѣлалъ рѣшительный шагъ, распорядившись включить всѣ церковныя вотчины въ общій составъ имуществъ государственныхъ, а на содержаніе церковныхъ учрежденій и лицъ опредѣлить штатное жалованье. Но такая крупная и крутая реформа такъ сильно поразила духовенство, что послужила не послѣднимъ поводомъ къ свергнувшему этого императора перевороту. Его преемница Екатерина II на пер-

выхъ порахъ по восшествіи на престолъ должна была осудить и отмѣнить распоряженія своего супруга, хотя въ душѣ была совершенно съ ними согласна. Дѣло секуляризаціи церковныхъ вотчинъ однако настолько уже созрѣло и притомъ было тогда такимъ моднымъ дѣломъ во всей Европѣ, что откладывать его рѣшеніе въ дальній ящикъ императрица нашла неразсчетливымъ и едва только утвердилась на престолѣ, какъ созвала для рѣшенія этого дѣла коммиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Въ 1764 г. работы коммиссіи были закончены; всѣ церковныя вотчины были переданы въ государственное вѣдомство подъ именемъ экономическихъ. Архіерейскіе домы и монастыри раздѣлены на три класса и снабжены соотвѣтственными каждому классу штатными окладами жалованья съ прибавкой къ этимъ окладамъ извѣстнаго количества земель и разныхъ угодій; опредѣлены также оклады на соборы, архіерейскія богадѣльни, инвалидовъ (вмѣсто содержанія ихъ въ монастыряхъ) и на духовныя школы. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ Екатерининскихъ окладовъ были гораздо меньше тѣхъ, какіе въ свое время назначалъ Петръ III,—притомъ же не простирались на монастыри безвотчинные;—послѣдніе или оставлялись на ихъ собственномъ содержаніи, или закрывались. Между тѣмъ выгоды, какія получила отъ всей этой операціи казна, были очень велики: на всѣ штатные оклады духовнаго вѣдомства ежегодно отпускалось всего 462,868 руб., тогда какъ одного крестьянскаго оброка съ отобранныхъ вотчинъ (910,866 душъ) казна получала 1,366,299 руб., кромѣ разныхъ другихъ вотчинныхъ доходовъ. Оклады эти впрочемъ скоро стали постепенно увеличиваться, и къ концу царствованія Екатерины количество ихъ доросло до 500,000 руб. слишкомъ.

Протестъ Арсенія Маціевича и его судьба.— Образованное общество и въ Россіи, и въ Европѣ прославляло Екатерину за такое модное тогда дѣло. Но высшее русское духовенство, конечно, было недовольно, хотя и молчало. На откровенный протестъ отважился только одинъ архіерей изъ Малороссовъ,—Арсеній Маціевичъ ростовскій. Въ 1763 г., еще во время предварительныхъ работъ коммиссіи о вотчинахъ, отъ него поступили въ Синодъ одно за другимъ два доношенія, въ которыхъ онъ горячо доказывалъ неприкосновенность церковнаго достоянія, котораго не трогали даже татарскіе ханы, и несправедливость затѣяннаго правительствомъ дѣла и угрожалъ въ будущемъ полнымъ упадкомъ въ Россіи всего монашества, а съ

нимъ и архіерейства и превращеніемъ отъ того всего Русскаго государства со всѣми его чинами и академіями въ государство безпоповское, протестантское, даже атеистское. Императрица была чрезвычайно раздражена этимъ протестомъ, но предала безпокойнаго архіерея суду самаго же Синода. Синодъ лишилъ его сана и, какъ оскорбителя величества, рѣшилъ препроводить къ свѣтскому суду, по которому онъ долженъ былъ подвергнуться смертной казни. Екатерина ограничилась только приговоромъ Синода, и Арсеній отправленъ былъ на заточеніе въ Корельскій монастырь. Дѣло однако этимъ не кончилось: въ 1767 году, по доносамъ изъ монастыря въ хулахъ на судей и императрицу, онъ былъ снова судимъ, лишенъ монашества и подъ именемъ «Андрея враля» заключенъ секретно въ Ревельскую крѣпость, гдѣ и скончался въ 1772 г. Память его въ народѣ окружена была большимъ уваженіемъ и разными легендами объ его пророчествахъ (касательно гибели его судей), чудесахъ и посмертныхъ явленіяхъ.

Все противодѣйствіе дѣлу секуляризаціи только этимъ протестомъ и ограничилось. Въ 1786 году церковныя вотчины были секуляризованы въ Малороссіи. Тогда же закрыта была и коллегія экономіи, державшая секуляризованныя вотчины пока въ своемъ отдѣльномъ вѣдомствѣ, и вотчины эти окончательно слились съ имѣніями государственными подъ управленіемъ казенныхъ палатъ. Въ 1788 г. сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія о монастырскихъ вотчинахъ губерній Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской. Наконецъ, по присоединеніи къ Россіи западнаго края и Закавказья, населенныя церковныя земли въ разное время (при Николаѣ I и Александрѣ II) отобраны и тамъ съ приличнымъ за нихъ вознагражденіемъ духовенства изъ казны. Изъ распоряженій касательно содержанія церковныхъ учрежденій послѣ Екатерининскихъ штатовъ замѣчательны: при Павлѣ I—увеличеніе штатныхъ окладовъ духовенства почти вдвое и прибавленіе архіерейскимъ домамъ и монастырямъ земельныхъ и др. угодій; при Александрѣ I—дозволеніе имъ (1805 и 1810 гг.) вновь пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, съ особаго впрочемъ на каждый разъ Высочайшаго разрѣшенія; при Александрѣ II изданіе новыхъ возвышенныхъ штатовъ для архіерейскихъ домовъ.

Перемѣны въ положеніи бѣлаго духовенства.— Содержаніе бѣлаго духовенства оставалось постоянно на попе-

ченіи главнымъ образомъ приходскихъ обществъ. Въ Прибавленіи къ Дух. Регламенту высказано было предположеніе назначить въ пользу приходскихъ причтовъ постоянные годовые взносы со всѣхъ приходскихъ дворовъ, но предположеніе это не осуществилось. При Петрѣ уменьшилось и то благосостояніе, какимъ духовенство пользовалось прежде. По случаю войны сокращена была на половину царская руга ружнымъ церквамъ. Нѣкоторыя доходныя статьи духовенства,—мельницы, рыбныя ловли, пчельники, бани, наемныя помѣщенія при домахъ,—объявлены оброчными статьями казны. Въ 1722 г. причтамъ запрещены были праздничныя славленья по приходамъ, кромѣ Рождественскаго, и хожденія съ иконами. Явились новые сборы на школы, богадѣльни, на полковое духовенство, сборъ съ священниковъ драгунскихъ лошадей, а съ церковниковъ по рублю въ годъ за освобожденіе отъ личной военной службы, повинности пожарная, караульная и др. Болѣе полезными для улучшенія средствъ духовенства были только мѣры къ болѣе равномѣрному распредѣленію приходовъ и сокращенію числа церквей и причтовъ штатами 1722 г., которыхъ правительство держалось потомъ въ теченіе почти всего XVIII в.; на 100—150 дворовъ прихода полагался причтъ изъ 3 или 4 членовъ, на 200—250 двойной, на 250—300 и болѣе—тройной. Благочестивое царствованіе Елизаветы принесло духовенству нѣсколько болѣе выгодъ: ружнымъ церквамъ возвращена руга; возстановлены праздничныя славленья по домамъ прихожанъ, послѣдовало освобожденіе духовенства отъ нѣкоторыхъ повинностей,—полицейскихъ, подводной, постойной; кромѣ того, при общемъ межеваніи земель въ 1754 г. положено было продолжить надѣлъ церквей землями, который остановился еще въ концѣ XVII столѣтія. Надѣлъ этотъ впрочемъ начался уже при импер. Екатеринѣ съ 1765 г.,—количество его было опредѣлено въ 33 десятины на причтъ; къ концу царствованія онъ простерся на 23 губерніи. Полагаясь на обѣщаніе императрицы, высказанное ею при началѣ секуляризаціонной операціи, духовенство надѣялось было кое что получить въ свою пользу изъ средствъ секуляризованныхъ церковныхъ вотчинъ, но не получило ничего. Въ штаты вошли только соборы и до 105 церквей, имѣвшихъ вотчины, и то съ очень скупыми окладами,—на всѣ до 16,400 р. Въ 1765 г. императрица, съ голоса западныхъ обличителей тамошняго клерикальнаго корыстолюбія, вздумала защищать отъ такого же

корыстолюбія и своихъ подданныхъ и выдала обязательную таксу за требы съ крайнѣ ничтожными цифрами,—3 коп. за крещеніе, 10 коп. за бракъ, столько же за погребеніе и т. д. При императорѣ Александрѣ I такса эта была возвышена вдвое. Имп. Павелъ, благоволившій къ бѣлому духовенству, продолживъ надѣлъ церквей землями, возложилъ обработку этихъ земель въ пользу причтовъ на прихожанъ, но Александръ I отмѣнилъ это распоряженіе, какъ неудобное на дѣлѣ. Большія надежды возбудилъ въ духовенствѣ извѣстный комитетъ 1808 г., предназначавшій изъ проектированнаго имъ капитала значительные оклады на всѣ причты (отъ 300 до 1000 р. на причтъ), но, какъ извѣстно, предположенія его не осуществились, а между тѣмъ изъ-за нихъ остановленъ былъ надѣлъ церквей землями, въ ожиданіи будущихъ благъ признанный тогда уже не нужнымъ. Изъ новаго капитала духовенству пришлось попользоваться только очень немногимъ. Такъ, изъ него положено было выдавать классные оклады ученому духовенству по ученымъ степенямъ, временныя пособія причтамъ, разворившимся отъ пожаровъ, неурожая и пр., и по 150,000 р. въ годъ на пенсіи духовнымъ лицамъ и на попечительства о бѣдныхъ дух. званія. Попечительства эти учреждены въ 1823 г. при консисторіяхъ; кромѣ указаннаго пособія изъ духовно-учебнаго капитала, въ пользу ихъ назначены особые кружечные сборы, штрафныя деньги изъ консисторій, доходы съ кладбищъ и остатки штатныхъ суммъ изъ монастырей. При имп. Николаѣ I надѣлъ церквей землями снова усиленъ. Кромѣ того, для западныхъ епархій съ 1842 г. назначены причтамъ небольшіе, вспомогательные къ ихъ приходскимъ средствамъ оклады казеннаго жалованья, которые съ 1843 г. стали постепенно распространяться и на другія епархіи. Тогда же утверждено положеніе объ обезпеченіи сельскаго духовенства землями, церковными домами и пособіями отъ прихожанъ.

Съ 1860-хъ годовъ вопросъ объ обезпеченіи духовенства подвергся особенно тщательному обсужденію и въ правительственныхъ сферахъ, и въ литературѣ, и среди самого духовенства. Въ 1862 г. образовано было особое присутствіе по дѣламъ духовенства изъ членовъ Синода, оберъ-прокурора, министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и др. лицъ (дѣйствовало до 1885 года), а въ 1863 г. открылись губернскія присутствія изъ представителей мѣстной администраціи, духовенства и общества подъ предсѣдательствомъ архіереевъ. Въ томъ

же году циркуляромъ главнаго присутствія намѣчено самое направленіе послѣдующихъ работъ по вопросу объ обезпеченіи причтовъ,—рекомендовалось въ этомъ дѣлѣ, какъ общественномъ, обращать вниманіе не столько на правительственныя, сколько на общественныя и въ частности на приходскія средства, возбуждая самодѣятельность приходскихъ обществъ. Возбужденіе этой самодѣятельности выразилось въ учрежденіи съ 1864 г. приходскихъ попечительствъ, возстановленіи и открытіи при церквахъ братствъ, въ пожертвованіяхъ на причты, назначеніи имъ по мѣстамъ (въ Таврич. губерніи) годового приходскаго жалованья, разныхъ въ пользу нихъ постановленіяхъ земствъ и проч. Духовенство съ своей стороны предпринимало разныя мѣры самопомощи, изыскивая средства для образованія своихъ дѣтей, заводя епархіальные свѣчные заводы, учреждая эмеритальныя кассы. Правительственныя мѣропріятія состояли въ новыхъ нормальныхъ штатахъ для причтовъ и возвышеніи имъ окладовъ жалованья (съ 1864 г.), особенно въ западномъ и прибалтійскомъ краѣ, въ распоряженіяхъ объ отводѣ имъ земель, постройкѣ домовъ, отпускѣ лѣса, возвышеніи пенсіонныхъ окладовъ и т. д. Выдачу пенсій священнослужителямъ и ихъ семействамъ въ 1887 г. правительство приняло на счетъ казны. Съ 1893 г. возобновленъ ежегодный прибавочный отпускъ изъ казны, опредѣленный теперь въ количествѣ 250,000 р., на распространеніе окладовъ жалованья духовенству въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ ихъ еще не было. Съ 1895 г. отпускъ изъ казны съ 250,000 сталъ ежегодно увеличиваться на 500,000 рублей. Къ концу столѣтія число причтовъ, получающихъ жалованье, дошло до 24,600.

Кромѣ вопроса о матеріальныхъ средствахъ духовенства, въ жизни его за описываемое время обращаетъ на себя вниманіе развитіе его сословной наслѣдственности. При Петрѣ оно окончательно сформировалось въ особое сословіе и притомъ замкнутое. Въ интересахъ государственной службы и тягла доступъ въ него изъ другихъ, служилыхъ и тяглыхъ, сословій былъ почти вовсе закрытъ. Притомъ же для церковной службы стало обязательно извѣстное спеціальное образованіе, и воспитанники духовныхъ школъ скоро заслонили доступъ къ церковнымъ мѣстамъ для всѣхъ постороннихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно стали падать и приходскіе выборы на эти мѣста;—архіереи знали воспитанниковъ своихъ школъ сами и лучше всѣхъ приходскихъ избирателей. Понятно, что при такихъ условіяхъ всѣ прежнія

формы наслѣдственности церковнаго служенія могли развиваться совершенно безпрепятственно. Духовная школа, воспитанники которой могли получать церковныя мѣста, по правамъ образованія, помимо правъ наслѣдственныхъ, мало повредила наслѣдникамъ; послѣдніе, поучившись въ ней, только еще болѣе укрѣпляли свои наслѣдныя права. Часто впрочемъ и неученый наслѣдникъ имѣлъ возможность пересилить своего ученаго соперника, опираясь на извѣстныя владѣльческія права свои на наслѣдное строеніе при церкви и запрашивая за него съ претендента на свое наслѣдное мѣсто непомѣрную плату. Петръ В. распорядился поэтому, чтобы члены причтовъ жили не въ своихъ, а въ церковныхъ домахъ и чтобы собственные ихъ дома прихожане купили въ пользу церкви, но это распоряженіе было такъ же не выполнимо, какъ подобное же распоряженіе собора 1667 г. о выкупѣ прихожанами у духовенства св. Божіихъ церквей. Комитетъ 1808 г. для устроенія церковныхъ домовъ проектировалъ особый строительный капиталъ, но онъ весь потомъ расходовался на постройки по одному духовно-учебному вѣдомству.

Опредѣленіе сословныхъ правъ духовенства, вслѣдствіе крайней его приниженности, шло весьма медленно. По своей подсудности одному духовному начальству, оно давно уже имѣло значеніе класса привиллегированнаго, но по платежамъ и повинностямъ долго не отдѣлялось отъ податного люда. Каноническая свобода его отъ личнаго податного состоянія въ древней Руси оказывалась неприложимой къ жизни, потому что раскладка податныхъ сборовъ производилась тогда не по душамъ или лицамъ, а по дворамъ и землямъ, которые подлежали имъ и во владѣніи духовенства. Въ первый разъ свобода эта оказалась осуществимой только при Петрѣ послѣ введенія для податныхъ классовъ подушнаго оклада, отъ котораго священнослужители были освобождены. Но и послѣ этого въ 1721—1722 г., Св. Синоду стоило не малыхъ хлопотъ испросить свободу отъ податного состоянія церковникамъ и дѣтямъ священнослужителей; дѣти церковниковъ такъ и остались тогда въ окладѣ. За всѣмъ тѣмъ на духовенствѣ все-таки долго, до царствованія Елизаветы, оставались разныя особыя личныя повинности,— караульная, пожарная, разсыльная, постойная, подводная. Гражданское приниженіе духовенства такъ было для всѣхъ привычно, что еще при Екатеринѣ II въ коммиссіи о новомъ уложеніи м. Гавріилу съ трудомъ удалось отстоять духовное сословіе отъ

причисленія къ мѣщанству и сохранить за нимъ «благородное» значеніе; но оно все-таки и послѣ этого не получило одного изъ важнѣйшихъ правъ благороднаго состоянія,—свободы отъ тѣлесныхъ наказаній по свѣтскому суду. Право это даровано священнослужителямъ при Павлѣ и Александрѣ I указами 1796 и 1801 гг., а церковно-служителямъ уже въ 1863 г., при общей отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Не мудрено, что и выходъ изъ духовнаго сословія долго былъ открытъ только въ податное состояніе или же въ солдаты, отъ чего оно замыкалась и съ этой стороны, накопляя внутри себя множество лишнихъ людей, не желавшихъ изъ него выходить, и требуя для своего очищенія отъ нихъ внѣшнихъ и часто насильственныхъ мѣръ. Лишнихъ священнослужителей архіереи старались распредѣлять въ викаріи къ церквамъ и въ учители дух. школъ, а правительство предоставляло имъ (до XIX столѣтія) полную свободу слагать санъ и поступать въ гражданскую службу и др. состоянія. Излишекъ ихъ такъ былъ великъ, что духовныя власти въ теченіе всего XVIII в. едва могли вывести даже крестцовое духовенство, противъ котораго вооружались съ особенной силой. Для уменьшенія числа лишнихъ церковниковъ и дѣтей духовенства съ 1703 г. употреблялись разборы, по которымъ ихъ забирали въ солдаты или въ подушный окладъ. Разборы эти періодически повторялись въ каждое царствованіе. Особенно тяжелы они были въ царствованіе имп. Анны, когда духовенство заподозрѣно было въ недоброжелательствѣ правительству. Въ 1730 г., при воцареніи Анны Іоанновны, вслѣдствіе несвоевременности и неясности распоряженій, вышла путаница изъ-за присягъ на вѣрноподданство новой государынѣ, такъ что многіе причты присягали ей уже въ 1832 г., а иные вовсе не присягали. За это множество церковниковъ и дѣтей духовенства было отдано въ солдаты или въ подушный окладъ; кромѣ такого отчисленія отъ своего сословія, виновные по дѣлу о присягахъ наказывались еще жестоко плетьми. Наказанію этому подвергались и небывшіе у присягъ священнослужители, нѣкоторые были даже разстрижены и тоже попадали или въ окладъ или въ солдатство. Множество духовныхъ лицъ пострадало такимъ же образомъ и подверглось ссылкѣ въ Сибирь еще за связи съ разными опальными людьми и за опущеніе царскихъ молебновъ и панихидъ. Духовное сословіе было опустошено до того, что Св. Синодъ насчитывалъ по епархіямъ цѣлыя сотни церквей, оста-

вавшихся вовсе безъ причтовъ; вслѣдствіе этого въ 1740 г. онъ обратился къ императрицѣ съ докладомъ, прося наконецъ пощады своему вѣдомству. Императрица указала остановить разборъ. Со времени импер. Елизаветы разборы стали значительно легче, касаясь главнымъ образомъ людей безграмотныхъ, къ церковной службѣ негодныхъ, или чѣмъ-нибудь себя опорочившихъ; притомъ же имъ по большей части давалось дозволеніе избирать себѣ родъ жизни добровольно самимъ. Былъ одинъ только суровый разборъ, напомянувшій старые разборы,—это при имп. Павлѣ I. Послѣдній разборъ былъ при императорѣ Николаѣ I въ 1830—1831 годахъ. Наконецъ указами 1827 и 1830 годовъ (о поступленіи въ военную и гражд. службу) и статьями свода законовъ 1842 г. были точно опредѣлены права рожденія и воспитанія священно-и-церковно-служительскихъ дѣтей, и для нихъ получилась возможность болѣе выгоднаго и почетнаго выхода изъ своего сословія съ правами нѣкоторой привиллегированности при избраніи службы или другого рода занятій, по самому происхожденію и безъ приписки къ податному состоянію. Въ 1867 г., объявлены недѣйствительными наслѣдственныя права на церковное служеніе въ приходахъ. Окончательное расторженіе сословной замкнутости духовенства послѣдовало въ 1869 г.: 16 апрѣля опредѣлены были новые сокращенные штаты церквей (отмѣнены въ 1885 г.), а указомъ 26 мая дѣти духовенства вовсе отчислены отъ состава духовенства,—священно-служительскія съ правами личнаго дворянства или потомственнаго почетнаго гражданства, церковно-служительскія съ правами личнаго почетнаго гражданства, послѣ чего духовное сословіе опредѣлилось только кругомъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной церковной службѣ. Въ то же время, еще съ конца 1850-хъ гг., постепенно открывался доступъ къ духовной службѣ чрезъ духовное образованіе лицамъ изъ другихъ сословій.

ГЛАВА II.

Распространеніе вѣры.

Обзоръ расширенія предѣловъ Русской церкви.—Въ отношеніяхъ государства къ религіи со времени Петровской реформы принятъ былъ въ основаніе принципъ сво-

боды вѣроисповѣданій. «Совѣсти человѣческой, писалъ Петръ въ указѣ 1702 г., приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому на его отвѣтственность пещися о спасеніи души своей». Принципъ этотъ приложенъ былъ и къ дѣлу христіанской миссіи между иновѣрцами имперіи. Сначала Петръ хотѣлъ было уничтожить всѣ принятыя до него внѣшнія поощрительныя мѣры къ обращенію инородцевъ, оставивъ въ силѣ однѣ мѣры духовныя, но скоро отказался отъ этой мысли и снова велѣлъ возстановить и отписку крещеныхъ крѣпостныхъ отъ ихъ некрещеныхъ помѣщиковъ, и разныя льготы новокрещенымъ; въ 1720 г. всѣмъ новокрещенымъ дарована была трехлѣтняя льгота отъ податей и рекрутства. При имп. Елизаветѣ такія поощрительныя мѣры къ крещенію усилены еще денежными и вещевыми подарками новокрещенымъ, раскладкой слѣдующихъ съ нихъ за льготный срокъ податей и рекрутчины на ихъ некрещеныхъ иноплеменниковъ и прощеніемъ совершенныхъ до крещенія преступленій. Екатерина II снова провозгласила принципъ вѣротерпимости, доведенной на этотъ разъ до крайности, до индифферентнаго покровительства всѣмъ, даже языческимъ вѣроисповѣданіямъ. «Какъ всевышній Богъ, писала императрица въ указѣ Св. Синоду отъ 1773 г., терпитъ на землѣ всѣ вѣры, то и Ея Величество изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его святой волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали». На основаніи такого принципа и изъ извѣстныхъ опасеній предъ мнимымъ фанатизмомъ духовенства, дѣятельность православныхъ миссій была ослаблена до послѣдней степени. Поощрительныя мѣры къ крещенію иновѣрцевъ были отмѣнены, кромѣ трехлѣтней льготы новокрещенымъ. Этого мало,—иновѣрному духовенству (мулламъ, ламамъ) назначались казенныя средства содержанія, какихъ не имѣло даже православное духовенство. Мухаммеданство получило полную свободу заводить мечети и школы; правительство даже само строило мечети, наприм. въ Оренбургскомъ краѣ для Киргизовъ, которые еще переживали тогда періодъ двоевѣрія и вовсе не были утверждены въ мухаммеданствѣ и которыхъ утверждать въ немъ было вовсе не дѣло православнаго государства. Наконецъ мухаммеданству дана была еще небывалая у него крѣпкая организація чрезъ назначеніе для его духовнаго управленія двоихъ муфтіевъ—въ Уфѣ (1788) и въ Крыму (1794) со множествомъ штатныхъ муллъ. Въ Сибири

такая же организація дана ламству чрезъ подчиненіе всѣхъ ламъ одному верховному ламѣ; потомъ въ 1775 г. введены для ламъ узаконившіе ихъ штаты, истолкованные ламами, какъ знакъ прямого покровительства верховной власти ламской вѣрѣ. Штаты эти подтверждены въ 1822 г., а въ 1853 г., вышло цѣлое законодательное положеніе о ламскомъ духовенствѣ. Въ качествѣ служителей религіи и муллы, и ламы получили свободу отъ податей, какъ православное духовенство. Не смотря однако на всѣ подобныя проявленія духа времени, дѣло православной миссіи все-таки шло своимъ чередомъ во все это время, особенно въ XIX в. Кромѣ инородцевъ Поволожья и Сибири, дѣйствія ея простерлись на нѣкоторыя новыя племена, напр. Калмыковъ, еще съ XVII в. начавшихъ переселяться въ Россію, и на племена вновь присоединявшихся къ Россіи мѣстностей средней Азіи, Сибири и Кавказа. На востокѣ дѣятельность православной миссіи выступила даже за предѣлы русскихъ владѣній,—въ Китай, Корею, Японію и Америку. Наконецъ, къ числу важнѣйшихъ пріобрѣтеній Русской церкви нужно отнести возсоединенныхъ съ нею въ XIX в. уніатовъ и обращавшихся въ православіе протестантовъ западнаго края.

Крещеніе инородцевъ въ Казанской епархіи и сосѣднихъ мѣстностяхъ. Въ Казанской епархіи дѣло христіанской миссіи оживилось съ 1701 г. при казанскомъ митрополитѣ *Тихонѣ*, который съ помощью ключаря *Ѳеодора* и іеромонаха *Алексѣя Раиѳскаго* до 1724 г. обратилъ множество инородцевъ своей епархіи, преимущественно впрочемъ изъ язычниковъ,—мухаммедане оказывались всегда упорнѣе въ своей вѣрѣ. Онъ первый обратилъ вниманіе и на образованіе крещеныхъ инородцевъ, заведя для нихъ въ Казани школу изъ 32 учениковъ; когда, за недостаткомъ средствъ, школа эта закрылась, онъ продолжалъ обученіе новокрещенскихъ дѣтей въ духовной школѣ при своемъ домѣ. Послѣ него въ 1731 г. въ Свіяжскѣ для Казанской и Нижегородской епархій была учреждена коммиссія новокрещенскихъ дѣлъ, во главѣ которой всталъ Алексѣй Раиѳскій, бывшій теперь уже архимандритомъ свіяжскаго монастыря. Съ 1724 г., со смерти Тихона, по 1733 г. онъ успѣлъ обратить до 1,300 Чувашъ и завелъ для нихъ при своемъ монастырѣ школу. Особенно сильно поднялась миссіонерская дѣятельность въ Казанскомъ краѣ съ 1738 г., когда казанскимъ архіереемъ сдѣлался наиболѣе памятный въ христіанскомъ просвѣщеніи этого края *Лука Конашевичъ*. Въ своей ревности къ обращенію

инородцевъ онъ доходилъ иногда даже до крайностей, насильно бралъ инородческихъ дѣтей въ свои школы, устроилъ въ татарской слободѣ въ Казани двѣ церкви и завелъ тамъ крестные ходы; въ селѣ Болгарахъ сломалъ остатки древнихъ зданій, считавшихся у мусульманъ священными, и сильно раздражилъ противъ себя всѣхъ Татаръ. Въ 1740 г. при свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ, вмѣсто коммиссіи новокрещенскихъ дѣлъ, учреждена была новокрещенская контора съ окладомъ въ 10,000 рублей. Она состояла изъ начальника архим. *Дмитрія Сѣченова*, 2 протоіереевъ, 5 переводчиковъ и 6 человѣкъ канцеляристовъ и солдатъ. Округъ ея обнималъ губерніи Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Со стороны правительства при имп. Елизаветѣ новымъ миссіонерамъ стало оказываться небывалое доселѣ энергическое содѣйствіе; кромѣ дарованія крещенымъ извѣстныхъ льготъ, правительство распорядилось остановить постройку новыхъ мечетей, нѣкоторыя наличныя мечети сломать, крещеныхъ отдѣлить отъ некрещеныхъ черезъ переселеніе на другія мѣста или первыхъ, водворяя ихъ поблизости русскихъ селеній, или послѣднихъ, если на мѣстѣ ихъ жительства крещеныхъ окажется болѣе десятой доли населенія. При такомъ содѣйствіи свѣтской власти миссіонеры крестили инородцевъ массами. За два года управленія Сѣченова, контора инородческихъ дѣлъ насчитывала до 17,362 новокрещеныхъ. Въ 1742 г. Дмитрій былъ поставленъ епископомъ въ Нижегородскую епархію, гдѣ въ теченіе 6 лѣтъ обратилъ еще до 50,000 инородцевъ. Послѣ него начальникомъ миссіи сдѣлался архимандритъ *Сильвестръ Гловацкій* изъ учителей казанской семинаріи и, при содѣйствіи другого учителя іером. *Веніамина Пуцека-Григоровича*, еще болѣе развилъ успѣхи миссіи. Крестились заразъ цѣлыя селенія; у миссіонеровъ иногда не доставало даже средствъ для снабженія всѣхъ новокрещеныхъ указными дачами. Всѣхъ крещеныхъ въ районѣ казанской миссіи при Елизаветѣ насчитывалось свыше 430,000 душъ. Но и теперь крестились преимущественно язычники,—Мордва крещена вся, Черемисъ, Чувашъ, Вотяковъ осталось некрещеными малое число; Татаръ же мухаммеданъ крестилось всего до 8,000 человѣкъ, да и тѣ готовы были отпасть отъ церкви при первомъ удобномъ случаѣ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы вполнѣ удовлетворительно было обращеніе и другихъ инородцевъ; миссіонеры успѣвали только крестить ихъ, научить же вѣрѣ не могли. Духовенства, знающаго инородческіе

языки, которое могло бы продолжать дѣло миссіонеровъ, не было. Инородческихъ школъ тоже было мало. Въ 1745—1749 гг. было заведено двѣ школы въ Свіяжскѣ и по одной въ Елабугѣ и Царевококшайскѣ, но въ 1753 г. Лука Конашевичъ соединилъ ихъ въ одну—въ Казани, а послѣ него и эта единственная школа пришла въ упадокъ. Между тѣмъ слишкомъ энергичная дѣятельность миссіонеровъ возбудила противъ себя волненіе среди инородцевъ,—Татаръ и Мордвы. Въ 1745 г. терюшевская Мордва Нижегородской епархіи за разореніе языческаго кладбища въ с. Сарлеяхъ едва не убила архіерея Димитрія и была усмирена только вооруженною силой. Въ Казанскомъ краѣ волненіе Татаръ грозило тѣмъ большею опасностью, что въ сосѣдяхъ между Башкирами въ 1750-хъ годахъ кипѣлъ сильный бунтъ. Въ 1755 г. правительство поэтому сочло нужнымъ перевести Луку Конашевича въ другую (Бѣлогородскую) епархію и смягчить свои указы о мечетяхъ и переселеніяхъ Татаръ. Послѣ этого миссіонерская дѣятельность стала слабѣть, а при импер. Екатеринѣ II пришла въ полный упадокъ.

Въ 1764 г. закрыта была самая контора новокрещенскихъ дѣлъ; для проповѣди св. вѣры въ восточныхъ епархіяхъ и въ Сибири велѣно выбрать только особыхъ «проповѣдниковъ». Татары все таки не переставали волноваться, особенно когда архіепископомъ казанскимъ сдѣлался извѣстный имъ своею ревностью Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ и возсталъ противъ постройки у нихъ новыхъ мечетей. При извѣстномъ тогда предубѣжденіи въ правительственныхъ сферахъ противъ «фанатизма» духовенства, жалобы Татаръ имѣли большой успѣхъ. Въ 1773 г. вышелъ указъ, устранявшій архіереевъ отъ всякихъ дѣлъ объ инородцахъ и о построеніи ихъ молитвенныхъ домовъ и предоставлявшій этого рода дѣла одной свѣтской власти. Послѣ Пугачевскаго бунта, въ которомъ инородцы принимали самое дѣятельное участіе, правительство стало смотрѣть на миссіонерство среди нихъ еще неблагосклоннѣе. Въ 1789 г., по случаю новаго волненія между Башкирами, запрещено было посылать къ инородцамъ и проповѣдниковъ безъ особаго сношенія о томъ архіереевъ съ губернаторами, а въ 1799 г. упразднена самая должность проповѣдниковъ. Усиленное учрежденіемъ іерархіи муфтіевъ и муллъ, мухаммеданство развило свою собственную пропаганду среди язычниковъ, въ чемъ помогало ему иногда само правительство; наприм., оно содѣйствовало утвержденію ислама между шаманствовавшими еще тогда Киргизами, строя у нихъ съ помощію казанскихъ

муллъ мечети и школы, а въ концѣ XVIII в. на свой счетъ отпечатало для Татаръ Коранъ. Въ 1802 г. станки азіатской типографіи, по просьбѣ Татаръ, переведены были изъ Петербурга въ Казань и типографія эта стала ежегодно выпускать десятки тысячъ мухаммеданскихъ книгъ, такъ что Казань сдѣлалась настоящимъ центромъ мусульманскаго образованія въ Россіи. Результаты всего этого обнаружились съ самаго начала XIX столѣтія. Еще въ 1802 и 1803 гг. начались отпаденія крещеныхъ Татаръ. Христіанская миссія должна была перемѣнить самое направленіе своей дѣятельности,—вмѣсто пріобрѣтенія для церкви новыхъ чадъ, ограничиться лишь заботами объ удержаніи въ христіанствѣ пріобрѣтенныхъ прежде. Въ видахъ христіанскаго ихъ просвѣщенія, въ 1802 г. вышелъ указъ о переводѣ на инородческіе языки краткихъ катихизисовъ и болѣе нужныхъ молитвъ. Затѣмъ библейское общество стало распространять на этихъ языкахъ переводы св. Писанія. Казанскій архіепископъ *Амвросій Протасовъ* предлагалъ переводить на инородческіе языки и богослужебныя книги, но мысль его тогда не нашла себѣ сочувствія. При духовно-учебныхъ заведеніяхъ епархій съ инородческимъ населеніемъ стали открывать классы мѣстныхъ инородческихъ языковъ, потому что въ духовенствѣ, знающемъ эти языки, была крайняя нужда. Но дѣло миссіи до того уже было запущено, что его долго нельзя было поправить. Въ царствованіе Александра I и Николая I производилось множество дѣлъ объ отпаденіяхъ крещеныхъ инородцевъ въ епархіяхъ Казанской, Вятской и Нижегородской; особенно большія безпокойства производили массовыя отпаденія крещеныхъ Татаръ, начавшіяся съ 1827 г. Для ослабленія этихъ отпаденій духовное и свѣтское начальства принимали разныя мѣры, тѣлесныя наказанія, ссылки, расторженіе браковъ крещеныхъ съ некрещеными, принудительное крещеніе дѣтей въ отпадавшихъ семьяхъ и проч. Въ 1830 г. въ Казанской епархіи вновь учреждены особые миссіонеры. Въ 1847 г. при казанской академіи, по Высочайшему повелѣнію, предпринятъ былъ переводъ на татарскій языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Но всѣ эти мѣры мало приносили пользы. Самое обученіе татарскому языку въ семинаріяхъ и переводы на него оказывались не соотвѣтствующими своему назначенію, потому что для нихъ употреблялся не живой, разговорный татарскій языкъ, а книжный, понятный только образованнымъ Татарамъ. Послѣднее большое отпаденіе Татаръ было въ 1866 г., но къ

этому времени у православной миссіи для борьбы съ мухаммеданской пропагандой явились уже новыя, болѣе сильныя средства.

Еще съ 1854 г. при казанской академіи учреждены были спеціальныя миссіонерскія отдѣленія. Въ средѣ одного изъ нихъ, противомусульманскаго, выработана была новая система дѣйствій для укрѣпленія крещеныхъ Татаръ въ христіанствѣ, состоявшая въ переводахъ христіанскихъ книгъ и обученіи дѣтей этихъ Татаръ въ школѣ при помощи не книжнаго, а живого, разговорнаго татарскаго языка и русской его транскрипціи, которая бы отдаляла крещеныхъ отъ татарскаго алфавита и сближала съ русскою грамотою. Съ 1861 г. профессоръ *Ильминскій* началъ первые переводческіе труды въ этомъ новомъ направленіи, а въ 1863 г. завелъ въ Казани первую крещено-татарскую школу съ преподаваніемъ на живомъ татарскомъ языкѣ и съ изученіемъ русскаго языка. Школа эта была встрѣчена крещеными Татарами съ довѣріемъ, быстро получила между ними популярность и сдѣлалась матерью подобныхъ же школъ по крещено-татарскимъ селеніямъ не только Казанской, но и другихъ епархій волжско-камскаго края. Когда количество новыхъ переводовъ достигло надлежащей полноты, въ Казани на татарскомъ языкѣ съ 1869 г. открыто было православное богослуженіе, произведшее между крещеными Татарами сильное христіанское движеніе, и скоро распространилось по крещено-татарскимъ селеніямъ. Къ тому же времени новая система инородческаго образованія, послѣ долгихъ обсужденій, была принята министерствомъ народнаго просвѣщенія и приложена ко всему вообще инородческому образованію въ Россіи. Въ 1872 г. въ Казани открыта была уже особая инородческая учительская семинарія. Важной поддержкой новыхъ переводовъ и школъ съ 1867 г. сдѣлалось вновь открытое въ Казани просвѣтительное братство св. Гурія. Изъ новыхъ школъ, изъ ихъ инородческихъ питомцевъ, вышло довольно дѣятелей христіанскаго просвѣщенія и достойныхъ служителей правосл. церкви для всего инородческаго востока. Въ 1883 году Св. Синодъ дозволилъ совершать для инородцевъ богослуженіе на всѣхъ инородческихъ языкахъ, на какихъ есть богослужебные переводы. Съ 1869 г. при братствѣ св. Гурія учреждена особая переводческая коммиссія для распространенія христіанскихъ книгъ на мѣстныхъ языкахъ, а въ 1876 г. миссіонерское общество поручило ей переводы такихъ книгъ и на

другія инородческія нарѣчія, «не исключая даже отдаленнѣйшихъ окраинъ востока». Послѣ инородческой учительской семинаріи въ Казани стали возникать учительскія школы того же рода и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Массовыя отпаденія крещеныхъ инородцевъ теперь замѣтно ослабѣли повсюду. Но само мухаммедачство, сильное своимъ фанатизмомъ, весьма распространеннымъ среди него религіознымъ образованіемъ и своей крѣпкой организаціей, и доселѣ плохо поддается миссіонерскимъ мѣрамъ, какъ въ Приволжьѣ, такъ и въ другихъ его центрахъ—по Уралу, въ Крыму и въ средней Азіи, тѣмъ болѣе, что особыхъ миссій здѣсь еще недостаточно и все дѣло христіанскаго просвѣщенія этихъ мѣстностей зависитъ больше отъ церковныхъ причтовъ и мѣстныхъ школъ. Изъ Казанской и Уфимской губерній исламъ продолжаетъ даже собственную пропаганду среди Чувашъ, Вотяковъ, Башкиръ, Киргизовъ и др. инородцевъ язычниковъ.

Крещеніе Калмыковъ.—Въ нижнихъ частяхъ поволжья и прикаспійскихъ степяхъ съ конца XVII в. началось крещеніе Калмыковъ, исповѣдовавшихъ ламайскую вѣру. Въ 1700 г. изъ новокрещеныхъ Калмыковъ образовалось большое селеніе на р. Терешкѣ. Ханъ *Аюка* сильно враждовалъ противъ Россіи за крещеніе и пріемъ своихъ подданныхъ, требовалъ ихъ къ себѣ обратно и раззорилъ самое селеніе ихъ на Терешкѣ. Русское правительство стало поэтому отсылать крещеныхъ Калмыковъ на жительство въ Кіевъ и къ казакамъ въ Чугуевъ. По смерти Аюки († 1722) и послѣ крещенія въ Петербургѣ его внука *Тайшина*, Св. Синодъ рѣшился отправить къ Калмыкамъ въ 1725 г. особую миссію подъ начальствомъ іеромон. *Никодима Ленкевича*. Миссія эта лѣтъ въ 10 крестила до 1700 человѣкъ. Въ 1730-хъ гг., для облегченія крещеныхъ Калмыковъ отъ переселеній, правительство, по мысли Никодима, дало имъ для жительства земли по Волгѣ выше Самары, гдѣ для нихъ основанъ былъ г. Ставрополь. Тутъ поселена и вдова Тайшина *Анна* со всей ея ордой. Никодимъ скончался въ 1739 г. Трудами его преемника протоіерея *Андрея Чубовскаго* при имп. Елизаветѣ обращено было еще до 6000 человѣкъ, въ томъ числѣ множество Калмыковъ изъ ихъ главныхъ кочевьевъ въ астраханскихъ степяхъ и вдова тамошняго хана Дундука—Омбо съ дѣтьми. Въ 1740-хъ годахъ въ Ставрополѣ заведена была русско-калмыцкая школа и явились переводы на калмыцкій языкъ

Новаго Завѣта и молитвъ. При Екатеринѣ II дѣло христіанской миссіи ослабѣло и у Калмыковъ. Отъ притѣсненій русскихъ чиновниковъ множество изъ нихъ уходило за Куму и Уралъ, гдѣ они снова обращались въ старую вѣру. Въ 1771 г. разомъ ушло 30,000 кибитокъ къ границамъ Китая. Послѣ этого, въ предотвращеніе новыхъ уходовъ, правительство стало обращаться съ ними крайне осторожно и, чтобы не раздражать ихъ, даже стѣснило проповѣдь христіанскихъ миссіонеровъ. При имп. Александрѣ I на калмыцкій языкъ переведены были катихизисъ и Евангеліе отъ Матѳея, но очень неудачно и непонятно. Одно время за миссіонерство у Калмыковъ взялись было братья гернгутеры изъ Сарепты, но не имѣли удачи; притомъ же ихъ миссіонерскіе подвиги въ 1823 г. были остановлены правительствомъ,—обращенныхъ ими Калмыковъ указано присоединять къ православной церкви. При имп. Николаѣ нѣсколько разъ поднимался вопросъ объ учрежденіи особой калмыцкой миссіи, но изъ тѣхъ же опасеній раздражить Калмыковъ каждый разъ былъ отклоняемъ. Самыми важными средствами къ ихъ обращенію и просвѣщенію все время оставались: кое-какое обученіе калмыцкому языку въ саратовской и астраханской семинаріяхъ будущихъ пастырей для селеній, близкихъ къ калмыцкимъ кочевьямъ, нѣкоторые калмыцкіе переводы семинарскихъ преподавателей этого языка, богослуженіе, совершавшееся для Калмыковъ съ 1848 по 1859 г. въ походной церкви, при которой за это время состоялъ священникомъ хорошій знатокъ калмыцкаго языка *В. Дилигентскій*, наконецъ заведенная послѣднимъ въ Царицынѣ школа для калмыцкихъ дѣтей. Не смотря впрочемъ на всю недостаточность этихъ средствъ и сильное противодѣйствіе христіанству со стороны калмыцкихъ начальствъ и сильныхъ гелюновъ, частныхъ обращеній было довольно,—до 100 человѣкъ въ годъ. Въ настоящее время дѣятельность миссіи у Калмыковъ сосредоточена въ епархіяхъ Астраханской, Кавказской и отчасти Донской.

Говоря объ обращеніи въ христіанство инородцевъ Европейской Россіи, нельзя не упомянуть еще о *крещеніи Самоѣдовъ* въ Архангельской епархіи, которое началось въ 1821 г. при епископѣ *Неофитѣ* трудами священника *Ѳеодора Истомина*. Послѣ первыхъ успѣховъ его проповѣди Св. Синодъ распорядился объ устройствѣ для Самоѣдовъ особой миссіи изъ двухъ причтовъ съ двумя походными церквами подъ начальствомъ

архим. *Веніамина Смирнова.* Дѣйствія этой миссіи начались съ 1825 года изъ Мезени. Проповѣдь ея предлагалась на природномъ самоѣдскомъ языкѣ, на который миссіонеры перевели разныя молитвы, катихизисъ и Новый Завѣтъ, и имѣла большой успѣхъ. Къ 1830 г. всѣхъ крещеныхъ Самоѣдовъ считалось болѣе 3,300 душъ. Для нихъ устроено было по тундрамъ сѣвера три церкви съ причтами на казенномъ жалованьѣ и три школы. Послѣ этого миссія была упразднена, и дальнѣйшее утвержденіе христіанства въ краѣ предоставлено приходскимъ причтамъ.

Миссіонерство въ Сибири.—Распространеніе христіанства въ Сибири въ XVIII в. продолжалось по прежнему трудами отдѣльныхъ личностей. Изъ сибирскихъ архіереевъ миссіонерскими подвигами особенно прославился тобольскій митр. *Филовей Лещинскій* (съ 1602 г.); съ помощію ученыхъ монаховъ, привезенныхъ имъ съ собою изъ Кіева, онъ успѣлъ въ теченіи 19 лѣтъ крестить до 40,000 Остяковъ, Вогуловъ и др. сибирскихъ инородцевъ и устроить у нихъ до 37 церквей. Западную Сибирь онъ изъѣздилъ съ проповѣдью св. вѣры всю и вдоль и поперекъ, всюду истребляя идоловъ и крестя народъ цѣлыми сотнями, не разъ проникалъ далеко и на востокъ по Ангарѣ и Тунгузкѣ, два раза былъ за Байкаломъ. Одного изъ сотрудниковъ архим. *Мартиніана* въ 1705 г. онъ отправилъ съ проповѣдью въ Камчатку. Въ 1721 г. онъ удалился по старости въ монастырь († 1727). Послѣ него новый подъемъ миссіонерской дѣятельности въ западной Сибири относится ко времени имп. Елизаветы и къ управленію Тобольской епархіей (съ 1749 г.) бывшаго казанскаго миссіонера *Сильвестра Гловацкаго,* который былъ для Сибири тѣмъ же, чѣмъ Лука Конашевичъ для Казанскаго края. Своими энергичными дѣйствіями противъ мухаммеданской пропаганды онъ такъ же возбудилъ противъ себя волненіе среди Татаръ. Въ 1755 г. правительство и его, какъ Луку, перевело въ другую епархію, въ Суздаль, и назначило объ его дѣйствіяхъ особую слѣдственную коммиссію въ Тобольскѣ. Послѣ этого и западно-сибирская миссія стала слабѣть, а при Екатеринѣ II пришла въ полный упадокъ.

Для успѣшнѣйшаго распространенія христіанства въ восточной Сибири въ 1707 г. была открыта Иркутская епархія. Изъ святителей ея на миссіонерскомъ поприщѣ прославились особенно два Иннокентія. Первый св. *Иннокентій Кульчицкій,* воспитанникъ кіевской академіи, въ 1721 г. былъ первоначально

назначенъ епископомъ для Пекинской миссіи, но, по интригамъ католическихъ миссіонеровъ іезуитовъ, не былъ допущенъ въ Китай и до самаго назначенія своего иркутскимъ епископомъ (въ 1727 г.) проживалъ въ селенгинскомъ монастырѣ. Во время своего пребыванія здѣсь и на епископствѣ онъ обратилъ ко Христу множество Бурятъ и устроилъ при Вознесенскомъ Иркутскомъ монастырѣ школу для образованія миссіонеровъ. Другой *Иннокентій Неруновичъ*, преемникъ перваго (1732—1741), кромѣ Бурятъ, крестилъ множество Тунгузовъ и Якутовъ. Въ 1743 г. Св. Синодъ отправилъ первую миссію въ Камчатку, гдѣ послѣ первыхъ проповѣдниковъ изъ Тобольска оставалось до 6,000 христіанъ съ тремя церквами и съ однимъ только священникомъ на всю Камчатку; начальникомъ миссіи назначенъ архимандритъ *Іоасафъ Хотунцевскій* изъ Кіевлянъ. Въ 1751 г. онъ доносилъ объ успѣхахъ своей миссіи, что въ Камчаткѣ крестить болѣе некого. Въ 1761 г. миссія эта была закрыта, и вмѣсто нея учреждено протоіерейское управленіе; къ 1765 г. всѣхъ христіанъ считалось тамъ до 10,000 душъ; для нихъ устроено было 8 церквей и 12 школъ. Во второй половинѣ XVIII в. миссіонерство ослабѣло и въ восточной Сибири, напротивъ усилилась пропаганда облагодѣтельствованнаго правительствомъ ламства, завладѣвшая особенно бурятскими кочевьями. И теперь впрочемъ являлись самоотверженные ревнители христіанской проповѣди, каковы напр. были протоіерей *Кириллъ Сухановъ*, проповѣдывавшій св. вѣру Тунгузамъ Дауріи и внесшій въ ихъ дикую страну первыя начала гражданственности, и протоіерей *Григорій Слѣпцовъ*, съ 1799 г. цѣлыхъ 16 лѣтъ просвѣщавшій Якутовъ и Чукчей, подъ старость спасавшійся въ якутскомъ Спасскомъ монастырѣ. Въ 1793 г., по иниціативѣ основателя Американской компаніи купца Шелехова, организована была Алеутская миссія, состоявшая изъ 8 монаховъ съ Валаама подъ начальствомъ валаамскаго же іером. *Іоасафа Болотова*. Въ 1794 г. она крестила уже весь о. Кадьякъ и завела тамъ школу. Одинъ изъ монаховъ *Макарій* крестилъ Алеутовъ на Уналашкѣ, другой *Ювеналій*—жителей Кенайскаго залива и погибъ мученической смертью на Аляскѣ. Въ 1799 г. Іоасафъ былъ рукоположенъ на Кадьякъ въ епископа, но дорогой туда погибъ въ морѣ, и эта новая епископія опять была закрыта. Оставшіеся члены его миссіи продолжали свое дѣло, имѣя на Кадьякѣ одну церковь; въ 1816 г. явилась еще другая церковь

на о. Ситхѣ, а въ 1820 гг. еще двѣ—на Уналашкѣ и Атхѣ. При уналашкинской церкви въ 1823 г. началъ свою миссіонерскую дѣятельность переведенный сюда изъ Иркутска священникъ *Іоаннъ Веніаминовъ*, впослѣдствіи митрополитъ московскій Иннокентій. Въ началѣ XIX столѣтія многаго ожидали для сибирской миссіи отъ переводовъ и брошюръ библейскаго общества, но ожиданія эти не оправдались, за неудовлетворительностію этихъ спѣшныхъ переводовъ. Не оправдала ожиданій и британская миссія, явившаяся въ 1818 г. въ Забайкалье и основавшая недалеко отъ Селенгинска богатую миссіонерскую колонію съ училищемъ, больницей, библіотекой и типографіей. До 1841 г., когда прекратилось ея существованіе, она почти ничего не сдѣлала, встрѣчая противодѣйствіе не только со стороны ламъ, но и отъ православнаго духовенства. Особенно оживилась миссіонерская дѣятельность въ Сибири съ основанія новыхъ миссій при императорѣ Николаѣ I.

Макарій Глухаревъ; Алтайская и друг. миссіи.—Первая правильно организованная миссія въ западной Сибири открыта въ 1828 г., по иниціативѣ тобольскаго архіепископа *Евгенія* (Казанцева), подъ начальствомъ ученаго архимандрита *Макарія Глухарева*, человѣка глубоко религіознаго и беззавѣтно преданнаго миссіонерскому дѣлу. Мѣстомъ дѣйствія миссіи избранъ былъ Алтай, страна еще не початая христіанствомъ, населенная Татарами, Калмыками, Телеутами и др. дикими инородцами, большею частію, язычниками. Макарій явился сюда въ 1830 г. и основался въ Улалѣ, но отсюда каждогодно дѣлалъ неутомимые разъѣзды по всей странѣ. Быстро ознакомившись съ алтайскимъ нарѣчіемъ татарскаго языка, онъ составилъ его словарь и много необходимыхъ для просвѣщенія инородцевъ переводовъ (молитвы Господней, X заповѣдей, краткой свящ. исторіи, исповѣди, вопросовъ при крещеніи, нѣсколькихъ псалмовъ, Евангелія отъ Матѳея). Человѣкъ сердечный и любящій, онъ былъ для своихъ духовныхъ чадъ и учителемъ, и врачемъ, и воспитателемъ дѣтей, и ходатаемъ предъ властями, и общимъ благодѣтелемъ. Окладъ миссіи былъ всего въ 571 руб., но онъ съумѣлъ найти для нея богатыхъ жертвователей въ Тобольскѣ и Москвѣ, и всѣ денежныя средства свои, даже свой магистерскій окладъ употреблялъ на вспомоществованіе новымъ христіанамъ. Въ 13 лѣтъ имъ пріобѣтено для церкви до 675 душъ, устроено 3 миссіонерскихъ стана съ 2 церквами и 1 часовней,

такъ какъ въ дѣлѣ миссіи онъ всего болѣе разсчитывалъ на могущественное дѣйствіе православнаго богослуженія, заведены уалинское училище, женская благотворительная община и больница, и устроено для новообращенныхъ нѣсколько осѣдлыхъ поселеній. Въ 1844 г., по совершенному разстройству здоровья, онъ удалился въ Болховскій монастырь на покой († 1850 г.), успѣвши дать устройствомъ своей миссіи прекрасный образецъ для другихъ миссій. Дѣло его было успѣшно поддержано его преемникомъ, бывшимъ его сотрудникомъ, протоіер. *Стефаномъ Ландышевымъ* (изъ нижегородской семинаріи) и послѣдующими начальниками миссіи, особенно архим. *Владиміромъ Петровымъ* (1866—1883). Въ 1857 г. увеличенъ окладъ миссіи до 5,500 р. въ годъ и личный составъ до 20 человѣкъ. Съ 1865 г. на Алтаѣ было открыто богослуженіе на мѣстномъ языкѣ. Для своихъ многочисленныхъ переводовъ миссія съ 1874 г. получила собственную цензуру и типографію. Число обращеній стало считаться уже не десятками, а сотнями въ въ годъ. Къ концу столѣтія миссія имѣла до 90 членовъ, 15 становъ, до 70 церквей и молитвенныхъ домовъ, 3 монастыря, до 48 школъ, приходское попечительство и многія благотворительныя учрежденія. Около своихъ становъ она успѣла посадить на осѣдлое жительство болѣе 10,000 человѣкъ кочевниковъ. Въ 1880 г. Алтайскій край, еще съ 1832 г. приписанный къ Томской епархіи, получилъ викарія, епископа бійскаго. Первымъ епископомъ викаріемъ поставленъ былъ начальникъ миссіи архим. Владиміръ. Въ 1882 г. изъ Алтайской миссіи выдѣлилась новая миссія *Киргизская* съ центромъ въ Семипалатинскѣ.—Въ слѣдъ за Алтайской миссіей въ Тобольской епархіи, къ которой она раньше принадлежала, возникли новыя миссіи, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ и съ меньшими средствами: *Обдорская* (съ 1832 г.), *Кондинская* (1844), *Сургутская* (1867) и *Туруханская* (1850), причисленная съ 1860 г. къ Енисейской епархіи. Въ южной части послѣдней епархіи съ 1876 г. открылась миссія въ *Минусинскомъ* округѣ, а въ южныхъ частяхъ Томской епархіи, отошедшихъ въ 1871 г. къ епархіи Туркестанской, съ 1868 г. миссія *Семиръченская*, сосредоточенная около миссіонерскаго братства въ г. Вѣрномъ.

Миссіи восточной Сибири.—Начала, на которыхъ устроилась Алтайская миссія, приложены были и къ миссіямъ восточной Сибири. Изъ архіереевъ-ревнителей миссіонерства въ

XIX в. здѣсь извѣстны иркутскіе архіереи: 1) *Михаилъ Бурдуковъ* (1814—1830), положившій начало Забайкальской миссіи для Бурятъ, членами которой были священникъ *Александръ Бобровниковъ*, знатокъ бурятскаго языка, и крещеный Бурятъ *Мих. Сперанскій;* 2) *Нилъ (Исаковичъ)* (1837—1853), послѣ ярославскій, крестившій до 20,000 инородцевъ и извѣстный особенно своими переводами на монголо-бурятскій языкъ богослужебныхъ книгъ, которыми онъ занимался и въ Иркутскѣ, и въ Ярославлѣ съ помощью протоіерея *Николая Дорожева* изъ Бурятъ; особенно 3) *Парѳеній*, переведенный изъ Томской епархіи, гдѣ онъ принималъ близкое участіе въ дѣлахъ Алтайской миссіи (1860—1873). Въ 1861—62 гг. онъ первый открылъ въ Иркутской епархіи правильно организованныя миссіи *Иркутскую* и *Забайкальскую*. Въ первой онъ устроилъ 11 становъ, для которыхъ нашелъ и нужныхъ дѣятелей частію въ Сибири, частію въ великорусскихъ монастыряхъ. Онъ и самъ много миссіонерствовалъ, лично разъѣзжая по бурятскимъ кочевьямъ съ проповѣдью; инородцы любили его и считали за особенную честь принять крещеніе изъ его именно рукъ; при немъ крещено было до 8,000 Бурятъ. Съ 1867 г. онъ началъ вводить богослуженіе па бурятскомъ языкѣ во всѣхъ бурятскихъ приходахъ. Послѣ него во главѣ иркутской миссіи поставленъ былъ особый начальникъ-архимандритъ, а съ 1883 г. иркутскій викарій епископъ киренскій. Къ 1900 году число становъ миссіи возрасло до 20, а обращенныхъ ею насчитывалось до 35,000 душъ. Миссія имѣла болѣе 40 школъ и нѣсколько благотворительныхъ учрежденій и оказывала сильное вліяніе на гражданскій бытъ новообращенныхъ, испрашивая имъ земельные надѣлы и разселяя ихъ осѣдлыми селеніями. На такихъ же началахъ и съ такими же пріемами дѣйствовала миссія Забайкальская, во главѣ которой съ самаго начала (съ 1862 г.) былъ поставленъ иркутскій викарій епископъ селенгинскій *Веніаминъ* (Благонравовъ), послѣ архіепископъ Иркутскій († 1892). Къ концу столѣтія число становъ этой миссіи возрасло до 26 съ 20 школами; при Посольскомъ монастырѣ открыто центральное миссіонерское училище, мастерская иконописи, богадѣльня, аптека. Но обращеній въ Забайкальской области было меньше, вслѣдствіе особенной силы ламства и противодѣйствія христіанству бурятскихъ языческихъ начальствъ. Наибольшее число обращеній падаетъ не на бурятскій народъ, а на племена Тунгузовъ, Яку-

товъ и Карагазовъ. Миссія постоянно старалась о томъ, чтобы въ управленіе степныхъ думъ были вводимы и крестившіеся Буряты и чтобы ограничена была сила ламъ, но не имѣла успѣха ни въ томъ, ни въ другомъ.

Въ Камчатскомъ краѣ въ 1840 г. было открыта особая епархія, первымъ епископомъ которой назначенъ *Иннокентій Веніаминовъ*. Свою миссіонерскую дѣятельность онъ началъ, какъ извѣстно, священникомъ уналашкинской церкви среди Алеутовъ, потомъ лѣтъ черезъ 10 перешелъ къ ситхинской церкви, въ 1840 г. послѣ вдовства постригся въ монахи и посвященъ въ епископа. Миссіонерская дѣятельность его на епископствѣ простиралась на огромное пространство Камчатскаго, Якутскаго и Амурскаго краевъ; онъ дѣлалъ по нимъ ежегодные разъѣзды, доходившіе въ иной годъ (1856) до 8000 верстъ. Въ Якутской области, гдѣ христіанство было уже распространено между всѣми Якутами и Тунгузами, онъ завелъ якутское богослуженіе, встрѣченное инородцами съ большой радостью. Одновременно съ этимъ въ 1859 г. здѣсь открыто было якутское викаріатство, въ 1869 г. обратившееся въ самостоятельную Якутскую епархію. Трудами камчатскихъ и якутскихъ священниковъ христіанство понемногу проникло въ Чукотскій край; въ 1850 г. здѣсь была открыта новая миссія для обращенія Чукчей, Ламутовъ, Юкагировъ и др. племенъ сѣвера. Въ 1855 г. Камчатская епархія увеличилась причисленіемъ къ ней мѣстностей по р. Амуру. Иннокентій немедленно предпринялъ туда миссіонерское путешествіе и положилъ основаніе Амурской миссіи; главными дѣятелями ея были священники *Гавріилъ Веніаминовъ* (сынъ преосвященнаго) и *Иннокентій Громовъ*. Въ 1857 г. преосвященный и самъ переселился съ своей каѳедрой на Амуръ въ г. Благовѣщенскъ, гдѣ вскорѣ завелъ духовное училище, въ 1870 г. обратившееся въ семинарію. По пріобрѣтеніи Россіей Уссурійскаго края для Амурской миссіи открылось широкое поприще дѣятельности въ просвѣщеніи христіанствомъ племенъ, принадлежавшихъ прежде Китаю, Гиляковъ, Ороченъ, Гольдовъ, Манчжуровъ и др., и, кромѣ того, начавшихъ вскорѣ переселяться въ Россію Корейцевъ. Иннокентій устраивалъ миссіонерскіе станы, строилъ по Амурскому краю церкви и школы, выписывалъ чрезъ китайскую миссію христіанскія книги на манчжурскомъ языкѣ, нѣсколько знакомомъ среди его амурской паствы, содѣйствовалъ составленію новыхъ переводовъ, особенно на гольдскомъ языкѣ. Труды

его кончились въ 1868 г. послѣ назначенія его московскимъ митрополитомъ. Окончательное устройство Амурской миссіи съ раздѣленіемъ на станы принадлежало его преемнику Веніамину (Благонравову). Съ открытіемъ въ 1898 г. Владивостокской епархіи успѣхи миссіонерской дѣятельности въ ея предѣлахъ увеличились, особенно по обращенію въ христіанство жившихъ здѣсь во множествѣ Корейцевъ. Въ 1900 г. открылась новая корейская миссія въ самой столицѣ Кореи—Сеулѣ.

Преосвящ. Иннокентій не оставлялъ безъ вниманія своей прежней алеутской паствы и изъ Благовѣщенска. Послѣ перенесенія камчатской каѳедры въ Благовѣщенскъ въ Новоархангельскѣ, гдѣ она прежде была, въ 1858 г. открыто было камчатское викаріатство. Въ 1867 г., по случаю уступки русскихъ Американскихъ владѣній Соединеннымъ Штатамъ, оно было упразднено; но вскорѣ, въ 1870 г., по мысли Иннокентія же (тогда уже митрополита), вмѣсто викаріатства, въ Америкѣ учреждена самостоятельная епископская каѳедра Алеутская съ каѳедральнымъ мѣстомъ въ Сан-Франциско, которой и были подчинены и старыя, и новыя (въ Нью-Іоркѣ и С.-Франциско) православныя церкви въ Америкѣ, всего впрочемъ числомъ 9. Въ настоящее время это самая обширная епархія въ свѣтѣ,—она простирается отъ Берингова пролива до Буэносъ-Айреса и отъ Тихаго до Атлантическаго океана, но имѣетъ все еще крайне малое число церквей (до 45). Паства ея состоитъ изъ людей самыхъ разнообразныхъ народностей,—Русскихъ, разныхъ Славянъ, Грековъ, Алеутовъ, Колошъ, Эскимосовъ, Индѣйцевъ, Негровъ, Испанцевъ, Англичанъ и Американцевъ. Громадность разстояній, разнообразіе нарѣчій, малочисленность духовенства, отсутствіе единства въ самой паствѣ и самый характеръ американской жизни, слишкомъ матеріальной, до чрезвычайности затрудняютъ служеніе іерархіи и миссіонеровъ; но успѣхи православной вѣры замѣтны и здѣсь. Епархія имѣетъ до 55 церковныхъ школъ и до 46 православныхъ братствъ. Въ 1900 открыта была особая миссія въ Канадѣ. Православная миссія имѣетъ особенно важное значеніе въ Америкѣ,—въ этой странѣ всевозможныхъ религій и богатыхъ иновѣрныхъ миссій,—какъ представительница православія, особенно въ виду современнаго религіознаго движенія въ средѣ Американцевъ въ пользу православной церкви.

Миссіонерство въ Китаѣ.—Кромѣ Америки, за границами Россіи православіе, какъ извѣстно, еще въ концѣ XVII в.

распространялось въ Китаѣ. По мысли м. Филоѳея тобольскаго, въ 1715 г. съ согласія богдыхана въ Пекинъ была отправлена первая русская миссія изъ 10 лицъ подъ начальствомъ архим. *Иларіона Лежайскаго*. Богдыханъ принялъ ее ласково, далъ ей содержаніе и дозволилъ православное богослуженіе въ каменной церкви при Русской ротѣ. Существованіе русской миссіи въ Пекинѣ было упрочено трактатомъ Россіи съ Китаемъ 1728 г., при чемъ содержаніе ея предоставлено русскому правительству; составъ ея опредѣленъ въ 10 человѣкъ (4 духовныхъ и 6 свѣтскихъ) съ перемѣной чрезъ каждыя 7 лѣтъ. Въ своей дѣятельности она ограничивалась скромными предѣлами попеченія только о своей русской паствѣ, не пускаясь ни въ пропаганду, ни въ политику, какъ миссіи западныя, и, заслуживъ этимъ полное довѣріе подозрительныхъ Китайцевъ, служила удобной посредницей между Россіей и Китаемъ. Состоявшіе при ней молодые люди изучали китайскій языкъ и дѣлались хорошими драгоманами. Въ 1805 г. для нея учреждены новые штаты, съ ассигновкой на ея содержаніе до 6500 р.; срокъ пребыванія ея членовъ въ Китаѣ увеличенъ на 10 лѣтъ. Съ 1807 г. настоятелемъ миссіи былъ назначенъ знаменитый послѣ русскій синологъ архим. *Іакинѳъ Бичуринъ*. Въ 13 лѣтъ своего пребыванія въ Китаѣ онъ собралъ массу свѣдѣній по части языка, литературы, нравовъ, религіи, географіи и исторіи Китая, Монголіи и Тибета, но по возвращеніи въ Россію въ 1822 г. попалъ подъ судъ за нѣкоторыя свои нравственныя слабости и недостатки по управленію миссіей, былъ лишенъ сана и заточенъ въ Валаамскій монастырь; здѣсь онъ пробылъ около 5 лѣтъ, пока въ немъ не приняло участія министерство народнаго просвѣщенія, причисливъ его къ своей службѣ. Съ 1827 г. начали печататься многочисленные его труды—до 15 обширныхъ изслѣдованій и переводовъ, кромѣ многихъ журнальныхъ статей,—доставившіе ему званіе члена академіи наукъ и обширную ученую извѣстность въ Россіи и за границей. О. Іакинѳъ скончался въ 1853 г. Труды его сдѣлались исходнымъ пунктомъ для синологическихъ занятій послѣдующихъ членовъ китайской миссіи. По трактату 1858 г., китайское правительство дало миссіи полную свободу дѣйствій и обязалось не преслѣдовать своихъ подданныхъ за принятіе христіанства. Въ 1861 г. въ Китаѣ была открыта особая русская дипломатическая миссія, дѣла которой несла доселѣ миссія духовная, и послѣдняя получила бо́льшую возможность сосредоточить свою дѣятельность

въ нравственно-религіозной сферѣ. Съ этого времени усилились ея ученые и переводческія занятія; изъ среды ея членовъ стали выходить замѣчательные синологи. Въ переводческой дѣятельности она совершенно отрѣшилась отъ своей прежней зависимости отъ католическихъ переводовъ и стала производить самостоятельные переводы священныхъ и богослужебныхъ книгъ, которыми послужила и для другихъ—Амурской и Японской—миссій; оживились проповѣдь на китайскомъ языкѣ и преподаваніе въ миссіонерской школѣ. Въ 1876 г. содержаніе ея увеличено до 15,600 р. Паства миссіи значительно возросла; кромѣ двухъ церквей въ Пекинѣ, православное богослуженіе въ послѣднее время совершалось еще въ трехъ храмахъ,—въ Ханькоу, Калганѣ и въ деревнѣ Дун-Дунъань. Возстаніе китайцевъ противъ Европейцевъ и христіанъ въ 1900 г. стоило миссіи очень дорого. Зданія ея были сожжены, уцѣлѣли только три церкви, двѣ въ Пекинѣ и въ Ханькоу; все имущество разграблено; погибло до 300 лучшихъ православныхъ китайцевъ. Члены миссіи спаслись въ помѣщеніи дипломатической миссіи, но по усмиреніи волненія съ новою ревностью стали продолжать свое служеніе.

Миссіонерство въ Японіи. — Въ 1860-хъ годахъ православіе проникло въ Японію. Основателемъ православной миссіи былъ здѣсь іеромонахъ русскаго консульства въ Хакодате *Николай Касаткинъ*, съ самаго начала своей службы (1861 г.) принявшійся за усердное изученіе языка, исторіи вѣрованій и нравовъ Японцевъ и за переводы священныхъ и богослужебныхъ книгъ на японскій языкъ. Первенцемъ его христіанской проповѣди былъ *Павелъ Сваабе*, бывшій жрецъ одной кумирни, по обращеніи въ христіанство сдѣлавшійся самымъ пламеннымъ и самоотверженнымъ проповѣдникомъ св. вѣры. Къ нему примкнули еще два имъ самимъ обращенныхъ Японца, *Яковъ Урано* и *Іоаннъ Саккай*. Своей катихизаторской проповѣдью эти три первыхъ дѣятеля японской миссіи къ 1869 г. успѣли настолько подготовить въ Японіи почву для православія, что о. Николай почелъ возможнымъ испросить въ этомъ году разрѣшеніе Св. Синода на открытіе тамъ особой миссіи съ окладомъ въ 6000 р. въ годъ. Начальникомъ миссіи назначенъ былъ онъ самъ, въ санѣ архимандрита, съ іерархической зависимостью отъ камчатскаго архіерея. Въ 1871 г. въ Хакодате, а въ 1872 въ Токіо заведены были миссіонерскія школы, давшія новыхъ проповѣдниковъ-кати-

хизаторовъ. Православіе начало распространяться въ Японіи такъ успѣшно, что возбудило противъ себя гоненіе, отъ котораго особенно тяжко пришлось пострадать Сваабе. Къ счастію, это гоненіе скоро было остановлено по представленію русскаго консула. Въ 1875 г. камчатскимъ архіереемъ посвящены были первые священники изъ Японцевъ—о. Павелъ Сваабе и Іоаннъ Саккай, а въ 1880 г. самъ о. Николай рукоположенъ въ Петербургѣ епископомъ въ Японію, и такимъ образомъ явилась новая православная помѣстная церковь—Японская. Къ концу столѣтія она насчитывала у себя уже болѣе 250 общинъ и до 26,000 душъ христіанъ съ 36 священнослужителями. Школа въ Токіо обратилась въ семинарію, которая въ 1882 г. сдѣлала первый выпускъ воспитанниковъ, а въ 1889 г. двоихъ своихъ студентовъ отправила для высшаго духовнаго образованія въ русскія дух. академіи. Кромѣ нея, открыты школы: катихизаторская, причетническая, женская и нѣсколько низшихъ училищъ. Миссія развила уже значительную переводную литературу и издаетъ три духовныхъ журнала. Богослуженіе въ японскихъ церквахъ совершается все на японскомъ языкѣ. Благодаря трогательнымъ воззваніямъ преосв. Николая и его личнымъ стараніямъ во время его поѣздокъ въ Россію, японская миссія значительно обезпечена и въ матеріальныхъ своихъ средствахъ частію ассигновками ежегодныхъ суммъ изъ Св. Синода, частію поддержкой миссіонерскаго общества и частныхъ жертвователей, хотя все-таки не можетъ съ этой стороны вполнѣ соперничать съ богатыми западными миссіями. Важнымъ событіемъ для миссіи было провозглашеніе въ 1889 г. въ Японіи полной свободы вѣры.

Въ 1898 г. къ числу заграничныхъ миссій присоединилась новая миссія—*Урмійская* въ Персіи среди Несторіанъ сиро-халдейскаго народа (Асоровъ). Послѣ переговоровъ о присоединеніи къ православію, начавшихся еще въ 1859 г., въ Петербургъ въ 1898 г. прибыла изъ Урміи депутація Несторіанъ съ епископомъ супурганскимъ Іоною во главѣ и была торжественно присоединена къ православной церкви. Послѣ того въ Урмію была послана духовная миссія подъ начальствомъ архимандрита *Θеофилакта*. До 1901 г. она успѣла открыть тамъ болѣе 40 православныхъ приходовъ и до 60 православныхъ школъ.

Устройство православнаго миссіонерскаго общества.—Въ 1865 г. всѣ русскія миссіи, дѣйствовавшія доселѣ разрозненно, нашли для себя удобный объединительный

центръ, полезный для нихъ и въ матеріальномъ отношеніи, во вновь открытомъ въ Петербургѣ миссіонерскомъ обществѣ. Благотворное вліяніе его обнаружилось однако не вдругъ. Первоначальное его устройство вскорѣ оказалось не удобнымъ по преобладанію въ немъ свѣтскихъ элементовъ. Послѣ этого Высочайшая покровительница его Государыня Императрица признала необходимымъ сдѣлать предсѣдателемъ его м. Иннокентія и перенести его главное управленіе въ Москву. Въ концѣ 1869 г. утвержденъ для него новый уставъ, по которому оно было подчинено Св. Синоду и ограничено въ своей дѣятельности содѣйствіемъ матеріальному благосостоянію миссій безъ вмѣшательства въ управленіе ими въ другихъ отношеніяхъ, касающихся порядка церковнаго, учебнаго и административнаго, порученныхъ вѣдѣнію епархіальныхъ архіереевъ. Для ближайшаго мѣстнаго попеченія о миссіяхъ заведены епархіальные комитеты общества подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ архіереевъ. Средства общества слагаются изъ членскихъ взносовъ (3 р.), пожертвованій, кружечныхъ сборовъ и сборовъ по книжкамъ членовъ. Съ учрежденіемъ общества, благодаря его пособіямъ, оживились и расширили свою дѣятельность всѣ наши миссіи.

Возстановленіе православія на Кавказѣ.— Со времени Петра Великаго успѣхи русскаго оружія въ борьбѣ съ Персіей ввели Русскую церковь въ ближайшее соприкосновеніе съ племенами Кавказа и Закавказья и съ церковью Грузинскою. Православіе, нѣкогда широко распространенное между кавказскими племенами, было давно уже подавлено здѣсь язычествомъ, а болѣе всего мухаммеданствомъ, распространявшимся изъ Персіи и Турціи; но въ горахъ Кавказа еще повсюду сохранялись ясные слѣды его въ развалинахъ древнихъ храмовъ, въ народныхъ обрядахъ, въ почитаніи св. Иліи пророка и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ, въ соблюденіи нѣкоторыхъ постовъ и праздниковъ и въ христіанскомъ оттѣнкѣ самыхъ суевѣрій народа. Въ 1746 г., по предложенію грузинскаго архіепископа *Іосифа*, Св. Синодъ послалъ къ Осетинамъ миссію изъ Грузинъ, которая хотя и не совсѣмъ сошлась съ Осетинами, вмѣшиваясь въ ихъ мірскія дѣла и понапрасну ихъ раздражая, но въ 25 лѣтъ своего существованія все-таки успѣла обратить до 2,000 человѣкъ. Въ 1771 г. туда послана новая миссія большею частію изъ Русскихъ, подъ начальствомъ протоіер. *Лебедева;* въ 20 лѣтъ она обратила до 6,000 Осетинъ. По упраздненіи ея въ 1792 г.

миссіонерское дѣло возложено было на открытое въ Моздокѣ викаріатство Астраханской епархіи, епископомъ котораго былъ Грузинъ *Гаій Токаовъ*. Викаріатство это существовало до 1799 г. Затѣмъ Кавказъ подвергся усиленной пропагандѣ ислама, ослабившей всѣ послѣдніе успѣхи православія. Въ 1814 г. русское правительство порѣшило снова возстановить осетинскую миссію, организовавъ ее на этотъ разъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ (до 24 лицъ) подъ управленіемъ телавскаго архіепископа *Досиѳея* и съ содержаніемъ отъ казны до 14,700 руб. въ годъ. Дѣйствія ея пошли довольно успѣшно, такъ что въ 3 года она обратила болѣе 6,000 Осетинъ; въ 1816 г. правительство отпустило ей 24,000 руб. на строеніе и возобновленіе церквей. Особенно сильно оживилось миссіонерское дѣло, когда въ немъ принялъ участіе экзархъ Грузіи Ѳеофилактъ Русановъ, обратившій преимущественное вниманіе на развитіе духовныхъ средствъ миссіи, на лучшее оглашеніе крещаемыхъ, на переводы богослужебныхъ книгъ и строеніе церквей. Число обращенныхъ при немъ (1817—1821) дошло до 47,000 изъ разныхъ племенъ. Его преемникъ *Іона Васильевскій* поддержалъ его дѣло. Къ 1823 г. Осетины обращены были почти всѣ; число всѣхъ обращенныхъ изъ разныхъ племенъ дошло до 60,900, образовавшихъ 67 приходовъ. Въ 1840-хъ и 1850-хъ гг. число обращеній доходило до 1,000 и 2,000 человѣкъ въ годъ. Но въ то же время не дремала и пропаганда ислама, особенно на востокѣ Кавказа, въ обѣихъ Кабардахъ и на западѣ на Черноморскомъ берегу. Въ 1820 годахъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ стало распространяться фанатическое ученіе, извѣстное послѣ подъ именемъ мюридизма, проповѣдовавшее безусловное повиновеніе имаму и казаватъ (религіозную войну противъ невѣрныхъ). Первымъ имамомъ былъ *Кази-Мулла* въ Дагестанѣ. Первоначальныя движенія фанатиковъ были подавлены Русскими, но только на время. Съ 1834 г. мюридизмъ успѣлъ объединить всю восточную группу кавказскихъ племенъ и повелъ длинную и упорную борьбу съ Русскими подъ начальствомъ имама *Шамиля*. Она закончилась въ восточной части Кавказа въ 1859 г. взятіемъ Шамиля въ плѣнъ, а въ западной уже въ 1864 г.

Послѣ покоренія Кавказа началось систематическое подчиненіе его дикихъ племенъ русской христіанской гражданственности. Съ этою цѣлью въ 1860 г. открыто было общество возстановленія православія на Кавказѣ, въ распоряженіе котораго

отданы были всѣ суммы бывшей осетинской миссіи. Сначала оно имѣло свѣтскій характеръ и состояло подъ предсѣдательствомъ намѣстника Кавказа, но, вслѣдствіе нужды въ содѣйствіи ему духовной власти, въ 1865 г. при немъ открытъ былъ духовный комитетъ подъ предсѣдательствомъ экзарха Грузіи, а въ 1885 г., по новому уставу, оно и совсѣмъ ввѣрено экзарху и подчинено Св. Синоду. Задачей своей общество поставило: а) возстановленіе, умноженіе и содержаніе православныхъ храмовъ, назначеніе къ нимъ и содержаніе причтовъ; б) заведеніе школъ для образованія горскихъ дѣтей; в) учрежденіе въ дух. школахъ классовъ горскихъ языковъ; г) командированіе въ горы миссіонеровъ, и д) содѣйствіе переводамъ на горскіе языки Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ. Дѣйствія его были весьма успѣшны. Къ 1870 г. на грузинскій и осетинскій языки переведено было уже все нужное для православнаго богослуженія. Для священническихъ мѣстъ общество приготовляло пансіонеровъ въ семинаріяхъ и даже въ академіяхъ. Въ 1880-хъ гг. у него было заведено уже до 40 народныхъ школъ и еще съ 1868 г. открыта Тифлисская учительская семинарія. Въ 1889 г. въ селеніи Ардонѣ положено основаніе миссіонерской семинаріи, теперь вполнѣ уже устроенной. Не смотря на сильное противодѣйствіе муллъ, присылавшихся изъ Турціи, особенно въ войну съ Турціей 1876—1877 г., успѣшно шло и дѣло обращенія горцевъ въ христіанство. Кромѣ многихъ православныхъ храмовъ, на Кавказѣ явились два монастыря,—въ Пицундѣ и Ново-Аѳонскій близъ Сухума.

Положеніе церкви въ Грузіи; экзархъ и грузинская контора.—Грузинская церковь, еще съ XVI в. возлагавшая надежды въ своихъ бѣдствіяхъ на Россію, не переставала пользоваться участливымъ вниманіемъ русскаго правительства и церкви и въ XVIII в. Россія радушно принимала у себя грузинскихъ эмигрантовъ, заботилась объ изданіи на грузинскомъ языкѣ Библіи и богослужебныхъ книгъ (при имп. Аннѣ и Елизаветѣ) и помогала Грузинской церкви матеріальными средствами. Съ 1783 г. Грузинская церковь поступила въ вѣдѣніе Св. Синода и послѣдній католикосъ ея царевичъ *Антоній* былъ возведенъ въ званіе синодальнаго члена. Съ 1811 г. онъ жилъ на покоѣ въ Россіи; умеръ въ 1827 г. въ Нижнемъ Новгородѣ. По совершенномъ присоединеніи къ Россіи какъ Грузіи, такъ и Имеретіи съ Кахетіей (1801 г), бѣдствія Грузинской

церкви прекратились окончательно. Въ 1811 г. должность ея католикоса замѣнена должностью экзарха Св. Синода; для высшаго управленія дѣлами всего экзархата въ 1814 г., по образцу Московской синодальной конторы, учреждена особая синодальная контора Грузино-Имеретинская подъ предсѣдательствомъ экзарха. Въ 1817 г. въ экзархи въ первый разъ назначенъ былъ русскій архіерей Ѳеофилактъ Русановъ. При немъ введено было болѣе правильное раздѣленіе экзархата на епархіи, которое прежде страдало излишнею дробностью (11 епархій) и неясностью епархіальныхъ границъ; вся Грузія была раздѣлена теперь на 4 епархіи: Карталинскую и Кахетинскую (епархія экзарха) съ Горійскимъ викаріатствомъ, Имеретинскую, Мингрельскую и Гурійскую. При Ѳеофилактѣ же заведена была тифлисская семинарія. Въ настоящее время Грузинская церковь состоитъ изъ 4 же епархій и 2 викаріатствъ.

Состояніе православія въ польскихъ областяхъ до Екатерины II.—На западной окраинѣ Русскаго государства православная церковь озабочена была старой борьбой съ католичествомъ и уніей. Съ того времени, какъ по трактату вѣчнаго мира съ Польшей 1686 г. Россія получила право ходатайствовать за православныхъ жителей Польши, взоры послѣднихъ не переставали обращаться къ русскому правительству съ надеждами на помощь. Изъ года въ годъ однообразнымъ рядомъ шли оттуда горькія жалобы на гоненія за православіе. Русское правительство дѣлало отъ себя сильныя представленія въ пользу православныхъ королямъ и сеймамъ и получало въ отвѣтъ то разныя отговорки, то обѣщанія и обнадеживанья, иногда даже извѣщенія о состоявшихся уже распоряженіяхъ касательно возстановленія законныхъ правъ православія. Но въ такомъ государствѣ, какъ Польша, гдѣ каждый шляхтичъ могъ свободно дозволять себѣ всякое своеволіе и самоуправство, ничего не значили ни распоряженія королей, ни постановленія сеймовъ. Усиленіе русскаго вліянія въ Польшѣ возбуждало противъ православныхъ только еще большее раздраженіе, а поджигательныя внушенія противъ «схизматиковъ» изъ Рима все болѣе и болѣе разжигали фанатизмъ Поляковъ. Петръ Великій прямо грозилъ римской куріи гоненіемъ на католичество у себя въ Россіи, а королю польскому *Августу*—разрывомъ, если права православныхъ въ Польшѣ будутъ пренебрегаемы по старому; но и эти грозныя представленія не имѣли успѣха. Послѣ Петра до Ека-

терины II Россія съ необычайной честностью и долготерпѣніемъ соблюдала свой мирный договоръ съ Польшей, уклоняясь отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій въ пользу православныхъ, такъ что въ царствованіе Елизаветы у послѣднихъ явилась даже мысль, вмѣсто императрицы, искать покровительства у Фридриха прусскаго, который гораздо рѣшительнѣе заступался за права своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ,—протестантовъ. Вопреки трактату 1686 г., вмѣсто 4 православныхъ епархій, Поляки оставили только двѣ,—Луцкую и Могилевскую, а потомъ даже одну послѣднюю; прочія были отданы епископамъ уніатамъ. Да и могилевскіе епископы едва держались на своемъ мѣстѣ: епископа *Сильвестра Четвертинскаго* (1707—1728) нѣсколько разъ покушались убить; *Георгій Конисскій* (1755—1795) однажды въ Оршѣ едва спасся отъ католическаго изувѣрства, выѣхавъ изъ города въ телѣгѣ, прикрытый навозомъ; въ другой разъ толпа іезуитскихъ школяровъ напала на его собственный архіерейскій домъ, перебила и переломала все, что попалось подъ руку, архіерейскихъ людей и монаховъ избила и изувѣчила; самъ архіерей едва успѣлъ укрыться въ одномъ сыромъ подвалѣ. Іезуиты не рѣдко такимъ образомъ натравливали своихъ школяровъ на самыя возмутительныя насилія; нафанатизированная ими молодежь дѣлала опустошительныя набѣги на православныя церкви и монастыри, разбивала похоронныя процессіи православныхъ, при чемъ нечестиво ругались надъ святынями, топтала ногами кресты, рвала облаченія. Всѣ подобныя вещи представляемы были въ видѣ только дѣтскихъ шалостей и оставались безнаказанными. Другимъ подручнымъ воинствомъ іезуитовъ были разнузданные польскіе жолнеры и уличная чернь. Но и сами паны и польскія власти постоянно прибѣгали къ насиліямъ и жестокостямъ, какъ только имъ приходило въ голову возревновать о распространеніи католичества или уніи. То тамъ, то въ другомъ мѣстѣ панъ начиналъ приводить въ унію «схизматицкаго» попа, билъ его плетьми, морилъ въ тюрьмѣ, кормилъ въ насмѣшку однимъ сѣномъ, запрягалъ въ телѣгу для возки воды или навоза, травилъ собаками, рубилъ пальцы и т. п. Прикащикъ пана силой врывался въ православную церковь во время богослуженія и выгонялъ плетью и народъ, и духовенство. Духовная католическая власть насылала на Бѣлоруссію и Украйну цѣлыя миссіи изъ базиліанъ и доминиканъ подъ прикрытіемъ жолнеровъ; миссія загоняла народъ, какъ скотъ, плетьми въ костелъ или уніат-

скую церковь и всѣхъ записывала въ число обращенныхъ, а несогласныхъ на такое обращеніе отдавала подъ судъ, какъ отступниковъ. Православныя церкви обращались въ уніатскія, остававшіяся за православными запрещено было ремонтировать. Сама унія была все болѣе и болѣе наклоняема къ сближенію съ католичествомъ. Замойскій уніатскій соборъ 1720 года съ этою цѣлью распорядился издать для уніатскихъ церквей новые служебники, исправленные на католическій ладъ, и со включеніемъ въ символъ вѣры прибавки: и отъ Сына. Съ того же времени въ уніатскихъ церквахъ стали понемногу уничтожаться иконостасы, завелись исповѣдальни, скамьи для молящихся, органы, звонки и др. католическія принадлежности; уніатскіе попы начали брить бороды и носить одежду похожую на одежду католическихъ ксендзовъ.

Исторія возсоединенія уніатовъ до имп. Николая I.—При вопареніи Екатерины II православные жители Польши еще разъ обратилась къ Россіи за помощью. Пріѣхавъ въ Москву на коронацію, Георгій Конисскій трогательной рѣчью о бѣдствіяхъ своей паствы побудилъ императрицу серьезно взяться за возбужденіе вопроса о польскихъ диссидентахъ. Въ 1764 г. вопросъ этотъ внесенъ былъ на сеймъ по случаю восшествія на польскій престолъ короля *Станислава Понятовскаго*. Среди русскаго народонаселенія Польши послѣ этого поднялось сильное религіозное движеніе, направленное противъ ненавистной уніи. Средоточіемъ этого движенія были переяславская каѳедра, которой подчинены были всѣ православные приходы польской Украйны и на которой сидѣлъ тогда ревнитель православія епископъ *Гервасій Линцевскій*, и Матронинскій монастырь въ Чигиринской области, гдѣ игуменствовалъ энергичный *Мелхиседекъ Значко-Яворскій*. По селеніямъ строились и возобновлялись правосл. храмы, а въ Переяславѣ ставились для нихъ священники; цѣлые приходы возвращались изъ уніи въ православіе. Въ 1765 г. Георгій Конисскій и Мелхиседекъ ѣздили въ Варшаву. Въ сильной рѣчи на сеймѣ, тогда же переведенной на разные европейскіе языки, Георгій изобразилъ такую потрясающую картину страданій православія въ Польшѣ, что король обѣщалъ сдѣлать все для возстановленія правъ православнаго народа. Мелхиседекъ воротился въ Украйну съ граматой короля и съ письмами къ уніатскимъ властямъ о прекращеніи гоненій. На слѣдующій годъ на сеймъ внесены были представленія въ защиту

польскихъ диссидентовъ не только отъ Россіи, но и отъ другихъ европейскихъ державъ. Но все это повело только къ большему усиленію польскаго фанатизма. Для православнаго народа и духовенства настало самое тяжкое время всевозможныхъ насилій и истязаній за вѣру; были даже случаи убійствъ. Игуменъ Мелхиседекъ попалъ въ уніатскую тюрьму и чуть не замученъ. Недовольные дарованіемъ правъ диссидентамъ паны, поджигаемые католическими епископами, составили конфедерацію въ Барѣ, которая надѣлала тоже много бѣдъ православнымъ. Тогда украинскій народъ окончательно пришелъ въ отчаяніе и, не смотря на всѣ увѣщанія Гервасія и Мелхиседека, поднялъ бурное и кровавое возстаніе, извѣстное подъ названіемъ Коліивщины, сопровождавшееся избіеніемъ жидовъ, уніатскихъ поповъ, ксендзовъ, пановъ и раззореніемъ панскихъ дворовъ. Послѣ этого Россія, по трактату 1768 г. поручившаяся за сохраненіе въ Польшѣ порядка должна была серьезнѣе вмѣшаться въ польскія дѣла и ввела въ Польшу свои войска. Къ несчастію, главные дѣятели, стоявшіе тамъ за русскіе интересы, были люди новаго, либеральнаго образованія, непонимавшіе завѣтныхъ чувствъ православнаго народа; они поддались польской интригѣ, которая представляла имъ все народное движеніе, какъ только противогосударственный крестьянскій бунтъ и разбой, и сами помогали Полякамъ въ истребленіи всего, что стояло за православіе и русскую народность. Русское войско, введенное въ Польшу для борьбы съ Барской конфедераціей и поддержанія правъ православнаго народа, обращено было теперь противъ этого самаго народа. Православное духовенство, обвиненное Поляками въ подстрекательствѣ народнаго бунта, должно было укрываться не только отъ польской мести, но и отъ русскихъ командъ. Въ бунтѣ заподозрѣны были и Гервасій съ Мелхиседекомъ и удалены на покой въ Россію. Уніаты торжествовали повсюду и снова завладѣли всѣми приходами, которые отпали отъ ихъ власти. Преслѣдованіе православныхъ продолжалось до 1772 г., до перваго раздѣла Польши, послѣ котораго отъ долгихъ страданій получила возможность отдохнуть по крайней мѣрѣ хоть Бѣлоруссія, доставшаяся по этому раздѣлу на долю Россіи.

Благодаря энергіи архіепископа Георгія, правосл. церковь этого края стала быстро поправляться. Уніатскіе приходы подали массу заявленій о насильственномъ обращеніи ихъ въ унію и о желаніи своемъ снова возвратиться къ православію. Но въ

Петербургѣ медлили отвѣтомъ на эти заявленія, и только лѣтъ уже черезъ 8 пришелъ наконецъ рескриптъ съ дозволеніемъ обращать въ православіе только тѣ приходы, которые заявятъ о томъ общее желаніе всѣхъ прихожанъ. И не смотря на такія охлаждающія проволочки, присоединившихся оказалось до 130,000 душъ. Причиной такой медленности правительства въ этомъ дѣлѣ была крайняя его внимательность къ интересамъ образованнаго класса въ присоединенномъ краѣ, т. е. католиковъ, не обращавшая должнаго вниманія на то, что, по своему коренному населенію, край этотъ былъ вовсе не польскій, а чисто русскій и православный, а отчасти извѣстное стремленіе блеснуть передъ Европой модной вѣротерпимостью. Все польское, латинское, уніатское получило полное обезпеченіе своего существованія и поддержку со стороны русской власти даже прямо въ ущербъ русскимъ интересамъ и интересамъ русскаго православія. Католическая церковь получила въ Бѣлоруссіи гораздо болѣе выгодное положеніе, чѣмъ православная. Въ 1773 году Екатерина дала ей особаго архіепископа *Станислава Сестренцевича* и снабдила его богатѣйшими средствами; сумма всѣхъ доходовъ его простиралась до 60,000 руб., тогда какъ православный бѣлорусскій архіепископъ получалъ всего до 6000 руб. Въ 1790-хъ годахъ учреждено было еще 3 католическихъ епархіи. Католическіе монастыри сохранили всѣ свои владѣнія, тогда какъ имѣнія православныхъ монастырей были секуляризованы. Уніатская церковь устроена была тоже въ видѣ особой архіепископіи (Полоцкой). Екатерина оставила неприкосновеннымъ даже орденъ іезуитовъ, несмотря на то, что въ 1773 г. онъ былъ упраздненъ самимъ папой, по настоянію европейскихъ государей. Основавшись въ Полоцкѣ, орденъ завелъ тутъ свой новиціатъ, обратившійся затѣмъ въ іезуитскую коллегію, и дѣятельно занялся своимъ спеціальнымъ дѣломъ—пропагандой латинства. Такъ было въ Бѣлоруссіи подъ русскимъ владычествомъ; въ Украйнѣ, оставшейся за Польшей, положеніе православной церкви вовсе не измѣнилось. На православное движеніе, обнаружившееся и здѣсь, Поляки смотрѣли съ пугливымъ подозрѣніемъ. Для управленія православными приходами въ польскихъ владѣніяхъ въ 1785 г. назначенъ былъ новый переяславскій епископъ *Викторъ Садковскій*. Но какъ только онъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, такъ и пошли пугливые толки, что онъ чрезъ своихъ священниковъ и монаховъ возбуждаетъ чернь

къ рѣзнѣ католиковъ, что въ его архіерейскомъ домѣ и въ монастыряхъ приготовлены уже и склады оружія. Въ 1789 г. онъ былъ арестованъ и увезенъ въ оковахъ въ Варшаву, а въ его домѣ и по монастырямъ произведены обыски, ничего, разумѣется, не нашедшіе. Въ такомъ положеніи дѣла православія въ Польшѣ оставались до 1793—1795 годовъ, когда послѣдовали второй и третій раздѣлы Польши, и Россіи возвращены были остальныя древне-русскія области, кромѣ Галиціи, доставшейся Австріи.

Ближайшее знакомство правительства съ Польшей къ тому времени уже многое успѣло измѣнить въ его отношеніяхъ къ польской интеллигенціи; указомъ 1794 г. возсоединеніе уніатовъ было разрѣшено наконецъ въ полной мѣрѣ. Русскій народъ съ такой готовностью отозвался на призывъ родной церкви, что къ концу царствованія число возсоединенныхъ уніатовъ дошло до 2,000,000 душъ. Въ средѣ самихъ ревнителей уніи возникло живое стремленіе къ сближенію ея съ православіемъ. Уніатскій архіепископъ *Ираклій Лисовскій* (1784—1809) усердно началъ производить очищеніе уніи отъ всѣхъ вошедшихъ въ нее католическихъ примѣсей. Для изученія правосл. обрядности онъ даже нарочно путешествовалъ на востокъ до Іерусалима. Желая походить болѣе на православнаго архіерея, онъ отростилъ бороду и облекся въ рясу, уніатскимъ духовенствомъ совсѣмъ уже не употреблявшуюся. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерина собиралась было сократить число уніатскихъ монастырей, составлявшихъ главную силу латинской партіи въ уніи, но не успѣла исполнить этого намѣренія.—При ея преемникѣ императорѣ Павлѣ католичество получило новую силу. Видя повсюду въ Европѣ колебаніе престоловъ отъ распространенія революціоннаго духа, императоръ легко поддался внушеніямъ латинской партіи при его дворѣ, приписывавшей всѣ европейскія бѣды развитію невѣрія и указывавшей главную опору престоловъ въ страждущей вмѣстѣ съ правительствами католической церкви. Тронъ русскаго государя окружили рыцари Мальтійскаго ордена изъ тайныхъ іезуитовъ, сами іезуиты, изъ которыхъ хитрѣйшій интриганъ патеръ *Груберъ* сдѣлался даже домашнимъ человѣкомъ во дворцѣ, разные французскіе эмигранты, польскіе магнаты и т. п. люди—представители латинской интриги. Іезуиты крѣпко утвердились въ Петербургѣ, завладѣли всѣми имѣніями и доходами здѣшней католической церкви, выпросили себѣ

дозволеніе посылать миссіи на востокъ, добились чрезъ государя даже каноническаго возстановленія своего ордена и избранія орденскаго генерала. При такомъ усиленіи въ государствѣ польскихъ и католическихъ элементовъ дѣло возсоединенія уніатовъ совсѣмъ остановилось. Государь былъ милостивъ къ уніатамъ, открылъ для нихъ снова закрытыя раньше епархіи Луцкую и Брестскую, но не признавалъ за уніатской церковью никакой самостоятельности и подчинилъ ее одному управленію съ латинской въ католической коллегіи, гдѣ изъ уніатовъ не было ни одного члена. Совращеніе уніатовъ въ католичество не подвергалось никакому взысканію, чѣмъ, конечно, и не замедлила воспользоваться католическая пропаганда, опустошая унію все болѣе и болѣе.

При Александрѣ I, пользуясь либеральнымъ характеромъ первыхъ лѣтъ этого царствованія и широкою свободой вѣроисповѣданія, іезуиты успѣли уловить въ свои сѣти немало даже чисто русскихъ и православныхъ людей изъ высшихъ классовъ. Ихъ школы и миссіи охватили всю западную Россію, распространились и по южной Россіи отъ Кіева до Симферополя и отъ Каменца-Подольскаго и Одессы до Моздока, проникли въ нѣмецкія колоніи на Волгѣ, въ Астрахань и др. мѣста, гдѣ только были какіе-нибудь католики, даже въ Сибирь, гдѣ были ссыльные Поляки. Въ 1814 году въ католичество былъ увлеченъ молодой князь *Голицынъ*, племянникъ синодальнаго оберъ-прокурора и былъ отданъ на увѣщаніе къ Филарету московскому. Плодомъ этихъ увѣщаній было сочиненіе Филарета. «Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ» (1815 г.). Въ 1815 г. государь повелѣлъ изгнать іезуитовъ изъ обѣихъ столицъ, а въ 1820 году изъ всей Россіи. Успѣхи латинства вызвали противъ себя реакцію и съ другой стороны, со стороны стѣсненной имъ уніатской церкви. Въ 1803 г. архіепископъ Ираклій нарочно посылалъ въ Петербургъ протоіерея *Іоанна Красовскаго* съ сильными представленіями о крайне униженномъ и заброшенномъ состояніи своей паствы. Въ томъ же году вышелъ указъ, которымъ обращеніе уніатовъ въ католичество было запрещено, а въ слѣдующемъ году въ число членовъ католической коллегіи указано было ввести одного уніатскаго епископа и троихъ уніатовъ асессоровъ. Въ 1805 г. коллегія раздѣлена была на два департамента, католическій и уніатскій; предсѣдателемъ послѣдняго былъ назначенъ Лисовскій. Наконецъ въ 1806 году онъ былъ

возведенъ въ санъ самостоятельнаго митрополита. Уніатская церковь такимъ образомъ почти совсѣмъ освободилась отъ давленія латинянъ. Самой важной заслугой митрополита было то, что онъ успѣлъ значительно подорвать вредную силу базиліанъ и поднять изъ униженія бѣлое духовенство, которое всегда было опорой народнаго и православнаго элемента въ уніи. Митрополитъ позаботился объ его образованіи, открывъ у себя въ Полоцкѣ уніатскую духовную семинарію. Онъ скончался въ 1809 г. Завѣтамъ его слѣдовали и управлявшіе послѣ него митрополіей луцкій епископъ *Григорій Кохановичъ* и (съ 1814 г.) полоцкій архіепископъ *Іоаннъ Красовскій*, оба изъ бѣлаго духовенства, бывшіе прежде сотрудниками Ираклія. По интригамъ базиліанъ, второй изъ нихъ, Красовскій, завѣдуя дѣлами митрополіи, такъ и не могъ добиться митрополичьяго сана, былъ даже оклеветанъ предъ правительствомъ, лишенъ каѳедры и почти до самой смерти находился подъ судомъ († 1827 г.). Митрополитомъ вмѣсто него въ 1817 г. былъ поставленъ *Іосафатъ Булгакъ*, епископъ брестскій, человѣкъ католическихъ убѣжденій. Но торжество латинской партіи на этотъ разъ запоздало. Благодаря дѣятельности Лисовскаго и Красовскаго, изъ среды бѣлаго духовенства успѣли воспитаться новые дѣятели, которые продолжили ихъ дѣло до вожделѣннаго конца, не смотря на всѣ препятствія. Это были *Іосифъ Сѣмашко*, *Василій Лужинскій* и *Антоній Зубко*, главные дѣятели общаго возсоединенія уніатовъ.

Исторія возсоединенія уніатовъ при Николаѣ I и Александрѣ II.—Василій и Антоній были питомцами полоцкой семинаріи Лисовскаго; Іосифъ прошелъ черезъ свѣтскую школу,—немировскую гимназію. Потомъ всѣ они учились въ главной семинаріи при виленскомъ университетѣ, протекторомъ котораго былъ кн. *Адамъ Чарторыжскій*, не любившій ни іезуитовъ, ни католическаго фанатизма, и потому много способствовавшій развитію и въ ученикахъ, и въ наставникахъ этой семинаріи весьма либеральнаго отношенія къ злоупотребленіямъ римскаго духовенства. Сѣмашко былъ изъ нихъ самый младшій (род. въ 1798 г.), но болѣе всѣхъ проникнутъ православными симпатіями, уже по самому своему происхожденію изъ Кіевской губерніи, гдѣ унія была ближе къ православію, чѣмъ въ западномъ краѣ, болѣе ихъ талантливый и способный къ практической дѣятельности. По окончаніи курса его посвятили священникомъ въ Луцкую епархію; въ два года службы онъ до-

стигъ уже сана протоіерея и должности асессора уніатскаго департамента католической коллегіи, имѣя всего 24 года отъ роду. Въ католической коллегіи онъ явился настойчивымъ и непобѣдимымъ противникомъ ея католическихъ членовъ. Зная всю закулисную сторону католическаго управленія уніатской церковью и ближе познакомившись въ Петербургѣ съ православіемъ и русской духовной литературой, онъ принялъ безповоротное рѣшеніе выступить спасителемъ своей церкви и отъ Рима, и отъ Польши. Царствованіе Николая, провозглашавшее незыблемыми основами Русскаго государства православіе, самодержавіе и народность, счастливо способствовало выполненію такого широкаго замысла молодого асессора католической коллегіи. Еще съ 1827 г. государь, уже проникавшій въ дѣйствительное положеніе дѣлъ уніатской церкви, воспретилъ принимать въ уніатское монашество чистыхъ латинянъ и указалъ усилить средства къ образованію уніатскаго бѣлаго духовенства. Въ томъ же году Сѣмашко составилъ для поднесенія государю записку, въ которой изложилъ всѣ происки Рима къ облатыненію уніи, указалъ и средства къ спасенію уніатскаго населенія отъ враговъ его вѣры: открыть для уніатскаго управленія особую уніатскую коллегію, вмѣсто 4-хъ оставить только двѣ уніатскихъ епархіи,—Бѣлорусскую и Литовскую, улучшить содержаніе дух. школъ и прекратить обученіе уніатской молодежи въ школахъ католическихъ, воспретить совращеніе уніатовъ въ латинство, сократить число базиліанскихъ монастырей и упорядочить ихъ администрацію. Записка эта понравилась государю и въ слѣдующемъ же году обнаружились ея послѣдствія: открыта была особая уніатская коллегія, независимая отъ католической; Іосифъ (вмѣстѣ съ Лужинскимъ и Зубко) назначенъ былъ ея членомъ, потомъ въ 1824 г. посвященъ въ викарія Полоцкой епархіи; затѣмъ послѣдовали закрытіе нѣсколькихъ базиліанскихъ монастырей, подчиненіе всѣхъ остальныхъ епархіальной власти, основаніе уніатской семинаріи въ Жировицахъ и нѣсколькихъ дух. училищъ. Дальнѣйшему движенію уніатскаго дѣла посодѣйствовало польское возстаніе 1830—1831 г., въ которомъ ксендзы и базиліане явились главными участниками. Лучшіе базиліанскіе монастыри, замѣшанные въ возстаніи, были или закрыты, или переданы православнымъ, въ томъ числѣ знаменитый Почаевскій монастырь. Согласно съ запиской Іосифа закрыты и лишнія епархіи и оставлены только двѣ,—Литовская, епископомъ которой въ 1833 г.

назначенъ самъ Іосифъ, и Бѣлорусская, ввѣренная м. Булгаку. Чрезъ нѣсколько времени для нихъ посвящены были викаріи, въ Полоцкую Василій Лужинскій, въ Литовскую Антоній Зубко.

Между тѣмъ Іосифъ разработалъ уже общій планъ возсоединенія уніатовъ, состоявшій въ томъ, чтобы, послѣ надлежащей подготовки, возсоединеніе единовременно было принято повсюду всѣмъ уніатскимъ духовенствомъ. Выполненіе этого плана подъ его руководствомъ ведено было съ строгой постепенностью. Первой и важной мѣрой къ постепенному сближенію уніатскаго духовенства съ правосл. церковью было введеніе въ церквахъ и монастыряхъ православной обрядности съ отмѣной всѣхъ латинскихъ новшествъ. Для этого въ 1834 г. по всѣмъ уніатскимъ церквамъ разосланы были служебники московской печати. Въ 1835 г. сдѣланъ былъ новый шагъ къ сближенію уніи съ православіемъ: уніатскія семинаріи и училища наравнѣ съ православными подчинены коммиссіи дух. училищъ; а въ началѣ 1837 г. завѣдываніе дѣлами уніатской церкви изъ министерства внутреннихъ дѣлъ было передано оберъ-прокурору Св. Синода, что подготовляло подчиненіе этой церкви прямо самому Синоду. Все это время съ 1834 г. архіереи Іосифъ, Василій и Антоній совершали по уніатскимъ епархіямъ неутомимые разъѣзды, стараясь лично вводить подвѣдомственное духовенство въ свой планъ возсоединенія подробными разъясненіями и увѣщаніями и собирая съ него подписки въ томъ, что въ свое время оно вмѣстѣ съ ними разомъ примкнетъ къ возсоединенію, какъ только это дѣло созрѣетъ. Въ 1838 г. смерть м. Булгака окончательно развязала руки дѣятелямъ возсоединенія. Предсѣдателемъ уніатской коллегіи сдѣлался Іосифъ, а Василій получилъ Бѣлорусскую епархію Булгака. Подготовка духовенства была закончена и оно выдало подписки на возсоединеніе, за исключеніемъ какой-нибудь сотни священниковъ въ Бѣлорусской епархіи. И вотъ 12 февраля 1839 г. соборъ уніатскихъ архіереевъ и высшаго духовенства, собравшійся въ недѣлю православія въ Полоцкѣ, составилъ торжественный актъ о присоединеніи уніатской церкви къ православной и всеподданнѣйшее прошеніе о томъ государю съ приложеніемъ 1305 подписей духовныхъ лицъ. 25 марта государь написалъ на этомъ прошеніи: «Благодарю Бога и принимаю». За пастырями присоединилось къ правосл. церкви и все полуторамилліонное уніатское населеніе указанныхъ епархій. Радость возсоединенія выразилась торжественными богослуженіями

бывшаго уніатскаго духовенства съ древнеправославнымъ въ Витебскѣ, Оршѣ, Полоцкѣ, Вильнѣ. Въ память возсоединенія выбита была медаль съ надписью на одной сторонѣ: «Отторженные насиліемъ (1596) возсоединены любовью (1839)», съ другой—подъ ликомъ Спасителя на убрусѣ: «Такова имамы Первосвященника». Бывшіе уніатскіе архіереи получили православныя епархіи западнаго края: Іосифъ сдѣлался архіепископомъ литовскимъ,—въ 1852 г. получилъ санъ митрополита († 1867); Василій управлялъ Полоцкой епархіей,—съ 1841 г. въ санѣ архіепископа, въ 1868 г. оставилъ управленіе и состоялъ до кончины (1879 г.) постояннымъ членомъ Св. Синода; Антоній до 1848 г. управлялъ Минской епархіей († 1884 г. на покоѣ).

Послѣ возсоединенія уніатовъ Бѣлоруссіи и Литвы унія оставалась еще въ Привислянскомъ краѣ, въ уніатской Холмской епархіи. Правительство обратило свое вниманіе на этотъ край уже послѣ новаго польскаго возстанія 1863 г. Дѣло возсоединенія и здѣсь началось съ ослабленія силы базиліанъ и возстановленія православной обрядности. Главнымъ дѣятелемъ въ подготовкѣ возсоединенія выступилъ протоіерей *Маркеллъ Поппель*, въ началѣ 1870-хъ гг. назначенный, за смертью мѣстнаго уніатскаго архіерея, администраторомъ епархіи. Въ 1874 г. государь императоръ выразилъ свое согласіе на возсоединеніе. Послѣ этого въ январѣ 1875 г. въ Сѣдлецкой губерніи возсоединилось съ правосл. церковію до 50.000 уніатовъ, а 18 февраля въ Холмѣ собрался соборъ духовенства съ М. Поппелемъ во главѣ и составилъ актъ о возсоединеніи всей Холмской епархіи. 11 мая, въ день свв. Кирилла и Меѳодія, послѣдовало самое торжество возсоединенія. Въ томъ же году Маркеллъ посвященъ былъ въ епископа люблинскаго, викарія православной Варшавской епархіи. Съ 1878 г. былъ самостоятельнымъ епископомъ подольскимъ, затѣмъ полоцкимъ. Съ 1889 г. удалился на покой. Скончался въ 1903 г. членомъ Синода. Унія осталась теперь въ силѣ лишь въ отторженномъ отъ Россіи древне русскомъ краѣ,—въ австрійской Галиціи.

Успѣхи православія среди католиковъ.—Католицизмъ былъ сильно пораженъ возсоединеніемъ уніатовъ, но не оставилъ и доселѣ не оставляетъ своихъ стремленій къ пропагандѣ. Даже при такомъ твердомъ ревнителѣ русской народности и православія, какъ импер. Николай I-й, было нѣсколько совращеній въ латинство бывшихъ уніатовъ и православныхъ въ Западномъ

краѣ и въ высшемъ русскомъ обществѣ. Нѣкоторые измѣнники русской народности и вѣры (Гагаринъ, Голицынъ, Мартыновъ) даже эмигрировали за границу, сдѣлались тамъ іезуитами и своими брошюрами въ пользу католичества, совращеніемъ плохо воспитанныхъ въ православіи русскихъ путешественниковъ и путешественницъ и вновь основаннымъ въ Парижѣ католическимъ братствомъ Кирилла и Меѳодія старались вредить своей родной Русской церкви. Но подобными отступленіями отъ православія католицизмъ только и долженъ былъ довольствоваться. Возсоединеніе уніатовъ лишило его многихъ и прежнихъ его исповѣдниковъ; за 1840—1841 гг. вмѣстѣ съ уніатами обратилось до 20.000 католиковъ. Новое усиленіе обращеній католиковъ въ православіе произошло послѣ польскаго возстанія 1863 г., во время котораго католицизмъ окончательно подорвалъ себя своею связью съ бунтовщиками; въ 1864 г. обратилось до 50.000 католиковъ; обращенія эти продолжались до 1870-хъ годовъ. Еще болѣе стали они усиливаться съ 1870 г., послѣ пресловутаго Ватиканскаго собора, озадачившаго своими опредѣленіями многихъ здравомыслящихъ католиковъ. За послѣднія десятилѣтія замѣчательно обращеніе въ православіе живущихъ въ Россіи Чеховъ; въ 1888—1889 гг. въ Волынской епархіи ихъ присоединилось до 6.800 душъ. Движеніе въ пользу православія проявилось между католиками и за границей. Еще въ 1861 г. въ Парижѣ обратился въ православіе *аббатъ Владиміръ Гетте*, сдѣлавшійся православнымъ священникомъ, авторъ обширной исторіи церкви и издатель правосл. французскаго журнала L'Union Chrétienne. Послѣ Ватиканскаго собора въ Америкѣ совершилось обращеніе католическаго богослова проф. *Бёринга*, потомъ священника правосл. церкви въ Ньюйоркѣ. Отдѣлившаяся отъ Рима старокатолическая церковь завязала съ правосл. церковью живыя сношенія о своемъ съ нею соединеніи; для разработки вопроса объ этомъ соединеніи съ 1871 г. собиралось уже нѣсколько конгрессовъ и конференцій старокатолическихъ и русскихъ богослововъ (въ Мюнхенѣ, Кельнѣ, Боннѣ, Утрехтѣ), хотя только частнымъ образомъ, безъ офиціальнаго въ ихъ разсужденіяхъ участія самой Русской церкви.

Распространеніе православія среди протестантовъ Западнаго края.—Кромѣ католиковъ, православная церковь привлекала къ себѣ въ Западномъ краѣ протестантовъ. Въ шведскую войну при Петрѣ Россія не только возвратила себѣ отъ Швеціи свои старыя земли, но пріобрѣла и

новыя. Послѣ этого началось возстановленіе правосл. вѣры повсюду, гдѣ она была до шведскаго владычества. Возобновлены древнія обители Валаамская и Коневская; инородцы Петербургскаго края обращались въ православіе. Затѣмъ при Петрѣ же завоеваны Эстляндія и Лифляндія; при Екатеринѣ II закончилось присоединеніе къ Россіи Курляндіи. Слѣды древняго православія въ этихъ областяхъ были совсѣмъ уже истреблены нѣмецкимъ протестантскимъ владычествомъ. Забитые Эсты и Латыши были подавлены двойнымъ гнетомъ помѣщиковъ и лютеранскихъ пасторовъ. Православныхъ жителей, вмѣстѣ съ пришлыми русскими людьми, въ 1830-хъ гг. во всемъ Остзейскомъ краѣ было не болѣе 20,000; церквей было тоже очень мало,—онѣ существовали главнымъ образомъ для войскъ, расположенныхъ въ краѣ. Первые начатки движенія въ пользу православія совпадаютъ тамъ съ открытіемъ въ Ригѣ псковскаго викаріатства въ 1836 г. При первомъ же епископѣ *Иринархѣ* въ Лифляндіи и Эстляндіи между крестьянами начало развиваться замѣчательно оживленное движеніе къ переходу въ православіе. Оно вызвано было грубымъ барствомъ нѣмецкихъ пасторовъ и неудовлетворительностью для духовныхъ нуждъ народа самого лютеранства. Въ скорбяхъ своихъ Латыши и Эсты давно уже привыкли искать себѣ утѣшенія внѣ протестантства, ходили, напримѣръ, на богомолье въ Псково-Печерскій монастырь, а иные въ католическій костелъ въ Шембергѣ; нѣкоторые приставали къ гернгутерамъ, распространившимся въ Остзейскомъ краѣ при Александрѣ I. Но симпатичнѣе всѣхъ вѣръ казалось имъ православіе—«царская вѣра», служители которой всегда относились къ нимъ безкорыстно и ласково, не какъ пасторы. Въ 1841 году къ епископу Иринарху стали во множествѣ являться пріѣзжавшіе въ Ригу крестьяне съ заявленіями своего желанія перейти въ православіе. Къ несчастію, къ этимъ заявленіямъ примѣшивались иногда посторонніе элементы,—надежды на освобожденіе съ помощью православія отъ помѣщичьяго гнета и на переселеніе въ «теплые края» на вольныя земли. Дворянство и пасторы воспользовались этимъ и выставили открывшееся движеніе въ видѣ противопомѣщичьяго бунта, послѣ чего оно было подавлено суровыми мѣрами. Самъ преосв. Иринархъ былъ удаленъ изъ Риги и подвергся слѣдствію. Слѣдствіе это однако оправдало и его и духовенство и вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживъ настоящее положеніе несчастнаго крестьянства, заставило правительство ближе войти въ его нужды. Генералъ-

губернаторъ *Паленъ*, стоявшій исключительно за интересы Нѣмцевъ, бароновъ и пасторовъ, былъ смѣненъ. Переходъ въ православіе крестьянамъ былъ дозволенъ самимъ государемъ, но съ непремѣннымъ внушеніемъ, что они не получатъ за него никакихъ выгодъ въ своихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, а освободятся отъ повинностей и платежей только въ пользу пасторовъ.

Въ 1845 г. только лишь подавленное движеніе повторилось опять при рижскомъ викаріѣ *Филаретѣ Гумилевскомъ* и снова вызвало тоже противодѣйствіе отъ бароновъ и пасторовъ съ экзекуціями, интригами въ правительственныхъ сферахъ, ложными объясненіями фактовъ, клеветами на народъ и духовенство въ бунтѣ и проч. Православное духовенство дѣлало съ своей стороны все для безпрепятственности обращеній, переводило на латышскій и эстскій языки нужныя христіанскія книги, пріемъ въ православіе производило не иначе, какъ въ присутствіи нѣмецкихъ властей и съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, чтобы не къ чему было привязаться врагамъ; на священническія мѣста вызывались знающіе мѣстные языки; усилено катихизаторство, такъ что Латышъ или Эстъ въ нѣсколько дней узнавалъ о вѣрѣ больше, чѣмъ слыхалъ отъ пастора лѣтъ въ 30, хотя Нѣмцы и толковали, что попы крестятъ, никого не научивъ своей вѣрѣ. Противодѣйствіе со стороны Нѣмцевъ только усиливалось; однѣ жестокости и клеветы смѣнялись другими. Самой надежной клеветой оказывалась клевета, что крестьяне просто бунтуютъ и при этомъ запускаютъ свои обязательныя работы. Полицейскія и судебныя разслѣдованія о томъ производились самими же Нѣмцами. Не безплодны были для остзейскаго рыцарства и тѣ интриги, какія оно вело въ высшихъ административныхъ сферахъ. Въ угоду ему обращенія крестьянъ были остановлены на все время лѣтнихъ работъ, а въ концѣ 1845 г. вышло общее распоряженіе объ обязательномъ 6-мѣсячномъ срокѣ между заявленіемъ о переходѣ въ православіе и самимъ присоединеніемъ, много повредившее дѣлу православія, потому что въ теченіе всего этого срока записавшіеся на присоединеніе оставались въ полномъ распоряженіи озлобленныхъ бароновъ и пасторовъ. Число обращеній за 1845 г. простиралось до 14,430, въ 1848 дошло до 55,000, затѣмъ вдругъ быстро упало и смѣнилось даже обратнымъ движеніемъ изъ православія въ лютеранство, что было истиннымъ торжествомъ для нѣмецкой партіи. Преосв. Филаретъ, не смотря на всѣ препятствія, все таки успѣлъ поставить дѣло православія въ

краѣ на твердую почву. Онъ открылъ много новыхъ приходовъ, вызвалъ значительное число нужныхъ для священническихъ мѣстъ способныхъ людей, первый опредѣлилъ образъ дѣйствованія для духовенства на его крайне скользкомъ поприщѣ, успѣлъ прилично устроить его матеріальное положеніе, наконецъ въ разныхъ мѣстахъ завелъ инородческія школы, а въ 1847 г. открылъ въ Ригѣ духовное училище съ преподаваніемъ мѣстныхъ языковъ для воспитанія будущихъ духовныхъ дѣятелей въ краѣ изъ русскихъ и инородцевъ. Самъ онъ работалъ до полнаго истощенія силъ, не имѣя времени даже для вкушенія пищи и для сна. Не мудрено, что нѣмецкая партія всѣми силами старалась избавиться отъ такого опаснаго для нея архіерея. Въ 1848 г. онъ былъ переведенъ въ Харьковъ.

Въ томъ же духѣ продолжалъ дѣло преемникъ его *Платонъ* (Городецкій). При этомъ преосвященномъ (до 1867 г. † 1891 г. кіевскимъ митрополитомъ) Рижская епархія съ 1850 года сдѣлана была самостоятельной; рижское дух. училище одновременно обращено въ семинарію. Благодаря его примирительному образу дѣйствій и просвѣтительнымъ мѣрамъ, прав. церковь заняла въ Остзейскомъ краѣ подобающее ей мѣсто, хотя борьба ея съ протестантствомъ не кончилась и послѣ этого. Новое массовое движеніе Эстовъ и Латышей въ православіе возбудилось съ наступленіемъ истинно-русскаго царствованія Александра III, когда старымъ интригамъ и клеветамъ Нѣмцевъ перестали давать вѣру и русско-православные интересы стали поддерживаться твердою рукою во всемъ западномъ краѣ. Съ 1883 по 1891 г. число присоединившихся здѣсь возрасло до 20,000. Со стороны Нѣмцевъ поднялись жалобы на гоненіе протестантства, услышанныя и въ Европѣ. Въ 1886 г. на имя оберъ-прокурора Св. Синода пришло изъ Швейцаріи письмо отъ президента и членовъ евангелическаго союза съ просьбою прекратить гоненіе на ихъ остзейскихъ собратій. На это письмо въ 1887 г. послѣдовалъ отвѣтъ, получившій всеобщую извѣстность, въ которомъ было ясно указано, что жалобами остзейскихъ лютеранъ руководятъ мотивы не религіозные, а чисто мірскіе, мотивы земного господства въ краѣ, и что если православіе и ведетъ тамъ борьбу съ протестантизмомъ, то не наступательную, а только оборонительную.

Въ послѣднее время вниманіе правительства обратилось на неудовлетворительное положеніе православной церкви въ другой изъ западныхъ окраинъ Россіи,—въ княжествѣ Финляндскомъ,

гдѣ она всецѣло должна была подчиняться мѣстной администраціи и руководиться мѣстными финляндскими узаконеніями, созданными исключительно въ интересахъ церкви лютеранской. Подчиненныя Св. Синоду въ обще-церковныхъ дѣлахъ, православныя церковныя общины въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, въ довольствованіи духовенства, содержаніи церквей и попеченіи о церковныхъ имуществахъ, были вполнѣ подчинены мѣстнымъ губернаторамъ и сенату,—правительству лютеранскому, по общему финляндскому уложенію. Такимъ образомъ православная церковь въ Финляндіи встала въ положеніе не господствующей, а только терпимой. Выборгскіе викаріи (съ 1856 г.), живя въ Петербургѣ и занятые ректорствомъ въ академіи, были въ своей епископіи рѣдкими посѣтителями, а мѣстное духовное правленіе было только посредствующимъ органомъ между правосл. церквами края и финляндскимъ свѣтскимъ начальствомъ. Конецъ этому неестественному положенію православія въ Финляндскомъ краѣ положенъ учрежденіемъ въ 1892 г. самостоятельной Финляндской епархіи и общими мѣрами послѣдняго времени, направленными къ подъему русскаго вліянія и на этой окраинѣ Имперіи, особенно умноженіемъ православныхъ церквей и церковныхъ школъ.

Отрадные признаки торжества православія надъ протестантствомъ въ послѣднее время замѣчаются и внѣ предѣловъ Россіи, преимущественно въ епископальной церкви Англіи и Америки. Первыя сношенія англиканской церкви съ Россіей о соединеніи церквей относятся ко времени Петра Великаго, но тогда они окончились ничѣмъ. Въ 1830-хъ годахъ среди англиканской церкви возбудилось особенное вниманіе къ православной церкви въ обществѣ пюзеистовъ или англо-каѳоликовъ. Одинъ изъ нихъ, дьяконъ *Пальмеръ* въ 1842—1853 гг. нарочно ѣздилъ хлопотать по вопросу о соединеніи церквей въ Россію и на востокъ, но, огорченный безуспѣшностію своихъ стараній, кончилъ тѣмъ, что перешелъ въ католичество. Вопросъ о соединеніи церквей оказывался пока неразрѣшимымъ, но подготовка къ его рѣшенію не была оставляема ни въ Англіи, ни въ Америкѣ, гдѣ основались цѣлыя общества для изученія восточной церкви чрезъ переводы ея богослужебныхъ и вѣроучительныхъ книгъ и изданіе въ печати разныхъ относительно нея извѣстій и изслѣдованій; съ 1867 г. въ Лондонѣ началъ издаваться особый журналъ: «Православно-каѳолическое Обозрѣніе». Въ 1868 г. члены епископаль-

ной церкви въ Америкѣ завязали серьезныя сношенія съ Святѣйшимъ Синодомъ о взаимномъ общеніи въ богослуженіи и таинствахъ, что между прочимъ было однимъ изъ важнѣйшихъ побужденій для Русской церкви къ открытію архіерейской каѳедры въ С.-Франциско. Одновременно съ этимъ отъ англійскаго «Общества восточной церкви» пришли въ Святѣйшій Синодъ прямыя предложенія о присоединеніи къ православной церкви подъ условіемъ сохраненія англиканскихъ обрядовъ. Святѣйшій Синодъ положилъ снестись объ этомъ дѣлѣ съ восточными патріархами. Однимъ изъ важныхъ препятствій къ удовлетворительному рѣшенію вопроса о присоединеніи англиканъ и вообще протестантовъ была открывшаяся тогда разность между Русской и Греческой церковію въ способѣ присоединенія этихъ иновѣрцевъ: Русская церковь присоединяла ихъ чрезъ одно муропомазаніе, а Греческая требовала повторенія надъ ними таинства крещенія. Между тѣмъ происходили по временамъ частные случаи обращеній, изъ которыхъ замѣчательны обращенія въ 1861 г. англійскаго пастора *Ричардсона* и въ 1869 г. издателя «Православно-каѳолическаго Обозрѣнія» доктора богословія *Овербека*, которые потомъ, особенно послѣдній, много потрудились въ пользу православной церкви среди членовъ англиканскаго вѣроисповѣданія. Особенно значительно подвинулось впередъ знакомство съ православной церковію американскаго общества съ 1870 г., когда обратившійся изъ католичества православный священникъ *Николай Біерринг*, открылъ въ своей Ньюіоркской церкви православное богослуженіе на англійскомъ языкѣ и сталъ читать о православной церкви публичныя лекціи и проповѣди.

ГЛАВА III.

Ученіе и духовное просвѣщеніе.

Устройство Московской академіи по образцу Кіевской. Одной изъ важнѣйшихъ заботъ духовнаго и свѣтскаго правительства въ новый періодъ нашей исторіи было образованіе духовенства, въ которомъ крайняя нужда почувствовалась съ самаго начала реформы. Будучи недоволенъ состоя-

ніемъ Московской академіи, царь Петръ отдалъ ее подъ покровительство мѣстоблюстителя Стефана. Послѣ этого она быстро преобразовалась по образцу Кіевской академіи; прежнее еллино-славянское образованіе ея замѣнилось латинскимъ. Съ кіевскими преподавателями въ нее перешли и всѣ кіевскіе школьные порядки, раздѣленіе классовъ, составъ курса, школьныя должности, экзамены, диспуты, школьное проповѣдничество, самыя развлеченія учениковъ,—рекреаціи, пѣніе виршей, театральныя представленія. Ревнители прежняго еллино-славянскаго образованія напрасно роптали на такіе новые порядки и доказывали, что латинскія ученія повлекутъ за собой разныя ереси,—мысли этого рода уже не принимались во вниманіе. Въ томъ же латинскомъ направленіи архіереи Малороссы заводили духовныя школы по епархіямъ, въ Черниговѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ, Тобольскѣ. Стараго типа обученія дѣтей духовенства держались только нѣкоторые архіереи Великороссы. Особенно важное значеніе между ними имѣлъ въ этомъ отношеніи митрополитъ *Іовъ* новгородскій.

Покровитель образованія Іовъ новгородскій. Для распространенія образованія въ своей епархіи Іовъ обратился сначала къ помощи малороссійскихъ ученыхъ; нѣкоторые изъ нихъ послѣ своего изгнанія изъ Москвы нашли у него весьма радушный пріемъ, наприм. Ѳеодосій Яновскій и симоновскій архимандритъ *Гавріилъ Домецкій*, но оказались въ отношеніи къ нему людьми неблагодарными. Домецкій, кромѣ того, опять поднялъ въ Новгородѣ споръ о времени пресуществленія святыхъ даровъ и въ 1704 г. написалъ опроверженіе на книгу Остенъ. Противъ него выступилъ чудовскій іеродіаконъ *Дамаскинъ*, человѣкъ близкій къ Іову, и написалъ на Домецкаго 105 отвѣтовъ. Сочиненіемъ этимъ и письмами къ Іову онъ успѣлъ подорвать все довѣріе митрополита къ Домецкому и къ латинской учености и склонить его на сторону еллинскаго образованія. Послѣ этого Іовъ вызвалъ къ себѣ братьевъ Лихудовъ и съ помощью ихъ въ 1706 г. открылъ при своемъ домѣ школы славянскую и славяно-еллинскую. Лихуды надолго утвердили въ Новгородѣ славяно-еллинское ученіе, оказавшееся сравнительно съ латинскимъ весьма популярнымъ. Ученики, которыхъ на первый разъ набрали до 100 человѣкъ, не бѣгали изъ Лихудовскихъ школъ, какъ бѣгали изъ латинскихъ. Іовъ былъ очень доволенъ успѣхами Лихудовъ и мечталъ сдѣлать Новгородъ съ его славяно-еллинскимъ типомъ

ученія чѣмъ-то въ родѣ противовѣса Москвѣ съ ея латинской академіей. Кромѣ обученія въ школахъ, ученые братья продолжали здѣсь свою литературную дѣятельность, составляли руководства по предметамъ своего курса, написали обличеніе ересей Лютера и Кальвина, занимались переводами. Митрополитъ Іовъ желалъ завести въ Новгородѣ свою типографію и просилъ для этого у царя присылки изъ Москвы принадлежностей бывшей дворцовой типографіи С. Полоцкаго, просилъ также, чтобы ему прислали для работъ переводчиковъ изъ числа типографскихъ справщиковъ, бывшихъ Лихудовскихъ учениковъ, и собирался издавать новый исправленный по греческому тексту переводъ Библіи. Но всѣмъ этимъ просвѣтительнымъ планамъ его не суждено было осуществиться. Въ 1707 г. у него взяли въ Москву самаго дѣятельнаго изъ Лихудовъ Софронія для греческой школы при типографскомъ домѣ; съ однимъ же Іоанникіемъ, человѣкомъ уже престарѣлымъ, дѣла пошли хуже. Послѣ смерти Іова (1716 г.) уѣхалъ въ Москву и этотъ Лихудъ (умеръ тамъ въ 1717 г.), Оставшіеся послѣ Лихудовъ ихъ ученики понемногу впрочемъ продолжали ихъ дѣло и особенно развили въ новгородскихъ школахъ славянское грамматическое ученіе. Въ 1723 г. учитель *Максимовъ* издалъ славянскую грамматику, имѣвшую немаловажное значеніе въ исторіи этой науки. За грамматистами въ новгородскія школы обращались разные епархіальные архіереи и само правительство для своей приказной службы. Преемникъ Іова Ѳеодосій старался поэтому поддержать его школы, не смотря на свое собственное латинское направленіе, и только уже Ѳеофанъ Прокоповичъ въ 1726 г. порушилъ ихъ, переведя учениковъ въ свою петербургскую латинскую школу. Кромѣ Новгорода, еллинское образованіе нашло себѣ пріютъ еще въ московской типографской школѣ Софронія Лихуда († 1730 г.). Но въ 1740-хъ годахъ эта школа соединена была съ академіей, гдѣ еллинское ученіе постоянно было на заднемъ планѣ предъ латинью.

Школы при архіерейскихъ домахъ по Духовному Регламенту. Послѣ учрежденія Святѣйшаго Синода открытіе духовныхъ школъ пошло успѣшнѣе. Духовнымъ Регламентомъ положено было завести такія школы по всѣмъ епархіямъ. Содержать ихъ указано отчасти на счетъ архіерейскихъ домовъ, отчасти изъ сборовъ съ церковныхъ и монастырскихъ земель, съ первыхъ 30-й, со вторыхъ 20-й части ежегоднаго хлѣбнаго дохода. Обученіе въ нихъ объявлено обязательнымъ для

всѣхъ дѣтей духовенства; необучавшіеся въ нихъ подлежали разборамъ для исключенія изъ духовнаго сословія. Какъ и всѣ другія школы Петровскаго времени, когда подъ обученіемъ разумѣли только выучку извѣстному практическому дѣлу или службѣ, духовныя школы получили спеціальное назначеніе обучать дѣтей духовенства «въ надежду священства». Курсъ обученія (разумѣется, латинскій) распредѣленъ былъ на 8 лѣтъ и состоялъ изъ изученія: 1) грамматики или латинскаго языка, при упражненіяхъ въ которомъ рекомендовалось кстати изучать исторію съ географіей посредствомъ относящихся къ этимъ наукамъ переводовъ, 2) изъ ариѳметики и геометріи, 3) логики съ діалектикой, 4) пінтики съ риторикой, 5) физики съ краткой метафизикой, 6) политики и 7) богословія; на послѣднее назначено два года. Въ воспитательномъ отношеніи архіерейскія школы велѣно устраивать въ видѣ закрытыхъ заведеній, «образомъ монастыря», съ рѣдкими свиданьями учениковъ съ родными, съ строгимъ распредѣленіемъ времени по точнымъ «регуламъ» и звонкамъ, и съ неусыпнымъ надзоромъ ректора, префекта и комнатныхъ старшихъ. Регламентъ предвидѣлъ, что ученики будутъ уклоняться отъ «стужительнаго житія» въ такихъ школахъ, и опредѣлилъ,— если при пріемѣ въ школу нѣкоторые будутъ оказываться неспособными къ ученью, такихъ испытывать цѣлый годъ, не «притворяютъ ли» они «себѣ тупости», какъ другіе «притворяютъ себѣ тѣлесную немощь отъ солдатства», по годичномъ же только испытаніи производить и исключеніе негодныхъ учениковъ до окончанія курса, и то, если ученикъ окажется уже окончательно «дѣтина непобѣдимой злобы». Ректору за отпускъ ученика изъ школы «отай», безъ спроса у Святѣйшаго Синода, и «за мзду», опредѣлено «жестокое наказаніе». Главное управленіе школами предоставлено было архіереямъ и отнесено къ дѣламъ епархіальной администраціи. Ихъ благосостояніе, составъ курса и учебнаго персонала—все зависѣло отъ личнаго расположенія и заботъ архіереевъ. Заведеніе школъ первоначально (до 1730-хъ годовъ) шло медленно и съ большими задержками; не было подготовлено для нихъ ни средствъ, ни учителей, ни учебныхъ пособій; самъ Духовный Регламентъ дозволялъ по нуждѣ опредѣлять въ учители не однихъ знающихъ дѣло, но и просто только талантливыхъ людей, которые могли бы пріобрѣсти нужныя знанія уже на должности. Составъ курсовъ почти во всѣхъ школахъ ограничивался только славянской или латинской грамматикой да букваа-

ремъ Прокоповича. Учениковъ забирали въ ученье насильно, иногда даже въ кандалахъ, подъ конвоемъ; потомъ они убѣгали изъ школъ и ихъ такимъ же порядкомъ приходилось ловить и возвращать обратно въ школы. Сами ихъ отцы и матери были противъ школьнаго обученія и охотно помогали имъ укрываться отъ новой школьной повинности.

Обученіе въ архіерейскихъ школахъ и ихъ содержаніе. Болѣе полный латинскій курсъ, на манеръ кіевскаго, началъ вводиться въ архіерейскія школы только съ 1730 годовъ, и то не вдругъ. Школы, успѣвшія завести такой курсъ, получали названія семинарій, а остававшіяся съ однимъ славянскимъ обученіемъ стали считаться низшими.—До Екатерины II-й всѣхъ семинарій успѣло открыться 26, но полные курсы до богословія включительно, кромѣ двухъ академій, существовали только въ 8 семинаріяхъ, каковы были: Харьковская, называвшаяся коллегіумомъ, заведшая у себя богословскій классъ въ 1731 г., раньше всѣхъ семинарій, Петербургская въ Невской лаврѣ, Троицкая въ Сергіевой лаврѣ, Казанская, Новгородская, Псковская, Тверская и Смоленская; семинаріи Тобольская, Рязанская и Нижегородская доходили только до философіи; въ остальныхъ ученіе оканчивалось риторикой, а то не доходило даже и до нея. Изъ такихъ неполныхъ семинарій для приготовленія къ учительству или къ духовнымъ должностямъ посылали по нѣскольку лучшихъ учениковъ доучиваться въ чужія полныя семинаріи или академіи. Характеръ образованія духовныхъ школъ, не исключая академій, былъ чисто формальный; въ низшихъ классахъ изучались формы языка, въ риторикѣ—формы рѣчи, въ философіи—формы діалектики, и только въ богословіи всѣ эти формы находили себѣ искусственное примѣненіе въ схоластическомъ развитіи богословскихъ истинъ. Географія, исторія и математика, которыя велѣно преподавать Регламентомъ, вовсе не преподавались. Изъ языковъ изучался одинъ латинскій. Школьная дисциплина отличалась большой суровостью, въ которой особенно винили начальниковъ и учителей изъ Черкасъ. Отъ тѣлесныхъ наказаній не были свободны даже учители. Въ автобіографіи митрополита Платона разсказывается, какъ его, бывшаго уже учителемъ Московской академіи, архіерей Амвросій хотѣлъ наказать розгами въ собраніи всей академіи и какъ онъ освободился отъ этого наказанія, благодаря только заступничеству добраго ректора. Содержаніе всѣхъ школъ было весьма неопредѣленно и непостоянно, завися все-

цѣло отъ епархіальныхъ сборовъ и отъ средствъ архіерейскихъ домовъ. Случалось, что за недостаткомъ средствъ распускались на неопредѣленное время цѣлыя школы; оклады наставниковъ были крайне бѣдные, помѣщенія школъ тѣсныя и жалкія во всѣхъ отношеніяхъ. Ученики не только своекоштные, но и казенно-коштные или, какъ ихъ звали, «бурсаки» должны были пріобрѣтать себѣ прокормленіе «кондиціями» (уроками), перепиской, даже физическими работами; святитель Тихонъ напр., учась въ Новгородской семинаріи, нанимался въ свободное время у огородниковъ копать гряды. Въ Кіевѣ воспитанники сбирали подаянія по дворамъ горожанъ, распѣвая псалмы, канты и концерты, произнося рѣчи, стихи, діалоги и разыгрывая комедійныя дѣйства, хотя кіевская академія имѣла весьма заботливыхъ попечителей и благотворителей въ лицѣ кіевскихъ архипастырей, каковы особенно были Рафаилъ Заборовскій и Арсеній Могилянскій.

Съ царствованія Екатерины II настало новое время для всего русскаго образованія вообще. Прежній спеціально-сословный строй его началъ сглаживаться; вмѣсто прежней выучки, стали заботиться объ общемъ образованіи воспитанниковъ и заводить новыя общеобразовательныя школы. Общеобразовательные предметы начали вводиться и въ курсы духовныхъ школъ. Къ 1766 году особая коммиссія, состоявшая изъ преосвященныхъ Гавріила и Иннокентія и іеромонаха Платона, по порученію правительства, выработала цѣлый проектъ преобразованія духовныхъ школъ, которымъ предполагалось раздѣлить ихъ на высшія, среднія и низшія и ввести въ нихъ новые по этимъ степенямъ курсы, болѣе современные методы и педагогическіе пріемы. Проектъ этотъ не остался безъ вліянія на состояніе духовныхъ школъ, хотя и не былъ приведенъ въ исполненіе. Особенно важное значеніе получилъ вопросъ о приготовленіи учителей духовныхъ школъ. Въ 1765 г., по желанію императрицы, при Московскомъ университетѣ предположено было открыть богословскій факультетъ, а для приготовленія въ него преподавателей отправлено 16 лучшихъ духовныхъ воспитанниковъ въ заграничные университеты. Факультетъ этотъ не былъ открытъ и посланные заграницу по возвращеніи распредѣлены были по разнымъ должностямъ, но нѣсколько человѣкъ изъ нихъ попали и въ учители духовныхъ школъ. Нѣкоторые архіереи для приготовленія учителей посылали своихъ семинаристовъ слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ и филологической семинаріи

Дружескаго Ученаго Общества; здѣсь слушали лекціи наприм. студенты Московской академіи Серафимъ Глаголевскій (послѣ митрополитъ) и Евгеній Болховитиновъ. Съ 1788 г. митрополитъ Гавріилъ изъ своей невской семинаріи устроилъ нѣчто въ родѣ учительской семинаріи для приготовленія учителей въ другія епархіи. Число и достоинство учителей духовныхъ школъ вообще значительно поднялось. Притомъ же на учительскихъ мѣстахъ явились новыя свѣжія силы изъ Великоруссовъ, вносившія и въ преподаваніе и въ дисциплину духовныхъ школъ новый, болѣе современный и гуманный духъ. Господство схоластики и латыни было поколеблено; стало распространяться изученіе греческаго языка и языковъ новыхъ, особенно французскаго; формальное направленіе духовнаго образованія восполнялось постепеннымъ введеніемъ въ семинаріи изученія географіи, исторіи, физики и отчасти математики. Богословіе и философія преподавались уже во всѣхъ семинаріяхъ и учениковъ знакомили не съ однѣми схоластическими системами, но и съ новой нѣмецкой философіей (Лейбнице-Вольфіанской) и съ новыми протестантскими богословіями. На формальное развитіе и знаніе латыни впрочемъ все еще обращали главное вниманіе. Въ 1800 году возникъ вопросъ о преподаваніи главныхъ наукъ на русскомъ, а не на латинскомъ языкѣ, но митрополитъ Платонъ, хотя ранѣе всѣхъ архіереевъ сталъ заботиться объ употребленіи русскаго языка въ своихъ школахъ, рѣшительно высказался противъ такого ослабленія латыни. Отъ прежней суровой и огрубляющей системы семинарскаго воспитанія оставались еще ясные слѣды повсюду, но ее уже осуждали,—поднялись рѣчи о другихъ, болѣе дѣйствительныхъ средствахъ къ смягченію бурсацкихъ нравовъ, чѣмъ тѣлесныя наказанія, о «впереніи», какъ выражалась семинарская инструкція Платона, въ ученикахъ «благороднаго честолюбія», о возвышеніи въ семинаріяхъ эстетическаго образованія, объ ослабленіи грязныхъ наклонностей къ пьянству и проч. Что касается до содержанія духовныхъ школъ, то въ 1764 г. для нихъ въ первый разъ опредѣлены были штатные оклады постояннаго характера, которые, какъ ни были малы, все таки должны были спасать ихъ отъ многихъ прежнихъ случайностей ихъ существованія. На всѣ школы съ 6,000 учениковъ было ассигновано всего до 40,000 р.; къ 1784 г., когда число учениковъ дошло до 12,000, сумма оклада на школы поднята была до 77,400 руб.; потомъ при императорѣ Павлѣ она дошла до 182,000 руб., но

правительство распорядилось тогда открыть еще двѣ новыя академіи, Петербургскую и Казанскую, и до 8 новыхъ семинарій. На низшія школы окладовъ не было назначено и онѣ должны были поэтому содержаться на остатки отъ небогатыхъ семинарскихъ окладовъ. Самый высшій семинарскій окладъ—ректорскій простирался всего до 300 руб., учительскій отъ 30 до 150 руб., на студента академіи приходилось отъ 7 до 15 руб. въ годъ. Понятно, что при такихъ малыхъ окладахъ духовныя школы по прежнему продолжали нуждаться въ сборахъ съ духовенства и составляли предметъ тяжкихъ заботъ для архіереевъ; множество бѣдныхъ учениковъ архіереямъ приходилось содержать на счетъ и въ ущербъ церковной службы, посредствомъ предоставленія имъ церковныхъ мѣстъ. Наконецъ, до послѣдняго времени не было заведено общаго управленія духовными школами; оставаясь только епархіальными учрежденіями, онѣ не имѣли ни взаимной между собою связи, ни общаго устава, ни опредѣленныхъ однообразныхъ курсовъ, зависѣли во всемъ своемъ строѣ отъ воли и вкусовъ однихъ своихъ архіереевъ; академіи, начинаясь съ низшихъ классовъ, какъ и семинаріи, ничѣмъ почти не отличались отъ послѣднихъ. Въ такомъ положеніи духовныя школы просуществовали до преобразованія ихъ комитетомъ 1808 г. Всѣхъ ихъ къ этому времени было: 4 академіи, 36 семинарій и до 115 низшихъ училищъ, съ числомъ учениковъ, простиравшимся до 29,000 человѣкъ.

Преобразованіе дух. училищъ въ 1808 г.—На основаніи комитетскаго проекта 1808 г. дух. школы, какъ извѣстно, въ первый разъ были объединены подъ управленіемъ коммиссіи духовныхъ училищъ въ видѣ особаго духовно-учебнаго вѣдомства, раздѣленнаго на академическіе округи, и получили общіе однообразные уставы. Академіи оставлены съ однимъ высшимъ образованіемъ для воспитанниковъ, уже кончившихъ семинарскій курсъ. Семинаріямъ (по одной на епархію) предоставлено среднее дух. образованіе. Низшія училища—уѣздныя (по 10 на епархію) и приходскія по благочиніямъ (по 30 на каждую епархію) должны были раздѣлить между собой трудъ низшаго образованія дѣтей. Число всѣхъ школъ на дѣлѣ не достигло до предположенной цифры,—низшихъ школъ открыто всего до 300, академій оставлено пока 3, такъ какъ Казанская академія была въ 1818 г, на время обращена въ семинарію и открыта въ предположенномъ видѣ уже въ 1842 г.; но предпо-

ложенія относительно самой организаціи дух. школъ были осуществлены вполнѣ. Въ 1814 г. были изданы ихъ уставы, написанные Сперанскимъ и Ѳеофилактомъ. По своему общему характеру, всѣ дух. школы организованы были въ видѣ сословныхъ школъ смѣшаннаго типа, съ общеобразовательнымъ и спеціальнымъ курсами вмѣстѣ. Образованіе въ нихъ по прежнему сдѣлано обязательнымъ для дѣтей духовенства; число ихъ учениковъ при Александрѣ I дошло до 46,000. Курсъ низшихъ школъ имѣлъ общій элементарный характеръ, вслѣдствіе чего въ эти школы дозволялось принимать учениковъ и изъ другихъ сословій, кромѣ духовнаго. Въ семинаріяхъ изъ трехъ двухгодичныхъ отдѣленій, называвшихся по главнымъ своимъ предметамъ риторикой, философіей и богословіемъ, послѣднее отдѣленіе имѣло спеціальный духовный характеръ. Въ академіяхъ курсъ дѣлился на два двухгодичныхъ отдѣленія,—общеобразовательное и спеціально-богословское. Кончившимъ курсъ въ дух. школахъ всѣхъ этихъ трехъ разрядовъ опредѣлены были извѣстныя служебныя права. Студентовъ академіи по окончаніи курса положено удостоивать ученыхъ степеней кандидата и магистра и особыхъ окладовъ по этимъ степенямъ (кандидатовъ по 250 руб. ассигн., магистровъ по 350), если они примутъ на себя свящ. санъ; магистры въ свящ. санѣ получали еще особые кресты. Въ 1814 г. коммиссія дух. училищъ удостоила въ первый разъ нѣсколько духовныхъ лицъ степени доктора богословія,—для докторовъ тоже были назначены особые оклады (500 рублей ассигн.) и докторскіе кресты. На содержаніе всѣхъ дух. школъ назначено было 923,350 руб. въ годъ, а съ 1820 г.—до 1,674,120 руб.; оклады академій возвысились до 78,600 руб., семинарій до 20,000—31,000, уѣздныхъ училищъ до 2000—2650, приходскихъ до 730—1060 руб. Всѣ школы пришли послѣ этого въ замѣтное оживленіе; повсюду поднялась стройка и перестройка ихъ зданій; улучшилось содержаніе и учителей, и казеннокоштныхъ учениковъ. Улучшенію бурсацкаго содержанія впрочемъ много помѣшало то, что, вслѣдствіе бѣдности духовенства, училищныя начальства должны были принимать на казенный коштъ много бѣдныхъ учениковъ сверхъ штата, при чемъ на содержаніе ихъ приходилось урѣзывать содержаніе штатныхъ бурсаковъ; кромѣ того, низшія училища и теперь ничего не получили на содержаніе своихъ бурсъ, часто очень многолюдныхъ,—поэтому имъ тоже приходилось помогать изъ семинарскихъ же

окладовъ. Содержаніе своекоштныхъ учениковъ осталось въ прежнемъ видѣ. Въ 1836 г. послѣдовала еще прибавка къ училищнымъ окладамъ въ половину противъ прежнихъ окладовъ, но преимущественно въ пользу личнаго состава дух. школъ. Въ началѣ 1840-хъ годовъ въ уставахъ дух. школъ произведены были значительныя перемѣны: былъ увеличенъ штатъ преподавателей и сдѣланы разныя перемѣны въ составѣ курсовъ, большею частію отрывочныя и случайныя, бывшія плодомъ пожеланій разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, главнымъ образомъ графа Протасова, и не соображенныя съ общей системой дух. образованія. Вновь введены были науки—патристика, пастырское и собесѣдовательное богословія и, кромѣ того, очень разнообразныя знанія практическаго характера, которыя почему нибудь признавались полезными для будущихъ пастырей церкви,—сельское хозяйство, съемка и черченіе плановъ, медицина и оспопрививаніе, иконописаніе; богословскіе предметы были распространены изъ высшаго спеціальнаго отдѣленія, гдѣ они изучались цѣльной группой, на всѣ низшіе общеобразовательные классы, только путая курсы послѣднихъ, а сами ничего отъ этого не выигрывая; философія для будущихъ пастырей церкви признана не нужной и изъ нея въ семинаріяхъ оставлены были только логика и опытная психологія.—Не смотря на всѣ такія перемѣны, уставы Александровскаго времени въ основныхъ частяхъ успѣли просуществовать до 1860-хъ годовъ, когда они признаны были уже устарѣвшими и задумана была новая реформа дух. школъ.

Дальнѣйшія реформы дух. школъ. — Потребность этой новой реформы была особенно ощутительна въ экономической части дух. школъ, доходившихъ до положительнаго убожества. Казеннокоштные ученики голодали; зданія училищъ оставались безъ ремонтовъ; наставники уходили съ своей службы при первой возможности даже на низшія должности по другимъ вѣдомствамъ; въ управленіи дух. школъ бюрократическая система духовно-учебнаго управленія до крайности развила власть ректоровъ и смотрителей и довела весь остальной педагогическій составъ заведеній до полнаго безгласія, очень вреднаго для ихъ общаго дѣла. Новая реформа дух. училищъ обсуждалась долго—съ 1860 до 1866 г. двумя спеціальными комитетами, епархіальными архіереями, ректорами, академическими конференціями и даже современной печатью, чего раньше никогда не бывало при обсужденіи такого рода вопросовъ. Дѣло преобразованія особенно

успѣшно двинулось впередъ послѣ того, какъ на помощь духовно-учебнымъ заведеніямъ выступило само правительство, ассигновавъ въ пользу ихъ казенное пособіе въ размѣрѣ $1^1/_2$ милліона руб. сер. Въ маѣ 1867 г. духовно-учебное управленіе было замѣнено духовно-учебнымъ комитетомъ и утверждены новые семинарскій и училищный уставы, а въ 1869 г. уставъ академическій. Администрація духовно-учебной части получила новый видъ; она была сосредоточена въ одномъ духовно-учебномъ комитетѣ; академическіе округи были упразднены и академіи освобождены отъ несвойственныхъ имъ административныхъ заботъ. Во внутреннемъ управленіи дух. школъ проведены начало самоуправленія и начало выборное. Первое выразилось въ особомъ устройствѣ академическихъ, семинарскихъ и училищныхъ правленій, педагогическихъ собраній и академическихъ совѣтовъ; второе въ выборномъ характерѣ всѣхъ должностныхъ лицъ, кромѣ ректоровъ академій. Академіи, сверхъ того, получили нѣчто въ родѣ факультетскаго самоуправленія, будучи раздѣлены каждая на три спеціальныхъ отдѣленія съ тремя помощниками ректора во главѣ и съ особымъ кругомъ дѣлъ, рѣшаемыхъ на отдѣленскихъ собраніяхъ. Такимъ образомъ во всѣхъ дѣлахъ духовно-учебныхъ заведеній заинтересованы стали не одни только ихъ начальства, но и всѣ вообще члены ихъ личнаго состава. Въ правленіяхъ семинарій и училищъ призвано было къ участію и мѣстное духовенство въ лицѣ выборныхъ изъ его среды членовъ депутатовъ. Учебная часть семинарій и училищъ организована была съ болѣе стройнымъ распредѣленіемъ предметовъ общеобразовательнаго и спеціальнаго курсовъ, хотя классическимъ языкамъ дана была не столько общеобразовательная, сколько спеціальная постановка, подавлявшая занятія всѣми другими, даже богословскими предметами; для сокращенія семинарскаго курса изъ него выпущены были библейская исторія, ученіе о богослужебныхъ книгахъ и патристика, но за то обширнѣе поставлено преподаваніе философіи. Важнымъ нововведеніемъ и въ семинарскомъ, и въ академическомъ курсахъ было введеніе въ нихъ изученія педагогики, при которомъ имѣлось въ виду ближайшее участіе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ основу академическаго образованія положено было начало спеціализаціи наукъ, для чего послѣднія были раздѣлены на три отдѣленія, на которыя студенты записывались по желанію; общеобязательныхъ наукъ оставлено было немного. Спеціальное образованіе чрезъ это много

выиграло, но, вслѣдствіе общей слабости въ нашихъ среднихъ заведеніяхъ образованія общаго, въ академическомъ образованіи стала замѣчаться такая же односторонность и узкость, какъ въ университетскомъ факультетскомъ, отъ чего скоро возникъ вопросъ объ увеличеніи круга общеобязательныхъ наукъ въ академіяхъ снова. Самой благотворной стороной новой учебной реформы было возвышеніе духовно-училищныхъ окладовъ, прекратившее прежнее бѣдственное состояніе дух. школъ. Для усиленія средствъ дух. вѣдомства въ 1870 г. свѣчной сборъ съ церквей былъ замѣненъ процентнымъ со всѣхъ церковныхъ доходовъ, по 10—21% съ каждой церкви. Чрезъ 15 лѣтъ въ 1884 году послѣдовала новая реформа дух. школъ. Уставы вышедшіе въ этомъ году остаются дѣйствующими доселѣ. Къ числу важнѣйшихъ событій въ исторіи духовныхъ школъ за послѣднее время относится новое возвышеніе окладовъ и пенсій по духовно-учебному вѣдомству въ 1894 году. Всѣхъ семинарій къ концу XIX вѣка было 58 и 185 училищъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о размноженіи въ послѣднее время новыхъ школъ для образованія духовныхъ дѣвицъ, на которое прежде мало обращалось вниманія. Начало этимъ школамъ было положено въ 1843 году подъ покровительствомъ Императрицы Маріи съ содержаніемъ изъ синодальныхъ суммъ; первое училище этого рода было открыто въ Царскомъ Селѣ; за нимъ стали открываться такія же другія,—въ 1845 году въ Солигаличѣ, вскорѣ переведенное въ Ярославль, въ 1853—въ Казани, въ 1854—въ Иркутскѣ, въ 1860—въ Вильнѣ и Пензѣ, въ 1861 г. въ Кіевѣ и т. д., всѣхъ теперь 13. Съ 1860-хъ годовъ, съ возбужденіемъ въ средѣ духовенства сословной самодѣятельности, по епархіямъ начали заводиться епархіальныя женскія училища, содержащіяся на суммы самого епархіальнаго духовенства. Къ 1900 г. ихъ было 53.

Ученые труды по богословскимъ наукамъ и извѣстнѣйшіе писатели: св. Димитрій ростовскій.— Усиленіе духовнаго образованія сопровождалось усиленіемъ духовной письменности. Въ первое время, когда дух. школы только что заводились, вся дух. письменность, за немногими исключеніями, была въ рукахъ кіевскихъ ученыхъ. Въ Великороссіи болѣе всѣхъ изъ нихъ пришелся по душѣ св. *Димитрій Ростовскій*. Онъ былъ родомъ изъ кіевскихъ предѣловъ, родился въ 1651 г. въ благочестивой семьѣ казацкаго сотника Саввы Туптала,

учился въ кіевской академіи, впрочемъ только до риторики включительно; въ 18 лѣтъ постригся въ Кіевѣ въ монашество и, поселившись въ Черниговѣ, вскорѣ прославился, какъ отличный проповѣдникъ; затѣмъ, по приглашеніямъ, онъ служилъ проповѣдникомъ въ разныхъ монастыряхъ въ Вильнѣ, Слуцкѣ и въ Батуринѣ; съ 1684 г. онъ жилъ въ самомъ Кіевѣ, трудясь надъ составленіемъ своихъ Четьихъ-Миней. Это безсмертное произведеніе, стоившее ему 20 лѣтъ усиленнаго труда (первая четверть вышла въ 1689 г., вторая—въ 1695 г., третья—1700 г., послѣдняя—въ 1705 г.), доставило русскому благочестію неистощимый источникъ душеспасительнаго чтенія, а автору дало такую всероссійскую извѣстность, какой никто изъ церковныхъ писателей не имѣлъ ни до, ни послѣ него. За Четьи-Минеями второе мѣсто въ числѣ его произведеній занимаютъ его проповѣди, отличающіяся благочестивой задушевностью и замѣчательно изящнымъ и вмѣстѣ народнымъ церковно-славянскимъ языкомъ. Въ 1701 г. Петръ вызвалъ его изъ Малороссіи и назначилъ митрополитомъ въ Ростовъ. Кромѣ проповѣдничества, онъ долженъ былъ заняться здѣсь полемикой противъ раскола и написалъ: «Разсужденіе объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ» и «Розыскъ о брынской вѣрѣ». Изъ историческихъ трудовъ его, кромѣ Четьихъ-Миней, извѣстны: «Руно орошенное»,—сказаніе о чудесахъ отъ черниговской иконы Богоматери, «Лѣтопись отъ начала міробытія»—сводъ библейской исторіи съ гражданской, «Лѣтописаніе» царей и патріарховъ, Каталогъ россійскихъ митрополитовъ, «Діаріушъ»—дневникъ за 1681—1703 гг. По богословію онъ написалъ «Вопросы и отвѣты о вѣрѣ» и «Зерцало православнаго исповѣданія». Благочестивая и полная христіанской любви душа святителя любила изливаться въ обширной перепискѣ съ друзьями и въ духовной поэзіи молитвенныхъ размышленій, псальмъ, кантъ и мистерій, за которыя церковь величаетъ его духовною цѣвницею. Святитель скончался 28 октября 1709 г., а 21 сентября 1752 г. послѣдовало открытіе его мощей. Въ 1757 г. эти дни установлено праздновать во всей Русской церкви.

Болѣе полными представителями главныхъ направленій русскаго богословія времени Петра были *Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ*. Первый былъ представителемъ стараго латиносколастическаго типа богослововъ кіевской школы, учившихся по Ѳомѣ Аквинату и Беллярмину. Люди реформы, тронутые протестантскимъ духомъ, даже прямо обвиняли его въ наклонности къ

католичеству и въ папежскомъ духѣ. Полнымъ выраженіемъ его богословскаго направленія можетъ служить его «Камень Вѣры»,— сочиненіе вполнѣ православное, но дѣйствительно не чуждое нѣкоторыхъ увлеченій его латинскими образцами, какъ по внѣшней формѣ, такъ и по нѣкоторымъ оттѣнкамъ въ самыхъ взглядахъ на разные вопросы, наприм., на отношенія между церковію и государствомъ, на предѣлы религіозной терпимости, на церковную обрядность, религіозныя преданія и сказанія. Тѣми же увлеченіями объясняется и самая горячность его полемики противъ протестантства. Даже его противораскольническое сочиненіе «О знаменіяхъ пришествія антихриста» было составлено по сочиненію латинскаго богослова Мальвенды и далеко не подходило къ нашимъ раскольническимъ толкамъ объ антихристѣ. Въ проповѣдяхъ онъ является типическимъ представителемъ стараго польскокіевскаго риторства и только сильный природный талантъ спасалъ его отъ странныхъ крайностей этой риторической школы. Современники говорятъ, что силой своего слова онъ могъ заставить слушателей и плакать, и смѣяться, но живого отношенія къ эпохѣ у него мало замѣтно; держась болѣе на отвлеченной высотѣ общихъ риторскихъ сравненій, подобій и нравственныхъ сентенцій, онъ рѣдко схватывалъ настоящія, живыя черты Петровской реформы и современныхъ нравовъ.

Ѳеофанъ, напротивъ, былъ богословомъ новаторомъ и въ догматикѣ, и въ проповѣдничествѣ, горячимъ врагомъ и схоластики съ риторствомъ, и латинства, почитателемъ преимущественно протестантскихъ богословъ. Богословская полемика его вся направлена противъ католичества, за исключеніемъ только немногихъ трудовъ противъ протестантства, написанныхъ еще въ Кіевѣ, каковы «Апологія» кіевскимъ мощамъ и отвѣты на вопросы лютеранскихъ богословъ печерскому монаху Михаилу Шію. Какъ Стефана подозрѣвали въ папежскомъ духѣ, такъ Ѳеофана напротивъ обвиняли въ протестантствѣ. Кромѣ извѣстнаго доноса на него царю въ 1718 г., противъ одного его сочиненія (1712 г.): «Объ игѣ неудобоносимомъ», гдѣ была проведена мысль объ оправданіи вѣрою безъ дѣлъ закона, Ѳеофилактъ Лопатинскій написалъ сочиненіе: «Объ игѣ Господнемъ благомъ». Обвинять его въ неправославіи было впрочемъ также несправедливо, какъ и Стефана. Вліяніе протестантскихъ образцовъ выражалось у него лишь въ очень тонкихъ и неуловимыхъ оттѣнкахъ разсужденій, которые при нападеніяхъ на чистоту

его православія онъ каждый разъ свободно и легко объяснялъ въ чисто православномъ духѣ. Оттѣнки эти проявлялись напр. въ его излишне рѣзкой полемикѣ противъ обрядоваго ханжества, упованія на одни внѣшнія средства ко спасенію и дѣла внѣшняго закона, противъ суевѣрныхъ преданій старины, отверженіе которыхъ его обвинители объясняли тѣмъ, что онъ по лютерански вѣритъ въ одно Св. Писаніе и отвергаетъ Св. Преданіе, противъ ложныхъ чудесъ и народныхъ суевѣрій относительно чудотворныхъ иконъ и св. мощей и т. д. Къ обвиненіямъ такого рода онъ самъ подавалъ поводъ слишкомъ рѣзкимъ сатирическимъ языкомъ своихъ произведеній. Писалъ онъ очень много и большею частію по порученію и мыслямъ царя. Кромѣ Регламента, онъ написалъ трактаты о началѣ патріаршества въ церкви, объ оставленіи въ Россіи возношенія имени патріаршаго при богослуженіи, «О понтифексахъ и о томъ, могутъ ли христіанскіе государи и въ какомъ разумѣ нарещись епископы», «Объявленіе о монашествѣ» 1724 г., нѣсколько увѣщаній къ раскольникамъ, о бракахъ съ иновѣрцами, о достоинствѣ поливательнаго крещенія, «Первое ученіе отрокомъ» (Букварь), «О блаженствахъ противъ ханжей», родословную роспись князей и царей, трактатъ объ амазонкахъ, повѣсть о Кириллѣ и Меѳодіѣ, изслѣдованіе о миѳологіи для перевода Аполлодоровой библіотеки о богахъ, предисловіе къ морскому Регламенту, «Правду воли монаршей» о наслѣдіи престола. Не говоримъ объ его кіевскихъ лекціяхъ по богословію въ 7 большихъ трактатахъ, изданныхъ уже при Екатеринѣ II. Послѣ смерти Петра онъ описалъ его кончину, составилъ описаніе кончины Петра II и восшествія на престолъ императрицы Анны, написалъ «Христіанское наставленіе младому отроку», «Наставленіе священнику о необычайномъ паденіи духовнаго сына», разсужденіе о безбожіи, апологію книги Пѣснь Пѣсней, «Показаніе великаго антихриста», котораго онъ видѣлъ въ папѣ. Проповѣди его всѣ имѣли жизненный характеръ и самымъ близкимъ образомъ касались современныхъ событій и животрепещущихъ вопросовъ, постоянно впадая въ обличительный тонъ; онъ доказывалъ въ нихъ важность разныхъ дѣйствій правительства, пользу современныхъ войнъ, необходимость сношеній съ другими народами, пользу просвѣщенія, вредъ суевѣрій, религіозныхъ обмановъ, расколовъ и пр.

Борьба богословскихъ направленій въ началѣ XVIII вѣка.—И тотъ и другой изъ этихъ первенствую-

щихъ богослововъ имѣли ревностныхъ приверженцевъ и подражателей, такъ что около нихъ образовались двѣ своего рода богословскія школы, между которыми завязалась даже борьба. При Петрѣ направленіе Ѳеофана было господствующимъ и разные его почитатели старались поддѣлаться подъ его тонъ, нравившійся самому царю. Направленіе же Стефана, осуждаемое Петромъ и признанное неудобнымъ, могло проводиться и господствовать только въ стѣнахъ духовныхъ школъ, въ кіевской и московской академіяхъ; въ послѣдней его поддержали и надолго утвердили ректоры Ѳеофилактъ Лопатинскій и Гедеонъ Вишневскій. О такой розни между русскими богословами было извѣстно даже за границей, и на востокѣ, и на западѣ. Завязавъ связи съ Европой, Россія сдѣлалась заманчивой добычей для западнаго прозелитизма. Зная религію въ формахъ только своихъ вѣроисповѣданій, католичества или протестантства, западъ не могъ себѣ и представить, чтобы новая европейская держава могла оставаться при своемъ, неевропейскомъ христіанствѣ; тамъ писались особыя сочиненія о томъ, къ католичеству или протестантству пристанетъ Россія, и собирались всякія свѣдѣнія о ходѣ ея религіозныхъ дѣлъ и о характерахъ церковныхъ дѣятелей. Католики разсчитывали на Стефана, протестанты на Ѳеофана. Въ 1717 г. католическіе богословы парижской Сорбонны предложили царю соединеніе церквей. Отвѣты на это предложеніе, конечно отрицательные, по порученію царя, писали Стефанъ и Ѳеофанъ; отправленъ былъ отвѣтъ Ѳеофана, и неудачу свою католики приписали именно тому, что дѣло это попало въ руки Ѳеофана, а не Стефана. По учрежденіи Синода съ такимъ же предложеніемъ къ Русской церкви обратились епископы церкви Англиканской, потерпѣвшіе еще раньше неудачу на востокѣ; узнавъ объ этомъ, восточные патріархи, слышавшіе о господствѣ въ Россіи протестантскихъ симпатій, поспѣшили прислать въ Св. Синодъ (въ 1723 г.) граматы съ приложеніемъ изложенія вѣры въ 18 пунктахъ п. Досиѳея и съ увѣщаніемъ непоколебимо пребывать въ православіи. Попытка Англиканской церкви кончилась такъ же неудачно, какъ и попытка Сорбонны, хотя Стефана, на котораго можно было бы свалить эту неудачу, не было уже въ живыхъ, а Ѳеофанъ былъ во всей своей силѣ. При преемникахъ Петра направленіе Яворскаго восторжествовало, что, какъ извѣстно, стоило большихъ тревогъ и непріятностей Ѳеофану. Самымъ сильнымъ и опаснымъ

для него противникомъ по учености оставался теперь Ѳеофилактъ Лопатинскій, великій почитатель Стефана, называвшій послѣдняго батюшкой. Послѣ неудачнаго доноса на Ѳеофана въ 1718 г. онъ замолчалъ и не высказывался противъ несочувственнаго ему богослова, по крайней мѣрѣ открыто, до 1728 г.; въ этомъ году, пользуясь перемѣной обстоятельствъ, онъ снова выступилъ открытымъ сторонникомъ Стефана, издавъ его «Камень Вѣры». Вскорѣ тѣмъ же способомъ противъ Ѳеофановскаго направленія высказался и Кіевъ съ своей академіей; тамъ тоже вышло изданіе «Камня Вѣры» съ благословенія архіепископа Варлаама Вонатовича.

Полемика изъ за Камня вѣры и Ѳеофилактъ Лопатинскій.—Камень вѣры для противниковъ Ѳеофана былъ чѣмъ-то въ родѣ знамени, около котораго и сосредоточилась борьба богословскихъ направленій. На него же обратили вниманіе и заграничные богословы, разсчитывавшіе на привлеченіе Россіи къ своимъ вѣроисповѣданіямъ. Воспользовавшись ослабленіемъ значенія Ѳеофана при Петрѣ II, католичество немедленно открыло въ Россіи пропаганду изъ Польши. Парижская сорбонна съ своей стороны прислала въ Россію ловкаго агента, аббата *Жюбе*, чтобы завязать съ русскимъ духовенствомъ сношенія о соединеніи церквей. Къ тому же дѣлу приставъ жившій въ Россіи при испанскомъ посольствѣ доминиканецъ *Рибейра*, имѣвшій много знакомствъ между противниками Ѳеофана. Наклонность къ католичеству обнаружилась въ семействахъ самихъ верховниковъ,—Голицына и Долгорукихъ; Жюбе и явился въ Россію подъ видомъ учителя дѣтей княгини *Ирины Долгорукой*, принявшей заграницей католичество. При такихъ обстоятельствахъ, какъ только Камень Вѣры былъ изданъ, такъ протестантскіе богословы принялись его разбивать, а католическіе напротивъ защищать. Въ 1729 г. въ Іенѣ явилось съ опроверженіемъ его «Письмо» Буддея, а Рибейра напечаталъ на это письмо «Отвѣтъ» въ Защиту Яворскаго. Издатель Камня Ѳеофилактъ и самъ написалъ на Буддея «Апокрисисъ». Но съ воцареніемъ Анны Іоанновны обстоятельства совершенно измѣнились. Рибейра и Жюбе исчезли изъ Россіи заграницу; католическая пропаганда подверглась преслѣдованію. Объ изданіи Апокрисиса нечего было и думать; нужно было бояться бѣды за изданіе и самого Камня Вѣры, который немедленно былъ запрещенъ. Книга эта вмѣстѣ съ книгой Рибейры была приплетена къ дѣлу

о латинской пропагандѣ въ Россіи и къ политическимъ розыскамъ о недоброжелателяхъ нѣмецкаго правительства. Запрещеніе снято съ нея уже при императрицѣ Елизаветѣ. Около 1732 г. въ публику пущенъ былъ противъ нея рукописный протестантскій пасквиль «Молотокъ на Камень Вѣры», гдѣ Яворскій прямо назывался папистомъ и іезуитомъ и съ угрозами поносились всѣ его приверженцы. Вскорѣ дѣло дошло и до «Апокрисиса» Ѳеофилакта, который Ѳеофилактъ на всякій случай скрылъ. Нѣкоторые его приближенные, подпавши подъ тогдашніе розыски о разныхъ запрещенныхъ тетрадяхъ, выдали своего добраго и довѣрчиваго архипастыря и доставили копію Апокрисиса тайной канцеляріи. Въ 1735 г. Ѳеофилактъ былъ арестованъ;— участь его извѣстна. Ѳеофанъ достигъ полнаго торжества въ борьбѣ съ противниками, но собралъ на свою голову столько раздраженія и ненависти, что самое это торжество надолго повредило его богословскому направленію. Въ обѣихъ академіяхъ затолковали объ его еретичествѣ. Только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти, когда раздраженіе противъ него нѣсколько улеглось, ученые богословы могли спокойнѣе отнестись къ его богословской системѣ и справедливѣе оцѣнить многія ея достоинства,—ея большую отрѣшенность отъ схоластики, болѣе научный методъ, основанный на внимательномъ изученіи текста Священнаго Писанія, церковной исторіи и археологіи, болѣе живую и естественную аргументацію. Въ 1740-хъ годахъ ей стали уже подражать сначала въ Кіевской, потомъ и въ Московской академіяхъ.

Исторія исправленія Библіи до изданія 1751 года.—Самой важной изъ богословскихъ работъ первой половины XVIII в. было исправленіе и новое изданіе Библіи, существовавшей до сихъ поръ въ неисправномъ изданіи 1663 г. и сдѣлавшейся такой библіографической рѣдкостью, что наприм. въ Малороссіи, по словамъ святителя Димитрія Ростовскаго, ее трудно найти было даже по церквамъ. Первая мысль о новомъ исправленномъ изданіи ея принадлежала Іову новгородскому, который собирался заняться имъ при своей семинаріи; но указомъ 1712 г. Петръ поручилъ это дѣло Ѳеофилакту Лопатинскому и Софронію Лихуду съ справщиками печатнаго двора, подъ наблюденіемъ мѣстоблюстителя Стефана. Исправленія указано дѣлать по тексту LXX. Исправители трудились добросовѣстно, но, кромѣ текста LXX, принимали во вниманіе и другіе

тексты греческіе, еврейскій и латинскій, грамматическія поправки вносили въ самый текстъ, а болѣе важныя отступленія отъ стараго текста вписывали въ особый реестръ. Работу свою они закончили къ 1720 г., а въ 1723 г. послѣдовало распоряженіе Св. Синода объ ея печатаніи. Но печатаніе это замедлилось сначала за разными типографскими препятствіями, потомъ за смертію Петра. Уже черезъ 10 лѣтъ, въ 1735 г., по докладу Ѳеофана, Св. Синодъ снова поднялъ это дѣло, когда Ѳеофилактъ былъ уже подъ судомъ. Положено было: печатаніе Библіи перевести изъ московской типографіи въ Невскій монастырь подъ смотрѣніе самого Ѳеофана, но предварительно пересмотрѣть всю работу исправителей, такъ какъ они дѣлали свои исправленія, вопреки указу, не по одному тексту LXX, но и по другимъ, не вошедшимъ въ церковное употребленіе (Акилы, Ѳеодотіона, Симмаха, Вульгаты). Такимъ образомъ дѣло прежнихъ исправителей было порушено и велѣно было передѣлывать его съизнова. Съ половины 1736 г. оно поручено было невскому архимандриту *Стефану Калиновскому* и живо стало подвигаться впередъ. Къ половинѣ 1738 г. исправленіе и печатаніе дошли уже до кн. Товита, но затѣмъ остановились. Книга эта оказалась на славянскомъ языкѣ переведенною съ Вульгаты, въ которую «смотрѣть» было не велѣно, а дальше слѣдовали и такія книги, которыхъ въ греческомъ текстѣ LXX вовсе нѣтъ. Стефанъ писалъ одно за другимъ доношенія въ Синодъ о томъ, какъ ему быть, но такъ и не дождался отвѣта; въ началѣ 1739 г. онъ посвященъ былъ въ епископа псковскаго и отсталъ отъ работы по исправленію Библіи. Уже въ началѣ 1741 г. Св. Синодъ, рѣшилъ: гдѣ нужно, править текстъ Библіи по Вульгатѣ; печатаніе Библіи перенести опять въ Москву, все напечатанное раньше оставить. Въ Москвѣ работа исправленія была закончена архим. *Ѳаддеемъ Кокуйловичемъ* и префектомъ московской академіи *Кирилломъ Флоринскимъ* къ 1743 г. и Св. Синодъ приступилъ къ разсмотрѣнію ея для печати. Имп. Елизавета торопила Синодъ, въ 1744 г. въ великомъ постѣ заставляла членовъ собираться для чтенія исправленной Библіи дважды въ день, хотѣла даже для скорости издать ее по готовымъ уже исправленіямъ Ѳеофилакта; но дѣло за другими занятіями Св. Синода всетаки подвигалось медленно и, вмѣсто Св. Синода, пришлось поручить его особой коммиссіи только подъ наблюденіемъ Синода. За недостаткомъ людей, не скоро составилась и эта коммиссія. До

1747 г. работалъ надъ Библіей только одинъ знающій человѣкъ, учитель московской академіи іером. *Іаковъ Блонницкій*. Потомъ рѣшено было вызвать на помощь ему двоихъ учителей изъ кіевской академіи, гдѣ свящ. филологія находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи, насажденная въ академіи замѣчательнымъ знатокомъ языковъ *Симономъ Тодорскимъ*, ученикомъ знаменитаго профессора (въ Галле) Михаэлиса. Вызваны были іеромонахи *Варлаамъ Лящевскій* и *Гедеонъ Сломинскій*, которымъ и суждено было закончить многолѣтнюю и сложную работу,— Блонницкій работалъ съ ними только до 1748 г. Въ общемъ планѣ они ближе всѣхъ прежнихъ коммиссій сошлись съ первою коммиссіей Ѳеофилакта;—стараясь держаться ближе къ старому славянскому тексту, они принимали въ разсчетъ, кромѣ текста LXX, и другіе тексты греческіе, латинскій и еврейскій, по которымъ составленъ старый славянскій переводъ, вновь перевели съ греческаго книги Товита и Іудиѳь, 3 Ездры исправили по Вульгатѣ, сдѣлали много новыхъ исправленій, перечислили всѣ исправленія въ особой рукописи и отчасти въ предисловіи къ Библіи, гдѣ изложена вся исторія исправленія, и снабдили свой трудъ краткими изложеніями содержанія каждой библейской книги. Наконецъ въ 1751 г. новая Библія была напечатана и пущена въ продажу по 5 р. Нужда въ ней такъ была велика, что за первымъ изданіемъ скоро понадобились другія (1756, 1757, 1759 гг.).

Извѣстнѣйшіе представители богословской науки и проповѣдничества во 2 половинѣ XVIII в. Со времени имп. Елизаветы началось быстрое оживленіе дух. литературы, при имп. Аннѣ совсѣмъ подавленной. Оживилось проповѣдное слово, разразившееся обличеніями прошедшему тяжелому времени и восхвалявшее Елизавету. Лучшими ораторами этого времени явились Амвросій Юшкевичъ, Димитрій Сѣченовъ, Гедеонъ Криновскій, ректоръ троицкой семинаріи Кириллъ Флоринскій, Стефанъ Калиновскій, Симонъ Тодорскій и др. Въ московской академіи между тѣмъ на смѣну прежнихъ ученыхъ изъ Малороссовъ готовилось выступить на поприще церковной науки и проповѣди новое поколѣніе ученыхъ Великороссовъ. Въ 1750-хъ гг. въ академіи впервые раздалось и тогда уже увлекательное слово молодого учителя *Петра Левшина*, послѣ митрополита Платона, который былъ тогда назначенъ своимъ академическимъ начальствомъ говорить публичныя катихизическія поученія.

Какъ при Петрѣ въ началѣ исторіи дух. просвѣщенія мы встрѣчаемъ имя св. Димитрія, такъ при Екатеринѣ во главѣ церковныхъ учителей стоитъ имя другого св. отца Русской церкви, святителя *Тихона* (Соколова, 1724—1783), епископа воронежскаго. Сирота послѣ бѣднаго дьячка Новгородской епархіи, призрѣнный при новгородской семинаріи, св. Тихонъ вынесъ изъ своего нищаго и голоднаго дѣтства самое близкое знакомство съ бытомъ бѣднаго народа, сердечную любовь къ низшей братіи, рѣдкую среди современной ему пышной іерархіи простоту жизни и общедоступность и сдѣлался самымъ народнымъ архіереемъ своего времени. Его сочиненіе «Объ истинномъ христіанствѣ» въ 6 частяхъ навсегда останется образцомъ высокаго богословствованія въ самой общедоступной формѣ и притомъ чуждой всякой школьности и глубоко сердечной. Таковы же его другія сочиненія: «Сокровище духовное, отъ міра собираемое», его проповѣди, письма, увѣщанія къ паствѣ и духовенству и творенія аскетическія для иноковъ. Въ 1787 г. Св. Синодъ составилъ изъ его нравственныхъ назиданій цѣлый сборникъ для чтенія въ церквахъ: «Наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ». Замѣчательно, что св. Тихонъ изъ первыхъ учителей церкви возъимѣлъ мысль о переводѣ Св. Писанія на русскій языкъ и самъ переводилъ Псалтирь и Новый Завѣтъ, но стѣснился издать эти переводы, опасаясь церковнаго соблазна.

Въ систематическихъ трудахъ по богословію и въ школьномъ преподаваніи во второй половинѣ XVIII в. господствующей системой была система Прокоповича. Ему же слѣдовала весьма распространенная система того времени (Orthodoxa orientalis ecclesiae doctrina de credendis et agendis) *Θеофилакта Горскаго*,—ректора московской академіи (1770—1774), потомъ епископа коломенскаго († 1788 г.). При Екатеринѣ въ первый разъ изданы были въ печати и самыя лекціи Прокоповича; издателями ихъ были: *Дамаскинъ Рудневъ*, одинъ изъ воспитанниковъ московской академіи, посылавшихся въ 1766 г. учиться за границу, послѣ бывшій ректоромъ академіи, затѣмъ епископомъ нижегородскимъ († 1795), и *Самуилъ Миславскій*, митроп. кіевскій († 1796), во время своего ректорства въ кіевской академіи (1861—1766) и самъ составившій догматику,—нѣчто въ родѣ сокращенія и дополненія системы Θеофана. Лучшими богословскими системами были: система *Гавріила Петрова* (въ ру-

кописи) и «Сокращенная христіанская богословія» *Платона*, изданная (1765 г.) на русскомъ языкѣ и переведенная послѣ на языки латинскій, греческій, армянскій, грузинскій, нѣмецкій, французскій и англійскій; важное значеніе имѣли и его три катихизиса—краткій для дѣтей, катихизисъ въ бесѣдахъ для народа и катихизисъ для священно-и-церковнослужителей. Появленіе подобныхъ трудовъ на русскомъ языкѣ и преподаваніе на томъ же языкѣ богословскихъ уроковъ въ нѣкоторыхъ дух. школахъ дало сильный толчокъ развитію русской богословской науки, до сихъ поръ связанной и затемненной латинью. Въ началѣ XIX столѣтія (1802 г.) вышло въ свѣтъ Compendium Theologiae кіевскаго ректора (1803—1807) *Иринея Фальковскаго*, признанное тогда лучшимъ руководствомъ для дух. школъ. Не мало являлось за тоже время богословскихъ сочиненій и въ другихъ родахъ: а) по изученію Св. Писанія—толкованія на разныя библейскія книги м. *Гавріила*, *Иринея Клементьевскаго* псковскаго († 1818),—просвѣщеннѣйшаго архипастыря своего времени и замѣчательнаго филолога, «Симфонія» на Св. Писаніе іеродіаконовъ *Германа* и *Модеста* (1773), Приточникъ Евангельскій *Сильвестра Лебединскаго*, «Руководство къ изученію Св. Писанія» *Амвросія Подобѣдова* (1799), принятое во всѣхъ семинаріяхъ; б) по пастырскому богословію—«О должностяхъ пресвитеровъ» *Парѳенія* смоленскаго († 1795); в) по литургикѣ—«Новая Скрижаль» *Веніамина Румовскаго* нижегородскаго (1803), долго бывшая учебникомъ въ семинаріяхъ, и ученое «Изъясненіе литургіи» *Дмитревскаго* (1804); г) по церковной исторіи—нѣсколько важныхъ трудовъ по мѣстной исторіи разныхъ епархій и монастырей *Георгія Конисскаго*, *Антонія Зыбелина* нижегородскаго, *Веніамина Румовскаго* архангельскаго (потомъ нижегородскаго же), *Самуила* Мирославскаго, *Платона Любарскаго* и мн. др.; затѣмъ труды *Дамаскина Руднева*—«Сокращенная лѣтопись по Нестору», изд. на нѣмецкомъ языкѣ въ Германіи (1771 г.), «Библіотека россійская о всѣхъ книгахъ, въ Россіи изданныхъ отъ начала типографіи», и Словарь четырехъ инородческихъ языковъ Нижегородской епархіи; московскаго протоіерея *Петра Алексѣева* «Начертаніе исторіи Греко-Россійской церкви» и «Словарь еретиковъ и раскольниковъ» (рукоп.); *Меѳодія Смирнова* псковскаго «Исторія первыхъ вѣковъ христіанства» (1805) и «О флорентійскомъ соборѣ»; наконецъ «Краткая Россійская церковная исторія» (1805) митроп. *Платона*—первый система-

тическій курсъ, долго служившій руководствомъ въ дух. школахъ. Съ конца XVIII же столѣтія начали являться первые труды знаменитаго русскаго историка и археолога *Евгенія Болховитинова:* «Жизнь св. Тихона воронежскаго» (1796), «О древнемъ богослужебномъ пѣніи и особенно пѣніи Россійской церкви», «Описаніе Воронежской губерніи» (1800), изслѣдованіе о папской власти (1800), «Историческое изображеніе Грузіи» (1802), «О соборахъ Россійской церкви» (1803), «О духоборцахъ» и «Историческое обозрѣніе дух. училищъ» (въ I т. Исторіи Росс. іерархіи).

На поприщѣ церковной проповѣди прославились: м. *Платонъ*, оставившій послѣ себя болѣе 600 словъ и рѣчей, кромѣ того часто говорившій проповѣди изустно, *Георгій Конисскій*, *Анастасій Братановскій*, м. *Гавріилъ*, *Иннокентій* псковскій, *Дамаскинъ Рудневъ*, *Самуилъ Мисловскій*, *Амвросій Подобѣдовъ*, *Ѳеофилактъ Русановъ*, *Михаилъ Десницкій*, въ Кіевѣ знаменитый проповѣдникъ изъ бѣлаго духовенства, протоіерей *Іоаннъ Леванда*. Св. Синодъ и епархіальныя начальства для усиленія церковной проповѣди завели для ученаго духовенства очередное сказываніе проповѣдей въ соборахъ и обязательное число проповѣдей на каждый годъ. Для неученыхъ священно-служителей Св. Синодъ издалъ два сборника готовыхъ проповѣдей на воскресные и праздничные дни (1775) и на каждый день года (1781).

Извѣстнѣйшіе представители дух. науки и проповѣдничества въ XIX столѣтіи.—Преобразованіе дух. школъ еще болѣе оживило дух. науку и церковное витійство. Въ первое время по преобразованіи главными дѣятелями на поприщѣ проповѣдничества оставались еще питомцы старой дух. школы,—викарій Платона *Августинъ*, *Амвросій Протасовъ* тульскій, потомъ казанскій и тверскій († 1831), ученый *Ириней* Фальковскій, оставившій до 1,300 проповѣдей и др. По русской церковной исторіи самымъ капитальнымъ трудомъ былъ совмѣстный трудъ ректора новгородской семинаріи *Амвросія Орнатскаго* (послѣ епископа пензенскаго,—† 1827 г.) и *Евгенія:* «Исторія Россійской іерархіи» въ 6 частяхъ (1807—1816 гг.), необходимая справочная книга, давшая прочное основаніе послѣдующимъ трудамъ по русской церковной исторіи. Евгеній до конца жизни занимался своими археологическими и историческими работами, посвящая свои труды преимущественно собиранію матеріаловъ, разработкѣ первоисточниковъ и всякаго рода

каталогизаціи. Одно время въ началѣ своей дѣятельности онъ принимался было за составленіе полной систематической русской церковной исторіи, но, вѣроятно увидавъ, что за такой трудъ еще рано приниматься, оставилъ его въ рукописи недоконченнымъ. Во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ онъ служилъ, въ Новгородѣ, Вологдѣ, Псковѣ, Кіевѣ,—вездѣ онъ изучалъ мѣстные архивы, собиралъ свѣдѣнія объ іерархахъ, монастыряхъ, святыняхъ и составлялъ обо всемъ замѣтки, каталоги и цѣльныя изслѣдованія. Такъ явились его «Разговоры о древностяхъ Новгорода», матеріалы для исторіи вологодской іерархіи, вологодскихъ святыхъ и монастырей, статья о пермскихъ древностяхъ, «Исторія княжества Псковскаго», «Лѣтопись Изборска». «Описаніе Кіево-Софійскаго собора» и Кіево-Печерской лавры и др.; много лѣтъ онъ работалъ надъ составленіемъ своихъ знаменитыхъ «Словарей Россійскихъ писателей» свѣтскихъ и духовнаго чина. Онъ велъ обширную переписку и сношенія почти со всѣми русскими учеными и библіографами и съ извѣстнымъ тогдашнимъ меценатомъ русскихъ ученыхъ граф. *Н. П. Румянцевымъ*. Его замѣтками о Кормчей пользовался въ своемъ «Обозрѣніи Кормчей» баронъ *Розенкампфъ*. Ученыя общества, университеты, академія наукъ наперерывъ приглашали его въ число своихъ членовъ. Сперанскій считалъ его въ свое время первымъ русскимъ историкомъ, какъ Филарета первымъ русскимъ богословомъ и проповѣдникомъ.

Филаретъ Московскій болѣе полувѣка удерживалъ за собою это первенство богословскаго и проповѣдническаго авторитета. Послѣ учебныхъ преобразованій, въ должности ректора академіи и члена коммиссіи дух. училищъ, онъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей дух. образованія. Въ 1814 г. имъ была составлена подробная систематика или «Обозрѣніе богословскихъ наукъ». Изъ академическихъ трудовъ его получили классическое значеніе его толкованіе на 67 псаломъ, «Записки на книгу Бытія» и «Начертаніе библейской исторіи». Изъ послѣдующихъ трудовъ извѣстны его «Изложеніе разностей между восточной и западной церквами», «Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Греко-Россійской церкви». «Бесѣды къ глаголемому старообрядцу» и особенно его Катихизисы, на которыхъ воспитывались въ религіи всѣ молодыя поколѣнія русскихъ людей съ 1820-хъ годовъ до послѣдняго времени. Его слова и рѣчи, по глубинѣ и силѣ своего богослов-

скаго содержанія, по высокому истинно-церковному краснорѣчію, крѣпкой діалектикѣ, сжатому, но художественному языку, представляютъ, можно сказать, высшую степень развитія проповѣднаго слова, назначеннаго для образованнаго и нѣсколько мыслящаго общества, а его письма, мнѣнія и резолюціи, изданныя послѣ его смерти,—неистощимый запасъ мудрости и совѣтовъ не только для духовныхъ, но и для свѣтскихъ администраторовъ и разныхъ практическихъ дѣятелей.—Одновременно съ «Начертаніемъ библейской исторіи» Филарета, по порученію коммиссіи дух. училищъ, другимъ ученымъ богословомъ, ректоромъ петербургской семинаріи *Иннокентіемъ Смирновымъ* составлено было «Начертаніе церковной исторіи съ библейскихъ временъ до XVIII в.», бывшее до 1860-хъ годовъ тоже классической книгой для духовныхъ школъ. Кромѣ этого труда, Иннокентій оставилъ послѣ себя еще прекрасное «Богословіе дѣятельное»; извѣстенъ онъ былъ и своимъ теплымъ и симпатичнымъ проповѣдничествомъ. Трудясь надъ церковной исторіей, онъ надорвалъ свое здоровье и умеръ отъ чахотки въ 1819 г., всего 35 лѣтъ отъ роду, вскорѣ послѣ своего назначенія епископомъ въ Пензу.

Первые курсы преобразованныхъ академій выставили изъ своей среды нѣсколько замѣчательныхъ писателей по разнымъ спеціальностямъ. Такъ, изъ перваго курса петербургской академіи вышли математики *В. Себржинскій*, авторъ руководства къ алгебрѣ, и *С. Райковскій*, авторъ руководства къ геометріи; филологъ и экзегетъ протоіерей *Герасимъ Павскій*, докторъ богословія, профессоръ богословія въ университетѣ и законоучитель въ семействѣ Государя Николая Павловича, извѣстный какъ авторъ классической еврейской грамматики и «Филологическихъ наблюденій надъ составомъ русскаго языка» и участникъ въ переводѣ Св. Писанія на русскій языкъ († 1863 г.); протоіерей *Іоакимъ Кочетовъ*, написавшій «Черты дѣятельнаго ученія вѣры» (1824) и Начертаніе христіанскихъ обязанностей», профессоръ *Ирод. Вѣтринскій*, издавшій (1829—1844) 6 томовъ «Памятниковъ древней христіанской церкви» по Бингаму; ректоръ московской академіи архим. *Поликарпъ*, догматистъ и составитель латинской христоматіи, по которой училось латыни много духовныхъ поколѣній до учебной реформы 1860-хъ гг.; наконецъ извѣстный ревнитель миссіонерскаго дѣла, докторъ богословія *Григорій Постниковъ*, преемникъ Филарета по ректорству, съ 1825 по

1860 г. послѣдовательно служившій на каѳедрахъ калужской, рязанской, тверской, казанской и петербургской; въ печати изданы нѣсколько его академическихъ лекцій по догматикѣ, проповѣди, «День святой жизни», «Житія казанскихъ чудотворцевъ» и «Истинно-древняя Христова церковь» противъ раскола; онъ извѣстенъ также, какъ основатель нѣсколькихъ духовныхъ журналовъ,— въ Петербургѣ «Христіанскаго чтенія» (съ 1821 г.), «Духовной бесѣды» (съ 1858 г.) и отчасти «Странника» (съ 1860), въ Казани «Православнаго Собесѣдника» (1855 г.).—Изъ II курса той же академіи вышелъ докторъ богословія *Іоаннъ Доброзраковъ*, († 1872) архіепископъ донской, авторъ «Свящ. Герменевтики» (на лат. языкѣ), изъ III курса протоіерей *Іоаннъ Григоровичъ* († 1653), воспитывавшійся на счетъ графа Румянцева, авторъ ученаго «Опыта о посадникахъ новгородскихъ», «Свѣдѣній о жизни св. Митрофана», «Извѣстія о храмѣ Христа Спасителя XII в.», издатель Переписки папъ съ россійскими государями, сочиненій Георгія Конисскаго съ ученой его біографіей, Историческихъ актовъ Россіи (I и II т.) и Актовъ западной Россіи (I—IV т.).

Первый курсъ московской академіи далъ ученыхъ профессоровъ—философа протоіерея *Ѳеодора Голубинскаго* († 1854) и математика прот. *Петра Делицына* († 1863), извѣстнаго по редактированію твореній отцевъ на русскомъ языкѣ при академическомъ журналѣ. По философіи извѣстны еще труды баккалавра московской академіи, потомъ профессора богословія при казанскомъ университетѣ архим. *Гавріила Воскресенскаго* († 1849): Исторія философіи въ 6 т., Философія права и Описаніе опытной психологіи.

Первый курсъ кіевской академіи далъ Россіи знаменитаго витію *Иннокентія Борисова* (1800—1857), котораго ставили въ свое время рядомъ съ Филаретомъ московскимъ. Кромѣ множества проповѣдей, послѣ него остались часть его оригинальныхъ лекцій по богословію въ кіевской академіи и нѣсколько историческихъ сочиненій: «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа», «Жизнь апостола Павла», «Жизнь святаго Кипріана карѳагенскаго», «Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ, «О началѣ христіанства въ Польшѣ». Изъ II курса кіевской академіи вышелъ *Анатолій Мартыновскій* могилевскій, докторъ богословія († 1872 г.), извѣстный своими проповѣдями и борьбой противъ католичества, авторъ книги «Объ отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ церквамъ и ко всему роду человѣческому».

Въ 1846 и 1848 гг. изъ кіевской академіи вышли первыя системы двухъ новыхъ богословскихъ наукъ, долго служившія единственными руководствами въ духовныхъ школахъ: система гомилетики профессора *Я. Амфитеатрова* († 1848) и система церковнаго права—«Записки по церковному законовѣдѣнію» протоіерея *І. Скворцова* († 1863). Въ томъ же 1848 году въ Кіевѣ вышло учебное руководство по догматикѣ архимандрита *Антонія Амфитеатрова,* доктора богословія, послѣ архіепископа казанскаго († 1879); въ 1851 году онъ издалъ еще составленную имъ I часть пастырскаго богословія; по своей незаконченности, это руководство не пошло въ ходъ и вскорѣ было замѣнено пастырскимъ богословіемъ (1853) доктора богословія архимандрита *Кирилла,* послѣ епископа мелитопольскаго († 1866).

Съ 1840-хъ же годовъ въ духовной литературѣ стали являться труды самыхъ многоплодныхъ нашихъ духовныхъ писателей—*Филарета Гумилевскаго* изъ воспитанниковъ московской академіи, епископа рижскаго, потомъ харьковскаго и архіепископа черниговскаго († 1866), и *Макарія Булгакова* изъ кіевской академіи, бывшаго послѣдовательно архіереемъ винницкимъ, тамбовскимъ харьковскимъ, литовскимъ и наконецъ митрополитомъ московскимъ († 1882). Литературная производительность ихъ была весьма разнообразна. Послѣ перваго, кромѣ проповѣдей, остались въ печати: 1) Исторія Русской церкви въ 5 выпускахъ и сокращеніе ея въ одной книжкѣ; 2) Историческое ученіе объ отцахъ церкви въ 3 частяхъ (1859); 3) Обзоръ русской духовной литературы въ 2 частяхъ (1859); 4) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ Греческой церкви (1860); 5) Русскіе святые въ 12 книжкахъ съ ученой обработкой ихъ житій (1861—1865); 6) Святыя подвижницы восточной церкви; 7) Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи (1852—1858); 8) такъ же Черниговской (1861—1873); 9) Объясненіе на посланіе къ Галатамъ (1862); 10) Ученіе евангелиста Іоанна о Словѣ (1869); 11) Система догматики (1864).—Митрополитъ Макарій, кромѣ словъ и рѣчей, напечаталъ: Исторію кіевской академіи, Исторію русскаго раскола старообрядства (1855), Введеніе въ православное богословіе и полную систему догматическаго богословія (1847—1852),—трудъ совершеннѣйшій изъ всѣхъ, какіе до него являлись, и сокращенное руководство для семинарій (1868), Исторію христіанства въ Россіи до святаго Владиміра и Исторію Русской церкви въ 12 томахъ, составившую крупную эпоху въ разработкѣ этой науки.

Изъ другихъ архипастырей, современниковъ этихъ главныхъ ученыхъ силъ въ русской іерархіи, выдавались своими трудами *Нилъ Исаковичъ* иркутскій и ярославскій († 1874), монголовѣдъ, авторъ ученаго изслѣдованія о буддизмѣ, оказавшій большія услуги христіанскому просвѣщенію сибирскихъ инородцевъ переводами на монгольскій языкъ богослужебныхъ книгъ; *Платонъ Ѳивейскій* костромской († 1877), авторъ нравственнаго богословія, которое долго было учебникомъ въ семинаріяхъ (съ 1854 г. до выхода руководства прот. *С. Солярскаго* 1860—1864); *Іоаннъ Соколовъ* смоленскій († 1869), докторъ богословія, канонистъ, авторъ «Опыта церковнаго законовѣдѣнія» и многихъ статей по этой наукѣ, кромѣ того извѣстный церковный ораторъ,—въ концѣ 1850-хъ гг., во время своего ректорства въ казанской академіи, онъ первый осмѣлился касаться вопросовъ общественной жизни съ церковной каѳедры и сдѣлался, можно сказать, основателемъ этого новаго общественнаго рода церковной проповѣди за послѣднее время; другой извѣстный канонистъ нѣсколько позднѣйшаго времени *Алексій* литовскій († 1890), еще во время своего профессорства въ московской академіи оказавшій важныя услуги церкви разработкой вопроса о церковномъ судѣ въ противодѣйствіе предполагавшейся въ 1870-хъ гг. либеральной реформѣ этого суда; докторъ богословія *Хрисанѳъ Ретивцевъ* нижегородскій († 1883), представитель новаго историческаго метода въ богословіи, авторъ изслѣдованій: «Религіи древняго міра» въ 3 частяхъ, «Характеръ протестанства» и др., и хорошій проповѣдникъ; *Порфирій Успенскій* чигиринскій († 1885), ученый изслѣдователь востока, археологъ и литургистъ; *Михаилъ Лузинъ* курскій († 1887), авторъ толкованій на Евангелія и Дѣянія, получившихъ особенно важное значеніе для духовныхъ школъ; *Никаноръ Бровковичъ* одесскій († 1890), докторъ богословія, представлявшій въ своемъ лицѣ рѣдкое соединеніе глубоко-философскаго и богословскаго ума съ живымъ ораторскимъ и поэтическимъ талантомъ, извѣстный, кромѣ своихъ увлекательныхъ проповѣдей, раскрывавшихъ недуги современной жизни, учеными трудами по полемикѣ противъ папства и раскола, по исторіи и философіи; *Ѳеофанъ Говоровъ*, бывшій тамбовскій († 1894), своими сочиненіями оказавшій неоцѣненныя услуги развитію православной аскетики и хорошій толкователь Св. Писанія; археологъ *Савва* тверской († 1896); знаменитый проповѣдникъ *Амвросій* харьковскій, въ проповѣдяхъ котораго находимъ отчетливые хри-

стіанскіе отзывы на всѣ почти вопросы и злобы современности († 1901).

Кромѣ нашихъ архипастырей, на проповѣдномъ и литературномъ поприщѣ подвизалось множество лицъ изъ духовенства и изъ наставниковъ дух. школъ. Нельзя не вспомнить наприм. заслугъ ректора московской академіи, историка, археолога, библіографа протоіерея *А. Горскаго*, протоіер. *М. Богословскаго*— автора исторіи В. и Н. Завѣта, протоіер. *Ѳ. Сидонскаго*—философа, *Иродіона Путятина*, создавшаго новый, народный родъ проповѣди, прославившихся своими историческими трудами профессоровъ *И. Чельцова*, *М. Кояловича*, *И. Чистовича*, *И. Малышевскаго* и мн. др. Особенно сильное оживленіе въ дух. литературѣ началось съ 1860-хъ гг. съ появленіемъ новыхъ духовныхъ журналовъ, затѣмъ съ начала 1870-хъ гг. послѣ преобразованія дух. школъ. Но тутъ начинается уже текущій періодъ ея исторіи...

Библейское общество и переводъ Библіи на русскій языкъ. — Одной изъ наиболѣе важныхъ заслугъ XIX столѣтія для христіанскаго просвѣщенія народа былъ переводъ Св. Писанія на русскій общепонятный языкъ. Дѣло это началось съ царствованія импер. Александра I, когда въ Россіи было основано библейское общество, поставившее себѣ задачей самое широкое распространеніе Библіи между всѣми народами Россіи на ихъ природныхъ языкахъ. Общество это возникло въ началѣ 1813 г. въ подражаніе библейскому обществу въ Англіи и по предложенію англійскихъ методистовъ *Патерсона* и *Пинкертона*, нарочно явившихся за тѣмъ въ Петербургъ. На первыхъ порахъ они предложили правительству издавать и распространять библейскія книги только между живущими въ Россіи инородцами и иностранцами и только на ихъ языкахъ. Государь и кн. Голицынъ отнеслись къ ихъ предложенію весьма сочувственно. Государь самъ лично записался въ члены общества съ ежегоднымъ взносомъ въ 10,000 руб. и съ единовременнымъ въ 25,000. Кн. Голицынъ принялъ на себя званіе президента въ административномъ комитетѣ общества. Послѣ этого въ члены общества поспѣшили записываться всѣ чиновные, сильные и богатые люди какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ, и дѣла его быстро пришли въ самое блестящее положеніе. Его отдѣленія и товарищества умножались съ каждымъ годомъ и своею сѣтью охватили всю имперію; его имущество, состоявшее въ

деньгахъ, домахъ, книгахъ, типографскихъ принадлежностяхъ, лѣтъ черезъ 10 простерлось до 2,000,000 р., не смотря на громадные расходы, какіе оно щедрой рукой дѣлало на печатаніе и на даровую раздачу своихъ книгъ и брошюръ. Денежныя пожертвованія въ его пользу лились рѣкой. Общество отыскивало для себя переводчиковъ и каждый годъ издавало новые переводы Библіи и частей ея на разныхъ языкахъ въ нѣсколькихъ типографіяхъ заразъ (въ обѣихъ столицахъ, въ Казани, Вильнѣ, Астрахани и др. мѣстахъ), такъ что къ 1825 г. общая цифра его изданій, болѣе чѣмъ на 40 языкахъ и нарѣчіяхъ, доходила до 876,000 экземпляровъ. Въ 1815 г. государь задалъ ему новую важную задачу «доставить и Россіянамъ способъ читать слово Божіе на природномъ россійскомъ языкѣ». Св. Синодъ поручилъ коммиссіи дух. училищъ пріискать нужныхъ для того переводчиковъ. Таковыми явились ректоръ петербургской академіи Филаретъ, профессоры Г. Павскій и архим. Моисей и ректоръ семинаріи Поликарпъ. Къ 1818 г. они перевели всѣ Евангелія, къ 1819—Дѣянія, къ 1821 кончили весь Новый Завѣтъ, а въ 1822 г. Псалтирь; всѣ эти переводы разошлись чрезвычайно быстро въ нѣсколькихъ изданіяхъ (Псалтирь въ одинъ годъ въ 12 изданіяхъ). Переводъ Ветхаго Завѣта затянулся,—въ 1825 г. отпечатанъ былъ только первый его томъ (до кн. Руѳь включительно), но и тотъ не былъ выпущенъ въ свѣтъ за скорой кончиной государя и за послѣдовавшимъ за тѣмъ закрытіемъ самого общества.

Не смотря на высокую святость своей задачи, библейское общество имѣло много темныхъ сторонъ, поспособствовавшихъ его скорому паденію. Прежде всего оно явилось въ собственномъ смыслѣ «дѣломъ отъ человѣкъ» и страдало многими отталкивающими человѣческими слабостями. Воззванія его распорядительнаго комитета, состоявшаго изъ правительственныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, вездѣ принимались, какъ административные циркуляры. Принимая ихъ прямо къ исполненію, всѣ губернскія и епархіальныя начальства наперерывъ спѣшили открывать у себя отдѣленія общества и, ставъ во главѣ ихъ, начинали и сами разсылать такія же воззванія къ участію въ обществѣ уѣзднымъ городничимъ и протоіереямъ, а эти чрезъ помѣщиковъ, исправниковъ и благочинныхъ далѣе,—въ сельскія волости и приходы. Послѣ этого въ Петербургъ обратнымъ порядкомъ отвсюду шли пожертвованія крайне сомнительной доброхотности, краснорѣчи-

выя извѣстія о необычайномъ расходѣ библейскихъ книгъ, даже между некрещеными инородцами, и о многочисленныхъ примѣрахъ поразительнаго дѣйствія слова Божія на сердца человѣческія. Благое дѣло съ самаго начала получило казенный характеръ и, кромѣ того, запечатлѣлось печатью своекорыстнаго ханжества и лицемѣрія. Далѣе, самый строй общества и господствующее направленіе его дѣятельности должны были отталкивать отъ него большинство людей, для которыхъ дороги были интересы православной церкви. По примѣру британскаго общества, оно поставило себѣ задачей издавать свящ. книги безъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ примѣчаній, изъясненій и прибавленій, чтобы устранить изъ своихъ изданій всякія вѣроисповѣдныя особенности. Руководимое разными сектантами мистическаго направленія, общество организовалось, какъ универсально-христіанское, стоящее выше всякихъ частныхъ церквей, представляющихъ якобы только узкія и искаженныя частныя формы единой универсальной «внутренней» церкви, въ томъ числѣ выше и православной Греко-Россійской церкви. Духовныя лица сначала вовсе не допускались въ составъ библейскаго комитета, потомъ съ 1815 г., когда въ члены его были избраны нѣкоторые архіереи, архимандритъ и протоіерей, они допущены были къ участію въ его засѣданіяхъ, но наравнѣ съ представителями всѣхъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Изданія библейскія выходили въ свѣтъ съ одобренія только его собственныхъ духовныхъ членовъ, помимо Св. Синода. Въ засѣданіяхъ комитета говорились гордыя рѣчи о томъ, что общество сорветъ наконецъ съ Греческой церкви какія-то «обветшавшіяся пелены», откроетъ ея заблужденія, оживотворитъ истинную вѣру и т. п. Къ обществу льнуло все, что только искало спасенія внѣ церкви, и оно сдѣлалось органомъ всевозможныхъ мистическихъ сектъ. Кромѣ библейскихъ книгъ, оно издавало и распространяло еще разныя мистическія книги и брошюры и наводнило ими всѣ библіотеки, школы и всѣ углы Россіи, гдѣ только замѣчалась какая-нибудь наклонность къ чтенію. При имп. Николаѣ, по настоянію Шишкова и м. Серафима, указомъ 12 апрѣля 1826 г. общество было наконецъ закрыто съ передачей всего его имущества Св. Синоду, и началось даже гоненіе на все, что его напоминало. Ревнители, къ сожалѣнію, смѣшали при этомъ съ библейскимъ обществомъ и самое дѣло библейское, само по себѣ святое и спасительное. Совсѣмъ уже приготовленная къ выпуску I часть перевода Вет-

хаго Завѣта была остановлена и положена подъ спудъ. Этого мало,—стали отрицать самую надобность перевода Св. Писанія на русскій языкъ, будто бы, по мнѣнію Шишкова, совершенно негодный для выраженія на немъ высокихъ истинъ вѣры, представляющій собою языкъ простонародья, рынка, театра и могущій только профанировать Св. Писаніе. Въ 1826 г., когда м. Филаретъ, шире всѣхъ смотрѣвшій на дѣло, завелъ въ Синодѣ рѣчь о продолженіи перевода Св. Писанія, митрополиты Серафимъ и Евгеній рѣшительно высказались противъ этого предложенія.

Дальнѣйшая исторія перевода Библіи на русскій языкъ. Мудрый святитель однако не оставлялъ своего убѣжденія въ необходимости такого перевода и послѣ 1826 г. Съ конца 1830-хъ годовъ стали появляться частные опыты русскихъ переводовъ Св. Писанія и, къ великому негодованію м. Серафима, прямо съ еврейскаго языка, какъ во дни библейскаго общества. Первый опытъ принадлежалъ перу извѣстнаго алтайскаго миссіонера Макарія; выпускъ его въ свѣтъ былъ воспрещенъ. Настойчивость, съ какой о. Макарій хлопоталъ объ его напечатаніи, повела только къ тому, что въ 1841 г. самъ переводчикъ за недостатокъ послушанія былъ отосланъ на нѣсколько недѣль на покаяніе при томскомъ архіерейскомъ домѣ. Только лишь кончилось это дѣло, какъ въ 1842 г. поднялось новое о другомъ переводѣ на русскій языкъ учительныхъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта протоіерея Павскаго, отлитографированномъ для руководства студентамъ петербургской академіи; переводъ этотъ съ еврейскаго же текста снабженъ былъ разными поясненіями и примѣчаніями, въ которыхъ замѣтили даже раціоналистическое направленіе. Дѣло это кончилось уже въ 1844 г. опредѣленіемъ Св. Синода изъять изъ употребленія всѣ экземпляры перевода; самъ Павскій подвергся келейному испытанію въ чистотѣ своего православія и потерялъ должность законоучителя наслѣдника престола. По поводу этого дѣла оберъ-прокуроръ Протасовъ и сталъ настаивать на упомянутой мысли о сообщеніи славянскому тексту Библіи церковно-обязательнаго значенія и объ ограниченіи слишкомъ свободнаго доступа къ чтенію Библіи мірянамъ. Ему удалось склонить на свою сторону м. Серафима. Противъ перевода Св. Писанія съ еврейскаго языка на русскій такъ же рѣшительно высказывался и другой уважаемый членъ Синода, Филаретъ кіевскій; онъ стоялъ за исключительный авторитетъ текста LXX и за неиз-

мѣнное сохраненіе славянскаго текста Библіи, для удовлетворенія же потребности мірянъ въ пониманіи славянскаго текста считалъ достаточнымъ издать его только съ нѣкоторыми пояснительными поправками, подновленіями и замѣтками на поляхъ, какъ въ Библіи Елизаветинскаго изданія. При господствѣ такихъ мнѣній, м. Филаретъ московскій вынужденъ былъ замолчать и ограничился пока только выясненіемъ крайностей высказанныхъ мнѣній и изложеніемъ своего собственнаго мудраго, осторожнаго и всесторонняго мнѣнія, которое онъ представилъ Св. Синоду въ 1845 году подъ названіемъ «Записки о догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго LXX и славянскаго переводовъ Св. Писанія».

Въ 1856 и 1857 гг., при новыхъ обстоятельствахъ, мысль объ изданіи русскаго перевода Библіи поднялась снова. Во главѣ предпріятія всталъ опять м. Филаретъ московскій и съ нимъ петербургскій Григорій. Филаретъ кіевскій и теперь былъ противъ перевода; но его голосъ уже не былъ принятъ во вниманіе. Вскорѣ послѣ его кончины въ концѣ 1857 г. состоялось опредѣленіе Св. Синода о разрѣшеніи перевода Библіи на русскій языкъ «для домашняго употребленія и пособія къ уразумѣнію Св. Писанія». Переводъ былъ порученъ академіямъ. М. Филаретъ внимательно слѣдилъ за работой переводчиковъ и пересматривалъ каждую ея часть; потомъ она разсматривалась Св. Синодомъ. Въ 1860 г., съ благословенія Св. Синода, былъ изданъ переводъ Четвероевангелія а въ 1863 г. всего Н. Завѣта. Переводъ В. Завѣта подготовлялся по частямъ съ 1860 г. частными изданіями трудовъ разныхъ переводчиковъ и академій въ духовныхъ журналахъ и отдѣльныхъ книгахъ. Для синодальнаго изданія онъ производился въ особомъ комитетѣ изъ профессоровъ петербургской академіи, но разсматривался конференціями и другихъ академій. Окончательный его пересмотръ принадлежалъ Св. Синоду и особенно членамъ его митрополиту *Исидору* и протопресвитеру *Бажанову*. Въ 1868 г. вышла первая его часть, а къ 1875 г. четвертая послѣдняя; въ 1877 г. онъ былъ напечатанъ въ полномъ составѣ Библіи.

Борьба съ вредными для вѣры западными вліяніями: а) съ религіознымъ вольнодумствомъ.—Говоря объ успѣхахъ и плодахъ духовнаго образованія въ новое время нашей исторіи, нельзя не обратить вниманіе и на отрицательную сторону этого предмета, на тѣ невыгоды въ постановкѣ

этого образованія, которыя постоянно вредили его благимъ плодамъ. Все русское образованіе первой половины XVIII вѣка, какъ уже извѣстно, имѣло узко-практическій, сословно-служебный характеръ, состояло въ выучкѣ только какому-нибудь спеціальному или сословному дѣлу безъ предварительнаго общаго образованія. Въ видахъ главнымъ образомъ лучшей постановки разныхъ родовъ своей службы, правительство заводило все только спеціальныя,—разныя цифирныя, навигацкія, артиллерійскія и др. школы, предоставляя общее образованіе молодыхъ людей попеченію однихъ семействъ. Въ такихъ же видахъ, для лучшей постановки церковной службы, велѣно было заводить и духовныя школы, въ которыхъ сосредоточено было все религіозное образованіе. Такимъ образомъ и это образованіе, составляющее необходимѣйшій элементъ всякаго общаго образованія, сдѣлано было образованіемъ спеціальнымъ, образованіемъ однѣхъ дух. школъ «въ надежду священства» или, какъ потомъ стали его называть, «поповскимъ», безъ котораго другія школы могли, слѣдовательно, и обойтись. Отъ того въ свѣтскихъ школахъ изученію закона Божія вовсе не дано было мѣста. Стремленіе поддержать религіозное образованіе въ народѣ при Петрѣ выразилось только распоряженіями правительства объ изданіи катихизическихъ книжекъ и объ усиленіи церковной проповѣди. При Елизаветѣ въ 1743 г. вышли еще распоряженія о томъ, чтобы родители обучали дѣтей катихизису, подъ опасеніемъ штрафа въ 10 руб., и чтобы при опредѣленіи на службу молодые люди были испытываемы въ знаніи краткаго катихизиса. Дѣло религіознаго обученія такимъ образомъ и теперь цѣликомъ отдавалось на попеченіе семействъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія сознана была потребность общаго гуманнаго образованія, заговорили о воспитаніи, о созданіи «новой породы людей». Въ новыхъ общеобразовательныхъ школахъ нашлось наконецъ мѣсто и закону Божію; но было уже поздно,—взглядъ на него, какъ на предметъ «поповскій», спеціальный, такъ и остался. Самыя инструкціи и уставы этихъ новыхъ школъ ослабляли его изученіе, руководясь тогдашними опасеніями, чтобы не заразить дѣтей суевѣріемъ и фанатизмомъ: законоучителямъ не рекомендовалось распространяться предъ учениками о чудесахъ, о ветхозавѣтныхъ казняхъ Божіихъ, о страшномъ судѣ, о вѣчныхъ мукахъ и подобныхъ предметахъ, а рекомендовалось внушать имъ преимущественно правила морали и естественной религіи, да толковать побольше

о вѣротерпимости. Болѣе серьезную постановку въ свѣтскихъ школахъ законъ Божій получилъ уже въ царствованія Александра I и Николая I.

Не мудрено, что русское общество, подвергшись послѣ реформы Петра разнообразнымъ противорелигіознымъ вліяніямъ съ запада, оказалось совершенно безпомощнымъ противъ ихъ напора и колебалось отъ всякаго вѣтра ложныхъ ученій. Прежде всего усилились въ немъ вліянія протестантскія отъ наѣзжихъ Нѣмцевъ. Протестантскія насмѣшки надъ русской вѣрой дѣйствовали на общество тѣмъ сильнѣе, что его религіозность доселѣ страдала крайне-обрядовымъ направленіемъ и множествомъ суевѣрій, которыя падали при встрѣчѣ съ самой поверхностной цивилизаціей, но, падая, роняли за собою и самую вѣру. Началось съ пренебреженія постами, обрядами, съ насмѣшекъ надъ духовенствомъ, крестными ходами, сорокоустами, почитаніемъ св. иконъ и т. д. Типическимъ выраженіемъ такого вольнодумства была ересь Тверитинова. Преслѣдуя суевѣрія народа, само правительство нерѣдко не могло удержаться при этомъ въ должныхъ границахъ,—поднимало слишкомъ строгія разслѣдованія о чудотворныхъ иконахъ и мощахъ, наказывало галерами съ вырѣзаніемъ ноздрей и плетьми разгласителей чудесъ, раззоряло часовни, снимало съ иконъ привѣсы, запрещало ходить съ образами по улицамъ и проч., чтобы не было, объясняли указы, порицанія на православіе отъ иновѣрныхъ;—старую простодушную религіозность очевидно старались прятать отъ постороннихъ глазъ, стыдились ея. Образованное общество шло въ этомъ отношеніи, конечно, гораздо дальше правительства. Систематическаго вольнодумства у него впрочемъ не было, вслѣдствіе еще крайняго его недомыслія; оно просто только выбилось изъ рамокъ своей прежней благочестивой жизни и распустилось, при чемъ распущенность эта простерлась преимущественно на его нравственную жизнь. Этотъ первый періодъ его религіозной порчи продолжался въ теченіе всей первой половины XVIII в., и все это время пастырямъ церкви почти невозможно было и противодѣйствовать этой порчѣ, потому что она постоянно становилась подъ знаменемъ реформы, просвѣщенія, соединялась даже съ политикой и на слишкомъ смѣлыя обличенія отвѣчала черезъ застѣнки тайной канцеляріи. Обличенія такого рода въ первый разъ свободно раздались съ церковной каѳедры уже при имп. Елизаветѣ. Благочестивое правительство выдало тогда нѣсколько

распоряженій для возстановленія благочестія: о благоговѣйномъ стояніи въ церквахъ, объ исполненіи долга исповѣди и причащенія, о приличномъ содержаніи церквей и св. иконъ, объ усиленіи духовной цензуры и противъ отступничества отъ православія. Но зато въ это же царствованіе начался другой, еще болѣе опасный періодъ религіознаго вольнодумства, вошедшій въ полную силу при Екатеринѣ II,—вольнодумства философскаго.

На смѣну нѣмецкому вліянію явилось вліяніе французское, а во Франціи господствовала модная философія просвѣщенія, проповѣдовавшая полную безрелигіозность. Русское образованное общество стало воспитывать своихъ дѣтей на французскомъ языкѣ съ помощью французскихъ гувернеровъ и, разумѣется, въ самоновѣйшихъ идеяхъ этой модной философіи. Такое воспитаніе лишало человѣка не только любви къ родинѣ, къ которой французскіе гувернеры внушали ему глубокое презрѣніе, и благоговѣнія къ религіи, которую представляли достояніемъ одной невѣжественной черни, но часто даже родного языка, такъ что и послѣ, если бы почему нибудь онъ вдумалъ снова обратиться къ церкви, онъ уже не въ состояніи былъ понимать ни церковной службы, ни религіозныхъ книгъ, ни проповѣди русскаго духовенства, не умѣвшаго говорить по-французски, и для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей долженъ былъ обращаться къ книгамъ французскимъ, къ духовенству католическому, къ іезуитамъ и, возвращаясь къ христіанству, вступалъ уже не въ православную церковь, а въ католичество. Находились родители, которые по принципу не давали дѣтямъ религіознаго воспитанія, запрещали у себя даже говорить о религіи, а духовенство не пускали и на порогъ. Для дальнѣйшаго образованія молодыхъ людей принято было посылать за границу, въ Парижъ, гдѣ они еще болѣе укоренялись въ своемъ безрелигіозномъ и противонаціональномъ развращеніи. Путешествія за границу и личныя знакомства съ представителями модной философіи вошли между дворянствомъ даже въ обязательную моду. Фернэй, гдѣ жилъ идолъ вѣка—Вольтэръ, сдѣлался чѣмъ то въ родѣ Рима для этихъ поклонниковъ новой философіи, куда они считали долгомъ являться на поклоненіе своему новому папѣ въ каждую свою поѣздку за границу. Многіе вельможи, по примѣру Екатерины, вели съ философами переписку. Сочиненія Вольтэра, Дидро, Д'Аламбера и др. были распространены во всѣхъ домахъ, претендовавшихъ на образо-

ванность. Огромное большинство, такъ называемаго, образованнаго класса, конечно, и теперь не могло изучать новыхъ ученій серьезно и систематически, но оно отлично усвоивало ихъ направленіе, которое, какъ и всякое вообще направленіе, легко дается даже очень слабой головѣ, особенно же его отрицательную сторону, задорное кощунничаніе, дерзкія выходки касательно бытія Божія, безсмертія души, святыни нравственныхъ предписаній религіи, самый пестрый сборъ всевозможныхъ отрицаній, надерганныхъ, откуда попало, хотя бы изъ взаимнопротиворѣчащихъ системъ. А еще успѣшнѣе усвоялись практическіе результаты французскаго сенсуализма,—это «яждь, пій и веселися». На безумную роскошь проматывались цѣлыя состоянія; пошли незаконные браки, похищенія женщинъ, жизнь супруговъ въ раздѣлѣ, разводы; развратъ, только слегка прикрытый условными свѣтскими приличіями, являлся въ обществѣ безъ стыда, какъ законное требованіе непогрѣшимой природы, какъ такая принадлежность цивилизованной жизни, которой никто не стыдится въ самомъ Парижѣ. Духовенство должно было оставаться безмолвнымъ и противъ этого новаго рода вольнодумства, потому что онъ оказывался не менѣе фанатиченъ, чѣмъ прежній, хотя уже и безъ застѣнковъ тайной канцеляріи. Это было вольнодумство просвѣщенное, выступившее подъ знаменемъ науки, философіи; обличеніе его въ глазахъ общества было унизительнымъ суевѣріемъ, мракобѣсіемъ, чуть не сумасшествіемъ. Смиренныхъ проповѣдниковъ слова Божія никто не желалъ и слушать, да если бы кто и послушалъ, то для нихъ же было бы хуже. Однажды за очень деликатное и кроткое увѣщаніе вольнодумца дворянина получилъ отъ увѣщаваемаго пощечину даже архіерей, великій святитель Божій Тихонъ воронежскій. Святитель самъ же палъ тогда въ ноги обидчику, прося у него прощенія за огорченіе, и этимъ такъ сильно на него подѣйствовалъ, что тотъ бросилъ свое вольтерьянство и сдѣлался послѣ того хорошимъ христіаниномъ. Дѣла о хулѣ на свящ. предметы и на религію были даже вовсе изъяты изъ вѣдомства духовнаго суда и переданы суду свѣтскому. Опроверженій вольнодумства въ печати не допускала цензура. Фонъ-Визинъ не могъ издать перевода книги Клерка о бытіи Божіемъ, потому что этого не пожелалъ оберъ-прокуроръ Синода Чебышевъ. Первыя опроверженія Вольтэра и энциклопедистовъ стали являться уже въ 1790-хъ гг., когда противъ современныхъ увлеченій возстала

наконецъ сама Екатерина въ виду грозныхъ событій французской революціи, доказавшихъ, что игра въ либерализмъ, которой утѣшались высшіе классы, спустившись въ народъ, можетъ имѣть страшныя послѣдствія для нихъ же самихъ. Послѣ этого въ нашей печати и стали понемногу являться разныя: «Вольтэръ изобличенный», «Вольтэръ обнаженный», «Вольтэровы заблужденія» аббата Нонота, «Средства противъ невѣрія», «Торжество вѣры надъ невѣрующими», и т. п. книги. Правительство запретило ввозъ французскихъ книгъ, усилило наблюденіе за книжной торговлей и цензуру, указало закрыть вольныя типографіи. Особенно строгія мѣры противъ вольнодумства предприняты были при Павлѣ I; въ 1799 г. при немъ въ первый разъ установлена была особая духовная цензура, первый комитетъ которой находился въ московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

Борьба б) съ масонствомъ и мистицизмомъ. Одновременно съ французскимъ вольнодумствомъ, какъ противодѣйствіе ему, развилось въ обществѣ мистическое направленіе, сосредоточенное первоначально въ масонскихъ ложахъ, тоже заимствованныхъ съ запада. Главными дѣятелями масонства при Екатеринѣ были профессоръ университета *Шварцъ*, сильно дѣйствовавшій противъ современнаго невѣрія своими лекціями, и журналистъ *Новиковъ*, старавшійся распространять въ обществѣ религіозныя идеи посредствомъ изданія религіозныхъ книгъ и мистическихъ журналовъ, развитія книжной торговли и безплатной публичной библіотеки. Въ 1782 г. устроилось «Дружеское ученое общество», въ которомъ приняли участіе многіе члены русскаго масонства; общество это задалось высокими просвѣтительными и благотворительными цѣлями,—издавало религіозныя книги, покровительствовало молодымъ талантамъ, заводило школы, больницы, помогало на огромныя суммы бѣднымъ. Но, при всѣхъ своихъ заслугахъ, масонство само расходилось съ церковью. Оно исповѣдовало не православную вѣру, а мистическій теизмъ, чуждый всякихъ вѣроисповѣдныхъ догматовъ, стремилось къ мистическому сліянію съ Божествомъ въ высшей мудрости и нравственности помимо церкви, считая себя выше всѣхъ церквей; въ него принимались на одинаковыхъ правахъ члены всѣхъ вѣроисповѣданій. Оно, правда, желало быть въ мирѣ съ православной церковью и даже избрало своимъ протекторомъ м. Платона, но церковь все-таки не могла признавать масоновъ своими чадами, хотя особенно твердо про-

тивъ нихъ и не высказывалась, видя, что они все-таки нѣсколько помогаютъ ей противъ вольтэрьянства. Противъ нихъ дѣйствовало больше это самое вольтэрьянство,—чисто разсудочная философія XVIII в., сама по себѣ бывшая врагомъ всякой мистики и фантастики, кромѣ того, получившая отъ масонства прямой вызовъ на борьбу. Модная литература постоянно насмѣхалась надъ масонскими ложами, пользуясь для этого разными странностями ихъ обрядности, похвальбами какой то особенной, таинственной мудростью, наклонностью къ тайнымъ наукамъ, къ алхиміи, магіи, и множествомъ таинственностей, а часто и шарлатанства. Колко подсмѣивалась надъ ними въ своихъ литературныхъ трудахъ и сама императрица. Въ 1785 г. масоны были заподозрѣны въ сектантствѣ и м. Платону поручено было разсмотрѣть изданныя ими книги. Въ отзывѣ объ этихъ книгахъ Платонъ написалъ, что однѣ изъ нихъ обыкновенныя литературныя, другія мистическія, которыхъ онъ не понимаетъ, третьи—сочиненія энциклопедистовъ, самыя зловредныя для св. вѣры. Замѣчательно, что послѣ такого отзыва запрещены были все-таки книги второго, а не третьяго разряда. Наконецъ своими таинственностями и сношеніями съ заграничными собратіями масоны навлекли на себя подозрѣнія политическія и въ 1791 г. ложи ихъ были запрещены. Типографическая компанія, какъ переименовано было тогда Дружеское общество, была закрыта, мистическія книги обречены на сожженіе, а въ 1792 г. Новиковъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Послѣ смерти Екатерины масонство поднялось опять, благодаря расположенію къ нему имп. Павла; Новиковъ былъ освобожденъ; нѣкоторые масоны (Лопухинъ) были приближены ко двору и облечены важными должностями. Еще болѣе усилилось масонство во время библейскаго общества при Александрѣ I.

Послѣ бѣдствій 1812 г. французоманія съ вольтэрьянствомъ смѣнились въ обществѣ мистическими увлеченіями. На мѣсто недавняго кумира Вольтэра поставлены были бози иніи,—разные Бэмъ, Эккартсгаузенъ, Юнгъ Штиллингъ, г-жа Гіонъ, Сведенборгъ, де-Туа, Сенъ-Мартенъ и др. Для руководства въ чистоправославной мистикѣ у православной церкви были готовыя и для всѣхъ доступныя книги Макарія египетскаго, Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Григорія Синаита, Симеона Новаго, Нила Сорскаго, наконецъ недавно изданный (въ 1793 и 1811 гг.) сборникъ этого рода статей «Добротолюбіе»; но это были книги

церковныя, поповскія, а интеллигентнымъ мистикамъ нуженъ былъ мистицизмъ заграничный, послѣдней европейской моды. Первыми дѣятелями мистическаго движенія нѣкоторое время продолжали оставаться масоны,—*Лопухинъ*, написавшій сочиненіе: «Нѣкоторыя черты внутренней церкви», и *Лабзинъ*, издававшій въ 1806 и 1817—1818 гг. мистическій журналъ «Сіонскій Вѣстникъ». Потомъ 1813 г. все мистическое движеніе сосредоточилось въ библейскомъ обществѣ, при содѣйствіи котораго русская литература наводнилась цѣлой массой мистическихъ книгъ и брошюръ, обязательно разсылавшихся по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, приходамъ, монастырямъ и книжнымъ лавкамъ. Мистицизмъ еще высокомѣрнѣе относился къ православной церкви, чѣмъ масонство. Проповѣдуя непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ, универсальную, исключительно-сердечную, субъективную религію безъ догматовъ и церкви, основанную на непосредственныхъ озареніяхъ отъ Духа Божія и вѣщаніяхъ внутренняго Слова въ духѣ человѣка, онъ отвергалъ все внѣшнее въ религіи, іерархію, таинства, обряды, даже обязательное ученіе внѣшняго, единственно—истиннаго откровенія, и признавалъ одну «внутреннюю» церковь, не знающую никакихъ догматовъ, кромѣ догмата о возрожденіи и соединеніи человѣка съ Богомъ, никакихъ раздѣленій между своими членами и между разными вѣроисповѣданіями, кромѣ раздѣленія ветхаго человѣка отъ новаго, церковь существовавшую отъ начала міра во всѣ времена и во всѣхъ религіяхъ, мистеріяхъ и философскихъ ученіяхъ. Мистицизмъ въ лицѣ сильныхъ библейскихъ дѣятелей покровительствовалъ всевозможнымъ сектамъ и являвшимся изъ Европы учителямъ. Русскіе мистики совершали умную молитву съ пріѣзжавшими въ Россію квакерами, окружали каѳедры пріѣзжихъ проповѣдниковъ *Линдля* и *Госнера*, слушали мистическую пророчицу, остзейскую баронессу *Крюднеръ*, восторгались ученіемъ духоборцевъ, братались и съ хлыстами, распѣвая ихъ пѣсни и отплясывая на радѣніяхъ въ странномъ обществѣ нѣкоей г-жи *Татариновой*. Мистическое увлеченіе сдѣлалось какой то повальной болѣзнью общества, отражалось и въ литературѣ, и въ искусствѣ, проникло въ учебныя заведенія, въ университеты, гдѣ своей враждой къ «лжеименному разуму» едва не убило первыхъ зародышей русской науки, отразилось даже въ духовной литературѣ, наприм. въ статьяхъ Христіанскаго Чтенія 1821—1823 гг. Въ нѣкоторыхъ салонахъ Москвы и Пе-

тербурга, у кн. С. Мещерской, извѣстной изданіемъ множества мистическихъ брошюръ, кн. А. Голицыной и др., приверженцы мистицизма открыли собранія для «умной» молитвы и слушанія разныхъ экзальтированныхъ проповѣдниковъ. Весь этотъ людъ при этомъ питалъ самое гордое презрѣніе къ «внѣшней церкви» и относился съ грубымъ фанатизмомъ ко всѣмъ несогласнымъ и особенно къ своимъ обличителямъ. Во время двойного министерства Голицына за противодѣйствіе мистицизму былъ лишенъ должности нѣкто *Смирновъ*, переводчикъ медицинской академіи, обратившійся къ государю съ просьбой о дозволеніи печатать опроверженія на мистическія книги. Въ 1818 г. духовный цензоръ, ректоръ петербургской семинаріи Иннокентій возсталъ противъ Сіонскаго Вѣстника и добился его прекращенія, затѣмъ пропустилъ въ печать противомистическое сочиненіе нѣкоего *Стаевича*—«Бесѣда на гробѣ младенца»; министръ страшно разсердился на него за такую дерзость и сдѣлалъ коммиссіи дух. училищъ грубый выговоръ за то, что цензоръ пропустилъ книгу, наполненную «защищеніемъ наружной церкви противъ внутренней, и противную началамъ, руководствующимъ наше христіанское правительство». Иннокентій былъ удаленъ изъ Петербурга епископомъ въ Пензу. Жертвой мистицизма былъ и самъ м. Амвросій. Преемникъ его Михаилъ не сдѣлался жертвой лишь потому, что послѣ своей жалобы «на слѣпотствующаго министра» вскорѣ скончался. Господство мистицизма прекратилось вмѣстѣ съ господствомъ Голицына и библейскаго общества. При имп. Николаѣ мистическія книги были отбираемы изъ всѣхъ библіотекъ; для разсмотрѣнія ихъ былъ учрежденъ при петербургской академіи особый комитетъ, работы котораго кончились изъятіемъ нѣкоторыхъ болѣе противныхъ православію книгъ изъ обращенія.

Царствованіе Николая I съ начала до конца отличалось строго православнымъ направленіемъ и строгой цензурой, старавшейся предотвращать всякую открытую проповѣдь неправославныхъ ученій. Но ученія подобнаго рода все-таки продолжали распространяться въ обществѣ путями прикровенными. Въ концѣ 1830-хъ годовъ и въ 1840-хъ гг. представители науки и литературы, а за ними и образованное общество увлекались философіей Гегеля. Въ 1850-хъ и въ 1860-хъ гг., съ ослабленіемъ цензурныхъ строгостей, огромное вліяніе въ обществѣ и въ средѣ учащейся молодежи получили ученія Конта и позити-

вистовъ, Фейербаха и крайнихъ матеріалистовъ, затѣмъ ученія соціалистовъ и коммунистовъ. Но за то, вслѣдствіе того же ослабленія цензурныхъ строгостей и прекращенія прежней системы замалчиванія непріятныхъ общественныхъ явленій означенныя ученія немедленно вызывали противъ себя открытый отпоръ въ духовной, а отчасти и въ свѣтской литературѣ. Чуждыя православной церкви вліянія продолжаютъ впрочемъ находить себѣ радушный пріемъ въ русскомъ обществѣ и доселѣ. Къ счастію, всѣ эти чуждыя вліянія касались только однихъ верхнихъ слоевъ русской земли съ ихъ наносной пылью и грязью и почти совсѣмъ не проникали до грунтовыхъ, народныхъ ея слоевъ, такъ что послѣдніе еще сохранили свою натуральную неиспорченность.

Состояніе религіознаго образованія народа.— Простой народъ былъ обязанъ этимъ самому отдѣленію отъ него высшихъ классовъ, заживших среди него своею особою жизнью; онъ сохранялъ цѣликомъ старую жизнь еще дореформенной Руси и относился ко всѣмъ представителямъ новой жизни съ полнымъ недовѣріемъ. Всѣмъ образованіемъ, какое только проникало въ его среду, онъ обязанъ былъ одному приходскому духовенству, которое оставалось главнымъ, если не единственнымъ соединительнымъ звеномъ между нимъ и образованными классами. Первыя попытки къ введенію народнаго образованія, весьма впрочемъ неудачныя, видимъ при императрицѣ Екатеринѣ II, распорядившейся повсюду заводить для народа безплатныя общеобразовательныя школы въ тогдашнемъ культурномъ вкусѣ. Но народъ отнесся къ этимъ школамъ съ недовѣріемъ и продолжалъ учить своихъ дѣтей у прежнихъ учителей, хотя и съ платою. Возревновавъ за свои школы и за ихъ «нормальный» методъ, правительство стало тѣснить старыхъ учителей, требовать отъ нихъ свидѣтельствъ объ изученіи ими нормальнаго метода и закрывать ихъ школы, но достигло этимъ совсѣмъ нежеланныхъ результатовъ: старинный и привычный источникъ народнаго образованія дѣйствительно ослабило, а своихъ казенныхъ школъ все-таки не подняло и народными не сдѣлало. Въ 1803 г. въ указѣ «о введеніи наукъ въ Россіи» и въ 1836 г. въ указѣ объ открытіи народныхъ школъ при церквахъ и монастыряхъ правительство снова заявило свое попеченіе объ образованіи народа, но пригласило на этотъ разъ къ содѣйствію себѣ и духовенство. Дѣло пошло удачнѣе. Духовенство съ сочувствіемъ откликнулось на призывъ и стало заводить приходскія школы на свой соб-

ственный счетъ и въ такомъ большомъ количествѣ, что совершенно спутало понятія всѣхъ, гордившихся своимъ просвѣщеніемъ людей, которые привыкли толковать о невѣжествѣ, обскурантизмѣ и своекорыстіи «поповъ». Въ послѣдующее затѣмъ время обнаружилось, что самое сильное противодѣйствіе народное образованіе встрѣчало въ крѣпостномъ правѣ. До уничтоженія крѣпостного права народныя школы только и держались въ селеніяхъ удѣльныхъ и казенныхъ крестьянъ и встрѣчали непреоборимыя препятствія въ селеніяхъ помѣщичьихъ. Въ эпоху уничтоженія крѣпостного права, когда вопросъ о народномъ образованіи получилъ особенную, еще не бывалую прежде важность, среди духовенства снова поднялось необычайное просвѣтительное движеніе. Церковно-приходскія школы открывались по епархіямъ цѣлыми сотнями каждый годъ; духовенство жертвовало на нихъ и временемъ, и послѣдними удобствами своихъ тѣсныхъ жилищъ, въ которыя собирало учащихся дѣтей за неимѣніемъ для школъ особыхъ зданій, и даже деньгами на покупку учебныхъ принадлежностей и на др. школьные расходы. Съ 1859 до 1865 г. открыто было свыше 21,400 новыхъ приходскихъ школъ исключительно однимъ духовенствомъ. Образованное общество въ 1860 г. тоже было возревновало о просвѣщеніи народа и стало заводить по городамъ воскресныя школы, но приступило къ этому святому дѣлу съ нечистымъ умомъ и сердцемъ; въ 1862 г. правительство должно было закрыть эти школы, такъ какъ онѣ сдѣлались орудіемъ для распространенія въ народѣ вредныхъ идей. Съ 1865 г. онѣ начали открываться вновь, но уже не обществомъ, а духовенствомъ же при церквахъ и духовныхъ семинаріяхъ.

Самоотверженная просвѣтительная дѣятельность духовенства не нашла однако сочувствія въ странной русской «интеллигенціи» 1860-хъ годовъ. Печать заподозрила самое существованіе этихъ десятковъ тысячъ неожиданно возникшихъ школъ и горячо затолковала и о невѣжествѣ духовенства, и объ отсталости его методовъ обученія, и объ узкости самой программы этого обученія (т. е. православно-религіозной). Въ министерствѣ же народнаго просвѣщенія поднялся вопросъ о подчиненіи всѣхъ народныхъ школъ министерскому вѣдомству. Въ 1862 г. состоялось Высочайшее повелѣніе: приходскія школы оставить въ вѣдомствѣ духовенства, а министерству вѣдать школы, какія оно откроетъ само; но такое рѣшеніе вопроса министерство не удов-

летворило. Открывая свои школы, оно старалось войти въ трудъ духовенства, присоединяя и его школы къ своимъ. Въ этомъ помогали ему и его денежныя средства, изъ которыхъ оно помогало только тѣмъ приходскимъ школамъ, которыя присоединялись къ министерскимъ, и его чиновники, начиная съ попечителей округовъ, и мировые посредники, которые нерѣдко прямо запрещали сельскимъ обществамъ составлять приговоры объ открытіи новыхъ приходскихъ школъ и сбирать на нихъ деньги. Въ 1864 г. противъ школъ духовенства встали вновь открытыя земства, мечтавшія объ устройствѣ народныхъ школъ по европейскимъ образцамъ, съ новымъ не религіознымъ, а «культурнымъ» направленіемъ, съ новыми методами и новыми учителями, для приготовленія которыхъ предполагалось завести особыя учительскія семинаріи и институты. Высказывая всяческое недовольство школьною дѣятельностью духовенства, въ трудъ его стали входить и земства; приходскія школы одна за другой были присоединяемы къ числу земскихъ, часто по желанію даже самого духовенства, которое видѣло въ этомъ единственный способъ доставить имъ хоть какую-нибудь матеріальную поддержку. Число подвѣдомственныхъ духовенству школъ начало поэтому быстро сокращаться; въ началѣ 1880-хъ г. ихъ осталось всего до 4000 съ небольшимъ. Въ 1864 г. для объединенія просвѣтительной дѣятельности всѣхъ народныхъ школъ учреждены губернскіе и уѣздные училищные совѣты изъ представителей вѣдомствъ и земствъ подъ предсѣдательствомъ архіереевъ, но церковно-приходскія школы не получили поддержки и отъ этихъ совѣтовъ, такъ какъ число лицъ, не сочувствовавшихъ дѣятельности духовенства, оказалось въ нихъ преобладающимъ. Не нашли онѣ такой поддержки и среди большинства вновь назначенныхъ чиновниковъ министерства, инспекторовъ (съ 1869 г.) и директоровъ (съ 1874 г.) народныхъ школъ. Все это не могло не отозваться дурно на усердіи къ школьному дѣлу и самого духовенства. Въ министерскихъ и земскихъ школахъ оно очутилось въ обидномъ пренебреженіи. Многія земства не желали оплачивать даже законоучительскій трудъ священниковъ, ставя этотъ трудъ въ число обязанностей самаго пастырскаго званія, другія назначали за него поурочную плату и притомъ подъ контролемъ свѣтскихъ учителей школъ, третьи опредѣляли вознагражденіе въ формѣ только наградъ лучшимъ законоучителямъ,—всѣ вообще съ своей культурной точки зрѣнія считали

нужнымъ до минимума сокращать уроки по закону Божію на томъ основаніи, что это предметъ спеціальный и что крестьянскія дѣти готовятся не во дьячки. Не мудрено, что духовенство не только перестало открывать новыя школы, но стало уклоняться даже отъ законоучительства въ свѣтскихъ школахъ. Съ 1871 г. Св. Синодъ вынужденъ былъ дозволить замѣщеніе законоучительскихъ вакансій свѣтскими лицами. Наконецъ, въ 1874 г. и сами архіереи были отстранены отъ предсѣдательства въ училищныхъ совѣтахъ; на мѣсто ихъ предсѣдателями стали назначаться предводители дворянства; духовенству же въ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ предоставлено имѣть только по одному депутату.

Духовное вѣдомство употребляло съ своей стороны разнообразныя мѣры къ удержанію за собой вліянія на народное образованіе, но при указанныхъ обстоятельствахъ всѣ эти мѣры оказывались безуспѣшными. Сюда относятся: многочисленныя распоряженія преосвященныхъ о томъ, чтобы духовенство не переставало заводить приходскихъ школъ и не бросало законоучительства въ свѣтскихъ школахъ, введеніе въ семинарскій курсъ педагогики и учрежденіе при семинаріяхъ образцовыхъ школъ, опредѣленіе къ церквамъ псаломщиковъ изъ кончившихъ курсъ семинаристовъ, съ порученіемъ имъ преподованія въ приходскихъ школахъ. Живая связь между церковью и народной школой видимо слабѣла. Сознаніе важности этой связи и необходимости для народнаго образованія религіозныхъ основъ побудило правительство съ 1882 г. снова обратиться къ возвышенію церковно-приходскихъ школъ. Въ 1884 г. вышло объ этихъ школахъ новое положеніе, которое и положило начало новому текущему періоду народно-религіознаго образованія. Приходскія школы и школы грамотности отданы въ полное вѣдѣніе духовенства; для управленія ими учреждены епархіальные училищные совѣты, а при Св. Синодѣ (съ 1885 г.) центральный училищный совѣтъ. Число церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты опять стало возрастать и къ концу столѣтія съ 4500 дошло до 42000 съ числомъ учащихся до $1^1/_2$ милліона. Еще съ 1883 г. государственное казначейство отпускало въ ихъ пользу небольшія (до 55,000 р.) ежегодныя суммы. Въ 1894 г. на содержаніе ихъ отпущено было 350,000, а въ слѣдующемъ году уже 700,000 р.; съ 1896 г. Высочайше повелѣно возвысить ассигновку этой суммы до 3,279,145 р., въ

1897 г. къ ней прибавлено 1,500,000, а въ 1899 еще 1,859,000 р., что дало возможность придать церковно-приходскому образованію вполнѣ приличную и стройную организацію. Кромѣ этихъ казенныхъ ассигновокъ, на церковныя школы собирается до 6,000,000 р. изъ мѣстныхъ средствъ каждой епархіи.

Народное сектантство: хлысты и скопцы.— Въ своей обособленности отъ образованныхъ классовъ народъ особнякомъ развивался и въ религіозномъ отношеніи, не вѣря ничему, чему его желали научить люди этихъ классовъ, отстраняясь въ иныхъ случаяхъ даже отъ самаго народнаго изъ этихъ классовъ—духовенства. У него было свое православіе и свои ереси съ расколами. Одной изъ самыхъ старшихъ народныхъ сектъ, начало которой уходитъ еще въ XVII вѣкъ, было *хлыстовство* или ересь людей Божіихъ. Ученіе этой секты представляетъ собою своеобразную форму народнаго мистицизма, вѣрящаго въ такое близкое общеніе человѣка съ Божествомъ, которое совершенно уничтожаетъ человѣческую личность и дѣлаетъ человѣка полнымъ воплощеніемъ Божества, сыномъ Божіимъ по природѣ, новымъ Христомъ. Рядъ такихъ пророковъ-христовъ, которымъ люди Божіи молятся и повинуются, какъ Богу, начинается съ муромскаго крестьянина *Ивана Суслова* (получившаго «божество» въ 1649 г., † въ 1716), и тянется до послѣдняго времени. У христовъ этихъ были свои богородицы, апостолы и мироносицы. Отвергнувъ всѣ церковные обряды и таинства, хлысты выработали въ своихъ «корабляхъ» (обществахъ) свою собственную обрядность, которая состоитъ въ пѣсняхъ и «радѣніяхъ» или пляскахъ, имѣющихъ большое значеніе для возбужденія духовнаго экстаза у всѣхъ вообще мистиковъ. Среди этихъ плясокъ «накатываетъ на нихъ Духъ» и нѣкоторые истеричные люди начинаютъ пророчествовать. Офиціальныя дѣла объ этой ереси начались съ 1733 года, когда хлыстовство было открыто въ нѣкоторыхъ московскихъ монастыряхъ. Главные коноводы секты (двѣ монахини и два іеромонаха) подверглись тогда смертной казни, другіе сектанты, до 116 человѣкъ, наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Правительство не разъ обнаруживало такое строгое отношеніе къ ереси и послѣ, особенно въ 1745—1752 гг., отъ того еретики постоянно скрывали свои убѣжденія подъ покровомъ непроницаемой тайны. Ересь успѣла распространиться по всѣмъ внутреннимъ губерніямъ, по Волгѣ, на Дону, на Кавказѣ и въ

Сибири. При Александрѣ I, во время мистическихъ увлеченій, она получила полную безопасность; къ ней пристало довольно много лицъ даже изъ образованнаго общества, составившихъ цѣлый корабль около полковницы *Татариновой* въ Петербургѣ. Новыя преслѣдованія хлыстовъ начались при импер. Николаѣ I. Нравственное ученіе секты основано на дуалистическихъ идеяхъ, на признаніи тѣла злымъ началомъ, въ человѣкѣ; отсюда первыя правила этого ученія—умерщвлять плоть, не пить хмельного и не жениться. Послѣднее правило однако не исключало въ ихъ обществѣ разврата во время самыхъ радѣній, кощунственно величаемаго Христовой любовью.

Такая Христова любовь послужила главной причиной отдѣленія отъ хлыстовства *скопцовъ*, которые, оставивъ у себя почти всю хлыстовскую догматику и обрядность, до крайности развили нравственное ученіе объ умерщвленіи плоти, требуя отъ всѣхъ оскопленія. Основателемъ этой секты въ половинѣ XVIII столѣтія былъ орловскій крестьянинъ *Кондратій Селивановъ*, возмущенный хлыстовскимъ развратомъ и основавшій свой отдѣльный корабль. Онъ объявилъ себя сыномъ Божіимъ «искупителемъ» (т. е. оскопителемъ), пришедшимъ спасти родъ человѣческій «отъ лѣпости» (сладострастія), крестить «огненнымъ крещеніемъ» и «сокрушать душепагубнаго змія» (т. е. оскоплять). Личность его скопцы слили съ личностью импер. Петра III, сына «приснодѣвы» импер. Елизаветы Петровны. Ученіе его первоначально распространялось въ Тамбовской и Рязанской губерніяхъ, но потомъ проникло всюду. При Екатеринѣ Селивановъ былъ сосланъ въ восточную Сибирь, но при Павлѣ I возвращенъ оттуда и посаженъ въ домъ сумасшедшихъ, а при Александрѣ I жилъ въ покоѣ и чести въ самомъ Петербургѣ. Къ скопчеству пристало здѣсь нѣсколько лицъ изъ образованныхъ классовъ. Въ 1819 г. дознано было, что оно проникло въ армію и что въ него увлечены два племянника самого генералъ-губернатора Милорадовича,—офицеры. Тогда противъ него приняты были наконецъ строгія мѣры. Селивановъ былъ заключенъ въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь, гдѣ и умеръ въ 1832 г. При импер. Николаѣ секта эта признана была самой вредной, что заставило ее окружить себя строжайшей тайной и лицемѣріемъ. Обѣ секты,—и хлыстовъ, и скопцовъ, въ корень извращающія все христіанство, не могутъ быть въ собственномъ смыслѣ названы даже еретическими,—это общества вовсе нехристіанскія.

Духоборцы, молокане и штундисты.—Въ половинѣ XVIII столѣтія въ южной Россіи явилось общество *духоборцевъ*, основателемъ котораго былъ казакъ *Силуанъ Колесниковъ;* потомъ оно перешло въ Тамбовскую губернію, гдѣ проповѣдниками его сдѣлались одноворецъ *Побирохинъ* и бѣглый гвардеецъ *Капустинъ*. Духоборство выступило съ безусловнымъ отрицаніемъ всей религіозной внѣшности во имя поклоненія Богу духомъ и истиною. Отрицая не только авторитетъ церкви во всѣхъ его видахъ, но и всего почти внѣшняго откровенія, ересь признала единственнымъ источникомъ вѣры «книгу животную» или слово Божіе внутреннее, т. е. допустила полный произволъ въ дѣлахъ вѣры. На основаніи внушеній этого внутренняго слова еретиками принято понимать и внѣшнее откровеніе, Св. Писаніе, имѣющее, по ихъ мнѣнію, только второстепенное значеніе предъ внутреннимъ. При такомъ произволѣ въ дѣлахъ вѣры духоборцы не развили у себя опредѣленной догматики. Трудно сказать, вѣрятъ ли они даже въ истиннаго Христа, такъ какъ толкуютъ только о внутреннемъ словѣ, которое будто бы совершаетъ внутри человѣка тоже самое дѣло искупленія, что и Христосъ, раждается въ сердцѣ вѣрующаго, проповѣдуетъ, страдаетъ, умираетъ и воскресаетъ, а такъ же,—признаютъ ли они первородный грѣхъ и искупленіе въ христіанскомъ смыслѣ, такъ какъ, по ихъ словамъ, каждый отвѣчаетъ лишь за свои собственные грѣхи и грѣхъ Адама былъ только его личнымъ грѣхомъ. Обрядность секты самая упрощенная, состоитъ только въ чтеніи и пѣніи нѣкоторыхъ пѣсней, не имѣетъ ни праздниковъ, ни постовъ, ни обрядовъ на разные частные случаи жизни. Духоборчество распространялось первоначально въ Тамбовской, Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ, затѣмъ перешло на Волгу, на Донъ и въ Сибирь. До Александра I духоборцевъ преслѣдовали, отдавали въ солдаты, ссылали въ Колу и въ Сибирь, потомъ они снискали себѣ особенное расположеніе у русскихъ мистиковъ и у самого императора; имъ отведены были для поселенія богатыя земли на Молочныхъ водахъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, гдѣ они прекрасно устроились. При Николаѣ I переселенія ихъ сюда были прекращены и ихъ стали ссылать на Кавказскую пограничную линію. Секта ихъ была отнесена къ числу «болѣе вредныхъ».

Какъ изъ хлыстовства выдѣлилось скопчество, такъ изъ духоборства выдѣлилось *молоканство*. Основателемъ его былъ зять

Побирохина портной *Семенъ Уклеинъ*, возмущавшійся непочтительнымъ отношеніемъ духоборцевъ къ Св. Писанію. Онъ признавалъ Св. Писаніе обязательнымъ для христіанина даже въ ветхозавѣтныхъ предписаніяхъ обрядоваго характера, наприм. о запрещенныхъ въ пищу животныхъ и т. п.; впрочемъ послѣдователи его стали толковать подобныя предписанія въ таинственномъ смыслѣ. Въ догматическомъ ученіи молокане отвергли равенство лицъ св. Троицы и истинность тѣла Христова, считая Его рожденіе, страданія, смерть и воскресеніе только мнимыми. Ученіе о христіанскомъ равенствѣ всѣхъ доведено ими до отрицанія всякихъ властей, а равно законовъ, судовъ, присяги и государственной службы, особенно военной. Въ Богослуженіи они завели болѣе сложную обрядность, чѣмъ духоборцы, лучшее пѣніе и разныя моленія на частные случаи жизни. Скоро молоканство начало распадаться на разные толки. Признаніе обязательности ветхозавѣтныхъ предписаній сдѣлалось поводомъ къ выдѣленію изъ него сектъ субботниковъ и жидовствующихъ, а докетизмъ въ ученіи о Христѣ сблизилъ нѣкоторыхъ молоканъ съ хлыстами, у которыхъ они заимствовали и богослужебныя радѣнія (прыгуны на Кавказѣ), и породилъ между ними явленія разныхъ Христовъ, Илій и Эноховъ; нѣкоторые (секта общихъ на Кавказѣ же) старались провести въ устройствѣ своего общества принципъ общенія имуществъ. Правительство всегда относило молоканство къ числу сектъ вредныхъ, но въ царствованіе Александра I и они пользовались разными милостями, больше впрочемъ вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ духоборцами, а не сами по себѣ.

Всѣ перечисленныя секты не мало воспользовались для своего ученія разными мистико-протестантскими ученіями, издавна бродившими на югѣ Россіи, гдѣ было много иновѣрныхъ колоній съ запада. Во второй половинѣ XIX столѣтія здѣсь же и по всей Малороссіи быстро вошла въ силу новая секта *штундистовъ*, обязанная своимъ происхожденіемъ и самымъ названіемъ (Stunde— часъ) прямо вліянію нѣмецкихъ колонистовъ. Въ ней замѣтно даже политическое тяготѣніе къ Нѣмцамъ. Признавая единственнымъ источникомъ вѣроученія Св. Писаніе и толкуя его совершенно произвольно, большею частію аллегорически, штунда тоже дошла до полнаго отрицанія іерархіи и обрядовъ, въ ученіи объ искупленіи приняла кальвинскій детерминизмъ, въ ученіи о таинствѣ крещенія—анабаптизмъ съ отрицаніемъ крещенія младенцевъ, въ ученіи о причащеніи—чисто-протестантскія понятія о

причащеніи «на св. вечери» духовнымъ тѣломъ и кровію Спасителя подъ видомъ хлѣба и вина. Нѣкоторые штундисты отвергаютъ и эти два таинства. Богослуженіе штундисты устроили въ формѣ общественныхъ собраній, подъ управленіемъ выборныхъ старцевъ, учителей и служителей діаконовъ, для общаго чтенія и толкованія Св. Писанія, пѣнія особыхъ стиховъ, часто заимствованныхъ прямо у протестантовъ, и разъ въ мѣсяцъ для преломленія хлѣба на священной вечери и причащенія. Съ юга Россіи штунда успѣла проникнуть и на сѣверъ и въ послѣднее время сдѣлалась предметомъ большихъ заботъ и огорченій для православной Русской церкви.

Съ 1874—1875 гг. явилась еще секта пашковцевъ, во главѣ которой всталъ полковникъ *Пашковъ*, проповѣдовавшій протестантско-мистическое ученіе съ голоса нѣкоего лорда Редстока, англійскаго проповѣдника, бывшаго въ Петербургѣ въ 1874 г. Секта эта впрочемъ мало популярна. Такъ же мало популярны недавно распространившіяся въ «интеллигентныхъ» кружкахъ противохристіанскія идеи графа *Л. Толстаго*.

Расколъ старообрядства.—Болѣе всѣхъ видовъ сектанства въ народѣ распространялся и усиливался расколъ старообрядства, болѣе понятный и сродный обрядовому направленію народной религіозности. Внутренняя рознь въ Русскомъ народѣ, возникшая въ XVII в., когда одна часть народа отдѣлилась отъ другой въ расколъ, достигла высшей степени во время Петровской реформы. Расколъ получилъ тогда необыкновенную силу въ народѣ и самъ дошелъ до высшей степени изувѣрства. Всѣ дѣйствія Петра раскольники толковали примѣнительно къ разнымъ признакамъ пришествія антихриста; въ титулѣ императора (читали: іператоръ) усмотрѣли число 666, доказывали, что съ учрежденіемъ Синода онъ принялъ на себя власть не только царскую, но и святительскую и Божію, сталъ истреблять остатки православія и учинилъ всенародное описаніе (ревизію), исчисляя живыхъ и мертвыхъ, дабы никто не могъ укрыться отъ руки его. Расколъ принималъ окончательно противогосударственное направленіе, съ которымъ государству непремѣнно приходилось считаться. Государственный умъ Петра, къ счастію, довольно скоро разобрался въ этомъ смѣшеніи религіозныхъ понятій съ государственными и успѣлъ установить новыя, болѣе раціональныя начала для опредѣленія отношеній государства къ расколу: онъ не сталъ преслѣдовать раскольниковъ за одни ихъ религіозныя мнѣнія, а

преслѣдовалъ ихъ только за одни ихъ противогосударственныя движенія и выходки и первый изъ русскихъ государей далъ имъ право гражданства, подъ условіемъ только открытой записи въ расколъ и, въ отличіе отъ православныхъ, лишенія нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ и двойного платежа подушнаго оклада. Послѣ этого (съ 1714 г.) преслѣдованія правительства исключительно обратились противъ раскольниковъ тайныхъ, которые своимъ уклоненіемъ отъ записи въ двойной окладъ сами отрицались отъ государства, и противъ фанатическихъ расколоучителей. Такой характеръ отношеній къ расколу удержался и при преемникахъ Петра въ теченіе всей первой половины XVIII в. Духовная и гражданская власти впервые получили теперь возможность дѣлать прямыя воззванія къ раскольникамъ съ приглашеніемъ ихъ для разъясненія всѣхъ ихъ недоумѣній къ открытымъ бесѣдамъ съ православнымъ духовенствомъ безъ всякихъ стѣсненій и страховъ. Явились капитальныя раскольническія произведенія, въ которыхъ расколъ откровенно высказался со всѣхъ болѣе серьезныхъ своихъ сторонъ, каковы сочиненія братьевъ *Денисовыхъ:* «Поморскіе отвѣты», «Исторія о отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ», «Виноградъ Россійскій». Явились и солидныя опроверженія раскола въ «Розыскѣ» св. Дмитрія, въ «Пращицѣ» сильнаго борца противъ раскола Питирима нижегородскаго, который и самъ происходилъ изъ раскольниковъ, и въ «Обличеніи неправды раскольниковъ» Ѳеофилакта Лопатинскаго (изд. 1745 г.).

Расколъ повидимому самъ ослаблялъ себя внутреннимъ раздѣленіемъ; внутри его и поповщинскихъ и безпоповщинскихъ толковъ шли постоянные споры о перекрещиваніи совращенныхъ изъ православія, о пріемѣ бѣглыхъ поповъ, о бракѣ, объ отношеніи къ правительству и молитвѣ за царя, о титлѣ на крестѣ и т. д.; всѣ эти споры вели къ новому дробленію раскола на толки. Но такое раздѣленіе нисколько не ослабляло самой вражды раскола къ господствующей церкви; всякій, и старый и новый толкъ относился къ ней съ одинаковымъ фанатизмомъ. Не довольствуясь одними бѣглыми попами, поповщина старалась завести у себя свою собственную іерархію и дѣлала нѣсколько попытокъ сманить къ себѣ какого-нибудь архіерея, хоть изъ-за границы, изъ Молдавіи или Греціи. Слѣдствіемъ этихъ попытокъ было появленіе въ ея средѣ нѣсколькихъ архіереевъ самозванцевъ. Дробленіе на толки продолжалось въ расколѣ и во вторую половину XVIII в., особенно изъ-за вопро-

совъ о пріемѣ бѣглыхъ поповъ, о мѵровареніи, бракѣ и отношеніяхъ къ верховной власти.

Екатерина II относилась къ раскольникамъ съ тою же вѣротерпимостью, какъ и ко всѣмъ вообще вѣроисповѣданіямъ въ имперіи; раскольниковъ, бѣжавшихъ за границу, она снова пригласила въ Россію и отвела для ихъ поселенія хорошія земли (въ южномъ краѣ и въ Поволжьѣ), на суевѣрія раскольниковъ смотрѣла сквозь пальцы и старалась ничѣмъ ихъ не тревожить; въ 1783 году свобода вѣры была предоставлена раскольникамъ открыто,—отмѣненъ былъ двойной съ нихъ окладъ, отмѣнены особые ихъ списки и самое названіе «раскольникъ», дозволено избирать ихъ на общественныя должности. Приниженный раньше расколъ замѣтно поднялъ голову. Кромѣ старыхъ его средоточій—Поморья, Стародубья и Керженца, у него образовалось еще новое средоточіе на Иргизѣ съ богатыми скитами, въ которыхъ были не только часовни, но и церкви. Образовались большія раскольническія общины въ самой Москвѣ,—поповщинская—Рогожское кладбище и безпоповщинскія—Преображенское кладбище Ѳедосѣевцевъ и Покровская часовня поморцевъ. Въ царствованіе Александра I расколъ сдѣлался еще сильнѣе и смѣлѣе. Московскія общины достигли въ это время замѣчательно цвѣтущаго состоянія и полной независимости отъ полицейскаго вмѣшательства; около нихъ, какъ бы волшебствомъ, возникли цѣлыя улицы и кварталы, фабрики и другія промышленныя заведенія, всѣ наполненныя раскольниками и бѣглыми; Рогожское кладбище поставляло отъ себя бѣглое священство на всю Россію. Въ 1822 г. государь дозволилъ поповцамъ открыто держать бѣглыхъ поповъ и содержать часовни и церкви,—не строить ихъ только вновь. Надзору полиціи съ 1820 г. поручены были только безпоповцы (Ѳедосѣевцы), между которыми обнаружены были явленія разврата и дѣтоубійства; кромѣ того, ихъ снова не велѣно было выбирать на общественныя должности. Но снисходительное отношеніе къ расколу имѣло и добрые плоды,—оно послужило сильнымъ побужденіемъ къ появленію въ раскольнической средѣ первыхъ начатковъ примиренія съ православною церковью въ формѣ *единовѣрія*, начавшагося въ концѣ XVIII в. въ Стародубьѣ и на Иргизѣ. Главными дѣятелями при введеніи единовѣрія были стародубскій монахъ *Никодимъ*, иргизскій *Сергій*, протоіерей охтенской церкви въ Петербургѣ *Андрей Журавлевъ* (изъ рас-

кольниковъ) и митрополиты Гавріилъ и Платонъ; послѣдній написалъ и самыя правила единовѣрія, утвержденныя въ 1800 г. Св. Синодомъ. При Александрѣ единовѣрцамъ дана была даже особая типографія для печатанія богослужебныхъ книгъ въ старинномъ видѣ какъ для себя, такъ и для раскольниковъ.

Новыя строгости противъ раскола начались при импер. Николаѣ. Раскольники опять были лишены правъ на общественныя должности и на запись въ гильдіи; общества ихъ признаны незаконными; крещеніе и браки между раскольниками признавались только тогда, когда были совершаемы въ православныхъ церквахъ; запрещено строить и починивать ихъ молитвенныя зданія; публичное оказательство раскола и его пропаганда воспрещены безусловно. Въ 1842 г. Св. Синодъ распредѣлилъ всѣ раскольническія и др. секты на 3 разряда, съ которыми и сообразовались потомъ всѣ гражданскія противъ нихъ мѣры: 1) секты вреднѣйшія: іудействующіе, молокане, духоборцы, хлысты, скопцы и безпоповцы, отвергающіе молитву за царя и бракъ; 2) вредныя—тѣ изъ безпоповщинскихъ, которыя допускаютъ бракъ и молитву за царя; 3) менѣе вредныя—поповщинскія. Въ такомъ положеніи расколъ оставался почти до послѣднихъ снисходительныхъ къ нему постановленій 1864, 1874 и 3 мая 1883 гг., предоставившихъ раскольникамъ полныя гражданскія права и свободу вѣры только съ небольшими, самыми необходимыми ограниченіями. Православной церкви предоставлено дѣйствовать противъ раскольниковъ только духовными средствами,—полемикой, развитіемъ противораскольническаго миссіонерства, и публичными собесѣдованіями, открывшимися съ 1870-хъ годовъ.

Изъ событій во внутренней жизни раскола замѣчательно возникновеніе у поповцевъ, такъ называемой, Австрійской іерархіи. Послѣ отмѣны прежняго дозволенія раскольникамъ держать бѣглыхъ поповъ раскольническій соборъ въ Москвѣ въ 1832 г. порѣшилъ непремѣнно добыть себѣ особаго архіерея и собралъ на этотъ предметъ богатыя средства. Послѣ многихъ странствій поповщинскіе ходоки въ 1846 г. наконецъ нашли такого архіерея. Это былъ лишенный каѳедры боснійскій митрополитъ *Амвросій*, жившій въ большой нуждѣ въ Константинополѣ. Онъ согласился перейти къ раскольникамъ за 500 червонцевъ годового оклада. Каѳедрой для него назначенъ былъ раскольническій монастырь въ Бѣлой Криницѣ (въ Австрійской

Буковинѣ); его заставили торжественно отречься отъ Никоновскихъ ересей, перемазали и немедленно приставили къ дѣлу хиротоній. Онъ митрополитствовалъ недолго; въ 1848 году австрійское правительство, по представленію Россіи, убрало его изъ Бѣлой Криницы въ заточеніе въ г. Цилль, гдѣ онъ въ 1863 г. и умеръ, присоединясь передъ смертью снова къ православной церкви. Но раскольническая іерархія была уже упрочена,—онъ успѣлъ рукоположить двоихъ архіереевъ—*Кирилла* и *Аркадія Лысаго;* потомъ Кириллъ рукоположилъ *Онуфрія* и *Софронія* и самъ былъ рукоположенъ имп въ митрополита на мѣсто Амвросія, и Аркадій Лысый съ Онуфріемъ рукоположили еще двоихъ архіереевъ *Алипія* и *Аркадія Шапошникова.* Всѣ эти архіереи получили себѣ въ турецкихъ и русскихъ владѣніяхъ епархіи и расплодили свое раскольническое священство повсюду. Россія сначала раздѣлена была на двѣ раскольничьихъ епархіи,—Симбирскую и Владимірскую или Московскую; на первую въ 1849 г. былъ поставленъ нѣкто *Софроній Жировъ*, на вторую въ 1853—*Антоній Шутовъ.* Потомъ, лѣтъ въ 12. открытъ былъ цѣлый десятокъ такихъ русскихъ епархій съ многочисленными паствами. Учрежденіе австрійской іерархіи, какъ и слѣдовало ожидать, повело къ новому раздѣленію въ расколѣ: поповщина раздѣлилась на пріемлющихъ и непріемлющихъ эту іерархію. Затѣмъ первые въ 1860-хъ годахъ въ свою очередь раздѣлились на двѣ же партіи—окружниковъ и противоокружниковъ; поводомъ къ ихъ раздѣленію послужило, такъ называемое, Окружное посланіе ко всѣмъ раскольникамъ, изданное нѣсколькими епископами и раскольническимъ совѣтомъ въ 1862 г. съ цѣлію оправдать украденную у православной церкви іерархію и написанное поэтому въ примирительномъ духѣ въ отношеніи къ православію.

Главною формою примиренія раскола съ православной церковью въ теченіе всего XIX в. оставалось единовѣріе. Въ царствованіе имп. Николая единовѣріе было введено на Иргизѣ (въ 1828 и 1836 гг.,) на Керженцѣ (съ 1849), въ Стародубьѣ (1847—1848 гг.) и въ самой Москвѣ на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ (въ 1854 г.); единовѣрческихъ церквей за это царствованіе было построено до 160 въ разныхъ губерніяхъ. Изъ обращеній въ единовѣріе раскольниковъ за послѣднее время замѣчательны обращенія въ 1865 г. раскольническихъ епископовъ *Онуфрія* браиловскаго, *Пафнутія* коломенскаго, *Сергія* туль-

скаго, въ 1867—*Іустина* тульчинскаго и безпоповца *Павла Прусскаго*, сдѣлавшагося замѣчательнымъ защитникомъ православія и борцомъ противъ раскола.

ГЛАВА IV.

Богослуженіе и жизнь христіанская.

Исправленіе нѣкоторыхъ богослужебныхъ чиновъ и послѣдованій и составленіе новыхъ службъ.—Исправленіе богослужебныхъ книгъ продолжалось и въ Синодальный періодъ, хотя съ меньшей энергіей, чѣмъ въ XVII в. Въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей Св. Синода Регламентомъ было постановлено: а) разсмотрѣть акаѳисты, молебны и службы, составленныя за послѣднее время, особенно въ Малороссіи, непристойныя изъ нихъ запретить, употребить мѣры, чтобы и пристойныя, но ненужныя не вводились въ общій законъ и напрасно совѣсти человѣческой не отягощали; б) разсмотрѣть исторіи святыхъ, нѣтъ ли между ними ложныхъ, въ родѣ житія Ефросинова; в) искоренять обряды и обычаи суевѣрные, въ родѣ празднованія пятницы въ Стародубскомъ полку, гдѣ подъ именемъ пятницы водятъ въ крестномъ ходу простоволосую бабу, и проч. Подобнаго рода исправленія при Петрѣ производились очень энергично, иногда даже не совсѣмъ разборчиво, и возбудили много неудовольствій въ средѣ благочестивыхъ людей, а приверженцамъ старины давали поводъ къ лишнимъ толкамъ о гоненіи на православіе. Но потомъ, особенно со второй половины XVIII столѣтія, въ этомъ важномъ дѣлѣ стали поступать съ бо́льшею осторожностью. Изъ богослужебныхъ чиновъ и послѣдованій были пересмотрѣны и исправлены: Чинъ присоединенія раскольниковъ (въ 1720 г.), Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго (въ 1725 г.), Чинъ принятія иновѣрцевъ и еретиковъ (1743—1744 г.), Послѣдованіе въ недѣлю православія (Гавріиломъ, изд. въ 1761 и 1767 гг.), Чинъ на умовеніе ногъ (1765), Чинъ мироваренія (1767), обѣ Тріоди (игуменомъ Софроніемъ Младеновичемъ, † 1773 г.), Чинъ архіерейскаго исповѣданія и обѣщанія предъ рукоположеніемъ и Чинъ присоединенія иновѣрцевъ (м. Филаретомъ въ 1856 г.). Нѣсколько службъ и акаѳистовъ было составлено вновь, напр.

служба о Полтавской побѣдѣ (Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ въ 1709 г.), Служба Ѳеодоровской иконѣ Богоматери (1777 г.), Чинъ исповѣданія (м. Гавріиломъ 1766 и 1769 гг.), Чинъ исповѣданія отрокомъ (Иннокентіемъ псковскимъ—1769 г.), Служба съ акаѳистомъ Стефану пермскому (1799), акаѳистъ св. Алексію (1802), акаѳисты преп. Сергію и кн. Даніилу (м. Платономъ—1795 г.), Службы Ѳеодосію тотемскому, евангелисту Іоанну, Димитрію Ростовскому (кн. Гагаринымъ—1798 г.), благодарственное молебствіе на 25 декабря (м. Филаретомъ 1814 г.), Служба свв. Кириллу и Меѳодію, св. Владиміру и др. По принятому порядку, во избѣжаніе всякихъ неисправностей въ богослужебныхъ книгахъ, въ книгахъ Св. Писанія и въ Кормчей, всѣ эти книги издаются не иначе, какъ съ разрѣшенія Св. Синода въ синодальныхъ и подвѣдомственныхъ Синоду типографіяхъ,—московской, петербургской и въ лаврскихъ—кіевопечерской и почаевской.

Новые праздники.—Появленіе новыхъ богослужебныхъ произведеній большею частію соотвѣтствовало увеличенію числа праздниковъ въ воспоминаніе новыхъ благодѣяній Божіихъ и въ честь новоявленныхъ русскихъ святыхъ. Къ первому разряду новыхъ праздниковъ относятся: дни побѣдъ русскаго оружія, какъ наприм. побѣды Полтавской и избавленія Россіи отъ нашествія Галловъ 1812 г., дни воспоминаній о прекращеніи моровыхъ язвъ (чумы 1771 г., холеры 1830, 1848, и 1849 гг.), ознаменованные мѣстнымъ празднованіемъ и крестными ходами; ко второму—дни кончины и открытія мощей св. угодниковъ, каковыми за описываемое время были: день памяти св. Димитрія ростовскаго—28 октября—и день открытія мощей 21 сент. (Служба ему написана кіевскимъ митроп. Арсеніемъ Могилянскимъ); 28 янв. память преп. Ѳеодосія тотемскаго († 1568), мощи котораго были открыты нетлѣнными въ 1796 г.; 26 ноября память св. Иннокентія иркутскаго, мощи котораго были открыты и прославлены чудесами еще въ 1764 г., а празднованіе установлено въ 1804 г.; 23 ноября и 7 августа въ честь св. Митрофана воронежскаго, установленные для празднованія по открытіи его мощей въ 1832 г.; 13 августа въ честь св. Тихона воронежскаго, торжественное открытіе мощей котораго совершилось въ 1861 г.; 9 сентября въ честь св. Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа черниговскаго († 1696 г.), открытіе мощей котораго послѣдовало въ 1896 г.; 19 іюля въ честь новоявленнаго угодника преп. Серафима саровскаго († 1833 г.). Къ числу та-

кихъ же новыхъ богослужебныхъ дней относятся: праздникъ перенесенія при Петрѣ Великомъ (30 авг. 1724 г.) мощей св. Александра Невскаго изъ Владиміра въ Александро-Невскую лавру и праздники въ честь славянскихъ первоучителей (11 мая) и св. в. кн. Владиміра (15 іюля).

Наблюденіе за иконописаніемъ.—Со времени Петровской реформы обращалось не мало вниманія на улучшеніе важнѣйшихъ принадлежностей богослуженія,—св. иконъ и церковнаго пѣнія. Для надзора за иконописцами Петръ Великій въ 1707 г. учредилъ цѣлый приказъ, во главѣ котораго былъ поставленъ архитекторъ и иконный мастеръ *Зарудный*. Потомъ цензура иконъ поручена была Св. Синоду. При имп. Елизаветѣ изданъ указъ о заведеніи возможно приличнѣйшихъ иконъ, а также свящ. сосудовъ и облаченій по всѣмъ церквамъ; неискусно написанныя иконы велѣно отбирать; правительство обратило вниманіе на приличное содержаніе иконъ и въ частныхъ домахъ, даже въ крестьянскихъ избахъ, и поручило наблюдать за этимъ духовенству и епархіальной власти. Надъ иконописцами велѣно было поставить изъ лучшихъ мастеровъ смотрителей. Религіозные эстампы дозволено продавать только съ разрѣшенія архіереевъ. Св. Синодъ не разъ выдавалъ распоряженія: отбирать изъ церквей неискусно написанныя иконы, не употреблять въ церквахъ иконъ рѣзныхъ и литыхъ, кромѣ распятій и нѣкоторыхъ лѣпныхъ изображеній на высокихъ мѣстахъ, не изображать на иконахъ, вмѣсто свящ. лицъ, символовъ, не допускать въ иконописные цехи раскольниковъ, не измѣнять въ древнихъ церквахъ иконописи и другихъ предметовъ старины. Печатныя изображенія подчинены надзору духовной цензуры. Въ 1858 г. въ академіи художествъ положено учредить для образованія иконописцевъ особый классъ. Около того же времени у насъ началъ выработываться особый стиль иконописи, представляющій соединеніе иконописи по византійскимъ и древнерусскимъ образцамъ съ пріемами живописи и отличающійся большею правильностью рисунка и колорита.

Распоряженія о церковномъ пѣніи.—Церковное пѣніе стало усовершенствоваться особенно со времени импер. Елизаветы, большой его любительницы, заведшій у себя при дворѣ превосходный хоръ. Но въ XVIII в. его церковному характеру много повредило подраженіе западнымъ образцамъ и свѣтской музыкѣ. До половины XVIII в. въ немъ все еще

сильно было начавшееся при царѣ Алексѣѣ малороссійское вліяніе, которое, не смотря на обиліе въ немъ западныхъ элементовъ, было все-таки еще довольно родное и церковное. Но съ половины XVIII в. придворная капелла попала въ руки разныхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ композиторовъ, которые своими концертами и др. композиціями увлекли и русскихъ регентовъ. Развитію подобнаго вкуса въ церковной музыкѣ особенно много способствовалъ пышный вѣкъ Екатерины, при которой городское богослуженіе повсюду наполнялось чисто свѣтскими оперными мотивами. Въ сельскихъ церквахъ въ богослуженіи замѣчался другой недостатокъ—плохое знаніе и искаженіе причетниками обыкновенныхъ церковныхъ напѣвовъ. Въ 1772 г. Св. Синодъ принялъ мѣры къ огражденію церковнаго пѣнія отъ дальнѣйшей порчи,—издалъ въ печати первыя нотныя книги,—азбуку, праздники и обиходъ, а въ 1798 г. ирмолой. При имп. Павлѣ, вмѣсто концертовъ, велѣно было пѣть въ церквахъ псалмы. Съ 1804 г. епархіальныя начальства для обученія церковниковъ правильному пѣнію вызывали ихъ, по желанію государя Александра I, по-очереди въ свои епархіальные города. Св. Синодъ съ своей стороны распорядился, чтобы богослуженіе въ церквахъ отправлялось по напѣвамъ печатныхъ нотныхъ книгъ, и сдѣлалъ изученіе нотнаго пѣнія обязательнымъ предметомъ въ духовныхъ училищахъ. Въ 1815 году рукописныя ноты разныхъ непризванныхъ композиторовъ были запрещены, а велѣно пѣть только по печатнымъ нотамъ, одобреннымъ директоромъ придворной пѣвческой капеллы. Концертный періодъ церковной музыки все-таки продолжался и послѣ этого до царствованія Николая I-го, при которомъ концерты были вовсе запрещены. Въ 1846 году вышли распоряженія—для сохраненія древнихъ напѣвовъ переложить ихъ на ноты директору капеллы, а для обученія регентовъ для архіерейскихъ хоровъ вызывать въ капеллу лучшихъ изъ этихъ хоровъ пѣвчихъ. Изъ русскихъ духовныхъ композиторовъ лучшими были: *М. Березовскій* († 1777 г.), который первый началъ исправлять искаженія, введенныя въ церковное пѣніе разными Галуппи, Сарти и др. иностранцами, и оставилъ послѣ себя полную литургію, много причастныхъ и концертовъ, отличающихся бо́льшею простотою и согласіемъ музыки съ текстомъ; *А. Ведель* († 1806 г.), писавшій въ умилительномъ духѣ (извѣстное: «Покаянія отверзи ми двери», его произведеніе); *Д. Бортнянскій* († 1825) и протоіерей *П. Тур-*

*чанинов*ъ († 1856), произведенія которыхъ и доселѣ въ большомъ употребленіи; управлявшій придворной капеллой *А. Львов*ъ († 1871), извѣстный переложеніями церковныхъ напѣвовъ на 4 голоса. Но и эти русскіе композиторы не могли совершенно отдѣлаться отъ многихъ чуждыхъ православной церкви пріемовъ, на которыхъ были воспитаны, не исключая Львова, который работалъ по правительственному порученію и которому прямо было поставлено задачей очистить церковное пѣніе отъ всего иноземнаго. Любители церковнаго пѣнія безусловно предпочитаютъ ихъ церковной музыкѣ старинные церковные мотивы, сохраняющіеся особенно въ нашихъ древнихъ обителяхъ. Въ видахъ усовершенствованія церковнаго пѣнія въ 1886 г. Св. Синодъ открылъ въ Москвѣ спеціальное училище церковнаго пѣнія для образованія опытныхъ учителей этого пѣнія въ школы и регентовъ для церковныхъ хоровъ. Въ тѣхъ же видахъ школы снабжаются изданными въ синодальныхъ типографіяхъ церковно-богослужебными нотными книгами квадратной нотаціи и руководствами къ пѣнію по квадратной нотѣ. Въ послѣднее время на изученіе церковнаго пѣнія обращено особенное вниманіе во всѣхъ духовныхъ и церковно-приходскихъ школахъ.

Болѣе замѣчательные храмы.—Богатъ синодальный періодъ и произведеніями церковнаго зодчества. На этомъ искусствѣ долгое время тоже замѣтно отражались разныя иноземныя западныя вліянія. Въ устройствѣ русскихъ храмовъ XVIII и начала XIX столѣтій видимъ и протестантскіе шпицы, и подражанія католическимъ куполамъ, даже цѣлому собору апост. Петра въ Римѣ съ его знаменитой коллонадой, и пестрые итальянскіе орнаменты наружныхъ фасадовъ, которыми особенно отличались постройки Растрелли, и подражанія римскимъ базиликамъ съ ихъ фронтами и тремя нефами и т. п. Въ царствованіе Николая I храмовая архитектура снова воротилась къ византійскимъ и древнерусскимъ образцамъ, съ 1841 г. сдѣлавшимся даже обязательными при постройкѣ всѣхъ церквей. Замѣчательные по величинѣ и богатству храмы есть во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи, но особенно извѣстны ими наши столицы,—Петербургъ—соборомъ Петропавловскимъ, который со временъ Петра (строенъ 1711—1733 гг.) служитъ усыпальницей всѣхъ русскихъ государей и лицъ царской фамиліи. соборомъ Исаакіевскимъ, строившимся въ настоящемъ его видѣ 39 лѣтъ (1819—1858) и стоившимъ свыше 23 милліоновъ рублей, Казанскимъ (1800—1811 гг.),

хранящимъ въ себѣ памятники побѣдъ 1812 г.. и соборомъ Александроневской лавры (1778—1790) съ мощами св. Александра Невскаго; Москва—своимъ громаднымъ храмомъ Христа Спасителя, построеннымъ въ память спасенія Россіи въ 1812 г. и соединившимъ въ себѣ работы всѣхъ лучшихъ русскихъ художниковъ послѣдняго времени;—соборъ этотъ въ 1817 г. предпринято было устроить близь Москвы на Воробьевыхъ горахъ, по проекту архитектора Витберга, съ разными таинственно-символическими затѣями въ мистическомъ вкусѣ, но песчаный грунтъ Воробьевыхъ горъ не выдержалъ давленія этой громадной постройки и возведеніе ея остановилось; въ 1837 г. храмъ начатъ на настоящемъ мѣстѣ въ византійскомъ стилѣ, законченъ постройкой и освященъ въ 1883 г. Кромѣ столичныхъ храмовъ, достойны вниманія: соборная церковь Воскресенскаго монастыря (Новаго Іерусалима), возстановленная въ настоящемъ видѣ при имп. Елизаветѣ и Екатеринѣ II; Кіевскія церкви—Св. Андрея Первозваннаго (1747—1761), выстроенная по плану Растрелли и замѣчательная по красотѣ и смѣлости постройки на краю крутой горы, Десятинная (1828—1842) на мѣстѣ старой Десятинной церкви въ древнемъ стилѣ, и новый, богатѣйшій произведеніями искусства соборъ Св. Владиміра, освященный въ 1896 г.; другой соборъ Владиміра въ Херсонесѣ (освящ. 1891) на мѣстѣ крещенія равноапостольнаго князя; соборы въ Варшавѣ (1877), въ Вяткѣ—постройки извѣстнаго Витберга, въ Орлѣ (1794—1841), въ Вильнѣ (возстановленный), Ригѣ (1877—1891), Ревелѣ, Самарѣ, Томскѣ и многіе др.—Общее число церквей въ началѣ синодальнаго періода значительно уменьшилось противъ прежняго времени вслѣдствіе Петровскихъ церковныхъ штатовъ, закрытія множества церквей при домахъ частныхъ лицъ и запрещенія строить и даже починивать церкви безъ особаго разрѣшенія Св. Синода. Въ концѣ Петровскаго царствованія всѣхъ церквей въ имперіи, кромѣ домовыхъ, считалось всего 13,114. Распоряженія Петра о церквахъ оставались дѣйствующими и послѣ него, даже при импер. Елизаветѣ, но съ ея времени число церквей все-таки стало постепенно возрастать. Нѣкоторыя окраинныя мѣстности особенно нуждались въ умноженіи храмовъ и вызывали на этотъ предметъ щедрыя пожертвованія и правительства, и общества. Болѣе значительныя вспоможенія на дѣло возстановленія и строенія церквей были отпускаемы правительствомъ и Св. Синодомъ послѣ пугачев-

скаго раззоренія и особенно послѣ нашествія Французовъ въ 1812 г. Затѣмъ по возсоединеніи уніи правительство щедро помогало пришедшимъ въ жалкое состояніе храмамъ западнаго края, особенно съ 1860-хъ гг., отпуская значительныя суммы, даже въ сотняхъ тысячъ рублей, какъ на ихъ возстановленіе, такъ и на построеніе новыхъ, а изъ разныхъ мѣстностей Россіи, благодаря патріотическому одушевленію общества, эти храмы снабжались денежными и вещевыми пожертвованіями. Такое же усиленное храмоздательное движеніе съ 1840-хъ гг. и особенно въ послѣднія десятилѣтія возникло и продолжается въ Остзейскомъ краѣ. Вмѣстѣ съ разными обществами и частными лицами назидательное участіе въ этомъ христіанскомъ подвигѣ принимали наши царствующія Особы. Въ 1859 г. въ Петербургѣ организовалось особое «Общество вспоможенія бѣднѣйшимъ церквамъ и монастырямъ» подъ покровительствомъ Государыни. Съ 1864 г. важное участіе въ устроеніи благосостоянія церквей получили возникавшія въ разныхъ мѣстахъ церковно-приходскія попечительства, которыя, вмѣстѣ съ многочисленными церковными братствами, вездѣ способствуютъ подъему и оживленію приходской жизни во всѣхъ ея отправленіяхъ. Нельзя не упомянуть и о такихъ явленіяхъ въ современной исторіи церковностроительства, какъ построеніе храмовъ, часовень, иконъ въ память событій, въ которыхъ открывалась милость Божія къ нашему отечеству, въ память освобожденія крестьянъ, спасенія отъ опасности Особы Государя Императора и пр., объ усилившемся въ послѣднее время обычаѣ устроять домовыя церкви въ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ и о начавшихся недавно опытахъ устроенія церквей-школъ.—Церковное хозяйство въ синодальный періодъ получило болѣе опредѣленную организацію чрезъ учрежденіе при Петрѣ В. должности церковныхъ старостъ; учрежденіе это усовершенствовано въ 1808 г., по случаю возбужденія тогда вопроса объ экономическихъ суммахъ церквей и установленія свѣчного сбора, при чемъ для старостъ составлена была подробная инструкція (измѣненная въ 1890 г.). Общее число церквей въ имперіи къ концу столѣтія возросло до 49,000 съ 19000 молитвенными домами и часовнями.

Мѣры относительно усиленія церковнаго благочинія и народной религіозности.—Какъ и прежде, отъ духовнаго и свѣтскаго правительства издавалось много распоряженій для усиленія церковнаго благочинія и на-

родной религіозности. При Петрѣ вышло нѣсколько строгихъ указовъ о томъ, чтобы всѣ православные неопустительно ходили къ богослуженію во всѣ воскресные и праздничные дни, кромѣ больныхъ, подъ опасеніемъ быть въ противномъ случаѣ записанными въ двойной окладъ съ раскольниками, чтобы во время самаго богослуженія вели себя чинно, не разговаривали, не ходили по церкви прикладываться къ иконамъ или мощамъ, не подавали просьбъ властямъ. Съ нарушителей благочинія велѣно брать штрафъ, не выходя изъ церкви, для чего на видныхъ мѣстахъ въ церквахъ повѣшены были штрафные ящики. Распоряженія эти повторены были при импер. Елизаветѣ. При Александрѣ I въ 1804 г. Св. Синодъ, по желанію государя, указалъ духовенству наблюдать всяческую чинность въ богослуженіи, особенно при свадьбахъ и крестныхъ ходахъ, не дозволять міранамъ переходить въ церкви съ мѣста на мѣсто, стоять въ алтарѣ или на солеѣ предъ иконостасомъ и тѣмъ мѣшать священнослужащимъ. Въ 1816 г. Высочайше повелѣно виновныхъ даже въ малѣйшемъ нарушеніи благочинія при богослуженіи, кто бы они ни были, предавать уголовному суду. Постоянно подтверждались правила, запрещавшія нарушеніе святости воскресныхъ и праздничныхъ дней торговлей до окончанія литургіи, разными увеселеніями во время церковныхъ службъ и общественными работами; при импер. Александрѣ I губернскимъ начальствамъ поручено было наблюдать, чтобы помѣщики не заставляли работать въ такіе дни своихъ крѣпостныхъ крестьянъ.—Каждогодное исполненіе христіанскаго долга исповѣди и св. причастія всѣми православными, начиная съ 7-лѣтняго возраста, было постояннымъ требованіемъ правительственныхъ распоряженій; для наблюденія за этимъ при Петрѣ заведены были въ церквахъ исповѣдныя росписи прихожанъ; виновные въ неисполненіи этого священнаго долга до трехъ разъ подвергались штрафу (отмѣненному въ 1801 году), потомъ предавались гражданскому суду и лишались правъ на общественную службу.

Наши царственныя Особы старались сами подавать примѣръ уваженія къ церковнымъ установленіямъ и этимъ много сдерживали развитіе въ высшихъ слояхъ общества разныхъ противоцерковныхъ вѣяній. Самъ Петръ Великій однажды больно поучилъ своей дубинкой В. Н. Татищева, который, воротясь изъ за границы, вздумалъ кощунничать: «Не соблазняй-де вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства, вреднаго

общественному благоустройству; не затѣмъ я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви». Не имѣя возможности съ своимъ войскомъ соблюдать посты, царь, во избѣжаніе соблазна, счелъ нужнымъ выпросить на то разрѣшеніе отъ самого константинопольскаго патріарха. Въ самый разгаръ нѣмецкаго господства въ Россіи импер. Анна оставалась на престолѣ представительницей настоящаго русскаго благочестія, едва ли не такою же, какой была послѣ нея импер. Елизавета; знаменитый московскій Царь-колоколъ остался выразительнымъ памятникомъ этого благочестія Анны Іоанновны. Далѣе, въ разгаръ философскаго вольнодумства XVIII в. имп. Екатерина аккуратно выполняла всѣ обязанности и обычаи православной церкви, хранила посты. говѣла и заставляла такъ же поступать свой дворъ. Въ XIX в. пора перваго юношескаго либерализма образованнаго общества стала проходить и наступило время болѣе благопріятнаго для церкви настроенія. Только кое-гдѣ по барскимъ усадьбамъ доживали свой вѣкъ старые вольтэрьянцы Екатерининскаго времени, наводя своимъ кощунничаньемъ ужасъ на жителей своихъ околодковъ. Благочестивое правительство XIX столѣтія старалось заглаждать вредные слѣды минувшихъ общественныхъ увлеченій. Такъ, при Александрѣ I для скрѣпленія расшатанныхъ въ XVIII в. семейныхъ связей вышли постановленія, стѣснявшія слишкомъ частую практику разводовъ: въ 1805 г. окончательное рѣшеніе бракоразводныхъ дѣлъ предоставлено, вмѣсто епархіальной власти, Св. Синоду; въ 1811 г. въ производствѣ дѣлъ о разводахъ по обвиненію одного изъ супруговъ въ прелюбодѣяніи указано не ограничиваться по прежнему только признаніемъ виновнаго, а брать въ соображеніе и прочія обстоятельства, ведущія къ раскрытію истины, между которыми главное мѣсто заняло показаніе свидѣтелей очевидцевъ преступленія; тогда же въ 1819 г. вышло запрещеніе давать супругамъ акты для раздѣльнаго жительства. Особенно усердной и твердой поддержкой церковнаго авторитета, благочинія и народной религіозности ознаменовались царствованія благочестивыхъ Государей Николая I и Александра III.

Въ массѣ простого народа вѣрность религіознымъ преданіямъ и нравамъ отцовъ и дѣдовъ сохранялась крѣпче и чище. Его религіозная жизнь, и по своимъ достоинствамъ, и по недостаткамъ, мало измѣнилась противъ прежней допетровской жизни. Сообразно съ новыми, болѣе просвѣщенными религіозными по-

нятіями, мѣры духовной и свѣтской власти къ возвышенію народной религіозности и нравовъ болѣе всего направлялись къ смягченію старой обрядовой исключительности народнаго благочестія и истребленію народныхъ суевѣрій. Реформа Петра выступила съ самымъ рѣзкимъ обличеніемъ религіознаго невѣжества народа, который, по выраженію Д. Регламента, не въ состояніи былъ «разсудить между деснымъ и шуимъ». Обличеніями подобнаго рода наполнены и тогдашніе законодательные памятники, и церковная проповѣдь, и литература. Петръ писалъ въ своихъ указахъ, что народъ не знаетъ ни вѣры, ни любви, а о надеждѣ и не слыхивалъ, а всю надежду полагаетъ на пѣніе церковное, постъ, поклоны, строеніе церквей, свѣчи и ладонъ, и неоднократно поручалъ Св. Синоду сочинить краткія книжки и поученія съ изложеніемъ сущности вѣры и съ точнымъ при этомъ различеніемъ существеннаго въ православіи отъ несущественнаго, вѣры отъ обрядовъ, неизмѣннаго отъ измѣняемаго, дабы всѣ знали, что въ каковой силѣ имѣть. Такой цѣли удовлетворялъ по своему букварь Ѳ. Прокоповича, горячо и съ преувеличеніями возставшій противъ казавшагося излишнимъ почитанія церковной внѣшности, и книжку эту въ 1722 г. указано было читать по частямъ въ церквахъ вмѣсто уставныхъ поученій. Духовныя власти (Ѳеодосій Яновскій) издавали распоряженія о свѣчахъ церковныхъ «всуе жегомыхъ», о неупотребленіи св. таинъ «за лекарство аптекарское» и т. п. Самъ Св. Синодъ по Д. Регламенту обязывался слѣдить за подобными предметами и проявленіями обрядовѣрія и издалъ нѣсколько распоряженій и увѣщаній, противъ наприм. часовень, ношенія по домамъ иконъ, противъ дорогихъ церковныхъ колоколовъ, о томъ, что въ богатыхъ ризахъ на иконы, въ дорогихъ подсвѣчникахъ и лампадахъ «славѣ Божіей и благочестію приплода никакого нѣтъ» и т. п. Истребленіе суевѣрій, къ числу которыхъ были относимы и всѣ проявленія обрядоваго благочестія, было, можно сказать, спеціальностью Петровскаго времени и производилось съ необычайной энергіей и вмѣстѣ крайней несдержанностію, производя сильный народный соблазнъ. Царь иногда самъ публично раскрывалъ разные религіозные обманы, обнаруживалъ поддѣлки въ плачущихъ иконахъ, обвинялъ въ религіозныхъ обманахъ духовенство и самихъ архіереевъ, преслѣдовалъ разгласителей чудесъ и пророчествъ, указывалъ доносить объ нихъ даже духовникамъ, если кто признается имъ въ такомъ

грѣхѣ на исповѣди. Всѣ власти и духовенство были призваны къ преслѣдованію юродивыхъ, колдуновъ, кликушъ и всякихъ народныхъ пророковъ. За разглашеніе чудесъ и видѣній назначено тѣлесное наказаніе и ссылка на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей; кликушъ велѣно пытать, пока не сознаются въ обманѣ; колдуны и распространители суевѣрій вредныхъ государству подвергались смертной казни. Послѣ Петра такимъ же преслѣдованіемъ суевѣрій отличалось время Анны Іоанновны; затѣмъ отношенія къ нимъ правительства становятся осторожнѣе и мягче. Указанные недостатки народной религіозности не исчезли и въ философскій вѣкъ Екатерины. Сатирическая литература этого времени, бичуя суевѣріе, рисовала типы разныхъ Ханжихиныхъ, Чудихиныхъ и Суевѣровыхъ изъ жизни не одного только простого народа, но и полуобразованнаго дворянства. Но законодательство прямо высказывалось противъ преслѣдованія суевѣрій суровыми мѣрами. Всѣ виды суевѣрій и даже хуленій противъ вѣры были изъяты изъ вѣдомства духовнаго суда и отнесены къ вѣдомству полиціи и свѣтскаго суда, который ограничивался большею частію только внушеніями виновнымъ, чтобы они не распространяли глупостей и сами не вѣрили въ невозможное. Къ суровому обращенію съ ними судей правительство относилось весьма неодобрительно и строго. Съ духовенства однако не снята была обязанность противодѣйствовать суевѣріямъ. Благочинническая инструкція м. Платона почти дословно повторила о суевѣріяхъ разные пункты Д. Регламента. Духовенству запрещалось служить службы у невѣдомыхъ гробовъ и несвидѣтельствованныхъ чудотворныхъ иконъ, разглашать чудеса, отчитывать бѣсноватыхъ и проч. Предметы суевѣрнаго чествованія старались удалять съ глазъ народа и прятать. Церковная проповѣдь постоянно ратовала противъ суевѣрій. Изъ обличителей ихъ особенно извѣстны: св. Тихонъ, Амвросій Подобѣдовъ, Дамаскинъ нижегородскій и м. Платонъ. Съ царствованія Екатерины и особенно Александра I противъ недостатковъ народной религіозности лучшими мѣрами стали почитаться мѣры просвѣтительныя,—проповѣдь, литература, народныя школы.

Состояніе при Петрѣ I монастырей; Невская лавра.—Православные монастыри продолжали сохранять прежнее значеніе въ религіозной жизни народа, но внѣшнее благосостояніе ихъ послѣ реформы Петра значительно ухудшилось. Прежде всего было сильно сокращено ихъ число. О мѣрахъ къ

уменьшенію монастырей и монашества, какъ извѣстно, издано было нѣсколько постановленій еще на московскихъ соборахъ конца XVII в. При Петрѣ съ его крайнимъ утилитарно-государственнымъ взглядомъ на монаховъ, какъ на людей безполезныхъ, «чуждые труды поядающихъ», мѣры эти доведены были до крайней энергіи. Въ монастырскихъ штатахъ Петра число монашествующихъ было крайне ограничено, постриженіе вновь дозволено только на убылыя (вакантныя) мѣста, и не иначе, какъ послѣ трехлѣтняго искуса; мущинъ дозволено постригать не ранѣе 30, а женщинъ 50—60 лѣтъ. Въ 1723 г. вышелъ было указъ даже вовсе не постригать новыхъ монаховъ, а замѣщать всѣ убылыя мѣста отставными военными чинами, но вскорѣ былъ отмѣненъ, обнаруживъ только одно чрезвычайное стремленіе царя къ умаленію монашескаго чина. Въ тоже время изъ монастырей велѣно было выслать всѣхъ бѣльцовъ и бѣлицъ, кромѣ самаго необходимаго числа состоявшихъ при монастыряхъ для прислуги и на трехлѣтнемъ искусѣ. Новые монастыри дозволялось строить только съ разрѣшенія Св. Синода и государя. Малые монастыри велѣно сводить вмѣстѣ, а церкви ихъ обращать въ приходскія. Многіе монастыри упразднялись тогда и сами собою, вслѣдствіе недостатка средствъ послѣ отобранія ихъ имѣній въ вѣдомство монастырскаго приказа. Для улучшенія внутренней жизни монастырей при Петрѣ замѣчательны распоряженія о закрытіи для монашествующихъ свободнаго выхода изъ монастырей, объ уничтоженіи ихъ бродяжничества и прикрѣпленіи ихъ къ мѣсту, о введеніи въ монастыряхъ строгаго общежитія съ лишеніемъ всѣхъ монашествующихъ правъ частной собственности и права дѣлать духовныя завѣщанія; все, что оставалось послѣ ихъ смерти, должно было поступать въ пользу монастырей, а имущества монашествующихъ церковныхъ властей—въ Св. Синодъ. Въ 1724 г. вышелъ длинный указъ царя подъ названіемъ «Объявленіе» о монашествѣ, въ которомъ былъ подробно выясненъ взглядъ царя на монашество и изложенъ проектъ, какъ бы этотъ чинъ сдѣлать полезнымъ для общества. Простыхъ, неученыхъ монаховъ предполагалось занять при монастыряхъ разными ремеслами и земледѣліемъ, а монахинь женскими рукодѣліями; другихъ, избранныхъ монаховъ готовить къ высшимъ церковнымъ должностямъ посредствомъ ученыхъ занятій, для чего завести при монастыряхъ школы и ученыя братства. Кромѣ того, монастыри предназначались къ благотвори-

тельному служенію; при нихъ велѣно заводить богадѣльни, больницы и воспитательные дома для подкидышей. Со времени Петра въ монастыри постоянно посылались на содержаніе больные и раненые военные чины, даже съ семействами, селившимися въ при монастырскихъ слободахъ, и сумасшедшіе преступники. Обращено вниманіе и на управленіе монастырей. Настоятели давали присягу не держать въ монастыряхъ затворниковъ и ханжей и не распложать суевѣрій; на мѣста настоятелей положено назначать людей только извѣстныхъ правительству, преимущественно изъ Александроневскаго монастыря, который съ самаго основанія (1712 г.) предназначался къ тому, чтобы быть образцомъ для другихъ монастырей и разсадникомъ церковныхъ властей. Петръ былъ къ нему очень внимателенъ и щедро его обогатилъ. Монастырь дѣйствительно исполнялъ такое назначеніе. Еще съ 1721 г. при немъ была большая дух. школа. При Екатеринѣ II онъ былъ богато обстроенъ, а въ 1797 г. возведенъ на степень лавры. Въ XIX столѣтіи при немъ устроены дух. академія, семинарія, дух. училище и комитетъ духовной цензуры.

Послѣдующія распоряженія о монашествѣ; монастыри штатные и заштатные.—Крутыя распоряженія Петра о монашествѣ вызвали сильное неудовольствіе среди монаховъ. Изъ монастырскихъ стѣнъ выходили разныя противоправительственныя письма, вслѣдствіе чего Петръ нѣсколько разъ выдавалъ указы, запрещавшіе монахамъ держать по кельямъ бумагу и чернила и писать что-нибудь безъ вѣдома настоятелей. Послѣ его смерти дѣйствіе его законовъ о монашествѣ на нѣкоторое время ослабѣло; но при импер. Аннѣ они снова вошли въ силу и въ своемъ примѣненіи къ жизни доведены были даже до крайности. Въ 1732 г. произведена была общая перепись всѣхъ монастырей, открывшая въ нихъ множество уклоненій отъ законовъ, особенно относительно постриженія;—всѣхъ незаконно постриженныхъ велѣно было немедленно разстричь. Въ 1734 г. вышелъ суровый указъ никого не постригать вновь, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ. Кромѣ того, монашество подвергалось тогда опустошительнымъ разборамъ по политическимъ розыскамъ. Въ 1740 г. дѣло дошло до того, что Св. Синодъ рѣшился доложить императрицѣ, что монашеству грозитъ впереди совершенное оскудѣніе, что въ монастыряхъ остались только старики прежняго постриженія, уже не способ-

ные ни къ какимъ послушаніямъ и службамъ, а между тѣмъ «чрезъ разные случаи» монашество все еще продолжаетъ умаляться. Императрица разрѣшила постриженіе новыхъ монаховъ даже съ сокращеніемъ срока для искуса до полугода (вм. 3 лѣтъ). Монастыри снова стали оживать уже при имп. Елизаветѣ, оказывавшей имъ большія милости. Она возвратила имъ вотчины и еще болѣе расширила свободу постриженія въ монашество, сначала впрочемъ только для ученыхъ Малороссовъ—кандидатовъ на учительскія мѣста въ дух. школахъ;—въ 1749 г. вышло разрѣшеніе постригать ихъ даже съ 17 лѣтъ и съ дозволенія только мѣстнаго архіерея; подъ конецъ царствованія въ 1761 г. позволено было постригать всѣхъ желающихъ, но съ соблюденіемъ принятыхъ условій относительно лѣтъ постригающихся, свободы состоянія и трехлѣтняго искуса. Послѣ Елизаветы въ правительственныхъ сферахъ опять обнаружилось противомонашеское направленіе. За все время отъ 1700 г. до Екатерининскихъ штатовъ изъ 1200 монастырей прежняго времени было закрыто 175, а вновь открыто только до 47. При учрежденіи штатовъ 1764 г. во всей Россіи считалось 1072 монастыря, изъ которыхъ четвертая часть были женскіе, остальные мужскіе.

По штатамъ 1764 г. изъ 953 великорусскихъ монастырей закрыто болѣе половины,—оставлено было только 224 въ штатѣ и 161 за штатомъ, на собственномъ содержаніи; затѣмъ свыше 40 монастырей закрыто при введеніи штатовъ въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. Къ началу XIX столѣтія всѣхъ, и старыхъ, и вновь открывшихся монастырей было на лицо всего 452. Зданія закрытыхъ обителей обращались въ казармы, госпитали, домы сумасшедшихъ и т. п. Число монашествующихъ тоже уменьшилось; въ 1762 г. всѣхъ монашествующихъ было 12,444, по штатамъ 1764 г. положено быть только 5105, но дѣйствительное число ихъ послѣ штатовъ не доходило и до этой штатной цифры, что зависѣло главнымъ образомъ отъ скудости штатныхъ окладовъ;—монастырямъ было выгоднѣе и даже необходимо имѣть меньше монашествующихъ. Монастырскія зданія, которыхъ въ лучшіе дни монастырей настроено было слишкомъ много, разваливались безъ ремонта, а просить для ремонта пособій было безполезно и даже не безопасно, потому что этимъ можно было накликать нежелательное распоряженіе о совершенномъ закрытіи такого монастыря, который не можетъ обойтись съ помощью однихъ собственныхъ средствъ. Бо́льшей обезпеченностью въ средствахъ

пользовались только монахи ученые, получавшіе особые оклады жалованья по своимъ школьнымъ и начальственнымъ должностямъ и поэтому выдѣлявшіеся изъ среды монашества въ особый привиллегированный классъ. Въ 1766 г. Екатерина возвратила имъ и всѣмъ монашествующимъ властямъ отнятое Петромъ право дѣлать духовныя завѣщанія. Размноженію и возвышенію этого монашества особенно много посодѣйствовалъ м. Платонъ, въ теченіе своего долгаго святительства въ Москвѣ выпустившій изъ своей московской академіи многолюдную дружину ученыхъ монаховъ-Платониковъ изъ самыхъ лучшихъ талантовъ академическаго студенчества. Императоры Павелъ и Александръ I относились къ монашеству благосклоннѣе Екатерины. Первый увеличилъ оклады монастырей вдвое, а для улучшенія содержанія ученыхъ монаховъ дозволилъ, по заслугамъ, причислять ихъ къ соборамъ болѣе богатыхъ монастырей съ правомъ пользоваться долей изъ кружечныхъ доходовъ послѣднихъ. Имп. Александръ питалъ къ монашеской жизни всегдашнее благоговѣніе и рѣдко отказывалъ монастырямъ въ просьбахъ о пособіяхъ; многія обители при немъ успѣли поправиться и обстроиться почти заново. Весьма важное значеніе для матеріальнаго обезпеченія монастырей имѣло упомянутое уже дозволеніе имъ (1805 и 1810 гг.) пріобрѣтать съ Высочайшаго разрѣшенія незаселенныя земли въ собственность. Въ царствованіе Николая I въ 1835 и 1838 г. монастырямъ на содержаніе положено отвести земельные и лѣсные участки отъ 50 до 150 десятинъ изъ казенныхъ земель и дачъ. Вслѣдствіе этихъ отводовъ, а также покупокъ и пожертвованій многіе монастыри успѣли обзавестись довольно значительными земельными владѣніями. Въ 1861 г., при освобожденіи крестьянъ, въ замѣнъ прежней казенной прислуги изъ крестьянъ, монастырямъ ассигновано до 168,200 р. на наемъ прислуги. Въ то же время постепенно учеличивались на содержаніе ихъ штатныя суммы и къ 1890-мъ гг. возрасли до 425,000 руб. Не оскудѣвали и частныя пожертвованія на обители благочестивыхъ лицъ и всего православнаго народа. Въ 1848 г. граф. *Анна Орлова*, извѣстная почитательница Фотія, архим. юрьевскаго, пожертвовала громадную сумму по 5000 р. на 340 монастырей, кромѣ того особо обогащала монастыри Юрьевскій, Соловецкій и Почаевскій. Въ 1859 г., какъ уже сказано, основано было общество для вспоможенія бѣднѣйшимъ церквамъ и монастырямъ.

Возстановленіе болѣе извѣстныхъ монастырей и открытіе новыхъ.—Усиленіе монастырскихъ средствъ и преимущественно благопріятная перемѣна правительственныхъ взглядовъ на монашество послѣ Екатерины II снова оживили развитіе монашеской жизни и способствовали умноженію монастырей и монашествующихъ. При закрытіи монастырей во время введенія монастырскихъ штатовъ значеніе многихъ обителей было оцѣнено весьма недостаточно. Оттого о нѣкоторыхъ обителяхъ, назначенныхъ къ упраздненію и уже упраздненныхъ, возникали сильныя представленія, заставлявшія возстановлять ихъ вновь. Такъ, при введеніи штатовъ въ Малороссіи положено было закрыть даже такой важный историческій монастырь, какъ кіевскій братскій съ академіей,—зданія его положено обратить въ госпиталь, а академію перевести въ лавру; но, по ходатайству м. Самуила, академія оставлена на своемъ мѣстѣ, а въ 1799 г. возстановленъ былъ въ значеніи штатнаго и братскій монастырь. Въ 1764 г. едва не закрылась въ Новгородской епархіи Нилова пустынь (Сорская) и сдѣлана приписной,—въ 1850 г. она опять была возстановлена. Въ 1786 г. въ Черниговской епархіи закрытъ Максаковскій монастырь и обращенъ въ домъ сумасшедшихъ,—въ 1803 г. открытъ снова и переданъ единовѣрцамъ. Въ 1801 г. возстановленъ по просьбѣ вологодскихъ гражданъ Спасо-Каменный монастырь, закрытый въ 1775 году. Въ 1786 г. былъ закрытъ древній (XV в.) монастырь Воронежской епархіи Дивногорскій на мѣловыхъ скалахъ,—возстановленъ въ 1827 г., благодаря уважаемой его святынѣ,—Сицилійской иконѣ Богоматери. Въ 1787 г. кіевскій Межигорскій монастырь обращенъ былъ въ казенную фаянсовую фабрику,—возстановленъ въ недавнее время (1886). Въ томъ же году въ Харьковской епархіи кн. Потемкинъ выпросилъ себѣ для дворца въ подарокъ монастырь Святогорскій съ угодьями, восхитившись мѣстоположеніемъ обители; но смерть князя помѣшала осуществленію этой затѣи, а наслѣдники его отказались отъ этого подарка,—обитель возстановлена однако уже въ 1844 г. Въ 1788 г. было положено закрыть московскій Симоновъ монастырь, состоявшій по штатамъ въ I классѣ,—зданія его предназначались для казармъ; но противъ этого возстали все московское купечество, м. Платонъ и губернаторъ Еропкинъ, указывая на то, что въ этой обители почиваютъ св. мощи и покоятся тѣла многихъ знатныхъ покойниковъ; въ народѣ пошелъ слухъ, что въ монастырскомъ храмѣ по ночамъ виденъ бываетъ таинствен-

ный свѣтъ. На другой годъ монастырь былъ возстановленъ, а казармы переведены на другое мѣсто. Всѣхъ монастырей возстановлено было до конца XVIII в. 29, въ XIX около 65; возстановленіе ихъ въ разныхъ мѣстахъ продолжается и доселѣ.

Основаніе новыхъ монастырей послѣ 1764 г. шло весьма не успѣшно, такъ что до 1800 г. открылось всего до 20 монастырей. Но за то въ XIX столѣтіи ихъ возникло свыше 300; изъ числа ихъ 160 монастырей открыто въ одно десятилѣтіе 1880—1890 годовъ, которое съ этой стороны является единственнымъ на всемъ протяженіи нашей церковной исторіи. За все описываемое время съ 1764 г. и особенно въ послѣднее десятилѣтіе замѣчательно быстрое возрастаніе числа женскихъ обителей и общинъ, преимущественно послѣднихъ. Общины эти, состоящія изъ сестеръ, исполняющихъ монашескія правила, но безъ постриженія, стали образовываться съ изданія штатовъ 1764 года, первоначально изъ тѣхъ послушницъ и бѣлицъ, которыя оставались на произволъ судьбы послѣ закрытія невошедшихъ въ штаты женскихъ обителей и послѣ перевода ихъ монахинь въ штатные монастыри. Эти бѣлицы или оставались жить на прежнемъ мѣстѣ, или селились при разныхъ церквахъ, содержась милостынею отъ окрестныхъ жителей, которымъ съ своей стороны служили уходомъ за больными, обученіемъ дѣтей, добрымъ совѣтомъ, всѣмъ, чѣмъ умѣли. По примѣру этихъ общинъ, въ разныхъ мѣстахъ стали возникать другія съ цѣлію давать пріютъ женщинамъ, посвящающимъ себя Богу безъ постриженія, для служенія ближнимъ при общинныхъ больницахъ, богадѣльняхъ, пріютахъ, училищахъ и проч. Многія общины преобразовывались потомъ въ настоящіе монастыри, но число ихъ постоянно возрастало и возрастаетъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, образовавшіяся въ раскольническихъ мѣстностяхъ или среди инородцевъ и иновѣрцевъ западнаго края, имѣютъ особенно важное значеніе, будучи благотворными источниками просвѣтительнаго и нравственнаго вліянія на обширные округи, каковы наприм. обители Варшавской епархіи Лѣснинская, Вировская, Теолинская и Радочицкая. Въ 1881 г. правительство предоставило открытіе новыхъ обителей и общинъ на разрѣшеніе одного Св. Синода, если при этомъ нѣтъ надобности въ назначеніи казенныхъ окладовъ. Въ 1865 г. постриженіе въ монашество облегчено тѣмъ, что его дозволено совершать съ разрѣшенія епархіальныхъ архіереевъ, а не Св. Синода.

Къ 1900-мъ годамъ всѣхъ обителей состояло до 800 (изъ нихъ до 300 женск.) съ 17,000 монашествующихъ и свыше 30,000 послушниковъ и послушницъ. Многолюднѣйшими обителями являются женскія; на одинъ мужской монастырь среднимъ счетомъ приходится до 14 монаховъ и 11 послушниковъ, тогда какъ на женскій до 30 монахинь и 90 послушницъ. Изъ всѣхъ монастырей 4 носятъ названіе *лавръ*: петербургскій Александроневскій, кіевскій Печерскій, Троицкій Сергіевъ и Успенскій Почаевскій. Семь монастырей, состоящихъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ Св. Синода, называются *ставропигіальными*: Новоспасскій, Симоновъ, Донской и Заиконоспасскій въ Москвѣ, Воскресенскій (Нов. Іерусалимъ), Спасояковлевскій въ Ростовѣ и Соловецкій.

Внутренняя жизнь монашества.—Внѣшняя обстановка монашеской жизни во многомъ имѣла вліяніе и на нравственное состояніе монашества. За всю первую половину XVIII столѣтія оно представляетъ мало утѣшительныхъ явленій и обрисовывается непривлекательными чертами во всѣхъ законодательныхъ и др. оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ памятникахъ того времени. Главными его недостатками выставляются упадокъ въ монастыряхъ не только общежительнаго, но и всякаго порядка, своеволіе и бродяжничество монаховъ, полное отсутствіе религіознаго образованія и господство суевѣрія. Во время разныхъ розысковъ по монастырямъ при Петрѣ, а особенно при Аннѣ Іоанновнѣ тайная канцелярія заставила дорого поплатиться за эти безпорядки и суевѣрія многіе монастыри, даже одинъ изъ лучшихъ—Саровскій, въ которомъ сохранялись и строгое общежитіе, и по крайней мѣрѣ внѣшнее, обрядовое благочестіе. Изъ высокихъ подвижниковъ за это время, кромѣ конечно сокровенныхъ рабовъ Божіихъ, встрѣчаемъ одного іеросхимонаха *Іисуса*, бывшаго сначала священникомъ духовникомъ Петра I, потомъ въ 1708 г. сосланнаго на Соловки и здѣсь постриженнаго; въ 1713 г. онъ основалъ Голгофо-Распятскій скитъ на Анзерскомъ о-вѣ, отличавшійся при его жизни строгимъ подвижничествомъ. Введеніе штатовъ 1764 г. произвело въ монашествѣ сильное потрясеніе и на первыхъ порахъ еще болѣе разстроило его жизнь; никогда еще не было столько бѣгства монаховъ изъ обѣднѣвшихъ монастырей и ихъ бродяжничества, какъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ 1764 г.,—кто искалъ себѣ лучшей жизни по разнымъ монастырямъ, кто удалялся въ лѣсъ для пустыннаго

жительства, а нѣкоторые уходили даже за границу—въ Молдавію или на Аѳонъ. Но когда это движеніе немного поуспокоилось, началось лучшее время для монашества и тѣ же самые штаты 1764 г., которые лишили монашество стараго вотчиннаго богатства и привели было его въ разстройство, стали обращаться ему въ пользу. Св. Синодъ и разные святители, ревновавшіе о благѣ монашества, принялись за устройство монастырей, сообразно новому положенію, чрезъ введеніе въ нихъ общежитія, и за возвышеніе ихъ внутренняго благоустройства. Само монашество, освободившись отъ множества расходовъ на содержаніе лишнихъ обителей и лишнихъ, не призванныхъ къ нему людей, получило возможность употреблять свои средства болѣе полезнымъ образомъ и лучше устроять свое нравственное состояніе. Даже между монахами, удалявшимися въ лѣса, которыхъ считали самовольными, явилось нѣсколько замѣчательныхъ подвижниковъ, бывшихъ потомъ устроителями разныхъ монастырей и оказавшихъ монашеству великія услуги; таковы были подвижники Брянскихъ и Рославльскихъ лѣсовъ конца XVIII и начала XIX вѣка, числомъ до 30 (только извѣстныхъ) иноковъ. Эмигранты на Аѳонъ и въ Молдавію, число которыхъ только въ одной Молдавіи простиралось до 200 человѣкъ, дали тоже не мало наставниковъ иночества русскимъ монастырямъ и между ними такого учителя, какъ *Паисій Величковскій*. Въ русскихъ монастыряхъ увеличилось число истинныхъ подвижниковъ и развилась даже значительная аскетическая литература. Конецъ XVIII и начало XIX столѣтія были поэтому временемъ истиннаго возрожденія и нравственнаго подъема русскаго монашества, съ котораго началась его новая жизнь.

Заслуги для монашества св. Тихона, м. Гавріила и др. архіереевъ.—Изъ русскихъ святителей болѣе другихъ о благоустроеніи монашеской жизни заботились св. Тихонъ и м. Гавріилъ. Св. Тихонъ засталъ монашество своей Воронежской епархіи въ состояніи полнаго разстройства и всѣми мѣрами принялся за его исправленіе: разсылалъ по монастырямъ свои 15 статей увѣщанія къ инокамъ, заставлялъ монаховъ читать Св. Писаніе, при трапезѣ ихъ ввелъ чтеніе чина постриженія и «Зерцала иноческаго житія», предпринималъ мѣры противъ бродяжничества монаховъ, пребыванія ихъ въ мірскихъ домахъ, пьянства и проч. По оставленіи епархіи (1767 г.) въ своемъ задонскомъ уединеніи онъ сдѣлался великимъ учителемъ

иночества. Съ глубокой практической мудростію онъ развилъ идеалъ истиннаго монашества въ своихъ твореніяхъ—«Правилахъ монашескаго житія» и «Наставленіи обратившимся отъ суетнаго міра», а своею жизнію ясно показывалъ возможность самаго осуществленія этого идеала. Все его время, за исключеніемъ 4—5 часовъ тревожнаго отдыха, проходило въ богословскихъ занятіяхъ и молитвѣ, такой сокрушенной и пламенной, что, стоя на ней и обливаясь слезами, онъ не слыхалъ ничего, что около него дѣлалось. Жилъ онъ среди самой простой обстановки, часто занимался тяжелыми работами, не смотря на слабость своихъ силъ, и каждый разъ, вкушая скудную пищу, горько попрекалъ себя лѣностью, тѣмъ, что мало потрудился для св. церкви, хотя не оставлялъ дѣлъ своего пастырства и на покоѣ. Къ разнымъ лицамъ онъ писалъ назидательныя посланія, давалъ спасительныя наставленія многочисленнымъ своимъ посѣтителямъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, особенно любилъ бесѣдовать съ простымъ народомъ, утѣшая его въ тяжкой долѣ и уча не роптать на господъ и начальства, много помогалъ ему деньгами и заступничествомъ предъ помѣщиками, а послѣднихъ назидалъ, внушая имъ чувства любви и милосердія, и мирилъ въ ихъ взаимныхъ ссорахъ. Изъ монастырской слободы въ его келью довѣрчиво собирались дѣти,—онъ училъ ихъ молитвамъ и пріучалъ къ церкви. На благотворенія уходила вся его 400-рублевая пенсія и все, что дарили ему его почитатели.

Другимъ ревнителемъ монашества былъ м. Гавріилъ. Особенно любилъ онъ заниматься устроеніемъ упадавшихъ монастырей и распространеніемъ по монастырямъ общежитія. Онъ былъ въ тѣсномъ общеніи почти со всѣми замѣчательными подвижниками своего времени, ведя съ ними переписку, и по ихъ указаніямъ повсюду отыскивалъ лучшихъ иноковъ для своихъ епархіальныхъ монастырей. Нѣкоторые изъ этихъ монастырей, до него совсѣмъ упадавшіе, дошли при немъ до образцоваго устройства, наприм. Коневскій, въ который онъ нарочито вызвалъ старца *Адріана* († 1812) изъ Брынскихъ лѣсовъ, Тихвинскій при старцѣ *Игнатіѣ* изъ Пѣсношскаго монастыря и особенно Валаамскій, въ который былъ вызванъ въ настоятели опытный въ духовной жизни и прозорливый старецъ *Назарій* изъ Сарова, въ теченіе своего настоятельства (1782—1801) успѣвшій возвысить свою обитель изъ совершеннаго упадка до такого совершенства, что ее ставили выше лучшихъ Аѳонскихъ

обителей († 1809 г. въ Саровѣ). Замѣчательно, что въ настоятели своихъ монастырей м. Гавріилъ не любилъ опредѣлять монаховъ ученыхъ и предпочиталъ имъ простыхъ, но духовно-опытныхъ старцевъ. Когда Саровцы, не желая разстаться съ своимъ Назаріемъ, представляли митрополиту, что Назарій человѣкъ простой, малоумный, онъ отвѣчалъ имъ: «Умниковъ у меня у самого довольно,—пришлите мнѣ вашего глупаго».

Изъ другихъ архіереевъ извѣстны своими попеченіями о монашествѣ *Θеофилъ* (Раевъ) тамбовскій (1788—1811), старавшійся устраивать всѣ монастыри своей епархіи по образцу Саровской пустыни, и *Филаретъ* (Амфитеатровъ), получившій справедливую репутацію монахолюбца. Въ калужской епархіи (1819—1825) онъ особенно возлюбилъ Оптину пустынь (Козельскую), устроилъ при ней скитъ на мѣстѣ уединенныхъ подвиговъ схимника *Іоанникія* († 1815) и вызвалъ въ него дружину отшельниковъ изъ Рославльскихъ лѣсовъ Смоленской епархіи. Объ устройствѣ монастырей онъ неусыпно заботился и въ другихъ епархіяхъ, которыми управлялъ. Въ Кіевѣ среди братіи св. лавры и въ Голосѣевской пустыни онъ чувствовалъ себя, какъ бы въ родной стихіи. Кіевская лавра достигла при немъ высшей степени благоустройства; онъ самъ всталъ въ ряды ея братіи, какъ простой, только старшій братъ, называя себя «непотребнымъ служкою пресвятой Владычицы и св. первоначальниковъ обители сея». Духовнымъ отцемъ и другомъ его въ обители былъ схимонахъ *Паѳеній*, извѣстный подвижникъ, старецъ трудолюбивый, смиренный, всегда молитвенно настроенный, младенчески простой и чистый отъ всего земного. Монахолюбіе его отразилось и на кіевской академіи, которая никогда еще не выпускала изъ своихъ стѣнъ столько монаховъ, какъ при немъ.

Паисій Величковскій и его вліяніе на русское монашество.—Изъ подвижниковъ, съ которыми имѣлъ сношенія м. Гавріилъ, особенно замѣчателенъ молдавскій архимандритъ изъ выселившихся за границу русскихъ иноковъ *Паисій Величковскій* (Велицкій). Онъ былъ сынъ полтавскаго протоіерея (род. 1722 г.), въ молодости немного ($4^1/_2$ года) учился въ кіевскомъ братскомъ училищѣ, но, не кончивъ курса, ушелъ въ монастырь на 17 году возраста. Монашеская жизнь въ малороссійскихъ монастыряхъ и въ лаврѣ, гдѣ онъ одно время жилъ рясофорнымъ монахомъ, неудовлетворила его и въ 1744 году онъ рѣшился отправиться въ Валахію, а отсюда послѣ 3 лѣтъ

жизни въ скитахъ перешелъ на Аѳонъ. Здѣсь онъ подвизался въ отшельничествѣ 7 лѣтъ и сдѣлался даже основателемъ особаго скита съ 64 братіями; здѣсь же въ 1750 г. онъ былъ постриженъ въ монашество. Тѣснота скита и разныя неудобства жизни на Аѳонѣ отъ турецкихъ властей и Грековъ заставили его черезъ 7 лѣтъ разстаться съ Аѳономъ и поселиться въ Драгомирнѣ въ Молдавіи, гдѣ онъ устроилъ большой общежительный монастырь съ 350 человѣкъ братіи. По переходѣ Драгомирны въ 1774 г. во власть Австріи, онъ ушелъ съ братіей въ монастырь Сѣкуль, а черезъ нѣсколько времени въ монастырь Нямецкій. Оба эти монастыря, имѣвшіе до 500 человѣкъ братіи, имъ тоже были прекрасно устроены по общежительному уставу. Онъ скончался въ 1794. Одной изъ отличительныхъ чертъ его устава было широкое развитіе, такъ называемаго, «старчества» и изученія аскетическихъ твореній отцовъ, въ переводѣ которыхъ на славянскій языкъ онъ много потрудился лично. Кромѣ переводовъ, отъ него осталось много оригинальныхъ сочиненій въ формѣ посланій и книга объ умной молитвѣ. М. Гавріилъ въ 1793 г. настоялъ на изданіи въ печати его перевода греческаго аскетическаго сборника «Добротолюбіе». Многочисленные русскіе ученики Паисія перенесли его писанія и духъ его устава вмѣстѣ съ учрежденіемъ старчества въ Россію и тѣмъ много способствовали оживленію и возрожденію русскаго монашества. Болѣе извѣстные изъ этихъ учениковъ были сами настоятелями разныхъ монастырей или жили въ нихъ вліятельными монахами. Таковы наприм. *Ѳеодосій* (Масловъ), архим. Софроніевой пустыни Курской епархіи; *Ѳеофанъ* (Соколовъ), архим. Новоезерскій; *Клеопа*, строитель Введенской Островской пустыни, которые всѣ заботились о введеніи въ своихъ обителяхъ духовнаго подвижничества своего учителя; схимонахъ *Аѳанасій* (Захаровъ), подвизавшійся во Флорищевой и Площанской пустыняхъ († 1823); схимонахъ *Ѳеодоръ*, помогавшій нѣкогда Паисію въ его переводахъ въ Нямецкой обители, въ Россіи жившій въ разныхъ монастыряхъ и вездѣ претерпѣвавшій гоненія за то, что принималъ другихъ монаховъ «на откровеніе помысловъ», т. е. за старчество, которое въ Россіи было неизвѣстно еще тогда даже на Валаамѣ († 1822 г. въ Свирской обители); строитель Бѣлобережской пустыни *Василій* († 1831 г. въ Площанской пустыни) и др. Кромѣ непосредственныхъ учениковъ, у Паисія было много русскихъ учени-

ковъ, которые усвоивали его идеи и аскетическій духъ чрезъ письменныя съ нимъ сношенія. Корреспондентомъ его былъ самъ м. Гавріилъ. Съ особенною полнотою проявился духъ Паисія въ Оптиной пустыни Калужской епархіи.

Оптина пустынь была обителью весьма древней, (XV в.), но въ XVIII в. пришла въ полное запустѣніе и разстройство. Въ 1796 г. на нее обратилъ вниманіе м. Платонъ. Зданія ея, стоявшія много лѣтъ безъ крышъ, пришлось перестраивать заново; при возобновленіи собора изъ иконостаса его вывезли нѣсколько возовъ птичьихъ гнѣздъ и помета. Братіи было 3 монаха и изъ нихъ одинъ слѣпой. Поземельное имущество монастыря расхищено жителями Козельска и сосѣднихъ деревень, которые своевольно пользовались и монастырскимъ лѣсомъ, и полями, и покосами. Послѣ Платона объ этой обители много заботился Ѳеофилактъ (Русановъ) калужскій, но истиннымъ ея благодѣтелемъ былъ Филаретъ, успѣвшій довести ее до цвѣтущаго состоянія, особенно по высотѣ иноческой жизни, въ чемъ помогли ему замѣчательные старцы подвижники, рядъ которыхъ съ того времени не прерывается въ обители и до нашихъ дней. Для возвышенія уровня иноческой жизни Филаретъ вызвалъ въ пустынь Рославльскихъ старцевъ, которыхъ и поселилъ въ основанномъ при обители скитѣ. Но не имъ принадлежала главная честь сообщенія Оптиной обители той славы, которую она получила потомъ во всемъ русскомъ народѣ, а ученикамъ учениковъ знаменитаго велицкаго подвижника съ ихъ подвигами старчества и нравственно просвѣтительнаго служенія народу. Первымъ виновникомъ введенія въ нее этихъ особенностей ея подвижничества былъ іеросхимонахъ *Леонидъ* (Наголкинъ † 1841 г.), ученикъ учениковъ Паисія, Ѳеодора и Клеопы, долго подвизавшійся съ ними въ Бѣлобережской и Валаамской обителяхъ; введеніе старчества и пріемъ мірянъ для духовнаго наставленія стоили ему тяжелой борьбы и многихъ непріятностей и отъ другихъ иноковъ монастыря, и отъ епархіальной власти, подозрительно смотрѣвшихъ на эти еще незнакомыя имъ новшества; его поддержали игуменъ *Моисей* и оба митрополита Филареты. Преемникомъ его по руководству иноковъ и во множествѣ начавшихъ приходить въ обитель мірянъ былъ іеросхимонахъ *Макарій* (Ивановъ), ученикъ схимонаха Аѳанасія (Захарова) и Леонида, съ которымъ онъ жилъ въ Площанской пустыни, мягкій, кроткій и

сердечный старецъ, привлекавшій къ себѣ еще болѣе благоговѣйныхъ посѣтителей, чѣмъ его учитель,—правдивый и нерѣдко строгій Леонидъ († 1860). Наконецъ всѣмъ еще памятна свѣтлая и любящая личность недавно почившаго (1891) третьяго великаго старца Оптиной пустыни, прозорливаго *Амвросія*. Благодаря такимъ старцамъ, пустынь сдѣлалась образцомъ для другихъ монастырей, лучшей школой иноческой жизни и выпустила изъ своихъ стѣнъ и изъ-подъ своего вліянія множество дѣятелей на пользу иночества и всей русской церкви. На ея урокахъ воспитались *Игнатій Брянчаниновъ* епископъ кавказскій († 1867), іеросхимонахъ *Антоній*, духовникъ кіевской лавры, оставившій до 2000 нравоучительныхъ писемъ, ученый *Климентъ Зедергольмъ*, много потрудившійся въ переводахъ для оптинскихъ изданій и составившій біографіи нѣкоторыхъ подвижниковъ новаго времени, *Леонидъ Кавелинъ*, скончавшійся намѣстникомъ Троицкой лавры († 1891), плодовитый писатель, библіографъ, археологъ и историкъ нѣсколькихъ монастырей, и др. По примѣру Паисія Величковскаго и благодаря трудолюбію и духовному образованію своихъ иноковъ, Оптина пустынь развила у себя обширную издательскую дѣятельность и выпустила въ свѣтъ много книгъ, содержащихъ переводы св. отцевъ, оригинальныя аскетическія писанія и историческія сказанія о многихъ русскихъ монастыряхъ и извѣстныхъ подвижникахъ. Замѣчательно, что обычай старчества отъ нея перешелъ и въ нѣкоторые женскіе монастыри; въ началѣ 1840-хъ гг. онъ наприм. введенъ былъ въ Бѣлевскій женскій монастырь (Тульской епархіи) ученицами старца Леонида, настоятельницей *Павлиной*, казначеей *Магдалиной* и старицей *Аѳеіей*.

Въ большей или меньшей степени вліяніе Паисія Величковскаго отразилось и на другихъ монастыряхъ, гдѣ спасались его непосредственные ученики,—въ монастырѣ Новоезерскомъ Кирилловомъ въ архимандритство Ѳеофана (Соколова), въ пустыняхъ Софроніевой, Введенской Островской (Владим. епархіи), Бѣлобережской, Площанской (обѣ Орловск. епархіи), Флорищевой (Владим. епархіи), въ монастырѣ Пѣсношскомъ, откуда при архимандритѣ *Макаріѣ* (1788—1811), ученикѣ Клеопы, вышло 24 настоятеля для разныхъ монастырей, въ обители Валаамской, гдѣ подолгу живали извѣстные вожди старчества, но гдѣ впрочемъ скоро ихъ служеніе народу и самое подвижничество получили нѣсколько иное, сѣверно-практическое направленіе.

Валаамъ, кромѣ строгости иноческой жизни, издавна славился еще трудолюбіемъ братіи, которое побѣдило тамошнюю суровую природу, и благотворительностію; обитель всегда помогала, чѣмъ могла, нищетѣ окрестнаго населенія и давала радушный пріютъ всѣмъ, заносимымъ къ ея острову бурями, безъ различія вѣроисповѣданій и племенного происхожденія.

Саровская пустынь и старецъ Серафимъ; др. монастыри извѣстные подвижниками.—Въ текущемъ столѣтіи не менѣе Оптиной пустыни прославилась подъемомъ нравственной жизни пустынь Саровская (Тамб. епархіи). Жизнь ея началась около 1700 г. съ келейнаго и пещернаго подвижничества нѣсколькихъ отшельниковъ подъ руководствомъ іеросхимонаха *Іоанна* († 1737), но чуть было не замерла среди политическихъ розысковъ 1730-хъ гг., когда и самъ Іоаннъ попалъ въ тайную канцелярію и умеръ въ Петербургѣ; по минованіи тогдашнихъ бѣдъ она ожила снова и при мудрыхъ строителяхъ *Димитріѣ* († 1747), *Ефремѣ* (1758—1778), *Пахоміѣ* (1794) и игуменѣ *Нифонтѣ* (1806—1842) достигла такого цвѣтущаго состоянія, что сдѣлалась разсадникомъ игуменовъ въ другіе монастыри и привлекла къ себѣ благоговѣйное вниманіе всей Россіи. Здѣсь спасались: извѣстный Назарій валаамскій, ученики его: схимникъ *Маркъ* († 1817) и духовникъ обители *Иларіонъ* († 1841), іеромонахи *Питиримъ* († 1789) и *Іоакимъ*, котораго предназначали въ епископы для американской миссіи († 1841) и др., въ болѣе позднее время извѣстный всей Россіи препод. старецъ *Серафимъ*. Онъ былъ сынъ курскаго купца, родился 19 іюля 1759 г., въ Саровѣ поселился съ 1778 г. на 18 году жизни, въ 1786 г. былъ постриженъ, въ 1793 г. посвященъ въ іеромонахи. Въ 1794 г. онъ перешелъ изъ обители въ лѣсную келлію за 5 верстъ для уединенныхъ подвиговъ. Какъ велики были эти подвиги, можно судить потому, что однажды, подобно Симеону столпнику, онъ простоялъ на камнѣ 1000 сутокъ, сходя съ него только для пріема пищи изъ травы и для краткаго отдыха; однажды чуть не до смерти избили его воры, думавшіе найти у него деньги. Потомъ послѣ 17 лѣтъ затвора въ самой обители въ 1825 г. онъ отворилъ келлію и сталъ принимать посѣтителей; ихъ ежедневно собиралось къ нему до 2000—5000 людей всякаго званія. Онъ выходилъ къ нимъ въ своемъ неизмѣнномъ бѣломъ хитонѣ, въ полумантіи, епитрахили и поручахъ и всѣхъ съ одинаковой лаской благословлялъ, поучалъ, утѣшалъ, многихъ

исповѣдовалъ, раздавалъ антидоръ, просфоры, св. воду. Еще въ живыхъ онъ былъ прославленъ властью надъ дикими звѣрями, даромъ прозрѣнія и исцѣленій. Въ 1833 г. праведникъ скончался на 74 году жизни, стоя на колѣнахъ въ своей келліи предъ иконой Богоматери. Въ 1903 г. онъ причисленъ Русскою церковію къ лику святыхъ. Въ половинѣ XVIII в. къ Саровской пустыни была приписана Санаксарская обитель (XVII в.) и вскорѣ послѣ этого начала быстро возстановляться. Устроителемъ ея былъ настоятель *Ѳеодоръ* (Ушаковъ изъ дворянъ), саровскій же старецъ-подвижникъ; введя въ нее строгіе общежительные порядки, онъ сдѣлалъ ее образцовымъ монастыремъ въ Тамбовской епархіи († 1791).

Въ сосѣдствѣ съ Валаамомъ съ 1790 г. процвѣла обитель Коневская, на жизни которой отразилось вліяніе брянскихъ пустынниковъ, вызванныхъ сюда, съ іером. *Адріаномъ* во главѣ, м. Гавріиломъ. Адріанъ завелъ на Коневскомъ островѣ скитское жительство. Въ началѣ XIX в. новый строитель мудрый *Иларіонъ* въ 16 лѣтъ управленія прекрасно обстроилъ монастырь, увеличилъ число братіи, завелъ библіотеку для чтенія инокамъ и далъ братіи добрый уставъ съ правилами какъ для общежительныхъ иноковъ, такъ и для скитниковъ и отшельниковъ; уставъ этотъ былъ принятъ потомъ въ Оптиной пустыни. На Коневцѣ были и лѣсные отшельники,—старцы *Зосима* и *Василискъ*,—послѣдній подвизался подъ конецъ жизни († 1823) въ Сибирскихъ лѣсахъ, и іеромонахъ *Сильвестръ*.—Изъ старцевъ устроителей монастырей и составителей уставовъ достоинъ вниманія игуменъ *Филаретъ* († 1841), ученикъ Василія бѣлобережскаго,—онъ ввелъ строго-общежительный уставъ по правиламъ Аѳона въ Глинской пустыни (Курской епархіи) и составилъ три устава для женскихъ монастырей.

Истинныхъ подвижниковъ довольно было по всѣмъ монастырямъ, такъ что ихъ трудно и перечислить, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣнія объ нихъ далеко еще не собраны и большею частію храняться только въ мѣстныхъ преданіяхъ. Жизнеописаній этихъ рабовъ Божіихъ и особенно благочестивыхъ инокинь издано самое малое количество. Они и сами укрывались отъ славы человѣческой и объявлялись лишь по духовной нуждѣ, для служенія жаждущему ихъ наставленій народу, преимущественно среди наиболѣе посѣщаемыхъ монастырей. Такъ, въ Задонскомъ монастырѣ пользовался такимъ же почтеніемъ, какъ старецъ Серафимъ са-

ровскій, прозорливый затворникъ *Георгій* изъ дворянъ Машуриныхъ (род. 1789 г. † 1836), проведшій въ затворѣ 17 лѣтъ и принимавшій посѣтителей въ своей кельѣ; въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ долгое время подвизался и былъ посѣщаемъ множествомъ народа старецъ *Филаретъ* (въ сх. Ѳеодоръ † 1842); въ Кіево-Печерской лаврѣ извѣстны: инокъ *Досиѳей*, 30 лѣтъ проведшій въ затворѣ († 1778), прозорливый схимонахъ *Михаилъ* († 1815), *Іоасафъ* блюститель пещеръ, въ мірѣ тайный совѣтникъ Масловъ, іеросхимонахъ *Вассіанъ*, котораго въ 1816 г. съ благословѣніемъ посѣтилъ имп. Александръ I, іеросхимонахъ *Парѳеній* и др.; въ Невской лаврѣ—схимникъ *Алексій* при имп. Александрѣ I; въ Кирилловомъ монастырѣ сохранилась благоговѣйная память о подвижничествѣ жившаго здѣсь на покоѣ еписк. *Амвросія*, автора Исторіи Росс. Іерархіи († 1827). По своей истинно монашеской жизни извѣстно немало нашихъ почившихъ архипастырей, каковы наприм. *Іоасафъ Горленко* бѣлогородскій († 1754), *Иннокентій* пензенскій († 1819), *Іона* экзархъ Грузіи († 1849), *Антоній* воронежскій († 1846), кіевскій и московскій Филареты, *Іаковъ* (Вечерковъ) нижегородскій († 1850), *Ѳеофанъ* тамбовскій и владимірскій и мн. др.

Въ 1900 г. въ Кіевѣ скончалась великая княгиня Александра Петровна, въ иночествѣ *Анастасія*, подвигами своими поревновавшая древнимъ св. княгинямъ инокинямъ, основательница Петербургской Покровской общины и (съ 1889 г.) Покровскаго общежительнаго женскаго монастыря въ Кіевѣ съ обширной и образцовой больницей, лечебницей для приходящихъ, съ тремя пріютами для неизлечимо больныхъ, женскою богадѣльнею и церковно-приходскою школою для бѣдныхъ дѣвочекъ. Великая княгиня расходовала на эти учрежденія всѣ свои средства и сама лично служила при монастырской больницѣ, какъ самая ревностная и неутомимая сестра милосердія.

Съ возрожденіемъ монашества во второй половинѣ XVIII в. возродилось и то общественное значеніе, какимъ русскіе монастыри отличались въ древнее цвѣтущее ихъ время. При рѣдкихъ монастыряхъ и общинахъ, развѣ самыхъ бѣдныхъ, не имѣется теперь школы, богадѣльни, странноприимницы, пріюта, больницы и т. п. учрежденій, а при нѣкоторыхъ, болѣе достаточныхъ и обширныхъ, въ родѣ нашихъ знаменитыхъ лавръ, можно найти почти всѣ подобныя учрежденія заразъ. Нѣкоторые пріютили у себя большія учебныя заведенія,—академіи, дух. училища, жен-

скія епархіальныя училища, пріюты со школами, школы ремесленныя, причетническія, пѣвческія, иконописныя мастерскія и проч. Кромѣ того, монастыри наши постоянно и значительно участвовали своими пожертвованіями въ разныхъ государственныхъ, церковныхъ и общественныхъ нуждахъ. Но еще выше, еще благотворнѣе ихъ служеніе духовное, которое неудержимо влечетъ въ лучшія обители, болѣе извѣстныя своими святынями и духовной жизнію иноковъ, десятки тысячъ православнаго люда всѣхъ званій, всякихъ состояній и всякихъ степеней образованія, со всевозможными духовными нуждами, скорбями и болѣзнями. Сколько духовнаго запаса для удовлетворенія своихъ нуждъ и своей духовной нищеты выносятъ отсюда эти десятки тысячъ, сколько духовнаго врачеванія для своихъ скорбей и болѣзней получаютъ они, помолившись въ монастырскомъ храмѣ, среди благолѣпной монастырской службы, или выслушавъ простое, но сильное благодатію слово подвижника старца, или просто только побывавъ среди монастырской обстановки, такъ не похожей на мірскую сутолоку, знаетъ одинъ Богъ; но св. Іоаннъ Златоустъ не напрасно сказалъ, что, пробывъ въ храминѣ, гдѣ варится мyро, нельзя выйти изъ нея не облагоуханнымъ. Съ этой стороны св. обители служатъ великую службу нашему отечеству уже однимъ тѣмъ, что онѣ въ немъ существуютъ. Сѣть ихъ, раскинутая по всей Россіи, по выраженію А. Н. Муравьева, есть своего рода Евангельская мрежа, которой доселѣ совершается въ житейскомъ морѣ таинственная ловитва душъ человѣческихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе въ исторію Русской церкви: христіанство въ Россіи до образованія Русской церкви при святомъ Владимірѣ.

Стран.

Христіанство въ предѣлахъ Россіи до начала Русскаго государства.—Крещеніе великой княгини Ольги.—Обстоятельства крещенія св. Владиміра.—Крещеніе Русскихъ въ Кіевѣ.—Образованіе Русской церкви.—Понятіе о наукѣ исторіи Русской церкви.—Источники науки.—Раздѣленіе русской Церковной исторіи на періоды. . . . . 1—10.

ПЕРІОДЪ I.

Отъ крещенія русскаго народадо нашествія Монголовъ и усиленія сѣверовосточной Руси (989—1237).

Гл. I. **Распространеніе христіанской вѣры.**—Распространеніе христіанства при святомъ Владимірѣ.—Распространеніе вѣры при преемникахъ св. Владиміра въ XI—XII в.—Христіанство у инородцевъ.—Обстоятельства, препятствовавшія и способствовавшія быстрому и мирному распространенію христіанства въ Россіи.—Древне-языческая миѳологія, представленія о душѣ и загробной жизни, праздники и обряды.—Попытки римскаго католичества утвердиться въ Россіи.—Орденъ меченосцевъ.—Распространеніе латинства въ Галицкомъ княжествѣ . . . . . 11— 24.

Гл. II. **Устройство Русской церкви; церковное управленіе.**—Начало Русской митрополіи.—Митрополиты Греки.—Попытки къ избранію митрополитовъ изъ Русскихъ.—Завися-

Стран.

мость кіевскихъ митрополитовъ отъ патріарха.—Взаимныя отношенія между властями церковной и гражданской и значеніе іерархіи въ дѣлахъ гражданскихъ.—Первыя епархіи въ Россіи.—Отношенія епископовъ къ митрополиту, порядокъ ихъ избранія и отношенія ихъ къ своимъ князьямъ.—Законы церковнаго управленія.—Уставы русскихъ князей.—Права, предоставленныя княжескими уставами духовенству въ содержаніи и церковномъ судѣ.—Нисшее духовенство, порядокъ его избранія и средства содержанія. . . . . 24— 39.

Гл. III. **Ученіе и духовное просвѣщеніе.**—Вліяніе вѣры Христовой на пробужденіе и развитіе любви къ ученію.—Ревнители духовнаго просвѣщенія, первыя училища и библіотеки.—Характеръ книгъ, употреблявшихся въ древней Россіи. Переводная письменность.—Русскіе писатели: Лука Жидята и митр. Иларіонъ. — Преподобный Ѳеодосій. — Кириллъ Туровскій.—Іоаннъ II, архіепископъ новгородскій.—Игуменъ Даніилъ.—Писатели въ повѣствовательномъ родѣ . . . . 39— 47.

Гл. IV. **Богослуженіе.**—Общій взглядъ на богослуженіе.—Первые храмы.—Святыни храмовъ—святыя иконы.—Святыя мощи.—Общественное значеніе храмовъ.—Новые русскіе праздники.—Богослужебные уставы, книги и церковное пѣніе.—Богослужебныя особенности Русской церкви и развитіе обрядности въ религіозной жизни.—Споръ о постахъ въ среду и пятокъ . . . . . 47— 55.

Гл. V. **Христіанская жизнь.**—Вліяніе христіанства на перемѣну нравственно-религіозной жизни русскаго народа.—Остатки язычества.—Примѣры благочестія въ жизни русскихъ князей и пастырей церкви.—Монашество.—Преподобные Антоній и Ѳеодосій.—Устройство Кіевопечерскаго монастыря.—Значеніе Кіевской обители.—Другіе замѣчательные монастыри . 55— 68.

ПЕРІОДЪ II.

Отъ нашествія Монголовъ и усиленія сѣверовосточной Руси до раздѣленія Русской митрополіи (1237—1461).

Гл. I. **Бѣдствія церкви и распространеніе вѣры.**—Нашествіе Монголовъ и вліяніе его на образованіе новаго центра церковной жизни.—Отношеніе къ христіанству Монголовъ.—Мученики за вѣру.—Ханскіе ярлыки духовенству.—Распространеніе христіанства среди Татаръ.—Христіанство на сѣверѣ.—Христіанство на сѣверо-востокѣ у Зырянъ; св. Стефанъ Пермскій.—Борьба православія съ католичествомъ на сѣверо-западѣ.—Борьба съ католичествомъ въ княжествѣ Галицко-Волынскомъ.—Православіе и борьба его съ католичествомъ въ Литвѣ.—Успѣхи католичества при Ягеллѣ . . 69— 78.

Стран.

Гл. II. **Церковная іерархія и состояніе духовенства.**—Разстройство въ церковномъ управленіи вслѣдствіе татарскаго нашествія и возстановленіе порядка м. Кирилломъ II.—Митрополитъ Максимъ.—Св. Петръ.—Митрополитъ Ѳеогностъ.—Св. Алексій. Споры о единствѣ митрополіи.—Смуты въ митрополіи по кончинѣ митрополита Алексія. Митрополитъ Кипріанъ и его заслуги.—Митрополитъ Фотій.—Григорій Цамблакъ.—Митрополитъ Исидоръ.—Св. Іона.—Раздѣленіе митрополіи.—Государственное значеніе митрополитовъ.—Церковная власть и права митрополита.—Епархіи и епархіальное управленіе.—Новгородскіе владыки.—Мѣстное значеніе владыки.—Отношенія владыкъ къ митрополиту.—Бѣлое духовенство . . . . . 78—100.

Гл. III. **Богослуженіе.**—Разстройство богослужебнаго порядка и заботы о возстановленіи его.—Опредѣленія соборовъ Владимірскаго 1274 г. и Константинопольскаго 1276 г. относительно богослуженія.—Дѣятельность митрополита Кипріана по упорядоченію богослуженія.—Строеніе храмовъ и ихъ значеніе.—Святыя иконы.—Новые праздники.—Противодѣйствіе обрядовому благочестію. Ересь Стригольниковъ . . . 101—108.

Гл. IV. **Христіанская жизнь.**—Вліяніе времени на развитіе добрыхъ и худыхъ качествъ въ жизни русскаго народа.—Примѣры благочестія многихъ русскихъ пастырей и князей.—Монашество. Причины быстраго умноженія монастырей.—Преподобный Сергій.—Значеніе Сергіевой лавры.—Другіе болѣе замѣчательные монастыри и подвижники.—Устройство монастырей. Общежитіе и отшельничество.—Монастырскія вотчины.—Общественное значеніе монастырей.—Особый родъ подвижничества—юродство во Христѣ . . . . . 108—119.

Гл. V. **Состояніе просвѣщенія.**—Неблагопріятныя условія для развитія образованія.—Переводная письменность.—Размноженіе апокрифовъ.—Оригинальная письменность.—Поученія XIII в.—Поученія XIV в.—Поученія XV в.—Поученія и посланія митрополитовъ XV в.—Житія святыхъ.—Путешествія ко святымъ мѣстамъ . . . . . 119—125.

ПЕРІОДЪ III.

Русская церковь, раздѣленная на двѣ митрополіи (1461—1589).

А) Московская митрополія. Общій взглядъ на состояніе Московской митрополіи по отдѣленіи отъ нея юго-западной . . . . . 126.

Гл. I. **Распространеніе вѣры.**—Въ Пермскомъ краѣ. Преподобный Трифонъ Вятскій.—Христіанство на сѣверномъ по-

Стран.

морьѣ.—Въ Казани. Просвѣтительная дѣятельность казанскихъ чудотворцевъ.—Св. Гурій.—Св. Варсонофій и Германъ.—Христіанство въ Астрахани и на Кавказѣ . . . . 126—131.

Гл. II. **Церковное управленіе.**— Отношеніе митрополита къ патріарху и къ московскимъ государямъ.—Митрополиты при Іоаннѣ III и Василіѣ.—Митрополиты въ малолѣтство Грознаго. Митрополитъ Макарій.—Митрополитъ св. Филиппъ II.—Митрополиты при царѣ Ѳеодорѣ.—Епархіи московской митрополіи.—Органы епархіальнаго управленія.—Устройство церковнаго суда.—Состояніе бѣлаго духовенства.—Сборы съ духовенства.—Содержаніе бѣлаго духовенства. Перехожіе и крестцовые попы.—Мѣры къ улучшенію нравовъ бѣлаго духовенства . . . . . 132—146.

Гл. III. **Благочиніе, богослуженіе и христіанская жизнь.**—Нестроенія въ церковномъ богослуженіи.—Испорченность богослужебныхъ книгъ, указанная Максимомъ Грекомъ, и неудовольствія на него.—Опредѣленіе о богослужебныхъ книгахъ собора 1551 г.—Устройство типографіи въ Москвѣ, первая печатная книга и судьба печатниковъ.—Новые храмы.— Судьба мѣстныхъ святынь. Соборы 1547 и 1549 гг.— Новые праздники и обряды.—Святыя иконы. Дѣло Висковатаго.—Обрядовый характеръ благочестія русскихъ людей.— Домострой.—Состояніе монашества.—Преп. Нилъ Сорскій и преп. Іосифъ Волоцкій.—Другіе подвижники и обители XV—XVI в.—Распоряженія правительства о церковныхъ вотчинахъ.—Недостатки монастырской жизни . . . . . 146—166.

Гл. IV. **Ученіе и духовное просвѣщеніе.** — Печальное состояніе просвѣщенія въ XIV в.—Недостатокъ школъ и другихъ просвѣтительныхъ средствъ.—Ересь жидовствующихъ.—Борьба съ ересью архіепископа Геннадія и преподобнаго Іосифа Волоцкаго.—Просвѣтительная дѣятельность св. Геннадія и преп. Іосифа.—Возбужденные ересью вопросы и споръ о нихъ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ.—Отношеніе къ спору іосифлянъ съ бѣлозерцами митрополита Даніила.—Максимъ Грекъ и его просвѣтительная дѣятельность.—Участіе Максима въ спорѣ іосифлянъ съ ихъ противниками.—Судьба Максима.—Труды митрополита Макарія.—Ереси Бакшина и Косого.—Зиновій Отенскій.— Отношенія православныхъ къ протестантству и католичеству . . . . . 166—188.

Б) Кіевская митрополія до присоединенія Малороссіи къ Москвѣ.

Общій обзоръ состоянія православія въ Литвѣ.—Положеніе Кіевской митрополіи по отдѣленіи ея отъ Московской.— Отношеніе митрополитовъ къ константинопольскому патріарху и внутреннее управленіе митрополіи.—Участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ.—Состояніе православія при Александрѣ и Сигизмундѣ I.—Виленскій соборъ 1509 г.—Состояніе церкви при Сигизмундѣ II.—Распространеніе въ Польшѣ и Литвѣ протестантства, появленіе и дѣятельность іезуитовъ.—Виленская іезуитская академія.—Развитіе іезуитами

Стран.

мысли объ уніи съ Римской церковью.—Усиленіе католическаго вліянія на высшіе классы при Стефанѣ Баторіѣ и Сигизмундѣ III.—Борцы за православіе.—Братства.—Пріѣздъ патріарха Іереміи и положеніе въ это время церкви.—Подготовка и главные дѣятели уніи . . . . . 188—204.

Введеніе уніи на Брестскомъ соборѣ. — Усилія іезуитовъ и польскаго правительства къ распространенію уніи.—Орденъ Василіанъ. — Противодѣйствіе уніи со стороны православныхъ.—Братскія школы и вышедшіе изъ нихъ защитники православія.—Возстановленіе православной іерархіи патріархомъ Ѳеофаномъ.—Митрополитъ Іовъ Борецкій.—Митрополитъ Исаія Копинскій. — Петръ Могила.—Преобразованіе Петромъ Могилою Кіевской школы.—Ученые труды Петра Могилы и его коллегіи . . . . . 204—225.

ПЕРІОДЪ IV.

Московское патріаршество (1589—1700).

Гл. I. **Церковное управленіе.** — Исторія учрежденія патріаршества въ Москвѣ.—Права и управленіе патріарха.—Умноженіе епархій и возвышеніе епископскихъ каѳедръ.—Служеніе отечеству въ смутное время патріарха Іова.—Служеніе отечеству патріарха Гермогена.—Заслуги отечеству епархіальныхъ архіереевъ.—Заслуги отечеству русскихъ монастырей и особенно Троицкой лавры.—Патріархъ Филаретъ и его значеніе.— Отношеніе государства къ церкви при патріархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ.—Уложеніе царя Алексѣя.—Монастырскій приказъ.—Никонъ до патріаршества.—Патріаршество Никона и его отношенія къ царю.—Враги Никона.—Событія по удаленіи Никона.—Судъ надъ Никономъ и его заточеніе.—Соборъ 1666 и 1667 гг.—Значеніе и труды патріарховъ послѣ Никона . . . . . 226—270.

Гл. II. **Расширеніе предѣловъ Московскаго патріаршества.**— Внѣшнее расширеніе предѣловъ Русской церкви. — Присоединеніе Малороссіи. — Подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху.—Распространеніе христіанства въ Сибири, прикавказьѣ, въ Казанскомъ краѣ, среди Мордвы.. 270—276.

Гл. III. **Христіанская жизнь и богослуженіе.**—Характеръ времени.—Остатки язычества и суевѣрія.—Развитіе крайне-обрядовой религіозности.—Недостатки въ отправленіи богослуженія и умноженіе ошибокъ въ богослужебныхъ книгахъ.— Исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ до патріарха Никона.—Исправленія при Никонѣ.—Одобреніе Никоновыхъ исправленій соборомъ 1666 года и отдѣленіе раскола отъ церкви.—Раскольническія волненія и мѣры противъ раскола.—Продолженіе обрядовыхъ исправленій послѣ 1667 года. 277—298.

Стран.

Гл. IV. **Духовное просвѣщеніе.**—Состояніе просвѣщенія въ Москвѣ до половины XVII вѣка и заботы о его возвышеніи.—Вызовъ кіевскихъ ученыхъ въ Москву; Ртищевское братство.—Епифаній Славеницкій и Симеонъ Полоцкій.—Сильвестръ Медвѣдевъ и инокъ Евеимій.—Братья Лихуды.—Осужденіе хлѣбопоклонической ереси на соборѣ 1690 года и высылка кіевскихъ ученыхъ изъ Москвы.—Начало московской академіи и состояніе ея при Лихудахъ.—Быстрый упадокъ академіи послѣ высылки Лихудовъ. . . . . 298—313.

ПЕРІОДЪ V.

Сѵнодальный.

Гл. I. **Церковное управленіе.**—Переходное время; мѣстоблюстительство патріаршаго престола.—Отношенія Петра къ великорусскому духовенству; святитель Митрофанъ и другіе іерархи Великоруссы.—Отношенія Петра къ Стефану.—Борьба Стефана противъ увлеченій протестантствомъ; дѣло Тверитинова и Камень Вѣры.—Новые приближенные царя—Ѳеодосій и Ѳеофанъ.—Составленіе Духовнаго Регламента.—Открытіе Святѣйшаго Синода и его составъ.—Положеніе Синода въ общемъ составѣ государственной администраціи.—Права Святѣйшаго Синода въ области церковнаго управленія и его органы.—Перемѣна въ составѣ Синода по смерти Петра.—Святѣйшій Синодъ при Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ и борьба Ѳеофана съ своими врагами.—Кончина Ѳеофана и его значеніе.—Св. Синодъ при импер. Елизаветѣ.—Святѣйшій Синодъ при имп. Екатеринѣ II.—Святѣйшій Синодъ при Александрѣ I.—Св. Синодъ съ царствованія Николая I-го.—Перемѣны въ епархіальномъ управленіи.—Органы епархіальнаго управленія.—Управленіе военнымъ духовенствомъ.—Перемѣны въ содержаніи высшей іерархіи и монастырей.—Протестъ Арсенія Маціевича и его судьба.—Перемѣны въ положеніи бѣлаго духовенства. . . . . 314—363.

Гл. II. **Распространеніе вѣры.**—Обзоръ расширенія предѣловъ Русской церкви.—Крещеніе инородцевъ въ Казанской епархіи и сосѣднихъ мѣстностяхъ.—Крещеніе Калмыковъ и Самоѣдовъ.—Миссіонерство въ Сибири до XIX в.—Макарій Глухаревъ; Алтайская и др. миссіи въ западной Сибири.—Миссіи восточной Сибири.—Миссіонерство въ Китаѣ.—Миссіонерство въ Японіи.—Устройство православнаго миссіонерскаго общества.—Возстановленіе православія на Кавказѣ.—Положеніе церкви въ Грузіи; экзархъ и грузинская контора.—Состояніе православія въ польскихъ областяхъ до Екатерины II.—Исторія возсоединенія уніатовъ до имп. Николая I.—Исторія возсоединенія уніатовъ при

Стран.

Николаѣ I и Александрѣ II.—Успѣхи православія среди католиковъ.—Распространеніе православія среди протестантовъ Западнаго края и за границей. . . . . 363—401.

Гл. III. **Ученіе и духовное просвѣщеніе.**—Устройство Московской академіи по образцу Кіевской.—Покровитель образованія Іовъ новогородскій.—Школы при архіерейскихъ домахъ по Духовному Регламенту.—Обученіе въ архіерейскихъ школахъ и ихъ содержаніе.—Преобразованіе духовныхъ училищъ въ 1808 г.—Дальнѣйшія реформы духовныхъ школъ.—Ученые труды по богословскимъ наукамъ и извѣстнѣйшіе писатели: св. Димитрій ростовскій, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Борьба богословскихъ направленій въ началѣ XVIII в. — Полемика изъ за Камня вѣры и Ѳеофилактъ Лопатинскій.—Исторія исправленія Библіи до изданія 1751 г.—Извѣстнѣйшіе представители богословской науки и проповѣдничества во 2 половинѣ XVIII в.—Извѣстнѣйшіе представители дух. науки и проповѣдничества въ XIX столѣтіи.—Библейское общество и переводъ Библіи на русскій языкъ.—Дальнѣйшая исторія перевода Библіи на русскій языкъ. — Борьба съ вредными для вѣры западными вліяніями: а) съ религіознымъ вольнодумствомъ.—Борьба б) съ масонствомъ и мистицизмомъ.—Состояніе религіознаго образованія народа.—На родное сектантство: хлысты и скопцы.—Духоборцы, молокане и штундисты.—Расколъ старообрядства. 401—455.

Гл. IV. **Богослуженіе и жизнь христіанская.**—Исправленіе нѣкоторыхъ богослужебныхъ чиновъ и послѣдованій и составленіе новыхъ службъ.— Новые праздники.— Наблюденіе за иконописаніемъ.—Распоряженія о церковномъ пѣніи.—Болѣе замѣчательные храмы.— Мѣры относительно усиленія церковнаго благочинія и народной религіозности.—Состояніе при Петрѣ I монастырей; Невская лавра.—Послѣдующія распоряженія о монашествѣ; монастыри штатные и заштатные.—Возстановленіе болѣе извѣстныхъ монастырей и открытіе новыхъ.—Внутренняя жизнь монашества.—Заслуга для монашества св. Тихона, м. Гавріила и др. архіереевъ.—Паисій Величковскій и его вліяніе на русское монашество.—Оптина пустынь.—Саровская пустынь и старецъ Серафимъ; другіе монастыри извѣстные подвижниками . . . . . 455—482.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Страницы:	*Строки:*	*Напечатано:*	*Нужно:*
75	6 снизу	*Мангусъ*	*Мангусъ*
84	3 сверху	1368 г.	1361 г.
90	14 снизу	1433 г.	1432 г.
135	3 сверху	правительствомъ	правительствомъ и
223	2 —	Тератургика	Тератургима
265	4 —	годъ	году
296	8 снизу	выраженіяхъ	возраженіяхъ
300	20 —	*Фольгоберъ*	*Фильгоберъ*
304	14 —	но входилъ	не входилъ
316	2 —	не ободрялъ	не одобрялъ
331	16 сверху	министровъ,	министровъ:
351	21 —	постепенно	постоянно
376	9 —	*Дорожева*	*Доржеева*
440	7 —	1813 г.	съ 1813 г.
457	2 снизу	подраженіе	подражаніе